

Федеральное агентство научных организаций
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Коми региональное отделение Российского исторического общества

В.А. Бердинских, И.В. Бердинских, В.И. Веремьев

**СИСТЕМА СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ 1930–1950-х ГОДОВ**

*История политических репрессий в Евразии:
страны, народы, эпохи*

Вып. 2

*Научный редактор
доктор исторических наук И.Л. Жеребцов*

Сыктывкар 2015

УДК 94 : 325.254.6 : 343.819.7(47+57) "193/195"
ББК 63.3(2)615-4
Б48 Бер

Бердинских В.А., Бердинских И.В., Веремьев В.И.

СИСТЕМА СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ 1930–1950-х ГОДОВ / Науч. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. 244 с. (История политических репрессий в Евразии: страны, народы, эпохи. Вып. 2).
ISBN 978-5-906394-27-9

В монографии впервые в мировой и отечественной литературе дается анализ инфраструктуры системы спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х гг. – уникального явления в мировой истории и пенитенциарной практике. Рассмотрены политико-правовые основы возникновения и развития советской системы спецпоселений в 1930–1940-е гг., «кулацкая ссылка», этнические депортации, особенности структуры управления и надзора в спецпоселениях, экономика системы спецпоселений, предпосылки ликвидации этой системы. Особый интерес представляют поставленные в исследовании проблемы «спецпоселение как среда обитания» и «человек в спецпоселении».

Издание продолжает серию публикаций, начатую Институтом языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в 2013 г. монографией В.И.Меньковского, К.Уль и М.А.Шабасовой «Советский Союз 1930-х гг. в англоязычной историографии», и предназначено как для специалистов-историков, так и для широкого круга читателей, интересующихся советской историей.

УДК 94 : 325.254.6 : 343.819.7(47+57) "193/195"
ББК 63.3(2)615-4

Редакционная коллегия серии:

И.Л. Жеребцов (председатель, Сыктывкар, Россия), М.В. Таскаев (зам. председателя, Сыктывкар, Россия), Н.М. Игнатова (отв. секретарь, Сыктывкар, Россия), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону, Россия), В.И. Меньковский (Минск, Беларусь), М.Б. Рогачев (Сыктывкар, Россия), Т.С. Садыков (Астана, Казахстан), М. Шмигель (Банска Быстрица, Словакия)

Рецензенты

д.и.н., проф. В.М. Кириллов
д.и.н., проф. А.А. Печенкин

Публикуется при поддержке Программы научных исследований УрО РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

ISBN 978-5-906394-27-9

© В.А. Бердинских, 2015
© И.В. Бердинских, 2015
© В.И. Веремьев, 2015
© И.Л. Жеребцов (науч. ред.), 2015
© Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Существовавшая на протяжении почти трех десятилетий советская система спецпоселений – явление уникальное в мировой истории и пенитенциарной практике. В монографии В.А. Бердинских, И.В. Бердинских, В.И. Веремьева «Система спецпоселений в Советском Союзе сталинской эпохи» впервые в мировой и отечественной литературе дается анализ инфраструктуры системы спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х гг.

Сложившийся в СССР в конце 1920-х гг. тоталитарный режим существенно «обогастил» исторический опыт принудительных переселений, породив целую систему «мест обязательного поселения», получившую впоследствии официальное наименование «системы спецссылки (спецпоселений)». В 1930-х – начале 1950-х гг. осуществление массовых депортаций стало в СССР обычным явлением, приобрело отлаженную технологичность и невиданную прежде масштабность, использовалось сталинским руководством страны как один из важных компонентов решения многих задач политического, экономического и социального характера.

Всего за период 1930–1950-х гг. через все формы спецпоселения прошли по усредненным оценкам не менее шести миллионов человек. В 1930-е гг. подавляющее большинство людей, находившихся на спецпоселении, составляли «раскулаченные» крестьяне, потому и спецпоселенческая система зачастую называлась тогда (и нередко называется ныне) «кулацкой ссылкой». Она поглотила примерно 2,5 млн. чел., в число которых, помимо «раскулаченных», входили направленные на спецпоселение «сомнительный элемент» из погранзон, «городской деклассированный элемент» и др. В период 1940-х гг. массовым депортациям с водворением в спецпоселения подверглись около 3,5 млн. чел., среди которых ведущее место по численности занимали «наказанные народы».

Для государства же в макроэкономическом плане депортации были убыточными, поскольку выбивали из жизни или из деятельного цикла миллионы обустроенных трудовых семей, приводили к запустению земель и селений, к утрате трудовых навыков и традиций, к спаду сельскохозяйственного и промышленного производства, а также к затратам на переезд, обустройство на новых местах и т.д. Потери сотен тысяч граждан во время голода и связанные с депортациями иные нарушения демографического развития создали для государства серьезнейшие дополнительные трудности в годы Великой Отечественной войны, в том числе в мобилизационном аспекте. Пространственная же обширность СССР, со своей стороны, лишь усугубляла всю эту нерациональность и усиливала неэффективность принудительного труда депортированных людей.

Монография написана на основе большого количества разнообразных источников. Но особо хочется отметить, что в авторском коллективе наличествует не только «книжное», документальное знание, но и знание «живое», почерпнутое из личного опыта, поскольку один из авторов родился спецпоселенцем.

Отмечу и то, что посвященный спецпоселениям обстоятельнейший труд издается в Республике Коми – регионе, история которого, к сожалению, в середине XX столетия оказалась самым непосредственным образом связана с формированием и развитием системы спецпоселений, с судьбами спецпоселенцев. Ученые Республики Коми длительное время активно исследуют проблемы истории политических репрессий. Важную роль в этом играет Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, осуществивший серию крупных научно-исследовательских, научно-организационных и издательских проектов. Сотрудники ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН в тесном сотрудничестве с Коми республиканским благотворительным общественным фондом памяти жертв массовых политических репрессий «Покаяние» и Сыктывкарским государственным университетом им. Питирима Сорокина регулярно проводит международные, всероссийские и региональные научные конференции и симпозиумы.

Одним из результатов динамично развивающегося межрегионального и международного сотрудничества стала издательская серия «История политических репрессий в Евразии: страны, народы, эпохи», которую Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН начал выпускать в 2013 г. Первой книгой этой серии стала монография В.И. Меньковского, К. Уль и М.А. Шабасовой «Советский Союз 1930-х гг. в англоязычной историографии» (науч. ред. И.Л. Жеребцов).

Участники авторского коллектива монографии «Система спецпоселений в Советском Союзе сталинской эпохи», составляющей второй выпуск этой серии, поддерживают давние научные контакты с учеными ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, неоднократно участвовали в проводившихся институтом различных научных форумах, публиковались в сборниках и издательских сериях; назову, например, изданный отдельной брошюрой к Международному симпозиуму «Роль ГУЛАГа в освоении циркумполярной зоны» (Воркута, 17–19 октября 2013 г.) пленарный доклад В.А. Бердинских «ГУЛАГ в Советском Союзе: идеология и экономика подневольного труда» (серия «Материалы к научным конференциям»). Данная монография является весомым результатом этого плодотворного научного сотрудничества.

*И.Л. Жеребцов,
д.и.н., директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН*

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа представляет собой попытку исследовательского внедрения в одну из самых «закрытых» до недавнего времени зон новейшей отечественной истории – тему широко практиковавшихся в 1930-е – начале 1950-х гг. насильственных переселений больших масс людей и даже целых народов. Речь идет о принудительных депортациях, то есть о таких переселениях, при проведении которых превалировали мотивы карательного характера и которые осуществлялись специальными службами и ведомствами (ОГПУ–НКВД–МВД–МГБ).

Поддающееся большинство людей, подвергавшихся таким депортациям, направлялось на спецпоселения. К середине 1930-х гг. они сформировались в особую систему – со своей нормативной базой, производственно-хозяйственной и социально-бытовой инфраструктурой. Анализ особенностей возникновения и развития этой инфраструктуры на фоне жизни и деятельности миллионов людей, насильственно переселенных из родных мест, как правило, в отдаленные и малообжитые (или необжитые вообще) регионы СССР, ограниченных в гражданских правах и имевших нарицательный статус «спецпереселенцев» («трудпоселенцев» – «спецпоселенцев»), составляет основное содержание настоящего исследования.

Массовые принудительные переселения не являются чем-то исключительным, специфичным только для СССР (или так называемого «социалистического» государственного устройства). Сталинско-советский режим не может претендовать на статус первооткрывателя или монополиста в области депортаций. Но если иметь в виду последовательность и целеустремленность претворения их в жизнь, то здесь советский опыт не знает аналогов в новейшей всемирной истории. Не имеет равных по степени организации, разветвленности, масштабности и советская система спецпоселений. При этом за ее рамками остаются массовые переселения, к которым применимы названия «эвакуация», «решаэвакуация», «репатриация» и др.: хотя в них также присутствовали элементы насилия, но к системе спецпоселений они имели лишь косвенное отношение.

Значительная часть депортированных (помимо спецпереселенцев) наделялась режимным статусом «ссыльнопоселенцев», «ссылных», «высланных» и «административно высланных». Самый жестокий режим и надзор применялись к ссыльнопоселенцам (так называемые «шпионы», «диверсанты», «троцкисты» и прочие «социально опасные элементы»), которые подвергались поражению в гражданских правах. В отличие от них спецпереселенцы формально сохраняли статус полноправных граждан СССР, за исключением права покидать установленное государством место жительства.

Конечно, в реальности, несмотря на некоторые различия в положении отдельных категорий депортированных, объединяло их (в политическом и социально-демографическом плане) гораздо большее, поскольку все они были насильственно выселены, находились в «местах обязательного поселения» под надзором и не могли их покинуть. Однако термины «депортация» и «спецпереселение» все же нельзя считать безусловными синонимами.

Возникновение, формирование и функционирование системы спецпоселений происходили на основе многочисленных и разнообразных нормативных и директивных актов, издававшихся на разных уровнях власти. К ним относятся (по классификации В.А. Бердинских):

- постановления, решения, директивы руководящих органов ВКП(б) – Политбюро ЦК и Центрального комитета компартии, специальных комиссий ЦК ВКП(б), территориальных (республиканских, краевых, областных, окружных) партийных комитетов;
- совместные партийно-правительственные документы – постановления, решения, инструкции СНК СССР и ЦК ВКП(б);
- акты органов государственной власти – постановления ЦИК СССР, ЦИК и СНК СССР (совместные), указы Президиумов Верховных Советов СССР, РСФСР и других союзных республик, постановления Президиумов ЦИК, Верховных Советов СССР и РСФСР;
- документы (постановления, распоряжения) органов государственного управления – правительства (СНК и Совета Министров) СССР, Совета Труда и Оборона (СТО), Государственного Комитета Оборона (ГКО) СССР, совнаркомов (Советов Министров) союзных и автономных республик, исполкомов краевых, областных и окружных советов;

- ведомственные акты – постановления, приказы, распоряжения, директивы, циркуляры ОГПУ, НКВД (МВД), НКГБ (МГБ), Прокуратуры СССР, других союзных и республиканских наркоматов (министерств) и ведомств;

- документы (приказы, директивы и т. п.) ГУЛАГа НКВД (МВД) СССР, а также других административно-силовых структур, непосредственно ведавших «местами обязательного поселения»;

- документы территориальных органов управления спецпоселениями (республиканских, краевых, областных, окружных отделов (отделений), районных и поселковых спецкомендатур) [1].

Хронологические рамки настоящего исследования охватывают двадцать лет: от начала «кулацкой ссылки» (1930 г.) до конца 1940-х гг. Этот период включает в себя этапы организационного становления, структурного развития и стабилизации системы спецпоселений. Начало отсчета (1930 г.) определяется тем, что именно в этом году началось массовое выселение «раскулаченных» крестьян в отдаленные районы страны. Это и породило особый слой сталинско-советского социума – «спецпереселенцев» («трудпоселенцев», «спецпоселенцев», «выселенцев» и т. п.).

В течение 1930-х – начала 1950-х гг. в данном статусе оказались миллионы людей, в том числе и целые народы. Северные и восточные регионы СССР были покрыты густой сетью спецкомендатур (спецпоселков), где содержались депортированные. Внешне спецпоселки практически не отличались от обычных сельских населенных пунктов, однако обитатели спецрезерваций имели значительно меньшую свободу передвижений и трудоустройства, чем «обычные» («свободные») граждане, и находились под постоянным надзором спецорганов (ОГПУ–НКВД–МВД–МГБ). Впоследствии (в начале 1950-х гг.) принципиальных изменений системы спецпоселений (помимо ее номинально-ведомственных переподчинений) не происходило, а затем (с середины 1950-х гг.) наступил период ее распада и ликвидации.

Пространственные рамки исследования ограничиваются территорией СССР – в ее довоенных и послевоенных пределах. Международные аспекты проблемы депортаций в данной работе не рассматриваются.

В сталинско-советский период проблема массовых депортаций и спецпоселений находилась в «запретной зоне» для исторического исследования. Поэтому историографии этой проблемы в СССР периода 1930–1980-х гг. практически не существовало. Исследователи не имели доступа к базам источников, поскольку вся соответствующая документация была строго засекречена. Не допускалась публикация никаких материалов, в которых упоминались бы депортации, спецпоселения и спецпоселенцы. Не издавались не только научные исследования, но и мемуарная, художественная литература, хотя бы косвенно затрагивавшие эту «закрытую» тему. Даже просто упоминание в открытой печати таких терминов, как «кулацкая ссылка», «выселение народов», «спецпоселенческая система» и т. п., категорически запрещалось и каралось. Наряду с ГУЛАГом, не было, пожалуй, другой темы, исследование которой «табуировалось» бы в столь тотальной форме.

В период «оттепели» (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) появились некоторые надежды на изменение ситуации. Однако вскоре стало ясно, что проблема депортаций и спецпоселенчества по-прежнему наглухо закрыта для исторического исследования, и все наложенные прежде «табу» оставались в силе.

Впервые о принудительных переселениях в СССР открыто заговорили за рубежом. Первые специальные издания, постановочные и обобщающие исследования, посвященные этим вопросам, появились в Западной Европе и в США, причем очень рано (в 1950–1960-х гг.). При этом зарубежные исследователи пытались раскрыть эту тему, несмотря на ограниченность имевшейся в их распоряжении источниковедческой базы. Основным источником для них служили воспоминания очевидцев, поскольку среди советских «перемещенных лиц» (бывших военнопленных, «остарбайтеров», «власовцев» и др.), оставшихся после войны на Западе, находились и «бывшие кулаки», и представители депортированных народов, и другие люди, подвергавшиеся в СССР репрессиям, включая водворение в спецссылку.

Сбором соответствующей информации занимались также различные эмигрантские организации и комитеты, причем наибольшую активность в этом деле проявляли представители некоторых национальных диаспор (калмыцкой, латышской и др.). Так, уже в 1956 г. в Стокгольме (Швеция) была опубликована книга находившегося в эмиграции латышского общественного деятеля А. Шилде «По следам депортированных», посвященная судьбам принудительно переселенных советскими властями жителей Латвии [2]. Четверть века спустя, в 1982 г., там же, в Стокгольме, были изданы списки интернированных в предвоенное время (в том числе 14 июня 1941 г.) жителей Латвии («Эти имена обвиняют»). В этом издании впервые приведены наиболее полные сведения о жертвах первой «латвийской» массовой депортации [3].

В 1960 г. в США вышла книга американского историка Р. Конквеста «Советская депортация народов». В этой книге автор основывался на крайне скудных источниках: на советских официальных изданиях (включая сравнения административно-территориальных карт и энциклопедий, материалы переписей 1926, 1939 и 1959 гг., кампании по «разоблачению Шамиля как агента английского империализма» и даже перечни подписных изданий Союзпечати); на показаниях бывших австрийских военнопленных, репатриированных из Казахстана (где они сталкивались со спецпоселенцами, по крайней мере, с чеченцами); на отчете англий-

ских альпинистов об экспедиции 1958 г. в Приэльбрусье (куда уже начали в то время возвращаться депортированные балкарцы); на признаниях советского перебежчика, подполковника Бурлицкого, участника всех операций по этническим депортациям (кроме балкарской); на выдержках из «секретного» доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 г. (в котором, кстати, умалчивалось о депортациях советских немцев и крымских татар) [4] и т.п. Несмотря на это, Р. Конквесту удалось воссоздать достаточно близкую к реальности хронологию и статистику депортаций, а также (хотя и не совсем точную) их географию. Причем все сталинско-советские депортации он рассматривал как естественное продолжение колониальной политики царской России, облегченное компактной конфигурацией и «сухопутностью» («континентальностью») Российской Империи [5].

В 1972 г. вышло первое издание «Атласа русской истории» М. Гильберта, где была представлена и карта обобщенных направлений этнических депортаций в СССР, – более точная, чем у Р. Конквеста, но все еще весьма приблизительная [6].

О «раскулачивании» и об этнических депортациях поведал (в общем контексте темы сталинско-советских репрессий) А.И. Солженицын в своем фундаментальном трехтомном «опыте художественного исследования» – «Архипелаг ГУЛАГ», впервые изданном в Париже в 1973–1975 гг. [7]. В главе второй первой части «Архипелага» («История нашей канализации») автор дал картину депортационных потоков в СССР в период 1918–1956 гг. и впервые ввел в широкий литературно-исследовательский обиход ранее запретный термин «спецпоселенцы». В повествовании А.И. Солженицына присутствовал ряд неточностей и преувеличений, обусловленных как отсутствием документальной базы, так и общей резко обличительно-публицистической антисталинской и антисоветской направленностью этого произведения. Тем не менее «Архипелаг ГУЛАГ», переведенный впоследствии на многие языки, вывел проблему массовых насильственных переселений, практиковавшихся в СССР, на международный уровень, привлек к этой проблеме внимание мировой общественности, вызвал дополнительный интерес к ней в научно-исследовательских кругах.

Из работ, выходящих за рубежом, следует назвать также изданную в 1978 г. на русском (в 1979 г. – на английском) языке в Нью-Йорке (США) книгу бывшего советского гражданина, профессионального историка А. Некрича «Наказанные народы» [8]. Рукопись этой книги была подготовлена автором еще в первой половине 1970-х гг., когда он жил в СССР и, в отличие от Р. Конквеста, имел возможность личного общения с бывшими спецпоселенцами, сбора их устных и письменных свидетельств о периоде пребывания в спецпоселении – от начала и до конца, с момента депортации в 1943–1944 гг. и до освобождения в 1956–1957 гг. Впервые этнические депортации в СССР рассматривались А. Некричем как целостная, малоизученная и, что особенно значимо, научная проблема. Отдельные главы книги посвящены депортациям из Крыма, Калмыкии и Северного Кавказа, пребыванию «наказанных народов» в статусе «спецпоселенцев» и процессу их возвращения (или невозвращения) на покинутые земли.

Фактографической основой для А. Некрича послужили: немногочисленные советские и зарубежные публикации по истории Второй мировой войны (архивные материалы по этой теме в те годы были совершенно недоступны даже для большинства официальных и «особо доверенных» историков-партийцев); работы по истории партийного строительства в национальных окраинах СССР в годы войны и в послевоенное время, содержавшие подчас «крупницы» сведений, ценных для проблематики «наказанных народов»; устные свидетельства представителей самих репрессированных народов.

В качестве «первопроходцев темы» и своих предшественников А. Некрич называет А.Х. Дзукаева, В.И. Филькина и С.Н. Джугурьянца (Чечено-Ингушетия), Х.И. Хутуева (Кабардино-Балкария), Ч.С. Кулаева (Карачаево-Черкесия), Д. – Ц.Д. Нодинаханова и М.Л. Кичинова (Калмыкия), Р.И. Музафарова (Крым). Усилия этих исследований были сосредоточены, как правило, на истории исключительно одного народа или региона, в то время как А. Некрич выдвинул проблематику наказанных народов в целом (включая вопрос о жизни депортированных в спецпоселении), позиционировал ее как самостоятельную исследовательскую задачу и сделал первые, и потому особенно трудные, шаги к ее научному освоению.

Определенный познавательный интерес (несмотря на обилие неточностей и чисто субъективных оценок) имеет вышедший в 1987 г. в Лондоне и составленный узником ГУЛАГа 1939–1961 гг. Ж. Росси (Франция) «Справочник по ГУЛАГу» [9].

В 1960–1970 гг., несмотря на по-прежнему глухое закрытие темы спецпереселений для исследований в СССР, все же в окружавшей эту проблематику «бронне» выявлялись отдельные «слабые места», которые удавалось «пробить» советской исторической науке. Это касалось прежде всего освещения ряда аспектов истории спецпоселенческой системы в виде «кулацкой ссылки» в 1930-е гг.

Большое значение для исследования этой темы имело изучение документов и материалов секретного кремлевского Архива Политбюро ЦК КПСС, в который в первой половине 1960-х гг. была допущена группа исследователей – в связи с подготовкой девятого тома «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» [10]. Изучение так называемых «Особых папок» Политбюро ЦК ВКП(б), а затем и документов ОГПУ–НКВД поз-

волило по-новому оценить роль сталинско-советского партийно-государственного руководства, карательных органов в выработке и проведении «политики ликвидации кулачества как класса», в результате которой миллионы крестьянских хозяйств были разорены, а сотни тысяч людей погибли в безлюдных районах Севера, Сибири, Урала, Казахстана.

Под прикрытием исследования проблемы «коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса» рядом историков в публикациях 1960–1970 гг. были предприняты попытки проследить дальнейшую судьбу «раскулаченных» в местах высылки и в общих чертах обрисовать «кулацкую ссылку», по крайней мере, в период первой половины 1930-х гг. Начало было положено А.П. Финаровым, выступившим в 1961 г. на Всесоюзной конференции по истории советского крестьянства с докладом о судьбе «бывших кулаков» в СССР [11]. Примерно тогда же была опубликована статья сибирского историка В.Т. Шуклецова об экспроприации и «трудовом перевоспитании кулачества» [12]. В 1964 г. увидела свет статья В.А. Сидорова о мероприятиях по «трудовому перевоспитанию бывших кулаков» [13]. В 1972 г. вышла монография Н.А. Ивницкого «Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.)». В книге использованы материалы Архива Политбюро ЦК КПСС, в который автор имел доступ летом 1964 г. [14].

Все эти публикации не ставили под сомнение целесообразность и правомерность «раскулачивания» и депортаций, их авторы не употребляли «подцензурную» терминологию, не прибегали к «нетрадиционной» интерпретации фактов. Важно иное – впервые в отечественной историографии были сделаны шаги в изучении вопроса о дальнейшей судьбе депортированных, пробита брешь (пусть узкая и мало заметная) в «запретной теме» – посредством освещения (хотя бы отчасти) истории спецпоселенчества, опираясь в основном на собранные буквально «по крохам» факты из крайне ограниченного круга доступных тогда документов, выявленных в центральных и территориальных архивах.

Однако отсутствие доступа к массовой источниковедческой базе (и прежде всего к архивам спецслужб) давало о себе знать, и о всестороннем освещении истории той же «кулацкой ссылки» и речи быть не могло. Причем даже «политически выдержанное» освещение проблемы (с насыщенностью «правильными» цитатами, формулировками, оценками типа «трудовое перевоспитание и т. п.») не всегда спасало исследователей от неприятных последствий. Так, в 1975 г. упомянутая монография Н.А. Ивницкого была подвергнута разгромной критике в партийных и специальных периодических изданиях [15], а сам автор едва не лишился работы в академическом Институте истории СССР.

В период «застоя» и негласной реабилитации сталинизма (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг.) в СССР не появилось практически ни одной исследовательской работы, хотя бы косвенно затрагивающей тему политических репрессий, включая «кулацкую ссылку» и этнические депортации.

Первые научные статьи и публикации советских авторов непосредственно по проблематике депортаций и системы спецпоселений появились только в конце 1980-х гг. – во время «перестройки». Среди этих изданий, включая публикации мемуарного характера, в которых освещались вопросы насильственного переселения народов, пребывания их в местах высылки, можно выделить работы Г. Вормсбехера [16], Х. Бокова [17], Х.М. Ибрагимбеяли [18], Е.А. Керсновской [19], А.Н. Кичихина [20], С. Кима [21] и др. Эти публикации, основанные, как правило, на личных воспоминаниях при явном недостатке документальных источников, ценны прежде всего самим фактом их появления в открытой советской печати, что означало прорыв в зону, закрытую прежде для исторического исследования. В этот период сложилась несколько парадоксальная ситуация, при которой снятие запретов на публикацию работ и материалов по теме политических репрессий сочеталось с традиционным недостатком документальной базы, поскольку соответствующие архивные фонды по-прежнему были закрыты для исследователей.

Из работ этого периода (по сравнительно высокой документальной оснащенности) выделяются статьи В.С. Парсадановой (о депортациях населения западных регионов Украины и Белоруссии) [22] и В.А. Исупова (о демографических аспектах новейшей отечественной истории, включая систему спецпоселений) [23]. Важное значение имело издание в 1989 г. сборника «Документы свидетельствуют» [24], посвященного «коллективизации» и «раскулачиванию», в котором четко проявились отход от стереотипов и стремление к коренному переосмыслению этой трагической страницы отечественной истории. Вместе с тем по своему стилю и тональности основная масса публикаций периода «перестройки» (да и более позднего времени) носила, как правило, резко разоблачительный, пафосный характер, не подкрепленный фактологически и документально выверенным содержанием [25].

В потоке публикаций такого рода иногда проходили просто незамеченными более серьезные работы, имевшие прочную документальную базу и содержавшие взвешенные, выверенные оценки. К таким работам, например, относилась монография А.В. Басова, посвященная истории Крыма в годы Великой Отечественной войны [26]. В ней автор затронул, в частности, проблему выселения крымских татар и представителей иных народностей из Крыма. На основе конкретных фактов аргументировано и убедительно в книге доказывается

необоснованность распространения на весь крымско-татарский народ обвинения в коллаборационизме, носившего всего лишь частичный характер.

Почти незамеченной для широкой общественности стала и опубликованная в 1989 г. в журнале «Вопросы истории» статья бывшего директора Центрального государственного архива народного хозяйства СССР (ныне Российский государственный архив экономики) В.В. Цаплина о статистике жертв сталинизма в 1930-е гг. [27]. Однако именно в статье В.В. Цаплина, в отличие от работ А.И. Солженицына и некоторых других литераторов и публицистов, были показаны основанные на архивных документах реальные масштабы репрессий, включая человеческие потери при «раскулачивании» и выселении «раскулаченных» крестьян.

В таком же положении, как и статья В.В. Цаплина, оказалась опубликованная в 1989 г. в СССР книга американского исследователя (в прошлом – советского гражданина) С. Максудова «Потери населения СССР» [28]. Расчеты С. Максудова (в частности, о потерях среди «раскулаченных» крестьян), хотя отнюдь не всегда и не совсем точные, во многих случаях резко отличаются от «статистики» А.И. Солженицына и гораздо более близки к реальной картине. В целом же вплоть до конца 1980-х гг. историография проблематики насильственных переселений и спецпоселенчества в СССР носила преимущественно постановочный характер – из-за отсутствия архивной (и не только архивной) документальной базы.

Ситуация резко изменилась на рубеже 1980-х и 1990-х гг., когда начали появляться публикации результатов работы возглавлявшейся Ю.А. Поляковым Комиссии Отделения истории Академии наук СССР по установлению истинных потерь населения СССР. Членам этой Комиссии был разрешен доступ к хранящимся в спецхране Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР (ныне Государственный архив Российской Федерации) документам Секретариата НКВД–МВД СССР, ГУЛАГа, Отдела спецпоселений НКВД СССР и других ранее строго засекреченных архивных фондов.

Первая публикация появилась в ноябре 1989 г. в еженедельнике «Аргументы и факты» (за подписью члена названной Комиссии В.Н. Земскова) [29]. В ней (со ссылкой на рассекреченные архивные документы) впервые приводилась статистика (численность) всех категорий спецпоселенцев, а также ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных по состоянию на 1 января 1953 г. [30].

В конце 1980-х гг. и в последующее время В.Н. Земсковым и его коллегами была опубликована серия статей и разделов в коллективных трудах, в которых, опираясь почти целиком на выявленный в спецхране ЦГАОР СССР (ГАРФ) уникальный архивный материал, была предпринята попытка раскрыть как историю спецпоселенчества в целом, так и ряда ее аспектов («кулацкая ссылка», спецпоселенцы из Крыма, депортации из Прибалтики и др.) [31]. Завершается эта серия публикаций изданной в 2003 г. основательной монографией В.Н. Земскова «Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960» [32].

В становлении и развитии историографии проблемы депортации народов, других групп населения, их жизни в условиях спецпоселения важную роль сыграли научные разработки Н.Ф. Бугая. Фактографической базой его трудов являются прежде всего уникальные документальные материалы, извлеченные из ранее засекреченных архивных фондов. Первая статья Н.Ф. Бугая по теме спецпереселений вышла в свет в 1989 г. в журнале «История СССР» [33]. В конце 1980-х и на протяжении 1990-х гг. Н.Ф. Бугай опубликовал (преимущественно в академических журналах) серию научных статей, посвященных различным аспектам указанной проблематики [34]. Ряд его статей увидел свет также на страницах общественно-политических журналов и иных подобных изданий [35]. В 1990-х гг. изданы книги Н.Ф. Бугая, в которых освещены как проблематика депортаций в целом, так и отдельных этнических и социальных групп [36]. Кроме того, Н.Ф. Бугаем в соавторстве с Т.М. Броевым и Р.М. Броевым выпущена книга о депортациях курдов [37], с А.М. Гоновым – о депортациях на Кавказе [38], с А.Н. Коцонисом – о выселениях греков [39].

Есть все основания полагать, что на текущий момент Н.Ф. Бугай и В.Н. Земсков являются ведущими фигурами среди исследователей истории депортаций в СССР. Содержание их публикаций во многом перекликается, что, видимо, неизбежно при разработке различных аспектов одной значительной исследовательской проблемы. Вместе с тем у этих авторов наблюдается своеобразное «разделение труда»: в публикациях Н.Ф. Бугая приоритет отдается истории депортаций в целом, в то время как В.Н. Земсков исследует преимущественно проблематику спецпоселенчества.

Появление в конце 1980-х гг. первых публикаций, опиравшихся на документы советских спецслужб, открыло принципиально новый этап в развитии отечественной историографии системы спецпереселений и спецпоселений. Во-первых, данная научная проблематика, до этого находившаяся в тупиковом состоянии, получила мощный импульс для дальнейшей ее разработки. Во-вторых, изучение новых архивных источников вскрыло множество таких аспектов и нюансов, о которых ранее (вследствие засекреченности документов) не было известно ничего (или почти ничего). В-третьих, даже те стороны проблемы, которые прежде не были секретом (в той или иной степени) для исследователей, под воздействием ввода в научный оборот обширного массива архивных документов стали разрабатываться более глубоко и многосторонне. Наконец, освоение нового мощного пласта исторических источников привело не только к радикальному обогащению фактогра-

фической базы, но и в определенных случаях – к серьезной корректировке постановки проблем и переосмыслению многих аспектов изучаемой темы.

С начала 1990-х гг. и до настоящего времени историография спецпереселений пополнилась целым рядом работ, посвященных этническим депортациям и жизни депортированных в «местах ограничения свободы». Это и сборники статей, и монографии, авторами которых являются Г.А. Вольтер [40], Д. Гакаев [41], А.А. Герман [42], А.М. Гонов [43], В.Ф. Дизендорф [44], В.И. Пассат [45], В. Убушаев [46], Д.В. Шабаев [47] и др. Различным аспектам истории депортаций и спецпоселенчества посвящены статьи А.Н. Дугина [48], М.А. Вылцана [49], А.Э. Гурьянова [50], В.А. Иванова [51], А.И. Кокурина [52], А.Н. Коцониса [53], П.М. Поляна [54], Х.П. Стродса (Латвия) [55] и других исследователей. Вышел из печати ряд сборников документов, составителями которых являются С.У. Алиева, В.А. Ауман, Н.Ф. Бугай, О.Л. Милова, В.Г. Чеботарева и др. [56].

Тематика этнических депортаций и спецпоселений активно разрабатывается и в странах СНГ, а также в прибалтийских государствах. Например, только в Латвии в последние годы было издано несколько обстоятельных работ на эту тему [57]. К сожалению, иногда у авторов и составителей таких изданий явственно ощущаются элементы русофобии, что можно объяснить, с одной стороны, болезненным синдромом «постсоветизма», а с другой – не всегда адекватным, взвешенным и толерантным, а иногда и просто конъюнктурным отношением к этим проблемам со стороны некоторых национально-политических элит.

Серьезным историографическим явлением стал выход в свет в 2001 г. монографии П.М. Поляна, посвященной истории и географии принудительных миграций в СССР [58]. Эта работа находится на стыке истории и географии. Автор тщательно распределил все категории депортированных и спецпоселенцев по социальному, этническому, конфессиональному и иным признакам. Все принудительные переселения П.М. Поляна квалифицирует как специфическую форму политических репрессий. Отражены и проанализированы насильственные переселения, имевшие место в XIX – начале XX в. в Российской Империи, а также организованные советским руководством «международные» принудительные миграции второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. При этом оценки автора во многом созвучны с концепцией Р. Конквеста о преемственности политики царской России и СССР в сфере принудительных миграций. Вместе с тем нельзя не отметить некоторую вторичность использованного П.М. Поляном фактографического материала, хотя в книге и публикуется немало вновь открытых документов.

Фундаментальную монографию, посвященную преимущественно политическим, социально-демографическим и (отчасти) юридическим аспектам спецсылки, опубликовал в 2003 г. вятский историк В.А. Бердинских (второе, дополненное издание книги вышло в 2005 г.) [59]. Основным отличием и достоинством этого труда является присутствие в нем обширного документально-справочного и нарративного материала, который составлен в основном из первоисточников, обнаруженных в местных архивохранилищах (в том числе Вятлага НКВД–МВД СССР), а также из воспоминаний и свидетельств очевидцев «кулацкой ссылки» и этнических депортаций в Вятском крае.

В последние полтора десятилетия заметно активизировались научные исследования изначальной формы спецпереселенчества – так называемой «кулацкой ссылки». Здесь выделяются работы Н.А. Ивницкого [60], Т.И. Славко [61] и В.Я. Шашкова [62], подготовленные на основе глубоких и многолетних архивных изысканий, освещающие многие (прежде неизученные или малоизученные) аспекты репрессивного «раскрестьяничания». Представляют интерес также документальные публикации Г.М. Адиебекова и И.Е. Плотникова [63].

Говоря об издании документов и материалов о «кулацкой ссылке», следует отметить, что первые публикации такого формата появились не в «центре», а в регионах (Карелия, Сибирь, Урал, Европейский Север) [64]. Отдельные подборки документов публиковались и в других субъектах Российской Федерации. Особое место среди этих изданий занимает серия документальных сборников «Спецпереселенцы в Западной Сибири», в которых отражена история «кулацкой ссылки» в этом регионе от ее зарождения в 1930 г. до окончательной ликвидации в середине 1950-х гг. [65]. Каждый выпуск серии снабжен написанными В.П. Даниловым и С.А. Красильниковым предисловиями, в которых даны не только характеристики публикуемых документов, но также научный анализ и оценка «кулацкой ссылки» и спецпоселенчества в целом как исторического явления.

Заслуживает большого внимания четвертый том (в двух книгах) Коми республиканского мартиролога жертв массовых политических репрессий «Покаяние», целиком посвященный спецсылке в этом регионе и ее узникам [66]. Предпосланная в качестве введения к первой части тома статья (а по существу монография в 10 печ. л.) составителей сборника Г.Ф. Доброноженко и Л.С. Шабаловой, а также предварительные комментарии Н.М. Игнатовой к каждому разделу второй части тома обстоятельно освещают как историю «раскулачивания» и спецпоселений в Северном крае, так и (что особенно важно) условия жизни и труда спецпереселенцев на протяжении 1930–1950-х гг. В издание органически включены также десятки воспоминаний бывших спецпоселенцев, что делает эту работу одной из наиболее значительных среди ей подобных.

Из публикаций общесоюзного или общероссийского масштаба следует назвать прежде всего документальную серию «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939», вышедшую

в 1999–2001 гг. [67], а также изданный в 2005–2006 гг. в двух книгах сборник «Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940» [68]. Ценные сведения и свидетельства, касающиеся «кулацкой ссылки», имеются в сборниках «Неизвестная Россия. XX век» [69], а также «ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои» [70].

К достоинствам как региональных, так и «центральных» публикаций (при всех их недостатках) можно отнести то обстоятельство, что они ввели в научный оборот большое количество ранее секретных материалов партийных, государственных и ведомственных архивов (документы партийных комитетов всех уровней, наркоматов и министерств, органов внутренних дел и госбезопасности, суда и прокуратуры, письма и жалобы репрессированных и т. д. и т. п.), без чего дальнейшие исследования новейшей отечественной истории были бы просто невозможны.

Проблема депортаций и спецпоселенчества в той или иной мере нашла отражение и в трудах по общей истории ГУЛАГа. Это, прежде всего: изданная в 2004 г. семитомная «История сталинского ГУЛАГа», особенно 4-й ее том («Население ГУЛАГа: численность и условия содержания») [71], монографии Г.М. Ивановой [72], Н.А. Морозова [73], документальные публикации А.Н. Дугина [74] и М.И. Хлусова [75], справочники, составленные М.Б. Смирновым [76], А.И. Кокуриным и Н.В. Петровым [77]. В том же плане представляют интерес работы М.А. Вылцана [78], С.А. Папкова [79], В.П. Попова [80], А.К. Соколова [81], В.Н. Тряхова [82] и др., исследующие историю репрессивной политики в СССР, а также публикации, посвященные переписям спецконтингента НКВД, включая трудпоселенцев, в 1937 и 1939 гг. [83].

В российских публикациях последних лет содержится немалый эмпирический материал, отражающий юридический, этнический, статистический, организационный, народнохозяйственный и многие другие аспекты принудительных переселений. Но, как правило, эти публикации остро нуждаются в дальнейшем археографическом и смысловом комментарии, а также в исторической интерпретации. Попытки обобщения накопленного эмпирического материала встречаются гораздо реже.

На фоне потока литературы по проблемам депортаций и спецпоселений, вышедшей в СССР и России с конца 1980-х гг. до настоящего времени, до известной степени ушли в тень зарубежные исследования по этой тематике. Можно привести лишь несколько имен историков из «дальнего Зарубежья», посвятивших ей в последние годы монографическое исследование или хотя бы серию статей. Но при этом, сочетая анализ вновь открытых на постсоветском пространстве эмпирических данных с традиционной приверженностью к литературным источникам (главным образом мемуарного характера), они нередко ближе, нежели их коллеги из России, СНГ и Прибалтики, подходят к обобщающим оценкам и выводам.

Более или менее интенсивно разработка темы спецссылки продолжается в ФРГ и США. Германские историки изучают проблемы депортации «поволжских» немцев (А. Айсфельд, В. Гердт, Д. Дальман, Г. Хиршфельд) [84], а также «кулацкой ссылки» (С. Мерль) [85]. Высоким уровнем критической проработки самых разнообразных источников отличаются работы американских ученых, в частности М. Гелба (о депортациях корейцев, финнов и других национальных меньшинств) [86] и П. Холквиста (о депортационной политике царской России в годы первой мировой войны, а также большевистской России – в первые годы советской власти) [87]. Депортациям (а точнее – депортированным) большое внимание уделяется в монографии Й.О. Поля о тюремной системе СССР [88].

Рассмотрение депортаций чеченцев, ингушей и крымских татар в самом общем и широком контексте этнических чисток в Европе в XX веке, как это сделали Н. Наймарк и Т. Мартин (причем с привлечением и введением в научный оборот и значительного эмпирического материала из российских архивов), также выявило новые и интересные ракурсы подхода к исследуемым проблемам [89]. Тема карательно-миграционной практики в СССР за его рубежами (в странах «социалистического лагеря» и так называемой «социалистической ориентации») присутствует в монографии «Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии», подготовленной международным исследовательским коллективом – С. Куртуа, Н. Верт, Ж.-Л. Панне, Ж.-Л. Марголен (Франция), А. Пачковский (Польша), К. Бартошек (Чехия) и др. [90]. Из зарубежных ученых, которые исследуют различные аспекты принудительных миграций и спецпоселенчества либо (в той или иной степени) проблемы политических репрессий в СССР, можно упомянуть также С. Виткрофта, Л. Виолу, Р. Маннинг, Ш. Фицпатрик, Д. Харриса, Д. Пеннер, Г. Алексопулос, Р. Джонсона, П. Соломона, Р. Дэвиса, Ю. Таниучи, А. Грациози, Т. Томита, Х. Окуда, А. Гетти, М. Таугера, М. Якобсона [91].

Перечисленными работами отечественная и зарубежная историография проблемы насильственных переселений и спецпоселенческой системы в СССР не ограничивается. Это всего лишь краткий обзор развития указанного направления исторических исследований и наиболее заметных публикаций в этой области.

В настоящем исследовании ставятся следующие взаимосвязанные и достаточно конкретные цели и задачи:

1) выявление нормативных и директивных документов по отдельным этапам формирования и аспектам функционирования инфраструктуры системы спецпоселений, их систематизация и критическое осмысление;

2) установление алгоритмов формирования нормативной базы системы спецпоселений по типу: «период» – «юридическое основание» – «контингент депортируемых» – «регион выселения» – «регион вселения» – «нормативный статус в спецпоселении» (в хронологическом порядке и, по возможности, с пространственно-географическими ориентирами);

3) анализ влияния нормативной базы системы спецпоселений на различные стороны ее жизнедеятельности (административное управление и надзор, производственно-хозяйственную и социально-бытовую сферы, режимный статус, материальное положение и моральное состояние спецпоселенцев).

Основная масса источников, использованных в настоящем исследовании, представлена документами, извлеченными из фондов центральных (федеральных) архивов, а также обнаруженными в территориальных (государственных и ведомственных) архивохранилищах (см. Источники и литература, пункт 2).

Архивные материалы, на базе которых преимущественно построено настоящее исследование, представляют разного рода межведомственную и внутриведомственную переписку, докладные записки в ЦК ВКП(б), Правительство СССР, руководству НКВД–МВД–МГБ СССР, заявления, обращения, жалобы, личные письма спецпоселенцев и членов их семей и т.п. В работе использованы также многочисленные издания и публикации по исследуемой проблеме. Особую ценность имеет текущая и сводная статистическая отчетность спецорганов и, в первую очередь спецпоселенческого ведомства – в центре и на местах. Это была закрытая статистика, предназначенная для предельно ограниченного круга особо доверенных должностных лиц, и, хотя она имела свои недостатки, но в целом была значительно полнее и достовернее аналогичных документов других государственных структур.

Источники и литература

1. Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005. С. 126–157.
2. Риекстиньш Я. Депортация 14 июня 1941 г. в Латвии // Увезенные: 14 июня 1941 г. Книга Памяти. Рига, 2001. С. 742, 744.
3. These Names Accuse. Nominal List of Latvians Deported to Russia in 1940–1941. Stockholm, 1982.
4. См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 151–152.
5. *Conquest R.* Soviet deportations of nationalities. L.– N.Y., 1960. 204 p.
6. *Gilbert M.* Atlas of Russian History. Doprset Press, 1985. 148 p.
7. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: опыт художественного исследования. В 3 т. и 7 частях. Париж, 1973–1975.
8. *Некрич А.* Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978. 170 с.
9. *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу. М., 1991. Ч. 1–2.
10. См.: *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004. С. 6.
11. См.: *Финаров А.П.* К вопросу о ликвидации кулачества как класса и о судьбе бывших кулаков в СССР // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963.
12. *Шуклецов В.Т.* Из истории экспроприации и трудового перевоспитания кулачества в Сибирском крае // Из истории партийных и советских организаций Сибири. Новосибирск, 1962.
13. *Сидоров В.А.* Мероприятия по трудовому перевоспитанию бывших кулаков // Вопросы истории. 1964. № 11.
14. *Ивницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М., 1972.
15. См.: Вопросы истории КПСС. 1975. № 5. С. 134–141.
16. *Вормсбехер Г.* Немцы в СССР // Знамя. 1989. № 1.
17. *Боков Х.* Эхо невозвратного прошлого // Москва. 1989. № 1.
18. *Ибрагимбейли Х.М.* Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование. 1989. № 4.
19. *Керсновская К.А.* Наскальная живопись // Знамя. 1990. №№ 3–5.
20. *Кичихин А.Н.* Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. 1990. № 8, 9.
21. *Ким С.* Исповедь сорен-сарам-советского человека // Дружба народов. 1989. № 4.
22. *Парсаданова В.С.* Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2.
23. *Исупов В.А.* Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990.
24. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. М., 1989.
25. См., напр.: *Медведев Р.* Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 нояб.
26. *Басов А.В.* Крым в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М., 1987.
27. *Цаплин В.В.* Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4.
28. *Максудов С.* Потери населения СССР. М., 1989.
29. *Земсков В.Н.* Численность и состав спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1953 г. // Аргументы и факты. 1989. № 39; Он же. Численность и состав ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных по состоянию на 1 января 1953 г. // Там же. 1989. № 40.

30. В 1989–1991 годах с документами спецхрана ЦГАОР СССР (ГАРФ) работали только советские историки, а с 1992 г. к этим документам стали допускаться и иностранные ученые. (Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 9–10).

31. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы: по документации НКВД–МВД СССР // Социологические исследования. 1990. № 11; Он же. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных. 1954–1960 // Там же. 1991. № 1; Он же. Об учете спецконтингента НКВД во Всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Там же. № 2. С. 74–75; Он же. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: статистико-географический аспект // История СССР. 1991. № 5; Он же. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10; Он же. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Там же. 1992. № 2; Он же. Судьба «кулацкой ссылки» в послевоенное время // Там же. № 8; Он же. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940–1950-е годы // Отечественные архивы. 1993. № 1; Он же. Судьба «кулацкой ссылки». 1930–1954 // Отечественная история. 1994. № 1; Он же. Спецпоселенцы. 1930–1959 // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994; Он же. Спецпоселенцы из Крыма. 1944–1956 // Крымский музей. Симферополь, 1995; Он же. Демография заключенных, спецпоселенцев и ссыльных. 30-е – 50-е гг. // Мир России. Т.У111. Социология. Этнология. 1999. № 4; Он же. «Кулацкая ссылка в 1930-е годы: численность, расселение, состав // Население России в XX веке. Т. 1. М., 2000; Он же. Депортации населения. Спецпоселенцы и ссыльные. Заключенные // Население России в XX веке. Т. 2. М., 2001; Он же. Судьба «кулацкой ссылки» в 1940–1954 гг. // Там же.

32. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. 306 с. 33. *Бугай Н.Ф.* К вопросу о депортациях народов СССР в 30–40 годах // История СССР. 1989. № 6.

34. *Бугай Н.Ф.* Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7; Он же. Депортация народов с Украины. 30–50-е годы // Украинский исторический журнал (Киев). 1990. № 10, 11; Он же. Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений // История СССР. 1991. № 1; Он же. 40-е годы: «Автономии немцев Поволжья ликвидировать...» // Там же. № 2; Он же. 40–50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД–МВД СССР) // Там же. 1992. № 1; Он же. Депортация крымских татар в 1944 г. // Украинский исторический журнал. 1992. № 16; Он же. 20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. 1992. № 4; Он же. О выселении корейцев из Дальневосточного края // Там же. № 6; Он же. О переселении и депортациях еврейского населения в СССР // Там же. 1993. № 2; Он же. Выселение советских корейцев с Дальнего Востока // Вопросы истории. 1994. № 5; Он же. Депортация населения в 1920–1930-е годы // Население России в XX веке. Т. 1.

35. *Бугай Н.Ф.* Депортация // Политический собеседник (Минск). 1990. № 6; Он же. Север в политике переселения народов // Север (Петрозаводск). 1991. № 4; Он же. «Корейский вопрос» на Дальнем Востоке и депортации 1937 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 4; Он же. Харуки Вада. Из истории депортации «русских корейцев» // Дружба народов. 1992. № 7; Он же. Власть сатаны: О депортациях народов из Прибалтики в 40–50-е годы // Молодая гвардия. 1993. № 4; Он же. 20–50-е годы: принудительные переселения народов // Обозреватель. 1993. № 11; Он же. О депортациях иранцев из Азербайджана в Казахстан // Восток. 1994. № 6.

36. *Бугай Н.Ф.* Операция «Улусы». Элиста, 1991; Он же. Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации. 1944–1994. М., 1994; Он же. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995; Он же. Российские корейцы и политика «солнечного тепла». М., 2002.

37. *Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М.* Советские курды: время перемен. М., 1993.

38. *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998.

39. *Бугай Н.Ф., Коцюнис А.Н.* «Обязать НКВД СССР... выселить греков». М., 1999.

40. *Вольтер Г.А.* Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее. М., 1998.

41. *Гакаев Д.* Очерки политической истории Чечни (XX век): В 2-х ч. М., 1997.

42. *Герман А.А.* История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996.

43. *Гонов А.М.* Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов. 20–90-е годы XX века. Нальчик, 1998.

44. *Дизендорф В.Ф.* Прощальный взлет. Судьбы российских немцев и наше национальное движение. М., 1997. Кн. 1. ; Он же. 10 лет в «Возрождении». М., 2000.

45. *Пассат В.И.* Трудные страницы истории Молдовы. 1940–1950. М., 1994; Он же. Суровая правда истории: депортации с территории Молдавской ССР. 40–50-е гг. Кишинев, 1998.

46. *Убушаев В.* Калмыки: Выселение и возвращение. Элиста, 1991.

47. *Шабаетов Д.В.* Правда о выселении балкарцев. Нальчик, 1994.

48. *Дугин А.Н.* Спецпоселения // Полиция и милиция в России. М., 1993.

49. *Вылцан М.А.* Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3.

50. *Гурьянов А.Э.* Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае–июне 1941 г. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. Вып. 1; Он же. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. // Там же.

51. *Иванов В.А.* Операция «Бывшие люди» в Ленинграде (февраль–март 1935 г.) // Новый часовой (Санкт-Петербург). 1998. № 6/7.

52. *Кокурин А.И.* Спецпоселенцы в СССР в 1944 году, или Год большого переселения // Отечественные архивы. 1993. № 5.

53. *Коцюнис А.Н.* Депортация греков Северного Кавказа в 30–50-е годы // Понтийские греки. Краснодар, 1997.

54. *Полян П.М.* Насильственные миграции в бывшем СССР // Миграционная ситуация в странах СНГ. М., 1999; Он же. География принудительных миграций в СССР // Известия РАН. Серия география. 1999. № 6.

55. *Стродс Х.П.* Депортация населения Прибалтийских стран // Вопросы истории. 1999. № 9.

56. См., напр.: Белая книга: О депортациях корейского населения в России в 30–40-е годы. Кн. 1. М., 1992; *Бугай Н.Ф.* Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. М., 1992;

- Депортации народов СССР. 1930–1950-е годы / Сост. О.Л. Милова. М., 1992–1995. Ч. 1–2; История российских немцев в документах / Сост. В.А. Ауман и В.Г. Чеботарева. М., 1993. Т. 1: (1763–1992 гг.); Ссылка калмыков: как это было: Сб. документов и материалов. Элиста, 1993. Т. 1, кн. 1; Так это было: Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы: Худ.-докум. сборник / Сост. С.У. Алиева. М., 1993. Т. 1–3; Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. М., 1994; *Бугай Н.Ф.* «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. документов (1940-е годы). М., 1998; Он же. Депортация народов Крыма. М., 2002; Народы России: проблемы депортации и реабилитации. Майкоп, 1997; Немцы России: Энциклопедия. М., 1999. Т. 1; Репрессии против советских немцев. Наказанный народ / Ред.-сост. И.Л. Щербакова. М., 1999; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / Сост. Е.А. Зайцев. М., 1993.
57. См., напр.: Узвенные: 14 июня 1941 г. Книга Памяти. Рига, 2001; Латвийский мартиролог Вятлага (1938–1956) / Сост. Х. Стродс, В. Веремьев. Рига, 2006.
58. *Полян П.М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.
59. *Бердинских В.А.* Указ. соч.
60. *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994; Он же. Репрессивная политика советской власти в деревне. 1928–1933. М., 2000; Он же. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004.
61. *Славко Т.И.* Кулацкая ссылка на Урале. 1930–1936. М., 1995.
62. *Шапков В.Я.* Спецпереселенцы на Мурмане: Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове. 1930–1936. Мурманск, 1993; Он же. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев. 1930–1954. Мурманск, 1996; Он же. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск, 2000.
63. Спецпереселенцы – жертвы «сплошной коллективизации». Из документов «особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б) / Г.М. Сост. Адибеков // Исторический архив. 1994. № 4; Ссылка крестьян на Урал в 1930-е годы / Сост. И.Е. Плотнокова // Отечественная история. 1995. № 1.
64. Проблемы репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956 гг.). Сыктывкар, 1993; Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг.: Документы и материалы / Науч. ред. Н.А. Ивницкий, В.Г. Макуров. Петрозаводск, 1991; Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990; Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.): Сборник документов. Екатеринбург, 1993; Спецпоселки в Коми области (по материалам сплошного обследования. Июнь 1933 г.): Сборник документов / Сост. Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. Сыктывкар, 1997.
65. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 гг. / Сост. С.А. Красильникова, В.П. Кузнецова, Т.Н. Осташко и др. Новосибирск, 1992; То же: Весна 1931 – начало 1933 гг. Новосибирск, 1993; То же: 1933–1938. Новосибирск, 1994; То же: 1939–1945 гг. Новосибирск, 1996.
66. Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 2001. Т. 4. Ч. 1–2.
67. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы в 5 томах / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999–2001.
68. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. / Отв. ред. Н.Н. Покровский, В.П. Данилов, С.А. Красильников, Л. Виола. М., 2005–2006.
69. Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Т. 1.
70. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт-на-Майне – М., 1999.
71. История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. М., 2004.
72. *Иванова Г.М.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997.
73. *Морозов Н.А.* ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар, 1997.
74. *Дугин А.Н.* Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. М., 1999.
75. Экономика ГУЛАГА и ее роль в развитии страны. 1930-е годы: Сб. документов / Сост. М.И. Хлусов. М., 1998.
76. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник / Сост. М.Б. Смирнов. М.: 1998.
77. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917–1960 гг.: Справочник / Сост.: А.И. Кокурин и Н.В. Петров. М., 2000.
78. *Вылцан М.А.* Репрессии против крестьян. 30-е годы // Власть и общество в СССР: политика репрессий. М., 1999.
79. *Панков С.А.* Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997.
80. *Попов В.П.* Государственный террор в советской России. 1923–1953: источники и их интерпретация // Отечественные архивы. 1992. № 2.
81. *Соколов А.К.* «Ежовщина» // Власть и общество в СССР: политика репрессий. М., 1999.
82. *Тряхов В.Н.* ГУЛАГ и война: жестокая правда документов. Пермь, 2005.
83. *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «Секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М., 1996; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги / Сост. Н.А. Араловец, В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев. М., 1991; Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / Сост. Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская, А.А. Исупов, И.Н. Киселев. М., 1992; Всесоюзная перепись населения 1937 года: Основные итоги / Сост. В.Б. Жиромская. СПб., 1999.
84. *Eisfeld A.* Die Russlanddeutschen. München, 1992; *Eisfeld A., Herdt V.* Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956. Köln, 1996; *Dahlmann D.* «Operation erfolgreich durchgeführt»: Die Deportationen der Wolgadeutschen 1941 // Flucht und Vertreibung: zwischen Aufrechnung und Verdrängung. Wien, 1994; *Dahlman D., Hirschfeld G.* Lager, Zwangsarbeit, Vertreibung und Deportation: Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945. Essen, 1999.

85. *Merl S.* Das System der Zwangsarbeit und die Opferzahl im Stalinismus // Geschichte im Wissenschaft und Unterricht. 1995. Jg.46. Heft 5/6.

86. *Gelb M.* The Westerns Finnic Minoriten and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations // Nationalities Papers. 1996. Vol. 24. № 2.

87. *Holquist P.* «Conduct merciless mass terror»: decosackization on the Don, 1919 // Cahirs du Monde russe. 1997. Vol. 28. No. 1–2. P. 127–162.

88. *Pohl J.O.* The Stalinist Penal System: A. Statistical History of Soviet Repression and Terror. 1930–1953. Jefferson, 1997.

89. *Naimark N.M.* Ethnic Cleansing in the Twentieth Century Europe / The Donald W. Treagold Papers in Russian, East European and Central Asian Studies. The Henry M. Jackson Scholl of International Studies. The University of Washington. October 1998. № 19. 54 p.; *Martin T.* The Origin of Soviet Ethnic Cleansing // The Journal of Modern History. December, 1998, Vol. 70. № 4.

90. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. М., 2001.

91. См., напр.: *Wheatcroft S.* The Skale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings. 1930–1945 // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. № 8; *Jakobson M.* Origin of Gulag: The Soviet Prison Camp System. 1917–1934. Lousville, 1993; *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 12–13, 289–290; *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 9; *Полян П.М.* Не по своей воле. С. 17, 280–283, 292–294.

92. См. параграф 2 главы 2 настоящей работы.

Глава 1

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ В 1930–1940-е ГОДЫ

§ 1. Возникновение массовой политической ссылки в Советском Союзе: «кулацкая ссылка»

За последние двадцать лет в России опубликовано немало исследований по истории ГУЛАГа. Но по-прежнему на периферии этой научно-исследовательской работы остается тема спецпоселений и спецпоселенцев. Хотя численность последних к концу 1940-х гг. прошлого века была вполне сопоставима с количественным составом всех заключенных, содержащихся в ГУЛАГе. А страдания и лишения, выпавшие на долю бывших «кулаков» и «наказанных народов», соразмерны мучениям политзаключенных сталинских лагерей.

Известно, что в Российской Империи ссылка, высылка и административный надзор являлись достаточно распространенными инструментами карательной политики правящего режима, прежде всего – по отношению к его политическим противникам. Февральская революция 1917 г. упразднила ссылку как уголовное и административное наказание. Известно также, что именно это позволило многим лидерам большевиков вернуться в центр страны из Сибири и других «отдаленных местностей». В числе освобожденных был и Иосиф Сталин, находившийся в 1914–1916 гг. в ссылке в Туруханском крае. Но почти сразу же после Октябрьского переворота большевики решили восстанавливать ссылку, и в первую очередь – для своих политических противников.

Так, в инструкции Народного комиссариата юстиции от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» указывалось, что «...Революционному трибуналу подлежат дела ... о лицах, которые организуют восстание против власти Рабоче-Крестьянского правительства, активно противодействуют последнему, или не подчиняются ему, или призывают других лиц к противодействию или неподчинению ему». В качестве меры наказания предусматривалось (наряду с денежным штрафом, лишением свободы, конфискацией имущества, присуждением к обязательным общественным работам) «...удаление виновного из столиц, отдельных местностей (высылка) или пределов Российской Республики» [1].

Уже в 1918 г. в столицах (Москве и Петрограде) власти вновь ввели высылку на срок от нескольких месяцев до одного года, правда, с правом проживания в губернских городах Европейской России. При этом сохранялись некоторые черты и традиции дореволюционной ссылки. Так, до места назначения высланные добирались самостоятельно, без конвоя. Они получали небольшое пособие и могли не работать. Но с течением времени сроки высылки увеличивались, регионы «обязательного поселения» все более удалялись от центра страны, а условия содержания ужесточались и ухудшались.

Практиковалась и высылка политических противников за рубежи страны. Именно такого рода акцией явилась депортация в сентябре 1922 г. 160 философов и других ученых-гуманитариев из Петрограда, Москвы и Казани в город Штеттин (ныне Щецин) в Германии (ныне – в Польше) [2]. К этим людям был применен уже Декрет ВЦИК «Об административной высылке» от 10 августа 1922 г. Этим декретом была создана «Особая комиссия» при НКВД РСФСР, выносившая решения об указанном административном наказании.

Декретом предусматривались три вида высылки как альтернативные аресту меры изоляции «...лиц, причастных к контрреволюционным преступлениям»:

- а) высылка с воспрещением проживания в других определенных пунктах РСФСР;
- б) высылка в определенные местности РСФСР;
- в) высылка за границу.

Срок высылки – в интервале от двух месяцев до трех лет. Решение о высылке принималось в индивидуальном порядке, а высланные передавались в местах обязательного поселения под надзор территориальных органов Государственного Политического Управления (ГПУ) при НКВД РСФСР (с 1923 г. – Объединенное Государственное Политическое Управление (ОГПУ) при Совнаркоме СССР). Местный орган ГПУ определял конкретное местожительство высланного, где тот должен был регистрироваться каждые три дня. Согласно дополнению к этому декрету, Особой комиссии при НКВД предоставлялось право некоторые категории граж-

дан (в частности, деятелей антисоветских политических партий) не только высылать, но и заключать в лагеря принудительных работ на те же сроки. Что касается высылки и ссылки по суду, то действия судебных и административных органов при применении этого вида наказания регулировались специальным постановлением ЦИК и СНК СССР от 10 января 1930 г. [3].

Эта карательная практика имела под собой определенный законодательный фундамент. Так, статьей 23 Конституции (Основного Закона) РСФСР (1918 г.) устанавливалось, что «...руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции» [4]. Данное установление почти дословно дублировалось статьей 14 Конституции РСФСР, утвержденной 11 мая 1925 г. [5].

Постановлением ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. были утверждены «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», статья 22 которых предусматривала «...удаление из пределов союзной республики или отдельной местности с поселением в тех или иных местностях или без такового, с запрещением проживания в тех или иных местностях или без запрещения». Эта мера наказания назначалась судом в отношении лиц, признанных «...по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой в данной местности социально опасными». Срок поселения мог быть назначен от трех до семи лет [6].

Наконец, в Уголовных кодексах РСФСР 1922 и 1926 гг. высылка и ссылка четко зафиксированы как меры уголовного наказания («социальной защиты судебно-исправительного характера»). Причем между этими двумя понятиями проведено четкое различие (статьи 35 и 36 УК РСФСР 1926 г.). «Высылка» («удаление из пределов РСФСР или из пределов отдельной местности с обязательным поселением в других местностях в соединении с исправительно-трудовыми работами») – это основная мера уголовного наказания сроком от трех до десяти лет, а «ссылка» («удаление из пределов РСФСР или из пределов отдельной местности с запрещением проживать в тех или иных местностях или без этого ограничения») – это дополнительное ограничение свободы сроком от одного года до пяти лет, применяемое после отбытия основного уголовного наказания [7].

Вместе с тем статьей 22 принятых в 1924 г. «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик» допускалось отступление в отношении ссылки и высылки от общего правила судопроизводства, установленного пунктом «д» статьи 6 этого же нормативного акта. Общее правило заключалось в том, что уголовное преследование могло быть возбуждено лишь в судебном порядке и при наличии определенного преступления, совершенного обвиняемым. Согласно же упомянутой статье 22 Основ судопроизводства, наказание в виде ссылки и высылки могло быть применено приговором суда по предложению прокуратуры к лицам, признанным социально-опасными, независимо от привлечения их к судебной ответственности за совершение определенного преступления, а так же и в том случае, когда они по обвинению в совершении определенного преступления будут судом оправданы.

Указанное правило было воспроизведено в уголовных кодексах ряда союзных республик (статья 34 УК Украинской ССР, статья 29 УК Белорусской ССР, статья 32 УК Туркменской ССР, статья 38 УК Узбекской ССР, статья 35 УК Грузинской ССР, статья 35 УК Армянской ССР) [8]. Это «правило» действовало вплоть до принятия в 1938 г. Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик и во многом способствовало «передаче» ссылки и высылки, как мер уголовного наказания, из сферы уголовно-процессуального производства в широкую административно-карательную практику, выведенную на долгие годы за рамки судебного и прокурорского контроля и надзора.

Впрочем, и нормативно установленный порядок административной высылки и ссылки, определенный перед началом массовых карательных депортаций, в частности, совершенно секретной Инструкцией Народного комиссариата юстиции РСФСР от 11 января 1930 г. о «применении положения ОГПУ о ссылке и высылке в отношении различных категорий высылаемых лиц», на практике игнорировался спецслужбами, которые вырабатывали и применяли в этой сфере собственные директивные документы, находившиеся, как правило, вне конституционного законодательства и государственно-нормативного регламентирования [9].

Первой относительно массовой социальной группой населения СССР, к которой начали широко применять высылку, стали так называемые «лишенцы». Вначале – это «чуждые по происхождению» новой власти представители в прошлом «имущих классов»: дворянства, купечества, духовенства, дореволюционного бюрократического аппарата (прежде всего полиции), других (кроме большевиков и их «временных попутчиков») политических партий, «нэпманы» и интеллигенция. Но уже вскоре, с конца 1920-х гг., ряды «лишенцев» массово пополнили люди, в сущности, «социально близкие» новой власти, и прежде всего – зажиточные крестьяне или просто противники развертывавшейся «коллективизации сельского хозяйства». Так, если в 1924 г. доля «лишенцев» (лиц, лишенных избирательных прав) составляла (в целом по СССР) в городах – 5,5 %, а в сельской местности – 1,3 %, то в 1927 г. соответственно – 7,7 и 3,5 % от общего числа электората [10].

Впервые практика массового выселения целиком социально-компактных групп населения была применена по отношению к казачеству (директива ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г.). В апреле 1920 г. массовой депортации были подвергнуты 45 000 казаков, выселенных из восьми станиц Терской линии в Украину и на Север европейской части РСФСР. Позднее такого же рода акция была предпринята в отношении «кулаков-казаков из Семиречья» (постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 29 июня и 5 декабря 1920 г.) [11].

И все же 1920-е гг. – это период всего лишь «поиска» советским руководством «вариантов» создания всеохватывающей системы внесудебных репрессий. Началом целенаправленной политики и практики широкомасштабных спецпереселений и существенного ограничения выселяемых в гражданских правах (во внесудебном порядке) следует считать 1930-й год.

Повальная «коллективизация сельского хозяйства» в СССР сопровождалась массовым «раскулачиванием» части крестьянства. При этом политическое руководство страны выдвинуло как непреложный постулат утверждение о том, что без применения элементов прямого насилия, а именно: без лишения имущества и высылки определенной части крестьянских семей целиком в каждой конкретной местности (регионе, районе, селе, деревне и т.д.) – приобщить аграрную Россию к «коллективным методам ведения хозяйства» (в трактовке их Сталиным и его окружением) невозможно.

Судя по проведенным во второй половине 1920-х гг. на государственном уровне статистическим обследованиям, количественная база предполагавшегося выселения намечалась первоначально в пределах 900 000 крестьянских хозяйств, составлявших примерно 4 % к их численности по стране в целом и обладавших 15–20 % общей массы средств производства на селе и более чем 30 % сельскохозяйственной техники [12]. Именно массовая принудительная высылка крестьян, начало которой было положено на рубеже 1929–1930 гг., из мест постоянного их проживания в малонаселенные и необжитые районы страны и получила название «спецпереселение», закрепившееся впоследствии и в юридической терминологии, и в научно-историческом лексиконе, и в обыденном речевом обиходе.

Необходимо особо отметить следующее обстоятельство, чтобы не возвращаться к нему в дальнейшем тексте: в 1930–1934 гг. депортированные «кулаки» именовались в официальных документах «спецпереселенцами», в 1934–1944 гг. – «трудпоселенцами», а в 1944–1956 гг. – «спецпоселенцами». Причем и в документообороте МВД–МГБ конца 1940-х – начала 1950-х гг. термин «спецпереселенцы» употребляется и трактуется нередко более широко, чем понятие «спецпоселенцы», включая в себя всех перемещенных с ограничениями в правах лиц, в том числе (и прежде всего) ссыльных («ссыльнопоселенцев»).

Формально к «спецпереселенцам» («спецпоселенцам») причислялись только те депортированные, которые находились в отдельных «спецпоселках» («спецпоселениях»), ссыльные же («ссыльнопоселенцы») размещались и рассредоточивались более широко – в обычных селах и городах, с запрещением права выезда из них, но с возможностью «собственной инициативы» по части трудоустройства. В служебной переписке местных властей и соответствующих надзирающих органов НКВД–МВД–МГБ в эти годы термины «спецпереселенцы», «спецпоселенцы» и «ссыльнопоселенцы» зачастую употреблялись как синонимы, а «трудпоселенцами» продолжали именовать только сохранявшиеся «остаточные» контингенты «кулацкой ссылки» [13].

По сути, спецпереселение – это форма принудительной депортации с применением к выселяемому ряда правовых ограничений. Формально-юридически спецпереселенцы не являлись лишенными свободы (судебные решения по их делам не выносились), но фактически они были репрессированы в форме «ограничения свободы», поскольку лишались двух важнейших прав – избирательного (признавались «лишенцами») и права на свободное передвижение (им было запрещено под страхом уголовной ответственности покидать «места обязательного поселения» – «спецпоселки», «трудпоселки», «спецпоселения» и т.п.) [14].

Этой широкомасштабной акцией высшее советское руководство намеревалось (в начале 1930-х гг.) решить одновременно несколько взаимосвязанных задач:

- социально-политическую – изъятие оппонентов «коллективизации» на местах, ликвидация «сельской буржуазии»;

- социально-психологическую – превращение политики «ликвидации кулачества» в основной метод стимулирования «коллективизации» через нагнетание в деревне страха, демонстрации крестьянам того, что единственной альтернативой вступлению в колхозы может быть только «раскулачивание», арест и высылка в отдаленные районы страны;

- экономическую – создание за счет конфискации имущества крестьянских хозяйств минимальной материальной базы организуемых колхозов; использование принудительного труда репрессированных крестьян для решения задач «модернизации» экономической системы страны, прежде всего промышленности, освоение в этих целях природно-сырьевых ресурсов отдаленных регионов – Европейского Севера, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии.

Идеология «индустриализации» этих регионов с широким применением подневольного труда стала господствующей – и надолго. Этой идеологии была подчинена государственная практика, а последней обеспечивалось соответствующее юридическое и пропагандистское сопровождение.

Говоря о нормативной базе системы спецпереселений, следует подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело со сложным и многоаспектным феноменом, который органически не может быть вписан в систему координат цивилизованного права. Если исходить из общепринятого определения права как совокупности общеобязательных правил поведения, устанавливаемых государством, то при анализе сталинско-советского общества мы сталкиваемся с весьма специфическим правопорядком, самоназвание которого не отражает его сути. Это был квазиправовой порядок, нормы и правила которого устанавливались и изменялись политическим руководством, не сдерживаемым никакими законодательными и судебными институтами.

Сравнивая законодательные системы деспотизма и тоталитаризма, М. Геллер и А. Некрич пришли к выводу, что «...характерная черта деспотизма – суровость законодательства, характерная черта тоталитаризма – фиктивность законодательства» [15]. В полной мере этот вывод подтверждается практикой «раскулачивания» и «спецпереселения». Обстановка «чрезвычайщины», охватившая на многие годы всю страну, отнюдь не способствовала «совершенствованию» советского законодательства, которое оказывалось вообще излишним. На первый план выходили внеправовые решения: директивы «партийных и советских органов», приказы ОГПУ (затем НКВД), циркуляры наркоматов и т. п.

При этом документы директивного характера, отражавшие те или иные аспекты репрессивной политики, имели свою делопроизводственную природу. Прежде всего, очень многие из них в полном соответствии с природой постреволюционной политической системы в России (СССР) носили секретный характер. Они получали, как правило, развитие и конкретизацию в тех или иных постановлениях Политбюро ЦК ВКП(б), но зачастую не имели стратегического значения, а относились к разряду «технических» решений. Этим определялась значимость таких документов, как элементов реализации ключевых партийных директив.

Постановления государственных органов, прежде всего СНК СССР и РСФСР, проходили стадию всевозможных межведомственных согласований и подкреплялись всевозможными документами не только инициативного, но и согласовательного, информационного и отчетного характера. Правительственные постановления были разными по формату и функциональной направленности. Среди них выделялись постановления долго-, средне- и краткосрочного действия. К отдельному подвиду можно отнести группу немногочисленных директивных документов, которыми не только корректировались, но и вовсе отменялись некоторые принятые ранее постановления или отдельные их пункты.

Особенно значительным и обширным бюрократическое творчество было в первый период системы спецпоселений (1930–1931 гг.) и ее реорганизации (1933 г.). Интенсивность выхода правительственных постановлений четко соотносится с фазами проведения массовых депортаций. При осуществлении высылки 1930 г. правящий режим столкнулся с необходимостью разработки и принятия комплекса документов, позволяющих синхронизировать решение правовых (законодательных), режимно-нормативных, экономических, социальных и других вопросов репрессивной политики. Одни из принятых в тот период решений оказались преждевременными и не были реализованы в указанные сроки и в предполагаемом формате, другие – слабо или вовсе не корреспондировались друг с другом.

Из всего комплекса правительственных постановлений 1930–1931 гг. наиболее функциональными и результативными оказались те, которые наделяли полномочиями и ресурсами всех видов спецслужбы (органы ОГПУ). Значительная часть «технических» директив касалась порядка выделения и объема ресурсов (финансовых и материальных) на депортации, расселение и организацию функционирования спецпоселений. Особую группу составляют правительственные постановления, касающиеся весенней высылки 1932 г. и весенне-летней высылки 1933 г. По бюрократическому сопровождению подготовки высылка 1933 г. может быть сопоставима только с депортацией 1930 г.: с апреля по август 1933 г. было принято около десяти правительственных постановлений, которые изменяли или отменяли отдельные пункты и разделы, касавшиеся масштабов репрессий и их ресурсного обеспечения [16].

Директивные документы по спецпереселению в момент их подготовки и согласования несли на себе отпечаток межведомственных отношений – не всегда конструктивных, порой конфликтных. Они свидетельствуют о том, что в 1930–1933 гг. руководство ОГПУ практически не встречало отказа в обеспечении репрессивных акций (на стадии высылки и расселения спецпереселенцев) ресурсами. Позднее ситуация значительно усложняется. В середине 1930-х гг. финансирование спецпоселений (новые кредиты, ссуды и т. п.) стало предметом бюрократического торга, где роль «противовеса» НКВД играл Наркомат финансов, а позже спецорганы столкнулись с ограничением в средствах на функционирование спецпоселений. Такую же эволюцию отразили экономические постановления СНК СССР и Совета Труда и Обороны второй половины 1930-х гг., касавшиеся отсрочек списания задолженностей спецпереселенцев, объемов и сроков погашения последними налогов и выполнения повинностей.

Политика дотации экономики и инфраструктуры спецпоселений уходила в прошлое: постановлениями правительства устанавливался жесткий прагматичный подход к финансированию спецпоселений, который в канун войны обусловил снижение и без того минимизированного уровня жизни спецпереселенцев – как «старых», так и «новых». Документы свидетельствуют и том, что «директивная составляющая» репрессивной политики сыграла свою функциональную роль к середине 1930-х гг., а сама проблема крестьянских спецпоселений после этого из разряда как «стратегических», так и «технических» директив была перенесена в разряд «принципиально решенных».

Особое место в формировании нормативной базы структуры спецпоселений в СССР, как и в советской системе управления в целом, играли разного рода партийно-правительственные комиссии, имевшие различные статус и функции. Одни из них носили ситуационный характер и создавались для решения конкретной бюрократической задачи – разработки того или иного документа, требовавшего межведомственного согласования. Другие были призваны контролировать исполнение директив. Третьи не только готовили основополагающие документы, но и следили за реализацией решений на протяжении достаточно длительного времени.

При проведении стратегической для сталинского режима антикрестьянской репрессивной политики в виде высылки крестьянских семей на спецпоселение в рамках «ликвидации кулачества как класса», требовавшей участия в этом всех основных звеньев политической системы (от пропагандистского обеспечения карательных операций в деревне до создания социально-культурной инфраструктуры спецпоселений), были использованы все названные выше типы комиссий, работавших на протяжении 1930-х годов.

Первая из такого рода комиссий – так называемая «комиссия по кулачеству» – была создана Политбюро ЦК ВКП(б) 15 января 1930 г. Официально ее наименование – «специальная комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) для выработки конкретных мер по проведению коллективизации и ликвидации кулачества». Возглавлял комиссию секретарь ЦК ВКП(б) В.М. Молотов. Комиссия подготовила проект соответствующего постановления ЦК, которое было принято 30 января 1930 г. [17].

Для руководства выселением, расселением и хозяйственным устройством «раскулаченных» создавались специальные комиссии: сначала при СНК РСФСР и СНК СССР, а затем – комиссия Политбюро ЦК ВКП(б). 9 марта 1930 г. секретным постановлением СНК РСФСР была образована комиссия во главе с наркомом внутренних дел РСФСР В.Н. Толмачевым, в состав которой вошли представители ОГПУ при СНК СССР, а также Наркомзема, Наркомздрава, Наркомторга, Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, Прокуратуры, ВСНХ и Наркомфина РСФСР. Аналогичные комиссии создавались и при советских органах в областях и краях, куда выселялись «раскулаченные» семьи (Северный край, Уральская область и т.д.) [18].

«Комиссия Толмачева», подчиненная непосредственно СНК РСФСР, в качестве межведомственного координационного центра для республиканских наркоматов и советских органов на местах выступала как структура, альтернативная ОГПУ, которое являлось прямым инструментом Политбюро ЦК ВКП(б). В марте–апреле 1930 г. эта комиссия именовалась «Временной комиссией СНК РСФСР по борьбе с эпидемиями среди переселяемых кулацких хозяйств», а в мае–августе этого же года (то есть до завершения своей деятельности) – «Правительственной комиссией по устройству кулаков-переселенцев (спецпереселенцев)». С самого начала функционирования «комиссии Толмачева» пришлось решать весь комплекс связанных со спецпереселенцами вопросов: снабжение, строительство жилья, трудовое устройство и т.д.

Но значение «комиссии Толмачева» определяется не только этим и не только ее участием в подготовке нескольких директивных решений СНК РСФСР по спецпереселенцам в апреле–августе 1930 г. Ее деятельность выявила ряд слабых мест в функционировании самой советской партийно-государственной бюрократической машины: несогласованность действий центральных и региональных органов, отсутствие достаточной и надежной для принятия решений информации, институциональные противоречия и конфликты внутри политической системы. В работе комиссии прослеживалось определенное внимание и к социальным аспектам и последствиям репрессивной депортационной политики (обращение к проблемам «неправильно» высланных крестьянских семей, возвращения детей и части нетрудоспособных взрослых из ссылки на родину и т.д.), что в последующие годы если и делалось спецорганами, то локально, избирательно, точно, а отнюдь не в массовом порядке. Впрочем, последнее в немалой степени было свойственно и для деятельности самой «комиссии Толмачева».

1 апреля 1930 г. СНК СССР принял постановление о создании специальной секретной комиссии при СНК СССР в составе: заместитель председателя СНК и СТО СССР (впоследствии заместитель наркома земледелия СССР и Главный арбитр при СНК СССР) В.В. Шмидт (председатель), С.А. Мессинг (ОГПУ), В.Н. Толмачев (НКВД РСФСР), Я.А. Теумин (Наркомфин), А.И. Муралов (Наркомзем), Я.К. Ольский (ОГПУ), С.С. Лобов (ВСНХ), Ф.П. Грядинский (Наркомторг). На «комиссию Шмидта» возлагалась разработка всего комплекса вопросов «...относительно приведения в оседлость выселенных кулаков»: отвод места жительства, земли, леса для построек «...с использованием ссыльных в качестве рабочей силы, а также условия финансирования

для этого устройства». Кроме того, предлагалось в срочном порядке обсудить вопрос «...о целесообразности финансирования за счет союзных средств устройства кулаков..., расселяемых в пределах области», то есть «кулаков 3-й категории» [19]. С марта 1931 г. функции «комиссии Шмидта» были переданы специальной комиссией Политбюро ЦК ВКП(б) по работе со спецпереселенцами, которую последовательно возглавляли заместители председателя СНК СССР А.А. Андреев и (с декабря 1931 г.) Я.Э. Рудзутак.

С 1933 г. общее руководство выселением, расселением и хозяйственным устройством выселяемых осуществлялось непосредственно Политбюро ЦК ВКП(б) и лично И.В. Сталиным [20]. 5 апреля 1930 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) была учреждена комиссия ЦК, получившая название «комиссии Бергавинова». В комиссию входили: первый секретарь Северного крайкома ВКП(б) С.А. Бергавинов (руководитель), В.Н. Толмачев (НКВД), И.Г. Еремин (Наркомат юстиции) и Е.А. Тучков (ОГПУ). Основная задача комиссии – проверка случаев «неправильной» высылки «кулацких» семей на Север. Создавались подкомиссии и «тройки» для организации работы в каждом из четырех округов Северного края, исключая область Коми, с дополнительным привлечением 150 человек: они должны были посетить все места временного жительства спецпереселенцев. Каждому члену комиссии надлежало изучить от 3 000 до 5 000 заявлений, а также во время семидневных поездок дать указания окружным подкомиссиям.

Работа комиссии продолжалась до 10 мая 1930 г. В этот день Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило итоговый доклад С.А. Бергавинова, констатирующий, что показатель «неправильно» выселенных «кулаков» не превышает 6 %, а тех, правомерность выселения которых «вызывает сомнение и требует перепроверки по линии ОГПУ», – 8 %. Комиссия предложила вернуть из ссылки лишь два-три процента «неправильно» сосланных – тех, кто участвовал в революции или гражданской войне (разумеется, на стороне «красных»), или тех, чьи родственники служили в Красной Армии. Остальных предлагалось поселить на Севере «на особо льготных условиях... как вольных граждан». Возместить или возратить собственность «неправильно» высланным предполагалось за счет бюджета того округа, откуда те были высланы.

Следует отметить, что из 46 261 семьи, сосланной на Север к апрелю 1930 г. в комиссию Бергавинова с заявлениями о пересмотре дел обратились около 35 000, то есть не менее 75 %. Между тем из протоколов этой же комиссии следует, что «неправильно» высланными «могут быть признаны» лишь 10 % (2 341) семей, а в отношении еще 12,3 % (2 863) семей правомерность высылки «вызывает сомнения» [21]. Таким образом, работа «комиссии Бергавинова» свелась, по сути, к формальным результатам.

Политика «раскулачивания» потребовала не только разработки практических мер, но и соответствующего законодательного их закрепления. Последнее же явно отставало от практики, хотя изначально здесь предполагалась известная синхронность. В секретном протокольном постановлении СНК СССР от 3 февраля 1930 г. Управлению делами предписывалось «...в трехдневный срок представить в СНК проект законодательных изменений, вытекающих из системы мероприятий по ликвидации кулачества» [22]. При этом ключевое место отводилось общесоюзному закону о специальных поселках («Положению об управлениях спецпоселками»).

Именно с целью разработки данного законопроекта 10 июня 1930 г. была учреждена комиссия при СНК СССР под председательством В.П. Антонова-Саратовского (член Верховного суда СССР, председатель Комиссии законодательных предположений при СНК СССР). В ее состав вошли представители НКВД РСФСР (Магеровский и Тагер), ОГПУ СССР (Зарин), и сотрудники аппарата Подготовительной комиссии СНК СССР Титов и Левинсон. Комиссия подготовила порученный ей законопроект и 15 июля 1930 г. внесла его на рассмотрение в СНК СССР. В дальнейшем этим законопроектом занялись республиканские структуры РСФСР, в которых он и «завис» в связи с расформированием (в декабре 1930 г.) основного субъекта его осуществления – НКВД РСФСР [23].

Столь же малопродуктивной оказалась кратковременная деятельность комиссии, возглавляемой заместителем председателя СНК РСФСР Д.З. Лебедем. Она была создана осенью 1935 г. для подготовки решения о передаче из ведения НКВД СССР производственной деятельности неуставных артелей спецпереселенцев и социально-культурной инфраструктуры спецкомендатур местным органам власти ряда регионов страны. «Комиссия Лебеда» рассмотрела и одобрила (с некоторыми исправлениями и добавлениями) подготовленный НКВД СССР проект постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) по данному вопросу. Однако этот законопроект не нашел (в силу ряда конъюнктурных обстоятельств) поддержки высшего политического руководства страны, и от ответственности за экономику неуставных артелей и инфраструктуру спецпоселений этого профиля НКВД СССР освободился только к 1938 г. [24].

Первым официальным государственно-политическим документом, в котором провозглашался курс на «ликвидацию кулачества как класса», явилось постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Конкретные формы и методы реализации этого курса были определены в директивных документах конца января – начала февраля 1930 г. «Ликвидацию кулачества как класса» в целом предполагалось осуществить через конфискацию имущества («раскулачивание») и арест «раскулаченных» с последующей их высылкой. Именно поэтому первым в ряду

выше упомянутых документов значится законодательный акт, закрепивший политику конфискации имущества «кулаков», – постановление ЦИК и СНК СССР от 16 января 1930 г. «О мерах борьбы с хищническим убоем скота». В постановлении указывалось на необходимость «...лишать права пользования землей, а также конфисковывать скот и сельскохозяйственный инвентарь тех кулаков, которые сами хищнически убивают скот или подстрекают к этому других» [25].

В последующих документах политика конфискации «кулацкого имущества» тщательно детализировалась, определялся и уточнялся порядок ее проведения. Конфискация должна быть проведена «...в районах сплошной коллективизации немедленно, а в остальных районах по мере действительно массового развертывания коллективизации». Конфискации подлежали все «...средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, производственные и торговые предприятия, продовольственные, кормовые и семенные запасы, излишки домашнего имущества», а также наличные деньги, сберегательные книжки и облигации государственных займов. При этом дозволялось «...оставление в руках кулака некоторой минимальной суммы (до 500 руб. на семью), необходимой для проезда и устройства на месте». Конфискация имущества «кулаков» проводится «...особо уполномоченными райисполкомов с обязательным участием сельских Советов, представителей колхозов, батрацко-бедняцких групп и батрачкомов». При конфискации «...производится точная опись и оценка конфискуемого имущества, с возложением на сельсоветы ответственности за полную сохранность конфискованного».

Конфискуемые у «кулаков» средства производства и имущество должны были передаваться колхозам «...в качестве взноса бедняков и батраков с зачислением конфискованного в неделимый фонд колхозов с полным погашением из конфискуемого имущества причитающихся с ликвидируемого кулацкого хозяйства обязательств (долгов) государственным и кооперативным органам», а жилые постройки – использоваться на «...общественные нужды с/советов и колхозов и для общежития вступающих в колхоз и не имеющих собственного жилья батраков». Указывалось на обязанность всех исполкомов обратить «сугубое внимание» на то, чтобы «...кулацкие элементы не успели до конфискации ликвидировать свое имущество (брать немедленно на учет), а также на строгий учет и правильное использование конфискуемого у кулаков имущества» [26].

30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило специальное постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В документе подчеркивалась необходимость «...провести наиболее организованным путем ... процесс ликвидации кулацких хозяйств». В районах сплошной коллективизации намечалось отменить действие законов об аренде земли и применении наемного труда, конфисковать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке сельхозпродукции, кормовые и семенные запасы. Определялись порядок проведения «раскулачивания» крестьянских хозяйств, их удельный вес в общем массиве сельского населения, численность выселяемых семей из так называемых районов сплошной коллективизации и регионы, куда должны высылаться «раскулаченные».

Все крестьянские хозяйства, отнесенные к числу «кулацких», были подразделены на три категории (критерий – степень лояльности к «мероприятиям партии и советской власти по социалистической реконструкции хозяйства»):

- 1) «контрреволюционный кулацкий актив», который предполагалось немедленно ликвидировать путем заключения в концлагеря, «...не останавливаясь в отношении организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций перед применением высшей меры репрессий»;
- 2) «остальные элементы кулацкого актива», которые подлежат «...высылке в отдаленные местности Союза ССР», а «...в пределах данного края – в отдаленные районы края»;
- 3) оставляемые в пределах района кулаки, которые «...подлежат расселению на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках» [27].

Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» предоставляло краевым (областным) исполкомам, правительствам союзных и автономных республик право выселения кулаков из «зоны сплошной коллективизации сельского хозяйства». В развитие этого постановления издается секретная инструкция ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 г. «О мероприятиях по проведению раскулачивания». 2 февраля 1930 г. Объединенное Государственное Политическое Управление при СНК СССР издало приказ № 44/21, согласно которому по «кулачеству» должен быть нанесен «...сокрушительный удар по двум основным направлениям:

- 1) немедленная ликвидация контрреволюционного кулацкого актива, особенно кадров действующих контрреволюционных и повстанческих организаций, группировок и наиболее злостных, махровых одиночек (первая категория);
- 2) массовое выселение (в первую очередь) из районов сплошной коллективизации и погранполосы наиболее богатых кулаков (бывших помещиков, местных кулацких авторитетов и антисоветского актива церковни-

ков и сектантов) и их семейств в отдаленные Северные районы СССР с конфискацией их имущества (вторая категория)» [28].

В приказе даны четыре определения кулаков «первой категории»:

«...1. Кулаки – наиболее махровые и активные, противодействующие и срывающие мероприятия партии и власти по социалистической реконструкции хозяйства.

Кулаки, бегущие из районов постоянного жительства и уходящие в подполье, особенно блокирующиеся с активными белогвардейцами и бандитами.

2. Кулаки – активные белогвардейцы, повстанцы, бывшие бандиты, бывшие белые офицеры, репатрианты, бывшие активные каратели и др., проявляющие сейчас контрреволюционную активность организованного порядка.

3. Кулаки – активные члены церковных советов, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп, активно проявляющие себя.

4. Кулаки – наиболее богатые, ростовщики, спекулянты, разрушающие свои хозяйства, бывшие помещики и крупные земельные собственники» [29].

Все перечисленные определения позволяют сделать вывод о том, что понятие «кулак» трактовалось органами политической власти и ее силовыми структурами весьма и весьма широко.

Принятыми в конце января – начале февраля 1930 г. директивными документами были определены и контрольные задания по численности подлежащих ликвидации «кулацких» хозяйств. По данным ЦСУ СССР (ноябрь 1929 г.) к сельской буржуазии («кулакам») были отнесены 2,3 % крестьянских хозяйств страны [30]. «Количество ликвидируемых по каждой из трех категорий кулацких хозяйств, – подчеркивалось в постановлении ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г., – должно строго дифференцироваться по районам в зависимости от фактического числа кулацких хозяйств в районе, с тем чтобы общее число ликвидируемых хозяйств по всем основным районам составляло в среднем, примерно, 3–5 %» [31]. Таким образом, планируемый «контингент раскулачиваемых» и по минимуму (почти в 1,5 раза) и по максимуму (более чем в два раза) превышал официальные статистические данные о численности «сельской буржуазии».

«Контрольные цифры» по применению репрессивных мер в отношении первой и второй категорий «кулацких хозяйств» предусматривали в течение февраля–марта 1930 г. «...направить в концлагеря 60 000 и подвергнуть выселению в отдаленные районы – 150 000 кулаков» [32]. «Ориентировочно» для регионов страны устанавливалось «...следующее распределение заключаемых в лагеря и подлежащих высылке»:

Средняя Волга – 3 000–4 000 подлежали высылке и 8 000–10 000 заключению в концлагерь;

Северный Кавказ и Дагестан – соответственно 6 000–8 000 и 20 000;

Украина – 15 000 и 30 000–35 000;

ЦЧО (Центрально-Черноземная область) – 3 000–5 000 и 10 000–15 000;

Нижняя Волга – 4 000–6 000 и 10 000–12 000;

Белоруссия – 4 000–5 000 и 6 000–7 000;

Урал – 4 000–5 000 и 10 000–15 000;

Сибирь – 5 000–6 000 и 25 000;

Казахстан – 5 000–6 000 и 10 000–15 000 [33].

В конце февраля 1930 г. «ограничительные контингенты» были определены и для ряда потребляющих районов РСФСР (Ленинградская, Московская, Западная, Иваново-Вознесенская области и Нижегородский край) и Крыма (для «первой категории» – в 17 000, для «второй категории» – в 15 000 «кулаков»), а также количество выселяемых «кулаков второй категории» для национальных районов – Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа (2 950 семей) [34]. Следовательно, в течение февраля–мая 1930 г. планировалось ликвидировать как минимум 245 000–250 000 «кулацких хозяйств первой и второй категорий», что непосредственно касалось более 1 000 000 чел. [35].

Местами поселения для «кулацких хозяйств второй категории» и семей «изъятого кулацко-белогвардейского контрреволюционного актива» были определены «необжитые и малообжитые местности» отдаленных регионов СССР. В первой половине 1930 г. планировалось выселить:

в Сибирь (из Нижне-Волжского края, Средне-Волжского края и Белоруссии) – 50 000 семей;

на Урал (из Северо-Кавказского края) – 20 000–25 000 семей;

в Казахстан (из Северо-Кавказского края) – 5 000 семей;

в Северный край (из Украины и ЦЧО) – 70 000 семей [36].

Высылаемые «кулаки» подлежали расселению в этих регионах «небольшими поселками, которые управляются назначенными комендантами» [37].

Операцию по выселению «раскулаченных» планировалось начать:

в Северо-Кавказском, Средне-Волжском и Нижне-Волжском краях – 10 февраля 1930 г.;

в Украине и ЦЧО – 15 февраля;

в Белоруссии – 1 марта.

Ориентировочный срок отправки эшелонов с «раскулаченными»:

из Северо-Кавказского, Средне-Волжского и Нижне-Волжского краев – 15 февраля 1930 г.;

из Украины и ЦЧО – 20 февраля; из Белоруссии – 1 марта 1930 г. [38].

Однако в начале февраля 1930 г., когда уже полным ходом шли аресты и концентрация выселяемых на сборных пунктах, выяснилось, что многие районы оказались неподготовленными для принятия такого большого количества людей, и контрольные цифры выселяемых «первой очереди» пришлось уменьшить до 60 000 семей, в том числе из Северного Кавказа – до 10 000 (29 эшелонов), из Белоруссии – до 8 000 (23 эшелона), из Украины – до 20 000 (57 эшелонов), из Нижней Волги – до 8 000 (23 эшелона), из Средней Волги – до 6 000 (17 эшелонов). Выселяемых должны были принять Северный край (45 000 семей) и Урал (15 000 семей), итого – 60 000 семей, то есть 300 000 человек (172 эшелона). Первый эшелон с выселяемыми был отправлен из Северного Кавказа в ночь с 9-го на 10-е февраля 1930 г., одновременно формировались и отправлялись podobные эшелоны из других регионов страны [39].

Ликвидация «кулацких хозяйств первой и второй категорий», «организация доставки и сама доставка кулаков в отдаленные местности Союза ССР» возлагалась на органы ОГПУ. Операцию по «ликвидации контрреволюционного кулацкого актива» («первой категории») органам ОГПУ предлагалось закончить в «кратчайший срок», до начала разворачивания кампании по выселению «кулаков второй группы (категории)» [40]. Семьи арестованных, заключаемых в концлагеря или приговоренных к «высшей мере наказания», депортировались в «отдаленные районы страны», наряду с выселяемыми «кулаками второй категории» [41].

Следует отметить, что в директивных документах начала 1930-х гг. употребляются разные термины в отношении депортируемых «кулаков»: «выселяемые» («высылаемые») – для «хозяйств второй категории», направляемых в «отдаленные районы», и «расселяемые» – для «хозяйств третьей категории» (так называемое внутрирайонное расселение). При этом «выселение кулаков в отдаленные районы данного края» возлагалось на краевые (областные) исполнительные комитеты, а «расселение кулаков в пределах данного района» – на окружные и районные исполнительные комитеты. Сроки высылки при этом не обозначались [42].

Списки «выселяемых кулацких хозяйств второй категории» устанавливались районными исполнительными комитетами «на основе решений собраний колхозников и батрацко-бедняцких собраний» и утверждались окружными исполнительными комитетами «в соответствии с указаниями вышестоящих органов». Порядок «расселения остальных кулацких хозяйств» (то есть «кулаков третьей категории») устанавливался окружными исполнительными комитетами [43].

В отношении «кулаков» последней категории окружными исполнительными комитетами «должны быть указаны места расселения с тем, чтобы поселение в отдельных местностях допускалось лишь небольшими поселками, управление которыми осуществляется специальными комитетами (тройками) или уполномоченными, назначаемыми районными исполнительными комитетами и утверждаемыми окружными исполнительными комитетами». На «расселяемых» возлагались «определенные производственные задания и обязательства по сдаче товарной продукции государственным и кооперативным органам». Окружные исполнительные комитеты должны были «срочно проработать вопрос о способе использования расселяемых кулаков как рабочей силы в особых трудовых дружинах и колониях на лесоразработках, корчевках, лесонасаждениях, строительных, дорожных, мелиоративных, лесоустроительных и других работах» [44].

Установленный приказом ОГПУ СССР от 2 февраля 1930 г. общий порядок проведения операции по выселению «кулаков в отдаленные районы страны» был конкретизирован пакетом приложенных к приказу инструкций и указаний. Для «непосредственного руководства операцией», «концентрации всех материалов по операции и для организации постоянной связи с центром и периферией» в окружных отделах ОГПУ создавались специальные «оперативные тройки» во главе с начальником ОГПУ, в районах «для участия в операции» – районные оперативные группы. При полномочных представительствах ОГПУ, «на случай возможных осложнений», создавался «чекистско-военный резерв», а при окружных отделах ОГПУ, «особенно в районах наиболее угрожаемых (в смысле возможных осложнений)», организовывались маневренные группы из частей ОГПУ. В крайних случаях, «при возникновении восстания» и «недостаточности частей ОГПУ» для их подавления, допускалось использование «в скрытом виде войсковых групп из надежных, профильтрованных особорганами ОГПУ частей Красной Армии» [45].

Выселение «кулаков» производилось «силами партийно-комсомольского, советского и бедняцко-батрацкого актива». Они же должны были обеспечивать доставку выселяемых на сборные пункты вместе с личными карточками на «раскулаченных». В карточке указывались: фамилия, имя, отчество; год и место рождения; национальность; состав семьи; лишен ли избирательных прав; служба в «старой» и особо в «белой» армии (время, чин); род занятий; есть ли члены семьи в Красной Армии (кто, где); подвергался ли суду и административным взысканиям (приговор и пр.); политическая характеристика (постановление «бедняцко-батрацкого актива», общая характеристика и др.) [46].

Сборные (концентрационные) пункты, занимавшиеся приемом, учетом и отправкой выселяемых, возглавлялись комендантами, назначаемыми из числа сотрудников ОГПУ. В их обязанности входили: «охрана, организация питания, медицинского и санитарного обслуживания, прием и учет выселяемых»; поддержание «систематической связи с оперативной группой». В распоряжении комендантов находилась «вооруженная сила по охране сборных пунктов» [47].

В сборных пунктах создавались «учетно-следственные группы», которые возглавляли работники ОГПУ не ниже окружного уровня. В их задачи входила «проверка выселяемых с целью выявления разыскиваемых или проходящих по другим делам лиц», а также тех, кто представляет «особый интерес для ОГПУ» и кого нужно «подвергнуть более тщательной следственной обработке в ... ОГПУ и привлечь во внесудебном порядке по имеющимся делам». Для ведения информационно-агентурной работы учетно-следственная группа «вербует из среды выселяемых осведомителя из расчета один на 30–50 взрослых, который затем передается начальнику эшелона» [48].

Выселяемые «кулаки», у которых при конфискации имущества оставлялись «лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте и необходимый на первое время минимум продовольственных запасов», должны были взять с собой топоры, пилы, лопаты, плотницкий инструмент и т. д., причем общий вес имущества и продовольствия не должен был превышать 25–30 пудов (400–480 килограммов) на семью. При посадке в эшелон топоры, пилы, лопаты и другие инструменты этого рода отбирались и грузились в отдельные вагоны, чтобы выселяемые не могли применить их против охранников [49].

В инструкции органам транспортного отдела ОГПУ по перевозкам выселяемых подчеркивалось, что эшелон должен состоять из 44 вагонов-«теплушек» для «раскулаченных», восемь товарных вагонов для груза (имущества) и одного вагона (классный, 4-й категории) – для конвойной команды. В каждый вагон для «раскулаченных» помещалось до 40 чел. Всего, следовательно, в одном эшелоне предусматривалась перевозка 1 700–1 800 чел. (мужчин, женщин, детей). В инструкции также регламентировалось наличие оборудования и инвентаря в вагонах-«теплушках»: печь – 1, рамы оконные – 2, ведра – 3 (в том числе под кипятик – 2, для естественных надобностей – 1), дверных закладок – 1, фонарей – 4 (в том числе сигнальный – 1) [50]. В инструкции комендантам по сопровождению эшелонов указывалось, что в их распоряжение выделялись «13 человек охраны ОГПУ».

На каждый вагон полагались староста и его помощник, которые были обязаны следить за порядком. Двери вагона должны быть закрыты, и только во время движения эшелона разрешалось открывать их на «5–6 вершков для притока воздуха». Комендант мог производить обыски в «теплушках» для обнаружения «предметов для физического сопротивления», алкоголя и т. п. В случае побега охрана обязана была стрелять без предупреждения. Органы транспортного отдела ОГПУ должны были в пути обеспечивать выселяемых кипятком, а также горячим питанием – раз в двое суток. Медицинская помощь в пути возлагалась на органы Наркомата путей сообщения [51].

Установленный приказом ОГПУ от 2 февраля 1930 г. порядок проведения массовых депортаций в общих чертах (с некоторыми модификациями) сохранялся на протяжении всего периода 1930–1940-х гг. При этом с начала января 1930 г. и до государственного-нормативного закрепления политики «ликвидации кулачества как класса», принятия решений на союзно-республиканском уровне о механизме ее реализации, в порядке «местной инициативы» и при негласном одобрении «центра» целый комплекс документов распорядительного и регламентирующего характера об «изъятии из деревни контрреволюционных элементов» создается партийными комитетами и советскими органами регионов «сплошной коллективизации».

Так, 8 января 1930 г. бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) решило выселить из края 20 000 «кулацких хозяйств», в том числе 1 500–2 000 – из национальных районов. Наибольшее число выселяемых приходилось на Кубанский округ – 3 700 семей, Донской – 2 700, Армавирский и Терский – по 2 200 семей [52]. В Центрально-Черноземной области (ЦЧО) инициативу в «скорейшем проведении кампании по раскулачиванию и изъятию кулаков из деревни» проявили окружкомы ВКП(б). Еще 9 января 1930 г. Козловский окружком обратился в обком ВКП(б) с просьбой о «скорейшем разрешении вопроса об изъятии кулаков из села». 21 января 1930 г. Россошанский окружком принимает решение о высылке из пределов округа не менее 3 000 хозяйств «кулаков, бывших помещиков и офицеров, служителей охранки, жандармерии, полиции и членов контрреволюционной секты федоровцев», что составляло «примерно около 2 % населения округа». Внутри округа было решено переселить еще около 4 000 семейств [53].

20 января 1930 г. постановление «Об изъятии и выселении контрреволюционных элементов и кулачества из деревни» принимает бюро Средневожского крайкома ВКП(б) [54]. 24 января 1930 г. Нижневожский крайком партии, «ввиду стихийного движения по раскулачиванию, массового бегства кулачества (до 10 000 хозяйств), распродажи имущества», принимает решение ускорить проведение кампании по «раскулачиванию» и провести конфискацию имущества у всех «кулацких» хозяйств (50 000 чел.) в течение 10–15 февраля 1930 г., а высылку 9000 «кулацких» семейств – в течение февраля 1930 г. [55]. 28 января 1930 г. постановление о ме-

роприятиях по ликвидации «кулачества» в районах сплошной коллективизации принял ЦК КП(б) Украины [56]. Тогда же Крымский обком ВКП(б) принял решение о «раскулачивании» 8 000 из 95 000 крестьянских хозяйств (8,4 %) и о выселении 3 000 семей (примерно 50 тыс. чел.) [57].

Стихия подобного «местного нормотворчества» захлестнула все аграрные регионы страны, и ввести ее в жесткие рамки централизованного контроля в период «сплошной коллективизации» до конца не удалось. Это приносило зачастую весьма негативные практические результаты. Так, зимой-весной 1930 г. «по инициативе снизу» происходило массовое «раскулачивание» хозяйств, которые первоначально не были внесены в списки «кулаков» и считались середнячками. Но местные руководители считали, что необходимо «...без боязни проводить раскулачивание и середняков; ...перегибов в отношении середняков бояться нечего, так как остальные середняки скорее пойдут в колхоз и будут бояться выходить из колхозов» [58]. Факты массового «раскулачивания» середняков признавались в официальных документах. В частности, в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» отмечалось, что «...в число «раскулаченных» попадает иногда часть середняков и даже бедняков, причем в некоторых районах процент раскулаченных доходит до 15, а процент лишенных избирательных прав – до 15–20» [59].

В целом отношение бедняцко-середняцкой части населения, как отмечалось в докладе Опергруппы ОГПУ СССР от 6 мая 1930 г., «...оставалось положительным в течение хода всей кампании». Однако признавалось, что повсеместно отмечались «...случаи колебания середняков», что «...в ряде мест имелись такие отрицательные моменты: отклонение списков выселяемых на собраниях, групповые и массовые выступления в защиту кулачества..., недопущение выселения», особенно «...при посадках и отправках кулачества». Об этом свидетельствует, например, тот факт, что за февраль–май 1930 г. произошли 1 722 массовых выступления крестьян «в защиту кулачества», в которых приняли участие более 420 тыс. чел. [60].

Итоги первого этапа «ликвидации кулачества» были подведены к лету 1930 г. К концу мая этого года в Средневолжском крае были «раскулачены» 28 000, в Нижневолжском крае – около 39 500 хозяйств (соответственно 2,1 и 2,5 % общей численности крестьянских хозяйств в этих регионах). В ЦЧО к 25 февраля 1930 г. были «раскулачены» 53 600 хозяйств (2,7 %). В Украине только зимой 1930 г. были «раскулачены» 90 000–93 000 хозяйств (3,5–4,0 % от их общей численности), в Белоруссии зимой-весной этого же года – 15 600 хозяйств (2 % крестьянских хозяйств [61]. При этом по данным ЦСУ СССР в 1929 г. в Средневолжском крае насчитывалось 1,2 % «кулацких» хозяйств, в Нижневолжском крае – 2,5 %, в ЦЧО – 0,7 %, в Украине – 1,4 %, в Белоруссии – 2,6 % [62]. Таким образом, в первой половине 1930 г. в подавляющем большинстве регионов и по стране в целом было «раскулачено» значительно больше крестьянских хозяйств, чем числилось по официальным данным хозяйств «кулацких». По примерным подсчетам Наркомфина СССР, общее количество экспроприированных крестьянских хозяйств к лету 1930 г. в целом по СССР составило свыше 320 000. Всего же к концу 1930 г. по всей стране были «раскулачены» около 400 000 хозяйств [63]. Кроме того, к осени 1930 г. 200 000–250 000 крестьянских хозяйств «самораскулачились», то есть распродали свое имущество и бежали в города и промышленные центры [64].

Не менее результативно была проведена в конце января – первой половине февраля 1930 г. и операция по «ликвидации кулаков первой категории», аресты которых должны были предшествовать выселению «кулацких» семей. Во всех регионах страны были арестованы: по данным на 6 февраля 1930 г. – 15 985 «контрреволюционных элементов», на 9 февраля – 25 245, на 12 февраля – 34 001, а на 17 февраля 1930 г. – 52 712 чел. [65]. Следовательно, установка Политбюро ЦК ВКП(б) на арест 49 000–60 000 «кулаков первой категории» была выполнена уже к середине февраля 1930 г. А если учесть, что данные сводок ОГПУ были далеко не полные, так как не всегда в срок поступали донесения с мест, то можно считать, что контрольные показатели и здесь были перевыполнены.

С февраля по 20 мая 1930 г. проводилась операция по «выселению кулаков второй категории». По данным ОГПУ, из так называемых районов сплошной коллективизации были выселены 67 994 семьи (348 734 чел.), что составляло 26,1 % всех «раскулаченных» хозяйств. В частности, из Украины были выселены 20 793 семьи (113 637 чел.) или 28 % «раскулаченных», из ЦЧО – 8 237 семей (42 837 чел.) или 18 % раскулаченных, из Нижневолжского края – 7 931 семья (40 001 чел.) или 20 % раскулаченных, из Средневолжского края – 5 873 семьи (31 037 чел.) или 21 %, из Белоруссии – 9 701 семья (47 392 чел.) или 72 %, из Крыма – 3 179 семей (14 029 чел.) или 64 % «раскулаченных» [66]. Эти данные свидетельствуют, что задание по выселению «кулаков второй категории» было также (по абсолютным показателям) не только выполнено, но и перевыполнено (итог составил более 104 % к «плану»).

Политика «ликвидации кулачества как класса» предполагала арест или выселение из родных сел и деревень всех «раскулаченных» крестьянских хозяйств. В связи с этим наибольшие трудности для властей, и прежде всего местных, представляли хозяйства так называемой третьей категории («оставляемые в пределах района кулаки»), которые после «раскулачивания» подлежали «расселению на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках». Районные власти, на которые возлагалась обязанность обустройства

«третьей категории раскулаченных», стремились как можно больше число «кулаков» отнести ко «второй категории» – для того, чтобы выселить их из «своего» района. Об этом свидетельствует массовый отсев хозяйств из списков на выселение, составленных районными органами при их утверждении окружными штабами по выселению. Впрочем, краевые и областные органы власти иногда сами увеличивали первоначально планируемый на выселение «контингент» и неоднократно обращались в «Центр» с просьбой об утверждении таких «пересмотренных» показателей. Однако «Центр», соглашаясь с увеличением числа выселяемых по отдельным «районам сплошной коллективизации», не всегда удовлетворял аппетиты региональных руководителей – из-за «невозможности организации выселения в предлагаемых масштабах» [67].

Отсев «неправильно выселяемых» продолжался «непосредственно на сборных пунктах перед посадкой в эшелоны, и даже имелись отдельные случаи выгрузки неправильно выселяемых из вагонов». По данным ОГПУ, в отдельных «районах сплошной коллективизации» было отсеяно около половины, а в некоторых – до трех четвертей всех намеченных к выселению хозяйств [68].

В целом по стране за первую половину 1930 г. были переселены в северные необжитые районы Сибири, Урала, Дальнего Востока, Северного края и Ленинградской области, а в Казахстане – в район Аральского моря более 162 000 «раскулаченных третьей категории», что составило лишь 56,9 % от запланированного показателя [69]. Общее же число выселенных и переселенных в феврале–мае 1930 г. «кулаков» составило, таким образом, 100 262 семьи, то есть 510 755 чел. Осенью 1930 г. выселение и переселение «кулаков второй категории» было возобновлено в «ограниченных размерах», и к началу декабря 1930 г. число выселенных составило 112 828 семей (550 558 чел.). После этого на местах осталось «раскулаченных», но не высланных примерно 1 млн. чел. (203 681 семья) [70].

В результате «раскулачивания» было экспроприровано имущество крестьян на многие миллионы рублей. По данным, которые приводил И.В. Сталин на XVI съезде ВКП(б), до лета 1930 г. колхозам было передано имущество раскулаченных стоимостью более 400 млн. руб. Однако, помимо колхозов, конфискованное имущество передавалось совхозам (например, в Казахстане) и другим государственным и кооперативным организациям, а также оставалось в распоряжении райисполкомов и сельских советов. Кроме того, некоторая часть имущества продавалась с торгов и шла в погашение долгов и недоимок «кулацких» хозяйств. Поэтому общая стоимость конфискованного у «раскулаченных» имущества составила, по всей видимости, не менее 500 млн. руб. [71].

В совершенно секретных докладных записках и отчетах ОГПУ того периода, анализирующих итоги первого этапа выселения «кулачества», в целом объективно отражаются полученные результаты. Так, в докладе опергруппы ОГПУ от 6 мая 1930 г. перечисляются следующие «отрицательные моменты» в организации доставки выселенных на сборные пункты и в работе этих пунктов: «неподготовленность помещений на сборных пунктах для выселяемых; необеспеченность продуктами питания, теплой одеждой и обувью; неподготовленность подвод и отсутствие фуража для доставки выселяемых на сборные пункты для погрузки в эшелоны; наличие отдельных злоупотреблений» [72].

Следование эшелонов с выселяемыми «происходило по военным графикам с остановкой для снабжения паровозов» и в целом «железнодорожный транспорт хорошо справился с возложенной задачей по массовой перевозке выселяемых кулаков». Однако «в пути теплушки с переселенцами не обеспечивались не только кипяченой, но подчас и сырой водой; отправление естественных надобностей производилось в ведрах» [73]. Медицинское обслуживание выселяемых по пути их следования в места высылки было организовано «лишь после обнаружения значительного количества заболевших (в особенности детей – корью и скарлатиной) и соответствующего нажима из центра». За время переселения по 189 эшелонам «было снято в пути больных – 320 чел., из них: 49 мужчин, 168 женщин и 173 детей»; «умерло в пути – 58 чел., из них: 10 мужчин, 1 женщина и 47 детей» [74]. По-видимому, эти данные, особенно по заболевшим и умершим детям, далеко не полные. Так, в докладной записке полномочного представительства (ПП) ОГПУ по Северному краю от 28 марта 1930 г. сообщалось, что только в составе 95 эшелонов, прибывших в Северный край, больных детей было 172, умерли в пути – 35 чел. [75].

С самого начала массового проведения «операции по ликвидации кулачества и выселению их в отдаленные регионы страны» начались массовые волнения крестьян. Уже в январе 1930 г. ОГПУ признавало, что стали обнаруживаться «признаки перерастания значительного числа массовых выступлений в упорные, длительные волнения». По данным ОГПУ, в январе 1930 г. в стране произошло 401 массовое выступление со 109 846 участниками, в феврале – соответственно 1 066 и 214 196, в марте – 6 512 и 1 434 588. Итого за три месяца – 7 979 выступлений и 1 758 630 чел. Всего же в 1930 г. «в массовых и групповых антисоветских выступлениях» на селе участвовали свыше 2 468 000 чел., что более чем в восемь раз превышает соответствующий показатель 1929 г. (1 300 массовых выступлений с количеством участников в них около 300 000 чел.) [76].

Формы «антисоветских проявлений» характеризуются следующими данными: в январе 1930 г. зарегистрировано 102 «массовых выступления», 808 «случаев террора», 460 «написания листовок», в феврале со-

ответственно 1 048, 1 368 и 828, в марте – 6 528, 1 895 и 1181, в апреле – 1 992, 2 013 и 838, в мае – 1 375, 1 219 и 393, в июне – 885, 796 и 253. В числе «массовых выступлений» в 1930 г. 176 «имели повстанческий характер» [77]. Выступления крестьян жестоко подавлялись: за период с февраля по апрель 1930 г. были арестованы 6 324 чел., убиты (с января по апрель) «при ликвидации кулацких выступлений главарей и активных участников» – 2 686 чел., «добровольно сдались» – 7 310 чел. [78].

С июня 1930 г. «в регионах массового выселения раскулаченных усиливается движение за возвращение высланных». Главную роль в организации этого движения «играют родственники высланных и раскулаченных, организующие сбор подписей под заявлениями о возвращении высланных и поднимающие этот вопрос на общих собраниях». В результате «этой антисоветской деятельности отмечаются отдельные факты, когда общие собрания выносят постановления о возвращении высланных кулаков» [79].

Родственники высланных, «стремясь склонить на свою сторону общественное мнение», «широко практиковали размножение и распространение полученных от ссыльных писем, в которых положение ссыльных рисовалось в мрачных красках». «Агитация за возвращение кулаков из ссылки», по утверждению ОГПУ, «в ряде мест встречает сочувствие и поддержку отдельных бедняков и середняков»: «зафиксированы случаи активного выступления бедняков в защиту высланных кулаков, случаи вынесения бедняками и середняками постановлений о возбуждении ходатайств о возвращении кулаков из ссылки, сбор подписей и посылка делегаций бедняков и середняков на место ссылки за членами семей ссыльных», отправка ходатаев в Москву. Широко практиковалось снабжение «кулаков» документами через подставных лиц: «документ выдается на имя какого-нибудь бедняка или середняка со сходной фамилией, а затем передается кулаку, который небольшой подчисткой удостоверения переделывал его в собственный документ» [80].

Морально-психологическое состояние самих спецпереселенцев было чрезвычайно тяжелым. Они посылали сотни тысяч писем и телеграмм в Москву – И.В. Сталину, М.И. Калинин, в ЦК ВКП(б) и правительство. Зимой и весной 1930 г. только на имя И.В. Сталина и М.И. Калинина поступило более 130 000 писем. Спецпереселенцы связывали большие надежды с начавшейся в стране кампанией «по пересмотру списков раскулаченных», с деятельностью «комиссии Бергавинова» [81]. Однако эти надежды для подавляющего большинства выселенных оказались тщетными. Более того, в связи с объявленным осенью 1930 г. курсом на «организацию нового прилива» в колхозы начался второй этап «раскулачивания» и депортации «раскулаченных». При этом основными методами его реализации оставались насильственная экспроприация и применение так называемого «административного раскулачивания».

20 февраля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) поручило ОГПУ СССР «определить и подготовить в течение шести месяцев районы для устройства кулацких поселков тысяч на 200–300 семейств» [82]. Для «осуществления общего руководства и контроля за раскулачиванием и выселением» на новом этапе в марте 1931 г. была создана специальная комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с заместителем председателя СНК СССР А.А. Андреевым (с декабря 1931 г. – Я.Э. Рудзутаком).

Все «кулацкие» хозяйства «по степени их социальной опасности», как и в 1930 г., подразделялись на три категории, «подлежащие выселению из районов сплошной коллективизации»:

1) «хозяйства, числящиеся в списках кулацких на момент начала кампании раскулачивания» (то есть хозяйства, обложенные в 1930/1931 финансовом году налогом в индивидуальном порядке);

2) «кулацкие» семьи, «главы и члены которых привлечены или осуждены органами ОГПУ и судами за контрреволюционную деятельность»;

3) так называемые «бывшие кулацкие хозяйства» (хозяйства, «которые ко времени проведения сельхозналога 1930/31 г. ликвидировали сами или под влиянием налогового прессы свои кулацкие признаки», то есть «самораскулачились», и «кулацкие семьи, хозяйства которых частично ликвидированы судами и административными органами за невыполнение твердых заданий по заготовкам, за неуплату налогов и т.д.») [83].

«Безоговорочному» выселению подлежали хозяйства «второй и третьей категорий». Выселению в спецпоселки подлежала также часть «осужденных или находящихся под следствием кулаков». В соответствии со специальным циркуляром Наркомата юстиции РСФСР от 21 июля 1931 г. «в списки кулаков, подлежащих выселению из районов сплошной коллективизации, включаются также и кулаки, осужденные по ст. 61, 107 и 74 УК (срыв собраний и прочие действия, связанные с проведением сельскохозяйственных кампаний), независимо от того, к какой мере социальной защиты осуждены и на какой срок» [84].

Перечисленные статьи Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. предусматривали уголовную ответственность:

- часть первая статьи 61 – за «отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение»;

- часть вторая этой же статьи – за «те же действия, совершенные кулацкими элементами хотя бы и в первый раз, или же другими лицами приотягчающих обстоятельствах: сговор группы лиц или оказание активного сопротивления органам власти в проведении повинностей, заданий или работ»;

- часть первая статьи 74 – за «хулиганские действия на предприятиях, в учреждениях и общественных местах...», если эти действия по своему характеру не влекут за собой более тяжкого наказания;
- часть вторая этой же статьи – за «означенные действия», если они «заклучались в буйстве или бесчинстве, или совершены повторно, или упорно не прекращались, несмотря на предупреждение органов, охраняющих общественный порядок, или же по своему содержанию отличались исключительным цинизмом или дерзостью;
- статья 107 – за «скупку и перепродажу частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления) [85].

Включению в списки выселяемых подлежали и те «кулаки», «которые осуждены по другим статьям УК на сроки не свыше трех лет». В циркуляре Наркомюста РСФСР особо оговаривалось, что «выселению подлежат... как сами кулаки, так и члены их семей на общих основаниях». Особо выделяется группа осужденных, которая «остаётся отбывать назначенную меру социальной защиты в местах лишения свободы». Это – «кулаки, осужденные на срок свыше трех лет за контрреволюционные преступления и особо опасные преступления против порядка управления (теракты, массовые беспорядки, поджоги, бандитизм)». Но семьи «кулаков», остающихся в местах лишения свободы, «подлежат выселению на общих основаниях». В циркуляре разъясняется и порядок выселения осужденных «кулаков»: «находящиеся в местах лишения свободы кулаки и подлежащие... выселению, передаются в распоряжение оперативных троек для отправки в определенные места поселения, причем до момента отправки они содержатся под стражей».

Дела о «кулаках», обвиняемых по статьям 61, 74 и 107 УК РСФСР, находящиеся в стадии расследования или на рассмотрении судебных органов, «прекращаются прокурором или подготовительным заседанием суда, а обвиняемые по этим делам кулаки подлежат выселению вместе с семьями на общих основаниях» [86]. На начальном этапе «выселенческой» операции 1931 г. не было ясности с определением отношения к хозяйствам, «раскулаченным» в период налоговых и заготовительных кампаний, а также к тем хозяйствам, члены которых были осуждены народными судами к высылке в районах «несплошной коллективизации». В апреле 1931 г. Верховным судом РСФСР было указано, что применение высылки к данным категориям «кулацких» хозяйств «нецелесообразно», а также отмечена как «ошибочная практика нарсудов по массовому раскулачиванию в районах несплошной коллективизации» [87].

Особую группу депортируемых составляли хозяйства лишенных избирательных прав («лишенцев»), которые ни на момент начала кампании выселения 1931 г., ни в предыдущий период не числились в «кулацких» списках и не облагались сельскохозяйственным налогом в индивидуальном порядке. При решении вопроса о депортации семей «лишенцев» местные руководители должны были руководствоваться в первую очередь «принципом целесообразности», то есть в списки на выселение включались те хозяйства, «оставление которых на месте будет признано нецелесообразным».

Что касается вопроса «об оставлении на месте семей выселенных кулаков и, в частности, нетрудоспособных членов семьи (дети, не достигшие 18-летнего возраста, женщины и нетрудоспособные старики)», то при его разрешении рекомендовано было (в частности, местным органам прокуратуры) также «руководствоваться данными о целесообразности такого постановления и об отсутствии с их стороны каких-либо антисоветских выступлений». При этом малолетние дети (в возрасте до 10 лет) по «желанию выселяемой семьи... могут быть оставлены на месте на попечении родственников или соседей» [88].

В нормативных документах, разъясняющих механизм проведения «антикулацкой» кампании 1931 г., содержится примечательное положение, согласно которому списки «кулаков» на выселение составлялись и в районах «несплошной коллективизации». Причем предусматривалось, в частности, что «предварительное составление списков в районах и сельсоветах несплошной коллективизации не сопровождается широкой общественной кампанией (постановления собраний колхозников, бедноты единоличников о выселении данных хозяйств), а проводится самостоятельно (оперативной) тройкой на основании имеющихся материалов» [89]. Таким образом, готовилось проведение кампании выселения «кулаков» не только в районах, уже отнесенных в ее начале к «районам сплошной коллективизации», но и во всех остальных, которые объявят себя таковыми.

Алгоритм операции по «раскулачиванию» и «выселению» можно отчетливо проследить на примере отдельно взятого региона – Северного края. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что здесь, как и во всех других регионах, эта операция готовилась в условиях строжайшей секретности. Так, в секретных директивах краевых органов районным руководителям предписывалось «при проведении подготовительных работ... соблюдать строжайшую конспирацию, ни в коем случае не разглашать предстоящее выселение», а «секретные директивы» вышестоящих органов «ни в коем случае не спускать до конца выселения в технический аппарат РК, а хранить у себя наравне с шифром» [90]. Во всех районах создавались тройки в составе председателя райисполкома, секретаря райкома ВКП(б) и представителя (уполномоченного) ОГПУ, на которые было возложено «проведение всех подготовительных мероприятий по ликвидации кулачества и всей практической работы по проведению раскулачивания и переселения с привлечением прокуратуры и районных КК РКИ» [91].

«Техническое проведение» выселения возлагалось на органы ОГПУ. При этом аппарат ОГПУ «составляет по своим материалам и данных судебных, финансовых и других органов и в пределах установленных контрольных заданий список подлежащих выселению семей». Составленный ОГПУ список «рассматривается и контролируется комиссией (тройкой)» [92]. В списки вносились следующие сведения: «а) имя, отчество, фамилия и возраст главы семьи; б) место жительства (деревня, сельсовет); в) социальное положение и указание, лишен ли гражданских прав; г) описание имущественного положения (основные объекты движимого имущества и производственных средств) с обязательным указанием суммы налогов, наложенных на хозяйство в 1930/31 г.; д) состав семьи (указать степень родства каждого, имя и отчество, возраст, чем занимаются); е) подробное изложение данных, характеризующих высылаемых с социально-политической стороны; ж) предположение тройки о месте высылки (оставить в пределах района, выслать в другой район)» [93].

После рассмотрения списка органы ОГПУ производят «изучение глав семей и взрослых членов семьи мужского пола» и их «изъятие». «Не ранее чем за 5 дней до начала выселения, – указывал Севкрайком ВКП(б) в своем письме от 20 апреля 1931 г., – созываются ячейки, по плану РК (райкома) с его представителем, узкие собрания сельского партийного и комсомольского актива с участием активистов, проверенных и испытанных в преданности Советской власти бедняков, батраков, колхозников, на которых дается общая информация о выселении и оглашается список. Внесенные активом коррективы особенно внимательно рассмотреть, чтобы не было сведения личных счетов и ошибок. Сроки собраний согласуются с ПП ОГПУ и увязываются с календарем выселений».

Непосредственно перед выселением (максимум за три дня) «усиливается на собраниях колхозников, группах и собраниях бедноты, единоличников кампания за ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, где прорабатываются и проверяются списки и выявляются неучтенные хозяйства кулаков». При этом особо подчеркивалось, что на собраниях делаются «специальные доклады о значении выселения и принимаются решения с требованием о выселении контрреволюционных кулацких семей... без оглашения списка» и «одновременно даются поручения Президиуму сельсовета наметить список таких семей» [94].

Процитированные секретные документы явно опровергают официозные утверждения центрального руководства о проведении «ликвидации кулачества» по инициативе «снизу». Механизм подготовительных мероприятий этой акции был обратным: сначала «сверху» выявлялись хозяйства, подлежащие «раскулачиванию и выселению», а уже потом инициировалась «санкция снизу» (постановления «бедняцко-колхозного актива» и т. п.).

Одновременно с составлением и утверждением списков хозяйств, подлежащих «раскулачиванию и выселению», и «в целях предупреждения самоликвидации кулацких хозяйств и самовольного их переселения» проводился «учет имущества» этих хозяйств. Эта работа, как указывалось в директивных документах, «должна быть организована в каждом районе с расчетом на одновременное и быстрое (2–3 дня) ее проведение по всем кулацким хозяйствам». Учет (опись) имущества производился уполномоченным районной «тройкой» в «присутствии владельца или кого-либо из совершеннолетних членов его семьи, а в случае их отсутствия – в присутствии 1–2 понятых из граждан селения, в котором находится это хозяйство».

Комиссия по учету имущества была обязана «принять все меры к наиболее полному его выявлению, для чего она должна тщательно осмотреть все хранилища, имеющиеся в хозяйстве, произвести, если это будет признано необходимым, личный обыск владельца и всех членов его семьи, выявить, не сдано ли имущество посторонним лицам». Все описанное имущество передавалось на хранение владельцу под его личную ответственность, при этом «владелец должен быть письменно предупрежден о том, что всякая его попытка к распродаже или укрытию описанного имущества, или же к выезду на жительство в другую местность повлечет за собой немедленную конфискацию всего имущества и высылку семьи владельца в административном порядке» [95].

«Практические мероприятия» по выселению проводились после утверждения списков краевой комиссией и принятия райисполкомами постановлений по выселению «кулаков» и конфискации их имущества. Постановления передавались «для практического осуществления» начальнику управления милиции и уголовного розыска района. После получения постановления специальная комиссия в составе начальников управления милиции и уголовного розыска района, уполномоченного представителя райисполкома, представителя колхоза, которому передается конфискованное имущество кулака, представителей союза сельхозрабочих и бедняцкой группы, председателя сельсовета приступают к проведению конфискации имущества «кулаков», внесенных в списки на выселение. Для этого также «мобилизуются коммунисты, комсомольцы, колхозники, батраки, беднота, красные партизаны». Комиссия, «объявив кулаку постановление о выселении, приступает к тщательному обыску как в жилых, так и нежилых постройках данного кулака». Одновременно «при осуществлении обыска производится подробная опись его имущества, подлежащего конфискации с примерной оценкой такового» [96].

Конфискации подлежали также «наличные денежные суммы за исключением не более 500 руб. на хозяйство для выселяемых второй категории». При этом «сберкнижки и облигации госзаймов отбираются у кулаков всех категорий и даются расписки их владельцам. Конфискуемые (у) раскулачиваемых жилые и хозяйственные постройки, предприятия, скот, орудия производства, сельскохозяйственный инвентарь, кормовые и семенные запасы и т. д. передавались РИКаами (райисполкомами) в неделимый фонд колхозов в качестве вступительных взносов батраков и бедняков» [97].

При конфискации имущества у «кулацких» семей «второй и третьей категорий» им должны быть оставлены «самые необходимые предметы домашнего обихода, простейшие средства производства в соответствии с характером работы на новом месте и минимум продовольственных запасов, необходимых на первое время». Северным крайисполкомом был определен следующий перечень «обеспечения предметами первой необходимости»: трехмесячный запас продовольствия, предметы домашнего обихода, топоры, косы, лопаты, плотничьи инструменты и т. п. [98]. Все имущество не должно было превышать 30–35 пудов на семью. Остальные вещи домашнего обихода, одежду, продовольствие можно было пересылать к месту будущего поселения в общем порядке за счет высылаемой семьи [99].

После «раскулачивания» выселяемые семьи направлялись на «сборные районные пункты», где они находились до «окончательного их сбора и отправки на железнодорожную или водную станцию». По «прибытии на конечный пункт железнодорожного или водного пути», выселяемые «конвоировались до конечного пункта расселения» гужевым или автомобильным транспортом. В инструктивных документах строго определялся «порядок конвоирования в пути»: в конвое «назначается на каждые 10 взрослых человек выселяемых один сотрудник милиции и два надежных комсомольца или партийца, выделяемых для этой цели райкомами ВКП(б); назначаемый «с места отправления конвоем сопровождает выселяемых до конечного пункта расселения». По пути следования к конечному пункту расселения конвоем останавливался в селах или деревнях, через которые проходил путь (из расчета, что «движение выселяемых должно быть 25 км в сутки гужевым путем и 150 км автомобильным») [100].

По всей стране выселение в рамках второго этапа «раскулачивания» производилось с 20 марта по 25 апреля и с 10 мая по 18 сентября 1931 г. За это время были перевезены только железнодорожным транспортом 162 962 семьи (78 7341 чел.), в том числе: мужчин – 242 776, женщин – 221 834, детей – 320 731. В 1930 г. этапированы по железной дороге 77 795 семей (371 645 чел.), в том числе: мужчин – 123 807, женщин – 113 653, детей – 134 185. Всего в 1930–1931 гг. железные дороги СССР перевезли 240 757 семей «раскулаченных» с населением в 1 158 986 чел. Кроме того, были перевезены 15 355 лошадей, 7 488 телег, 8 958 плугов и 9 528 борон. Для всего этого потребовалось 715 эшелонов (37 897 вагонов) [101]. Перевозки другими видами транспорта (речным, гужевым) при «внутрирайонном расселении» составили: в 1930 г. – 33 431 (164 200 чел.), в 1931 г. – 103 208 семей (469 470 чел.). Всего же, по данным ОГПУ, было выселено и переселено: в 1930 г. – 115 231 семья (559 531 чел.), в 1931 г. – 265 795 семей (1 243 860 чел.). Таким образом, в 1930–1931 гг. выселению из родных мест подверглись 381 026 семей, насчитывавших 1 803 392 чел. [102].

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: несмотря на то, что в 1930 г. было «раскулачено» вдвое больше крестьянских хозяйств, чем в 1931 г. (450 000 против 200 000) количество выселенных семей в 1931 г. было в два с лишним раза больше, чем в 1930 г. Обусловлено это тем, что в связи с декларированным «исправлением перегибов и извращений в коллективизации и раскулачивании» весной 1930 г. было прекращено «на время весеннего сева» переселение «раскулаченных» хозяйств, а уже «раскулаченные» семьи (более 200 000) временно оставались «в районах постоянного проживания». Поэтому в 1931 г. выселялись те, кто были «раскулачены» не только в текущем, но и в предыдущем году.

Из общего числа 381 026 семей, высланных в 1930–1931 гг., 133 717 семей подверглись «внутрирайонному расселению» (из южных районов того или иного региона – в северные, из плодородных – в засушливые), а 247 309 семей были высланы в другие края и области. Процесс «выселения и переселения» интенсивно шел во всех регионах страны, не исключая национальных (Украина, Белоруссия, Северный Кавказ и Закавказье, Средняя Азия, Казахстан, Поволжье и др.) [103].

При этом все более отчетливо проявлялся разрыв между официальными декларациями политического руководства страны и его реальными действиями, все более очевидным становился не только антигуманный, но и противоправный характер этих действий. Так, в разгар депортации крестьян в 1931 г. (20 июля) Политбюро ЦК ВКП(б) заявило, что задача «массового выселения кулацких семей в основном выполнена», и поэтому дальнейшее выселение рекомендовалось проводить «в индивидуальном порядке» [104]. Но в то же самое время разрешалось выселить в Казахстане «кулаков и баев», определив «количество, сроки и места выселения», депортировать 1100 семей из Калмыкии на Урал, а 2 августа Политбюро «разрешило» выселить 3000 семей из Татарии, Башкирии и Нижегородского края. Кроме того, санкционировалось выселение «кулацко-байских хозяйств» из хлопководческих районов Туркмении, Киргизии и Кара-Калпакии [105].

30 августа 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило «Инструкцию о порядке дальнейшего выселения кулацких семейств», в которой предписывалось «выселение кулацких хозяйств из районов сплошной коллективизации в массовом порядке прекратить». В дальнейшем выселение должно производиться:

- «в индивидуальном порядке небольшими группами семейств по мере их выявления, после строгой проверки и предварительного определения возможности хозяйстройства их по месту вселения»;
- «кулацких» семей, «пролезших в колхозы, совхозы и находящихся вне их», имеющих трудоспособных, – «в индивидуальном порядке по мере выявления».
- семей, «трудоспособные члены которых репрессированы и отбывают наказание», – «после отбытия наказания последними и определения их местожительства в отдаленных местностях СССР».

В тех случаях, когда семья уже выслана, «допускается досрочное освобождение» репрессированного члена семьи, если «он не представляет особой социальной опасности». Выселению подлежали только те семьи, которые имели в своем составе трудоспособных мужчин. Выселяемые должны быть обеспечены «продовольствием, инструментом и инвентарем для хозяйственного устройства». На областные и краевые исполнительные комитеты возлагался учет «оставшихся на месте кулаков для использования его финансовыми, земельными и другими органами» [106].

Комментируя эту «Инструкцию...» и другие партийно-государственные документы, в которых обобщался опыт массовых депортаций крестьянских семей в 1930–1931 гг., следует отметить, что в них не нашла отражения практика местных органов власти разрешать отдельным категориям крестьян, даже подвергнутым конфискации имущества и определенным к высылке, оставаться в районах своего проживания. Делая такое исключение, власти исходили не столько из социальных или политических соображений, сколько из стремления не обременять себя заботой о многочисленных иждивенцах, содержание которых на спецпоселении требовало дополнительных крупных расходов. При этом установки на «разгрузку» выселяемого крестьянства от детей, инвалидов, стариков и других «социально незащищенных» категорий сельского населения давались не в государственно-нормативных (законодательных) актах, а в документах исполнительных органов.

Таким образом, с одной стороны, политическое руководство «делегировало вниз» уровень ответственности, а с другой стороны, подчеркивались полномочия исполнительных звеньев в ходе массовых или локальных депортаций принимать оперативные решения. Так, по усмотрению местных органов среднего уровня (районные и окружные исполнительные комитеты) допускался перевод (оговоренный в различных дополнительных инструкциях и разъяснениях) отдельных семей из «второй» в «третью» категорию, благодаря чему крестьяне получали некоторую возможность оставаться в местах своего проживания. Такое право могло распространяться и на членов семей «кулаков первой категории», арестованных органами ОГПУ. Очевидно также, что в этом проявился не «гуманизм» партийно-советских функционеров, а лишь стремление не допустить превращения еще не высланных, но уже разоренных крестьянских хозяйств в дополнительный источник социальной напряженности в деревне.

В 1931 г., проводя очередную, еще более масштабную, чем в 1930 г., высылку крестьян, власти, напротив, уже попытались свести к минимуму число тех, кто не подпадал под репрессии [107]. 30 августа 1931 г., то есть в день принятия упомянутого постановления, Политбюро ЦК ВКП(б) санкционировало переселение: 2 500 семей – на Средней Волге, 6 000 семей – в Башкирии, 5 000 семей – в Казахстане, 200 семей – из Туркмении на Северный Кавказ [108]. Следовательно, никакого реального значения запрет на «массовое выселение раскулаченных хозяйств» не имел.

Более того, выселение крестьян продолжалось и в 1932–1933 гг., и в последующие годы, причем теперь выселялись уже не только семьи «раскулаченных», но и приравненные к ним «саботажники» хлебозаготовок, в том числе колхозники, партийные и советские работники, директора совхозов и т.п. Несомненную роль в этом сыграло постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», пункт 1 части 3 которого обязывал «...повести решительную борьбу с... противообщественными кулацко-капиталистическими элементами» [109].

4 мая 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение о выселении 38 300 хозяйств из Украины, ЦЧО, Нижней и Средней Волги, Белоруссии, Московской области, Крыма и других регионов. Через две недели это постановление отменено, но выселение и расселение «раскулаченных» продолжалось. В 1932 г. были выселены и переселены тысячи семей из Северного Кавказа, Одесской и Черниговской областей Украины, Средней Азии и т.д. Всего, не считая «внутрирайонного расселения», в 1932 г. были депортированы 71 236 чел. [110].

Продолжалось выселение и в 1933 г. – под предлогом «чистки колхозов от кулацких элементов», борьбы с «саботажниками хлебозаготовок и других налоговых повинностей». 10 марта 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б), обсудив предложение ОГПУ СССР о депортации 2 000 000 чел. в Западную Сибирь и Северный Казахстан, решило уменьшить число выселяемых до 1 000 000 чел. и поручило комиссии во главе с заместителем

председателя ОГПУ Г.Г. Ягодой «установить окончательные цифры и категории выселяемых» и «дать проект постановления по вопросу об организации трудовых поселков ОГПУ». 17 апреля 1933 г. Политбюро приняло указанное постановление. 20 апреля 1933 г. оно было оформлено как постановление СНК СССР.

Предполагалось выселить следующие категории:

- а) «крестьян-единоличников из районов сплошной коллективизации»;
- б) «саботажников» за срыв хлебозаготовок и других хозяйственно-политических кампаний»;
- в) бежавших из деревень крестьян в связи с коллективизацией и «раскулачиванием» и «устроившихся на промышленных предприятиях»;
- г) «население из приграничной полосы»;
- д) «городской элемент», не желающий в связи с «паспортизацией» выезжать из городов;
- е) «осужденные ОГПУ на срок от 3 до 5 лет включительно» [111].

Столкнувшись с серьезными проблемами организационного и материально-финансового порядка, Политбюро вынуждено было в августе 1933 г. сократить численность выселяемых до 550 тыс. чел. (вместо первоначально планировавшихся 2 млн., а затем – 1 млн.). Соответствующее решение Политбюро ЦК ВКП(б) было оформлено как постановление СНК СССР от 21 августа 1933 г. «Об организации трудовых поселений на территории Западной Сибири и Казахстана», которое предписывало в течение 1933 г. направить в трудпоселки ОГПУ, кроме уже выселенных, находящихся в пути или прибывших на места 124 тыс. чел., дополнительно 426 тыс. чел., в том числе 48 тыс. «кулаков» и 378 тыс. (вместе с семьями) осужденных на сроки от трех до пяти лет [112]. Выселялся и «городской элемент» – из Москвы, Ленинграда и других промышленных центров. Во время проведения паспортизации весной и летом 1933 г. был осуществлен ряд крупномасштабных облав на «бродяг, нищих, проституток и прочих полууголовных и уголовных элементов», уклонявшихся от «добровольного» выезда из этих городов на соответствующее расстояние (в Москве и Ленинграде – за 101-й, в Харькове – за 51-й километр и т.д.).

Уже к 15 мая 1933 г. в спецпоселки Западной Сибири из городов европейской части СССР поступили 7 985 «деклассированных социально вредных элементов», среди которых 92 % составляли мужчины, а большинство – «лица в возрасте до 30 лет, не имеющие трудовых навыков и в значительной части зараженные сифилисом». Кроме того, с 28 июня по 9 июля 1933 г. были выселены в Сибирь 5 470 так называемых «иностранцев» цыган из Подмоскovie (1 008 семей, 1 440 мужчин, 1 506 женщин и 2 524 детей). Для транспортировки этих цыган были сформированы пять эшелонов, куда также погрузили принадлежащее выселяемым имущество, включая лошадей. Была предпринята попытка организовать цыганские трудпоселки в окрестностях города Томска, обернувшаяся, однако, неудачей в самой начальной стадии ее осуществления. Цыгане, прибыв в «места обязательного поселения», упорно не желали здесь обжиться и при первой же возможности совершали массовые побеги. Уже осенью 1933 г. этот контингент «трудпоселенцев» фактически перестал существовать, поскольку почти все цыгане бежали [113]. Всего в течение 1933 г. количество выселенных составило 268 091 чел., в том числе в Западно-Сибирский край – 140 697, в Казахстан – 55 107, на Урал – 33 920, в Северный край – 16 659, на Беломорско-Балтийский канал (Карелия) – 15 517 чел. [114].

Продолжалось выселение и в последующие годы: в 1934 г. были депортированы 111 459 чел., в 1935 г. – 117 270, в 1936 г. – 77 182 чел., а в целом за четыре года (1933–1936) – 574 002 чел. [115].

В соответствии с приказом ОГПУ СССР № 1133–1934 г. «вновь прибывающий» в этот период на спецпоселение «контингент, подлежащий заселению в спецпоселки», должны были составлять:

- 1) «осужденные к содержанию в спецпоселках тройками при ПП ОГПУ за нарушение паспортного режима»;
- 2) «осужденные к заключению в исправительно-трудовые лагеря с заменой содержанием в спецпоселках»;
- 3) «бежавшие из спецпоселков и возвращенные»;
- 4) «заклученные исправительно-трудовых лагерей, прибывшие в спецпоселки для соединения с семьями»;
- 5) «прямые члены семей заключенных, направленных ... в спецпоселок, если они являются кулаками по социальному положению и их главы фактически находились в поселке»;
- 6) «отбывшие сроки социальной защиты в ИТЛ, если их семьи фактически находятся в спецпоселке».

Этим же приказом запрещалось помещение в спецпоселки каких-либо других категорий, не вошедших в установленный перечень, без особого распоряжения ОГПУ [116]. Однако впоследствии этот список неоднократно корректировался и расширялся. Так, в апреле 1935 г. по предложению наркома внутренних дел СССР Г.Г. Ягоды Политбюро ЦК ВКП(б) решило выселить «остатки кулацких хозяйств» из Северо-Кавказского края, «контрреволюционный националистический элемент и кулаков» из Украины и «нищенствующий элемент» из Москвы в количестве 36 тыс. чел.

20 апреля 1935 г. СНК СССР принял постановление «О хозяйственном устройстве выселяемых из УССР, Северного Кавказа и из Москвы», согласно которому:

из Украины выселялись 12 тыс. чел. на предприятия Беломорско-Балтийского комбината НКВД СССР (Карелия);

из Северного Кавказа – 7 тыс. в Казахстан, 3 тыс. – в Узбекистан и 14 тыс. – в засушливые Прикумский и Дивенский районы Ставрополя;

из Москвы – 4 тыс. чел. в Казахстан.

И уже 4 мая 1935 г. Г.Г. Ягода докладывал И.В. Сталину о том, что «прием в трудпоселения кулацких хозяйств, выселенных согласно постановлению ЦК ВКП(б) из национальных районов Северного Кавказа, закончен». Приняты 4711 семей (22 496 чел.), в том числе в трудпоселки Казахстана – 3 275 чел., Узбекистана – 4 560, Северного Кавказа – 14 661 чел. [117]. В конце февраля – начале марта 1935 г. было осуществлено массовое выселение из Ленинграда так называемых «бывших людей» – дворян, офицеров царской армии, жандармов, полицейских, «церковников», «фабрикантов», домовладельцев и т.п. Формальным поводом для этой акции послужило убийство 1 декабря 1934 г. видного партийно-советского функционера С.М. Кирова. Всего тогда из Ленинграда были выселены свыше 11 тыс. «бывших людей» (включая членов семей). Основная их масса выслана в город Куйбышев (ныне Самара), а впоследствии (в конце 1941 г.) – в Сибирь [118].

В марте 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о мероприятиях по освоению Вахшской долины, для чего предполагалось в течение 1935–1937 гг. переселить 12 000 хозяйств, в том числе 6 000 тыс. из Таджикистана и Узбекистана (по 3 000) и 6 000 – из других районов СССР. В 1935 г. намечалось переселить 4 000 хозяйств. Однако по организационно-техническим и финансовым причинам были переселены только 1 312 семей (3 945 чел.). В начале 1936 г. в Вахшскую долину были переселены из Саратовского и Сталинградского краев еще 1 846 семей. Всего к 7 апреля 1936 г. переселены 3 158 семей [119].

Не прекращались репрессии в отношении крестьян («бывших кулаков») и после принятия Конституции СССР 1936 г. Лишь за первые три месяца (январь–март) 1937 г. были высланы 9 988 чел. [120]. Формально развернутая с июля–августа 1937 г. (решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г. и приказ НКВД СССР от 30 июля 1937 г. № 00447) беспрецедентная акция по «ликвидации антисоветских элементов», получившая нарицательное наименование как «время большого террора», также имела преимущественно антикрестьянский характер, поскольку в ходе ее в первую очередь подвергались репрессиям «бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность», «бывшие кулаки, бежавшие из лагерей или трудпоселков» и «кулаки, скрывшиеся от раскулачивания» [121]. Именно эти категории «антисоветских элементов», а также «единоличники» и колхозники составили (по разным регионам и в целом по стране) не менее 60 % всех репрессированных по политическим мотивам в 1937 г. – первой половине 1938 г. [122].

В 1937 г. наряду с «бывшими кулаками» контингент спецпоселений пополнялся и другими категориями «антисоветского элемента». Так, в соответствии с инструкцией, утвержденной НКВД СССР 15 июня 1937 г., из Москвы, Ленинграда, Киева, Сочи, Таганрога и Ростова-на-Дону производилось выселение:

исключенных из ВКП(б) с 1 декабря 1934 г. за «принадлежность к троцкистам, зиновьевцам, правым и другим антисоветским формированиям» и членов их семей;

семей репрессированных «участников антисоветских организаций и групп, осужденных к высшей мере наказания на срок свыше 5 лет» [123].

Правда, по особому разрешению «троек» при территориальных органах НКВД «членам семей троцкистов и диверсантов», переселявшимся из Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Сочи, Гагры, Сухуми, Таганрога, разрешалось «самим выбирать место для проживания» [124].

Что же касается непосредственно так называемой «кулацкой ссылки», то за 1930–1937 гг. были высланы 2 464 250 чел., а всего с начала «сплошной коллективизации» и до начала Великой Отечественной войны – около 4 000 000 чел. (вместе с освобожденными из тюрем и лагерей и отправленными на «спецпоселение») [125].

Масштабы «спецпереселения», охватывавшего прежде всего крестьян, расширялись из г. в год – как по социально-демографическому, так и по географическому вектору. Основной, если не определяющей, задачей этой системы все более выдвигалось освоение новых территорий и обеспечение их «дешевой рабочей силой». Выселяемые направлялись на предприятия и в организации НКВД (Беломорско-Балтийский комбинат, Воркутлаг, Норильлаг, комбинат Севникель), на строительство Байкало-Амурской магистрали, освоение безлюдных районов Казахстана и т.п. [126]. Вместе с тем в середине 1930-х гг. в процессе массовых депортаций начинается заметный переход от социально-классового принципа выселения – к национальному (этническому).

С середины 1930-х гг. на учете спецпоселений появилась еще одна категория – «лица, выселенные в порядке очистки границ СССР». Индивидуально эти люди были ни в чем не повинны: здесь, не упуская из поля зрения «вредных» по самому факту своего социального происхождения «кулацко-буржуазных элементов», власти начинают уже разыгрывать «национальную карту», выявляя и постоянно расширяя круг «подозрительных» национальностей и целых народов.

Главным критерием определения «благонадежности» либо «неблагонадежности» конкретного человека становилась его национальность, а «социальное происхождение» или «социальное положение» отодвигались на второй план. Мотивация при этом сводилась к следующему: возможная в будущем враждебность – в связи с тем, что у СССР имелись (или даже предполагались) конфликтные либо просто недружественные отношения с каким-либо соседним государством.

Безусловно, в 1930-е гг. между социально-классовыми принципами, на основании которых происходило «раскулачивание», и мотивами «этнических чисток» существовала определенная взаимосвязь. Например, в Украине и Белоруссии в период кампании по «раскулачиванию» местные этнические немцы и поляки чуть ли не поголовно рассматривались как «кулаки». Среди отправленных в «кулацкую ссылку» из Украины и Белоруссии доля «лиц польской национальности» вообще была непропорционально велика. Это как раз и являлось следствием того, что на практике «спецпереселения» применялся «комбинированный», социально-этнический подход, в данном конкретном случае – и антикулацкий, и антипольский.

Таким образом, еще в ходе «ликвидации кулачества как класса» в 1930–1933 гг. (при которой национальность человека вроде бы и не должна была иметь особого значения) вызревали симптомы грядущих «чисток» по этническому признаку. Известную (организационно-прикладную) роль в этом процессе сыграло введение в СССР паспортной системы (27 декабря 1932 г.) и последующее внедрение во все анкетно-учетные и удостоверяющие личность документы (в том числе паспорта) обязательной графы с указанием национальности [127].

Элементы «этнической чистки» проявились уже в ходе выселения в 1930 г. 18 000 лиц «социально опасного элемента» из приграничной полосы Украины и Белоруссии (22-километровая зона вдоль западных границ СССР) – в Западную Сибирь и на Дальний Восток [128]. В 1933 г. около 200 000 казахов-кочевников были принуждены к переселению (откочевке) из Казахстана – в Китай, Монголию, Иран, Афганистан и Турцию [129].

Однако первой массовой депортацией, которую можно квалифицировать как «чисто этническую», стало выселение весной 1935 г. финского населения (финнов-ингерманландцев) из погранполосы Ленинградской области и Карелии, решение о котором было принято бюро Ленинградского обкома ВКП(б) 4 марта 1935 г. Через три недели, 25 марта 1935 г., ленинградское областное УНКВД получило из НКВД СССР инструкции «по очистке погранполосы Ленобласти и Карелии от кулацкого и антисоветского элемента в порядке репрессии» (так эвфемистически называлась эта акция по депортации финнов).

«Очистка» была проведена в две очереди: сначала в апреле были выселены финны из 22-километровой приграничной полосы, а затем в мае – из 100-километровой приграничной полосы в Ленинградской области и 50-километровой – в Карелии. В результате этой операции были депортированы 5 059 финских семей общей численностью 23 217 чел., из них 1 556 чел. попали в трудпоселки Западной Сибири, 7 354 – Свердловской области, 1 998 – Киргизии, 3 886 – Таджикистана, 2 122 – Северного Казахстана и 6 301 – Южного Казахстана. Эти люди сразу же получили статус «трудпоселенцев» («спецпереселенцев»), то есть включены в контингент «бывшие кулаки» и в последующем никогда не вычленились из этого контингента [130].

В феврале–марте 1935 г. выселены 41 200 чел., главным образом поляков и немцев, из пограничной зоны Киевской и Винницкой областей Украинской ССР – в восточные районы Украины (так называемое «районное расселение») [131]. 28 апреля 1936 г. СНК СССР принял постановление № 776–120сс «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской АССР 15000 польских и немецких хозяйств». В документах последующих лет немцы уже не упоминались (хотя они составляли в общем числе депортированных около одной четверти), и это акция расценивалась как «выселение поляков». Во исполнение указанного постановления СНК СССР была произведена основательная «очистка» от польского и немецкого населения 800-метровой полосы вдоль тогдашней советско-польской границы, в первую очередь из районов нового полигонного и аэродромного строительства, то есть от нежелательных «свидетелей», тем более, что многие из них имели родственников и знакомых по другую сторону границы [132]. Переселение намечалось произвести в два этапа: 5 000 хозяйств (семей) – в мае, а 10 000 – в августе–сентябре 1936 г.

11 октября 1936 г. заместитель начальника ГУЛАГа И.И. Плинер докладывал руководству НКВД СССР, что «переселение польских и немецких хозяйств из Украины в Казахстан закончено». Переселены в июне 5 535 семей (26 778 чел.) и в августе–сентябре – 9 465 семей (42 505 чел.), то есть все 15 000 семей (69 283 чел.) были выселены. Из них: в Северо-Казахстанскую область – 14 015 семей (64 319 чел.), в Южно-Казахстанскую область – 985 семей (4 964 чел.). В отличие от спецпереселений 1930–1935 гг. вместе с депортированными польскими и немецкими семьями был частично перевезен принадлежавший этим семьям скот: 5 354 лошади, 13 455 голов крупного рогатого скота, 4 218 свиней, 1 199 овец и коз.

Следует отметить, что депортированные в 1936 г. поляки и немцы формально не являлись трудпоселенцами и по сравнению с последними имели относительную свободу передвижения – внутри области «обязательного поселения». Молодежь беспрепятственно выезжала и в другие регионы – на работу или учебу. Такое неопределенное положение «полуневоли-полусвободы» продолжалось четыре года, а затем, по приказу

ГУЛАГа НКВД СССР от 30 октября 1940 г. № 35/292368, высланные в 1936 г. «поляки» были приравнены к «трудпоселенцам», то есть включены в контингент «бывшие кулаки». К этому времени их численность заметно сократилась и составляла 41 772 чел. [133].

В конце сентября 1937 г. с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию были выселены корейцы. Официальный повод – «защита корейского населения от возможного нашествия японских милитаристов», фактически же (и по существу) – это была превентивная акция советского руководства против корейской диаспоры как «потенциальной питательной среды для японского шпионажа». Последнее не имело под собой сколько-нибудь серьезных реальных оснований, поскольку на самом деле у корейцев и японцев, кроме принадлежности к большой монголоидной расе, было мало общего, более того, на протяжении веков они являлись антагонистами: Корея была поработана Японией, и одним из главных побудительных мотивов переселения корейцев в пределы Российской Империи, а затем СССР как раз и являлось стремление найти спасение от японского гнета [134].

Выселение корейцев осуществлялось на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 21 августа 1937 г. № 1428–326сс, а также постановлений СНК СССР от 17 сентября (№ 1571–356сс) и от 27 сентября 1937 г. (№ 1697–377сс). Были выселены свыше 172 000 чел., подавляющее большинство из них составляли корейцы, но имелись также китайцы (7 000), по несколько сотен немцев, поляков, прибалтов и около 1 000 репатриантов из Харбина (Китай). Из общего числа депортированных 95 526 чел. попали в Казахстан, 76 525 – в Узбекистан, остальные – в другие среднеазиатские республики, а также – в Сталинградскую область [135]. При этом их статус в «местах обязательного поселения» так и не был нормативно определен: формально корейцы не значились «трудпоселенцами» («спецпоселенцами»), но фактически они являлись «административно высланными».

В 1937 г. не менее 4 200 курдов и представителей некоторых других национальных меньшинств выселены из приграничных районов Грузинской, Армянской, Азербайджанской, Туркменской, Узбекской и Таджикской ССР – в Киргизскую и Казахскую ССР (по постановлению СНК СССР от 17 декабря 1936 г., постановлению ЦИК и СНК СССР от 17 июля 1937 г. № 103/1127–267 и в соответствии с «меморандумом» НКВД СССР от 28 ноября 1937 г.) [136].

Часть депортированных курдов была взята на учет районных и поселковых комендатур НКВД по категории «трудпоселенцы», «растворилась» в контингенте «бывшие кулаки» и освобождена в 1947 г. – в ходе упразднения «кулацкой ссылки» в Казахстане и Киргизии. Другая их часть попала в одну категорию с политическими ссыльными и высланными вкуче с членами семей «троцкистов», «диверсантов» и т.п. На положении «спецпоселенцев» они были переведены лишь пятнадцать лет спустя, в 1952 г., как «не внушающие доверия, высланные с иранской и афганской границ в 1937 году», и освобождены в августе 1955 г. Наконец, часть курдов попала на поселение вне зон действия комендатур НКВД, избежала включения в состав «трудпоселенцев», но была лишена права возвращения на родину. Следует отметить, что в 1937 г. была осуществлена только частичная депортация курдов. Так, более 9000 «лиц курдской национальности» оставались в Грузии (их выселили в 1944 г.), а в Азербайджане еще в 1949 г. производились «зачистки» от «остатков» курдского населения [137].

В 1938–1939 гг. в два этапа осуществлена депортация этнических иранцев и «ираноподданных». На основании постановления СНК СССР от 8 октября 1938 г. «О переселении иранцев из пограничных районов Азербайджанской ССР в Казахскую ССР» были выселены около 6 000 иранцев [138]. В сентябре 1939 г. нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия утвердил «План выселения в Северный Казахстан ираноподданных и членов их семей согласно решений Особого совещания при НКВД СССР от 11, 15 и 23 августа 1939 г.». По 23 регионам страны подлежал выселению 2 081 «ираноподданный» [139]. Выселены были в 1938–1939 гг. свыше 8 000 иранцев и «ираноподданных» (из них 6 300 – из Азербайджана). Они были расселены в Казахстане и Киргизии на положении «административно высланных», то есть «трудпоселенческий» («спецпоселенческий») статус на них не был распространен и они не учитывались в спецпоселенческой статистике. Причем в 1938–1939 гг. была осуществлена лишь частичная депортация иранцев, так как более 4 500 чел., проживавших в Грузии, тогда не выселили, до них очередь дошла только в 1950 г. [140].

В процесс этнических «зачисток» 1937–1938 гг. оказались втянутыми и некоторые другие «инородные элементы», проживавшие в погранполосе СССР от Армении до Таджикистана. Так, в 1938 г. были депортированы из Марыйской области Туркмении в северную, пустынную часть этой области, в мало приспособленный для жизни человека природный пояс около 6 000 евреев-ираны [141]. В сфере «принудительной миграции» оказались также арабы, афганцы, представители некоторых других национальных диаспор, но в силу своей малой численности они попросту «затерялись» в депортированной массе курдов и иранцев [142].

Общее же количество депортированных по «национальному признаку» в 1933–1937 гг. можно оценить, по имеющимся данным, примерно в 260 000 чел. Подавляющее большинство из них составили выселенные при проведении «пограничных зачисток», при этом около двух третей пришлось на «корейскую» операцию [143].

И все-таки, несмотря на включение в состав «трудпоселенцев» («спецпоселенцев») десятков тысяч «неблагонадежных элементов» (высланные из крупных городов и погранзон «бывшие люди», финны, поляки, немцы, часть курдов и др.), доминантой «спецпереселенческой» политики властей, основой формирования и функционирования системы спецпоселений в СССР на протяжении всех 1930-х гг. была и оставалась «кулацкая ссылка». К началу 1940-х гг. в составе «трудпоселенцев» (контингент «бывшие кулаки») 888 449 чел., или 90,9 %, являлись «раскулаченными» крестьянами (с членами семей), а 88 661 чел. (9,1 %) – значились как «неблагонадежные элементы» и «нацпереселенцы» [144].

Категории «контингентов», подлежащих содержанию в трудпоселках, определялись на рубеже 1930–1940 гг. следующим образом (в соответствии с постановлением СНК СССР от 20 апреля 1933 г. № 775/146с):

1. Выселенные «из районов сплошной коллективизации – кулаки»;
2. Выселенные за срыв и саботаж хлебозаготовительных и других кампаний;
3. Городской элемент, отказывающийся в связи с паспортизацией выехать из Москвы и Ленинграда;
4. Бежавшие из деревень кулаки, снятые с промышленного производства;
5. Выселенные в порядке очистки государственных границ...;
6. Направленные в порядке разгрузки мест заключения из числа осужденных органами ОГПУ и судами на срок от 3 до 5 лет включительно, кроме особо социально опасных из них» [145].

Помимо этого (по директиве НКВД СССР от 13 сентября 1939 г. № 742871) «направлению в трудпоселки по отбытию лишения свободы в лагере, тюрьме или колонии» подлежали «следующие категории заключенных:

1. Быв[шие] кулаки, семьи которых были выселены в трудпоселки и проживают там до настоящего времени;
2. Трудпоселенцы, осужденные к лишению свободы за преступления, совершенные в трудпоселках (независимо от наличия семьи в трудпоселке)».

При этом «основанием к содержанию в трудпоселке» считались: «постановления или выписки из постановлений б[ывших] троек УНКВД или областных, районных исполкомов о выселении», а также «справки президиумов Райисполкомов, подтверждающие раскулачивание и выселение» (циркуляр НКВД и Прокуратуры СССР от 17 ноября 1939 г. № 243). О судебных решениях данный перечень даже не упоминает [146].

География расселения «спецпереселенцев» («трудпоселенцев») «кулацкой» волны, дислокация спецпоселков (трудпоселков) на 1 июля 1938 г., а также «трудовое использование» «спецпереселенцев» (трудпоселенцев) по наркоматам, ведомствам и организациям на 1 апреля 1941 г. отражены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

География расселения трудпоселенцев и дислокация трудпоселков на 1 июля 1938 г. [147]

Регионы	Человек	Численность трудпоселков	Среднее число трудпоселенцев на один трудпоселок
1	2	3	4
Новосибирская область	195 523	517	378
Свердловская область	171 899	243	707
Карагандинская область	91 297	30	3 043
Красноярский край	58 863	120	490
Челябинская область	57 337	40	1 433
Ставропольский край	45 531	10	4 533
Омская область	44 378	113	393
Архангельская область	39 031	82	476
Южный Казахстан	34 453	61	565
Иркутская область	32 211	42	767
Дальневосточный край	29 276	128	229
Белбалткомбинат НКВД (Карелия)	29 181	21	1 390
Ленинградская область	23 131	9	2 570
Читинская область	22 745	73	312
Коми АССР	20 172	37	545
Узбекская ССР	14 307	13	1 100
Башкирская АССР	12 624	13	971
Киргизская ССР	11 845	26	456
Вологодская область	9 606	45	213
Таджикская ССР	9 052	17	532

1	2	3	4
Северо-Казахстанская область	8 905	9	989
Кировская область	7 790	8	974
Украинская ССР	7 470	44	170
Карельская АССР	6 167	2	3 083
Якутская АССР	3 988	8	498
Куйбышевская область	3 287	4	822
Алтайский край	2 783	18	155
Оренбургская область	2 532	3	844
Бурят-Монгольская АССР	1 945	5	389
ИТОГО:			
РСФСР	820 000	1 541	532
Казахстан	134 655	100	1 347
Другие союзные республики	42 674	100	427
ВСЕГО по СССР	997 329	1 741	573

Таким образом, к концу 1930-х гг. основной поток спецпереселенцев переместился на Европейский и Азиатский Север СССР – в регионы действительно малоосвоенные и климатически суровые.

Урал и Западная Сибирь, вобравшие совместно около 500 000 «раскулаченных», далеко оторвались от лидировавших в начале 1930-х гг. Северного края РСФСР, Восточной Сибири и Казахстана. В то же время поселки в Западной Сибири вдвое меньше уральских, что косвенно отражает их разные хозяйственные профили – лесной и промышленно-строительный.

В областном «разрезе» заметно выделялись Новосибирская и Свердловская области, причем в первой из них (в то время в ее состав входила и нынешняя Томская область с Нарымским округом) число трудпоселков составляло около трети от общесоюзного.

Обращает на себя внимание «крупнонаселенность» трудпоселков на Северном Кавказе и в Казахстане. Примечательно, что за период с 1932 по 1940 г. число убывших со спецпоселения (2 563 401 чел.) существенно (на 400 000 чел.) опережало число прибывших (2 176 600 чел.) [148]. И дело здесь не только в высокой смертности и естественной депопуляции (число родившихся в спецпоселениях впервые превзошло число умерших лишь в 1935 г., но в целом за период 1932–1940 гг. отрицательное демографическое сальдо здесь было весьма значительным – 159 263 чел.).

Масштабными показателями характеризуются побегі – 629 042 чел. (при том, что «возвращенными из бегов» значатся только 235 120 чел., то есть менее 40 %).

Имелись и другие категории «убывших»: осужденные (53 212 чел.); освобожденные по разным причинам (130 991, в том числе 33 055 – «в порядке пересмотра, как неправильно высланные»); переданные на иждивение (36 286); «переданные в организации» (696 395 чел., как правило, формально и временно «перечисленных» из управления ОГПУ–НКВД в «хозяйственное распоряжение» другим ведомствам, например, Наркомлесу); «прочие» (627 954 чел.), среди которых, по всей видимости, большинство составляли женщины, вышедшие замуж за «нетрудпоселенцев» [149]. При этом доля «трудпоселенцев» в общем числе репрессированных в СССР (заключенных и «спецвыселенных») в конце 1930-х гг. оставалась достаточно стабильной: в 1937 г. – 34,4 %, в 1939 г. – 31,6 %. За этот же небольшой отрезок времени резко сократилась доля заключенных в тюрьмах (с 20,5 до 11,8 %), тогда как доля заключенных в лагерях и колониях увеличилась с 45,1 до 56,6 % [150].

Таблица 2

**Трудовое использование трудпоселенцев по наркоматам, ведомствам и организациям
на 1 апреля 1941 г. [151]**

Наркоматы, ведомства, организации	Всего трудпоселенцев	Число трудоспособных	Из них занято на работах
1	2	3	4
Сельхозартели трудпоселенцев	267 127	116 902	100 915
Угольная промышленность	138 036	52 888	45 469
Лесная промышленность	131 329	59 797	53 495
Цветная металлургия	84 779	36 332	28 446
Черная металлургия	63 194	21 704	20 476

1	2	3	4
НКВД	31 812	17 390	16 264
Наркомат земледелия	28 451	15 002	13 885
Наркомат совхозов	26 895	11 747	10 139
Строительство	21 573	8 242	6 720
Местная промышленность	21 061	9 791	8 984
Химическая промышленность	19 708	7 786	7 505
Рыбная промышленность	11 929	5 381	4 400
Целлюлозно-бумажная промышленность	11 767	4 204	4 104
Промышленность стройматериалов	10 228	4 258	3 895
Наркомат электростанций	10 055	4 024	3 669
Кустпромартели	8 991	4 258	3 668
Пищевая промышленность	8 540	4 433	3 694
Речной флот	6 388	4 197	3 747
Коммунальное хозяйство	6 165	2 550	2 365
Наркомпрос	6 084	3 534	2 963
Здравоохранение	5 896	3 718	3 449
Внуторг	5 652	2 913	2 361
Среднее машиностроение	4 692	2 139	1 984
Авиационная промышленность	3 236	1 222	1 222
Райсоветы	2 005	1 049	918
Собес	1 416	30	30
Легкая промышленность	1 374	536	502
Промышленность боеприпасов	1 328	560	560
Управление промкооперации при Совнаркоме СССР	866	290	284
Промышленность вооружения	712	377	325
Текстильная промышленность	639	259	248
Мясо-молочная промышленность	541	278	243
Центросоюз	537	292	289
Наркомат заготовок	523	281	268
Связь	495	297	249
Главное управление Северного морского пути (ГУСМП)	490	224	217
Тяжелое машиностроение	287	157	143
Исполкомы	229	111	108
Наркомат путей сообщения	209	162	161
Нефтяная промышленность	310	128	106
Наркомат финансов	45	29	23
Комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР	35	17	13
Наркомат юстиции	5	3	3
Некооперированное население, занятое в сельском хозяйстве	2 563	1 195	876
Разные мелкие организации	11 831	5 415	4 322
ИТОГО:	960 133	416 121	363725

Таким образом, основные отрасли применения труда спецпереселенцев (трудпоселенцев) на рубеже 1930–1940 гг. – сельское хозяйство, угольная и лесная промышленность, а также цветная и черная металлургия.

Детально вопросы административно-хозяйственного устройства спецпоселков, нормативного статуса спецпоселенцев, их трудоустройства и материально-бытового положения рассматриваются в главе 2 настоящей монографии.

Комплекс нормативных документов, которыми регулировалось решение этих вопросов на рубеже 1930–1940 гг., приводится в подготовленном ГУЛАГом НКВД СССР и датированном 21 февраля 1941 г. совершенно секретном «Перечне постановлений Правительства, приказов и циркуляров НКВД по трудссылке за 1931–1941 гг.». Из 53 упомянутых в данном «Перечне» документов лишь один (1,9 %) может быть отнесен к законодательным актам (постановление ЦИК СССР), девять документов (17,0 %) – к решениям высших органов государственно-политического управления (постановления СНК СССР, либо ЦК ВКП(б), либо совместные их постановления). «Авторство» остальных документов принадлежит: НКВД СССР – 20 (37,7 %), другим союзным наркоматам – два (3,8 %), Прокуратуре СССР – два (3,8 %), ГУЛАГу – 11 (20,8 %), другим ведомствам – четыре (7,5 %), общественным организациям (ВЦСПС) – четыре (7,5 %). Следовательно, более 80 % нормативной базы системы спецпоселений в СССР на рубеже 1930–1941 гг. являлись продуктом административного, а более половины (58,3 %) – карательно-ведомственного «бумаготворчества», которое не являлось, как правило, легитимным даже с точки зрения советского законодательства [152].

В этой связи представляется обоснованным вывод В.А. Бердинских о том, что эта «нормативная база», сложившаяся на протяжении 1930-х гг., представляет собой «громоздкий и бессистемный комплекс правительственных директив и указаний, распоряжений и приказов отдельных ведомств (прежде всего ОГПУ–НКВД)», основными элементами структуры и наиболее характерными чертами которого является то, что, во-первых, «почти все эти документы изданы не законодательными, а исполнительными и/или распорядительными органами, то есть являются подзаконными актами, нередко вопиюще противоречивыми конституционным принципам и нормам самого СССР, не говоря уже о международном праве. Сотни тысяч людей интернировались, арестовывались, выселялись, лишались имущества, подвергались административной каре не по закону (пусть даже лишь номинально существовавшему в системе жесткой диктатуры), а по партийным решениям, по постановлениям органов исполнительной власти или даже по приказам отдельных ведомств». Отсюда «с естественной неизбежностью следовал полный произвол аппарата власти на всех уровнях государства – сверху донизу». Причем «сервильный советский прокурорский надзор не только закрывал на это глаза, но сплошь и рядом поощрял такую «нормотворческую» и «правоприменительную» практику, более того – сам принимал в ней самое непосредственное участие».

Во-вторых, весьма «редкими в этой нормативной «пирамиде» являются документы высшего и наиболее авторитетного исполнительного органа государственной власти – Совета Народных Комиссаров СССР». Постановления Совнаркома (то есть Правительства страны) «не представляли собой правовую основу жизнедеятельности спецпоселений, поскольку (в «лучшем» случае и далеко не всегда) лишь санкционировали сам факт выселения, определяли категории и места размещения выселяемых». Этим «регламентирующая роль Правительства в данном конкретном вопросе по сути и ограничивалась».

Таким образом (и это третий существенный момент, отмечаемый В.А. Бердинских), «система спецпоселений со всеми ее «контингентами» передавалась в безраздельное владение органам ОГПУ–НКВД, превращалась в неприкасаемую вотчину этих «правоприменительных» ведомств, жила и управлялась их внутренними приказами, циркулярами, положениями, эволюционировала вместе с этими «органами», отражая все изломы карательно-репрессивной советской политики и сохраняя при этом в неприкосновенности ее негласный, но непререкаемый базовый принцип – управление не по законам, а по «понятиям...» [153].

Резюмируя изложенное в настоящей главе, можно сделать следующие выводы:

«Кулацкая ссылка» коренным образом отличалась от подобного рода акций дореволюционной поры и 1920-х гг. Во-первых, она была небывало массовой. Большинство депортированных крестьян при этом отправлялось на спецпоселения («спецпереселенцы»), меньшую часть составляли отправленные в ссылку на определенные сроки («ссылные») и высланные навечно («административно-ссылные»). Причем качественного учета и жесткого контроля численности спецпереселенцев поначалу просто не велось – первая инструкция ОГПУ по этим вопросам была утверждена лишь 10 декабря 1931 г. [154]. И впоследствии, в 1932–1939 гг. из-за малограмотности и малоукомплектованности надзорного аппарата на местах, высокой смертности и большого числа бежавших поселенцев – этот учет оставался относительным. Часто даже коменданты поселков не знали точно, сколько у них людей «на подотчете». Повсеместными и постоянными были переброски «рабочей силы» с одного «объекта» на другой, что еще более усугубляло неразбериху в учете.

Во-вторых, массовая депортация крестьянских хозяйств не была прописана в карательном законодательстве. Она проводилась не судебными, а партийно-советскими и административно-карательными органами и, следовательно, подпадала под определение административной высылки и ссылки. Однако по действовавшему тогда законодательству данный вид репрессии носил индивидуальный, а не семейный характер. Административная высылка и ссылка назначалась не более чем на пять лет. Их продление допускалось, но не более чем

на год и по специальному решению. Крестьянская же ссылка оказывалась по сути бессрочной. Административная ссылка не предусматривала обязательного привлечения ссыльного к труду, последний сам выбирал род занятий и место работы. Однако депортированному крестьянству труд вменялся в обязанность, а место и род занятий определялись репрессивными и карательными органами.

Таким образом, депортация крестьянства являлась экстраординарной ссылкой, носившей бессрочный, семейный характер в соединении с принудительным трудом. В дореволюционной карательной практике нечто подобное представляли собой высылка по приговорам сельских сходов, ссылка на поселение в Сибирь, но они не были такими масштабными, как репрессии сталинско-советского режима в отношении единоличного крестьянства. Карательные действия властей в силу своей экстраординарности не смогли вписаться в действующее законодательство, а потому как высылка, так и положение репрессированных крестьян и их семей на поселении регулировались не общим законодательством, а подзаконными, нормативными актами. Правовая неопределенность статуса «раскулаченных» (и особенно – «кулаков второй и третьей категорий»), порожденная хаосом «чрезвычайщины», создала в конечном итоге удобный для властей и «спецорганов» всех уровней законодательный вакуум, позволявший им изменять карательную практику в зависимости от динамично меняющихся обстоятельств.

Третья особенность «кулацкой ссылки» заключается в том, что по своему социальному составу она была исключительно крестьянской.

Четвертое: в ходе этой депортации бессмысленно, безвинно были уничтожены как минимум сотни тысяч людей и в первую очередь – дети, старики, женщины. «Кулацкая ссылка» стала истребительной антикрестьянской акцией – если не по замыслу, то по технике своего исполнения.

Пятое: последствия этой всекрестьянской ссылки повлияли на развитие страны в целом. Посредством ее удалось заставить миллионы крестьян войти в колхозы. Таким образом была сформирована система, сделавшая всех крестьян без исключения гражданами второго сорта, наиболее угнетенным сословием в СССР. Есть все основания утверждать, что «раскулачивание» и массовая гибель крестьян – основной производительной силы деревни – в связи с репрессиями, депортациями, от голода, болезней, непосильного труда (число безвозвратных потерь составляет, по разным данным, от 6 до 14,5 млн. чел.) [155] обернулись полной деградацией и упадком сельскохозяйственного производства. «Кулацкая» высылка разрушила хозяйственно-трудовую инфраструктуру каждой деревни, каждого села крестьянской России, что привело к крайне негативным социально-экономическим последствиям для всего народа, для настоящего и будущего страны.

Источники и литература

1. Цит. по: Из истории вятских спецслужб и полиции (вторая половина XIX – первая половина XX вв.): Материалы докладов и документы научно-практической конференции, Киров, 25 мая 1996 г. Киров, 1997. С. 110.
2. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 245.
3. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / Сост. Е.А. Зайцев. М., 1993. С. 104–107.
4. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // Собрание узаконений (законов) РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
5. Конституция (Основной Закон) РСФСР (1924 г., января 31). М.: Изд. ВЦИК, 1925. С. 12.
6. Цит. по: Из истории вятских спецслужб и полиции... С. 110–111.
7. Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 марта 1957 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М., 1957. С. 16–17.
8. Уголовный кодекс РСФСР. С. 146–147; Коржухина Т.П. История государственных учреждений СССР. М., 1986. С. 149, 253.
9. Инструкция Народного Комиссариата Юстиции РСФСР по применению положения ОГПУ о ссылке и высылке от 11 января 1930 г. // Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 2004. Т. 6. С. 245–248.
10. Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005. С. 17.
11. Полян П.М. Указ. соч. С. 245.
12. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. М., 1989. С. 12.
13. Бердинских В.А. Указ. соч. С. 22–23.
14. Игнатова Н.М. Государственная политика спецпереселения: общие направления и Коми региональные особенности // Политические репрессии в России. XX век: Материалы региональной научной конференции. Сыктывкар, 2001. С. 63–64.
15. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Кн. 1. Социализм в одной стране // История России 1917–1995: В 4-х т. М., 1996. Т. 1. С. 149.
16. См.: Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 2 / Отв. ред. Н.Н. Покровский, В.П. Данилов, С.А. Красильников, Л. Виола. М., 2006. С. 7.

17. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004. С. 33.
18. Там же. С. 56.
19. Чит. по: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930 г. / Отв. ред. В. Данилов. М., 1999. С. 354.
20. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 78.
21. Политбюро и крестьянство... Кн. 2. С. 8, 9–10, 11.
22. Там же. С. 15.
23. Там же. С. 16, 18; Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 453.
24. Политбюро и крестьянство... Кн. 2. С. 18–21.
25. Чит. по: Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации... С. 315.
26. Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 2001. Т. 4. Ч. 1. С. 18.
27. Чит. по: Спецпереселенцы – жертвы «сплошной коллективизации». Из документов «особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б) // Исторический архив. 1994. № 4. С. 147–152.
28. Чит. по: Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Т. 1. С. 238.
29. Там же. С. 239.
30. Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. М.–Л., 1931. С. 67–69.
31. Чит. по: Спецпереселенцы – жертвы «сплошной коллективизации». С. 147.
32. Там же.
33. Там же. С. 148–149.
34. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. С. 28.
35. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 36.
36. Неизвестная Россия. XX век. С. 240–241.
37. Спецпереселенцы – жертвы «сплошной коллективизации». С. 147.
38. Неизвестная Россия. XX век. С. 241.
39. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 37–38.
40. Неизвестная Россия. XX век. С. 240.
41. Там же.
42. Там же. С. 246.
43. Там же. С. 246–247.
44. Там же. С. 248–249.
45. Там же. С. 241–242.
46. Покаяние. Коми республиканский мартиролог... Т. 4. Ч. 1. С. 20.
47. Чит. по: Покаяние. Коми республиканский мартиролог... Т. 4. Ч. 1. С. 20.
48. Там же.
49. Там же. С. 21.
50. Там же.
51. *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 125–126.
52. Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 100–103.
53. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. С. 318.
54. История советского крестьянства. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937 гг. М., 1986. С. 211.
55. *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание... С. 97–98, 100.
56. История советского крестьянства. Т. 2. С. 211.
57. Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 196.
58. Покаяние. Коми республиканский мартиролог... Т. 4. Ч. 1. С. 26.
59. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 5. С. 101–102.
60. Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 418–419, 802.
61. *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание... С. 107–108, 113.
62. Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. С. 67–69.
63. *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание... С. 121.
64. Покаяние. Коми республиканский мартиролог... Т. 4. Ч. 1. С. 29.
65. *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание... С. 106–107.
66. Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 485–486, 593.
67. Покаяние. Коми республиканский мартиролог... Т. 4. Ч. 1. С. 30.
68. Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 415–416.
69. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 40–41.
70. Там же. С. 41.
71. Там же. С. 22.
72. Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 330.
73. Там же. С. 416–417.
74. Там же. Т. 2. С. 424.
75. Там же. С. 347.

76. Там же. С. 703–704.
77. Там же. С. 726.
78. Там же. С. 788–789.
79. Там же. С. 495.
80. Там же. С. 500.
81. *Доброноженко Г.Ф., Шабалова Л.С.* О работе комиссии ЦК ВКП(б) по проверке списков раскулаченных хозяйств, высланных в Северный край (апрель–май 1930 г.) // Проблемы репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956 гг.). Сыктывкар, 1993. С. 90–93.
82. Цит. по: Покаяние. Коми республиканский мартиролог... Т. 4. Ч. 1. С. 45–46.
83. Цит. по: Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг. Документы и материалы / Науч. ред. Н.А. Ивницкий, В.Г. Макуров. Петрозаводск, 1991. С. 138.
84. Там же. С. 163–164.
85. См.: Уголовный кодекс РСФСР. С. 40, 45, 59.
86. Из истории раскулачивания в Карелии. С. 138.
87. Покаяние. Коми республиканский мартиролог... Т. 4. Ч. 1. С. 49–50.
88. Там же. С. 50.
89. Из истории раскулачивания в Карелии. С. 156.
90. Покаяние. Коми республиканский мартиролог... Т. 4. Ч. 1. С. 50.
91. Там же.
92. Там же. С. 51.
93. Из истории раскулачивания в Карелии. С. 156.
94. Покаяние. Коми республиканский мартиролог... Т. 4. Ч. 1. С. 51.
95. Из истории раскулачивания в Карелии. С. 139, 156, 161–162.
96. Там же. С. 156–157.
97. Покаяние. Коми республиканский мартиролог... Т. 4. Ч. 1. С. 53.
98. Там же.
99. Из истории раскулачивания в Карелии. С. 158–159.
100. Там же.
101. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 42.
102. Там же. С. 42–43.
103. Там же.
104. Там же. С. 44.
105. Там же.
106. Там же. С. 44–45.
107. *Алибеков Г.М.* Спецпереселенцы – жертвы «сплошной коллективизации». Из документов «особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б) 1930–1932 гг. // Исторический архив. 1994. № 4. С. 171–172; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. Новосибирск, 1992. С. 40.
108. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 45.
109. Об охране имущества государственных предприятий колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 года // Собрание узаконений (законов) правительства СССР. 1932. № 62. Ст. 360.
110. *Земсков В.Н.* Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 122.
111. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 45–47.
112. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. Новосибирск, 1994. С. 26–30, 79.
113. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 19. Л. 1, 4, 5, 7, 9, 10.
114. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 209, 211.
115. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 211.
116. Цит. по: Покаяние. Коми республиканский мартиролог... Т. 4. Ч. 1. С. 53–54.
117. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 48–49.
118. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 77.
119. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.
120. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 50.
121. *Геворкян Н.* Встречные планы по уничтожению собственного народа // Московские новости. 1992. № 25. С. 18–19; ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт-на-Майне – М., 1999. С. 341–343; Репрессии в Архангельске. 1937–1938. Архангельск, 1999. С. 76–79; Органы и войска МВД России. С. 360–361; Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга Памяти жертв политических репрессий. М., 1997. Вып. 1. С. 349–352.
122. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 53.
123. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 12. Д. 207. Б/л.
124. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» М., 1995. С. 18.
125. *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание... С. 278.
126. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 49.
127. *Полян П.М.* Указ. соч. С. 86.
128. Там же. С. 245.

129. Там же.
130. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 30. Л. 13.
131. Полян П.М. Указ. соч. С. 87, 245.
132. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 36. Л. 23, 24.
133. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 79.
134. Там же. С. 80.
135. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину. С. 20.
136. Дугин А.Н. Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. М., 1999. С. 78, 81.
137. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 81–82.
138. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину. С. 26.
139. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 207. Б/л.
140. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 83.
141. Полян П.М. Указ. соч. С. 94.
142. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 83.
143. Полян П.М. Указ. соч. С. 93–94.
144. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 725. Л. 67.
145. Цит. по: Покаяние. Коми республиканский мартиролог... Т. 4. Ч. 1. С. 677.
146. Там же.
147. Бердинских В.А. Указ. соч. С. 239.
148. Полян П.М. Указ. соч. С. 84.
149. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.). С. 124–125.
150. Земсков В.Н. Об учете спецконтингента НКВД во Всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 74–75.
151. Бердинских В.А. Указ. соч. С. 240–241.
152. Подсчитано по: Покаяние. Коми республиканский мартиролог... Т. 4. Ч. 1. С. 677–680.
153. Бердинских В.А. Указ. соч. С. 200–201.
154. Там же. С. 56.
155. Там же. С. 57.

§ 2. 1941–1944 годы: период этнических депортаций

1930-е гг., прошедшие в основном под знаком «кулацкой ссылки», знаменовали собой первый этап в истории спецпоселений в СССР. К 1939 г. «раскулаченные» крестьяне в общей численности всех трудпоселенцев, высланных и ссыльных составляли более 93 %. Остальные 7 % представляли выселенные из крупных и малых городов (в подавляющем большинстве – по политическим мотивам), а также депортированные в результате «приграничных зачисток» [1].

Вторая волна крупномасштабной ссылки и высылки пришлась на период 1940-го – первой половины 1941-го гг. Это время массового выселения «социально чуждого элемента» из присоединенных в 1939–1940 гг. к СССР восточных земель Польши (ныне западные области Украины и Белоруссии), из трех прибалтийских государств (Латвия, Литва, Эстония), из правобережья Днестра (Бессарабия и входившая в нее Придунайская область с городами Измаил и Белгород-Днестровский), из Северной Буковины (ныне Черновицкая область Украины), а также из участков Карельского перешейка с городом Алакуртти (ныне Мурманская область) и Северного Приладожья с городами Виипури (ныне Выборг Ленинградской области) и Сортавала (в Карелии). По представлениям советского руководства, массовые репрессии должны были стать здесь главным средством подготовки к предстоящей войне, действенным инструментом борьбы с «контрреволюцией», «шпионами и диверсантами», «антисоветскими настроениями и бандитизмом», а также основной мерой принудительной «советизации» той части местного населения, которая могла быть (и действительно была) недовольна «вхождением» в СССР.

В эти годы проведены четыре депортации по четырем категориям населения. Причем каждая из этих категорий фиксировалась органами НКВД–НГКБ в делопроизводстве тех лет по-своему, направлялась на спецпоселение и содержалась там отдельно от других. Первой, наиболее известной и масштабной категорией высланных стали так называемые польские «осадники». «Осадники» – это переселенцы из центральной и западной Польши, в основном бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в польско-советской войне 1920 г., получившие в 1920–1930 гг. земельные угодья в восточных регионах Польши, заселенных преимущественно украинцами и белорусами, и выполнявшие на этих территориях определенные государственно-идеологические и полицейские функции. Причем хотя 85 % «осадников» составляли поляки, но среди них было также немало украинцев и белорусов [2].

После присоединения в 1939 г. восточных земель Польши к СССР «осадники» были объявлены «злейшими врагами трудового народа», подлежащими выселению вместе с семьями в «отдаленные районы». Реше-

ние об их депортации разрабатывалось и принималось высшим эшелоном власти по бюрократической технологии, которая стала затем типичной для многих этнических депортаций. Вначале (2 декабря 1939 г.) нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия направляет в ЦК ВКП(б) письмо с предложением выселить до 15 февраля 1940 г. все семьи «осадников» (более 27 000). Вскоре (4 декабря 1939 г.) Политбюро ЦК ВКП(б) утверждает соответствующее решение, а затем (5 декабря) СНК СССР принимает постановление № 2010–558сс – о депортации «осадников» и использовании их на предприятиях Наркомлеса СССР [3].

Обращает на себя внимание прежде всего оперативность решения вопроса, свойственная структурам государственной власти и управления тех лет и при прохождении других аналогичных дел. Во-вторых, сразу же после принятия указанных документов (и как закономерное следствие сверхоперативности их подготовки) потребовалась «дополнительная проработка вопроса». Поэтому вдогонку уже принятым решениям издается целый пакет новых постановлений, инструкций и положений, создающих реальный механизм депортации и размещения выселенных «в пунктах назначения». К таковым относятся постановление СНК СССР от 22 декабря 1939 г., а также дополнительные директивы: решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 декабря и постановление СНК СССР № 2124–620сс – об использовании имущества депортируемых из Украины и Белоруссии и включении в их число служащих польской «сторожевой лесной охраны» (так называемых «лесников»).

К этому же ряду примыкают:

- письмо наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии председателю СНК СССР В.М. Молотову от 24 декабря 1939 г. – с проектами подготовленных НКВД исполнительных актов по депортации;
- окончательное решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 декабря 1939 г. № П11/68 и постановление СНК СССР от того же числа (№ 2122–617сс), утвердившие три важнейших для НКВД документа – положение о спецпоселках и трудовом устройстве «осадников», выселяемых из западных областей Украины и Белоруссии, инструкцию о порядке переселения «осадников» из западных областей Украинской и Белорусской ССР, а также штаты районных и поселковых комендатур НКВД.

Две недели спустя к этим основополагающим документам прилагаются очередные поправки и дополнения:

- письмо Л.П. Берии И.В. Сталину от 10 января 1940 г. – с предложением передать часть «осадников» Наркомцветмету СССР на работы по добыче золота и медной руды;
- постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 14 января того же г. № П11/175 – о дополнительном расселении спецпереселенцев-«осадников» и использовании их на горных и лесозаготовительных работах Наркомцветмета СССР.

Завершают эту бумаготворческую серию, исполненную в безупречном бюрократическом стиле (без изучения реальной обстановки, потребности в людях на местах, готовности к их размещению там и т.д.), «Инструкция начальникам эшелонов по сопровождению спецпоселенцев-осадников», подготовленная Главным управлением конвойных войск НКВД и утвержденная 17 января 1940 г. заместителем наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышовым. Наконец, 20 февраля 1940 г. ГУЛАГ НКВД заключает договор с Наркомлесом СССР «Об использовании спецпереселенцев в системе лесозаготовительных организаций», что завершило определение круга «трудоемкости» депортированных поляков в «местах их обязательного поселения» (такого рода договоры заключались ГУЛАГом и с другими наркоматами и хозяйственными ведомствами, нуждавшимися в подневольной «рабочей силе», а набиралось таких «подрядчиков» немало – около полусотни) [4].

Таким образом, главный инициатор (заказчик) депортации (НКВД СССР) выступает одновременно в трех ипостасях: и в роли распределителя остро необходимых стране трудовых ресурсов, и в качестве непосредственного исполнителя операции, и как «наследник» оставленного на местах имущества выселенных. Вместе с тем вся акция идет под жестким общим контролем Политбюро ЦК ВКП(б), где определяющим было «личное мнение» И.В. Сталина. Правительство (СНК СССР) в данном (да и во многих других случаях) лишь административно дублирует и конкретизирует уже выработанные политические решения. Такое иерархическое построение мало в чем изменилось и после того, как И.В. Сталин сам официально возглавил в мае 1941 г. Правительство страны.

Первой депортации (февраль 1940 года) подверглись, включая членов семей польских «осадников», «лесников» и государственных служащих, 139 596 чел., этапированных в 21 регион СССР (Европейский Север, Урал, Сибирь, Казахстан, Поволжье, в том числе в Кировскую область – 2 204). По национальности большинство составляли поляки (83 %). Значительно меньшая доля приходится на украинцев (9 %), белорусов и немцев (8 %). При этом итоговое число выселенных (вместе с семьями) значительно превысило количество «осадников» и «лесников», реально проживавших в местах их прежнего обитания [5].

В апреле 1940 г. в соответствии с постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) № П13/114 и СНК СССР № 289–127сс (оба – от 2 марта 1940 года), а также постановлением СНК СССР от 10 апреля 1940 г. № 496–177сс, была проведена вторая «польская» депортация: около 61 000 чел. – членов семей репрессированных бывших польских офицеров, полицейских, тюремщиков, государственных служащих, крупных владель-

цев собственности (помещики, предприниматели, банкиры, торговцы и т. п.), «участников повстанческих и контрреволюционных организаций», а также «беженцев с территории бывшей Польши, отошедшей к Германии, изъявивших желание выехать из Советского Союза на занятую немцами территорию и не принятых германским правительством». К этому же «контингенту» были отнесены проститутки. В основном эти люди были поляками по национальности и отправлены в административную ссылку – в Казахстан (проститутки – в Казахстан и Узбекистан) [6].

Порядок и стиль проведения спецорганами «польских» операций мало чем отличались от подобного рода мероприятий времен «кулацкой» ссылки. Как вспоминает одна из выселенных в апреле 1940 г.: «... в каждый дом посылали одну-две подводы и, как правило, двух солдат. Стучались, сверяли списки, отбирали паспорта, старались не грубить, даже паковать и грузиться помогали: брать с собой разрешалось до 100 килограммов, но фактически можно было и больше. Подводы подавали к станции, грузили в товарные вагоны: в вагоне железная печка, нары в три этажа, у задней стенки складываются вещи. Как выразился сотрудник НКВД в Актюбинске: “Из поляка никогда коммуниста не сделаешь, во всяком случае в этом поколении. Они все нам враги, сколько бы их ни было!”» [7].

В июне-июле 1940 г. прошла третья волна «польской» депортации. Она проводилась по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 14 мая 1940 г. При ней из западных областей Украины и Белоруссии были переселены 77 288 беженцев, прибывших из польских территорий, оккупированных Германией в сентябре 1939 г. Большинство из них составляли евреи (84 %), значительно меньшую часть – поляки (11 %). Операция началась 29 июня и закончилась во второй половине июля 1940 г. Статус «беженцев», а не спецпоселенцев вызывал несколько иное отношение местных властей к этим людям, но режим ограничения личной свободы в определенной степени распространялся и на них [8].

Всего за период с февраля 1940 г. по июнь 1941 г. из западных областей Украины и Белоруссии, а также из Литовской ССР (в июне 1941 г.) были депортированы свыше 300 000 поляков. Большинство из них оказались в спецпоселении (именно к ним впервые был применен термин «спецпоселенцы», поглотивший впоследствии термины «спецпереселенцы» и «трудпоселенцы»). В момент прибытия на спецпоселение (в феврале-июле 1940 г.) были взяты на учет 138 534 «осадника» и 78 615 «беженцев» (в целом – 217 149 чел.). К 1 апреля 1941 г., когда депортация поляков еще не была завершена и несмотря на поступление время от времени новых пополнений, численность этого контингента спецпоселенцев сократилась до 210 559 чел. (134 491 «осадник» и 76 068 «беженцев»). С момента прибытия на спецпоселение и до 1 июля 1941 г. (по неполным данным) родились 4 211 и умерли 12 319 чел., в том числе среди «осадников» – соответственно 2 694 и 10 557, среди «беженцев» – 1 517 и 1 762 [9].

Отношение тогдашнего руководства СССР к «осадникам» как к врагам, а к «беженцам» – как к «интернированным эмигрантам» на практике в условиях спецпоселения выражалось в том, что «беженцы» имели некоторые преимущества: вселение в относительно благоустроенные жилища, лучшее снабжение продовольствием, обеспечение зимней одеждой и т. п. Это явилось одной из главных причин того, что у «осадников» смертность (как в абсолютных, так и в относительных показателях) была значительно выше, чем у «беженцев».

Самый значительный контингент бывших польских граждан находился в Архангельской (около 51 000 чел.) и Свердловской (около 27 000) областях, а также в Новосибирской области, в Коми АССР, в Красноярском крае, в Вологодской, Ивановской и Молотовской областях (от 20 000 до 10 000 чел.) [10].

подавляющее большинство спецпоселенцев – польских «осадников» и «беженцев» было размещено для трудового использования в спецпоселках, организованных в районах лесозаготовок Наркомлеса СССР. При этом «осадники» и «беженцы» содержались отдельно друг от друга, совместное их проживание в одном и том же спецпоселке не допускалось. Всего были организованы 563 поселка, из них в 312 поселках жили «осадники» и в 251 – «беженцы».

На работах в лесной промышленности использовались (включая неработающих членов семей) 77,1 % от числа спецпоселенцев этой категории, в цветной металлургии – 11,7; на предприятиях и стройках в системе НКВД – 2,2; в черной металлургии – 1,5; в строительстве – 1,5; в промышленности строительных материалов – 1,2; в угольной промышленности – немногим более 1 %, в целлюлозно-бумажной промышленности – почти один процент. Остальные 2,8 % были заняты в местной и судостроительной промышленности, в промышленности боеприпасов, в системе здравоохранения, Управления промкооперации при СНК СССР, речного флота, Наркомата электростанций, в коммунальном хозяйстве и др. [11].

Контингент спецпоселенцев «польские осадники и беженцы» был многонациональным по своему составу. По данным на 1 апреля 1941 г. в общем числе 177 043 спецпоселенцев этой категории, на которых имелись сведения о национальной принадлежности, удельный вес поляков составлял 54,6 %, евреев – 33,3; украинцев – 5,3; белорусов – 5,1; прочих (немцы и др.) – 1,7 %. Однако национальная дифференциация по отдельным взятым категориям «осадников» и «беженцев» существенно различалась. Так, среди «осадников» доля поляков составляла 82,6 %, а среди «беженцев» – 11,4; доля евреев – соответственно 0,17 и 84,4 %; ук-

раинцев – 7,3 и 2,2; белорусов – 8,4 и 0,1. Следует отметить, что эти данные отражают национальный состав только тех, кто находился на спецпоселении, а не всех выселенных в ходе «польских» депортаций [12].

Кроме спецпоселенцев («осадников» и «беженцев») к середине 1941 г. десятки тысяч польских граждан находились в ссылке (Казахстан – около 66 тыс. членов семей репрессированных офицеров и «социально опасных» элементов»), содержались в лагерях ГУЛАГа и лагерях для военнопленных. Последнее можно отнести к разряду одного из многочисленных юридических нонсенсов, порожденных сталинским режимом, поскольку СССР официально не объявлял о состоянии войны с Польшей, а это значит, что обезоруженные советскими войсками и затем лишенные свободы польские военнослужащие не могли быть формально отнесены к категории военнопленных [13].

В первый период Великой Отечественной войны на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. депортированные в 1940–1941 гг. из западных областей СССР многие польские граждане были «амнистированы» и освобождены из спецпоселения и ссылки (исключение составляли репрессированные до 17 сентября 1939 г., подвергнутые уголовным наказаниям как «гитлеровские агенты», члены «националистических антисоветских организаций», «провокаторы», а также польские граждане-немцы, венгры, румыны, финны и итальянцы, «дезертиры» и преступники, осужденные за разбой, грабеж, мародерство). В 1941–1942 гг. в общей сложности (включая места заключения и лагеря военнопленных) был освобожден 389 041 польский гражданин [14]. На их основе на территории СССР были сформированы две польские армии (под командованием генералов В. Андерса и Э. Берлинга).

В 1942 г. «армия Андерса», главным образом по причине принципиальных разногласий ее командования с советским руководством, была эвакуирована в Иран (119 855 чел., их них 76 100 военнослужащих и 43 755 членов их семей) и впоследствии принимала участие в боевых действиях совместно с союзниками СССР по антигитлеровской коалиции. В «армию Берлинга», прошедшую свой боевой путь на советско-германском фронте, вступили 36 510 «амнистированных» польских граждан [15].

Но и после «освобождения» десятки тысяч поляков продолжали жить в местах бывшей высылки – в связи с невозможностью возвращения на родину, оккупированную в то время Германией. Пока шла война, они были вывезены в «более южные» (по сравнению с теми, где они находились ранее) регионы СССР (в основном – в Казахстане, в Средней Азии, в Алтайском и Красноярском краях, в Свердловской и Челябинской областях). В январе 1943 г. эти (в большинстве своем теперь уже бывшие) польские граждане были «паспортизированы», при этом более 165 000 получили советское гражданство, но около 26 000 все же сохранили статус граждан Польши. Многие из них были репатриированы на родину уже в послевоенное время [16].

Дискуссионен вопрос о том, следует ли считать этнических поляков «депортированным народом». К таковым принято относить народы, которые подверглись насильственному выселению если не тотально, то хотя бы в значительном большинстве. Этому критерию реальная ситуация с этническими поляками не отвечает. К 1940 г. в регионах, откуда производилась их депортация (Западная Украина, Западная Белоруссия, Прибалтика), проживали, по неполным данным, не менее 3 млн. этнических поляков. Из них выселены в 1940–1941 гг. не более 300 000 (без учета польских граждан еврейской, украинской, белорусской и других национальностей) [17]. Таким образом, основная масса (около 90 %) польского населения этих регионов не была депортирована, т. е. в данном конкретном случае речь может идти лишь о факте частичной социально-этнической чистки (несомненно противоправной с любых точек зрения – конституционно-законодательной, уголовно-процессуальной, международно-правовой).

Наряду с «польскими» депортациями и примерно в одно и то же время с ними (после окончания войны с Финляндией и присоединения к СССР ряда участков финской территории) была «зачищена» пограничная зона на самом крайнем северо-западе страны. В приказе НКВД СССР от 23 июня 1940 г. № 00761 говорилось о том, что «в соответствии с решением советского правительства на НКВД СССР возложено переселение в период 5–10 июля 1940 г. из Мурманска и Мурманской области 8 617 граждан инациональностей». При этом 2 540 семей, или 6 973 чел. (финны, эстонцы, латыши, литовцы, норвежцы и шведы) подлежали переселению (и были переселены) в Карело-Финскую ССР, а 675 семей, или 1 743 чел. (немцы, поляки, греки, китайцы, корейцы и др.) – в Алтайский край [18].

В мае–июне 1941 г. массовые депортации охватили не только бывшие территории Польши (западные регионы Украины и Белоруссии), но и Прибалтику, Правобережье Днестра и Северную Буковину. Эти территории, присоединенные к СССР после начала второй мировой войны в соответствии с советско-германским пактом от 23 августа 1939 г. и договором от 28 сентября 1939 г., составляли так называемую «зону пакта».

Четвертая операция по выселению «социально опасного элемента» из этой «зоны» готовилась достаточно долго и весьма тщательно. Уже в 1939 г. на основе «перенятых» материалов местных архивов бывших военных министерств, полиции, политических партий, различных учреждений и организаций органы НКВД приступили к формированию картотек «контрреволюционных и антисоветских элементов».

В утвержденной заместителем начальника Главного архивного управления НКВД СССР А. Светловым инструкции отделам секретных фондов государственных архивов СССР, республик, краев и областей по учету тех лиц, на которых имеются компрометирующие архивные материалы, было определено, каким образом создавать картотеки таких лиц и справочники. В картотеке и списке следовало указывать: имя, отчество, фамилию, год и место рождения, предыдущее место работы или род занятий, а также компрометирующие сведения на этих лиц. Учету следовало подвергнуть 27 групп (категорий) населения «различных политических окрасок». Первый экземпляр «учетного материала» следовало передавать архивному отделу территориального органа НКВД, второй – территориальному Управлению государственной безопасности НКВД для «оперативной агентурной реализации», а третий – Главному архивному управлению НКВД СССР для пополнения центральной картотеки [19].

23 ноября 1940 г. НКВД СССР утвердил особую инструкцию с целью выявления по архивным материалам «контрреволюционных и антисоветских элементов» в западных областях Украинской и Белорусской ССР, а также в Молдавской ССР, Латвийской ССР, Литовской ССР, Эстонской ССР и Карело-Финской ССР [20]. 27 марта 1941 г. Главное архивное управление НКВД СССР издало адресованный начальникам архивных отделов Народных комиссариатов внутренних дел этих республик циркуляр № 2/1325, в котором было определено, каким образом формируется список секретных сотрудников учреждений политического розыска, сведения о которых могли бы оказаться в архивах этих республик [21]. В это же время сотрудники партийных и советских учреждений в республиках, областях, городах и уездах «зоны пакта» составляли списки бывших владельцев заводов, фабрик и других предприятий, торговцев, домовладельцев, вкладчиков денежных средств, а также других «эксплуататоров» и «социально опасных элементов». При сборе «компрометирующих фактов» использовались, в частности, документация, появившаяся в ходе национализации предприятий и хозяйств, а также начатой весной 1941 г. в «зоне пакта» выдачи советских паспортов, информационные ресурсы финансовых органов, сообщения секретных агентов НКВД–НКГБ и т.п. [22].

14 мая 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление № 1299–526сс «Об аресте контрреволюционных организаций в западных областях У(краинской) ССР» [23]. 16 мая 1941 г. народный комиссар государственной безопасности СССР В.Н. Меркулов направил Центральному Комитету ВКП(б) подготовленный НКГБ проект постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента». В проекте, в частности, определялись 10 категорий выселяемых, меры репрессии к ним, порядок и сроки проведения операции, ответственные за ее осуществление, регионы размещения выселяемых [24].

В это же время была подготовлена также директива НКВД СССР «О высылке социально чуждых элементов из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии», в которой упоминались девять категорий выселяемых. В директиве указывалось, что она основывается на постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 14 мая 1941 г, однако номер постановления не указан. Нет также документального доказательства того, что проект постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), внесенный В.Н. Меркуловым 16 мая 1941 г., был подписан И.В. Сталиным и из проекта стал постановлением. Однако факты свидетельствуют, что подготовка и осуществление операции произведены именно согласно заданиям и указаниям, определенным в данном документе [25].

19 мая 1941 г. НКГБ СССР направил Народному комиссариату государственной безопасности Литовской ССР указание № 77 «О подготовке и проведении операций по очистке территории республики от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента». НКГБ СССР требовал ускорить подготовку к намеченным мероприятиям, «в минимальный срок взять на учет лиц определенных категорий и собрать компрометирующие их материалы». Предписывалось, в частности, «на каждое из взятых на учет лиц указанных категорий завести отдельное учетное дело с установочными данными» (сведения о принадлежности к политическим партиям, организациям, о занимаемых должностях, о принадлежащей собственности, а также о различного рода «контрреволюционной» и «антисоветской» деятельности, «в случае необходимости – с компрометирующими материалами»). Одновременно предлагалось взять «на учет ... лиц, совместно с ними проживающих или находящихся на их иждивении к моменту ареста». Подобные указания касались и других территорий «зоны пакта» [26].

На местах (во всех уездах и городах) были созданы так называемые «оперативные тройки» (особые группы сотрудников НКГБ и НКВД, в составе трех человек), непосредственно руководившие подготовкой и ходом депортации. Одновременно местные органы НКГБ (уездные и городские) создавали особые оперативные группы, были назначены старшие этих групп, утверждены их составы и определены конкретные задачи. Аресты и административную высылку членов семей предписывалось «проводить одновременно, не сообщая им об их дальнейшей разлуке» [27].

К началу июня 1941 г. сотрудники территориальных и местных органов НКВД–НКГБ, а также сотрудники особых отделов соответствующих военных округов подготовили учетные дела лиц, подлежащих аресту

и высылке. В качестве основного документа обвинения служила «Справка о компрометирующих материалах и подтверждающих это документах», составленная сотрудниками уездных или городских отделов НКВД–НКГБ и утвержденная руководящими работниками территориальных органов этих комиссариатов. Например, в документе «Список лиц по операции и некоторые установочные данные», подготовленном начальником оперативной тройки Красноармейского района города Риги старшим лейтенантом государственной безопасности Воробьевым, определено, что следует указать: фамилию, имя, отчество лица, «окраску» (то есть принадлежность к конкретной категории репрессируемых), номер, число высылаемых моложе 16 лет, число высылаемых старше 16 лет, адрес, ответственного за проведение операции, примечания [28]. Были подготовлены и другие документы, необходимые для ареста и высылки (ордера, доверенности и т. п.).

Часто, как это определялось директивами НКГБ СССР и НКВД СССР, основанием для высылки служил предстоящий арест главы семьи. В таких случаях дела также оформляли по единому образцу, и в них были вписаны все члены семей [29]. После оформления всей учетной документации утверждались постановления об аресте и высылке. Документы о депортации визировали руководители соответствующих республиканских органов НКВД–НКГБ, причем без решения судов и без санкции прокуратуры, т. е. с грубейшим нарушением статьи 127 Конституции СССР 1936 г., аналогичных статей конституций союзных республик, а также уголовно-процессуального законодательства [30].

Своевременно были подготовлены и различные документы о реализации оставленного высланными имущества: его продаже или «безвозмездной передаче советским учреждениям» («Мероприятия по организации реализации имущества выселенных», «Инструкция по учету и использованию имущества и хозяйств выселенцев» и др.). Следует отметить, что комиссии по реализации собственности высланных подчинялись непосредственно республиканским партийно-советским органам. Так, в частности, в Латвийской ССР руководителем такой комиссии был назначен заведующий отделом советской торговли ЦК КП(б) Латвии Эдуардс Круминьш [31].

Наиболее существенными директивными документами, относящимися к депортациям из «зоны пакта», являются подписанный начальником ГУЛАГа НКВД СССР старшим майором государственной безопасности В.Г. Наседкиным и утвержденный 14 июня 1941 г. народным комиссаром внутренних дел СССР Л.П. Берией «План мероприятий по этапированию, расселению и трудоустройству спецконтингентов, высылаемых из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР», директива НКВД СССР «О выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии и Молдавии», а также изданные НКВД СССР «Инструкция начальнику эшелона по сопровождению спецпереселенцев» от 5 июня 1941 г., «Инструкция начальникам конвоев по приему заключенных в пунктах формирования эшелонов в Латвийской ССР», «Инструкция начальникам эшелонов по сопровождению заключенных из Прибалтики» [32].

Непосредственное осуществление операции по месту жительства (аресты, обыски, описи имущества и доставка задержанных к эшелонам) возлагалось на оперативные группы. Старший каждой оперативной группы подавал сообщение («рапорт») начальнику уездного или городского отдела НКГБ, поименно указывая выселенных, а также не обнаруженных или по каким-либо причинам оставленных дома лиц. Составлялись также списки оставленных депортированными вещей и письменные доверенности на их реализацию (хотя официально никаких решений относительно конфискации этого имущества в 1941 г. не принималось). При этом в соответствии с различными инструкциями все наиболее ценное имущество изымалось в пользу государства, описывалось и реализовывалось. Иногда в сообщениях указывалось, что «различные вещи взяты для доставки в Народный комиссариат государственной безопасности». В операции принимали участие также коммунисты и «советские активисты». Сотрудники оперативных групп в назначенный день депортации, предварительно получив документы на высылаемых, являлись в сельские дома и в городские квартиры, задерживали указанных в этих документах людей и увозили их на места сбора и «погрузочные» железнодорожные станции [33].

Четвертая массовая операция по выселению в глубь страны больших групп населения из «зоны пакта» началась в Западной Украине 22 мая, в Молдавии (с Черновицкой и Измаильской областями Украины) – в ночь с 12 на 13 июня, в Литве, Латвии и Эстонии – 14 июня и в Западной Белоруссии – в ночь с 19 на 20 июня 1941 г. [34]. Таким образом, в отличие от каждой из депортаций 1940 г., операция 1941 г. проводилась в различных регионах «зоны пакта» не одновременно. Она была спланирована как гораздо более сложная, чем каждая из трех предшествующих, хотя и уступала по числу депортированных самой первой из них – выселению семей «польских осадников и лесников» в феврале 1940 г.

Основное отличие от операций 1940 г. состояло в дифференциации правового статуса различных категорий высылаемых, которые подверглись неодинаковым видам репрессий. В каждой из операций 1940 г. этот статус был однородным: выселенных «осадников» и «беженцев» (первая и третья операции) из западных областей Украины и Белоруссии водворяли в изолированные спецпоселки НКВД, а «административно-высланных» (вторая операция) размещали под надзор органов НКВД в казахстанских колхозах, совхозах и рабочих поселках.

В 1941 г. категории выселяемых были более многочисленными и разнообразными. В соответствии с упомянутыми выше директивой НКВД СССР «О выселении социально чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии и Молдавии», а также со «Сведениями о количестве учтенного антисоветского и социально-чуждого элемента по НКГБ Литовской, Латвийской и Эстонской СССР» и «Планом мероприятий по этапированию, расселению и трудоустройству спецконтингентов, выселяемых из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской СССР», в 1941 г. выселению подлежали следующие категории лиц (формулировки – из документов):

- 1) «участники контрреволюционных партий и антисоветских националистических организаций»;
- 2) «бывшие жандармы, охранники, руководящий состав полиции, тюрем, а также рядовые полицейские и тюремщики при наличии компрометирующих документов»;
- 3) «помещики, крупные торговцы, фабриканты и чиновники буржуазных государственных аппаратов»;
- 4) «бывшие офицеры и белогвардейцы, в том числе офицеры царской армии и офицеры, служившие в территориальных корпусах Красной Армии» (образованных из частей и соединений бывших национальных армий независимых государств Литвы, Латвии и Эстонии после их включения в состав СССР);
- 5) «уголовники»;
- 6) «проститутки, зарегистрированные в полиции и продолжающие заниматься прежней деятельностью»;
- 7) «члены семей лиц, учтенных по пунктам 1–4»;
- 8) «члены семей участников контрреволюционных националистических организаций, главы которых осуждены к высшей мере наказания либо скрываются и перешли на нелегальное положение»;
- 9) «бежавшие из бывшей Польши и отказавшиеся принимать советское гражданство»;
- 10) «лица, прибывшие из Германии в порядке репатриации, а также немцы, зарегистрированные на выезд и отказывающиеся выехать в Германию» [35].

Общим для всех категорий выселяемых являлось то, что к моменту депортации никто из них не был формально осужден. Тем не менее, согласно названным выше документам, лица «категорий 1–4» (в основном «главы семей») и «категории 10» направлялись в лагеря военнопленных НКВД СССР (Козельщанский, Путивльский, Старобельский и Юхновский) либо («на период предварительного следствия») – в тюрьмы НКВД–НКГБ, лица «категорий 6–9» (в основном «члены семей») – «на поселение сроком 20 лет в отдаленные местности СССР» в качестве «ссыльнопоселенцев», а «уголовники» («категория 5») – непосредственно в лесные ИТЛ системы ГУЛАГа с последующим оформлением дел через Особое совещание при НКВД СССР [36].

Таким образом, для перечисленных выше десяти категорий выселяемых были предусмотрены три вида репрессий: содержание в ссылке под надзором в качестве «ссыльнопоселенцев», содержание в лагерях военнопленных и содержание в исправительно-трудовых лагерях. Однако сразу после нападения Германии на СССР лица, вывезенные в лагеря военнопленных или находившиеся в эшелонах на пути в эти лагеря, были переведены или переадресованы в ИТЛ или тюрьмы. Так произошло фактическое слияние второго и третьего видов репрессий. По-видимому, это было вызвано внезапным нападением Германии и стремлением убрать арестованных подальше от приближающегося фронта. Кроме того, возможно, лагеря освобождали в связи с предполагаемым наплывом военнопленных германской армии.

Среди депортированных из «зоны пакта» в мае–июне 1941 г. имелись представители самых разных национальностей (включая русских, евреев, немцев, гагаузов и т.д.), и национальный признак при проведении этой акции не обозначался, но на практике она приобретала черты частично этнической (социально-этнической) чистки: подавляющее большинство выселенных из Латвии составляли латыши, из Литвы – литовцы, из Эстонии – эстонцы, из Молдавии – молдаване, из западных областей Украины и Белоруссии – соответственно украинцы и белорусы. И это соответствовало демографическим реалиям, поскольку перечисленные национальности составляли основное население регионов, откуда производилась данная депортация [37].

Различные социальные категории депортированных, подлежащих всем трем видам репрессий, были представлены полностью только среди высланных из республик Прибалтики (причем среди депортированных из Эстонии не было проституток, либо они учитывались в категории «уголовников»). Среди высланных из других регионов присутствовали:

- из Молдавии (с Черновицкой и Измаильской областями Украины) – только «главы семей» (которых вывозили в лагеря военнопленных) и члены семей («ссыльнопоселенцы»);
- из западных областей Украины – только «члены семей» («ссыльнопоселенцы»), без «глав семей»;
- из западных областей Белоруссии – «члены семей» («ссыльнопоселенцы»), а также некоторое число семей вместе с их главами, которых, в отличие от того, как это делалось в Прибалтике и Молдавии, отправляли также в качестве «ссыльнопоселенцев» вместе с семьями.

При этом семьи, выселяемые на поселение в качестве «ссыльнопоселенцев», в некоторых архивных источниках обозначены также как «общий контингент», а в документах конвойных войск – как «группа В», «заклученные группы В» либо обобщенно: «спецпереселенцы». «Главы семей» и другие лица, которых вы-

возили в лагеря военнопленных, обозначались в конвойных документах как «арестованные», «группа А» или «заклученные группы А» [38].

Поскольку состав категорий депортируемых из отдельных регионов различался, дифференцировался и порядок проведения операции 1941 г. на местах. Разные инструкции по конвоированию высылаемых были спущены и в конвойные войска, в зависимости от региона их действий. Там, где в 1941 г. высылаемые семьи не разделяли, использовалась либо применявшаяся весь 1940 год «Инструкция начальникам эшелонов по сопровождению спецпереселенцев-осадников» (при майской высылке 1940 г. из Западной Украины), либо слегка обновленная «Инструкция начальнику эшелона по сопровождению спецпереселенцев» от 5 июня 1941 г. Документы эти мало отличаются друг от друга, но, по-видимому, опыт депортации польских граждан в 1940 г., которые для поддержания собственного духа иногда затевали в пути религиозные песнопения, привел к появлению в инструкции 1941 г. пункта 7 – «Режим в эшелоне...» с лаконичным подпунктом «г»: «Пение не допускается» [39]. Там, где операция 1941 г. проводилась с разделением семей, использовались две другие инструкции для каждого из двух этапов отправки выселяемых.

На первом этапе, согласно «Инструкции начальникам конвоев по приему заключенных в пунктах формирования эшелонов в Л(атвийской) ССР», происходил прием высылаемых (инструкция именует их «заклученными») на первичных станциях погрузки и конвоирование их к месту «концентрации эшелона», при этом принимать их следовало без личного обыска и досмотра вещей и размещать в вагонах без разделения семей (т. е. по схеме 1940 г.). Для выполнения этой задачи начальник эшелона высылал из пункта концентрации конвой под командой младших командиров на все станции погрузки.

На втором этапе, согласно «Инструкции начальникам эшелонов по сопровождению заключенных из Прибалтики», «спецконтингент» разделяли в пунктах концентрации на две группы – «А» и «В». В группу «А» входили все «главы семей», а в некоторых случаях и кто-то из членов семьи – на основании записей НКВД–НКГБ в личных делах. Этих высылаемых помещали в вагоны с отметкой «А» и отправляли дальше отдельным эшелоном. В группу «В» входили все члены семей по указанию местных НКВД–НКГБ. Группа «В» далее следовала «самостоятельным эшелоном». По инструкции в каждый вагон группы «В» полагалось помещать 30 чел. (взрослых и детей) с имуществом (не более 100 кг на семью – в отличие от 500 кг, допускавшихся инструкцией 1940 г.). Группу «В» принимали в эшелон без личного обыска и досмотра вещей. Группу «А» полагалось конвоировать на общих основаниях с заключенными, т. е., в частности, они подвергались личному обыску после посадки в вагоны в пунктах концентрации эшелонов [40].

Несмотря на то, что упомянутая инструкция по первому этапу формально предназначалась для Латвии, а инструкция по второму этапу – для остальной Прибалтики, можно предположить, что описанная в обоих этих документах двухэтапная схема отправки высылаемых (с разделением семей на втором этапе) применялась также в Эстонии, Литве и Молдавии (с Черновицкой и Измаильской областями Украины). Вместе с тем из сохранившейся архивной документации конкретных эшелонов из Литвы и Латвии следует, что в некоторых случаях арестованных грузили в отдельные вагоны уже на первичных станциях погрузки, а не на пунктах концентрации, как полагалось по инструкции. Впрочем, о скрупулезном отношении к инструкциям в те времена и в тех условиях вообще говорить не приходится.

Из архивных документов видно также, каким напряженным был режим работы пунктов концентрации (таких, например, как станция Новая Вилейка в Литве), где происходили «обмены спецконтингентом» между начальниками конвоев с целью формирования «однородных» по своему составу эшелонов групп «А» или «В» и откуда эти переформированные эшелоны отправлялись к станциям назначения в глубь СССР. Для высылаемых пункты концентрации были средоточием горя и отчаяния, местом окончательного разлучения «арестованных» и их семей. Такими пунктами концентрации в других (помимо Литвы) регионах были: в Молдавии (с Черновицкой и Измаильской областями) – Кишинев и Черновицы (хотя известно, что сформированные эшелоны из этого региона отправлялись в глубь СССР и с некоторых других станций), в Латвии – Елгава и Двинск (Даугавпилс), в Эстонии – предположительно станция Петсери (Печоры) [41].

До настоящего времени нет безусловно точного ответа на вопрос: существовал ли какой-либо «рамочный» партийно-государственный документ относительно депортации 1941 г. из «зоны пакта»? Упомянувшиеся выше директивные акты о высылке 1941 г. из названной «зоны» – это всего лишь ведомственные документы НКВД, регламентирующие порядок исполнения некоей неизвестной директивы центрального советского руководства. Но несмотря на все настойчивые поиски исследователей (советских, российских и зарубежных), до сих пор не обнаружены в архивах решения высших органов власти СССР, предписывающие проведение этой высылки.

Единственным исключением является совместное Постановление ЦК СНК СССР и ВКП(б) от 14 мая 1941 г. № 1299–526сс «Об изъятии контрреволюционных организаций в западных областях У(краинской) ССР». Однако данное постановление относится только к западным областям Украины и определяет разнообразные меры борьбы против ОУН – «организаций украинских националистов» (лишь вскользь упоминая в одном месте «польские организации»).

В частности, вторым пунктом этого постановления предусмотрена высылка семей «членов контрреволюционных националистических организаций... в ссылку на поселение в отдаленные районы Советского Союза сроком на 20 лет с конфискацией имущества» (остальные меры – это «изъятие» участников «контрреволюционных организаций», «усиление агентурно-оперативной работы» НКВД и НКГБ, размещение гарнизонов войск НКВД, «укрепление партийно-советских кадров», запрещение хранения и ношения оружия, откомандирование на Украину заместителя наркома госбезопасности СССР И.А. Серова). В конце этого постановления имеется не очень определенное упоминание еще одного региона: «...8. Поручить НКВД и НКГБ СССР и Секретарю ЦК Белоруссии т. Пономаренко обсудить вопрос о проведении аналогичных мер по Западной Белоруссии» [42].

Таким образом, в Постановлении № 1299–526сс не упоминаются территории, присоединенные в 1940 г. (Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия с Северной Буковиной), не перечислено большинство категорий лиц, подлежащих высылке в 1941 г. из всей «зоны пакта», и не определяется разнообразие видов репрессий. Представляется, однако, маловероятным, чтобы операция по высылке из Прибалтики и Молдавии, довольно существенно отличающаяся от предшествующих депортаций (на каждую из которых имелись решения Политбюро ЦК ВКП(б) и постановления СНК СССР), могла быть проведена без специального директивного документа высших органов власти СССР, лишь на основании постановления для западных областей Украины.

И действительно, в справке Центрального архива КГБ СССР, опубликованной в 1990 г., в качестве основания для операции по высылке, проведенной 14 июня 1941 г. в Литовской ССР, названо «постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1941 года», но ни номер, ни название постановления не приведены и содержание его не изложено [43].

Другой опубликованный документ – письмо НКВД СССР Наркомздраву СССР от 7 июня 1941 г. с просьбой о «выделении медицинских работников для обслуживания эшелонов в пути их следования» – содержит ссылку на некое «решение правительства», по которому «в ближайшее время из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской Союзных Социалистических Республик начнется отправка эшелонов со спецпереселенцами» [44].

Наконец, в одном из документов 9-го управления МГБ СССР, составленном в 1953 г., зафиксировано следующее:

«Выселение (из «зоны пакта». – *Авт.*) произведено по распоряжению товарища Берия от 14/У1–1941 г., данного им в соответствии с указанием Правительства» [45].

Однако, несмотря на многочисленные запросы историков-исследователей в центральные архивы России (в том числе в Правительственный архив и в Архив Президента Российской Федерации), ни один директивный документ высшего уровня, кроме указанного постановления по западным областям Украины, пока не обнаружен.

Всего, по данным на 15 сентября 1941 г., в ссылку на поселение из «зоны пакта» поступили 85 716 чел., в том числе выселенных: из Западной Белоруссии – 27 887, из Молдавии – 22 648, из Литвы – 12 682, из Западной Украины – 9 595, из Латвии – 9 236, из Эстонии – 3 668 чел. Из этого числа были расселены:

в Новосибирской области (в основном на территории нынешней Томской области) – 19 362 чел. (5 787 – из Молдавии, 3 507 – из Литвы, 3 201 – из Западной Украины, 2 668 – из Западной Белоруссии, 1 619 – из Эстонии);

в Алтайском крае – 17 446 (9 984 – из Западной Белоруссии), 7 462 – из Литвы); в Красноярском крае – 16 784 (6 850 – из Западной Белоруссии, 6 тыс. – из Латвии, 3 300 – из Западной Украины, 470 – из Молдавии, 164 – из Литвы);

в Казахской АССР – 15 413 (9 954 – из Молдавии, 4 803 – из Западной Белоруссии, 656 – из Латвии);

в Омской области – 11 556 (6 085 – из Молдавии, 3 094 – из Западной Украины, 2 377 – из Западной Белоруссии);

в Коми АССР – 3 106 (1 549 – из Литвы, 1 205 – из Западной Белоруссии, 352 – из Молдавии);

в Кировской области – 2 049 чел. (все из Эстонии) [46].

Кроме этого, 14 июня 1941 г. (а также в предшествующие и последующие дни – вплоть до начала войны) в Прибалтике органами НКВД–НКГБ были арестованы, а затем интернированы в качестве «следственных», водворены в лагеря ГУЛАГа (в основном в Норильлаг – в Красноярском крае, Усольлаг – в Молотовской области, Ивдельлаг и Севураллаг – в Свердловской области, Вятлаг – в Кировской области), а также в некоторые тюрьмы НКВД и впоследствии подвергнуты уголовным наказаниям (вплоть до смертной казни) 17 710 «социально опасных элементов» (в том числе более 1 800 «уголовников») [47].

Показателем для методов «депортационной» работы «спецорганов» сам административный механизм этой акции. В представленном НКВД в Совнарком СССР проекте постановления «О мероприятиях по чистке

Литовской ССР от антисоветского, уголовного и социально-опасного элемента» содержались, в частности, такие указания непосредственным исполнителям этой акции:

«...Оформление решений Особого совещания производить после сосредоточения арестованных в указанном ... лагере. ...Операцию по арестам и высылке в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР закончить в трехдневный срок» [48].

Именно таким образом, по схеме «вначале – репрессия и лишь затем – ее юридическое оформление» – в период с 1940 г. по 22 июня 1941 г. были выселены из западных областей Украины и Белоруссии, а также из Прибалтики и Молдавии почти 470 тыс. чел. [49]. Что касается депортированных в мае-июне 1941 г. (так называемых «западников»), то на эту категорию ввиду ее «повышенной социальной опасности» не был распространен ни «трудпоселенческий» режим «кулацкой ссылки», ни даже «спецпоселенческий» статус «польских осадников и беженцев». Считалось, очевидно, что для «западников» оба эти режима недостаточно строги.

Документы свидетельствуют, что руководителям репрессивных органов СССР вначале не было ясно, в какую категорию высланных и поселенцев включить этих людей. Так, 22 августа 1941 г. УНКВД по Новосибирской области в сообщении заместителю народного комиссара внутренних дел СССР В.В. Чернышову предлагало определить «административно высланным из Латвии, Литвы, Эстонии, Молдавии и Белоруссии такой режим, какой был предусмотрен в постановлении СНК СССР от 29 декабря 1939 г. о спецпоселениях и трудоустройстве высланных поляков» [50]. 3 сентября 1941 г. В.В. Чернышов указал, что «административно высланных» из этих республик, а также из Украины нельзя приравнять к спецпоселенцам и потому постановление СНК СССР № 2122/617-сс к ним не относится [51].

В местах высылки указанный «антисоветский элемент» был поставлен в условия более жесткого режима – «ссылнопоселенческого». На месте поселения депортированному сообщалось, что он «сослан на 20 лет без права выезжать с постоянного места жительства» и что он «периодически обязан регистрироваться в спецкомендатуре» [52]. «Ссылнопоселенцы» обязаны были работать в местных колхозах и совхозах, на промышленных и лесозаготовительных предприятиях и в других «отраслях народного хозяйства». Многие направлялись на работу в рыболовецкие артели и крупные порты на Крайнем Севере Сибири – в Игарку, Дудинку и другие места. У тех ссыльных, кто имел паспорта, местные работники НКВД изымали их и уничтожали. Вместо паспортов выдавались удостоверения, предусмотренные для этой категории поселенцев.

Бытовые обстоятельства сосланных были крайне тяжелыми. По сути, ссыльные этой категории были брошены на произвол судьбы. Косвенно это признавал 27 ноября 1941 г. в сообщении заместителю народного комиссара внутренних дел СССР В.В. Чернышову начальник ГУЛАГа НКВД СССР В.Г. Наседкин. Он констатировал, что «этой категорией ссыльнопоселенцев ни один аппарат НКВД не занимается и не несет ответственности за их положение. Существующий в ГУЛАГе отдел Трудовых и Специальных поселений также к этой категории ссыльнопоселенцев никакого отношения не имеет, хотя принимал участие в проведении операции по их выселению» [53].

И в последующие годы тяжелое положение этой категории ссыльных не менялось. 4 марта 1946 г. начальник Отдела спецпоселений Министерства внутренних дел СССР полковник М. Кузнецов, констатируя «плохие условия жизни сосланных из Украины и Балтии в Молотовскую область», отмечал, что «в 4-м квартале 1945 г. 399 семей из 897 все еще находятся в помещениях, не приспособленных для жилья, а из 5 274 ссыльных за это время умерли 182, или 3,45 процента» [54].

Отсутствовала также четкая организация учета ссыльных. В июне 1941 г. – вскоре после акции депортации – начальник ГУЛАГа НКВД СССР В.Г. Наседкин, обращаясь к начальнику 1-го спецотдела НКВД СССР Герцовскому, отмечал:

«Зам. Народного Комиссара тов. Чернышовым дано НКВД, УНКВД мест расселения указание о том, что впредь до особых изменений, учет и регистрация явки указанных спецконтингентов в органы НКВД по месту жительства должны проводиться в соответствии с приказом НКВД СССР № 0143 от 1 июня 1939 г. ...Прошу принять меры к разработке положения об учете и порядке регистрации ссыльнопоселенцев» [55].

В свою очередь, заместитель начальника Управления НКВД по Новосибирской области старший лейтенант государственной безопасности А. Воробьев 22 августа 1941 г. в сообщении заместителю народного комиссара внутренних дел СССР В.В. Чернышову писал:

«В июне и июле месяцах 1941 г. на территорию Новосибирской области завезено из Латвийской, Литовской, Эстонской, Молдавской и Белорусской ССР – 19 362 человека ссыльнопоселенцев... Расселены они в 14 северных районах области, преимущественно в поселках, трудпоселениях бывшего кулачества, выселения 1930–1935 гг., обслуживаемых комендатурами по трудпоселению. Незначительная их часть размещена в населенных пунктах коренного населения этих же регионов.

В порядке приказа НКВД СССР № 0143–1939 г. административное обслуживание ссыльнопоселенцев возложено на местные аппараты НКВД. Однако в обслуживании этого контингента выяснились такие затруднения: значительная часть ссыльнопоселенцев расселена в населенных пунктах, расположенных от рай-

центров до 300 км. По причинам отдаленности лица, подлежащие 2–3-кратной явке ежемесячно на отметку в райотделение НКВД – фактически выполнять этих требований приказа не смогут. По тем же причинам административное наблюдение и оперативное обслуживание контингента по месту его расселения и постоянному месту работы крайне затруднено. Поэтому в целях усиления режима по месту трудового устройства ссыльных и полноценного охвата оперативным их обслуживанием, в связи с военным временем считаю необходимым:

1. Распространить на ссыльнопоселенцев режим, установленный положением о спецпоселках и трудовом устройстве осадников, утвержденным постановлением СНК СССР от 29/XI–1939 г. за № 2122–617сс.

2. Передать ссыльнопоселенцев в административное обслуживание комендатуры по трудпоселению, в связи с чем реорганизовать районные и поселковые комендатуры в смешанные, именуя их в дальнейшем – комендатуры по труд. и ссыльнопоселению» [56].

Вначале высланные находились на учете в Отделе трудовых спецпоселений ГУЛАГа НКВД СССР, а с весны 1946 г. они были подчинены 1-му спецотделу краевых и областных управлений Министерства внутренних дел СССР. На учет как спецпоселенцы попадала и молодежь по достижении 16-летнего возраста. В соответствии с распоряжением МГБ СССР, в 1950 г. высланных из Балтии, Молдавии, Украины и Белоруссии в 1941 г. передали под надзор областных и краевых управлений МГБ. Начиная с 1948 г. высланные должны были подписать обязательство о том, что они, на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г., высланы на поселение «на вечные времена». На местах поселения высланные в определенные дни должны были являться в спецкомендатуры и отмечаться, за неявку им грозило наказание.

Условия жизни поселенцев не улучшились вплоть до окончания ссылки. Многие пытались совершить побег из мест поселения. В случае побега объявлялся всесоюзный розыск, а также составлялись списки беглецов и рассылались различным учреждениям Министерства государственной безопасности СССР и Министерства внутренних дел СССР, пойманным определялись уголовные наказания на основании части 2 статьи 82 УК РСФСР: «побег с места обязательного поселения (ссылки) или с пути следования к нему, а равно уклонение от исправительно-трудовых работ присужденных к ссылке», предусмотренная мера наказания – «замена ссылки лишением свободы на тот же срок» [57].

Часто совершивших побег (преимущественно женщин, которые без разрешения властных учреждений возвращались на родину) арестовывали, их дела передавали на рассмотрение Особому совещанию при НКВД–МВД–МГБ СССР, либо «беглецов» задерживали и «по этапу» – через пересыльные тюрьмы – отправляли на прежние места поселения. Особое совещание обычно определяло беглецам наказание в виде трех лет «исправительно-трудовых лагерей с последующей отправкой на прежнее место поселения» [58].

Показателен следующий факт: в 1946 г. по просьбам оставшихся в Латвии родственников высланных детей Министерство просвещения этой республики организовало вывоз детей-сирот на родину из мест поселения в Сибири, при этом удалось вывезти более 1 300 детей, они были переданы на воспитание в семьи родственников или в детские дома Латвии. Однако многие из них в более поздние годы вновь подверглись задержанию и высылке обратно, в прежние места поселения [59]. Просьбы высланных в 1940-е гг. пересмотреть их дела обычно отклонялись. Также отклонялись просьбы оставшихся на родине родственников о разрешении вернуться на родину их взрослым близким, высланным в мае–июне 1941 г. В статусе «ссыльнопоселенцев» депортированные в мае–июне 1941 г. из «зоны пакта» находились до конца 1952 г. и лишь затем были переведены на положение «спецпоселенцев». Но по существу их положение постепенно стало меняться к лучшему лишь после смерти И.В. Сталина – к середине 1950-х гг.

Третий этап в истории спецпоселений – это период Великой Отечественной войны (середина 1941 г. – начало 1945 г.). Уже в Указе Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», принятом 22 июня 1941 г., военным властям в тех местностях, где было объявлено военное положение, предоставлялось право выселять из них в административном порядке всех лиц, признанных «социально опасными». 4 июля 1941 г. НКВД СССР разослал на места соответствующую директиву: в ней, правда, указывалось, в частности, что при выселении указанных лиц следует «проявлять осторожность, проверять имеющиеся данные и не выселять нетрудоспособных в возрасте старше 60 лет» [60].

Тем не менее заложенная в Указе «О военном положении» идея – убрать подальше всех, кто вызывал «опасения» или «недоверие» – оказалась в годы войны весьма востребованной и продуктивной. Гибель миллионов людей на фронте и в плену, массовый голод, сверхжесткие условия выживания государства и народа – все это до предела девальвировало в глазах высшей власти стоимость отдельной человеческой жизни (впрочем, и до войны и после нее цена эта также была невысока). Ужесточение сталинской диктатуры в те годы, отбрасывание правящим режимом всяческих, даже декоративных атрибутов демократии крайне негативно отразилось и на судьбе спецпереселенцев. Именно в военное лихолетье приобрело массовый размах тотальное выселение отдельных народов СССР, в том числе – имевших административно-территориальную автономию. В 1941–1942 гг. – это этнические немцы. В 1943–1944 гг. – карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, народы Крыма (татары, болгары, греки) и др.

Так называемая «кулацкая ссылка» в этот период значительно сократилась. По данным на 1 октября 1941 г., на учет значились 936 547 трудпоселенцев категории «бывшие кулаки» [61]. Продолжалось освобождение трудпоселенческой молодежи по достижении 16-летнего возраста – в соответствии с постановлением СНК СССР от 22 октября 1938 г. № 1143–280с.

Однако с началом войны поток заявлений об освобождении из «трудссылки» заметно сократился, а от некоторых ранее освобожденных трудпоселенцев стали поступать заявления с просьбой разрешить им вернуться в трудпоселок и снова встать на учет трудпоселений. Скрытая мотивация таких обращений проста: статус трудпоселенца спасал от военной службы и отправки на фронт. В связи с этим Отдел трудовых и специальных поселений ГУЛАГа НКВД СССР разослал на места директиву с требованием ускорить освобождение трудпоселенческой молодежи и передачу ее на учет военкоматов, за исключением лиц «инонациональностей»: немцев, поляков, финнов, прибалтов, болгар, австрийцев, греков и т. д. (всего перечислялись 22 национальности) [62]. В 1944 г. действие постановления СНК СССР об освобождении при достижении 16-летнего возраста было прекращено и в отношении спецпоселенцев контингента «бывшие кулаки», которые являлись по национальности калмыками, чеченцами, ингушами, карачаевцами, балкарцами, крымскими татарами [63].

В первый период войны из районов, которым угрожала германская оккупация, часть трудпоселенцев была эвакуирована в глубокий тыл. При этом органы НКВД старались в первую очередь эвакуировать трудпоселенцев-мужчин в возрасте от 18 до 45 лет, способных носить оружие. Удельный вес эвакуированных в общей численности трудпоселенцев, как правило, был весьма незначительным. Например, на учет трудпоселений в Украине состояли около 6 500 трудпоселенцев, из которых эвакуирован был только 421 чел. [64]. Тысячи трудпоселенцев, находившихся к началу войны в Украине, Карелии, Калмыкии, Ставропольском крае, Ленинградской и Сталинградской областях, оказались в зоне германской оккупации. При освобождении этих территорий (1943–1944 гг.) в трудпоселках наличествовало не более четверти прежнего количества их обитателей [65].

На основании указания Главного Управления РККА от 27 февраля 1940 г. «О порядке приписки к призывным участкам трудпереселенческой молодежи» трудпоселенцы приравнивались к «категории лиц сосланных и высланных» и призыву в Красную Армию не подлежали. Однако уже в первые месяцы войны стал практиковаться ограниченный их призыв на военную службу. Так, с начала войны и до 15 октября 1941 г. в РККА были призваны 3 218 трудпоселенцев, из них: в кадровые части – 301, а 2 917 – в специальные строительные батальоны [66].

11 апреля 1942 г. ГКО СССР после продолжительного согласования между НКВД и НКО СССР принял постановление № 1575сс, которым разрешалось часть трудпоселенцев – «бывших кулаков» призывать на военную службу. В постановлении говорилось о необходимости призыва в армию с 15 апреля 1942 г. «35 000 человек за счет тщательного отбора детей переселенцев и переселенцев призывного возраста ... на укомплектование запасных частей для подготовки маршевых пополнений и на доукомплектование выводимых с фронта стрелковых дивизий, а также на формирование танковых и других специальных частей» [67].

Причем первоначальное предложение НКВД и НКО о мобилизации 100 000 трудпоселенцев не было принято И.В. Сталиным, который, по всей видимости, не считал целесообразным вручать в руки оружие столь значительному числу «неблагонадежных» людей. Но военная обстановка диктовала свое, и специальным постановлением ГКО от 26 июля 1942 г. № 2100сс план мобилизации трудпоселенцев в РККА был увеличен до 50 000 чел. [68]. К 1 ноября 1942 г. этот план был выполнен. Всего же (с начала войны по ноябрь 1942 г.) были призваны в армию 60 747 трудпоселенцев (из них 57 324 – в 1942 г.) [69].

22 октября 1942 г. Л.П. Берия подписал приказ НКВД СССР № 002303 «О снятии с учета трудссылки трудпоселенцев, призванных в Красную Армию, и членов их семей».

Приказом предписывалось:

- снять «с учета трудссылки ... всех трудпоселенцев, призванных в Красную Армию, и прямых их членов семей (жена, дети)»;

- «снятие с учета ... оформить специальным постановлением, утвержденным начальником УНКВД/НКВД и Прокурором на каждую семью отдельно, на основании справок, выданных военкоматами»;

- «снятым с учета выдать паспорта без ограничений» и освободить их «от 5 % отчислений с их зарплаты» [70].

Снятие с учета трудпоселений мужчин, призванных в Красную Армию, их жен и детей происходило с большой задержкой. К 10 декабря 1942 г. были сняты с учета только 47 116 трудпоселенцев, из них: призванных в армию – 17 775, членов их семей – 29 341 [71]. В докладных записках местных органов НКВД руководству наркомата в декабре 1942 г. эта задержка объяснялась всякого рода трудностями технического порядка («отдаленность трудпоселков» и т. п.) [72].

Тем не менее в течение 1943 г. из трудссылки были освобождены 102 520 призванных в армию и членов их семей [73]. Кроме того, за период с 1 января 1941 г. по 1 апреля 1943 г. по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 г. были освобождены 136 240 трудпоселенцев (в 1941 г. – 62 808, в 1942 г. – 63 113, в янва-

ре-марте 1943 г. – 10 319 чел.) [74]. Освобождение из «кулацкой ссылки» по указанному постановлению СНК СССР и по другим причинам продолжалось и в дальнейшем. Таким образом, численность трудпоселенцев к 1 января 1943 г. снизилась до 724 498, а к 1 января 1944 г. – до 669 687 чел., т. е. до 71,5 % от предвоенного уровня [75]. Но эти «потери» с лихвой перекрыла депортация целых народов, которые в историко-публицистической литературе нередко называют «наказанными». Именно эти народы стали в 1940-х гг. основой «спецпоселенчества», отодвинув на второй план «раскулаченных» крестьян и других «социально опасных элементов».

Официальной версией применения партийно-советскими властями в 1940-х гг. тотальных принудительных депортаций к отдельным народам выдвигались либо «наказание» за совершенное ими «предательство» («депортации возмездия»), либо «профилактика» их от соблазна совершения такого «предательства» («превентивные депортации»). Точнее говоря, «превентивные депортации» – это наказание даже не за потенциальное предательство, а за принадлежность к национальности, с зарубежной «прародиной» которой ведется или может вестись война.

В этом заключается принципиальное отличие общей ситуации Второй мировой войны (1939–1945 гг.) от Первой мировой войны (1914–1918 гг.), когда депортации угрожали почти исключительно «враждебно-подданным», то есть гражданам государств, с которыми велась война. На этот раз репрессии прошли по собственным гражданам, национальность которых совпала с титульной нацией противника, причем относится это не только к СССР и другим тоталитарным государствам, но и к некоторым странам так называемой «развитой демократии» (США, Великобритания и др.) [76]. Примечательно, что в нацистской Германии интернированию подлежали только граждане СССР, тогда как российские эмигранты «первой волны», как правило, репрессиям и ограничениям не подвергались [77].

Общеизвестно, что в годы войны как героизм и самоотверженность, так и малодушие и предательство в той или иной степени проявили представители всех народов СССР – и те, кого превентивно или «задним числом» депортировали, и те, кого «не тронули». Так, в первые же месяцы войны были мобилизованы более 17 000 чеченцев и ингушей [78], на фронт ушли 40 000 турок-месхетинцев (почти все взрослое мужское население), из них 26 000 погибли [79]. Из 137 000 крымских татар, мобилизованных в армию, к 1944 г. погибли 57 000 [80]. Среди Героев Советского Союза, удостоенных этого звания в военные годы, значатся десять чеченцев и ингушей, девять немцев, восемь калмыков, один балкарец и т. д. [81].

Поэтому обвинения в «предательстве» были просто несправедливы. Мало того, они были лицемерны, поскольку общее число граждан СССР, оказавшихся под германской оккупацией и уже в силу этого вынужденных контактировать с вражескими властями, составляло около 85 000 чел., или почти 45 % довоенного населения страны [82]. По меньшей мере 1 000 000 из них делали это, действительно запятнав себя невымысленной изменой и кровью своих соотечественников [83]. Безусловно, среди коллаборационистов были и представители «наказанных народов», но подавляющее большинство составляли украинцы и русские, за что эти народы в целом, как известно, тотального наказания тем не менее не понесли. Прецедент массового «наказания народов» неправилен и противоправен, поскольку подменил собой судебные разбирательства против конкретных лиц.

Наконец, приписывание коллективной вины и применение коллективного наказания по признаку этнической принадлежности является не только серьезным нарушением внутреннего конституционного законодательства (прежде всего статей 123 и 127 Конституции СССР 1936 г. действие которой официально не приостанавливалось и не ограничивалось даже в годы войны) [84], но и бесспорным преступлением против человечности (наравне со взятием и расстрелом заложников и т. п.) и вполне подпадающим под определение геноцида в международном праве [85].

Именно бездоказательное подозрение в вероятном предательстве как раз и легло в основу первой и крупнейшей «превентивной» депортации военных лет – массовой репрессии против этнических немцев. В общей сложности речь шла о перемещении примерно 1 400 000 этнических немцев, расселявшихся к 1941 г.: в России (862 500 чел., в том числе 366 700 – в АССР немцев Поволжья), в Украине (392 700), в Казахстане (92 700), в Азербайджане (23 100) и в Грузии (20 500 чел.) [86]. Начало было положено в конце августа 1941 г. – высыланием «лиц немецкой национальности» из районов Среднего Поволжья.

Эта операция осуществлялась в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. № 2056–933сс «О переселении всех немцев Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области», приказом и инструкцией НКВД СССР от 27 августа 1941 г. № 001158 и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. № 21–160 «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» [87]. Всю операцию предписывалось провести между 3 и 20 сентября 1941 г. В этих целях создается оперативный штаб во главе с заместителем наркома внутренних дел СССР И.А. Серовым, а АССР немцев Поволжья сводится в единый (с точки зрения целей депортации) регион с соседними Саратовской и Сталинградской областями.

В начале сентября АССР немцев Поволжья была вообще ликвидирована, а ее территория распределена между Саратовской (город Энгельс и 15 кантонов) и Сталинградской (семь кантонов) областями. Переименования немецкоязычной топонимики кантонов (районов) и населенных пунктов на этой территории последовали 19 мая 1942 г. [88]. В «регион выселения» направляется «особый отряд» в 13 000 чел., состоявший из сотрудников органов НКВД (около 1 500), милиции и красноармейцев. 28 августа 1941 г. в составе центрального аппарата НКВД СССР образован Отдел спецпоселений, в обязанности которого вменяются исключительно прием и размещение перемещаемых немцев. Этот отдел, начальником которого являлся И.В. Иванов, просуществовал до 14 ноября 1942 г., после чего был упразднен, а его функции переданы Отделу трудовых и специальных поселений ГУЛАГа НКВД [89].

29 августа 1941 г. войска НКВД заняли исходные, согласно дислокации, позиции. Организационная схема депортации немцев из Поволжья, которая в общем и целом выдерживалась и при других этнических депортациях, выглядит следующим образом. В регионах комплектуются «оперативные тройки», утверждаемые приказами НКВД СССР, в составе начальника территориального органа НКВД, начальника местной милиции и секретаря комитета ВКП(б). Они, в свою очередь, комплектуют участковые «оперативные тройки».

Для составления списков депортируемых члены участковых «оперативных групп» выезжают в населенные пункты (колхозы, поселки, города и т.п.) и оформляют учетные карточки на каждую выселяемую семью. При этом не подлежали депортации немки, бывшие замужем за представителями других народов (данное правило соблюдалось и при всех последующих депортациях). В том случае, если отдельные члены семьи временно отсутствуют, органы НКВД берут их на учет для последующего направления к новому месту жительства семьи. Главу семьи предупреждают, что он несет ответственность за всех переселяемых членов его семьи: в случае перехода кого-либо из них на нелегальное положение, он и остальные члены семьи «будут репрессированы в уголовном порядке».

На основании данных, полученных от участковых «троек», областные «тройки» составляют графики подачи вагонов – с таким расчетом, чтобы «исключить простой подвижного состава» [90]. Помимо оперативных «троек», повсеместно создавались комиссии по приемке имущества переселяемых колхозов и оценке личного имущества выселяемых. Соответствующая инструкция («О порядке приемки имущества переселяемых колхозов и колхозников») была утверждена постановлением СНК СССР от 30 августа 1941 г. № 2016–915сс в связи с депортацией из Поволжья, но без дополнительных уточнений действовала на всей территории СССР и в дальнейшем [91]. В состав таких комиссий включались председатель райисполкома, заведующий районным земельным отделом, уполномоченный Наркомата заготовок, представители конторы «Заготскот», районного финансового отдела или конторы Госбанка. В помощь им в каждом районе мобилизовывались в порядке трудовой повинности не менее 50 счетных работников.

Имущество переселяемых колхозов и МТС принималось по актам: колхозные постройки; сельскохозяйственные машины; рабочий и продуктивный скот; сельскохозяйственная продукция (как в убранный вид, так и на корню); подсобные предприятия с имеющимся оборудованием, готовой продукцией, сырьем; денежные средства и т.д. Примечательно, что несмотря на фактическую ликвидацию немецких колхозов, государство предполагало получить от них все обязательные поставки. При этом переселяемым колхозникам обещали выдать «на новых местах» 3 % от оставшейся после выполнения обязательств сельхозпродукции – с учетом выработанных трудодней. Зерно, оставшееся после зачета в выполнение государственных обязательств и вычета подлежащего выдаче переселенцам, сдавалось уполномоченным Наркомзема СССР государству по закупочным ценам. Часть сдаваемого зерна оставалась на месте – как семенной и фуражный фонд для вновь вселяемых колхозников.

В случаях задолженностей колхоза долг переносился на вновь создаваемое на этой территории хозяйство. Неурбранный урожай сельскохозяйственных культур принимался со скидкой 30 % – на расходы по уборке урожая, его хранению и транспортировке. Средства, полученные от реализованной продукции, обращались в погашение всех взятых у государства денежных ссуд (независимо от сроков их погашения), налогов, сборов и страховых платежей. Денежные средства колхозов поступали в распоряжение местных органов власти – для укрепления вновь образующихся в данной местности колхозов. Кроме того, уполномоченные Наркомата мясомолочной промышленности СССР осуществляли приемку от колхозов и колхозников в счет выполнения «мясообязательств» по поставкам 1941 г., взыскания недоимок «по мясу» за прошлые годы и замены мясом поставок других видов сельхозпродукции.

На принятый от совхозов скот сверх выполнения ими обязательств перед государством составлялся акт в трех экземплярах с указанием количества скота, его живой массы. По предъявлению актов «на местах вселения» перемещаемые колхозы якобы могли получить соответствующий натуральный эквивалент. На каждую принятую от индивидуальных сдатчиков голову рабочего скота выписывалась квитанция и производилась оплата. Сдатчикам обещали, что при предъявлении квитанции на новом месте они смогут приобрести рабочий скот по эквивалентным ценам [92].

Для усиления охраны колхозного и государственного имущества на время проведения операции по выселению в помощь «оперативным группам» привлекался «партийно-советский и комсомольский актив», а для последующей охраны имущества, ухода за скотом, посевами до вселения новых жителей или создания новых колхозов выделялись группы мобилизованных в порядке трудовой повинности из соседних областей или из лиц, прибывших по эвакуации из прифронтовой полосы.

Оценка личного имущества переселяемых производилась особой оценочной комиссией в составе уполномоченного Наркомзема СССР, председателя колхоза, представителя банка и с участием переселяемого. Сдавший имущество получал акт с указанием суммы, которая должна была возмещаться «на месте нового поселения» – «путем построек или материалов на постройку». Впрочем, по многочисленным свидетельствам самих выселенных, акт приемки личного имущества носил формальный характер и лишь в крайне редких случаях (да и то в гораздо более поздние годы – в период постсоветской реабилитации) находил практическую реализацию. Переселяемым разрешалось брать с собой минимум личного имущества: одежду, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, запас продовольствия на месяц – общим весом до одной тонны на семью. Сроки на сборы отпускались крайне сжатые, и перед отправкой успевали подготовить немного (забывали скот, готовили сало, делали колбасы, выпекали хлеб) [93].

Несмотря на некоторые «сбои», операция была проведена в целом по плану, в намеченные сроки и без какого-либо сопротивления со стороны выселяемых. Вывозили же их, главным образом, в Казахстан, Красноярский и Алтайский края, в Новосибирскую и Омскую области. Расселяли, как правило, в сельской местности, независимо от места предыдущего проживания [94].

Строго говоря, первыми фактически депортированными среди своих соплеменников в СССР стали не поволжские, а крымские немцы. Их уже в августе 1941 г. в спешке вывезли из Крыма в Ростовскую область и Ставропольский край. Формально эта акция называлась «эвакуацией», но по сути имела несомненные признаки этнической депортации. Позднее – уже из Ставропольского края – крымских немцев выселили повторно, на сей раз – за Урал [95].

Депортация этнических немцев из других регионов страны происходила на основе:

1) постановлений ГКО СССР:

– от 6 сентября 1941 г. № 636сс – из Москвы, Московской и Ростовской областей;

– от 21 сентября 1941 г. № 698сс – из Краснодарского и Ставропольского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР;

– от 22 сентября 1941 г. № 702сс – из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей;

– от 8 октября 1941 г. № 743сс – из Воронежской области;

– от 8 октября 1941 г. № 744сс – из Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР;

– от 22 октября 1941 г. № 827сс – из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР;

– от 29 мая 1942 г. № 1828сс – из Краснодарского края и Ростовской области (вторичное выселение);

2) распоряжений СНК СССР:

– от 3 ноября 1941 г. № 84кс – из Калмыцкой АССР;

– от 21 ноября 1941 г. № 280кс – из Куйбышевской области;

3) постановлений Военного Совета Ленинградского фронта от 26 августа 1941 г. № 196сс, от 9 марта 1942 г. № 00713, от 20 марта 1942 г. № 00714 – из Ленинграда и Ленинградской области;

– приказа Военного Совета Южного фронта от 26 августа 1941 г. № 196сс – из Крыма и Днепропетровской области;

– директивы Наркомата обороны СССР от 8 сентября 1941 г. № 35105 – об изъятии из Красной Армии «военнослужащих немецкой национальности».

По специальным решениям директивных органов было осуществлено также выселение немцев из Харьковской, Горьковской, Калининской и некоторых других областей [96]. Содержание постановлений обо всех этих выселениях было, как правило, стандартным, однотипным и немотивированным.

В конце 1941 г. практически все немецкое население СССР, кроме оказавшего в зоне германской оккупации, было принудительно сконцентрировано к востоку от Урала. К 25 октября 1941 г. из 873 578 немцев, подлежащих выселению «по государственному заданию», фактически были депортированы 856 168, или более 98 %. К началу 1942 г. на спецпоселении числились 1 031 300 немцев, из них около 800 000 составляли те, кого депортировали из европейской части СССР. Размещены они были (почти поровну) в Казахстане и Сибири. 231 300 чел. составлял контингент так называемых «местных» немцев: это люди, которых физически депортировать не стали, но поставили на учет спецпоселения по месту жительства. Всего же за 1941–1942 гг. были взяты на спецучет 1 209 430 немцев, из них: 856 340 – переселенные «по государственному заданию», 48 001 – «мобилизованные» («списанные» из РККА в «трудармию»), 203 796 – репатриированные («местные»). Таким образом, округленная оценка численности собственно депортированных в этот период немцев составляет около 905 000 [97].

К концу войны на спецпоселении значились уже 949 829 этнических немцев, в том числе выселенных:

- из бывшей АССР немцев Поволжья – 365 800 (в Казахскую ССР, Красноярский и Алтайский края, в Новосибирскую и Омскую области);
- из Краснодарского и Ставропольского краев, Кабардино-Балкарской и Северо-Осетинской АССР, а также из Тульской области (включая около 50 тыс. эвакуированных летом 1941 г. из Крыма в Ставропольский край) – 149 206 (в Казахскую ССР, Красноярский край и в Иркутскую область);
- из Запорожской, Ворошиловградской и Сталинской областей – 79 569 (в Казахскую ССР, Астраханскую и Кировскую области; 20 октября 1941 г. 548 из них доставлены в Вятский ИТЛ/Вятлаг НКВД СССР в качестве «следственно-заключенных по делам о контрреволюционных преступлениях»);
- из Саратовской области – 46 706 (в Казахскую ССР, Красноярский и Алтайский края, в Новосибирскую и Омскую области);
- из Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР – 46 356 (в Казахскую ССР и Новосибирскую область);
- из Ростовской области – 38 288 (в Казахскую ССР);
- из Сталинградской области – 26 245 (в Казахскую ССР, Красноярский и Алтайский края, в Новосибирскую и Омскую области);
- из Ленинграда и Ленинградской области – 11 000 (в Казахскую ССР, Красноярский и Алтайский края, в Новосибирскую и Омскую области);
- из Куйбышевской области – 8 787;
- из Москвы и Московской области – 8 640 (в Казахскую ССР);
- из Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР – 7 306 (в Казахскую ССР);
- из Калмыцкой АССР – 5 965 (в Казахскую ССР);
- из Воронежской области – 5 308 (в Новосибирскую и Омскую области);
- из Днепропетровской области – 3 384;
- из Горьковской области – 3 162;
- из Крыма – 2 233 (без эвакуированных летом 1941 г. в Ставропольский край);
- из других регионов – около 142 000 [98].

В 1942 г. значительная часть немцев-спецпереселенцев была подвергнута вторичной репрессии по национальному признаку. Суть дела заключалась в попытке властей «рационализировать» решение вопросов трудоустройства депортированных немцев. И одним из главных способов такой «рационализации» определили «трудоузовую мобилизацию» немцев и формирование из них на время войны так называемой «трудоуовой армии», «бойцы» которой направлялись для «трудоиспользования» в районы, как правило, весьма удаленные от мест учета их семей на спецпоселении.

Собственно, к формированию «трудоуармии» приступили еще осенью 1941 г., когда «строительные батальоны НКВД» были реорганизованы в «рабочие колонны» – с казарменным проживанием и лагерным распорядком (приказ НКВД СССР от 26 сентября 1941 г. № 001398 о реорганизации «стройбатальонов НКВД» в «рабочие колонны», постановление СНК СССР от 7 октября 1941 г. № 2130–972сс «О выделении рабочих колонн из военнообязанных» и др.) [99]. Именно за этими формированиями неофициально закрепился термин, ныне бытующий и в публицистике, и даже в историко-научной литературе: «трудоуармия», хотя в нормативных документах 1940-х гг. этот термин не упоминался. Первыми «трудоуармейцами» среди немцев стали военнослужащие, «изъятые» в сентябре 1941 г. из регулярной армии и переведенные в строительные части внутренних военных округов. Затем их поставили на учет спецпоселения, но не демобилизовали, а в соответствии с постановлением СНК СССР от 7 октября 1941 г. направили (общей численностью около 20 800 чел.) в «трудоуармию», сочетавшую в себе элементы военных формирований, трудоуовой деятельности и лагерного режима содержания [100].

В соответствии с постановлениями ГКО СССР от 10 января (№ 1123сс) и 14 февраля (№ 1281сс) 1942 г. надлежало уже всех немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, годных к физическому труду, выселенных в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края, в Казахскую ССР (в количестве до 120 000 чел.), а также «местных» немцев (40 000–45 000 чел.) мобилизовать в «рабочие колонны» на период войны.

Во исполнение этих постановлений были «мобилизованы»:

- 45 000 немцев – на лесозаготовки в системе НКВД;
- 35 000 – на строительство Бакальских и Богословских заводов НКВД;
- 40 000 – в НКПС СССР на строительство железных дорог Сталинск – Абакан, Сталинск – Барнаул, Акмолинск – Карталы, Акмолинск – Павлодар, Сосьва – Алапаевск, Орел – Кандагач [101].

Постановлением ГКО от 7 октября 1942 г. № 2383сс предписывалось мобилизовать в «рабочие колонны» дополнительно, на весь период войны, немцев-мужчин (более 118 000), годных к физическому труду, в возрасте 15–16 и 51–55 лет включительно, причем как спецпереселенцев из центральных областей СССР и АССР

немцев Поволжья в пределы Казахской ССР и восточные области РСФСР, так и проживающих в других республиках, краях и областях СССР.

Одновременно надлежало провести мобилизацию в «рабочие колонны» на время войны также 52 700 немецких женщин в возрасте от 16 до 45 лет включительно (освобождались от «мобилизации» только беременные и имеющие детей в возрасте до трех лет) [102]. При этом немки направлялись к «местам трудоустройства» в основном по разверстке Наркомата нефтяной промышленности и в подразделения ГУЛАГа НКВД СССР, а немцев – на предприятия трестов «Челябуголь» и «Карагандауголь» [103]. Кроме того, в соответствии с постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. № 19 «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке», а также «О развитии прибрежного лова рыбы в Белом и Баренцовом морях» (октябрь 1942 г.), другими директивными указаниями немцы (более 58 000) привлекались на работу и в рыбные промыслы в районах Крайнего Севера [104]. Еще одна «мобилизация» немцев была проведена в мае–сентябре 1943 г. (в соответствии с постановлениями ГКО СССР от 26 апреля, 2 и 19 августа /№ 3960сс/ 1943 г.) и охватила более 15 000 чел. (5 300 муж. и 9 800 жен.), причем на этот раз «призывали» и беременных, и 14-летних подростков, и стариков [105].

К началу 1944 г. в «рабочих колоннах» НКВД числились около 222 000 немцев-«трудоармейцев», из них 101 000 «использовались» на стройках и в других подразделениях НКВД, а остальные – на предприятиях и организациях других наркоматов [106]. До конца 1945 г. – середины 1946 г. «трудообеспеченные» находились в «специальных зонах» – по месту работы. Эти «специальные зоны» на самом деле являлись структурными подразделениями ГУЛАГа НКВД, которые и были определены местом дислокации «рабочих колонн» (или так называемой «трудовой армии») [107].

Всего за время войны в эти «рабочие колонны» были мобилизованы свыше 400 000 чел., в подавляющем большинстве (около 317 000) этнических немцев, а также граждан других «инонациональностей» (финны, румыны, венгры, итальянцы и др.) и некоторое число «трудопоселенцев» («бывших кулаков»). Содержались они в лагерных подразделениях ГУЛАГа («специальных зонах»), но де-юре не в качестве заключенных (осужденных), а как «трудообеспеченные» (или так называемые «трудоармейцы»), причем на учете они состояли не в отделах спецпоселений территориальных органов НКВД, а непосредственно в подразделениях ГУЛАГа, к которым были прикреплены [108].

8 207 немцев-«трудоармейцев» (в том числе более 1 000 женщин) были доставлены (за период с февраля 1942 г. по 1 июля 1944 г.) в Вятский ИТЛ НКВД СССР (Кировская область). К июню 1943 г. из 6 977 «учтенных» здесь «трудоармейцев» умерли 1 186, или 17 %. Из-за истощения, дистрофии и по инвалидности лагерная администрация «освободила» за это время 1 308 еще «трудоармейцев», или 18,7 %. Только у 516 «мобилизованных» было установлено удовлетворительное состояние здоровья. К середине 1944 г. из лагеря «списаны в связи с убытием» 5 283 «трудоармейца», в том числе: умерли – 1 428 (17,4 %), осуждены – 365 (4,4 %), «демобилизованы» – 1 581 (19,3 %), бежали – семь (0,1 %), находились в отпуске (в основном – «по болезни») – 1 079 (13,1 %). Всего же (с февраля 1942 г. по декабрь 1955 г.) в Вятлаге погибли (по неполным данным) 1 585 «трудоармейцев» и спецпоселенцев из числа «лиц немецкой национальности», или 19,3 % общего списочного состава этого лагерного «контингента» [109].

Официально «трудообеспечение» преподносилось как альтернатива военной службе и отправке на фронт – для мужчин призывных возрастов (для подростков, престарелых и женщин никакого пропагандистского камуфляжа не применялось вообще). Фактически же система «трудообеспечения» (даже с поправками на чрезвычайные обстоятельства военного времени) являла собой советско-сталинскую изоцированную разновидность каторги со всеми ее атрибутами, но без какой-либо юридической мотивации. Показательно, что смертность среди «трудоармейцев» была значительно выше, чем на «обычном» спецпоселении, хотя и среди оставленных там немцев-стариков, детей, инвалидов эти показатели также превышали среднестатистические [110].

После ликвидации в 1945–1946 гг. «специальных зон» часть немцев («трудообеспеченные») была взята на учет спецкомендатур по «месту работы» – в Башкирской, Коми, Татарской АССР, Кировской, Куйбышевской, Молотовской, Московской, Свердловской, Тульской, Челябинской, Чкаловской, Ульяновской областях, а другие («спецпоселенцы») – в тех местах, куда они выселялись по решениям ГКО и СНК СССР в военное время. «Демобилизованные» при этом «трудоармейцы» оставались прикрепленными к тем предприятиям, где они до этого работали, правда, с правом поселения в общежитиях вне лагерных «зон» и воссоединения с семьями («выписки семьи к себе») [111]. Статус спецпереселенцев для всех этнических немцев был еще раз подтвержден постановлением СНК СССР от 8 января 1945 г. № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» [112].

Кроме немцев, депортации «превентивно-профилактического» характера подверглись (причем трижды) финны и ингерманландцы. В первый раз, как уже отмечалось, они были выселены из приграничных районов Ленинградской области и Карелии еще в 1935 г., во второй раз (вместе с немцами) – из Ленинградской области в сентябре 1941 г. Но финнов тогда «эвакуировали» отнюдь не всех, и поэтому «оставшиеся» (3 500 семей, или около 9 000 чел.) решениями Военного совета Ленинградского фронта (от 9 марта 1942 г. № 00713 и от 20 марта 1942 г. № 00714) были выселены из Ленинграда и его окрестностей. Кроме того, 3 апреля 1942 г. ГКО СССР постановил «очистить» от финнов ряды действующей армии и перевести их в «рабочие колонны» НКВД.

Депортированных финнов (в общей сложности 44 737 чел.) направляли в основном в те же «весьма отдаленные» регионы – в Иркутскую (8 267 чел.) и Омскую (3 602) области, в Красноярский край (17 837) и в Якутскую АССР, где их «трудоиспользовали» преимущественно в рыболовецких колхозах на реке Лена и ее притоках. Оставшуюся часть финского «спецконтингента» разместили в Вологодской, Кировской областях и некоторых других территориях, география которых впоследствии расширилась. При этом финны считались «административно-высланными», и лишь после 29 декабря 1944 г. они были поставлены на учет как «спецпереселенцы» [113].

В числе «превентивно» депортированных народов оказались (по не совсем ясным причинам) и этнические греки. Директивой НКВД СССР от 4 апреля 1942 г. предписывалось очистить от «иноподданных» и от «антисоветских, чуждых и сомнительных элементов» города и районы традиционного проживания греков в Крыму и на Кавказе – Таманский полуостров, города Керчь, Темрюк, Анапу, Новороссийск. Постановление ГКО СССР от 29 мая 1942 г. № 1828сс расширило этот список за счет городов Армавира и Майкопа, а также ряда районов и станиц Ростовской области и Краснодарского края. Кроме того, оно существенно дополнило и контингент подлежащих выселению лиц – за счет внесения в их перечень (кроме немцев) «греков-иностранных подданных», румын и крымских татар. Всего были выселены, по неполным данным, не менее 10 000 чел. разных национальностей, среди которых преобладали греки. Поэтому данная акция многими исследователями квалифицируется как «депортация греков». До конца 1952 г. эти лица составляли одну из категорий «административно-высланных», а затем были переведены на положение спецпоселенцев в качестве самостоятельного контингента [114].

С учетом всех перечисленных категорий, общее число «превентивно-депортированных» в 1941–1942 гг. можно оценить в 1 200 000 чел. [115]. Принимая во внимание тот факт, что во время военных действий линия фронта по сути соответствует (хотя бы и всего лишь на некий ограниченный период) государственной границе, допустимо (с известной долей условности) рассматривать «превентивные» депортации этнических финнов, греков, румын, татар (в гораздо меньшей степени – немцев) и как своего рода «пограничные зачистки», «профилактирующие» нежелательные для «зачищаемых» последствия. Но это совсем не означает, что такого рода «зачистки» должны производиться с полным пренебрежением к собственному конституционному законодательству и нормам международного права.

Последующие этнические депортации (1943–1944 гг.) носили уже не «профилактический» или «превентивный» характер, а предполагали в своей мотивации «возмездие», «кару», «наказание» за действительные (в меньшей части) или надуманные (в большинстве своем) «преступления против советского государства» в годы войны. Непосредственно этим депортациям были подвергнуты шесть народов: карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы и крымские татары.

Понять логику советских властей, найти рациональное объяснение их действиям при депортации того или иного народа невозможно. Складывается впечатление, что при тоталитарной структуре государства, общей нацеленности его на этническую репрессию мог быть подвергнут каре любой народ, случайно и в «неподходящий» момент попавший в поле зрения И.В. Сталина, Л.П. Берии или других высших партийно-советских сановников. Никакой юридической либо пропагандистской мотивации при этом и не требовалось. Достаточно было даже устного распоряжения того же И.В. Сталина – и машина террора раскручивалась по стандартной наработанной схеме. Так, например, 27 декабря 1943 г. Политбюро ЦК ВКП(б) санкционировало Указ Президиума Верховного Совета СССР № 115/144 «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР и об административном устройстве ее территории». На следующий день СНК СССР принял решение (№ 1432–425сс) о выселении всех калмыков в Алтайский и Красноярский края, а также в Омскую и Новосибирскую области.

По аргументации НКВД, депортация была наказанием для калмыков за «сопротивление органам Советской власти», «массовое сотрудничество» с германскими оккупантами: якобы более 30 % взрослого калмыцкого населения населения «с оружием в руках выступили против Советской власти» [116].

Все это – не более чем миф, сотворенный самим НКВД. Действительно, существовал созданный германским вермахтом калмыцкий кавалерийский корпус (более 5 000 чел.), который в ходе войны был задействован главным образом в операциях против партизан – на Украине, в Польше и в Хорватии. Но ведь известно и другое: около 8 тыс. калмыков удостоены за воинскую доблесть в те же годы государственных наград СССР [117].

Кроме того, не секрет, что национальные формирования были созданы германским военным командованием и руководством СС также из представителей значительного числа других (помимо калмыков) народов СССР. Судя по всему, это предусматривалось нацистской военно-оккупационной доктриной по отношению ко всем этническим группам нашей страны. В частности, РОА («Русская освободительная армия») генерала А.А. Власова состояла в значительной своей части именно из русских, а всего в вермахте и в войсках СС состояли почти 1 млн. славян – русских, украинцев и белорусов, а также около 300 тыс. граждан СССР «неславянских» национальностей. Не менее 20 % из них (по данным на январь 1945 г.) принимали непосредственное участие в боевых действиях на германско-советском фронте [118].

Так что убедительным поводом для «наказания» именно калмыков сам по себе факт существования в составе вермахта калмыцкого корпуса быть не мог. Нелогичность решения о депортации калмыков подтверждается и тем обстоятельством, что 8 декабря 1943 г., то есть за две с небольшим недели до вынесения этого решения, было принято специальное постановление СНК СССР, имевшее диаметрально противоположное назначение, – о выделении средств для послевоенного восстановления Калмыцкой АССР и оказания помощи калмыцкому народу [119]. Но уже к 2 января 1944 г. практически все калмыки в результате спецоперации под кодовым названием «Улусы» были высланы из своей автономной республики за Урал. На основании распоряжения СНК СССР от 11 марта 1944 г. № 5475рс калмыки были выселены из Ростовской и Сталинградской областей (соответственно 2 536 и 1 178 чел.), а затем по этнической принадлежности обнаружены и отправлены на спецпоселение также все «лица калмыцкой национальности», проживавшие в других регионах страны [120]. Относительно небольшими партиями поступали и демобилизованные из армии – всего 4 105 чел.

Поскольку основное выселение производилось в самый разгар зимы, смертность при перевозке была чрезвычайно высокой. К тому же в местах вселения нередко вспыхивали эпидемии (главным образом – сыпного тифа) [121]. В момент прибытия на спецпоселение были учтены 91 919 калмыков, а на 1 октября 1948 г. эта категория этнической ссылки насчитывала 90 940 чел. [122]. Между регионами вселения они были распределены почти поровну (данные на январь 1944 г.): Омская область – 24 325 чел., Красноярский край – 21 164, Алтайский край – 20 858, Новосибирская область – 18 333 чел. При этом больше половины «калмыцкого» контингента в Омской области было расселено в ее северных округах – Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Тобольском. Труд выселенных калмыков использовался в сельском хозяйстве, на лесоповале, но чаще всего – в промышленном рыболовстве; их многовековой опыт в области животноводства, в особенности отгонного, оказался невостребованным [123].

Что же касается территории бывшей Калмыцкой АССР, то на большей ее части была образована Астраханская область, по два района были переданы Сталинградской и Ростовской областям, один район – Ставропольскому краю, еще 211 гектаров пастбищных угодий (так называемые «Черные земли») перешли в пользование дагестанских колхозов. Столица Калмыкии Элиста была переименована в город Степной. Позднее бывшие «калмыцкие» районы ликвидировались и в других местах (в Ростовской и Астраханской областях, а также в Ставропольском крае). Их территории делились между соседними районами, а калмыцкие названия большинства населенных пунктов заменялись русскими топонимами [124].

По той же методе и с аналогичной «мотивацией» были последовательно репрессированы и другие безвинно «провинившиеся» перед И.В. Сталиным народы. Еще до «калмыцкой» операции началась депортация народов Северного Кавказа. Первыми подверглись выселению карачаевцы – по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 г. № 115/136 и постановлению СНК СССР от 14 октября 1943 г. № 1118–342сс (6 ноября 1944 г. было принято постановление СНК СССР о порядке заселения бывшей Карачаевской автономной области Ставропольского края) [125].

Затем (зима–весна 1944 г.) пришел черед для чеченцев, ингушей и балкарцев. Они были выселены по следующим указам и постановлениям:

– чеченцы и ингуши – по двум одновременным постановлениям ГКО от 31 января 1944 г. № 5073сс и 5074сс («О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР» и «О порядке принятия на Северном Кавказе скота и сельскохозяйственных продуктов») и Указу Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 г. № 116/102 (при этом уже 29 января 1944 г. была утверждена инструкция НКВД СССР «О порядке проведения выселения чеченцев и ингушей» – спецоперации «Чечевица») [126];

– балкарцы – по постановлению ГКО от 5 марта 1944 г. № 5309сс и Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 г. № 117/6 (соответствующий приказ НКВД СССР № 00186сс был издан еще 26 февраля 1944 г.).

Кроме того, в соответствии с приказом НКВД–НКГБ СССР от 25 мая 1944 г. № 00620/001 из Кабардинской АССР были выселены семьи кабардинцев – «активных немецких пособников, предателей, изменников», а также «члены семей лиц, добровольно ушедших с немцами». Первоначально предусматривалось переселить 2 467 чел. этой категории, однако после исключения из списков «родственников служивших в РККА» и «ста-

риков старше 70 лет», этапирован был (в Джамбулскую и Южноказахстанскую области) 2 051 чел. и, таким образом, массовой депортации кабардинцев не последовало [127].

В мае 1944 г. нарком внутренних дел Л.П. Берия дал указание территориальным органам НКВД провести в срочном порядке операции по выявлению лиц, принадлежащих к переселяемым «по государственному заданию» национальностям в рамках всего Кавказа, «не утаивая ни одного», и выслать их в Казахскую и Узбекскую ССР. К 15 апреля 1945 г. только из Грузинской ССР был депортирован 2 741 чеченец. В целом же из Дагестанской АССР, Азербайджанской и Грузинской ССР, Краснодарского края, Ростовской и Астраханской областей были выселены 4 146 чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев и балкарцев (в это число не входят 30 тыс. чеченцев, выселенных в феврале 1944 г. из Ауховского района Дагестанской АССР) [128]. Всего в момент прибытия на спецпоселение (1944 г.) были учтены 608 749 выселенных с Северного Кавказа, в том числе: чеченцев – 362 282, ингушей – 134 178, карачаевцев – 68 327, балкарцев – 37 406, других национальностей – 6 556. На 1 октября 1948 г. на учете спецпоселения значились 575 768 «северокавказцев» [129].

В мае-июне 1944 г. из Крыма были выселены крымские татары, болгары, греки, армяне и (частично) представители некоторых других национальностей. Депортации осуществлялись на основании следующих постановлений ГКО:

- от 2 апреля (№ 5943сс), 11 мая (5859сс) и 21 мая (№ 5937сс) 1944 г. – крымские татары (аналогичное постановление о выселении крымских татар и греков с территории Краснодарского края и Ростовской области датировано 29 мая 1944 г.);

- от 2 июня 1944 г. № 5984сс – крымские болгары, греки и армяне;

- от 24 июня 1944 г. № 6100сс – «жители Крыма турецкого, греческого и иранского подданства», имевшие на руках «просроченные зарубежные паспорта».

Основную операцию начали на рассвете 18 мая 1944 г. и провели за три дня. В момент прибытия на спецпоселение были учтены 228 392 чел., выселенные из Крыма, из них 224 740 – по постановлениям ГКО от 11 мая и 2 июня 1944 г., в том числе крымских татар – 191 014. При этом 151 083 чел. разместили в Узбекистане (в Ташкентской области – около 56 000, в Самаркандской – около 32 000, в Андижанской – 19 000, в Ферганской – 16 000.). Остальных распределили на Урале (Молотовская и Свердловская области, Удмуртская АССР) и в европейской части СССР (Костромская, Горьковская, Московская и некоторые другие области, а также Марийская АССР). 3 652 чел. (3 531 – греческого, 105 – турецкого, 16 – иранского подданства), выселенные по постановлению ГКО от 24 июня 1944 г., были размещены в Ферганской области Узбекской ССР.

В результате к лету 1945 г. в Крыму осталось лишь 43,3 % от прежней численности населения (379 000 чел. против 875 000 перед войной). Крымская АССР была упразднена и преобразована в Крымскую область, на ее территории переименованы 11 районов и райцентров, заменены русскими топонимами все татарские, немецкие и даже крымские географические названия (в том числе 1 389 – населенных пунктов) [130].

В течение мая-июня 1944 г. из Крыма и с Кавказа были дополнительно депортированы около 66 тыс. чел., в том числе из Крыма – 41 854 (среди них: греков – 15 040, болгар – 12 422, армян – 9 620, немцев, итальянцев, румын и прочих – 1 119). Их направили в Башкирскую и Марийскую АССР, Кемеровскую, Молотовскую, Свердловскую, Кировскую область (РСФСР), а также в Гурьевскую область Казахстана. Кроме того, были выселены: из Краснодарского края – 8 300 чел. (только греки – иностранцы или апатриды), из республик Закавказья – 16 375 чел. (греки). Из-за малочисленности выселение миновало большинство караимов (крымских татар иудейского вероисповедания), но часть из них все же депортировали вместе с другими «крымскими контингентами» [131].

Перевозка выселяемых в ходе депортаций «возмездия» проводилась общеустановленным методом, но в отличие от предшествовавших операций подобного рода имела более «щадящий» характер. Так, в постановлении ГКО от 2 июня 1944 г. (о выселении из Крыма 37 000 болгар, греков и армян) предписывалось выделить для обеспечения питания в пути спецпереселенцев продовольствие «по норме № 1, из расчета суточной нормы на одного человека: хлеб – 500 граммов, мясо-рыба – 70 граммов, крупа – 60 граммов, жиры – 10 граммов» [132]. Указанная норма была несколько выше существовавших в то время аналогов для заключенных ГУЛАГа и даже для военнопленных. Это позволило избежать массовой смертности при транспортировке выселенных.

Например, из 151 720 крымских татар, направленных в мае 1944 г. в Узбекскую ССР, были приняты по актам местными органами НКВД 151 529, в пути следования умер 191 чел. (0,13 %) [133]. В отдельных случаях (в частности, при транспортировке калмыков) была зафиксирована смертность, намного превышающая этот уровень. В пути следования эшелонов с выселенными калмыками и во время их расселения, то есть включая какой-то период уже после транспортировки, умерли 1 640 чел. (1,6 % к общему числу), в том числе 642 ребенка и 736 престарелых. Кроме того, в пути следования и на станциях разгрузки были госпитализированы 1 010 калмыков [134].

Но это обусловлено не столько недостаточным продовольственным снабжением, сколько целым рядом других факторов: вспышками инфекционных заболеваний, неудовлетворительным медицинским обслуживанием, переохлаждением и т.п. Впрочем, и крымским татарам, как и всем другим «наказанным народам», вдоволь хватило испытаний в «местах обязательного поселения», о чем выразительно говорят данные о смертности среди «крымской» категории спецпоселения: около 16 000 умерших в 1944 г. и еще около 13 000 – в 1945 г. [135].

В дополнение к основным документам по этническим «депортациям возмездия» 30 июля 1944 г. вышла директива НКВД СССР «О взятии на учет спецпоселений демобилизованных из Красной Армии калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, болгар, греков, армян, прибывающих к семьям в места поселений». По фронтам были изданы специальные приказы об увольнении из рядов РККА чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, калмыков и др. Они направлялись на спецпоселение. Этой участи подверглись рядовой и сержантский состав, большинство младших офицеров. Что касается старших офицеров, то те из них, кто не являлись политработниками, как правило, из армии не увольнялись и продолжали службу, а вот старшие офицеры-политработники направлялись на спецпоселение. У всех бывших военнослужащих изымались военные билеты (их заменяли справками), им запрещалось ношение знаков различия (погон, нашивок и т.п.), огнестрельного и холодного оружия. Всего на спецпоселение из армии были приняты около 157 000 чел. – представителей «наказанных народов», в том числе: офицеров – 5 943, сержантов – 20 209, рядовых – 130 691 [136].

Примечательно, что уже в 1944 г. властям пришлось заниматься «воссоединением» семей, члены которых при массовых и поспешных выселениях сплошь и рядом оказывались в разных местах (районах, областях, краях и даже республиках). Издаются (одна за другой) директивы НКВД СССР по этому поводу:

- 21 июля 1944 г. – «О соединении разрозненных семей крымских татар»;
- 9 августа 1944 г. – «О соединении разрозненных семей крымских болгар, греков и армян»;
- 9 сентября 1944 г. – «О соединении семей калмыков».

В 1944–1945 гг. из 31 209 учтенных разрозненных семей спецпереселенцев с Северного Кавказа, из Крыма, Грузии и калмыков были соединены 27 810 семей [137].

Официальное «обоснование» этнических репрессий на Северном Кавказе и в Крыму сводилось к упоминавшимся выше пропагандистским клише – «сотрудничество с фашистскими оккупантами», «измена советскому государству» и т.п. Подобная мотивировка, следствием которой явилось лишение целых народов их исторической родины, политически абсурдна, а юридически – ничтожна. Скорее всего, причина гораздо более прагматична: И.В. Сталина и его окружение, очевидно, раздражала национальная пестрота страны, которой они управляли. И депортация ряда малых народов, разобщение их, лишение культурно-исторической почвы явно служили цели ускорения национально-ассимиляционных процессов в советском обществе. Последствия этих «ускоренных процессов» оказались трагическими для всего советского и постсоветского социума.

По всей видимости, к акциям «возмездия» следует отнести и то, что произошло с десятками тысяч финнов-ингерманландцев, живших на территории Ленинградской области, временно оккупированной германскими войсками. В 1943–1944 гг. по распоряжению германских властей производилась тотальная депортация населения Ленинградской области. Ингерманландцы вынужденно оставили свои родные места, оказались в Эстонии, где перед ними был поставлен выбор: эвакуация либо в Германию, либо в Финляндию. Подавляющее большинство предпочло Финляндию.

После подписания 19 сентября 1944 г. Соглашения о перемирии с Финляндией началась массовая репатриация этих лиц в СССР. В массе своей ингерманландцы репатрировались вполне добровольно, так как в Финляндии им отказали в выделении земельной собственности и, в лучшем случае, они могли там трудоустроиться лишь батраками у местных зажиточных крестьян. На родине же, в Ленинградской области, у них остались усадьбы, имущество и т.п. И желание вернуть себе «свое добро» пересилило страх перед возможными репрессиями со стороны советских спецслужб.

Во время репатриации из Финляндии официальные представители СССР клятвенно уверяли ингерманландцев, что их поселят на родине – в Ленинградской области. В реальности дело обернулось иначе. По постановлению ГКО от 19 ноября 1944 г. № 6973сс репатрированные из Финляндии бывшие жители Ленинградской области (в документах все они назывались «ингерманландцами», хотя среди них находились и лица других национальностей) «направлялись на постоянное жительство» в Ярославскую (19 336 чел.), Калининскую (14 169), Новгородскую (10 513), Псковскую (6 335) и Великолукскую (5 589) области. К 16 января 1945 г. в указанных областях в общей сложности были расселены 55 650 чел. Их национальный состав можно проследить на примере Великолукской области. Среди 5 589 размещенных здесь репатриантов из Финляндии значились: ингерманландцы – 3 922, ижорцы – 754, русские – 704, карелы – 141, вепсы – 111, эстонцы – 28, украинцы – 14, литовцы – 3, норвежцы – 1, лица других национальностей – 11. Спецпоселенческий статус на репатрированных ингерманландцев не был распространен. Фактически они превратились в «административно высланных», без права возвращения на свою историческую родину [138].

Наряду и параллельно с «депортациями возмездия» продолжались и ставшие традиционными еще с середины 1930-х гг. «пограничные зачистки» от «инородных этнических элементов». Так, в соответствии с постановлением ГКО от 31 июля 1944 г. № 6279сс из пограничных районов Грузинской ССР были выселены турки-месхетинцы, курды, хемшилы (хемшины), азербайджанцы. Выселение состоялось только 3,5 месяца спустя после выхода указанного постановления – в середине ноября 1944 г. В течение трех дней были отправлены 25 эшелонов с депортированными, включая два вагона с цыганами. На спецпоселение поступили 94 955 чел., в том числе: турок-месхетинцев – около 80 000, курдов – 8 694, хемшилов – 1 385. Среди выселенных этой категории, как и у других «наказанных народов», преобладали дети в возрасте до 16 лет (45 985, или 49,8 %) и женщины (27 399, или 29,7 %), мужчин принято на учет спецпоселения 18 903, или 20,5 %.

Более половины выселенных из Грузии (53 133 чел.) разместили в Узбекистане, 28 598 – в Казахстане, 10 546 – в Киргизии. Сферой их «трудового использования» было преимущественно сельское хозяйство. Обращают на себя внимание повышенные показатели смертности этого «спецконтингента» (по неофициальным сведениям – до одной трети, по официальным данным на июнь 1948 г. – 11,8 %). В какой-то мере это можно объяснить тем, что выселение проводилось зимой, а также непривычными климатическими условиями мест расселения, плохой водой, эпидемиями. Примечательно, что суммарная численность этого «контингента» неуклонно снижалась – вплоть до конца 1940-х гг. [139].

Следует подчеркнуть, что отнесение турок-месхетинцев и хемшилов к «инородным этническим элементам» было некорректным – и с исторической, и с этнографической точек зрения. Турция не является их исторической родиной и они не могут быть причислены к потомкам переселенцев из этой страны. Как этносы они сформировались на местной аборигенной базе: турки-месхетинцы – как потомки «отуреченных» (исламизированных) грузин, хемшилы – как потомки «отуреченных» армян. Тем не менее сталинское руководство усмотрело в них «питательную среду для внедрения вражеской (турецкой) агентуры». Кстати, этнически окрашенным репрессиям они уже подвергались в 1928–1937 гг., когда их принуждали менять национальность и брать грузинские фамилии [140].

Продолжались и так называемые «социальные зачистки». К ним, несомненно, следует отнести выселение из Воронежской, Орловской и Рязанской областей (по распоряжению НКГБ–НКВД СССР от 14 июля 1944 г.) членов семей репрессированных участников религиозной секты «Истинно православные христиане» (ИПХ). На спецпоселение поступили 1 502 «сектанта» [141].

В 1944–1945 гг. появились два новых контингента спецпереселенцев – так называемые «фольксдойчи» и «немецкие пособники». Как правило, это были не сами «фольксдойчи» (то есть этнические немцы, принявшие во время оккупации германское гражданство) и «немецкие пособники» (те из них, кто был арестован, находились в заключении, другим удалось скрыться), а члены их семей, выселенные из шести областей (Киевской, Винницкой, Днепропетровской, Житомирской, Одесской и Николаевской) Украинской ССР («фольксдойчи») и из крупных городов Ставропольского края («немецкие пособники»). Эти лица выселялись по приказам НКВД СССР от 7 января 1944 г. № 0013, НКВД–НКГБ СССР от 25 мая 1944 г. № 00620/001 и НКВД СССР от 24 августа 1944 г. № 001036. Всего поступили на спецпоселение 5 914 чел., из них: «фольксдойчей» – 2 826, «немецких пособников» – 3 088 [142].

С весны 1944 г. из Западной Украины на спецпоселение стали отправлять семьи так называемых «оуновцев» (сокращенное от «Организации украинских националистов» – «бандеровцы», «мельниковцы» и т. п.). Выселение осуществлялось на основании директив НКВД СССР от 31 марта 1944 г. № 122 и от 7 апреля 1944 г. № 130, предусматривавших депортацию «членов семей «оуновцев», активных повстанцев, как арестованных, так и убитых при столкновениях». Выселенные направлялись на спецпоселение в отдаленные районы Красноярского края, Иркутской и Омской областей. По имеющимся данным, уже в 1944 г. число депортированных из Западной Украины превысило 100 000 чел. [143].

16 июня 1945 г. по распоряжению НКВД СССР была осуществлена первая после 1941 г. массовая высылка из Прибалтики: речь шла о 323 членах семей «бандглаварей и активных бандитов» из Литвы, а также о 6 320 «главарях и членах повстанческих групп» (последних выселяли в Коми АССР, Молотовскую и Свердловскую области) [144]. Общее число граждан, депортированных в СССР в 1944–1945 гг., помимо «наказанных народов», составило около 260 000 чел. [145].

В конце войны угроза перевода на положение спецпереселенцев нависла над корейцами, выселенными в 1937 г. с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию. На апрель 1945 г. их насчитывалось 123 000 чел., проживавших, помимо Казахстана (46 000) и Средней Азии (Узбекистан, 74 500), в Тульской и Московской областях (1 000 чел., занятых на работах в угольной промышленности) и в Коми АССР (1 500 «трудмобилизованных» в Ухтинском ИТЛ НКВД СССР). Все они считались «административно высланными». В руководстве НКВД и ГУЛАГа считали, что режимный статус для этой категории требует серьезного ужесточения. Однако инициатива НКВД по этому поводу, очевидно, не нашла поддержки высшего политического руководства страны, и угроза перевода на спецпоселение обошла основную массу корейцев стороной.

4 июля 1945 г. в НКВД СССР было решено (распоряжение № 1/13219) распространить спецпереселенческий статус только на корейцев, временно работавших «по трудовой мобилизации» в угольной промышленности Тульской области. При этом корейцы, проживавшие в Тульской области, переселялись в соседнюю Московскую область. К 1 января 1946 г. на учете спецпоселений числилось 1 021 «лицо корейской национальности» (986 муж., 18 жен. и 17 детей). На этом, собственно, и закончилась история спецпереселенцев контингента «корейцы». В 1946 г. они из Тульской области возвращались в Казахстан и Узбекистан – со снятием с них спецпереселенческого статуса. Что же касается корейцев, проживавших в казахстанско-среднеазиатском регионе, то они никогда не были спецпереселенцами – даже временно. Последовавшая 2 августа 1945 г. капитуляция Японии имела своим следствием и устранение причины, из-за которой в преддверии войны с этим государством был поднят вопрос о «спецрежиме» в отношении выселенных в 1937 г. из дальневосточного региона корейцев [146].

Численность лиц, находившихся на спецпоселении и в ссылке на поселение, во время войны неуклонно возрастала: в 1944 г. она составляла 1 938 539 чел., в 1945 г. – 2 094 562, в 1946 г. – 2 264 749 чел. (по данным на 1 января каждого года). На 1 октября 1945 г. на учете Отдела спецпоселений НКВД СССР состояли 2 187 500 спецпереселенцев, в том числе: немцев – 687 300, «бывших кулаков» – 606 800, чеченцев и ингушей – 405 900, крымских татар, греков, болгар, армян и других выселенных из Крыма – 195 200, выселенных в 1944 г. из Грузии – 88 800, калмыков – 80 300, карачаевцев – 60 100, балкарцев – 33 100, «оуновцев» – 20 800, прочих («фольксдойчи», «немецкие пособники», ИПХ и др.) – 9 200.

Трудоспользовались они на предприятиях и в организациях 52 наркоматов, восемь других общесоюзных ведомств, а также в системе кооперации и в отдельных государственных и советских учреждениях. При этом около 45 % работали в сельском хозяйстве, более 9 % – в угольной промышленности, почти 8 % – на лесозаготовке, более трети – в других отраслях экономики, в том числе свыше 4 % – непосредственно на предприятиях НКВД [147].

География спецпоселенчества выглядела (на 1 апреля 1945 г.) следующим образом: Казахская ССР – 846 065 чел., Узбекская ССР – 192 638, Красноярский край – 124 783, Киргизская ССР – 124 487, Кемеровская область – 96 867, Томская область – 94 126, Свердловская область – 89 150, Алтайский край – 84 798, Молотовская область – 80 946, Новосибирская область – 75 207, Тюменская область – 61 258, Челябинская область – 43 405, Омская область – 43 377, Архангельская область – 29 717, Ставропольский край – 24 479, Иркутская область – 22 509, Коми АССР – 19 620, Хабаровский край – 19 063, Читинская область – 16 369, Башкирская АССР – 16 233, Тульская область – 11 417, Московская область – 9 540, Якутская АССР – 8 822, Марийская АССР – 8 665, Кировская область – 8 245, Чкаловская область – 8 101, Куйбышевская область – 7 548, Костромская область – 6 920, Вологодская область – 5 756, Мурманская область – 5 672, Таджикская ССР – 5 595, Херсонская область – 5 200, Карело-Финская ССР – 3 616, Горьковская область – 2 399, Ульяновская область – 1 807, Туркменская ССР – 1 680, Сталинградская область – 1 216, Ивановская область – 1 215, Бурят-Монгольская АССР – 1 014, Удмуртская АССР – 624, Курганская область – 523, Татарская АССР – 497, Приморский край – 495, Ярославская область – 231, Северо-Осетинская АССР – 140, Рязанская область – 92 чел. [148].

При этом на учете Отдела спецпоселений НКВД СССР и местных отделов спецпоселений в 1945 г. состояли далеко не все депортированные в 1941–1945 гг. В первую очередь это относится к этническим немцам. Значительная их часть (прежде всего – выселенные в первый период войны и «мобилизованные» затем в «рабочие колонны» так называемые «трудоармейцы») в течение 1942–1944 гг., как уже отмечалось, формально снималась с централизованного учета спецпоселений и передавались на учет в территориальные комплексы ГУЛАГа (что, кстати говоря, нередко при решении ныне вопроса о реабилитации используется чиновниками как «юридический» повод для отказа в зачете времени нахождения в «трудоармии» в общий «спецпоселенческий стаж»; и это лишь один из примеров того, как нормативный хаос тех лет драматически сказывается на судьбах конкретных людей уже в наши дни). В послевоенное время «демобилизованные» из «трудоармии» немцы, как правило, вновь ставились на централизованный учет спецпоселений (хотя фактически не переставали быть спецпереселенцами и прежде), что являлось одной из причин роста численности спецпереселенцев «немецкого контингента» после 1945 г.

8 января 1945 г. СНК СССР одновременно принял два нормативных документа: постановление № 34–14с «О спецкомендатурах НКВД» и постановление № 35 «О правовом положении спецпоселенцев» [149]. Эти документы по сути обозначили начало нового этапа в истории системы спецпоселений, которому посвящен следующий параграф настоящей главы.

Подводя итоги развития этой системы в период Великой Отечественной войны, необходимо отметить следующее. За этот период в составе спецпоселения произошли коренные структурные изменения. Если еще в начале 1941 г. среди спецпереселенцев (трудопоселенцев) и ссыльных отсутствовала такая категория, как «депортированные народы», то к концу 1944 г. представители последних среди почти 2 500 000 спецпереселенцев, ссыльнопоселенцев и административно высланных составляли примерно 1 800 000, или более 70 %

(и это без учета тех категорий выселенных, которые можно квалифицировать как «частичные этнические чистки»). Было бы заблуждением или искажением подлинной сути событий представлять депортации народов лишь как «следствие обстоятельств военного времени».

Нельзя не согласиться с мнением на этот счет исследователя В.Н. Земскова:

«Дело обстояло как раз наоборот: обстоятельства военного времени были использованы сталинским руководством для проведения определенной политики в национальном вопросе» [150].

Главная особенность формирования нормативной базы «спецпереселенчества» в этот период заключается в том, что формально-правовая составляющая здесь была вторичной: юридическое обоснование депортаций следовало, как правило, за применением репрессии. Естественно, в этих условиях набор юридических инструментов для реализации принятых политических решений сводился руководством страны к предельному минимуму. Он ограничивался секретными директивами Политбюро ЦК или решениями Центрального Комитета ВКП(б), в соответствии с которыми принимались секретные же указы Президиума Верховного Совета СССР и постановления Правительства.

Впрочем, по отдельным этносам и социальным категориям считалось достаточным просто постановления СНК СССР (органа исполнительной власти) или даже решения совершенно неконституционного органа – Государственного Комитета Обороны (июль 1941 г. – сентябрь 1945 г.). Но и в этих случаях принятию документов предшествовало их «обсуждение и одобрение в Политбюро ЦК ВКП(б)», а в действительности – на совещаниях в «узком кругу» («у товарища Сталина»).

Важнейшими же звеньями в цепи нормативных актов о депортациях и спецпоселениях были не первичные указы Президиума Верховного Совета страны, не изначальные постановления правительства (Совнаркома), запускавшие механизм репрессий, а регламентировавшие весь этот процесс (в мельчайших его деталях) ведомственные документы и прежде всего – приказы, директивы, инструкции и распоряжения НКВД–НКГБ СССР.

Характерный пример: ведомственный акт – приказ НКВД СССР № 001158 «О мероприятиях по проведению операции высылки немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» – датирован 27 августа 1941 г. Под законодательным же документом по этому поводу – Указом Президиума Верховного Совета СССР – стоит дата «28 августа 1941 года». То есть в данном случае (как и во многих других) напрочь отсутствовало даже декоративное «оформление» законности. [151]. Все это вполне вписывалось в извращенную политическую логику тогдашнего руководства страны: в условиях сверхсекретности и полной закрытости проведения массовых репрессий «социалистическая законность» не требовалась – даже для камуфляжа. Главные исполнители акций (НКВД, НКГБ и другие «силовые структуры») подчинялись только личной воле диктатора, а оформление этой воли документом того или иного государственного органа было всего лишь протокольной фикцией.

Конечно, многие нормативные акты (постановления правительства, решения наркоматов, ведомств и т. п.) часто были остро необходимы, поскольку возникало множество чисто практических, хозяйственных вопросов: как финансировать депортацию, где размещать депортируемых, как использовать имущество выселенных и т. д. Но как раз экономический, то есть самый насущный механизм депортаций, как правило, был менее всего продуман и наиболее небрежно исполняем.

Общей особенностью подавляющего большинства этнических выселений военных лет было то, что они имели административный, то есть внесудебный характер. Это значило, что для применения репрессии достаточно считалось распоряжения властей определенного уровня – на основе политического решения «верхних этажей» партийно-советской номенклатуры. При этом документы, подтверждающие «обоснованность» высылки, а также личные дела репрессированных оформлялись уже после депортации, что называется «постфактум».

Этнические немцы, польские «осадники» и другие категории репрессированных очень часто прибывали на места поселения вообще без каких-либо документов, подтверждающих «правомерность» их интернирования. Нередко личные дела на поселенцев не оформлялись годами. Таким образом, формально-юридическое оформление высылки считалось делом второстепенным, вспомогательным.

Отсюда неизбежно следовали столь частые в то время недоразумения, неразбериха, произвол: арестовывали вместо одних – других, «оформляли дела» на людей, абсолютно не причастных к данной категории выселяемых, попавших в их число по нелепой случайности или по чрезмерному служебному рвению непосредственных исполнителей репрессии. Все это порождало массовые потоки жалоб – непосредственно в карательно-исполнительные органы, в Верховный Совет СССР, в другие «высшие инстанции». Но доказать свою невиновность было делом чрезвычайно сложным – машина государственного террора обратного хода (за редкими исключениями) не допускала.

В период грандиозных социальных катаклизмов, небывало жестоких войн и «беспримерных свершений социалистической эпохи» на реальный социально-экономический и гуманитарный ущерб от своего полити-

ческого волонтаризма большевистско-советская элита закрывала глаза – уповая на баснословные дивиденды в некоем «светлом будущем». Но всего полвека спустя это «светлое будущее» обернулось трагической «черной дырой».

Источники и литература

1. Бердинских В.А. Указ. соч. С. 58.
2. Полян П.М. Указ. соч. С. 96.
3. Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. Вып. 1. С. 117.
4. Бердинских В.А. Указ. соч. С. 59–61.
5. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 87–89.
6. Филиппов С.Г. Деятельность органов ВКП(б) в западных областях Украины и Белоруссии в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. Вып.1. М., 1997. С. 53.
7. Хребтович-Бутенева О.А. Перелом (1939–1942). Париж, 1984. С. 48–53.
8. Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР. С. 120.
9. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 84–86.
10. Полян П.М. Указ. соч. С. 98.
11. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 86–87.
12. Там же. С. 87.
13. Там же. С. 89.
14. Там же. С. 90.
15. Там же.
16. Полян П.М. Указ. соч. С. 98.
17. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 89.
18. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину. С. 14.
19. Риекстиньши Я. Депортация 14 июня 1941 г. в Латвии // Увезенные: 14 июня 1941 г. Книга Памяти. Рига, 2001. С. 727.
20. Там же.
21. Корнеев В.Е., Копылова О.Н. Архивы на службе тоталитарного государства (1918 – начало 1940-х гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 13–24.
22. Копылова О.Н. В поисках Спецкартотеки ГАУ НКВД СССР // Отечественные архивы. 2000. № 1. С. 31–37.
23. Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае-июне 1941 г. // Даугава. 1997. № 3(203). С. 130.
24. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Том 1. Накануне. Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 года). М., 1995. С. 144–146.
25. Бугай Н.Ф. О депортации народов из Прибалтики в 1940–1950 годы // Молодая гвардия. 1993. № 4. С. 214.
26. Органы государственной безопасности СССР... С. 149, 150.
27. Увезенные. С. 730, 731.
28. Государственный архив Латвии (ГАЛ). Партийный архив (ПА). Ф. 101. Оп. 1. Д. 31. Л. 9–39.
29. Там же. 8–16; Там же. Д. 38. Л. 14, 15.
30. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (1936 г., декабря 5) // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1936. № 283. 16 декабря.
31. ГАЛ. ПА. Ф. 101. Оп. 1. Д. 52. Л. 126–128; Там же. Д. 38. Л. 5–7; Там же. Д. 52. Л. 126.
32. Политика оккупационных властей в Латвии: 1939–1991: Сборник документов. Рига, 1999. С. 143–145; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 316; Там же. Д. 87. С. 143.
33. Риекстиньши Я. Указ. соч. С. 730–731.
34. Полян П.М. Указ. соч. С. 100.
35. Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР... С. 132.
36. Там же. С. 132–133.
37. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 90.
38. Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР... С. 133.
39. Там же. С. 134.
40. Там же.
41. Там же. С. 135.
42. Цит. по: Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР... С. 135.
43. Витковский А., Ямпольский В. Вчера это было секретом: Документы о литовских событиях 40–50-х гг. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 134.
44. Цит. по: Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР... С. 136.
45. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 316.
46. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 90–91.
47. Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР... С. 146.
48. Цит. по: Бердинских В.А. Указ. соч. С. 62.
49. Дугин А.Н. Указ. соч. С. 87.
50. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1, Д. 87. Л. 196.

51. Увезенные. С. 735.
52. ГАЛ. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 14839. Л. 78.
53. Цит. по: *Риекстиньш Я.* Указ. соч. С. 735.
54. Увезенные. С. 735.
55. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 196.
56. Там же. Л. 195, 196.
57. См.: Уголовный кодекс РСФСР. С. 49.
58. *Риекстиньш Я.* Указ. соч. С. 736–737.
59. Увезенные... С. 737.
60. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 112.
61. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 189–191.
62. Там же. Д. 76. Л. 67.
63. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 100.
64. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 74. Л. 17; Там же. Д. 89. Л. 191.
65. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 114.
66. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 232.
67. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.
68. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 113. Л. 215.
69. Там же. Д. 107. Л. 74; Там же. Д. 113. Л. 215.
70. Цит. по: *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 103.
71. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 107. Л. 74.
72. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 104.
73. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 140. Л. 12.
74. Там же. Д. 139. Л. 29.
75. Там же. Л. 17, 137, 138, 234, 235.
76. Подробнее см.: *Емельянов Ю.* Лжепророки. Охота на внутреннего врага // Пульс-Информ. 1991. № 5. С. 53–55; *Осипов С.* Американский ГУЛАГ // Аргументы и факты. 2001, № 43. С. 10; *Нелипович С.Г.* Репрессии против подданных «центральных держав» // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 35–39; *Кузнецов А.А.* Депортация народов СССР в 1943–1944 годах // Политические репрессии в истории России. Пермь, 2000. С. 76–81; *Тряхов В.Н.* ГУЛАГ и война: жестокая правда документов. Пермь, 2005. С. 167–169.
77. *Полян П.М.* Указ. соч. С. 103.
78. *Бугай Н.Ф.* Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 33.
79. *Бройдо Я.Б., Прохоров В.Ю.* Турки-месхетинцы // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 343.
80. *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР. М., 1992. С. 93.
81. *Гакаев Д.* Очерки политической истории Чечни: в 2 ч. М., 1997. Ч. 2. С. 98; История российских немцев в документах / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1994. Т. 2: Общественно-политическое движение за восстановление национальной государственности (1965–1992 гг.). С. 45; *Азаматов К.Г.* и др. Черекская трагедия. Нальчик, 1994. С. 8.
82. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.: Статсборник. М., 1990. С. 20.
83. *Полян П.М.* Указ. соч. С. 104.
84. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (1936 г., декабря 5) // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1936. № 283. 16 декабря.
85. Конвенция ООН от 9 декабря 1948 г. «О предупреждении преступлений геноцида и наказании за него» // Права человека: Сборник международных документов. М., 1986. С. 83; Увезенные. С. 741–742; 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М., 1989. С. 53–59.
86. *Полян П.М.* Указ. соч. С. 104.
87. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 730.
88. *Полян П.М.* Указ. соч. С. 108.
89. Лубянка: ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1960. Справочник / Сост. Кокурин А.И., Петров Н.В. М., 1997. С. 31, 270–271.
90. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину. С. 67.
91. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 730.
92. *Полян П.М.* Указ. соч. С. 109.
93. Там же. С. 109, 111.
94. *Чебыкина Т.* Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 120–121.
95. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину. С. 39–40.
96. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 730–733.
97. *Полян П.М.* Указ. соч. С. 113–114.
98. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 300–305; Д. 900. Л. 181–182; Архив Вятского ИТЛ НКВД СССР / Учреждения К-231 МВД СССР / Вятского УЛИУ МЮ РФ. Коллекция документов.
99. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 732.
100. Немцы России: Энциклопедия. М., 1999. Т. 1. С. 701; История российских немцев в документах / Сост. Ауман В.А., Чеботарева В.Г. М., 1993. Т. 1: (1762–1992 гг.). С. 168–175; *Чебыкина Т.* Указ. соч. С. 120–121; *Маламуд Г.* Мо-

- близованные советские немцы на Урале в 1942–1948 гг. // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999. С. 128–145.
101. История российских немцев в документах. Т. 1. С. 168–175.
  102. Там же.
  103. *Полян П.М.* Указ. соч. С. 115.
  104. Немцы России. Т. 1. С. 701.
  105. История российских немцев в документах. Т. 1. С. 168–175.
  106. *Полян П.М.* Указ. соч. С. 115.
  107. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 328. Л. 43–44.
  108. Лубянка... С. 64.
  109. *Кригер В.* Патриоты или предатели? Политические и уголовные процессы против российских немцев в 1942–1946 годах // Родина. 2002. № 10. С. 94; *Чудиновских Е.Н.* «Мы люди, преданные Советскому Союзу...» // Кировская правда. 1997. 14 февраля; Архив Вятского ИТЛ. Коллекция документов.
  110. *Вьлицан М.А.* Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 32–33.
  111. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 300–305.
  112. Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 207. Б/л.
  113. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 107. Л. 27–30; *Киуру Э.* Российские финны до сих пор не реабилитированы // Известия. 1992. 25 февраля.
  114. *Коцонис А.Н.* Депортация греков Северного Кавказа в 30–50-е годы // Понтийские греки. Краснодар, 1997. С. 83–88.
  115. *Полян П.М.* Указ. соч. С. 116.
  116. Там же. С. 120–121.
  117. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 64.
  118. Там же. С. 64–65.
  119. Там же.
  120. *Полян П.М.* Указ. соч. С. 120–121.
  121. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину. С. 79–80.
  122. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 14.
  123. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину. С. 65–74, 88.
  124. *Полян П.М.* Указ. соч. С. 120.
  125. *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998. С. 121, 127–130.
  126. *Сидоренко В.П.* «Для выселения чеченцев и ингушей направить части НКВД». Документы о проведении спецоперации по депортации народов ЧИ АССР. 1943–1944 // Исторический архив. 2000. № 3. С. 57–76, 78, 79–80.
  127. *Шаббаев Д.В.* Правда о выселении балкарцев. Нальчик, 1994. С. 47–51.
  128. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 108.
  129. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 14.
  130. *Бугай Н.Ф.* Депортация. Берия докладывает Сталину // Коммунист. 1991. № 3. С. 107, 110; *Червонная С.М.* Возвращение и интеграция крымских татар в Крыму: 1990-е годы // Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение. М., 1997. С. 15.
  131. *Бугай Н.Ф.* Депортация. С. 109.
  132. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 261. Л. 67.
  133. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 179. Л. 241–242.
  134. *Бугай Н.Ф.* Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. М., 1992. С. 10.
  135. *Полян П.М.* Указ. соч. С. 127.
  136. *Бугай Н.Ф.* Правда о депортации чеченского и ингушского народов. С. 41.
  137. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 573. Л. 229.
  138. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину. С. 192, со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 4а. Д. 1. Л. 228–229; Оп. 3. Д. 54. Л. 5; Оп. 2. Д. 83. Л. 70.
  139. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 14; Д. 641. Л. 397; Оп. 2. Д. 83. Л. 70; Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 19; Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 573. Л. 286.
  140. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 108; *Полян П.М.* Указ. соч. С. 129.
  141. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 310.
  142. Там же. Д. 186. Л. 104; Д. 641. Л. 130.
  143. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 115.
  144. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину. С. 215, 219.
  145. *Полян П.М.* Указ. соч. С. 131.
  146. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 186. Л. 8, 18, 30, Л. 249.
  147. Там же. Д. 643. Л. 3; Д. 157. Л. 106; Д. 257. Л. 127–129.
  148. Там же. Д. 257. Л. 2.
  149. Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 207. Б/л.
  150. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 121.
  151. *Бердинских И.А.* Нормативные основы политической ссылки в СССР (30–50-е гг. XX в.) // Проблемы истории российских спецслужб. Киров, 2004. С. 78.

§ 3. 1945–1950-е годы: стабилизация системы спецпоселений и предпосылки ее распада

Четвертый этап «спецпоселенчества» охватывает вторую половину 1940-х – начало 1950-х гг. Это – время упрочения инфраструктуры спецпоселений, ужесточения режима в них, а также массовой репатриации из стран Европы советских военнопленных, эвакуированных германскими войсками этнических немцев и коллаборационистов, сотрудничавших с оккупационными властями.

Важное явление этого периода – продолжение репрессий против народов Прибалтики, населения западных территорий Украины, Белоруссии и Молдавии, связанное с «советизацией» этих регионов (прежде всего – «раскулачиванием» и форсированной «коллективизацией»), а также с вооруженным сопротивлением советской власти со стороны националистических военных формирований в ряде регионов Балтии и Западной Украины (так называемая «резистенция»). Показательна для тех лет уже сама формулировка одного из решений о такой массовой депортации (постановление Совета Министров СССР от 29 января 1949 г. № 390–138сс) – «О выселении с территории Литвы, Латвии и Эстонии кулаков с семьями, семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, легализованных бандитов, продолжающих вести вражескую работу, и их семей, а также семей репрессированных пособников и бандитов» [1].

Выдворяя значительные группы местного населения из перечисленных территорий, сталинское руководство начало активную русификацию последних (включая вновь образованный после войны в бывшей Восточной Пруссии анклав – Калининградскую область РСФСР), перебрасывая туда массовые контингенты (в основном славянской этнической принадлежности) из других (преимущественно центральных) регионов страны (в том числе около 400 семей – из Кировской области) [2].

В эти годы этнические депортации приобретают все более ярко выраженный великодержавно-шовинистический характер. Социально-политические аспекты («классовое происхождение», «отношение к советской власти» и т. п.) тесно переплетаются и увязываются руководством СССР с национальным фактором и нередко подчиняются последнему. Явные черты «этнической чистки», то есть репрессии, направленной против конкретного народа, имела также и депортация больших групп людей определенных национальностей (например, из Прибалтики). Причем в том случае, если народ не выселялся полностью, главный удар принимали на себя семьи «социально опасных элементов» – жены, дети, родители, другие родственники, проживавшие совместно с основными «объектами» репрессии.

Характерным для этих лет является также сохранение и даже развитие нормативной дифференциации для различных категорий спецпоселенцев. Высылка каждого народа или определенной группы населения получала весьма своеобразное юридическое оформление, связанное со множеством конкретно-исторических условий момента депортации. Поэтому для каждой категории высланных устанавливались свои отличительные черты: в оформлении документации, в сроках репрессии и так далее. Безусловно, имелось и много общего для всех (или для многих) категорий поселенцев (структура управления и надзора, режим содержания и т. п.), но определенные (пусть и небольшие) различия, часто неясные даже для комендатур на местах, все же оставались всегда и в определенный момент могли внезапно сыграть решающую роль в судьбе конкретного человека или целой социальной группы.

В первые послевоенные полтора-два года система спецпоселений переживала период, который (с известной долей условности) можно назвать «передышкой». Именно на это время основное внимание советского руководства и спецорганов было направлено на те «социально неблагонадежные» категории, которых непосредственно «породила» война – военнопленных неприятельских армий, «вестарбайтеров» (гражданских лиц немецкой и других национальностей из поверженных государств-противников) и собственных граждан-репатриантов. После соответствующей «фильтрации» многих из последней категории также препровождали на спецпоселение.

8 января 1945 г. СНК СССР принял два важных постановления: «Положение о спецкомендатурах НКВД» (№ 34–14с) и «О правовом положении спецпереселенцев» (№ 35). Эти нормативные документы, на первый взгляд, значительно смягчали режим для спецпереселенцев: им, например, возвращалась часть гражданских прав, кроме свободы выбора места проживания и свободы перемещения [3]. 28 июля 1945 г. вышло постановление СНК СССР № 1927 «О льготах спецпереселенцам», касавшееся главным образом сельскохозяйственного налогообложения [4]. Однако вместо логичного, казалось бы, продолжения либерализации режима последующие годы принесли, напротив, еще большее его ужесточение и, соответственно, более чем полумиллионный «прирост» численности спецпоселенцев. По состоянию на 1 января 1953 г. было отмечено максимальное единовременное число спецпоселенцев в стране – 2 753 356 (на ту же дату в лагерях и колониях ГУЛАГа, по официальным данным, содержалось немногим меньше людей – 2 472 247) [5].

Уже летом и осенью 1945 г. в места спецпоселений прибыли к своим семьям тысячи мобилизованных военнослужащих Красной Армии. Местные органы НКВД поначалу находились в затруднительном положе-

нии, не зная, как поступить с этими людьми, пока из Отдела спецпоселений НКВД СССР не последовало разъяснение, согласно которому демобилизованные военнослужащие, прибывшие к своим родственникам-спецпереселенцам, ставились на учет спецпоселений, но с правом свободы выбора места жительства и работы в пределах данной области (края) и с правом перевозить свои семьи к себе из других мест спецпоселений [6].

Основное пополнение системы спецпоселений в период 1945–1948 гг. производилось за счет массовой репатриации советских граждан из Германии и из других европейских стран. Прежде всего отправлялись на спецпоселение репатрианты, относившиеся по национальному признаку к «наказанным народам» (немцы, калмыки, крымские татары, чеченцы и т.п.). Так, еще до окончания войны, 19 февраля 1945 г., в распоряжении Отдела спецлагерей НКВД СССР указывалось, что освобождаемые из спецлагерей (проверочно-фильтрационных лагерей – ПФЛ) НКВД калмыки, балкарцы, чеченцы, ингуши, крымские татары, армяне, болгары, а также проживавшие ранее в пограничных районах Грузинской ССР турки, курды и хемшилы «после прохождения спецпроверки ОКР «СМЕРШ» в райвоенкоматы и постоянные кадры промышленности не передаются, а «подлежат направлению к месту жительства их семей, родных и близких» [7].

С учетом того, что из спецлагерей (ПФЛ) на спецпоселение к семьям направляли далеко не всех, а только «освобождаемых», то есть тех, в отношении которых контрразведка «СМЕРШ» не смогла установить фактов конкретной «изменнической деятельности» и именно по этой причине они подлежали «освобождению», в данной конкретной ситуации формулировки «освобождение» и «направление на спецпоселение к семьям» можно рассматривать как синонимы. Примечательно, что в отдельных спецлагерях (ПФЛ), где «проверяемый спецконтингент» целиком состоял из бывшего личного состава «изменнических» воинских частей, под категорию «освобождаемых» не подпадал практически никто [8].

До 1 октября 1948 г. в основном за счет демобилизованных и репатриированных дополнительно влились: в «крымский контингент» спецпоселенцев – 7 219 чел., в «северокавказский» – 2 799 [9]. На спецпоселение были водворены около 800 болгар – граждан СССР, уроженцев Запорожской, Одесской и Измаильской областей, репатриированных в 1945 г. из Румынии и Болгарии. Первоначально они были направлены на жительство в Таджикскую ССР и уже там на основании специального распоряжения Отдела спецпоселений МВД СССР взяты на учет спецпоселений как «немецкие пособники», то есть фактически приравнены к рядовым «власовцам» и лицам, служившим в германской армии. В действительности, как позднее было признано 9-м управлением МГБ СССР (докладная записка от 27 июня 1952 г.), «в немецких воинских формированиях они не служили» [10].

В директиве МВД СССР от 12 октября 1946 г. № 239 «О порядке направления на спецпоселение репатриированных немцев, крымских татар, чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев и других» отмечалось, что «среди репатриантов, находящихся в лагерях МВД и в рабочих батальонах, имеются лица, принадлежащие к национальностям, переселенным в период Отечественной войны в спецпоселение – немцы, крымские татары, калмыки, балкарцы, чеченцы, ингуши, карачаевцы, крымские болгары, крымские армяне, крымские греки». Предлагалось всех выявленных среди репатриантов лиц указанных национальностей «направлять на спецпоселение в места расселения их семей», а одиночек и лиц, которым неизвестно местонахождение их семей, направлять на спецпоселение: немцев и калмыков – в Новосибирскую область; крымских татар – в Узбекскую ССР; чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев – в Казахскую ССР; крымских болгар, греков и армян – в Свердловскую область [11].

Еще за год до этого, 11 октября 1945 г., вышла директива НКВД СССР № 181 – о взятии на учет спецпоселений репатриированных немцев. Эта директива была издана (по сообщению заместителя наркома внутренних дел В.В. Чернышова) «в соответствии с указанием Правительства СССР» [12]. Чаще всего немцы-репатрианты направлялись непосредственно из ПФЛ НКВД, в которых происходили их проверка и фильтрация, в места спецпоселений, где уже находились депортированные ранее их соплеменники, и частично на «предприятия в центральные области» – Ивановскую, Костромскую и другие. Правда, летом 1945 г. часть немцев-репатриантов отпустили по домам, но, как свидетельствует упомянутый выше документ, уже осенью того же г. эта «ошибка» была исправлена [13].

Примечательный факт: репатриированные немцы, прибывшие в Белоруссию, не подвергались выселению в восточные районы СССР до 1948 г. Однако на основании указания МВД СССР от 5 февраля 1948 г. МВД Белорусской ССР приняло 16 июля 1948 г. постановление № 1–9795 – о выселении немцев-репатриантов в Иркутскую область. В соответствии с этим постановлением из Белоруссии были выселены 454 немца, «проживавших на оккупированной территории, выезжавших в Германию и возвратившихся в порядке репатриации». Дополнительно были направлены на спецпоселение 273 немецкие семьи (944 чел.) и 63 немца-одиночки [14]. Всего же после войны были взяты на учет спецпоселений 210 600 репатриированных немцев (включая членов их семей, никогда не находившихся за границей) [15].

В послевоенные годы численность спецпоселенцев-немцев возросла и за счет перевода в этот статус «трудмобилизованных». По состоянию на 10 апреля 1948 г., на предприятиях и в учреждениях 28 минис-

терств работали 124 779 немцев, «мобилизованных в промышленность» в соответствии с постановлениями ГКО от 10 января 1942 г. № 1123сс и от 7 октября 1942 г. № 2383сс. Из этого числа 85 746 чел. были зачислены «в постоянные кадры» нефтяной, угольной, топливной и золотоплатиновой промышленности (по постановлениям ГКО от 13 апреля 1945 г. № 8133 и от 18 июля 1945 г. № 9526с, СНК СССР от 7 декабря 1945 г. № 3041–907с и Совета Министров СССР от 28 декабря 1946 г. № 2764) [16]. «Зачисленные в постоянные кадры промышленности» формально не являлись спецпоселенцами, но при этом они не могли покинуть установленное место работы: на них автоматически распространялось действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. об уголовной ответственности за самовольный уход с предприятий и из учреждений (от 5 до 8 лет лишения свободы) [17].

В 1945–1946 гг. «специальные зоны», где содержались «трудмобилизованные» немцы («трудармейцы») были ликвидированы, военизированная охрана с этих «зон» снята. Преобладающая часть бывших «трудармейцев» (по совместным директивам НКВД и Наркомугля СССР от 22 ноября 1945 г., НКВД и Наркомата целлюлозно-бумажной промышленности СССР от 31 декабря 1945 г., НКВД и Наркомстроя СССР от 31 декабря 1945 г., НКВД и Наркомнефти СССР от 5 января 1946 г.) была передана «в постоянные кадры промышленности». Другая (меньшая) их часть была переведена на положение спецпоселенцев [18].

В общей же сложности до 1 октября 1948 г. на спецпоселение дополнительно поступили (без учета репатриированных из Германии, Австрии и некоторых других европейских стран) 120 192 человека, включенных в «немецкий» контингент [19]. «Лица немецкой национальности» входили в состав и других «спецпоселенческих» контингентов («бывшие кулаки», «власовцы» и др.). Часть из них выделялась из указанных учетных категорий и причислялась к «немецкому» контингенту. Так, например, в Архангельской области, по данным на 20 марта 1949 г., состояли на учете 11 275 спецпоселенцев-немцев, из них: «выселенных» – 809, «репатриированных» – 9 300, «мобилизованных» – 835, представителей других национальностей, входивших в состав немецких семей – 295, представителей других национальностей (подконтингент «другие»), не входивших в состав немецких семей – 36. Причем в подконтингент «выселенные» целиком входили немцы, «вычлененные» из контингента «бывшие кулаки» (все 809 чел.), а в подконтингенте «репатриированные» значились 385 немцев, ранее состоявших на учете по контингенту «власовцы» [20].

В течение 1946–1951 гг. ранее не подвергавшиеся выселению немцы – местные жители Урала, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана, Средней Азии и некоторых других регионов СССР были взяты на учет спецпоселений по месту своего постоянного жительства. 27 декабря 1951 г. вышел приказ МГБ и Прокуратуры СССР о распространении на спецпоселенцев – «местных немцев» уголовной ответственности по части 2 статьи 82 УК РСФСР – за побег из спецпоселения [21].

Подконтингент «местные» в составе «немецкого» контингента спецпоселенцев насчитывал более 110 000 чел. Причем приводимое в официальной «спецпоселенческой» статистике количество «местных» немцев далеко не соответствует действительной численности местного немецкого населения указанных регионов, поскольку десятки тысяч лиц этой национальной категории так и не были взяты на учет спецпоселений. Например, в Омской области из 46 336 местных жителей немецкой национальности в статус спецпоселенцев были зачислены только 1 142 чел., т. е. менее 2,5 %, в Алтайском крае – 1 130 из 17 567 (6,4 %), в Чкаловской (Оренбургской) области – лишь 399 из 14 300 (2,8 %). Таким образом, «ресурс» для пополнения системы спецпоселений по этой категории оставался – и весьма значительный (в десятки тысяч человек) [22].

В 1946 г. появился новый, довольно многочисленный контингент спецпоселенцев под названием «власовцы», которые до этого содержались в проверочно-фильтрационных лагерях (ПФЛ) НКВД–МВД СССР и (частично) в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) ГУЛАГа. Эти люди направлялись (по постановлениям ГКО от 18 августа 1945 г. № 9871сс, СНК СССР от 21 декабря 1945 г. № 3141–950сс и Совета Министров СССР от 29 марта 1946 г. № 691–271сс – о переводе на спецпоселение «сроком на 6 лет «власовцев», лиц, служивших в строевых формированиях немецкой армии, легионеров и полицейских») из ПФЛ на спецпоселение в Казахскую ССР, в Бурят-Монгольскую и Коми АССР, в Красноярский край, в Иркутскую, Кемеровскую и Молотовскую области [23].

В процессе репатриации в ПФЛ поступали новые партии «власовцев», и оттуда они направлялись на спецпоселение по следующим распоряжениям СНК (Совета Министров) СССР:

- от 28 ноября 1945 г. № 17074рс – в Свердловскую область;
- от 7 января 1946 г. – Кемеровскую область;
- от 16 апреля 1946 г. – в Карело-Финскую ССР;
- от 29 июня 1946 г. – в Казахскую и Туркменскую ССР, в Башкирскую АССР, в Кировскую, Молотовскую и Сахалинскую области;
- от 25 августа 1946 г. – в Горьковскую область;
- от 28 августа 1946 г. № 10382рс – в Таджикскую, Киргизскую и Узбекскую ССР [24].

Наиболее полные сведения об общем количестве поступивших на спецпоселение «власовцах» приведены в справке 4-го отделения 3-го отдела МГБ СССР, датированной 24 октября 1951 г., согласно которой в период 1945–1951 гг. на учет поселения были приняты 177 573 «власовца», из них: в 1945 г. – 4 985, в 1946 г. – 132 479, в 1947 г. – 30 751, в 1948 г. – 4 575, в 1949 г. – 3 705, в 1950 г. – 2 078, в первой половине 1951 г. – 316 [25]. В директиве МВД СССР от 20 апреля 1946 г. № 97 «О порядке оформления материалов и направления для расселения на положении спецпереселенцев лиц, служивших в немецкой армии, власовцев, легионеров и полицейских» указывалось, что эти люди направляются на спецпоселение сроком на 6 лет

Через пять лет, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 7 октября 1951 г. № 3857–1763сс и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 г., спецпоселенцы-«власовцы» из числа так называемых «наказанных» народов (немцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, греки и крымские татары), уроженцы и жители тех регионов, откуда ранее производилось выселение, были определены на спецпоселение навечно [26]. Предлагалось разъяснить всем этим людям, что «за измену Родины они должны нести более суровое наказание» (это предусматривалось, в частности, пунктом 1 «б» статьи 58 и пунктом 22 статьи 193 УК РСФСР – за переход военнослужащих на сторону неприятеля) [27], но «в связи с победой над Германией Советское Правительство по отношению к ним сделало снисхождение, ограничившись переводом их на спецпоселение» [28].

В 1945–1946 гг. местные органы МВД, в нарушение названной выше директивы, часто выносили решения о переводе на шестилетнее спецпоселение людей, которые фактически не находились на военной или полицейской службе у противника, а именно: лиц, работавших в немецких воинских частях и полицейских органах в качестве подсобного персонала (конюхи, истопники, плотники и т. п.), рядовых участников различных трудовых формирований и др.

До 1 июля 1948 г. из спецпоселения были освобождены 8 943 чел. – как ошибочно причисленные к «власовцам» и лицам, служившим в немецких строевых частях [29]. С середины 1948 г. такие освобождения стали редкостью, поскольку считалось установленным фактом, что все оставленные к тому времени на шестилетнем спецпоселении безусловно находились на военной или полицейской службе у противника. Хотя такая оценка отнюдь не всегда соответствовала истине, особенно по отношению к офицерам. Понятие «офицеры» при этом трактовалось широко, подразумевая любых лиц (не обязательно кадровых офицеров), занимавших в период своей службы у противника какие-либо командные должности [30].

Следует иметь в виду также, что помимо служивших (как правило рядовыми) в армиях нацистской Германии и ее союзников, «изменнических» воинских формированиях, полиции и т. д., в контингент «власовцы» была включена часть побывавших в германском плену советских офицеров, многие из которых в действительности не служили ни в «армии Власова», ни в иных подобных формированиях. По неполным данным, их насчитывалось около 7 000–8 000 чел., что составляло примерно 7 % от общего числа выявленных офицеров-«власовцев». По специальному постановлению СНК СССР от 22 октября 1945 г. № 2678–735с они были лишены офицерских званий, а по приказу Наркомата обороны СССР от 5 февраля 1946 г. № 1046 направлены на 6-летнее поселение в Коми АССР [31].

И здесь обнаруживается еще один из парадоксальных нюансов системы спецпоселений тех лет: известно, что по общему порядку офицеры, занимавшие даже самые незначительные командные должности в армиях противника и «изменнических формированиях», подлежали осуждению по пункту 1 «б» статьи 58 УК РСФСР и получали как минимум 10 лет ИТЛ, а в данном конкретном случае мера наказания (6 лет спецпоселения) предполагала, что эти люди не занимали никаких командных должностей, то есть были рядовыми (если допустить, что они действительно служили у противника). Еще один из «нюансов» подобного рода: бывшие пленные солдаты, которых противник использовал на фортификационных работах (в так называемой «организации Тодта»), не наказывались вообще, а в отношении офицеров это квалифицировалось как «служба в специальных немецких формированиях», и за это им полагалось (о чем недвусмысленно говорилось в упомянутой директиве МВД СССР № 97–1946 года) шестилетнее спецпоселение.

Во времена реабилитации (1956-й и последующие годы) выявились многочисленные факты необоснованности и бездоказательности обвинений этих офицеров в «службе у противника». Им восстановили воинские звания, вернули боевые награды, но, к сожалению, все это происходило с большим, а зачастую и с фатальным опозданием [32]. В то же время большинство литовцев, латышей и эстонцев, служивших по мобилизации в германской армии, в легионах СС и в полиции в качестве рядовых и младшего командного состава, а также молдаван (из Правобережной Молдавии), служивших в румынской армии Антонеску, было освобождено от отправки на 6-летнее спецпоселение.

Так, в Прибалтике, на основании постановления Совета Министров СССР от 13 апреля 1946 г. № 843–342сс «О возвращении на родину репатриантов – латышей, эстонцев и литовцев», были отправлены: к 20 января 1947 г. – 38 162 чел., к 10 мая 1947 г. – еще 2 254 [33]. Почти все они входили в состав «спецконтингента НКВД–МВД», содержались главным образом в ПФЛ, а также в ИТЛ ГУЛАГа и лагерях ГУПВИ [34] и формаль-

но подлежали переводу на 6-летнее поселение. На самом же деле их отправили на родину: лиц непризывных возрастов – к семьям, лиц призывных возрастов – в военно-строительные батальоны, дислоцированные в Прибалтике. Указанное постановление касалось только этнических латышей, эстонцев и литовцев – постоянных жителей прибалтийских республик, «служивших по мобилизации в немецкой армии, легионах и полиции». 12 июня 1947 г. вышло распоряжение Совета Министров СССР № 7240рс, согласно которому постановление от 13 апреля 1946 г. распространялось на русских, украинцев, белорусов и лиц других национальностей (кроме немцев), являвшихся уроженцами и постоянными жителями Литвы, Латвии и Эстонии. Однако данное распоряжение содержало ряд оговорок, из-за которых практически исключалась возможность досрочного освобождения кого-либо из отбывавших 6-летнее спецпоселение «прибалтийских» русских и др. [35].

Примечателен и национальный состав спецпоселенцев-«власовцев». По состоянию на март 1949 г., на спецпоселении значились 112 882 чел. контингента «власовцы» (без арестованных и бежавших), из них по национальности: русские – 54 256, украинцы – 20 899, белорусы – 5 432, грузины – 3 705, армяне – 3 678, узбеки – 3 457, азербайджанцы – 2 932, казахи – 2 903, немцы – 2 836, татары – 2 470, чувашаи – 807, кабардинцы – 640, молдаване – 637, мордва – 635, осетины – 595, таджики – 545, киргизы – 466, башкиры – 449, туркмены – 389, поляки – 381, калмыки – 335, адыгейцы – 201, черкесы – 192, лезгины – 177, евреи – 171, караимы – 170, удмурты – 157, латыши – 150, марийцы – 137, каракалпаки – 123, аварцы – 109, кумыки – 103, греки – 102, болгары – 99, эстонцы – 87, румыны – 62, ногайцы – 59, абхазцы – 58, коми – 49, даргинцы – 48, финны – 46, литовцы – 41, другие – 2 095 чел. [36].

В общей сложности (к 1 июля 1951 г.) на учете состояли 137 902 спецпоселенца-«власовец», из них 120 620 находились в наличии, а остальные были арестованы или числились в розыске [37]. Из находившихся в наличии спецпоселенцев-«власовцев» 98 275 подлежали освобождению по истечении 6-летнего срока, в том числе: 83 027 – в 1952 г., а остальные – в последующие годы [38]. При этом в исчислении спецпоселенческого срока для «власовцев» имелись свои весьма существенные особенности. Этот срок определялся не в календарном, а в «чистом» виде, то есть без учета «временных перерывов», связанных главным образом с арестами и/или содержанием в местах заключения. Например, если «власовец» Н. весь 1946 год находился на спецпоселении, а затем был арестован и в последующие пять лет (1947–1951 гг.) содержался в тюрьмах и лагерях, после чего вновь был возвращен на спецпоселение, то в таком случае 6-летний срок спецпоселения исчислялся следующим образом: 1946-й – первый год спецпоселения, а второй год спецпоселения передвигался уже на 1952-й, третий – на 1953-й и т. д.

После кратковременного и относительного «ослабления» (1945–1946 гг.) внутренняя репрессивная политика сталинско-советского режима, в том числе практика принудительных переселений, вновь активизировалась в 1947-м и заметно усилилась в 1948 г. Особую роль в этом сыграл Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. «О направлении особо опасных государственных преступников по отбытии наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР» [39].

Данным указом на лиц, еще отбывавших срок уголовного наказания в особых лагерях и тюрьмах, по истечении этого срока накладывалась новая карательная мера: ссылка на поселение – на Дальний Восток (Колыма), в Сибирь (Красноярский край и Новосибирская область, причем – не южнее 50 километров к северу от Транссиба) и в Казахстан (кроме Алма-Атинской, Гурьевской, Южно-Казахстанской, Актюбинской, Восточно-Казахстанской и Семипалатинской областей). Существенно, что этот указ наделялся обратной силой и распространялся в том числе на тех, кто уже успел освободиться из тюрем и лагерей в интервале между окончанием войны и выходом указа (решения по таким лицам принимались Особым совещанием при МГБ СССР). Именно этот указ привел к повторным «посадкам» многих репатриантов, уже искупивших, казалось бы, свою «вину перед Родиной» [40].

В результате, несмотря на происходившее параллельно крупномасштабное освобождение из спецпоселения значительной части «бывших кулаков» и «власовцев», общая численность спецпоселенцев в конце 1940-х – начале 1950-х гг. не только не уменьшалась, но из г. в год неуклонно увеличивалась: количество вновь направляемых на спецпоселение неизменно превышало число освобождаемых оттуда. Так, за 1946–1952 гг. на спецпоселение поступили 678 010 чел., в том числе: в 1946–1947 гг. – 255 198, в 1948 г. – 89 261, в 1949 г. – 221 231, в 1950 г. – 43 738, в 1951 г. – 45 723, в 1952 г. – 22 859 чел. [41]. При этом основной поток «пополнения» шел из упоминавшейся «зоны пакта» – из Западной Украины, Прибалтики, Правобережной Молдавии, то есть из тех территорий, население которых после войны противилось (в том числе и с оружием в руках) политике «советизации» и «коллективизации». Разумеется, борьба с антисоветским вооруженным сопротивлением не могла обойтись без такого испытанного средства, как депортация членов семей «антисоветчиков-националистов», а также их «пособников», и в первую очередь – из Западной Украины и Литвы, где антисоветское сопротивление было особенно ожесточенным.

Выселение из Западной Украины происходило в течение 1944–1952 гг. Только в 1944–1947 гг. на спецпоселение поступили 100 310 так называемых «оуновцев» [42]. В 1947–1948 гг. Советом Министров СССР дополнительно были приняты два специальных постановления:

– от 10 сентября 1947 г. № 3214–1050сс – о выселении «членов семей «оуновцев» и активных бандитов, как арестованных, так и убитых при столкновениях» (высланные направлялись в Карагандинскую, Архангельскую, Кемеровскую, Кировскую, Молотовскую, Свердловскую, Тюменскую, Челябинскую и Читинскую области);

– от 4 октября 1948 г. № 3728–1524сс – о выселении «в порядке ответных мер членов семей «оуновцев» и активных бандитов» (в северные районы страны).

К началу 1953 г. численность спецпоселенцев контингента «оуновцы» превысила 175 000 чел. [43]. Национальный состав «оуновцев», за редкими исключениями, являлся однородно украинским. Например, в марте 1949 г. среди 11 404 взрослых спецпоселенцев-«оуновцев» (в возрасте от 17 лет и старше), находившихся в Красноярском крае, Архангельской и Иркутской областях, значились: украинцы – 11 339 (99,4 %), румыны – 29, поляки – 17, русские – 8, евреи – 4, белорусы – 2, немцы – 2, молдаване – 1, чехи – 1, прочие – 1. В то же время в Кемеровской области среди 19 945 взрослых спецпоселенцев- «оуновцев» было: украинцев – 19 829 (99,4 %), поляков – 74, русских – 25, прочих – 22 [44].

Выселение из Литвы в 1945–1948 гг. проводилось на основании следующих директивных распоряжений: – телеграфное распоряжение НКВД СССР от 16 июня 1945 г., директива МВД СССР от 10 декабря 1946 г. и приказ МВД СССР от 18 декабря 1946 г. – о выселении из Литовской ССР «членов семей главарей и активных участников банд»;

– постановление Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. – о выселении из Литовской ССР «членов семей бандитов и националистов, находившихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, а также пособников бандитов – кулаков с семьями» (спецоперация «Весна») [45].

К ноябрю 1948 г. на спецпоселении были учтены 14 048 семей, депортированных в 1945–1948 гг. из Литвы (47 534 чел., из них: мужчин – 13 437, женщин – 19 742, детей – 14 355). Преобладающее их количество было размещено в Красноярском крае (23 467 чел.), в Иркутской области (11 495), в Бурят-Монгольской АССР (4 038), а также в Томской и Молотовской областях. До начала 1949 г. на спецпоселение поступил 49 331 чел., высланный в 1945–1948 гг. из Литовской ССР [46].

Наиболее масштабная депортация из Прибалтики в целом была осуществлена в марте 1949 г. (спецоперация «Прибой») – на основании постановления Совета Министров СССР от 29 января 1949 г. № 390–138сс (о выселении из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР «кулаков с семьями, семей бандитов и националистов») [47]. В результате этой операции были депортированы на спецпоселение 94 305 чел. (26 512 муж., 41 771 жен. и 26 092 ребенка), в том числе: из Латвии – 41 862, из Литвы – 31 908, из Эстонии – 20 535 [48]. Направлялись они в Иркутскую (25 834), Омскую (22 542) и Томскую (16 065) области, в Красноярский край (13 823 чел.), Новосибирскую (10 064) и Амурскую (5 451) области и в некоторые другие регионы [49].

В общей сложности за период 1945–1949 гг. из Прибалтики были высланы более 143 600 чел., в том числе: из Литвы – свыше 81 200, из Латвии – почти 41 900, из Эстонии – немногим более 20 500 [50]. Кроме того, 5 сентября 1951 г. было принято постановление Совета Министров СССР № 3309–1568сс о выселении «навечно кулаков с семьями из Литовской ССР за враждебные действия против колхозов». К 1 января 1952 г. на учете спецпоселений состояли 16 833 «кулака», высланные в 1951 г. из Литвы, а к 1 июля 1952 г. их число возросло до 18 027 [51].

К «прибалтийским» депортациям примыкает и произведенная в первой половине 1950 г. высылка в Хабаровский край «антисоветского элемента» из Пыталовского, Печорского и Качановского районов Псковской области – по постановлению Совета Министров СССР от 29 декабря 1949 г. № 5881–2201сс о выселении из этих районов «навечно кулаков, семей бандитов, националистов и репрессированных бандпособников». До 1940 г. территория перечисленных районов входила в состав Латвии (Абренский-Пыталовский) и Эстонии, а затем «переведена» в состав РСФСР. Всего из Псковской области поступили на спецпоселение 1 415 чел. Большинство из них было направлено на «обязательное местожительство» в ИТЛ ГУЛАГа. По данным на 1 января 1953 г. в наличии был 1 351 спецпоселенец «псковского» контингента, из них для 950 чел. (70,3 %) местом нахождения являлись лагеря и спецстройки МВД [52].

Таким образом, в общем итоге за 1940–1953 гг. из Прибалтики на спецпоселение были отправлены 203 590 чел., в том числе: из Литвы – 118 599, из Латвии – 52 541, из Эстонии – 32 540 [53]. При этом в число спецпоселенцев-«прибалтов» входили (помимо литовцев, латышей и эстонцев) представители других национальностей. Например, в Красноярском крае, Иркутской области и Бурят-Монгольской АССР находились на спецпоселении в марте 1949 г. 26 866 взрослых (в возрасте 17 лет и старше) «литовцев», высланных в 1945–1948 гг. но название «литовцы» означало только то, что все они высланы из Литовской ССР, так как наряду с 26 074 литовцами среди них значились: поляки – 688, русские – 58, немцы – 20, латыши – 9, украинцы – 2, белорусы – 1, казахи – 1, прочие – 2 [54].

К середине 1949 г. ряды спецпоселенцев пополнились новыми контингентами, выселенными из южного Приднестровья и Западной Молдавии (территорий, входивших в так называемую «зону пакта»). Постановлением Совета Министров СССР от 6 октября 1948 г. № 3785–1538сс в «кулацкий» контингент Томской области были добавлены еще около 1 100 выселенных из Измаилской области [55]. Затем пришел черед Молдавии. Механизм проведения послевоенной «молдавской» депортации характерен и для других аналогичных операций в «зоне пакта», поэтому представляется целесообразным рассмотреть его более подробно.

12 октября 1948 г. МВД Молдавской ССР обратилось в «центр» с предложением о выселении «навечно в отдаленные районы» 15 000 «кулацких» семей, в том числе – не менее 5 000 «особо враждебных кулаков». Ко 2 декабря 1948 г. были подготовлены и разбиты на категории списки на 33 640 чел., в том числе – на 9 259 «глав семей». К середине февраля 1949 г. общее число занесенных в эти списки достигло 40 854, в том числе «глав семей» – 11 281. И только после этого, в середине марта 1949 г., в «центр» была направлена совместная «просьба» бюро ЦК ВКП(б) по Молдавии, ЦК КП(б) и Совета Министров Молдавии – разрешить «выселение кулаков, бывших помещиков, крупных торговцев, активных пособников немецких оккупантов, белогвардейцев, участников профашистских организаций, а также семей этих лиц» в количестве 39 091 чел. «Просьба» была удовлетворена: 6 апреля 1949 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило соответствующее постановление Совета Министров СССР (№ 1290–467сс) – о выселении из Молдавии 40 850 чел. (11 280 семей).

Для проведения спецоперации «Юг» (по обозначению руководства МВД СССР) были созданы восемь оперативных секторов [56]. 11 июня 1949 г. МВД СССР издало приказ о порядке приема, перевозки, расселения и трудоустройства лиц, выселяемых из Молдавии [57]. В операции «Юг» были задействованы более 21 000 чел. (в частности, 4 495 оперативных работников, 13 774 военнослужащих и 4 705 «советско-партийных активистов») [58]. Она началась в два часа ночи 6 июля и закончилась в 20 часов 7 июля 1949 г. Собранный под сплошными ливнями «спецконтингент» разместили в 1 573 вагона, сведенные в 30 эшелонов. В них оказались 11 253 семьи, или 35 796 чел. (9 684 муж., 14 033 жен., 11 899 детей). Спустя 2–3 недели их доставили в «места обязательного поселения» – Курганскую, Тюменскую, Иркутскую и Кемеровскую области, Алтайский и Хабаровский края и Бурят-Монгольскую АССР [59]. Этот «контингент» был многонациональным. Так, по данным на 5 августа 1949 г., среди 12 957 доставленных в Курганскую область спецпоселенцев, депортированных незадолго до этого из Молдавии, значились: молдаване – 9 521, украинцы – 1 405, гагаузы – 655, русские – 634, болгары – 394, евреи – 298, поляки – 27, чехи – 7, белорусы – 6, сербы – 5, румыны – 3, латыши – 1, немцы – 1 [60].

Одновременно была продолжена «очистка» Черноморского побережья РСФСР (Краснодарский край, Крым) и Украины (Одесская область), а также Грузии, Азербайджана и Армении в целом от «политически неблагонадежных элементов». В решении ЦК ВКП(б) от 17 мая 1949 г. и в постановлении Совета Министров СССР от 29 мая 1949 г. № 2214–856сс говорилось о выселении армян-«дашнаков», а также турок и греков (турецких и греческих граждан, турок и греков без гражданства и бывших турецких и греческих подданных, принятых в советское гражданство). По учету Отдела спецпоселений МВД СССР этот «контингент» условно именовался – «с Черноморского побережья», хотя такой термин значительно суживал географию этой депортации, проведенной в июне 1949 г.

Греки выселялись в основном в Казахскую ССР (Южно-Казахстанская и Джамбулская области), «дашнаки» – в Алтайский край, турки – в Томскую область (при этом в местах вселения турки-османы, как правило, смешивались с турками-месхетинцами и практически «растворились» среди них). В общей сложности на спецпоселение поступили 57 680 чел., выселенных в 1949 г. «с Черноморского побережья», в том числе 15 485 армян-«дашнаков» [61]. Существенным моментом является то, что все «контингенты», депортированные в 1949 г. из Прибалтики, Молдавии и «с Черноморского побережья», были отнесены к категории «выселенных навечно» («выселенцы») [62].

В октябре–ноябре 1948 г. вновь были взяты на учет спецпоселений поляки, выселенные в 1936 г. (основная их часть находилась в Казахской ССР). До сентября 1947 г. они входили в контингент «бывшие кулаки». Вместе с последними поляки были освобождены из спецпоселения в Казахской ССР – в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 29 сентября 1947 г. № 3315–1101сс. После этого часть поляков вернулась в те места, где они жили до выселения, некоторые из них выехали в другие регионы СССР. Однако большинство бывших спецпереселенцев-поляков продолжало жить в Казахстане, и именно на них в 1948 г. вновь распространили спецпоселенческий статус. При этом в контингент «поляки» входили и представители других национальностей. В марте 1949 г. среди 21 003 взрослых спецпоселенцев этого «контингента» (8 551 муж. и 12 452 жен.) помимо 20 523 поляков состояли на учете также 302 украинца, 88 русских, 38 немцев, 33 киргиза, девять казахов, три венгра, два белоруса, по одному еврей, удмурту, греку, армянину, чеху [63].

С 1948 г. на спецпоселении появился новый контингент – крестьяне-«указники» (или так называемые «тунеядцы»). По инициативе первого секретаря Компартии Украины Н.С. Хрущева 21 февраля 1948 г. Совет

Министров СССР принял постановление «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». Н.С. Хрущеву удалось убедить И.В. Сталина распространить эту практику на всю страну, и 2 июня 1948 г. были одновременно приняты Указ Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни», а также соответствующее постановление Совета Министров СССР (№ 1841–730сс) [64].

Выселялись, как правило, колхозники – за невыработку обязательного минимума трудодней, что трактовалось как «уклонение от трудовой деятельности в сельском хозяйстве». Срок высылки – 8 лет. Решения о выселении («общественные приговоры») выносились так называемыми «общественными судами», роль которых брали на себя общие колхозные собрания или сельские сходы. «Общественные приговоры» представлялись сельсоветами на утверждение в райисполкомы. 16 сентября 1948 г. вышло распоряжение Главного управления милиции МВД СССР об изъятии военных билетов у лиц, выселенных по Указу от 2 июня 1948 г. [65]. В 1948–1952 гг. на спецпоселение (как правило, за Урал) поступили 33 266 выселенных по этому Указу (в 1948 г. – 27 335, в 1949 г. – 4 756, в 1950 г. – 675, в 1951 г. – 240 и в 1952 г. – 260 чел.). Причем в это число не входили 13 598 членов семей «указников», добровольно последовавших вместе с последними в места высылки [66].

По состоянию на 20 февраля 1952 г., из 33 012 чел., подвергшихся репрессии по Указу от 2 июня 1948 г., были выселены из: Украинской ССР – 9 441, Узбекской ССР – 1 687, Казахской ССР – 1 621, Грузинской ССР – 508, Белорусской ССР – 297, Азербайджанской ССР – 269, Армянской ССР – 257, Киргизской ССР – 157, Таджикской ССР – 96, Карело-Финской ССР – 26, Курской области – 1 690, Вологодской области – 764, Кемеровской области – 746, Иркутской области – 681, Пензенской области – 585, Орловской области – 566, Воронежской области – 548, Ульяновской области – 394, Молотовской области – 344, Рязанской области – 322, Калужской области – 301, Куйбышевской области – 292, Костромской области – 285, Сталинградской области – 261, Брянской области – 259, Краснодарского края – 463, Татарской АССР – 812, Мордовской АССР – 509, Башкирской АССР – 425, Удмуртской ССР – 396, остальные – из других регионов [67].

До 20 марта 1953 г. из спецпоселения были освобождены 3.195 выселенных по Указу от 2 июня 1948 г. – как «неправильно высланные» (в 1948 г. – 596, в 1950 г. – 816, в 1951 г. – 1.327, в 1952 г. – 974, в январе–марте 1953 г. – 202 чел.) [68]. Освобождались те лица, в отношении которых было установлено, что они не выработали обязательного минимума трудодней из-за инвалидности, наличия грудных детей и по другим «уважительным причинам». Например, в июле 1948 г. по «общественному приговору» колхоза имени И.В. Сталина Краснинского района Орловской области за «злостное уклонение от общественного труда в колхозе» были выселены Т.Л. Манаенков, его жена и сын. 19 октября 1950 г. Орловский облисполком отменил приговор о выселении Манаенковых, так как «они не являлись членами колхоза». Т.Л. Манаенков с 1926 г. до его выселения работал в советских учреждениях Краснинского района, его жена – домохозяйка – являлась инвалидом 2-й группы, а сын работал на железнодорожном транспорте [69].

«Общественные суды» нередко выносили суровые и несправедливые приговоры в отношении инвалидов и больных неизлечимым недугом, которые по состоянию здоровья не могли выработать требуемого максимума трудодней. Так, 9 июня 1948 г. из колхоза «Первое Мая» Валуйского района Курской области по «общественному приговору» была выселена Е.П. Левашова. По протесту прокурора 20 июня 1950 г. приговор был отменен по тем мотивам, что Е.П. Левашова «являлась инвалидом 2-й группы, болела хроническим суставным ревматизмом и субкомпенсированным пороком сердца» [70].

Не менее бесчеловечно поступали «общественные суды», когда выносили приговоры о выселении женщин с грудными детьми: 3 июля 1948 г. по «общественному приговору», утвержденному Зольским райисполкомом Кабардинской АССР, за «невыработку обязательного минимума трудодней» была выселена Т.Х. Хуранова, которая в момент выселения имела двухмесячного ребенка. 16 июня 1951 г. Зольский райисполком отменил свое решение о выселении Т.Х. Хурановой [71].

Примечательно, что с 1950–1951 гг. местные власти стали гораздо чаще выносить решения об отмене своих прежних постановлений о выселении по Указу от 2 июня 1948 г., нежели о новых выселениях. В дальнейшем эта тенденция стремительно нарастала: в 1953–1954 гг. по этому Указу были выселены 62 чел., в 1955 г. – 9 чел., а до июня 1956 г. по ходатайствам общих собраний колхозников и решениям местных Советов депутатов трудящихся из спецпоселения были освобождены свыше 20 000 депортированных по Указу от 2 июня 1948 г. [72].

Пополнение спецпоселений продолжалось и в 1950–1952 гг. Хронологически эти годы выходят за рамки рассматриваемого в данном исследовании периода, но без хотя бы краткого обзора принудительных депортаций этих лет общая картина системы спецпоселений в СССР была бы неполной и незавершенной. На протяжении 1950–1952 гг. эта система вобрала в себя следующие дополнительные «контингенты»:

– по постановлению Совета Министров СССР от 11 января 1950 г. № 135–26сс из Таджикской ССР в Кокчетавскую область Казахстана были выселены «бывшие басмачи» с семьями. На спецпоселение поступили 2 795 чел. [73];

– в постановлении Совета Министров СССР от 21 февраля 1950 г. № 727–269сс речь шла о выселении из Грузинской ССР в Джамбулскую и Алма-Атинскую области Казахстана «иранских подданных, иранцев без гражданства, бывших иранских подданных, принятых в советское гражданство, кроме лиц армянской национальности». На учет спецпоселений были взяты 4 776 чел. контингента «иранцы» [74].

Не упускалась из виду и «зона пакта». Весной 1951 г. появился еще один новый «контингент» спецпоселенцев – «интернированные с территории Польши», который насчитывал лишь немногим более 70 чел. По постановлению Совета Министров СССР от 6 марта 1951 г. № 684–343сс граждане СССР, интернированные и взятые в плен в 1944–1945 гг. на территории Польши, освобождались из лагерей ГУПВИ (133 чел.). Преобладающая их часть (72 чел., в том числе 65 украинцев, четыре белоруса, два русских и один грузин) направлена на спецпоселение в Якутскую АССР, остальных (61 чел., из них 59 украинцев и два поляка), которые к тому времени уже более 6 лет содержались в лагерях ГУПВИ и служба которых на стороне противника так и не была доказана, надлежало (после «дополнительной проверки») отправить «к месту жительства их семей» [75].

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 13 февраля 1951 г. № 377–190сс и приказу МГБ СССР от 5 марта 1951 г. № 00193 из Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы в Иркутскую область были выселены репатриированные в конце 1940-х гг. из Великобритании бывшие военнослужащие польской «армии Андерса» с семьями. К 1 июля 1952 г. «контингент» спецпоселенцев «андерсовцы» насчитывал 4 548 чел. [76].

В постановлении Совета Министров СССР от 3 марта 1951 г. № 667–339сс и в приказе МГБ СССР от 5 марта 1951 г. № 00193 говорилось также о выселении из Прибалтийских республик, Молдавии, западных областей Украины и Белоруссии «активных участников антисоветской секты иеговистов и членов их семей» (спецоперация «Север»). Специальное постановление в связи с этой операцией («О конфискации и реализации имущества выселяемых с территории Молдавской ССР») принял 24 марта 1951 г. также Совет Министров Молдавской ССР. [77]. Операция «Север» была проведена 1–2 апреля 1951 г. В результате на спецпоселении (в Томской и Иркутской областях) в составе контингента «иеговисты» оказались (по данным на 1 июля 1952 г.) 9 389 чел., в том числе 2 619 (или 732 семьи) – из Молдавии [78].

Проводившаяся в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в «зоне пакта» (в Прибалтике, Западной Украине, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковине) «коллективизация» сельского хозяйства сопровождалась «раскулачиванием» и выселением десятков тысяч крестьян (в Тюменскую область, Красноярский край, Якутию, Казахстан). Большинство последних по учету Отдела спецпоселений МВД СССР (затем – 9-го управления МГБ СССР) не выделялись в качестве самостоятельных «контингентов», а включались в состав спецпоселенцев-«оуновцев» либо «прибалтийского» и «молдавского» контингентов послевоенных депортаций (1945–1949 гг.).

Меньшая часть «новораскулаченных», поступивших из западных регионов СССР, была разбита на четыре самостоятельных «контингента»:

– «кулаки из Измаильской области» (по постановлению Совета Министров СССР от 6 октября 1948 г. № 3785–1538сс, выселены 9 727 чел.);

– «кулаки из западных областей Украинской ССР» (по постановлению Совета Министров СССР от 23 января 1951 г. № 189–88сс, выселены 5 588 чел.);

– «кулаки из Литовской ССР» (по постановлению Совета Министров СССР от 5 сентября 1951 г. № 3309–1568сс, выселены 16 833 чел.);

– «кулаки из западных областей Белорусской ССР» (по постановлению Совета Министров СССР от 18 сентября 1951 г. и распоряжению Совета Министров СССР от 25 марта 1952 г. № 6435рс).

В последнем случае выселение «раскулаченных» крестьян с семьями из Гродненской, Молодечненской, Брестской, Барановичской, Пинской и Полоцкой областей Белоруссии в Иркутскую область и Казахстан осуществлялось в 1951–1952 гг. (основная операция проведена 18–22 апреля 1952 г.) по спискам, утвержденным Советом Министров Белорусской ССР. В документах выселяемые именовались «враждебно действующими против колхозов». Всего были депортированы 4 298 чел., из них: мужчин – 1 084, женщин – 2 033, детей – 1 181. К 1 июля 1952 г. на учете состояли 4 385 спецпоселенцев этого «контингента». Расселены они были в основном в Южно-Казахстанской области, где использовались на работах в системе Министерства хлопководства [79].

29 ноября 1951 г. вышло постановление Совета Министров СССР № 4893–2113сс об очередном выселении «враждебных элементов» из Грузинской ССР. Под «враждебными элементами» на сей раз подразумевались «близкие родственники эмигрантов, изменников Родины и невозвращенцев, проживающих за границей и ведущих подрывную работу против СССР, реэмигранты, прибывшие в 1946–1949 гг. в Грузию из Франции, Ирана и Китая, бывшие закордонные ходоки, подозрительные по связям с турецкой разведкой» и др. На спецпоселение поступили 11 643 чел. этой категории. Среди них находились представители нескольких национальностей, в частности, ассирийцы [80].

В 1951 г. на спецпоселении появился еще один «контингент», отнесенный к «тунеядцам», – выселенные по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 г. «Об ответственности за уклонение от общественно полезного труда и за ведение антиобщественного паразитического образа жизни». Выселялись эти люди, как правило, за «бродяжничество и попрошайничество» [81].

Наконец, в 1951–1952 гг. из лагерей, колоний и тюрем после отбытия срока заключения или досрочного освобождения направлены на спецпоселение (к находившимся там членам семей) 2 692 чел., в том числе: немцев – 1 008, «власовцев» – 334, «северокавказцев» – 310, «оуновцев» – 307, «указников» – 223, «из Крыма» – 131, «фольксдойчей» и «немецких пособников» – 126, калмыков – 116, «прибалтов» – 85, «из Грузии в 1944 году» – 19, «бывших кулаков» – 12, «с Черноморского побережья» – 8, «истинно православных христиан» – 7, «из Молдавии в 1949 году» – 3, поляков – 3 [82]. Практика отправки на спецпоселение таких лиц была легитимизирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1952 г. [83].

Таким образом, общее количество принудительно депортированных в послевоенные годы, по имеющимся данным, может быть оценено примерно в 380 000–400 000 чел. [84]. География их выселения во многом напоминала структуру последнего военного двухлетия, но при этом основной акцент был перенесен на закрепленное Потсдамскими (1945 г.) соглашениями западное приграничье СССР. В то же время произошел определенный сдвиг и в географии вселения: все более заметная роль отводилась Сибири, тогда как роль Казахстана и Узбекистана несколько ослабла.

Одновременно на протяжении второй половины 1940-х и в начале 1950-х гг. все более отчетливо проявлялись тенденции «размывания» системы спецпоселений – как предпосылка ее окончательного распада в последующий период (в основном в середине 1950-х гг.). Продолжался «ползучий» процесс освобождения из спецпоселения отдельных его «контингентов». Так, по специальной директиве НКВД СССР от 28 января 1946 г. были сняты с учета финны и ингерманландцы, выселенные в 1942 г. из Ленинграда и его окрестностей (в Якутию, Красноярский край и Иркутскую область). Там их, собственно, и оставили, но уже не на спецпоселение, а на жительство – как «высланных в административном порядке в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. («социально опасный элемент», высланный из областей, объявленных на военном положении)» [85].

Но при этом 7 мая 1947 г. вышло распоряжение Совета Министров СССР № 5211рс о запрещении проживания в Ленинграде и Ленинградской области «лицам финской национальности, удаленным из Ленинграда и Ленинградской области во время Великой Отечественной войны в порядке принудительной эвакуации, а также ингерманландцам, репатриированным из Финляндии, за исключением лиц финской национальности и ингерманландцев – участников Великой Отечественной войны, имеющих правительственные награды, а также членов их семей» [86]. Кроме того, распоряжением Совета Министров СССР от 28 июля 1947 г. предписывалось «удалить из Ленинградской области лиц финской национальности и ингерманландцев, находившихся во время войны на территории, оккупированной немецко-фашистскими захватчиками». В соответствии с этим постановлением подлежали «немедленному выселению» 2 247 ингерманландцев, «проживавших в районах Ленинградской области, отнесенных к режимным местностям 1-й категории» [87].

24 октября 1951 г. приказом МГБ СССР № 00776 был определен порядок освобождения из спецпоселения «власовцев». В соответствии с этим приказом, к 1 июля 1952 г. были сняты с учета спецпоселения около 34 500 чел. из этой категории. При этом, помимо представителей депортированных народов, на спецпоселении оставались также те «власовцы», члены семей которых по решениям Особого совещания при МВД-МГБ СССР были высланы как «бандпособники» из Прибалтийских республик, западных областей Украины и Белоруссии. Таких лиц было выявлено и оставлено на спецпоселении навечно (в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 г.) – 5 819. Кроме того, по данным на октябрь 1952 г., проводилась «дополнительная проверка» 5 152 спецпоселенцев-«власовцев» – уроженцев и жителей Литовской, Латвийской, Эстонской ССР, западных областей Украины и Белоруссии – с целью выявления среди них лиц, члены семей которых по решениям Особого совещания при МВД-МГБ СССР были высланы как «бандпособники» [88].

«Временно» оставлена на спецпоселении была также часть «власовцев» русской, украинской и других национальностей (по разным данным – от 8 000 до 9 000 чел.), занятых на «незавершенных строительных объектах» (главным образом – в Таджикистане). Они освобождались из спецпоселения по мере завершения того или иного строительства. До этого срока на них (постановлением Совета Министров СССР от 7 октября 1951 г. № 3857–1763сс) распространялось действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г., устанавливавшего, в частности, меру наказания за побег из «места обязательного поселения» – 20 лет каторжных работ [89]. Такая сверхсуровая мера наказания за побег никогда ранее не применялась ни к «власовцам», ни к иным лицам, водворенным в спецпоселение на определенные сроки.

Что касается общего числа освобожденных «власовцев», то на этот счет в документах МВД и МГБ СССР приводятся разные данные: справка Отдела «П» МВД СССР (на 1 января 1953 г.) – 87 631 чел.; справка того же

отдела (за 1951–1952 гг.) – 88 098 чел. (причем обе справки были подготовлены почти одновременно – в марте 1953 г.); справка 9-го управления МГБ СССР (январь 1953 г.) – 93 446 чел.; наконец, докладная записка 9-го управления МГБ СССР от 31 октября 1952 г. (данные на 15 сентября 1952 г.) – 95 553 чел. При этом во всех упомянутых документах не приводится никаких пояснений, которые позволяли бы судить о том, чем вызваны столь существенные статистические расхождения [90]. Во всяком случае, за минимальное число освобожденных «власовцев» вполне допустимо принять данные, приведенные в первом из названных официальных источников.

Освобожденным из спецпоселения «власовцам» объявлялось под расписку, что им запрещено проживать в Москве, Ленинграде, Киеве, запретных зонах пограничной полосы и других «режимных местностях», предусмотренных статьей 39 положения о паспортах, а также в Литовской, Латвийской, Эстонской, Молдавской ССР, западных областях Украины и Белоруссии. Кроме того, на основании постановления Совета Министров СССР от 5 марта 1952 г. и других отдельных распоряжений «власовцы», работавшие в золотодобывающей, нефтяной и угольной промышленности, после их освобождения из спецпоселения закреплялись за предприятиями министерств внутренних дел, нефтяной и угольной промышленности в качестве «вольнорабочих» сроком на три года.

В справке Отдела «П» МВД СССР, датированной 31 марта 1953 г., отмечалось, что в 1952 г. 4 889 снятых с учета спецпоселений «власовцев» были «закреплены на три года» в угольной промышленности Приморского и Хабаровского краев, Сахалинской и Читинской области, 471 – в нефтяной промышленности Сахалинской области, 341 – в химической промышленности Туркменской ССР [91]. Фактически «закрепленных на три года на предприятиях» было значительно больше, поскольку в упомянутой выше справке не учтены «закрепленные» на предприятиях системы МВД СССР. Режимный статус этих людей был исключительным в своем роде: с одной стороны, они перестали быть спецпоселенцами и уже не подлежали уголовной ответственности за побег с места поселения. В то же время закрепление этих людей на три года на предприятиях, где они раньше работали, будучи спецпоселенцами, означало, что в течение этого срока они не имели права подавать заявления об увольнении по собственному желанию, а за самостоятельный уход с работы следовало наказание – от двух до четырех месяцев лишения свободы [92]. Окончательно категория «власовцев» перестала существовать лишь в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» [93].

В послевоенный период продолжался и нарастал процесс освобождения спецпоселенцев контингента «бывшие кулаки». Начало этому процессу было положено еще в 1938 г., и до сентября 1946 г. его нормативную базу составляли:

- постановление СНК СССР от 22 октября 1938 г. № 1143–280с (об освобождении детей спецпереселенцев по достижении 16-летнего возраста);
- постановление ГКО от 11 апреля 1942 г. № 1575сс (о призыве трудпоселенцев на военную службу); директива НКВД СССР от 22 октября 1942 г. (об освобождении из трудссылки призванных в Красную Армию и их жен и детей);
- директива НКВД СССР от 25 мая 1944 г. (о снятии с учета спецпоселений детей спецпереселенцев – «бывших кулаков», направленных в школы ФЗО и ремесленные училища).

В результате за период с 1 июля 1938 г. по 1 октября 1945 г. численность спецпереселенцев контингента «бывшие кулаки» сократилась с 997 329 до 606 819 чел. [94]. При этом у большинства категорий спецпоселенцев (немцы, «северокавказцы», «крымчане», калмыки и другие) дети моложе 16 лет находились на посемейном учете, а по достижении 16-летнего возраста ставились на персональный учет спецпоселений. Дети, родившиеся в семьях спецпоселенцев «власовцев» и «указников», считались «свободными людьми» с момента рождения. С детьми спецпоселенцев контингента «бывшие кулаки» дело обстояло несколько иначе: они до 16 лет состояли на посемейном учете, а затем на персональный учет не ставились и подлежали освобождению. В 1945 г. на персональный учет спецпоселений не был взят ни один 16-летний подросток из контингента «бывшие кулаки». Все они были освобождены, включая даже лиц немецкой и прочих «неблагонадежных» национальностей.

В дальнейшем же местные органы НКВД–МВД–МГБ стали под различными предлогами препятствовать освобождению части 16-летних юношей и девушек. В большинстве случаев это касалось людей, которые относились к «наказанным народам». В 1946–1951 гг. были взяты на персональный учет спецпоселений по достижении 16-летнего возраста 3 076 подростков из контингента «бывшие кулаки», в том числе: в 1946 г. – 238, в 1947 г. – 1 597, в 1948 г. – 591, в 1949 г. – 422, в 1950 г. – 135, в 1951 г. – 93. И все-таки преобладающая часть детей спецпоселенцев контингента «бывшие кулаки», достигших 16-летнего возраста, в эти годы освобождались из спецпоселения [95].

В то же время решения директивных органов об освобождении части спецпереселенцев контингента «бывшие кулаки», принятые в 1938–1944 гг., касались почти исключительно людей молодого и (частично)

среднего возрастов. Лица же пожилого и престарелого возрастов под действие этих решений, как правило, не попадали. В руководстве страны и спецслужб до определенного срока преобладало мнение, что полностью снимать с учета спецпоселений родителей ранее освобожденной «кулацкой» молодежи пока нецелесообразно, ибо это могло бы повлечь за собой поголовный выход из-под административного надзора тех лиц, которые являлись на момент «раскулачивания» главами «кулацких» семей. В конце концов, все же решено было сделать некоторые исключения.

28 сентября 1946 г. вышел приказ МВД СССР и Прокуратуры СССР № 00868/208сс «О порядке освобождения из спецпоселения спецпереселенцев – бывших кулаков». Приказ предусматривал возможность освобождения из спецпоселения – по заключениям МВД–УМВД, согласованным с прокурором республики (края, области) и без представления дел на Особое совещание при МВД СССР – следующих трех категорий контингента «бывшие кулаки»:

- «имеющих детей в рядах Красной Армии и участников Отечественной войны»;
- «награжденных правительственными наградами»;
- «женщин, вступивших в брак с неспецпереселенцами» [96].

В отношении последней категории освобождение из спецпоселения практиковалось еще в 1930-е гг. Что же касается лиц пожилого и (отчасти) среднего возрастов (как мужчин, так и женщин), то ограничение их освобождения по приказу от 28 сентября 1946 г. условием наличия детей, находящихся на военной службе или участвовавших в Великой Отечественной войне, а тех, у кого таких детей не имелось, – наличием «правительственных наград», явно преследовало цель максимально сузить круг снимаемых с учета спецпоселений «социально опасных» и «враждебных» элементов, не изживших обиды за «раскулачивание» и предрасположенных к тому, чтобы «отомстить за это коммунистам».

Такого рода настроения среди определенной части «бывших кулаков» действительно имели место [97]. Вместе с тем документы свидетельствуют, что в преобладающей своей массе «бывшие кулаки» по политическим настроениям существенно отличались от ряда других спецпоселенческих контингентов, и прежде всего – от депортированных из Западной Украины и Прибалтики. Последние обычно употребляли понятия «коммунисты» и «советская власть» как синонимы, причем с одинаковой степенью ненависти. А в среде «бывших кулаков» преобладало в целом положительное отношение к советской власти, но при одновременных резко антикоммунистических настроениях. Многие из этих людей во время гражданской войны и после нее служили в Красной Армии, сами работали в низовых местных Советах и считали виновником своей трагической судьбы при «коллективизации» не собственно Советскую власть как форму правления, а «узурпировавших ее коммунистов».

В целом же приказ от 28 сентября 1946 г. не оказал существенного влияния на процесс освобождения из спецпоселения «бывших кулаков» (за исключением лишь некоторых регионов). В частности, в Кемеровской области на основании приказа от 28 сентября 1946 г., а также решений такого рода, принятых ранее, в 1944–1953 гг. из около 60 тыс. находившихся здесь спецпоселенцев категории «бывшие кулаки» были сняты со спецучета 49 513 чел., или более 82 % [98].

Подлинный прорыв в этом процессе произошел по другим причинам. В 1946–1951 гг. в ряде областей, краев и республик местные партийно-советские органы власти возбудили ходатайства о полном освобождении «бывших кулаков» из спецпоселения, приводя, как правило, при этом следующие аргументы: большинство «бывших кулаков» – люди пожилые и престарелые, они смирились со своей участью, «положительно проявили себя во время войны», «не агитируют против Советской власти и больше не представляют социальной опасности». Во многих ходатайствах отмечалось также, что «занятые в народном хозяйстве спецпереселенцы-«бывшие кулаки» добросовестно трудятся». В подоплеке же этих аргументов просматривается прагматичное стремление местных функционеров, с одной стороны, снять с себя хотя бы часть становившегося все более тяжким бременем по содержанию спецпоселенческой системы, а с другой стороны – решить (за счет и после ликвидации этой системы) некоторые конкретные социально-экономические проблемы регионов. В этом с ними солидаризировалось, как это ни парадоксально на первый взгляд, и МВД СССР [99].

Инициативу проявил Ставропольский крайком ВКП(б), направивший 11 июня 1946 г. соответствующее ходатайство на имя Председателя Совета Министров СССР И.В. Сталина. Речь шла «о снятии всех ограничений с 23 302 спецпереселенцев, в том числе 7 538 мужчин, 9 327 женщин и 6 437 детей до 16-летнего возраста» и об «упразднении комендатуры МВД в спецпоселках» Ставропольского края [100]. И.В. Сталин «переадресовал» данное ходатайство своему заместителю Л.П. Берии, который, в свою очередь, поручил «рассмотреть вопрос и представить свои предложения» руководству МВД СССР [101].

Вопрос был рассмотрен, и 13 августа 1946 г. Совет Министров СССР принял подготовленное в МВД СССР постановление № 1767–769сс «Об отмене особого режима в спецпоселках Ставропольского края», а 10 дней спустя вышел соответствующий приказ МВД СССР [102]. К концу сентября 1946 г. эта работа была

завершена, что констатировалось в рапорте начальника Отдела спецпоселений МВД СССР М.В. Кузнецова от 1 октября 1946 г.: «... Особый режим в спецпоселках Ставропольского края снят, спецпереселенцы бывшие кулаки из спецпоселения освобождены. Спецкомендатуры МВД ликвидированы. Личный состав Отдела спецпоселений УМВД, райотделений и спецкомендатур МВД обращается на укомплектование аппаратов УМВД по Ставропольскому краю...» [103].

За период с августа 1946 г. по январь 1952 г. на основании ходатайств местных партийных и советских органов Совет Министров СССР принял 14 специальных постановлений, по которым в 28 регионах спецпоселенцы контингента «бывшие кулаки» были почти полностью (за исключением немцев, калмыков, чеченцев и представителей некоторых других «наказанных» национальностей) сняты со спецучета. Всего по этим постановлениям получил освобождение 408 391 чел. (в том числе в Кировской области – 2 264) [104]. Отметим, что освобождение из спецпоселения «бывших кулаков» в этой области произведено (параллельно с Якутской АССР) в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 21 июля 1947 г. № 2598–802сс и приказом МВД СССР от 28 июля 1947 г. № 00803 [105].

Постановления Совета Министров СССР об освобождении спецпоселенцев исполнялись по специальным приказам МВД СССР (с конца 1950 г. – МГБ СССР) об отмене «особого режима» в отношении «бывших кулаков». Всего за период с августа 1946 г. по январь 1952 г. вышли 14 таких приказов. В соответствии с этими приказами бывшим спецпоселенцам выдавались справки для получения паспортов на общих основаниях. На министров внутренних дел республик и начальников территориальных УМВД возлагалась обязанность передать литературные дела, агентурные разработки и агентурно-осведомительную сеть по «бывшим кулакам» органам МГБ–УМГБ «по территориальности». Отдел спецпоселений МВД СССР обязан был контрольно-наблюдательные дела по «бывшим кулакам» после снятия их с учета спецпоселений передавать в 1-й спецотдел МВД СССР [106].

Следует отметить, что руководство МВД СССР еще в конце 1947 г. намеревалось полностью освободить спецпереселенцев контингента «бывшие кулаки». В ноябре 1947 г. МВД СССР подготовило проект постановления Совета Министров СССР «Об отмене особого режима для спецпереселенцев бывших кулаков, расселенных на территории Узбекской ССР, Бурят-Монгольской и Коми АССР, Алтайского и Хабаровского краев, Архангельской, Иркутской, Кемеровской, Куйбышевской, Курганской, Мурманской, Томской, Тюменской, Херсонской и Челябинской областей».

В докладной записке на имя Л.П. Берии, к которой прилагался этот проект, министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов отмечал, что в 1946–1947 гг. постановлениями Совета Министров СССР по ходатайствам обкомов ВКП(б) и облисполкомов были освобождены 115 695 семей «бывших кулаков» (326 611 чел.) и остались на спецпоселении 82 440 семей (231 287 чел.), проживающих в перечисленных в проекте регионах. Предлагалось всех их снять с учета спецпоселений, учитывая, как отмечал С.Н. Круглов, «коренные изменения, происшедшие среди большинства спецпереселенцев – бывших кулаков в отношении к Советской власти и к участию в хозяйственной жизни страны». Среди прочих аргументов присутствовал и такой: из числа «бывших кулаков», проживающих в поименованных регионах, в годы Великой Отечественной войны были призваны на военную службу 24 700 чел., из них награждены орденами и медалями СССР – более 2 700, а пятеро удостоены звания Героя Советского Союза [107].

Однако данное предложение МВД СССР в тот момент не было принято. Напротив, именно с конца 1947 г. процесс полного освобождения «бывших кулаков» по регионам заметно затормозился. Дело в том, что в решении этой проблемы многое зависело от инициативы местных властей, а также от позиции заинтересованных министерств и ведомств. А здесь нередко возникали всякого рода «коллизии». Так, в 1947–1951 гг. органы МВД–МГБ Коми АССР, Мурманской и Курганской областей неоднократно ставили перед местными партийными и советскими органами вопрос о снятии ограничений в правовом положении. Но местные руководящие чины уклонились от представления в Москву соответствующих ходатайств. Пример другого ряда: в Кемеровской области местные обком партии и облисполком возбудили перед Советом Министров СССР ходатайство о снятии с учета спецпоселений «бывших кулаков», но в связи с возражениями Министерства угольной промышленности СССР, которое (и не без оснований) опасалось потерять «бывших кулаков» как рабочую силу, этот вопрос так и не был решен [108].

Безуспешные попытки осуществить полное освобождение спецпоселенцев – «бывших кулаков» предпринимались и позднее, о чем свидетельствует, в частности, датированная 24 мая 1952 г. докладная записка начальника 9-го управления МГБ СССР В.В. Шияна на имя министра государственной безопасности СССР С.Д. Игнатъева [109]. Тем не менее процесс количественного сокращения «кулацкой ссылки» развивался последовательно и неуклонно. В общей сложности в 1941–1952 гг. были освобождены 882 622 спецпоселенца контингента «бывшие кулаки», в том числе:

- с 1 января 1941 г. по 1 октября 1948 г. – 810 614;
- с 1 октября 1948 г. по 1 октября 1949 г. – 21 824;

- с 1 октября 1949 г. по 1 января 1950 г. – 7 628;
- в 1950–1952 гг. – 42 556 [110].

Стремительно сокращалась численность спецпоселенцев – «бывших кулаков». Она составляла:

- на 1 апреля 1947 г. – 481 186 чел.;
- на 1 января 1948 г. – 210 556;
- на 1 октября 1949 г. – 115 112;
- на 1 января 1950 г. – 108 386;
- на 1 января 1952 г. – 42 166;
- на 1 января 1954 г. – 17 121 (мужчин – 5 201, женщин – 7 079, детей – 4 840) [111].

Практически «кулацкая ссылка» прекратила свое существование в середине 1950-х гг., но формально ее исключение из учета спецпоселений произошло лишь в конце этого десятилетия [112]. И все же, несмотря на массовое освобождение ряда контингентов, к началу 1950-х гг. система спецпоселений в СССР достигла своего количественного пика. По данным на 1 января 1953 г., на спецучете состояли 2 753 356 чел., из них в наличии были 2 694 197. Подробная статистика по контингентам спецпоселенцев представлена в табл. 3.

Таблица 3

Контингенты спецпоселенцев на 1 января 1953 г. [113]

Контингент	Состояло на учете	В том числе		
		Находились в наличии	Числились в розыске	Были арестованы
1	2	3	4	5
1. НЕМЦЫ	1 224 931	1 209 430	834	14 667
Выселенные	855 674	846 340	642	8 692
Репатриированные	208 388	203 796	147	4 445
Местные	111 324	110 332	25	967
Мобилизованные	48 582	48 001	20	561
Другие	963	961	–	2
2. С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	498 452	489 118	107	9 227
Чеченцы	316 717	310 630	78	6 009
Ингуши	83 518	81 100	21	2 397
Карачаевцы	63 327	62 842	7	478
Балкарцы	33 214	32 887	1	326
Другие	1 676	1 659	–	17
3. ИЗ КРЫМА	204 698	199 215	333	5 150
Татары	165 259	160 734	207	4 318
Греки	14 760	14 486	33	241
Болгары	12 465	12 193	18	254
Армяне	8 570	8 310	44	216
Другие	3 644	3 492	31	121
4. «ОУНОВЦЫ»	175 063	171 566	358	3 139
5. ИЗ ПРИБАЛТИКИ (1945–1949 гг.)	139 957	138 337	162	1 458
Литовцы	81 158	80 189	157	812
Латыши	39 279	38 911	3	365
Эстонцы	19 520	19 237	2	281
6. ИЗ ГРУЗИИ в 1944 г.	86 663	86 100	55	508
Турки	46 790	46 516	39	235
Курды	8 843	8 694	11	138
Хемшилы	1 397	1 385	–	12
Другие	29 633	29 505	5	123
7. КАЛМЫКИ	81 475	79 376	59	2 040
8. «С ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ» в 1949 г.	57 142	56 858	5	279
Греки	37 352	37 188	1	163
«Дашнаки»	15 486	15 395	3	88
Турки	1 794	1 778	1	15
Другие	2 510	2 497	–	13

1	2	3	4	5
9. «ВЛАСОВЦЫ»	56 746	39 872	618	16 256
10. ПОЛЯКИ	36 045	35 820	6	219
11. ИЗ МОЛДАВИИ в 1949 г.	35 838	35 415	14	410
12. ПО УКАЗУ ПВС СССР от 2 июня 1948 г.	27 275	25 061	51	2 163
13. «БЫВШИЕ КУЛАКИ»	24 686	24 391	85	210
14. «КУЛАКИ» ИЗ ЛИТВЫ в 1951 г.	18 104	18 097	2	5
15. ИЗ ПРИБАЛТИКИ в 1940–1941 гг.	14 301	14 061	63	177
16. ИЗ ГРУЗИИ в 1951–1952 гг.	11 685	11 679	–	6
17. ИЗ МОЛДАВИИ в 1940–1941 гг.	9793	9727	5	61
18. «ИЕГОВИСТЫ»	9363	9324	1	38
19. ИЗ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ и РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ в 1942 г.	6 057	6 046	–	11
20. ИЗ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ УССР и БССР в 1940–1941 гг.	5 592	5 588	–	4
21. «ФОЛЬКСДОЙЧИ» и «НЕМЕЦКИЕ ПОСОБНИКИ»	4 834	4 674	33	127
22. ИРАНЦЫ	4 707	4 665	4	38
23. «АНДЕРСОВЦЫ»	4 520	4 515	1	4
24. «КУЛАКИ» ИЗ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ в 1952 г.	4 431	4 431	–	–
25. «БАСМАЧИ»	2 747	2 735	–	12
26. КАБАРДИНЦЫ	1 717	1 672	7	38
27. «КУЛАКИ» ИЗ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ в 1951 г.	1 445	1 445	–	–
28. ИЗ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ в 1950 г.	1 356	1 351	–	5
29. «КУЛАКИ» ИЗ ИЗМАЙЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ в 1948 г.	1 157	1 153	–	4
30. «ИСТИННО ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРИСТИАНЕ»	995	901	2	92
31. С ИРАНСКОЙ И АФГАНСКОЙ ГРАНИЦ в 1937 г.	916	916	–	–
32. ПО УКАЗУ ПВС СССР от 23 июля 1951 г.	591	585	3	3
33. ИНТЕРНИРОВАННЫЕ С ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ	74	74	–	–
ИТОГО:	2 753 356	2 694 197	2 808	56 351

Третья графа приведенной таблицы («числилось в розыске») требует отдельного комментария. Бегство из «мест обязательного проживания» являлось одной из самых острых проблем системы спецпоселений на всем протяжении ее существования, существенным образом (открыто или латентно) влиявшим и на ее статистику. До 1947 г. были официально зафиксированы 24 324 беглых поселенцев, из них задержанными значились 9 917, то есть менее половины [114]. Согласно другим данным (на 1 октября 1948 г.), из 2 104 751 чел., находившихся на этот момент в спецпоселениях, побег совершили 77 541, из них 20 955 так и находились в бегах. Больше всего беглецов (в абсолютном исчислении) приходилось на немцев (22 235), но в относительном выражении это составляло всего 2,2 % от общей численности, против 3,5 % у «северокавказцев», 4,4 % – у «крымчан», 9,3 % – у «власовцев» и 13,4 % – у «оуновцев» [115].

Кроме того, на учете в местных органах МВД продолжал числиться ряд «бывших кулаков», бежавших еще в 1930-е гг. В 1947 г. Отделу спецпоселений МВД СССР пришлось разослать на места специальное разъяснение, в котором предписывалось «бывших кулаков», бежавших до 1 января 1941 г., не подвергавшихся переучету, считать снятыми с учета спецпоселения, в соответствии с циркуляром НКВД СССР от 30 ноября 1944 г. № 257 [116]. Что же касается бежавших во время войны, то многие из них по-прежнему числились в розыске. Причем на часть этих лиц розыск был объявлен уже после войны [117].

Тем не менее к 1953 г. на спецпоселении содержалось максимальное число людей за весь советский период отечественной истории. Способствовали тому прежде всего новые сверхжесткие репрессивные меры центральных властей, предпринятые в конце 1940-х гг. Характерно, что учет депортируемых велся и в Москве

и на местах именно по потокам, шедшим на поселение во исполнение какого-то конкретного указа, распоряжения или комплекса директивных документов, посвященных одному этносу или социальному слою.

В перечне категорий спецпоселенцев, который приведен выше, ясно прослеживаются все основные волны этнических и социальных репрессий. Идея «перетасовки» народов, классов, слоев общества, подгоняемых квазимарксистским кнудом государства, перемешивание кипящего социального котла, разрушение всех старых классовых, сословных и национальных традиций – все это вполне импонировало политической стратегии сталинско-советского руководства и являлось, с его точки зрения, «игрой на опережение» реального или мнимого глобального противника.

Так, если предвоенными депортациями И.В. Сталин и его окружение готовили к войне с Германией и Японией приграничные области, а в период Великой Отечественной войны принудительным переселением немцев, калмыков, северокавказских и других народов пытались страхом и насилием скрепить единство этносов страны перед реальной угрозой ее целостности и независимости, то в послевоенные годы они просто мстят «предавшим», по их мнению, категориям населения («власовцы», бывшие военнопленные, репатрианты и т. п.) и «советизируют» вновь присоединенные к СССР страны и территории (Прибалтика, западные регионы Украины, Белоруссии и Молдавии). Чистка приграничных территорий является также одним из весомых доказательств того, что И.В. Сталин и его окружение всерьез готовились к войне с США и всем «западным миром», и здесь очередная безумная цель оправдывала самые чудовищные средства.

В целом же сеть спецпоселений являла собой воистину «смешение народов», подлинный «интернационал», где (и вполне естественно) симпатии составлявших его подневольных социумов были явно не на стороне «коммунистических идей» и тем более – советской власти, лишившей их свободы и родной земли. Сегодня можно лишь с сожалением констатировать, что в определенной мере спецпоселения 1940–1950-х гг. принесли, с точки зрения идеологии, результат, обратный тому, который от них ожидали в Кремле: они стали школой национализма и прежде всего в тех местах, где находились наиболее компактные и однородные группы репрессированных этносов.

Национальный состав 1 810 140 взрослых спецпоселенцев (17 лет и старше) на 1 января 1953 г. выглядел следующим образом: немцы – 778 975, чеченцы – 183 445, украинцы – 163 653, татары – 111 037, литовцы – 75 024, русские – 56 589, калмыки – 53 019, ингуши – 46 303, греки – 40 590, карачаевцы – 37 225, латыши – 33 102, поляки – 31 654, турки – 29 848, молдаване – 25 873, азербайджанцы – 20 860, армяне – 20 238, балкарцы – 19 762, эстонцы – 16 070, болгары – 11 432, грузины – 7 169, белорусы – 6 621, евреи – 5 168, курды – 4 993, узбеки – 3 459, казахи – 2 074, кабардинцы – 1 572, гагаузы – 1 352, ассирийцы – 1 257, таджики – 1 237, цыгане – 1 063, румыны – 977, хемшилы – 720, осетины – 616, башкиры – 529, чувашаи – 520, мордва – 480, туркмены – 430, киргизы – 399, иранцы – 380, карелы и финны – 375, кумыки – 375, аджарцы – 338, аварцы – 313, лазы – 265, каракалпаки – 212, удмурты – 193, чехи – 183, черкесы – 174, езиды – 174, абазинцы – 160, абхазцы – 153, лезгины – 127, марийцы – 123, буряты – 122, адыгейцы – 90, коми – 83, венгры – 74, австрийцы – 61, ногайцы – 59, даргинцы – 50.

Остальные взрослые спецпоселенцы (721 чел.) принадлежали к другим национальностям, из них 499 – представители коренных народов СССР (шорцы, алтайцы, тувинцы, табасараны, ханты, караимы, якуты, хакасы, эвенки, лакцы и другие), а 222 – из некоренных этносов (арабы, сербы, хорваты, словаки, шведы, норвежцы, албанцы, афганцы, китайцы и другие) [118]. Всего в перечне – люди 60 национальностей.

При этом в список не вошли «административно высланные» (корейцы, ингерманландцы и другие), также находившиеся под контролем органов МВД–МГБ, но не стоявшие на учете спецпоселения, т. е. находившиеся в качестве ссыльных в определенных им территориях – «без права возвращения к местам прежнего жительства», переезда в столичные, крупные и приграничные города или другие регионы страны.

Обращает на себя внимание сравнительно небольшая численность русских на спецпоселении. Если в ГУЛАГе они составляли львиную долю лагерного населения, то в спецпоселениях число их сравнительно невелико. В основном (после практической ликвидации «кулацкой ссылки»), они составляли лишь две категории спецпоселенцев: «власовцы» (подавляющее большинство) и крестьяне-колхозники, не выработавшие установленный минимум трудодней и сосланные по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. (так называемые «тунеядцы»).

Особого внимания заслуживает такой малоизученный аспект рассматриваемой темы, как содержание в системе спецпоселений иностранных подданных («иноподданных») и лиц без гражданства. По данным на 1 января 1953 г., на спецпоселении находились в наличии 28 388 «иноподданных» и лиц без гражданства, в том числе: подданных (граждан) Греции – 23 609, Ирана – 1 368, Турции – 568, Германии – 49, Польши – 31, Румынии – 9, Франции – 4, Чехословакии – 3, Голландии – 3, Венгрии – 2, Австрии – 2, Финляндии – 1, Югославии – 1 (всего – 13 государств). Лиц без гражданства насчитывалось 2 738. Более всего спецпоселенцев-«иностранцев» находилось в Казахстане (24 787), остальные были расселены еще в 21 регионе СССР либо содержались в ИТЛ или на спецстройках МВД [119]. Кроме того, на спецпоселении находились, очевидно,

тысячи бывших «иноподданных», принятых в советское гражданство. Это в основном бывшие подданные Греции, Ирана и Турции. Однако обнаруженные к настоящему времени документальные источники об этих людях имеют фрагментарный, разрозненный и малосодержательный характер [120].

Один из самых суровых уроков истории нашей страны в XX в. заключается в том, что любая репрессия этноса либо его части – это неизбежно «школа национализма». В этой «школе» закладываются основы определенной идеологии, которая затем (на определенном этапе и при известных условиях) переходит в реальную политику, воплощается на практике. Взлет националистических движений в конце 1980-х – начале 1990-х гг., а в конечном итоге и распад СССР – в существенной степени были спровоцированы и инициированы именно той системой идей, которая вызрела на культивированной сталинизмом ядовитой «спецпоселенческой почве» в 1940–1950-х гг. и которая до сих пор травмирует национальную ментальность репрессированных народов.

Что касается географии размещения спецпоселений в СССР (по состоянию на 1 января 1953 г.), то самой обширной «депортационной зоной» страны стал степной и малолюдный прежде Казахстан: на поселении там находились почти 1 000 000 чел. Около половины из них составляли немцы, а преобладающую часть другой половины – чеченцы и ингуши. Основные сферы «трудоиспользования» – горнодобывающая промышленность и сельское хозяйство. Более 380 000 спецпоселенцев – в среднеазиатских республиках. В Узбекистане – около 190 000 чел., из которых основная часть – «крымчане», а также турки-месхетинцы. В Киргизии – около 145 000 чел., главным образом – «северокавказцы» и немцы. В Таджикистане – чуть более 46 000 чел., преимущественно – немцы и «власовцы». В Туркмении – лишь около 2 000 чел. (также немцы и «власовцы»).

На втором (после Казахстана) месте из регионов страны по количеству спецпоселенцев – Западная Сибирь. Это – и шахты Кузбасса, и промышленные предприятия, и леспромхозы, и сельское хозяйство. Здесь находились на учете поселения около 758 000 чел. (из них немцев – более 400 000), в том числе: в Кемеровской области – около 122 000 (64 653), в Красноярском крае – более 151 000 (62 443), в Алтайском крае – около 139 000 (97 616), в Новосибирской области – более 110 000 (78 873), в Томской области – более 80 000 (26 006), в Омской области – более 87 000 (42 299), в Тюменской области – около 69 000 (28 695) чел.

Следующий по значимости регион ссылки – Урал. Здесь на учете спецпоселения значились около 230 000 чел. В том числе: в Молотовской области – более 87 000 чел., в Свердловской области – более 77 000, в Челябинской области – около 53 000, в Оренбургской области – более 13 000 чел. Объекты «трудоиспользования» спецпоселенцев: прежде всего – тяжелая промышленность, лагерь и стройки МВД СССР.

В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке спецпоселенцев было меньше – около 192 500 чел. В Иркутской области находились около 92 000, в Амурской области – около 17 000, Читинской области – более 10 000, Сахалинской области – около 3 500, Приморском крае – более 2 000, Хабаровском крае – около 36 000, Якутии – около 18 000, Бурятии – около 14 000 чел. Отдельно зафиксированы здесь около 30 000 спецпоселенцев Дальстроя МВД СССР (Магаданская область) – как неотъемлемая составная часть населения «лагерной империи» Колымы.

На Европейском Севере России (в отличие от первого – «кулацкого» – периода ссылки) в ходе депортации «наказанных» народов размещено значительно меньше спецпоселенцев – около 72 500 чел. Из них: в Архангельской области – более 17 000, Вологодской области – более 10 000, Костромской области – около 9 000, Кировской области – более 11 000, Мурманской области – более 1 500, в Коми АССР – более 24 000 чел. Трудоустройство: лесная промышленность (леспромхозы и лесные лагеря ГУЛАГа), шахты (Коми АССР), сельское хозяйство.

В Поволжье и Приуралье больше всего спецпоселенцев в Башкирской АССР – около 19 000, Марийской АССР – более 11 000, Удмуртской АССР – более 11 500, Куйбышевской области – около 6 000, Горьковской области – более 4 500, Татарской АССР – около 2 000 чел. В основном это так называемые «местные» немцы, поставленные на учет спецпоселения после войны, а также «власовцы», «закрепленные» на стройках и заводах. В центре страны спецпоселенцы работали на стройках, заводах и в шахтах Тульской (более 15 000 чел.), Московской (более 7 000), Ивановской (более 2 000) и Рязанской (около 1 600) областей. В западных регионах СССР и РСФСР, а также на основной части территории юга России поселенцев не было вообще [121].

Кроме того, для десятков тысяч спецпоселенцев «местом обязательного жительства» являлись исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) ГУЛАГа и «спецстройки» МВД СССР. Они не были заключенными, но жили и работали в ИТЛ, оставаясь спецпоселенцами. В январе 1953 г. в ИТЛ были учтены 25 911 спецпоселенцев, в том числе (по категориям): «немцы» – 13 886; «оуновцы» – 4 490; «власовцы» – 3 715; «по Указу ПВС СССР от 02.06.1948 года» – 1 490; «из Псковской области» – 954; «из Прибалтики в 1945–1949 годах» – 508; «калмыки» – 502; «бывшие кулаки» – 233; «из Крыма» – 58; «с Северного Кавказа» – 45; «фольксдойчи» и «немецкие пособники» – 11; «из Грузии в 1944 году» – 8; «из Молдавии в 1949 году» – 7; «с Черноморского побережья» – 4 [122].

По данным на 1 октября 1949 г., ИТЛ и спецстройки МВД являлись местом жительства и работы для 53 401 спецпоселенца. Из них находились:

– в Коми АССР – 16 720 чел., в том числе: Воркутлаг – 7 430, Ухтижемлаг – 5 850, Севпечлаг – 2 357, Минеральный ИТЛ – 799, Севжелдорлаг – 218, Устьвымлаг – 66;

- в Кемеровской области – 6 115 чел., в том числе: Южкузбаслаг – 3 262, Севкузбаслаг – 2 853;
- в Челябинской области – 5 921 чел., в том числе: ИТЛ строительства № 247–5.054, Челяблаг – 867;
- в Красноярском крае – 4 652 чел., в том числе: Норильлаг – 3 898, Краслаг – 647, завод № 169–107;
- в Молотовской области – 4 419 чел., в том числе: ИТЛ строительства № 915–2.374, Ныроблаг – 1 054, Усоьлаг – 725, Косвинстрой – 206, Кизеллаг – 60;
- в Свердловской области – 4 103 чел., в том числе: Востураллаг – 1 411, Ивдельлаг – 1 258, Севураллаг – 981, ИТЛ строительства № 353–453;
- в Удмуртской АССР (ИТЛ строительства № 384) – 2 816 чел.;
- в Иркутской области – 1 542 чел., в том числе: ИТЛ строительства № 16 – 1 240, Ангарлаг – 302;
- в Московской области (Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний – УИТЛК) [123] – 1 485;
- в Хабаровском крае (Нижамурлаг) – 1 245;
- в Тюменской области (Обский ИТЛ и строительство № 501) – 1 200;
- в Горьковской области – 684 чел., в том числе: ИТЛ строительства № 560, Шеманихинский лесоучасток – 390, Унжлаг – 294;
- в Читинской области (Борский ИТЛ) – 510;
- в Кировской области (Вятлаг) – 474;
- в Ульяновской области (совхоз имени Сакко и Ванцетти) – 453;
- в Ростовской области (Цимлянский ИТЛ) – 371;
- в Башкирской АССР (ИТЛ строительства № 18) – 324;
- в Сталинградской области (Калачевский ИТЛ) – 211;
- в Вологодской области (Вытегорстрой) – 156 [124].

Таким образом, идеология и политика расселения «наказанных» народов и социумов предусматривали водворение их в относительно пустынные и малонаселенные окраинные регионы страны, промышленность и сельское хозяйство которых остро нуждались в рабочей силе. При этом только в «центре» определяли приоритетность развития тех или иных территорий, учитывая, естественно, уже сложившуюся в 1930-е гг. инфраструктуру сети спецпоселений и лагерей СССР. В результате, по данным на конец 1940-х гг., в сельском хозяйстве, если применять юридическую терминологию того времени, отбывали трудовую повинность 1 014 270 спецпоселенцев, на угледобыче – 212 294, в лесной промышленности – 180 405, в других отраслях «народного хозяйства» – 752 832, а на предприятиях МВД СССР – 95 619 чел. [125]. Следовательно, более половины взрослых поселенцев работали в сельском хозяйстве – в зонах неблагоприятного для земледелия климата, в условиях подневольного труда и плохо организованного, низкотехнологичного, малопродуктивного производства.

Последний этап в истории спецпоселений – период с марта 1953 г. до конца 1950-х гг. – находится вне хронологических рамок настоящего исследования. Вместе с тем нельзя не отметить, что это – время подготовки и проведения массовых амнистий, последовательного освобождения поселенцев и ссыльных, а в конечном итоге – ликвидации структуры спецпоселений и ссылки как системы массовых репрессий против граждан СССР (хотя рецидивы этой политики и практики давали о себе знать и в последующие годы – кампания против «тунеядства», «бродяжничества», «диссидентов» и т.п.) [126].

Что же касается рубежа 1940–1950-х гг., то в это время система спецпоселений в СССР достигла апогея в своем развитии. Однако за фасадом этого социально-демографического монстра отчетливо просматривались контуры его исторической бесперспективности. Эта система могла существовать только в условиях жесточайшего политического режима, применения ко всем гражданам, в том числе находящимся в местах лишения свободы, самых циничных методов устрашения.

Но такая ситуация на нынешнем цивилизационном этапе не может сохраняться долго. И сколько-нибудь серьезные изменения на вершине этой перевернутой политической пирамиды (в данном конкретном случае – смерть диктатора, И.В. Сталина) способны обрушить всю систему. Даже относительная постсталинская политическая «оттепель», растянувшаяся (при всех ее «колебаниях») до начала 1990-х гг., оказалась губительной для советской государственной пирамиды, в том числе – и для системы спецпоселений.

Источники и литература

1. Бердинских В.А. Указ. соч. С. 745.
2. Шендерюк М.Г. Кто они – первые переселенцы в самую западную? // Тезисы докладов и сообщений VI конференции Ассоциации «История и компьютер» (Звенигород, 26–29 марта 1998 г.). Инф. бюлл. № 23. Март 1998 г. М., 1998. С. 142–144, со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 139. Л. 104–105, 194–197.
3. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 113–114.
4. Бердинских В.А. Указ. соч. С. 740.
5. Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997. С. 77.
6. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 122.

7. ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.
8. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 126.
9. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 14.
10. Там же. Д. 725. Л. 69; Там же. Д. 573. Л. 377.
11. Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 207. Б/л.
12. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 302.
13. Там же. Д. 157. Л. 83.
14. *Бугай Н.Ф.* Депортация // Политический собеседник. 1990. № 6. С. 41.
15. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 17.
16. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 127.
17. Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 2.
18. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 305.
19. Там же. Д. 436. Л. 14.
20. Там же. Д. 487. Л. 224.
21. Уголовный кодекс РСФСР. С. 49.
22. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 573. Л. 385; Ф. 9401. Оп. 2. Д. 451. Л. 126.
23. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 741–742.
24. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 17; Д. 238. Л. 17.
25. *Дугин А.Н.* Указ. соч. с. 96.
26. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 747.
27. См.: Уголовный кодекс РСФСР. С. 27, 98.
28. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 207. Б/л.
29. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 573. Л. 290.
30. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 134.
31. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 47а. Д. 81. Л. 3, 6; Ф. 9408. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.
32. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 133.
33. ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 950. Л. 130–131, 146.
34. Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР (до 1945 г. – УПВИ). *Полян П.М.* Указ. соч. С. 296.
35. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 65. Л. 1–2; Ф. 5446. Оп. 49а. Д. 62. Л. 7.
36. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 489. Л. 39, 43.
37. Там же. Д. 597. Л. 238.
38. Докладная записка 9-го управления МГБ СССР от 31 октября 1952 г. на имя министра государственной безопасности СССР С.Д. Игнатьева // ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 614. Л. 175–176.
39. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 744.
40. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 46.
41. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 642. Л. 270, 281–284; Д. 643. Л. 3.
42. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину. С. 236.
43. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 10, 309.
44. Там же. Д. 484. Л. 12; Д. 487. Л. 162, 223, 290.
45. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 155.
46. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 17.
47. Там же. Д. 641. Л. 311.
48. Там же. Д. 267. Л. 238.
49. *Стродс Х.П.* Депортация населения Прибалтийских стран // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 134.
50. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 235. Л. 27, 35.
51. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 597. Л. 16–17; Д. 641. Л. 38–40, 58–59, 297.
52. Там же. Л. 297, 386.
53. Л. Берия – И. Сталину. С. 232, со ссылкой на: ГАРФ. Ф.Р-7523. Оп. 109. Д. 195. Л. 52, 53.
54. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 311.
55. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 745.
56. *Пассат В.И.* Трудные страницы истории Молдовы: 1940–1950. М., 1994. С. 38–39.
57. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 746.
58. *Пассат В.И.* Указ. соч. С. 42.
59. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 725. Л. 86.
60. Там же. Д. 484. Л. 52.
61. Там же. Д. 641. Л. 308.
62. Там же. Д. 436. Л. 19–20.
63. Там же. Д. 482. Л. 12, 18.
64. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 745.
65. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 157.
66. *Иванова Г.М.* Указ. соч. С. 62–63.

67. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 104, 200–202.
68. Там же. Д. 436. Л. 104.
69. Там же. Л. 197.
70. Там же. Л. 199.
71. Там же. Л. 198.
72. Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 480. Л. 231–232.
73. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 642. Л. 280.
74. Там же. Д. 641. Л. 308.
75. Там же. Л. 299; Ф. 5446. Оп. 816. Д. 6570. Л. 89, 111, 195–196.
76. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 315.
77. *Пассат В.И.* Указ. соч. С. 52–53.
78. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 642. Л. 303.
79. Там же. Д. 641. Л. 298.
80. Там же. Л. 308; Д. 642. Л. 17–18, 284.
81. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 184.
82. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 642. Л. 14–15.
83. Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 207. Б/л.
84. *Полян П.М.* Указ. соч. С. 143.
85. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2410. Л. 178; Оп. 12. Д. 207. Б/л.
86. Там же. Оп. 2. Д. 173. Л. 70.
87. Там же. Л. 71; Оп. 12. Д. 207. Б/л.
88. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 135.
89. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 394. Л. 5–6.
90. Там же. Оп. 12. Д. 207. Б/л.
91. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 614. Л. 178–179.
92. Там же. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 1596. Л. 147–148.
93. Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 17. Ст. 345.
94. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 727, 734.
95. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 65; Д. 642. Л. 291.
96. Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 207. Б/л.
97. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 245. Л. 190–251, 262.
98. Там же. Д. 949. Л. 79.
99. Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2823. Л. 142–143.
100. Там же. Ф. 5446. Оп. 48а. Д. 2544. Л. 3.
101. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 265. Л. 77.
102. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 743.
103. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2466. Л. 187.
104. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 29–32; Д. 488. Л. 307–310.
105. Там же.
106. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 146, 148.
107. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 327. Л. 64–66.
108. Там же. Д. 611. Л. 254.
109. Там же. Д. 388. Л. 17–18.
110. Там же. Д. 436. Л. 18; Д. 492. Л. 82–84, 100, 103; Д. 643. Л. 3.
111. Там же. Д. 363. Л. 322, 324; Д. 364. Л. 268, 270; Д. 365. Л. 296, 298; Д. 366. Л. 282, 292; Д. 848. Л. 84.
112. См., напр.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1958 г. «О снятии ограничений с некоторых категорий спецпоселенцев» // Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 207. Б/л.
113. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 31445. Л. 20.
114. *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Указ. соч. С. 237.
115. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 388. Л. 2.
116. Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2510. Л. 318.
117. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 9–12.
118. Там же. Л. 69–70, 114, 121, 127.
119. Там же. Д. 436. Л. 89; Д. 641. Л. 74–75.
120. См. напр.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 642. Л. 119.
121. Там же. Д. 641. Л. 22–68, 130–168.
122. Там же. Д. 486. Л. 218.
123. Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний при территориальном органе МВД (в союзных и автономных республиках, краях, областях).
124. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 412–415.
125. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину. С. 251.
126. См., напр.: *Амальрик А.А.* Нежеланное путешествие в Сибирь. Нью-Йорк, 1970. 294 с.

Глава 2 ОСОБЕННОСТИ ИНФРАСТРУКТУРЫ СИСТЕМЫ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ

§ 1. Особенности структуры управления и надзора в спецпоселениях

Нормативная и организационная инфраструктура системы спецпоселений в СССР была в основном создана к середине 1930-х гг. Причем если 1930–1932 гг. – это период массового переселения «раскулаченных», то 1933–1936 гг. – время формирования устойчивой сети спецпоселений, их административно-хозяйственного устройства, разработки нормативных документов о спецпоселках и спецпереселенцах, что явилось базой для еще более масштабных принудительно-депортационных акций в 1940-х гг.

Кроме того, если до июля 1931 г. за начальную стадию переселения (организацию высылки раскулаченных и транспортные перевозки) отвечали органы ОГПУ, организация специальных поселков, управление ими и использование их «контингентов» в качестве рабочей силы осуществлялись под руководством и контролем региональных органов исполнительной власти (в республиках, краях и областях), а административным управлением спецпереселенцами и использованием их труда ведали комендантские отделы при территориальных органах милиции (НКВД–УНКВД), то впоследствии (в частности, постановлением СНК СССР от 1 июля 1931 г. «Об устройстве спецпереселенцев», постановлениями СНК СССР от 16 августа 1931 г. № 174с, от 20 апреля 1933 г. № 775/146с и от 21 августа 1933 г. № 1796/393с) весь комплекс вопросов спецпоселений (административное управление ими, ответственность за их хозяйственное устройство, за социально-бытовое обслуживание, трудоустройство выселенных и надзор за ними) был возложен на ОГПУ–НКВД СССР [1].

Весьма подробное представление о том, что включал в себя этот комплекс, дает директива ГУЛАГа ОГПУ от 6 июля 1931 г., в которой определяется перечень разделов, по которым полномочные представители ОГПУ на местах обязаны были представить соответствующую информацию. Эти разделы формулировались следующим образом:

«...1. Дислокация спецпоселений (месторасположение, количество семей и человек в каждом поселке, количество трудоспособных и нетрудоспособных, детей).

2. Административный аппарат Управления спецпоселений и их охрана (личный состав комендатур и охраны, количество коммунистов, комсомольцев, беспартийных, наличие чекистов, состояние учета спецпереселенцев; кем и как управляется каждый поселок; наличие побегов, сколько убежало, сколько поймано; какая сумма отчислений от заработка спецпереселенцев, какой процент отчислений).

3. Жилищное состояние (обеспечение спецпереселенцев жилплощадью, количество домов, барачков и других жилищ, нормы жилплощади, участие хозорганизаций в жилищном строительстве).

4. Экономическое положение спецпереселенцев (с какими хозорганизациями заключены договора на использование рабочей силы, какой процент трудоспособных используется, средний прожиточный минимум семьи спецпереселенца, занятого на производстве, и одиночки, сравнение с зарплатой вольнонаемного, какие отчисления с зарплаты в фонд спецпоселения, какие вычеты; продолжительность рабочего дня, нормы выработки; охрана труда, обеспеченность спецодеждой).

5. О спецпереселенцах, занятых в сельском хозяйстве (сколько занято, обеспеченность с/х инвентарем, тягловой силой, семенами; кустарные промыслы, артели, какие и сколько в них занято).

6. Продовольственное и промтоварное снабжение (по каким нормам снабжаются работающие и неработающие, нормы детского пайка, какая возможность спецпереселенцев приобретать по норме продовольствие, снабжение промтоварами; случаи голода и заболеваний на почве голода; злоупотребления в снабжении).

7. Медицинское обслуживание (количество медпунктов, амбулаторий, больниц, количество медперсонала; распространенность заболеваний, какие; количество бань, дезкамер; медобслуживание и смертность среди детей; рождаемость и смертность).

8. Культурное обслуживание (количество школ, учителей, процент охвата детей, мероприятия по ликвидации неграмотности и малограмотности; газеты, журналы; наличие изб-читален).

9. Работа среди молодежи (привлечение молодежи на производство, организация молодежных бригад, внедрение социалистических методов труда; культработа, кружки, курсы; отношение к труду).

10. Настроение кулачества (общее настроение, отношение к труду, случаи недовольства, есть ли контрреволюционные группировки, бывшие белые офицеры, бандиты, попы)» [2].

Таким образом, процитированная директива ГУЛАГа ОГПУ охватывала, по сути, весь комплекс вопросов, связанных с управлением спецпоселками и с положением спецпереселенцев при передаче их в полное ведение ОГПУ. Этот круг вопросов (с несущественными модификациями при смене «кураторов» – от НКВД до МГБ) оставался определяющим для системы спецпоселений и в последующие годы.

Нормативные документы по этим вопросам стали разрабатываться уже в ходе массового выселения и расселения «раскулаченных» крестьянских хозяйств (семей) [3]. Вместе с тем, поскольку выселение и расселение «раскулаченных» семей – как в пределах собственно регионов («третья категория»), так и за их пределами («первая» и «вторая» категории) – начались уже в феврале 1930 г., а общегосударственные нормативные документы (положения, инструкции и т.п.), определявшие конкретный порядок последепортационного содержания выселенных отсутствовали, то местные органы власти (в республиках, краях и областях) разрабатывали и принимали собственные директивные установления в этой сфере.

Так, 28 февраля 1930 г. Средне-Волжский крайисполком утвердил «Инструкцию о расселении кулацких хозяйств, оставленных в пределах районов и округов Средне-Волжского края», а 18 апреля 1930 г. – «Положение об управлении кулацкими постройками»; в марте 1930 г. Административное управление Нижегородского крайисполкома разработало проект «Положения об особых административных поселках, образующихся из лиц кулацкого и антисоветского элемента», в 12 апреля 1930 г. крайисполком утвердил этот «Положение»; тогда же аналогичные документы были подготовлены Сибирским и Северным крайисполкомами [4]. В данных документах устанавливался режимный порядок для «расселяемых 3-й категории». Что же касается спецпереселенцев «первой и второй категорий», то для них соответствующие документы («положения» и «инструкции») разрабатывались и принимались только в Северном и Сибирском краях, а также в Уральской области, то есть там, куда выселялись «раскулаченные» из других регионов [5].

Первым общегосударственным актом, определявшим порядок управления спецпоселками и содержания спецпереселенцев в них, явилось постановление ЦИК и СНК СССР «О специальных поселках», принятое 3 октября 1930 г., то есть более чем семь месяцев спустя после начала массового выселения [6]. В соответствии с данным постановлением возлагались:

- планирование территориального размещения спецпоселков «вне районов сплошной коллективизации», а также «использования населения этих поселков в качестве рабочей силы для выполнения государственных заданий» – на Наркомзем, ВСНХ, Наркомтруд СССР и НКВД союзных республик (при заключении соответствующих соглашений);

- руководство и контроль организации спецпоселков во всех регионах, а также «использования населения этих поселков в качестве рабочей силы» – на территориальные органы исполнительной власти (совнаркомы союзных республик, а в РСФСР – краевые и областные исполкомы);

- осуществление непосредственного управления спецпоселками – на местные райисполкомы – через назначаемого в каждом поселке уполномоченного;

- наблюдение за спецпоселками, а также за деятельностью «уполномоченных по управлению поселками» (далее по тексту – «уполномоченных») – на «ближайшие сельские советы».

При этом оговаривалось, что «сельские советы не имеют права вмешиваться в деятельность уполномоченного и сообщают все свои замечания и предложения районному исполкому». Уполномоченный (в обиходе, а затем и в юридических документах – «комендант») наделялся статусом высшего должностного лица в спецпоселке. Перечень его основных обязанностей и полномочий включает в себя 16 пунктов, в частности:

- «надзор за исполнением на территории поселка законов и постановлений органов власти и привлечение к ответственности нарушителей законов, а также законных распоряжений самого уполномоченного»;

- «проведение в жизнь хозяйственных заданий, возложенных на население поселка»;

- «привлечение населения поселка в качестве рабочей силы по заявкам соответствующих хозяйственных органов»;

- «наблюдение за правильным использованием живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря, принадлежащего населению поселка», а также за «правильным использованием и содержанием в исправности коммунального имущества (школы, пункты по ликвидации неграмотности, ясли, детские площадки, пожарный инвентарь, колодцы и т.п.)»; кроме того, пунктом 15 данного постановления объявлялось, что принадлежащий спецпереселенцам «живой и мертвый инвентарь состоит на учете уполномоченного ... и не может быть продан или заложен своими владельцами»;

- «учет объектов обложения, исчисление и взимание общегосударственных и местных налогов с населения поселка на основании особых правил, издаваемых Наркомфином СССР»; при этом примечанием к пункту 14

постановления оговаривалось, что «общие законы о самообложении на население спецпоселков не распространяются»;

- проведение (на правах органов милиции) «предварительного расследования преступлений, совершенных на территории поселка»;
- «наблюдение за благоустройством и санитарным состоянием поселка», «за содержанием в исправности дорог», а также «организация пожарной охраны в поселке»;
- «организация борьбы с эпидемиями и эпизоотиями»;
- «проведение мероприятий по охране материнства и младенчества», а также по «охвату несовершеннолетних школьным обучением»;
- «наблюдение за снабжением населения поселка продовольствием и промтоварами согласно установленным нормам»;
- «организация политико-просветительной работы среди населения поселка, в первую очередь среди молодежи»;
- «учет населения поселка и запись всех актов гражданского состояния»;
- «выдача разрешений на устройство в поселке собраний, публичных зрелищ и т.п.»;
- составление смет расходов «на хозяйственные и культурно-бытовые нужды», а также «по содержанию управленческого аппарата поселка и представление этих смет на утверждение райисполкома».

Для выполнения технической работы уполномоченный назначал себе в помощь «исполнителей» из спецпереселенцев («в количестве не более одного на десять дворов»); к «исполнителям, особенно старательно выполняющим возложенные на них обязанности», применялись «меры поощрения». Уполномоченный мог «назначать комиссии из населения поселка» (сельскохозяйственную, культурно-бытовую и местного хозяйственного обустройства), в состав которых должна была назначаться «в особенности молодежь». Уполномоченному придавались «технический рабочий аппарат», штаты которого утверждались райисполкомом, а также «младшие милиционеры из расчета один на 50 дворов, но не меньше одного на поселок».

Порядок привлечения спецпереселенцев «в качестве рабочей силы» и оплаты их труда должен был определяться «правилами, издаваемыми Наркомтрудом СССР по соглашению с ВСНХ СССР, Наркомземом СССР и НКВД союзных республик». На спецпереселенцев, занимавшихся сельским хозяйством, возлагались специальные задания («количество подлежащих сдаче товарных излишков, размеры семенных фондов, агроминимум и т.д.»), которые устанавливались райисполкомом для каждого поселка в целом, а между отдельными хозяйствами распределялись распоряжением уполномоченного. Издание правил о возложении этих обязательных заданий должно было осуществляться Наркомземом СССР по соглашению Наркомторгом СССР.

Все расходы на хозяйственные и культурно-бытовые нужды спецпоселков должны были производиться «из средств населения этих поселков» по смете, утверждаемой райисполкомом, и по правилам, издаваемым Наркомфином СССР по соглашению с НКВД союзных республик. Подчеркивалось, что «средства на эти нужды по общегосударственному и местному бюджету не отпускаются». В то же время расходы по содержанию «всего управленческого аппарата» спецпоселка относились на счет бюджета райисполкома.

Кроме того, при отсутствии в спецпоселке «необходимых социально-культурных учреждений» (школы, медпункта и т.п.) его «население» должно было «обслуживаться общими учреждениями» этой сферы, подведомственными местному райисполкому и сельсовету. При этом на спецпереселенцев возлагались «в соответствующей части» расходы по содержанию этих учреждений. «За счет спецпоселка» должны были содержаться также (в соответствии с «правилами, издаваемыми НКВД союзных республик по соглашению с наркоматами соцобеспечения этих республик») спецпереселенцы, «утратившие трудоспособность и не имеющие родственников, обязанных их содержать по действующим законам».

В постановлении определялась ответственность спецпереселенцев за различного рода нарушения установленных правил. Прежде всего это касалось порядка передвижения. Пунктом 17 устанавливалось, что право передвижения для «лиц, водворенных в спецпоселки, ограничено». Они могли покинуть территорию этих поселков «только в случаях и порядке, предусмотренных правилами, издаваемыми НКВД союзных республик». Теми же правилами определялись «случаи и порядок допущения на территории спецпоселков посторонних лиц».

За самовольное оставление территории спецпоселка, не являющееся побегом (а таковым считалось, согласно пункту 21, «самовольное оставление» спецпоселка, если «отсутствие продолжалось свыше трех суток» или если «отсутствие продолжалось хотя и менее трех суток, но из действий лица, оставившего поселок, обнаруживается намерение на длительный срок или вовсе покинуть поселок», что влекло за собой «направление в исправительно-трудовой лагерь по постановлению ОГПУ»), а также за «отказ от работы и умышленное невыполнение работы или заданий» предусматривались «штраф до 50 рублей или арест на срок до одного месяца, налагаемые в административном порядке», а за «совершение указанных действий более трех раз или совершение их группой» – «направление в исправительно-трудовой лагерь по постановлению ОГПУ».

Согласно пункту 25 постановления, уполномоченный имел право за административные нарушения наложить штраф до 25 руб., а райисполком (по сообщению уполномоченного) – наложить штраф до 50 руб. или подвергнуть нарушителя аресту на срок до одного месяца. При этом спецпереселенцы в районах «сплошной коллективизации» за совершение перечисленных противоправных деяний (в том числе побегов) подлежали переводу в спецпоселки вне этих районов – по постановлению райисполкома.

Особо оговаривалось (пункты 25 и 26), что жалобы на действия уполномоченного и других должностных лиц спецпереселенцы могли подавать председателю райисполкома и местному прокурору. Причем постановления райисполкома о наложении административных взысканий, а также по жалобам «на уполномоченного о неправильном наложении штрафа» постулировались как «окончательные». Что касается ответственности за совершение иных (уголовных и административных) правонарушений, то к ней спецпереселенцы должны были привлекаться «на основании общих уголовных (материальных и процессуальных) законов Союза ССР и союзных республик».

В постановлении определялся порядок «выхода из специального поселка» несовершеннолетних членов «кулацких» семей. При этом:

– не достигшие к 1 января 1930 г. 16-летнего возраста могли «выходить из состава специальных поселков по достижении ими этого возраста», однако при этом они посылались на работы «в пределах того края (области) или округа, где расположен специальный поселок», но «не в пределах того райисполкома, в ведении которого находится поселок, из состава которого данное лицо вышло»;

– не достигшие 14-летнего возраста могли быть, «с согласия родителей или заменяющих их лиц», взяты «на воспитание общественными организациями и отдельными трудящимися, причем эти организации и трудящиеся должны дать обязательство содержать взятых на воспитание детей до их совершеннолетия».

Впервые в постановлении было декларировано право на «выход» из спецпоселка и для совершеннолетних поселенцев – «после истечения не менее чем 5-летнего пребывания» в нем. Разрешение на такой «выход» предоставлялось «по особому каждый раз постановлению райисполкома», утверждаемому «краевым (областным) или окружным исполкомом» и в том случае, когда эти («выходящие») лица «на деле доказали свою лояльность к Советской власти и неуклонно выполняли возложенные на них государством обязанности». При этом «вышедшие» из спецпоселков люди обязаны были «оставаться в пределах края (области) или округа, а порядок их «приписки и хозяйственного устройства» определялся «краевыми (областными) исполкомами (в РСФСР) и совнаркоммами (в других союзных республиках)». Таким образом, оговорки и условия, которыми обставлялась возможность «выхода» из спецпоселка, делали этот «выход» либо практически невозможным, либо номинальным.

Весной 1931 г., с началом нового этапа высылки «раскулаченных» крестьян, меняется и вся система управления системой спецпоселений. В отличие от практики предшествующего периода, когда органы ОГПУ отвечали только за начальную стадию переселения, весенне-летняя операция 1931 г. полностью, включая расселение, хозяйственное устройство и использование труда высланных, переходили в ведение ОГПУ. 15 мая 1931 г. специальная комиссия ЦК ВКП(б), руководившая выселением и расселением «кулаков» («комиссия Андреева»), принимает решение: «ввиду безобразного использования рабочей силы спецпереселенцев и беспорядка в содержании хозорганами... передать целиком в ОГПУ хозяйственное, административное и организационное управление по спецпереселенцам, а также все материальные и денежные фонды, отпущенные на спецпереселение».

Было предложено организовать для этой цели «специальный аппарат управления при ОГПУ» и при его территориальных полномочных представительствах (ПП). Трудовое использование спецпереселенцев органами ОГПУ должно было «производиться как путем заключения специальных договоров с отдельными хозорганами, так и непосредственно организацией различных хозяйственных предприятий» [7]. Приказом ОГПУ от 3 июня 1931 г. № 285/162 для «чекистского наблюдения» за районами выселения «кулаков» был сформирован отдел по спецпоселениям (ОСП) в составе ГУЛАГа ОГПУ СССР. В течение 1931 г., в соответствии с отдельными приказами ОГПУ в ряде полномочных представительств, на подведомственной территории которых располагались спецкомендатуры и поселки для административно высланных и ссыльных, создавались инспекции или отделы по спецпоселенцам [8].

Государственно-нормативное оформление новой системы управления системой спецпоселений было закреплено постановлением СНК СССР от 1 июля 1931 г. № 130сс «Об устройстве спецпереселенцев», которое поручало «ОГПУ административное управление всеми спецпереселенцами и хозяйственное использование их труда» [9]. Местные комендантские отделы НКВД подлежали реформированию. Вместо них, а зачастую на основе их штатов, создавались отделы спецпоселений (ОСП) – структурные подразделения в составе Главного и территориальных управлений исправительно-трудовых лагерей ОГПУ. Причем, в отличие от НКВД РСФСР, ОГПУ с самого начала добилось права распоряжаться по своему усмотрению значительными материальными и денежными фондами и ресурсами, а также контролировать распределение средств, отпущенных хозяйственными организациями на нужды спецпереселенцев [10].

В свою очередь, ОГПУ СССР 25 октября 1931 г. утвердило «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев». Положение состоит из восьми разделов, регламентирующих права и обязанности спецпереселенцев и комендатур ОГПУ, порядок привлечения к ответственности спецпереселенцев за уголовные преступления, прокурорского надзора, регистрации актов гражданского состояния. В качестве дополнения к основному документу прилагалась инструкция «О формах привлечения спецпереселенцев к охране порядка в поселках и выполнению общественных и административных функций» [11]. Аспекты «правового положения» спецпоселенцев детально рассматриваются в параграфе четвертом настоящей главы.

Что же касается вопросов административного управления спецпоселениями, то во вводной части «Временного положения» указывается, что для его осуществления, а также для организации «труда и быта» спецпоселенцев создаются поселковые комендатуры ОГПУ, которые подчиняются «или непосредственно отделам по спецпереселенцам при ПП ОГПУ или участковым и районным комендатурам (в зависимости от местной структуры)». Комендатуры ОГПУ, помимо своих оперативных и хозяйственных функций, осуществляют «обычные административные функции, присвоенные советским органам в населенных местах, руководствуясь положением о сельсоветах».

Прежде всего, комендатуры ОГПУ, которые «в части выполнения ими функций сельсоветов» обязаны были работать «под руководством райисполкомов», являлись проводниками в спецпоселках «законов СССР, распоряжений правительства и местных органов власти, касающихся всех граждан и спецпереселенцев в том числе». При этом органы ОГПУ, управляющие спецпоселениями, выстраивались в следующую структуру:

- а) поселковые комендатуры;
- б) участковые и районные комендатуры;
- в) отделы по спецпереселенцам ПП ОГПУ.

Широкие права предоставлялись комендантам спецпоселков. Они вырабатывали «правила внутреннего распорядка поселка», которые после «утверждения отделом по спецпереселенцам при ПП ОГПУ» доводились «до всеобщего сведения жителей поселка как обязательное административное постановление». Поселковые коменданты закрепляли семьи спецпереселенцев за определенными домами, вели «точный учет» этих семей, «производя систематическую проверку наличия прикрепленных».

Коменданты по своему усмотрению определяли выбор места и характер работ для спецпереселенцев, давали разрешение на использование спецпереселенцев на тех или иных видах хозяйственных работ, следили за «точным выполнением хозяйственными организациями всех обязательств в отношении спецпереселенцев», «за выполнением спецпереселенцами трудовых обязательств по работе в промышленности и в собственном хозяйстве». По указанию комендантов определялась величина продовольственных фондов для снабжения спецпереселенцев, а также нормы их распределения для «нетрудового населения». В обязанности коменданта вменялся контроль за «политическим и общественным порядком». В случае нарушения спецпереселенцами «порядка и законов» комендатуры ОГПУ обладали широкими полномочиями по применению административных мер взыскания: они могли переводить спецпереселенцев на более тяжелые и хуже оплачиваемые работы, подвергать их денежным штрафам (до 10 руб.) и арестам (до 10 суток) [12]. При этом административные взыскания, налагаемые на спецпереселенцев, зависели как от тяжести проступка, так и от прерогативы структурных подразделений ОГПУ в районах спецпоселений. В случае привлечения спецпереселенцев к ответственности в уголовном порядке, комендатуры ОГПУ наделялись правами первичных органов дознания и должны были руководствоваться «соответствующими положениями о них (милиции)» [13].

В приложении к «Временному положению» – специальной инструкции ГУЛАГа ОГПУ – определялись «формы привлечения спецпереселенцев к охране общественного порядка в спецпоселках». Для соблюдения этого порядка, в частности, каждый спецпоселок делился на определенное количество участков, во главе которых стояли старшие участковые и несколько исполнителей, выбранных из спецпереселенцев. Они не освобождались от работы и выполняли свои «общественные обязанности в свободное время и безвозмездно».

Старшие участковые объединялись в «поселковую группу содействия комендатуре ОГПУ», которая являлась «совещательным органом при комендатуре» и «организованно проводила в жизнь все мероприятия администрации поселка». Старшие участковые были обязаны наблюдать за «исполнением обязательных постановлений, издаваемых комендатурой ОГПУ» и «доводить до сведения переселенцев поручения комендатуры», «нести в случае надобности караульную службу», своевременно сообщать комендатуре «о всяких беспорядках и происшествиях на участке», и прежде всего «о побегах переселенцев данного участка» [14].

В спецпоселках формировалась разветвленная система «осведомительства». Старшие уполномоченные были обязаны «своевременно сообщать о любых формах проявления недовольства». Уполномоченные и главы семей поселенцев давали письменные обязательства о так называемой «групповой и индивидуальной поручке», а также о соблюдении правил внутреннего режима. Поощрялись доноительство, участие в поимке беглецов.

В соответствии с изданным ранее (17 августа 1931 г.) циркулярным письмом ГУЛАГа ОГПУ, для организации борьбы с побегами из спецпоселков проводились следующие мероприятия:

- поселок разбивался на кварталы во главе с «квартальным старшиной» (или уполномоченным) из спецпереселенцев, которому вменялся в обязанность «учет живущих в домах, уходящих и приходящих с работ спецпереселенцев»;
- за домами закреплялись определенные семьи, производящие «систематическую проверку наличия спецпереселенцев в поселках»;
- создавалась «специальная сеть из спецпереселенцев с таким расчетом, чтобы обеспечить выявление подготовок к побегам спецпереселенцев»;
- предлагалось «к активной борьбе с побегами» привлечь в первую очередь молодежь, «порвавшую связь с контрреволюционной частью кулачества и проявившую себя с положительной стороны»;
- к лицам, «проявившим себя активно в борьбе с побегами», применялись поощрительные меры – «объявление благодарности охране и низовой администрации из спецпереселенцев», «премирование деньгами информаторов и вольного населения» [15].

Во «Временном положении» имелись особые разделы, определяющие обязанности и права спецпереселенцев, хотя последние скорее декларировались, чем гарантировались [16].

Определенная постановлением СНК СССР от 1 июля 1931 г. и «Временным положением» ОГПУ от 25 октября 1931 г. структура спецпоселений сохранялась до весны 1933 г., когда решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 апреля и постановлением СНК СССР от 20 апреля 1933 г. № 775/146сс «Об организации трудовых поселений ОГПУ» Главное управление лагерей ОГПУ было реорганизовано в Главное управление лагерей и трудовых поселений ОГПУ [17]. Начальником вновь образованного Главного управления был назначен М.Д. Берман [18], а его заместителями – Я.Д. Рапопорт (по лагерям) [19] и С.Г. Фирин-Пупко (по трудовым поселениям) [20]. Одновременно предполагалось реорганизовать и всю систему спецпоселений (трудпоселений). ОГПУ было предписано «в двухдекадный срок разработать предложения по этому вопросу».

Представленные предложения об организационной структуре трудовых поселений были рассмотрены специально созданной комиссией ЦК ВКП(б) во главе с Л.М. Кагановичем (член Политбюро и секретарь ЦК) и 5 июля 1933 г. утверждены на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). В основу структуры трудпоселений ОГПУ были положены:

- а) создание поселковых и районных комендатур;
- б) организация неуставных артелей труд(спец)поселенцев;
- в) организация социально-бытовых учреждений в спец(труд)поселках.

Основными видами хозяйственной деятельности трудпоселенцев должны быть: сельское хозяйство, промышленное производство, кустарные промыслы и рыболовство. Первичной административной ячейкой трудпоселения является поселок с населением от 300 до 500 хозяйств, управляемый «комендантом-чекистом, в распоряжении которого имеется три-пять милиционеров». Комендант осуществляет руководство всей жизнедеятельностью поселка (строительство жилищ и коммунально-бытовых зданий, организация хозяйственной деятельности трудпоселенцев, поддержание общественного порядка и трудовой дисциплины, рассмотрение жалоб и заявлений и т. п.).

В помощь коменданту создаются поселковые комиссии из трудпоселенцев для «обслуживания поселковых нужд». Поселковые комендатуры числом от 10 до 20 объединяются районной комендатурой во главе с районным комендантом и двумя его помощниками. Задачи районной комендатуры аналогичны задачам поселковых комендатур, которые они же и инспектируют. Все трудпоселенцы, как правило, объединяются в неуставные сельхозартели. Для обслуживания сельскохозяйственного производства неуставных артелей в каждом районе трудпоселений организуется МТС, начальник которой является одновременно заместителем районного коменданта ОГПУ. Все руководящие должности в аппарате трудпоселений комплектуются чекистами, «которые ведут все отрасли своей работы на основе полного единоначалия». 9 июля 1933 г. это решение Политбюро ЦК ВКП(б) было оформлено как постановление СНК СССР от 21 августа 1933 г. № 1796/393с «О трудовых поселках ОГПУ в Западной Сибири и Казахстана», распространенное впоследствии и на другие места расселения принудительно депортируемых [21].

Через год система управления спецпоселениями претерпела очередные изменения. В 1934 г. в связи с образованием НКВД СССР (постановление ЦИК СССР от 10 июля 1934 г.) ОГПУ вошло в состав нового наркомата, а на местах полномочные представительства (ПП) ОГПУ были преобразованы в территориальные управления НКВД (УНКВД) – по краям и областям (приказ НКВД СССР от 11 июля 1934 г. № 001) [22]. Руководство трудпоселками и трудпереселенцами на местах осуществлялось отделами трудовых поселений УНКВД, а в центре – Отделом трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР. Наименование этого ведомства

впоследствии подвергалось различным модификациям и структурным переподчинениям, но задачи и функции его оставались неизменными.

Перечень этих наименований достаточно обширен:

- 1931–1933 гг. – отдел по спецпереселенцам ГУЛАГа ОГПУ при СНК СССР (приказы ОГПУ от 3 июня 1931 г. № 285/162 и от 2 июля 1931 г. № 330/198);
- 1933–1934 гг. – отдел трудовых поселений в составе Главного управления лагерей и трудовых поселений ОГПУ–НКВД СССР (постановление СНК СССР от 20 апреля 1933 г. № 775/146сс, приказ НКВД СССР от 21 августа 1934 г. № 0044);
- 1934–1938 гг. – отдел трудовых поселений в составе Главного управления лагерей, трудовых поселений и мест заключения НКВД СССР (приказ НКВД СССР от 29 октября 1934 г. № 00122); при этом территориальный аппарат по руководству местами лишения свободы (в зависимости от преимущественного их наличия в том или ином регионе) мог именоваться по-разному: отдел мест заключения (ОМЗ), отдел лагерей, трудовых поселений и мест заключения (ОЛТП и МЗ), отдел трудовых поселений и мест заключения (ОТП и МЗ), отдел трудовых колоний (ОТК);
- 1938–1939 гг. – отдел трудовых поселений в составе Главного управления исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений НКВД СССР (приказ НКВД СССР от 29 сентября 1938 г. № 00122);
- 1939–1941 гг. – Управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений НКВД СССР (приказ НКВД СССР от 13 июня 1939 года);
- 1941–1944 гг. – отдел трудовых и специальных поселений ГУЛАГа НКВД СССР;
- 1944–1950 гг. – отдел спецпоселений НКВД–МВД СССР;
- 1950–1953 гг. – 9-е управление МГБ СССР (постановление Совета Министров СССР от 14 июля 1950 г. № 3077–1286сс);
- 1953–1954 гг. – отдел «П» МВД СССР (приказ МВД СССР от 25 апреля 1953 г.);
- 1954–1959 гг. – 4-й спецотдел МВД СССР (расформирован приказом МВД СССР от 27 марта 1959 г. № 097, с передачей функций Главному управлению милиции) [23].

Руководителями этого ведомства в разное время являлись: Г.П. Закарьян (1931–1934 гг.) [24], комиссар госбезопасности 3-го ранга М.Д. Берман (11 июля 1934 г. – 16 августа 1937 г.), С.И. Плессе-Вишневский (1935–1938 гг., временно исполняющий обязанности) [25], дивизионный интендант И.И. Плинер (16 августа 1937 г. – 14 ноября 1938 г.) [26], Г.В. Филаретов (16 ноября 1937 г. – 18 февраля 1939 г.) [27], А.В. Тишков (1939 г.) [28], капитан госбезопасности М.И. Конрадов (1939–1940 гг.) [29], генерал-полковник В.В. Чернышов (18 февраля 1939 г. – 26 февраля 1941 г.) [30], И.В. Иванов (28 августа 1941 г. – 14 ноября 1942 г.) [31], полковник госбезопасности М.В. Кузнецов [32], полковник В.В. Шиян [33], полковник Б.В. Новиков [34].

Параллельно со спецпереселенческим ведомством ГУЛАГа существовали также:

- Всесоюзный Переселенческий комитет (до июля 1936 г.), а затем (с августа 1939 г.) – Переселенческое управление при СНК СССР [35];
- Переселенческий отдел НКВД СССР (приказы НКВД СССР от 22 июля 1936 г. № 00340 и от 9 августа 1939 г. № 0253; начальники – М.Д. Берман /до 26 октября 1936 г./, И.И. Плинер /до 14 ноября 1938 г./) [36];
- Отдел спецпоселений НКВД СССР (1941–1942 гг., начальник – И.В. Иванов) [37].

На территориальном уровне (в союзных и автономных республиках, в краях и областях) функционировали, как уже отмечалось, соответствующие отделы полномочных представительств ОГПУ, позднее – территориальных наркоматов или управлений НКВД–МВД–МГБ. Следующий (сверху – вниз) управленческий уровень – районные спецкомендатуры НКВД–МВД–МГБ. А непосредственно на местах спец(труд)поселениями управляли коменданты ОГПУ (затем – НКВД–МВД–МГБ), «замыкавшие» на себе все властные полномочия по отношению к каждой отдельно взятой и конкретной личности депортированного.

В том случае, когда спецпереселенцев отправляли для трудоустройства в промышленности (на крупные стройки, заводы, шахты и т.п.), на соответствующем предприятии учреждался «спецпереселенческий» отдел, распоряжавшейся этими «специальными рабочими контингентами». Например, в Коми автономной области (АССР) такой отдел существовал при тресте «Комилес». При этом за работу со спецпереселенцами отвечали и штатные сотрудники предприятий. Так, при руководстве Усть-Куломского леспромхоза в 1935 г. работу с трудпереселенцами осуществляли непосредственно и/или контролировали ее 12 человек: инспектор, агроном, техник строительства, счетовод-статистик и восемь завхозов. Одновременно переселенцы оставались приписанными к определенной спецкомендатуре – со всеми вытекающими из этого для них обязанностями [38].

Одной из важнейших задач считалось осуществление точного учета поступающих в регионы и имеющих в наличии спецпереселенцев. Однако в 1930–1940 гг. (да и в более поздние времена) эта задача оказалась трудновыполнимой. Если с достаточной достоверностью фиксировалось количество выселенных из тех или иных регионов, то данные о численности депортированных, прибывших в «места обязательного поселе-

ния», как правило, расходятся, и главная причина тому – некачественный (либо искаженный умышленно) учет умерших или сбежавших в пути, самовольно «покинувших» спецпоселки и т. п.

Регистрация спецпереселенцев производилась райисполкомами и райкомендатурами, откуда сведения (карточки учета установленной формы) должны были поступать в органы ЗАГС, которые вели общий учет населения, в том числе и спецпереселенцев. Но эта работа не была налажена должным образом, и полные сведения по естественному движению «контингентов» в спецпоселках нередко отсутствовали. Учет спецпереселенцев велся на основе семейных карточек. В них заносились данные о прибытии, убытии, трудоспособности, заключении браков, годах рождения, смерти. Отдельно осуществлялся учет глав семей и членов семей, находящихся в ИТЛ. Учет спецпереселенцев производили специальные лица, подконтрольные комендантам, – участковые уполномоченные [39]. Весь учет спецпереселенцев находился под контролем органов ОГПУ–НКВД–МВД–МГБ и все учетные документы хранились в архивных отделах их территориальных структурных подразделений (наркоматов и управлений).

При этом учетные карточки на переселенцев (картотеки) подлежали постоянному архивному хранению. Что же касается личных дел «спецконтингента», то, согласно разъяснению архивного отдела ГУЛАГа НКВД СССР от 14 марта 1940 г., личные дела спецпереселенцев, освобожденных из спецпоселков, подлежали хранению в течение 10 лет, лиц, «находящихся в бегах», – постоянно, спецпереселенцев-одиночек, умерших в спецпоселках, – 5 лет. Вследствие данного установления многие учетные документы по спецпереселенцам были уничтожены уже в 1930–1950-х гг. [40].

На протяжении десятилетия (1935–1944 гг.) нормативно-административная база системы спецпоселений не подвергалась сколько-нибудь серьезным изменениям, за исключением отдельных вопросов, относящихся к производственной сфере, и некоторых аспектов нормативного режима для спец(труд)переселенцев контингента «бывшие кулаки». Так, в сентябре 1938 г., в связи с переводом неуставных сельскохозяйственных и кустарно-промысловых артелей трудпоселенцев на «общий режим (устав)», руководство хозяйственной, социально-бытовой и культурно-просветительной работой в них перешло из ведения НКВД к Наркомзему, а также к местным советским и хозяйственным органам [41].

Весьма существенное потенциальное значение имело постановление СНК СССР от 22 октября 1938 г. № 1143–280сс «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных», реализация которого стала одним из главных каналов ликвидации «кулацкой ссылки» (но это произошло гораздо позднее – в конце 1940-х – начале 1950-х гг.) [42]. Между тем после принятия в 1936 г. новой Конституции СССР, становилось все более очевидным, что продолжавшее (в основной своей части) действовать «Положение о правах и обязанностях спецпоселенцев, об административных функциях и правах комендантов» (1931 г.) во многом устарело. Поэтому в адрес Президиума Верховного Совета СССР, в другие высшие государственно-политические инстанции поступали многочисленные ходатайства об изменении нормативного режима в трудпоселках.

Однако поручение Президиума ЦИК СССР от 14 марта 1937 г. по разработке проекта постановления о соответствующих изменениях в законодательстве осталось, по сути, невыполненным. Правда, в начале 1939 г. Отдел трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР разработал проект нового «Положения о правах и обязанностях трудпоселенцев, об административных функциях и правах комендантов в районах расположения трудпоселений», в котором содержалось несколько серьезных новелл – относительно трудоустройства трудпоселенцев, их прав и обязанностей, регистрации актов гражданского состояния и др. Но проект в то время так и не был принят [43].

В июле 1938 г. для административного обслуживания 1 741 трудпоселка имелись 150 районных и 800 поселковых комендатур. В 1937 г. аппарат отделов трудовых поселений и комендатур насчитывал более 2 500 чел. Этот аппарат содержался за счет 5-процентных отчислений (до августа 1931 г. – 25 %, до февраля 1932 г. – 15 %) из заработной платы трудпоселенцев, занятых в хозяйственных организациях. Так, в 1937 г. на содержание аппарата и административное обслуживание трудпоселений было израсходовано 17 000 000 руб., а 5-процентные отчисления из зарплаты трудпоселенцев составили 27 400 000 руб. [44].

Более конкретное представление о состоянии низового административного аппарата спец(труд)поселений дают документы (отчеты, докладные записки и т. п.) территориальных органов управления этой системой. Так, в докладной записке ПП ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю в ГУЛАГ ОГПУ «О состоянии дела спецпереселенцев в Восточно-Сибирском крае» (17 июля 1931 г.), в частности, сообщается:

«...Данными о социальном составе имеющихся стрелков и комендантов в исчерпывающем виде ... не располагаем, поскольку этого учета в Комендантском Управлении (крайисполкома. – *Авт.*) ... не было. Предварительные данные по отдельным Комендатурам свидетельствуют о значительном неблагополучии в этой части. Как среди Комендантов, так и стрелков достаточно широко развито пьянство, половая распущенность, связи с кулачеством, бытовое разложение. Никакой воспитательной работы со стрелками не велось, следствием чего и являются эти недочеты. Штаты охраны и комендатур строились из расчета 1 комендант на 100 семейств и 1 стрелок на 100 человек работающих. По этому расчету на сегодняшний день мы должны иметь: комендантов 124, имеем 44, не хватает 80, стрелков 396, имеем 127, не хватает 269...

Указанный принцип выделения на поселок в 100 семей одного коменданта и на 100 человек работающих одного стрелка считаем необходимым сохранить и в дальнейшем с тем, чтобы ответственность за побеги в значительной степени переложить на самих спецпереселенцев путем ряда организационных мер в этой части...

В порядке использования труда спецпереселенцев от валового их заработка отчисляется 25 %. Среднее месячное поступление этих отчислений составляет 200 000 руб., средний расход в месяц при далеко неукомплектованном аппарате 20 000 руб. По состоянию на 1 июня остаток перечислений составляет 221 787 руб. 64 коп. Все отчисления от зарплаты спецпереселенцев поступают на текущий счет ПП ОГПУ и учитываются Финотделом ПП ОГПУ. Главными предметами расходов за истекшее время являются расходы на содержание стрелковой охраны и комендантского управления (50 000 руб. за 5 мес. 1931 года)...» [45].

Непросто складывались и взаимоотношения между спец(труд)поселенцами и сотрудниками комендатур. Имели место факты немотивированных издевательств и глумления над спецпереселенцами со стороны поселковых комендантов, их помощников и стрелков охраны. Причем в начале 1930-х гг. практиковалось назначение на эти должности расконвоированных заключенных, не отбывших срок наказания за уголовные преступления. Чаще всего именно от них спецпереселенцы терпели всякого рода обиды и унижения. Согласно циркуляру ГУЛАГа от 8 апреля 1932 г. надлежало к 15 мая 1932 г. «снять с должностей комендантов, их помощников и стрелков всех заключенных, независимо от статей судимости» [46].

Вместе с тем было бы преувеличением назвать произвол сотрудников аппарата надзора над спецпереселенцами безграничным: время от времени отдельные представители администрации спецпоселений привлекались за свои неправомерные действия не только к административной, но и к уголовной ответственности. Так, в конце 1931 г. три поселковых коменданта из Чердынского и Чусовского районов (Урал), уличенные в умышленных убийствах спецпереселенцев, по постановлению Коллегии ОГПУ были подвергнуты «высшей мере наказания» с заменой ее десятью годами заключения в концлагерь [47].

Выносились также довольно суровые наказания (до 10 лет лишения свободы) поселковым комендантам – за систематические избиения спецпереселенцев, изнасилования женщин-спецпереселенок, присвоение присылаемых в адрес спецпереселенцев почтовых посылок и денежных переводов и др. [48]. Тем не менее, как явствует из документов и воспоминаний очевидцев, на протяжении всего периода существования системы спецпоселений отношение большинства ее сотрудников, руководящего производственно-хозяйственного персонала, начальников предприятий, на которых трудились спецпереселенцы, было к ним априорно негативным – как к «виновным перед Советской властью» и даже «врагам» ее.

Отмечены неоднократные случаи, когда местные начальники, встречая очередные этапы спецпереселенцев, заявляли последним, что их прислали «не жить и работать здесь, а умирать». Такая ментально-психологическая установка влекла за собой конкретные практические последствия: установление в спецпоселках режима, аналогичного лагерному, пренебрежительное отношение к условиям быта и труда спецпереселенцев и др. [49]. В свою очередь, это приводило к разнообразным формам протеста со стороны последних (письма, жалобы, уклонение от работы, публичные высказывания недовольства и т. д.) [50].

Как уже отмечалось, вплоть до 1945 г. основным нормативным документом, регулирующим систему административного управления спецпоселениями, оставалось «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев», действовавшее с 1931 г. Между тем за истекший период в составе принудительно депортированных произошли коренные структурные изменения.

Если еще в середине 1930-х гг. среди спецпереселенцев (спецпоселенцев) и ссыльных отсутствовала такая категория, как «депортированные народы», то в 1945 г. последних среди почти 2 500 000 спецпоселенцев, ссыльнопоселенцев и административно высланных насчитывалось примерно 1 800 000, или более 70 % (без учета тех категорий выселенных, которые можно квалифицировать как «частичные этнические чистки») [51]. Это все более настоятельно требовало внесения существенных коррективов в нормативную базу системы спецпоселений.

Однако такие коррективы были внесены лишь 8 января 1945 г., одновременно двумя постановлениями СНК СССР: № 34–14с – «О спецкомендатурах НКВД» и № 35 – «О правовом положении спецпереселенцев» [52]. В последнем постановлении констатировалось, что «спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР», помимо того, что они должны были в обязательном порядке «заниматься общественно полезным трудом», строго соблюдать установленный для них режим и общественный порядок в местах поселения, подчиняться всем распоряжениям комендатуры НКВД [53].

В другом документе – постановлении СНК СССР № 34–14с – регулировались отношения спецпереселенцев с органами государственной власти. В утвержденном этим постановлением «Положении о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД» цели создания и функционирования последних определялись как «обеспечение государственной безопасности, охрана общественного порядка и предотвращение побегов спец-

переселенцев с мест их поселения, а также контроль за их хозяйственно-трудовым устройством» [54]. Это «Положение» вводилось в действие приказом НКВД СССР от 7 февраля 1945 г.

Именно и непосредственно на спецкомендатуры возлагались задачи по агентурно-оперативному «обслуживанию» переселенцев и ссыльных, предупреждению побегов, розыску и выявлению антисоветских и уголовных элементов, ведению агентурных разработок и дел по преступлениям среди подопечного контингента. Начальники спецкомендатур (коменданты) вновь наделялись широким спектром полномочий и обязанностей:

- учет спецпереселенцев и надзор за ними «в целях предотвращения побегов с мест поселения и выявления среди них антисоветских и уголовно-преступных элементов»;
- организация и производство розыска бежавших спецпереселенцев;
- предупреждение и пресечение «беспорядков в местах поселения спецпереселенцев»;
- осуществление контроля за «хозяйственным и трудовым обустройством спецпереселенцев в местах их поселения»;
- прием от спецпереселенцев жалоб, заявлений и «обеспечение по ним необходимых мероприятий»;
- выдача спецпереселенцам разрешений на право «временного выезда за пределы района расселения, обслуживаемого данной комендатурой, без права выезда из района.

Комендант имел право налагать на спецпереселенцев взыскания в виде штрафа до 10 руб. или ареста до 10 суток. Кроме того, «по фактам возмущений и выступлений» спецпереселенцев коменданты наделялись правом производить «первичные следственные действия». Аналогично обстояло дело при побеге и проявлениях бандитизма. Коменданты обязаны «не реже 2-х раз в месяц лично производить отметки о явке спецпереселенцев на регистрацию по месту их жительства» [55].

«Положение о спецкомендатурах» 1945 г. касалось в преимущественной степени спецпереселенцев, депортированных в годы войны и в последующий период, и было направлено на усиление режима в спецпоселках и административного управления ими, прежде всего – посредством увеличения числа спецкомендатур. Так, если в целом по стране в 1948 г. действовали 1 638 комендатур, то в 1949 г. – уже 2 679 [56].

Особая тема – сложившаяся и действовавшая в «местах обязательного поселения» система надзора и контроля над «спецконтингентом». Как и во всей системе ГУЛАГа (и не только в ней, и не только в обозреваемые годы), в спецпоселках насаждалось повальное доносительство, плелась плотная агентурно-осведомительная сеть – тайная опора управления спецкомендатурами. Организация и формы этой работы в спецпоселках были уже давно «обкатаны» органами ОГПУ–НКВД–МВД–МГБ.

Штаты сотрудников поселковых комендатур определялись по следующим нормативам: один комендант и один помощник коменданта – на 500 взрослых спецпоселенцев, один надзиратель – на 100–200 чел. В райгоротделах НКВД–МВД предусматривались ставки оперуполномоченных (и их помощников) из расчета: одна ставка – на 2 000 взрослых спецпоселенцев [57]. Однако до 1944 г., по мнению руководства Наркомата внутренних дел СССР, «...поселковые и районные спецкомендатуры НКВД приобретением квалифицированной агентуры и разработкой контрреволюционного элемента не занимались, а выполняли, в основном, функции административного надзора за спецпереселенцами». Иными словами, так называемая оперативно-профилактическая работа велась (до известного времени) преимущественно «органами» вновь созданного НКГБ. При этом, как явствует из отчетов НКВД (в данном случае – весьма самокритичных), осведомительная сеть была «слабо квалифицированной» и использовалась «главным образом по предупреждению побегов спецпереселенцев с мест их поселения» [58].

С 27 февраля 1944 г. была введена в действие инструкция НКВД СССР «по оперативно-чекистской работе среди спецпереселенцев». Главной опорой комендантам и «оперчекистам» в этой работе служили старшие «десятидворок», бараков, «группы содействия» (для борьбы с побегам) и, разумеется, непосредственно «агентурно-осведомительная сеть». При этом последняя вербовалась не только непосредственно из среды депортированных, но также из местного населения. По установленным нормативам, каждый осведомитель должен был «охватывать» не менее 20–30 семей [59]. Первостепенными задачами агентурно-оперативной работы среди спецпоселенцев полагались:

- борьба с побегам и попытками таковых;
- задержание бежавших;
- выявление «упаднических и бандитских настроений»;
- предотвращение и раскрытие уголовных преступлений (убийств, краж и т.п.) и как основное – «выявление и изъятие из среды спецпоселенцев враждебных элементов (фашистских пособников, предателей, шпионов, антисоветчиков)».

Фундамент и главный практический инструмент в этом деле – осведомители, агенты и резиденты. Агенты и резиденты занимались разработкой уже заведенных уголовно-следственных дел. Причем вся информация от этих людей поступала и фиксировалась только под псевдонимами. Схема вербовки выстраивалась следующим образом. Вначале, еще до вербовки, комендантом либо оперуполномоченным тщательно изучались

личность «кандидата в негласные сотрудники», его окружение, родственные, дружеские и приятельские связи, настроения. Затем, после личной беседы, комендант (с предварительной санкции начальника районного отделения НКВД–МВД–МГБ) принимал решение о вербовке осведомителя и сообщал об этом последнему, взимая с него соответствующую расписку.

О вербовке агента (по аналогичной схеме и после личной беседы с ним) принимал решение районный «спецкомендант» либо сам начальник РОВД (РОГБ) – с санкции уже территориального (республиканского, краевого, областного) руководящего органа НКВД–МВД–МГБ. Соответственно вели работу: напрямую с осведомителями – местные коменданты и «оперативники», непосредственно с агентами – районные и городские. Решения же о вербовке резидентов (также после личных бесед с ними) принимали начальники территориальных органов – с санкции уже центрального руководства НКВД–МВД–МГБ.

Личные дела осведомителей и агентов хранились в районной спецкомендатуре. В эти дела помещались подписки «секретных сотрудников» («сексотов») о «негласном сотрудничестве» и подлинники их донесений. Выписки из оперативно-агентурных материалов, касающихся конкретных спецпоселенцев, приобщались к личным делам последних. Встречались местные и районные чекисты со своими «негласными сотрудниками» регулярно и по графику, в среднем – два раза в месяц. При этом донесения малограмотных «информаторов» фиксировались с их слов, но удостоверялись собственноручной подписью «источников» [60].

Исследователь данной «деликатной» темы Л. Белковец отмечает: «...В беседах с «негласными сотрудниками НКВД» коменданты и оперработники не должны были допускать «панибратства», неуместных шуток, анекдотов и других несерьезных вещей, приучая их к аккуратности, не допускать опозданий на явки. Предписывалось вырабатывать у них выдержку, находчивость, умение конспириваться в окружающей среде, которая, кстати сказать, заранее квалифицировалась как «враждебная нам среда», формировать такие качества, как «честность», преданность советскому строю и непримиримость к его врагам. Все заподозренные в «двурушничестве» и дезинформации агенты подлежали немедленному исключению из агентурной сети. Если же устанавливалось, что сделано это «со злым умыслом», следовала уголовная ответственность с решением дела в Особом Совещании (ОСО) НКВД» [61].

Приходится, к сожалению, констатировать, что фонды оперативно-чекистских отделов ГУЛАГа, равно как и аналогичных подразделений других «правоприменительных органов» советско-сталинской эпохи (ОГПУ, НКВД, МВД, МГБ, КГБ и т. п.), остаются по сей день и, очевидно, останутся на многие последующие годы недоступными для исследователей. В распоряжение последних полуслучайно попадают лишь разрозненные сведения по этой важнейшей стороне жизнедеятельности советской карательно-исполнительной системы, в том числе и спецссылки. Известно, например, что целиком вся оперативная работа перешла в ведение отделов спецпоселений лишь с августа 1944 г. (по директиве НКВД–НКГБ СССР от 2 августа 1944 г.).

Началось активное и повсеместное насаждение «оперативно-чекистскими органами» своей агентуры в спецпоселках, и на 1 октября 1945 г. в ней насчитывалось: осведомителей – 43 280, агентов – 2 345, резидентов – 819, всего – 46 444 чел., т. е. один «секретный сотрудник» на 48 человек списочного состава [62]. Примечательно, что численность агентурно-осведомительной сети в ИТЛ ГУЛАГа за годы войны увеличилось почти на порядок. Если в 1940 г. на каждую тысячу заключенных в СССР приходилось 10 «стукачей» (1 к 100), то в 1947 г. – уже 80 (1 к 12,5). В июле 1947 г. агентурно-осведомительная сеть ГУЛАГа насчитывала 133 992 заключенных. Из них: резидентов – 9 958, агентов – 3 904, осведомителей – 64 905, «противопобеговая сеть» – 60 225 чел. [63].

При этом, на 1 декабря 1944 г. в целом по СССР из 658 218 спецпереселенцев контингента «бывшие кулаки» «негласными сотрудниками» НКВД являлись 13 325 трудпоселенцев (один из примерно 43-х), в том числе: резидентами – 174, агентами – 561, осведомителями – 12 590 [64]. В Коми АССР среди этого же «контингента» (14 719 чел.) и на ту же дату «сексотами» значились 826 (приблизительно один из 18) [65]. На 1 марта 1945 г. в Молотовской области среди 20 226 спецпереселенцев из Крыма агентурно-осведомительная сеть насчитывала 519 чел. (соотношение – 1:39), из них: резидентов – 5, агентов – 12, осведомителей – 502 [66].

В Узбекской ССР в то же время эта сеть в составе спецпереселенцев-крымчан составляла 2 730 чел. (соответственно – 15, 82 и 2 633, соотношение – 1:55). При этом органы НКВД–НКГБ прилагали немалые усилия, чтобы прежде всего завербовать священников. А поскольку значительная часть «наказанных народов» по религиозному признаку относилась к мусульманам, то особый упор делался на вербовку агентуры из среды духовенства именно этой конфессии. Так, к концу 1945 г. только в Узбекской ССР среди мусульманских священнослужителей из числа спецпереселенцев насчитывалось 16 агентов и 23 осведомителя НКВД [67].

В докладной записке УНКВД по Алтайскому краю в ОСП ГУЛАГа НКВД СССР от 24 марта 1944 г. «О хозяйственном и бытовом устройстве спецпереселенцев-калмыков и агентурно-оперативных мероприятиях среди них» сообщалось, что «для агентурно-оперативного обслуживания спецпереселенцев-калмыков завербовано 197 с/осведомителей и восстановлена связь с принятой агентурой от начальников эшелонов с 16 с/осведомителями. Таким образом на 20-е марта (в) агентурно-осведомительной сети занято по разработ-

ке антисоветского и преступного элемента спецпереселенцев-калмыков 213 чел. В результате работы с агентурой за отчетное время получено ряд агентурных материалов на б(ывший) бандитский элемент, участвовавший в боях против Красной Армии и партизан на территории Калмыцкой АССР в районах, оккупированных немцами...» [68].

На 1 октября 1951 г. в агентурно-осведомительной сети по Кировской области числились 517 спецпоселенцев (соотношение – 1:17), из них агентов – 498, резидентов – 19 [69]. Но это – «латентная» опора власти в спецпоселках. Легальная же структура, которая открыто и достаточно эффективно содействовала надзорным органам в «местах обязательного поселения», состояла из так называемого «актива» – старших (старост) «десятидворок», общежитий и бараков. В состав этого «актива» в Кировской области входили 310 спецпоселенцев [70]. Кроме перечисленных тайных и явных помощников, у спецпоселенческих комендантов имелись под рукой еще и 852 члена «групп содействия органам МГБ». Правда, активность этих «содействующих» была весьма малой и, по всей видимости, оставляла след лишь в официальных отчетах. Тем не менее на каждых 30 спецпоселенцев всех возрастов приходилось по одному «старшему-смотрящему» из числа «актива», а каждые 40 неусыпно отслеживались бдительным оком «своего» тайного агента-осведомителя [71].

Как отмечается в справке начальника 9-го управления МГБ СССР В.В. Шияна от 5 июля 1952 г., «...на основании постановления Совета Министров СССР от 7 января 1952 г., агентурный аппарат по линии 9-го Управления МГБ СССР был сокращен более чем в два раза...». По состоянию на 1 июня 1952 г., из имевшихся на 1 сентября 1951 г. 89 120 «секретных сотрудников» (1:31) в действующей агентурно-осведомительной сети оставлено 40 006 (1:68,5) [72]. В Кировской области специалисты из МГБ, приняв под свое крыло структуру спецпоселений, чувствительно «перетряхнули» ее, уволив в 1952 г. пять комендантов (из 19-ти) и несколько их помощников. В одном из отчетов Кировского областного УМГБ отмечалось, что «аппарат спецкомендатур засорен безынициативными и неработоспособными работниками». Существенно (более чем наполовину) было сокращено и число «секретных сотрудников» среди поселенцев: агентов – до 229, резидентов – до 7 [73].

Наличеству (и имеет для этого немало оснований) мнение, что планомерно насаждавшаяся спецкомендатурами, перекрывавшая все пункты размещения спецпоселенцев агентурно-осведомительная сеть в значительной своей части оставалась формальной структурой, которая не срабатывала в полной мере среди компактно проживающих устойчивых национальных сообществ, в особенности – калмыков, крымских татар, чеченцев [74]. Тем не менее, за последний военный год (с сентября 1944-го по 1 октября 1945-го) в «агентурную разработку» были взяты 25 738 спецпоселенцев; число арестованных и привлеченных к уголовной ответственности составило 13 061 чел., в том числе: за побег – 3 394 (большинство из них – чеченцы и ингуши), за «антисоветскую агитацию» – 1 575, за «измену и предательство» – 818, за «бандитизм» – 566 чел. [75].

Важнейшее значение в деятельности спецкомендатур придавалось «противопобеговым мероприятиям». Лиц, склонных к побегу, активно выявляли осведомители. Комендантами создавались «группы содействия» из местного населения, общая численность этих «групп» достигала 18 000 чел. В результате из 12 865 бежавших в 1943–1945 гг. спецпоселенцев задержаны 8 250 (более 64 %) [76]. Наконец, с целью «поддержания порядка» в местах «обязательного поселения» и «профилактики побегов» из них организуется система «десятидворок», то есть, по сути, внедряется режим круговой поруки среди спецпоселенцев. Именно такого рода структуру впоследствии широко развернули в нескольких странах с тоталитарными режимами, в частности, в Северной Корее, строя там «социализм» с «национальной» и иной «спецификой» [77].

К административно-управленческой структуре системы спецпоселений (как, впрочем, всей советской системы) следует, очевидно, относить и существовавшие в спецпоселках организации ВКП(б) и ВЛКСМ (показательно, что при этом членство спецпереселенцев в профсоюзах не допускалось). Партийные и комсомольские ячейки создавались в основном среди депортированных во время «переселения народов», представителям которых (за некоторыми исключениями) позволялось сохранять членство в ВКП(б) или ВЛКСМ.

Так, в марте 1949 г. среди находившихся в наличии взрослых спецпоселенцев насчитывалось 7 659 коммунистов (членов и кандидатов ВКП(б/)), состоявших на учете в местных партийных органах, в том числе: немцев – 2 869 (из них выселенных – 2 254, мобилизованных – 311, местных – 218, репатрированных – 2, других – 84), «северокавказцев» – 2 128 (из них чеченцев – 1 003, карачаевцев – 393, балкарцев – 357, ингушей – 337, других – 38), калмыков – 1 301, «выселенных из Крыма» – 776 (из них татар – 742, греков – 8, болгар – 8, армян – 8, других – 10), «выселенных из Грузии в 1944 году» – 535 (из них турок – 278, курдов – 25, хемшилов – 4, азербайджанцев и других – 228), поляков – 42, из «бывших кулаков» – 8. Среди спецпоселенцев-«оуновцев», «власовцев», а также «выселенных в 1945–1948 годах из Литвы» и «по Указу от 2 июня 1948 года», «фольксдойчей», «немецких пособников» и ИПХ – коммунистов не значилось [78].

Одновременно среди находившихся в наличии взрослых спецпоселенцев (в возрасте от 17 лет и старше) насчитывалось 11 669 комсомольцев, причем они наличествовали во всех без исключения контингентах. Среди членов ВЛКСМ значились: немцы – 5 800 (из них выселенные – 3 905, мобилизованные – 355, мест-

ные – 978, репатриированные – 171, другие – 391), «северокавказцы» – 1 896 (из них чеченцы – 873, карачаевцы – 420, балкарцы – 369, ингуши – 198, другие – 36), калмыки – 764, «выселенные из Крыма» – 1 580 (из них татары – 1 225, греки – 90, болгары – 117, армяне – 81, другие – 67), «выселенные из Грузии в 1944 году» – 607 (из них турки – 329, курды – 67, хемшилы – 10, азербайджанцы и другие – 201), поляки – 358, из «бывших кулаков» – 552, «оуновцы» – 32, «власовцы» – 9, «выселенные в 1945–1948 годах из Литвы» – 7, «выселенные по Указу от 2 июня 1948 года» – 5, «фольксдойчи» – 25, «немецкие пособники» – 29, ИПХ – 5 [79].

«Партийно-комсомольская прослойка» сохранялась даже в спецлагерях и «рабочих колоннах» для «трудмобилизованных» спецпоселенцев. Например, за 1942 год парторганизация Вятлага НКВД СССР (Кировская область), вследствие пополнения ее за счет вновь прибывших немцев-«трудармейцев», среди которых находились 228 членов и 110 кандидатов ВКП(б), выросла в 2,5 раза, при этом немцы составляли в ней около 59 процентов списочного состава (год спустя – 37,5 %) [80]. Правда, прием «лиц немецкой национальности» в кандидаты, а также из кандидатов в члены партии был (по указанию «сверху») в годы войны прекращен, поэтому все немцы-кандидаты в «партийцы» имели к 1943 г. просроченный «испытательный стаж». Не наблюдалось и роста «партийной прослойки» среди «трудармейцев». Более того – некоторые из них пытались скрыть свою партийно-комсомольскую принадлежность, не вставали на учет, прятали членские билеты и учетные карточки. Тем не менее даже к 1 октября 1945 г., когда значительная часть «трудармейцев» уже была отправлена из Вятлага, на учете в его партийной организации состояли 118 немцев (более четверти списочного состава), в том числе членов партии – 87, кандидатов ВКП(б) – 31. На 1-е января 1944 г. среди 446 комсомольцев Вятлага значились 182 немца (около 41 % общелагерного состава организации ВЛКСМ). Причем четыре из 16-ти первичных комсомольских организаций лагеря состояли исключительно из молодых немцев-«трудармейцев» [81].

Конечно, влияние партийных и комсомольских организаций на основную массу спецпоселенцев не стоит преувеличивать: оно было весьма ограниченным, об этом свидетельствуют, в частности, донесения местных органов управления спецпоселениями о политических настроениях «спецконтингентов». Например, в докладных записках о настроениях «северокавказцев» отмечалось, что среди них не являются редкостью «антисоветские и антирусские высказывания», «сильны родовые пережитки», влияние и авторитет «реакционных родовых старейшин».

Отрицательно сказывалось на авторитете коммунистов и комсомольцев прежде всего их весьма неблагоприятное, по мнению основной массы спецпоселенцев, содействие органам НКВД–МВД, чем они вынуждены были заниматься в силу уставных требований (в противном случае грозило исключение из партии или комсомола). Так, в конце 1948 г. основной задачей партийного и комсомольского актива ставилось «оказание всемерной помощи органам МВД в обеспечении полного отображения у выселенцев расписок о том, что они («выселенцы». – *Авт.*) ознакомлены с Указом от 26 ноября 1948 г. о выселении их навечно». В агитационной работе среди депортированных коммунисты и комсомольцы обязаны были высказываться в том духе, что этот Указ является «благом» для спецпоселенцев [82].

Предыстория появления упомянутого Указа в самом сжатом виде сводится к следующему. К 1948 г. все более характерными для настроений основной массы спецпоселенцев становились надежды и даже уверенность в скором освобождении. Например, в среде выселенных в 1943–1944 гг. (крымские татары, калмыки, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, турки-месхетинцы, греки, хемшилы и др.) ходили упорные слухи (вызванные, очевидно, все более нарастающим количественно освобождением из ссылки «бывших кулаков»), что их якобы тоже выселили только на 5 лет, что срок высылки заканчивается и они вот-вот тоже получат разрешения вернуться на родину. Но эти надежды очень скоро были разрушены – и самым безапелляционным образом.

Еще 14 февраля 1947 г. МВД СССР и Прокуратура СССР издали совместный циркуляр № 32/39сс, в соответствии с которым спецпереселенцы, совершившие самовольный выезд (побег) из «мест обязательного поселения», подлежали привлечению к уголовной ответственности («за исключением случаев добровольной явки к месту поселения») [83]. Спецпереселенцам было объявлено, что за побег их будут привлекать к уголовной ответственности и приговаривать к лишению свободы сроком до 10 лет. На практике же органы МВД, как правило, просто возвращали задержанных беглецов в места спецпоселений, без привлечения «правонарушителей» к уголовной ответственности.

Однако в принятом 24 ноября 1948 г. постановлении № 4367–1726сс «О выселенцах» Совет Министров СССР указал МВД СССР на «слабое осуществление надзора за спецконтингентами, в результате чего было допущено большое количество побегов с мест обязательного поселения и возвращение к местам прежнего жительства чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и других». Одновременно Совет Министров СССР отмечал, что «задержанные спецпоселенцы, бежавшие с мест поселения, возвращались органами МВД в места расселения без привлечения за побег к уголовной ответственности» и что наличие подобной «антигосударственной практики административных органов стало возможным в результате попустительства со стороны МВД и Прокуратуры СССР» [84].

26 ноября 1948 г. последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» [85]. Указ устанавливал, что депортированные во время войны, для которых «во время их переселения не были определены сроки их высылки», признаются выселенными «навечно, без права возврата их к прежним местам жительства» и что за побег с места обязательного им полагается уголовное наказание – 20 лет каторжных работ, а их «укрывателям» и «пособникам» – лишение свободы на срок 5 лет» [86].

Вслед за этим Указом последовал ряд директивных документов, призванных внести ясность по вопросам его реализации, и среди них, в частности, вступившая в силу в июне 1949 г. «Инструкция для комендантов спецкомендатур МВД по работе среди выселенцев-спецпоселенцев», в которой, помимо прочего, устанавливалось (пункт 11), что «находящиеся на спецпоселении немцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки, крымские татары, крымские греки, крымские болгары и крымские армяне, турки, курды и хемшилы, а также выселенные из Прибалтики (латыши, эстонцы и литовцы, выселенные в 1949 г.) являются «выселенцами»». На них распространялось действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г.

Другие же «контингенты», находившиеся на спецпоселении («оуновцы», «власовцы», «члены семей главарей и активных бандитов из Литовской ССР», «указники» и прочие лица, не поименованные в пункте 11 Инструкции), обозначались (пункт 12) как «спецпоселенцы». Они в случае побега «с мест поселения» привлекались «к ответственности в уголовном порядке по 2 ч(асти) ст(атьи) 82 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик». Указ от 26 ноября 1948 г. на них не распространялся [87]. Вместе с тем коменданты спецкомендатур МВД получили дополнительное разъяснение о том, что «выселенцы» (мужчины и женщины), вступившие в брак с «невиселенцами», снятию с учета спецпоселений не подлежали [88].

Именно с 1949 г. обозначение «спецпереселенцы» вышло из официального употребления. Некоторое время людей, находившихся на спецпоселении, делили на «выселенцев» («выселенные навечно») и «спецпоселенцев» («выселенные на сроки и без указания сроков»). Однако вскоре произошла терминологическая унификация и всех стали называть «спецпоселенцами». Тем не менее термин «выселенцы» в официальных документах сохранялся как обозначение той категории спецпоселенцев, на которых не распространялось действие Указа от 26 ноября 1948 г. [89].

Реакция спецпоселенцев (и особенно «выселенцев») на этот Указ была почти единодушно и однозначно негативной [90]. Но до каких-либо серьезных массовых проявлений недовольства дело не дошло, руководству системы спецпоселений удалось удержать обстановку под контролем, который стал еще более жестким после передачи этой системы в 1950 г. в ведение МГБ СССР [91].

Если же обратиться к статистике, то к началу конца этой системы (январь 1953 г.) 1 862 222 взрослых спецпоселенца, пребывавшие в ней, делились на три категории:

1) выселенные навечно («выселенцы») – 1 419 625 чел. (76,2 % общего списочного состава), в том числе: «выселенные с Северного Кавказа»; «из Крыма»; «из Грузии»; калмыки; немцы (подконтингент «выселенные»); «оуновцы»; «из Прибалтики (кроме выселенных из Литвы в 1945–1948 годах)»; «из Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии в послевоенное время»; «с Черноморского побережья»; «иеговисты»; «басмачи»; «андерсовцы»;

2) выселенные без указания сроков («спецпоселенцы») – 327 618 чел. (17,6 %), в том числе: немцы (подконтингенты «репатриированные», «местные», «мобилизованные»); «из Литвы в 1945–1948 годах»; «поляки, выселенные в 1936 году»; «выселенные в 1937 г. с иранской и афганской границ»; «ИПХ»; «бывшие кулаки, выселенные в 1929–1933 годах»; «фольксдойчи»; «немецкие пособники»; «подконтингент «другие» в крымском контингенте (частично)»; «болгары, репатриированные в 1945 г. из Румынии и Болгарии»;

3) выселенные на сроки («спецпоселенцы») – 114 979 чел. (6,2 %), в том числе: «выселенные из Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии в 1940–1941 годах»; «из Краснодарского края и Ростовской области в 1942 году»; «власовцы»; «выселенные по Указу ПВС СССР от 2 июня 1948 года» [92].

Что же касается управленческой структуры спецпоселений, то она к этому времени выглядела также весьма внушительно. По данным на 10 апреля 1953 г., для обеспечения учета, режима, надзора за спецпоселенцами, ссыльнопоселенцами, ссыльными и высланными имелись «на периферии»: 51 отдел спецпоселений, 19 отделений спецпоселений, 2 916 спецкомендатур и 31 оперативно-розыскное подразделение [93]. Дислокация спецкомендатур выглядела следующим образом (ноябрь 1950 г.): Казахская ССР – 838, Узбекская ССР – 186, Красноярский край – 184, Алтайский край – 162, Кемеровская область – 146, Молотовская область – 134, Свердловская область – 123, Новосибирская область – 115, Томская область – 109, Киргизская ССР – 106, Иркутская область – 103, Омская область – 96, Тюменская область – 88, Коми АССР – 62, Челябинская область – 62, Хабаровский край – 57, Архангельская область – 52, Таджикская ССР – 50, Якутская АССР – 37, Амурская область – 35, Дальстрой (Магаданская область) – 34, Башкирская АССР – 26, Бурят-Монгольская АССР – 23, Читинская область – 23, Курганская область – 22, Кировская область – 19, Удмуртская АССР – 17,

Карело-Финская ССР – 16, Марийская АССР – 10, Приморский край – 9, Сахалинская область – 7, Туркменская ССР – 6, Тувинская АО – 2 [94].

Аппарат надзора за спецпоселенцами, ссыльнопоселенцами, ссыльными и высланными (по данным на 1 января 1953 г.) составлял 10 752 чел., в том числе: сотрудники центрального и территориальных аппаратов управления – 1 044, сотрудники горрайорганов – 1 861, коменданты спецкомендатур – 2 893, помощники комендантов – 1 861, надзиратели – 2 801, личный состав оперативно-розыскных подразделений – 1 217 [95]. Надзор за «спецконтингентами» осуществлялся через агентуру и «старших десятидворок». В этих целях было задействовано (январь 1953 г.): агентов – 33 463 (соотношение – 1 : 82), содержателей конспиративных и явочных квартир – 468, «старших десятидворок» – 94 246, всего – 128 177 (соотношение – 1 : 21) [96].

Начальниками отделов (отделений) спецпоселений МВ–УМВД республик, краев и областей являлись (1949 г.):

- Казахская ССР – майор С.Ю. Юсупов;
- Карело-Финская ССР – подполковник В.И. Коробейников;
- Узбекская ССР – полковник Н.И. Мочалов;
- Марийская АССР – майор Д.И. Моргунов;
- Татарская АССР – майор Н.П. Львин;
- Красноярский край – полковник С.М. Шустин;
- Амурская область – майор А.П. Утин;
- Кемеровская область – подполковник П.П. Юдин;
- Кировская область – подполковник П.К. Шанин;
- Курганская область – майор И.К. Бурлака;
- Куйбышевская область – подполковник Ф.В. Болотских;
- Молотовская область – подполковник Л.Ф. Иванов;
- Мурманская область – майор А.С. Панфилов;
- Новосибирская область – подполковник В.А. Смирнов;
- Омская область – подполковник С.П. Дементьев;
- Свердловская область – майор С.Н. Шмаргилов;
- Тюменская область – подполковник М.А. Васильев;
- Челябинская область – подполковник М.И. Гвардейцев;
- Читинская область – майор Г.П. Жагаров;
- Чкаловская область – полковник И.И. Данков;
- Дальстрой НКВД СССР – подполковник В.И. Овсянкин [97].

Таким образом, политическое руководство страны, по всей видимости, рассчитывало сохранить систему спецпоселений в практически неизменном количественном и структурно-административном ее составе еще на долгое время: освобождению (с сомнительной степенью вероятности и в весьма неопределенной перспективе) подлежали лишь чуть более 6 % «спецконтингента», укреплялся управленческий аппарат всех уровней, ужесточались режим и надзор. Время, однако, распорядилось иначе, и уже ближайшее будущее поставило под сомнение, а затем и опровергло эти планы.

Источники и литература

1. ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп. 57. Д. 15. Л. 81–83, 165–174.
2. Цит. по: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. С. 37–42.
3. См., напр.: постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 60); инструкцию ЦИК СССР и СНК СССР от 4 февраля 1930 г. (Бердинских В.А. Указ. соч. С. 722); постановление коллегии Наркомата земледелия РСФСР от 1 апреля 1930 г. «О местах поселения кулацких хозяйств, выселяемых из районов сплошной коллективизации» (ГАРФ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 58); постановление СНК РСФСР от 10 апреля 1930 г. «О мероприятиях по упорядочению временного и постоянного расселения высланных кулацких семей» (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1796. Л. 230) и др.
4. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1797. Л. 8, 9, 10–11, 53–55, 57, 78–80, 81–86.
5. См., напр.: «Временное положение о поселковых комендатурах Северного края» от 19 июня 1930 года // Покаяние. Т. 4. Ч. 1. С. 71–72.
6. См.: Неизвестная Россия. С. 257–263.
7. Цит. по: Неизвестная Россия. С. 251–252.
8. Петров Н.В., Скоркин К.В. Организация и структура органов госбезопасности. 1921–1941 гг. // Кто руководил НКВД. 1934–1941: Справочник. М., 1999. С. 5.
9. Из истории раскулачивания в Карелии. С. 142–143.
10. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг.: Сборник документов. Новосибирск, 1993. С. 309–310.
11. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 3. Л. 132–141.

12. Из истории раскулачивания в Карелии. С. 227–232.
13. Покаяние. Т. 4. Ч. 1. С. 75, 372.
14. Из истории раскулачивания в Карелии. С. 233–234.
15. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. С. 58–60.
16. См. параграф 3 настоящей главы.
17. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 123; *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 724.
18. Берман Матвей Давыдович (1898–1939) – член Компартии с 1917 года; в органах ВЧК – ОГПУ – НКВД – с октября 1918 г.; с 1929 г. – заместитель полпреда ОГПУ по Ивановской области; с июля 1930 г. – заместитель начальника УЛАГа (с октября 1930 г. – ГУЛАГа) ОГПУ; в 1931 г. – начальник строительства Беломорско-Балтийского канала; в 1932–1937 гг. – начальник ГУЛАГа ОГПУ (с 1934 г. – НКВД); с 1933 г. – начальник строительства канала Москва–Волга; с 1936 г. – заместитель наркома внутренних дел СССР (одновременно – начальник переселенческого отдела НКВД); с августа 1937 г. – нарком связи СССР; специальное звание (1935 г.) – комиссар государственной безопасности 3-го ранга; арестован в декабре 1938 г., расстрелян 7 марта 1939 г.; реабилитирован посмертно в октябре 1957 г. (Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 1054; *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 698–699).
19. Рапопорт Яков Давыдович (1898–1962) – член Компартии с 1917 г.; в органах ВЧК – ОГПУ – НКВД – МВД – с января 1918 г.; в 1930–1932 гг. – помощник начальника УЛАГа (с октября 1930 г. – ГУЛАГа) ОГПУ; в 1932–1939 гг. – заместитель ГУЛАГа ОГПУ–НКВД СССР; с 1939 г. – на руководящих административно-хозяйственных должностях в системе ГУЛАГа, а с 1953 г. – Минстроя СССР; уволен в запас в июне 1956 г.; специальные звания: старший майор государственной государственной безопасности (1940 г.), генерал-майор инженерно-технической службы (1943 г.). (Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 435, 436, 582, 687, 1054).
20. Фирин-Пупко Семен Григорьевич (?–1937) – член Компартии с 1918 г.; в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД – с 1931 г.; в 1920–1930 гг. – сотрудник внешней разведки (ГРУ) РККА (находился за рубежом); с 1931 г. – сотрудник Особого отдела ОГПУ; с 1933 г. – начальник Дмитлага ОГПУ–НКВД, одновременно – заместитель начальника ГУЛАГа; арестован в апреле 1937 г., расстрелян 14 августа 1937 г.; реабилитирован посмертно в 1956 г. (Федоров Н. Двигатель «перековки». Начальник Дмитлага С.Г. Фирин // Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга Памяти жертв политических репрессий. М., 2003. Вып. 7. С. 45–52; Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 604, 1085).
21. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. С. 24–25.
22. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Организация и структура органов госбезопасности. С. 5.
23. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 13; *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 18; Покаяние. Т. 4. Ч. 2. С. 21; *Кириллов В.М.* История репрессий в Нижнетагильском районе Урала. 1920–1950-е годы. Нижний Тагил, 1997. Т. 2. С. 161, 162; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Организация и структура органов госбезопасности. С. 1–6.
24. Закарьян Григорий Петрович (1897–1938) – член Компартии с 1919 г.; с 1931 г. – начальник отдела ОГПУ СССР по спецпереселенцам; с 1934 г. – заместитель начальника Ухтинско-Печерского ИТЛ НКВД СССР; с 1937 г. – начальник отдела кадров, начальник Горного отдела ГУЛАГа НКВД СССР; арестован в 1938 г., приговорен к 20 годам ИТЛ, умер в заключении; реабилитирован посмертно. (Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 565, 566, 573, 576, 604, 722, 1057, 1073).
25. Плессе-Вишневский Стефан Иосифович (1895–1938) – член Компартии с 1919 г.; в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД – с 1920 г.; с 1931 г. – начальник отделения ГУЛАГа ОГПУ СССР; с 1935 г. – временно исполняющий обязанности начальника отдела трудовых поселений ГУЛАГа; арестован в июне 1938 г., расстрелян; реабилитирован посмертно. (Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 100, 114, 1062, 1082).
26. Плинер Израиль Израилевич (1896–1939) – член Компартии с 1922 г.; в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД – с октября 1926 г.; с 1932 г. – помощник, а с 1935 г. – заместитель начальника ГУЛАГа ОГПУ–НКВД СССР; с 1936 г. – заместитель начальника, а затем – начальник переселенческого отдела НКВД, одновременно – председатель аттестационной комиссии ГУЛАГа; с апреля 1937 г. – начальник ГУЛАГа НКВД СССР; специальное звание (1936 г.) – дивизионный интендант; арестован в ноябре 1938 г., расстрелян в 1939 г.; реабилитирован посмертно в октябре 1956 г. (Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 1062).
27. Филаретов Глеб Васильевич (1901–1979) – член Компартии с 1919 г. (исключен в 1943 г.); в 1938 г. – нарком местной промышленности РСФСР; в органах НКВД – с октября 1938 г. (заместитель наркома внутренних дел СССР, начальник Главного управления исправительно-трудовых лагерей, мест заключения и трудовых поселений); с 1939 г. – на руководящих административно-хозяйственных должностях в системе Наркомата тяжелой промышленности СССР. (Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. С. 501).
28. Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 1085.
29. Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 1075.
30. Чернышов Василий Васильевич (1896–1952) – член Компартии с 1917 г.; в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД–МВД – с октября 1920 г.; с 1936 г. – заместитель начальника УНКВД по Дальневосточному краю; с 1937 г. – заместитель наркома внутренних дел СССР, начальник Главного управления Рабоче-Крестьянской милиции НКВД СССР, начальник ГУЛАГа НКВД СССР; с февраля 1941 г. – заместитель наркома-министра внутренних дел СССР; специальное звание (1945 г.) – генерал-полковник. (Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД).
31. Иванов Иван Васильевич (1902–1976) – член Компартии с 1926 г.; в органах НКВД–МВД – с 1939 г.; с 1939 г. – начальник УНКВД–УНКГБ по Свердловской области; с августа 1941 г. – начальник отдела спецпоселений НКВД СССР; в дальнейшем – на руководящих административно-хозяйственных должностях в системе НКВД–МВД СССР; специальное звание (1943 г.) – полковник госбезопасности; с 1956 г. – пенсионер. (Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД).
32. *Полян П.М.* Указ. соч. С. 237, 306.
33. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 151, 305.
34. Там же. С. 269, 304.
35. *Коржыхина Т.П.* Указ. соч. С. 186.

36. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. С. 500.
37. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 19; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД.
38. ГАРФ. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1681. Л. 3.
39. Там же. Ф. 374. Оп. 1. Д. 8. Л. 28.
40. Там же. Ф. 488. Оп. 1. Д. 827. Л. 7.
41. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 113. Л. 11.
42. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 43. Л. 6.
43. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 126–127.
44. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 2. Л. 17; Д. 10. Л. 2; Д. 48. Л. 1, 9–13; Д. 949. Л. 77.
45. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 52. Л. 77–87.
46. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 11. Л. 34.
47. Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1946. Л. 94.
48. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 31.
49. Покаяние. Т. 4. Ч. 2. С. 23.
50. Подробнее см. параграф 3 настоящей главы.
51. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 121.
52. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 740.
53. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–45 гг.: Документы и материалы. Новосибирск: 1996. С. 120.
54. Покаяние. Т. 4. Ч. 2. С. 231–232.
55. Там же.
56. *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Указ. соч. С. 232, 249.
57. *Белковец Л.* Спецпоселение немцев в Западной Сибири // Репрессии против советских немцев. С. 158–160.
58. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 157. Л. 111.
59. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 445–446.
60. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 447.
61. *Белковец Л.* Указ. соч. С. 162.
62. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 624.
63. Там же. С. 546.
64. *Земсков В.Н.* «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 23.
65. Покаяние. Т. 4. Ч. 2. С. 263.
66. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 109.
67. Там же, со ссылкой на: ГАРФ. Коллекция документов.
68. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 177. Л. 78–81.
69. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 79.
70. Там же.
71. Там же.
72. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 136–137.
73. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 79.
74. Там же. С. 624.
75. Там же.
76. Там же.
77. Там же. С. 79.
78. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 98–99.
79. Там же.
80. Архив Вятского ИТЛ НКВД СССР/Учреждения К-231 МВД СССР/Вятского УЛИУ Минюста России. Коллекция документов.
81. Там же.
82. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 172–173.
83. Цит. по: *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 159.
84. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 725. Л. 93–94.
85. Подробнее см. параграф 3 настоящей главы.
86. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 207. Б/л.
87. Там же.
88. Там же.
89. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 161.
90. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 433. Л. 162–163.
91. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 746.
92. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 725. Л. 97.
93. Там же. Л. 2.
94. Там же. Д. 436. Л. 44–47.
95. Там же. Д. 725. Л. 16.
96. Там же.
97. Там же. Д. 488. Л. 129.

§ 2. Экономика системы спецпоселений

Принудительное перемещение значительных масс людей – одно из основных направлений советско-сталинской политики спецколониализации, то есть освоения необжитых и малообжитых регионов СССР – в русле реализации мобилизационной модели экономического развития страны. Это составляло (или, во всяком случае, должно было составлять) одну из стратегических задач системы спецпоселений.

В постановлении СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколониализации в Северном и Сибирском краях и Уральской области», указывалось, в частности:

«...1. Возложить Наркомзем РСФСР проведение земельного и хозяйственного устройства спецпереселенцев и их семей, занимающихся сельским хозяйством, в Северном и Сибирском краях и Уральской области.

2. Поручить ВСНХ РСФСР, НКТоргу и другим хозяйственным органам, по соглашению с НКЗемом и Наркомвнуделом РСФСР, проведение устройства спецпереселенцев, используемых по линии промышленности и промыслов.

3. Признать необходимым при помощи спецколониализации:

а) максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, оструюжающихся в рабочей силе районах и

б) в сельском хозяйстве устраивать лишь тех спецпереселенцев, рабочая сила которых не может быть использована на лесоразработках и промыслах.

4. Поручить НКЗему РСФСР, совместно с ВСНХ РСФСР, НКТоргом и с соответствующими краевыми (областными) исполкомами и по соглашению с НКВД РСФСР разработать в соответствии с указаниями п. 3 настоящего постановления конкретные хозяйственные мероприятия по использованию спецпереселенцев» [1].

Сегодня можно с достаточной степенью определенности утверждать, что создание и функционирование в 1930–1940-х гг. системы спецпоселений явилось своеобразным гигантским экспериментом-экспромтом, не подкрепленным сколько-нибудь серьезными экономическими проработками и расчетами и ставшим лишь побочным продуктом, следствием массовой карательной политики тоталитарного режима в отношении прежде всего крестьянства, а также «неудобных» ему других слоев общества и целых народов. Отсюда следует и множество противоречий и конфликтов на разных уровнях управленческой машины, сопровождавших создание и существование не прогнозирувавшегося ранее сектора экономики в таких масштабах, в форсированные сроки и зачастую в экстремальных условиях.

На ранней стадии своего формирования (1930–1934 гг.) сеть спецпоселений имела весьма убыточный характер, с огромными безвозмездными бюджетными затратами на ее становление и содержание. Последующий период может считаться временем, когда экономика спецпоселений стала органичной частью сталинско-советской экономической модели, а результаты деятельности спецпереселенцев приобрели осязаемые параметры, поддающиеся измерению в натуральной и стоимостной форме. Но и при этом система принудительного труда продолжала существовать по особым правилам финансирования и отчетности, а следовательно, и по особым экономическим правилам.

Экономический аспект политики «раскулачивания» первоначально проявился только в проведении конфискации имущества крестьян в пользу государства (конфискация денежных вкладов и продажа части имущества и скота для погашения задолженности репрессированных перед налоговыми органами). Само же государство далее передало остальное имущество «раскулаченных» колхозам – в качестве неделимого капитала. В стоимостном выражении это дало озвученную И.В. Сталиным летом 1930 г. цифру в 400 000 000 руб. [2]. В то же время официальная ведомственная статистика оперировала значительно меньшими оценками стоимости имущества «раскулаченных хозяйств». По данным на начало июля 1930 г, Наркомфин СССР располагал сведениями о сумме «конфиската», вдвое меньше «сталинской» цифры – 175 500 000 руб. Вне зависимости от этого утверждалось, что стоимость имущества «кулаков» составила одну треть неделимого капитала колхозов [3].

Столь серьезная доля конфискованного у зажиточного крестьянства и использованного при массовом создании колхозов имущества свидетельствует о том, что государство изначально не обладало крупными инвестициями для вложения в экономику коллективных хозяйств (или не имело желания делать такие инвестиции). Отсюда – стремление возложить тяготы «коллективизации» на плечи самого крестьянства, в том числе провести операцию по конфискации и перераспределению имущества «кулаков» в пользу «коллективизаторов».

Что же касается затрат, которые понесло государство при проведении депортаций (высылки) в разные периоды, то эта тема в историко-экономической плане практически не разработана. Главная причина, очевидно, заключается в том, что финансирование этого вида репрессий осуществлялась из нескольких источников, а контроль и отчетность при этом не были налажены надлежащим образом. Можно считать достоверно установленным, что основным источником финансирования этих расходов («непредвиденных» либо «чрезвычайных») был государственный бюджет, или так называемый «резервный фонд Правительства (СНК – Совета Министров) СССР. Причем все выделявшиеся средства подразделялись на «возвратные» и «невозвратные».

В основу был положен принцип, что государство несет расходы по депортации, размещению выселенных, созданию производственной и социально-культурной инфраструктуры для спецпереселенцев, а обязательному возврату подлежали кредиты, выдаваемые спецпереселенцам на постройку жилья, приобретение имущества, скота в районах нового проживания. Но это оказалось на практике всего лишь некоей идеальной схемой. В действительности на начальном этапе становления спецпоселений (1930–1934 гг.) все бюджетные расходы оказались безвозвратными. Хотя им можно дать лишь приблизительную оценку. Так, в 1930 г. для осуществления депортации и расселения в спецпоселках «кулаков 2-й категории» СНК СССР из резервного фонда была выделена весьма значительная сумма.

Первоначально целевым ее получателем и распорядителем выступало руководство ОГПУ СССР. Средства предназначались для финансирования прежде всего самой карательной операции силами ОГПУ и (частично) НКВД РСФСР (милиции). Согласно справке финансового отдела ОГПУ, составленной 9 февраля 1931 г., по постановлению СНК СССР для проведения «первой операции» (зима – лето 1930 г.) ОГПУ получило в свое распоряжение фонд «К» в размере 43 150 000 руб. Из них только для увеличения штата ОГПУ из средств на проведение карательной операции в деревне было отпущено более 6 000 000 руб. [4].

3 800 000 руб. отпускалось на «особые расходы» (без расшифровки назначения). Далее предусматривались расходы на увеличение сети лагерей ОГПУ, куда направлялись «кулаки 1-й категории». Наибольшие же расходы планировались на проведение самой операции по высылке, размещению и хозяйственному устройству спецпереселенцев – 24 200 000 руб. Сюда входили расходы: по централизованным транспортным перевозкам людей, хозяйственных и продовольственных грузов, на охрану, питание в пути, на закупку запасов продовольствия, фуража, инвентаря, медико-санитарное обслуживание в период расселения на новых территориях.

Монополистом данных средств номинально выступала специальная комиссия СНК СССР по спецпереселенцам («комиссия Шмидта»), но фактическим их распорядителем было руководство ОГПУ. Установленная процедура предусматривала передачу неизрасходованных ОГПУ средств обратно в бюджет – по завершению операции. По данным финотдела ОГПУ, в казну были возвращены 20 100 000 руб. [5].

Таким образом, только ОГПУ израсходовало на депортационные цели около 23 000 000 руб. Если из этой суммы вычесть расходы на расширение сети лагерей (9 000 000 руб.), то расходы на спецпереселенцев составят 14 000 000 руб. Местным органам власти Северного края, Урала и Сибири (основных регионов размещения спецпереселенцев) на финансирование хозяйственного устройства репрессированных крестьян было отпущено около 12 000 000 руб. [6]. Начался отпуск средств крупным хозяйственным ведомствам, в чье распоряжение поступали спецпоселенцы, в частности около 1 млн. руб. получило управление «Цветметзолото» [7].

Очевидно, что расходы на перемещение и устройство на новых местах в 1930 г. 100 000 крестьянских семей (550 000 чел.) не ограничивались цифрой в 27 000 000 руб. Сюда вошли только централизованные расходы. Но по меньшей мере еще несколько миллионов рублей составили неоплаченные «центром» расходы на депортацию из местных бюджетов, а также те из них, что ложились трудовой повинностью на плечи местных крестьян.

Так, гужевые перевозки «раскулаченных» внутри регионов обычно не оплачивались, хотя были весьма затратными. В марте 1930 г. перевозка 1 500 семей с грузами из одного района Сибири в другой потребовала бы мобилизовать у местных крестьян 12 000 подвод, что по тогдашним расценкам могло обойтись местной казне почти в 500 000 руб. Однако местные власти вместо этого объявили перевозки «бесплатной повинностью» для крестьян. Именно таким «бесплатным» способом внутри Сибири зимой-весной 1930 г. гужевыми перевозками вглубь тайги были перемещены 16 000 «кулацких» семей [8]. Следовательно, можно предположить, что неучтенные расходы только внутри Сибири составили не менее 5 000 000 руб., а ведь подобные же расходы имелись на Урале и в Северном крае. То есть всего в 1930 г. затраты на спецпоселение составили примерно 27 000 000 руб. прямых («государственных») и до 10 000 000 руб. скрытых («местных») расходов.

Новая и еще более значительная «кулацкая» депортация весной-летом 1931 г., почти втрое превзошедшая по масштабам высылку 1930 г., естественно, повлекла за собой и более значительные финансовые затраты. К высылке 1931 г. был применен более прагматичный подход с точки зрения учета и оценки экономической целесообразности размещения и использования труда «раскулаченных». Так, в 1930 г. при высылке приоритет отдавался «охранительному» аспекту, то есть территория размещения спецпоселков оценивалась в первую очередь с точки зрения условий для обеспечения режима изоляции депортированных, и только во вторую очередь учитывалась возможность рационального использования труда спецпереселенцев.

В 1931 г. ситуация значительно изменилась. Созданная решением Политбюро ЦК ВКП(б) и работавшая с марта 1931 г. до осени 1932 г. комиссия по спецпереселенцам («комиссия Андреева – Рудзутака») по основной своей функции может быть названа «наркоматом принудительного труда», поскольку основной целью ее деятельности стала увязка и координация карательной и экономической стороны «кулацкой ссылки». Комиссия изучала предложения руководства территориальных партийно-советских органов и полпредств ОГПУ

о масштабах высылки репрессированных крестьян вовне или внутри тех или иных регионов – с учетом заявок от всевозможных хозяйственных ведомств и организаций на использование труда спецпереселенцев.

Хотя в то же время учет экономической целесообразности при планировании массовых репрессий можно признать рациональным фактором только отчасти. Хозяйственным органам, как правило, было совершенно безразлично, в течение какого периода спецпереселенцы могли адаптироваться к новым и экстремальным условиям своего существования. Высылка сельского населения хлеборобных районов юга Украины и Северного Кавказа в таежно-болотистые территории Западной Сибири, а жителей республик Средней Азии – на Украину и Северный Кавказ имела прежде всего политическую подоплеку. Тем не менее в 1931 г. (по сравнению с 1930 г.) принципы финансирования депортаций и хозяйственного устройства спецпереселенцев все же изменились. Хотя, как и ранее, ОГПУ получило свою долю денежных средств из резервного фонда СНК СССР на перевозку и размещение депортируемых, а также на создание режимных условий в спецпоселках, но, наряду с этим, в еще более значительных размерах Правительство стало финансировать хозяйственные органы – для создания условий по устройству и использованию труда спецпереселенцев.

Вместе с тем контрольные органы очень скоро выяснили, что эти целевым образом выделяемые средства («адресные» деньги) ведомства часто тратили не по их прямому назначению, а на текущие нужды, не связанные с обслуживанием «спецконтингентов». Сама отчетность по этим расходам была запутана или не представлялась вовсе. Летом 1931 г. комиссия ЦКК–РКИ, проверив размеры государственных затрат в этой сфере, пришла к следующим выводам. Данные Наркомфина СССР и хозяйственных наркоматов существенно расходились в оценках полученных из бюджета средств для обеспечения условий труда и быта спецпереселенцев. Наркомфин фиксировал, в частности, что хозяйственные органы получили для этих целей в первой половине 1931 г. 21 500 000 руб., в том числе наибольшие суммы достались Управлению «Цветметзолото» (6 000 000) и «Союзлеспрому» (12 000 000). Однако, по данным ВСНХ СССР, «Союзлеспром» за этот период получил из бюджета 21 000 000 руб., а в третьем квартале 1931 г. должен был получить еще 6 000 000 руб. «Цветметзолото», по этим же данным, получило 12 000 000 руб. Таким образом, разница в цифрах только по этим двум ведомствам колебалась от 21 500 000 до 33 000 000 руб. [9].

Что касается расходов, которые в 1931 г. контролировало ОГПУ, то Правительством в июле 1931 г. этому ведомству для обеспечения высылки «раскулаченных» и создания инфраструктуры спецпоселений было решено выделить 28 000 000 руб., из них только на операцию по высылке и перевозкам – 4 500 000 руб. Однако в сентябре 1931 г. СНК СССР сократил общую сумму до 20 000 000 руб. [10]. Помимо этого и дополнительно к названным выше суммам СНК СССР своим секретным постановлением от 16 августа 1931 г. выделил на цели хозяйственного устройства спецпереселенцев для финансирования во второй половине 1931 г. и в 1932 г. еще 40 000 000 руб. [11].

Если суммировать все приведенные выше цифры, то размеры государственных расходов, выделенных в 1931 г. на спецпереселенцев, составляют от 81 500 000 до 93 000 000 руб. Это означает, что государство, осуществляя в 1930–1931 гг. высылку, тратило на проведение непосредственно перевозок депортируемых сравнительно скромные суммы (по 5 000 000–6 000 000 руб. в год), но затем, втягиваясь в расходы по созданию спецпоселков и их инфраструктуры, а также условий для снабжения, устройства быта и использования труда спецпереселенцев, вынуждено было направлять все более значительные и возрастающие денежные средства на эти цели. Например, если в 1931 г. суммарные расходы на депортацию и обустройство высланных крестьян во всех отраслях экономики составили от 81 500 000 руб. (нижняя граница расходов), то только по Наркомату тяжелой промышленности СССР в бюджете на 1933 г. для финансирования спецпереселенцев, работавших на предприятиях этого наркомата, было отпущено около 75 000 000 руб. [12].

Если учесть, что в промышленности на тот период было занято не более трети от общей численности спецпереселенцев, то можно предположить, что в 1933 г. государство выделило на цели функционирования «старых» спецпоселков уже не менее 200 000 000 руб. К этому следует добавить, что сталинско-советский режим осуществил, хотя и не в полном объеме, в 1933 г. амбициозный план дополнить контингент «кулацких» спецпоселков высланными «социально опасными» и «деклассированными элементами» из крупных городов и приграничных территорий [13].

Так, для переселения почти 600 000 чел. «нового контингента» планировалось отпустить около 150 000 000 руб. Реально удалось депортировать около 300 000 чел. Соответственно и расходы составили, вероятно, половину от запланированных средств. Это дает основание считать, что в 1933 г. суммарные расходы государства на содержание «старых» и «новых» спецпереселенцев могли выражаться цифрами 270 000 000–280 000 000 руб. Безусловно, следует учитывать инфляционные процессы, но и приведенные расчеты показывают, что государственные затраты на спецпоселения удваивались в каждый последующий год в сравнении с предыдущим: 1930 г. – 37 000 000 руб., 1931 г. – до 90 000 000, 1932 г. – данных нет, 1933 г. – 270 000 000–280 000 000 руб. [14].

Достаточно четкое представление о структуре затрат на создание и функционирование системы спецпоселений можно получить из документов территориальных органов управления этой системой. Многие из этих

документов уникальны по своей информационной насыщенности. Лишь один из них (в ряду многих подобных) – отчет о деятельности Отдела трудпоселений по освоению силами спецпереселенцев северных районов Западной Сибири – Нарымского края [15].

В нем, в частности, приводится статистика о средствах на содержание спецпоселков за период с 1930 по 1937 г. Государственные средства, выделявшиеся для этих целей, делились на две части – безвозвратные и возвратные (ссуды). Для хозяйственного устройства, содержания инфраструктуры, поддержания режима и надзора среди «спецконтингента» общей численностью до 60 000 семей (около 250 000 чел.) было израсходовано примерно 105 000 000 руб. Из этой суммы собственно бюджетные средства составили 60 %, а 40 % – средства, заработанные самими спецпереселенцами. Затраты можно подразделить на четыре группы:

- 1) хозяйственное устройство самих поселков и создание производственного потенциала;
- 2) социально-культурная инфраструктура;
- 3) управленческий аппарат;
- 4) прочие расходы.

При этом доля первой группы расходов (производственно-хозяйственные) составила примерно 35 %, социально-культурные затраты – 30 %, на содержание управленческого аппарата – 26 %, прочие расходы – 9 %. В последнюю графу отнесена сумма так называемой «безнадежной задолженности» (невывплаченные ссуды бежавших, умерших, арестованных и т.п.). То есть (в несколько упрощенном виде) картина прямых расходов такова: треть средств была потрачена на депортацию и хозяйственно-бытовое устройство переселенцев, еще треть ушла на создание социально-культурной инфраструктуры, а последняя треть – это расходы на режимно-надзорный аппарат и та часть ссудных средств, которые пришлось отнести к «безвозвратным расходам». Обращает на себя внимание весьма обширная доля средств, поглощаемых управленческим аппаратом спецпоселений – более четверти общего объема бюджетных затрат. Для сравнения: в период «сталинских переселений» в Сибирь в начале XX в. доля административно-управленческих расходов была намного меньше – не более 10 % в общей массе выделенных государством финансовых ресурсов [16].

Если обратиться к сфере возвратных средств, то становится очевидным, что за период 1930–1937 гг. государство выделило на нужды спецпереселенцев в Нарымском округе примерно 35 000 000 руб. К началу 1938 г. из этой суммы были реально возвращены государству 10 000 000 руб., еще столько же объявлены «безнадежной задолженностью» и списаны государством. Таким образом, 15 000 000 руб. составили ссудную задолженность, подлежащую возврату.

В том случае если государство вознамерилось бы взыскать эти средства в бюджет путем конфискации имущества неуставных сельхозартелей (как это и было сделано в 1930 г. в отношении «раскулаченных»), то для ликвидации этой задолженности нарымским спецартелям (и не только им) не хватило бы средств даже от продажи всех товаров и продуктов, имевшихся к тому времени на балансе регионального отдела трудпоселений. Это означало, что спустя семь лет с момента своего создания (как и в последующие годы) производственно-экономический потенциал спецтрудпоселений оставался неустойчивым и уязвимым перед сталинско-советской государственной машиной и ее неотъемлемой составной частью – фискальными и карательными органами.

Если обратиться к общесоюзной статистике депортаций, то она свидетельствует, что при выселении в 1930–1931 гг. 381 000 крестьянских семей на их транспортировку, начальное бытовое и хозяйственное устройство государство израсходовало приблизительно 130 000 000–140 000 000 руб., или примерно по 300–350 руб. на одно принудительно переселенное хозяйство [17]. В отечественной историографии по рассматриваемой теме отмечалось, что на переселение, хозяйственное устройство и обслуживание «бывших кулаков» в 1930–1932 гг. советское государство отпустило около 250 000 000 руб., то есть в среднем на одно «раскулаченное» хозяйство для указанных целей выделялось около 1 000 руб. По другим расчетам, этот показатель в те же 1930–1932 гг. составлял в пределах 630–660 руб. – да и то при условии, что все выделенные деньги пошли строго по назначению, а последнее как раз и вызывает весьма серьезные сомнения [18].

В последующие годы с учетом растущей инфляции затраты государства на эти цели увеличивались – и весьма серьезно. Можно сравнить приведенные выше цифры с данными о расходах на локальную высылку из южных районов Западной Сибири в северные («нарымские комендатуры») в конце мая 1935 г. почти 600 хозяйств (2 615 чел.). В докладной записке Западно-Сибирского крайкома в ЦК ВКП(б) от 9 июля 1935 г. расходы, произведенные при этом из краевого бюджета, оцениваются в 450 000 руб. Одновременно предполагается, что на первый год своего пребывания на спецпоселении до получения первого урожая выселенным потребуется выделить семян, продовольствия и фуража еще на такую же сумму. В итоге сумма затрат удваивалась [19].

Таким образом, можно предположить, что в середине 1930-х гг. высылка и хозяйственное устройство одного принудительно перемещаемого хозяйства обходилась государству примерно в 1 500 руб. Сказанное подтверждается и сведениями 1936 г, когда при высылке из Украины 15 000 польских и немецких семей

(45 000 чел.) затраты на их перевозку и первоначальное хозяйственное устройство в Карагандинской области Казахстана были определены суммой в 26 000 000 руб., что примерно соответствует затратам на депортации 1935 г. в Сибири (1 500 руб. на переселение одного хозяйства) [20].

При этом как бы государство ни пыталось минимизировать собственные затраты, предусматривая увеличение доли в этих расходах так называемых «возвратных средств», все больше тратилось средств «безвозвратных», что означало возрастающие и действительно безвозвратные потери как для экономики страны в целом, так и для ее регионов – и тех, откуда выселяли, и тех, куда «вселяли» репрессированные «спецконтингенты».

Определить общий объем государственных расходов на создание и содержание системы спецпоселений за весь период ее функционирования в настоящее время практически невозможно. Лишь с какой-то степенью достоверности, основываясь на вышеприведенных статистических данных, а также исходя из того, что на протяжении 1930–1950-х гг. через все формы спецпоселения, ссылки и высылки прошли, по некоторым оценкам, не менее 6 млн. чел. [21], допустимо предположить, что эти расходы составили не менее 3 миллиардов рублей (в ценах 1936 г.), что эквивалентно примерно 600 миллионам долларов США (по официальному курсу на тот же год), а ныне – сумме, выражающейся значениями, как минимум, на порядок выше [22].

Анализ документальных источников приводит к заключению, что приступая в 1930 г. к массовым депортациям «социально опасного элемента» сталинско-советское руководство не предвидело всего масштаба и совокупности проблем и трудностей, которые возникали и в дальнейшем постоянно сопровождали решение «ссылного вопроса».

Поначалу вообще считалось, что достаточно будет организовать спецпоселки в местах нового расселения «раскулаченных» и обязать их выполнять установленные государством задания в области земледелия. И лишь небольшую часть депортированных «кулаков» предполагалось направить в неземледельческую сферу, но также достаточно традиционную и знакомую сельским жителям (лесозаготовки, кустарные промыслы, рыболовство и т. п.).

Вот почему первые решения о хозяйственном устройстве спецпереселенцев говорили о «спецколонизации» северных и восточных территорий страны силами водворенных на поселение крестьян. «Пролетаризация кулачества» в качестве приоритетной задачи вначале не рассматривалась. Это четко прослеживается в структуре основных сфер использования труда спецпереселенцев в 1930 г.: сельское хозяйство и лесозаготовки. Тем не менее в том же 1930 г. первым из крупных хозяйственных ведомств «Цветметзолото» включило в состав используемых на золотых приисках Сибири и Дальнего Востока почти 20 000 «кулаков-одиночек», высланных без семей из Украины и Белоруссии [23].

Ситуация резко меняется с весны 1931 г., когда полное административное управление спецпоселками было передано в ведение ОГПУ, равно как и ответственность за организацию и контроль над использованием труда спецпереселенцев в экономике страны. С этого момента ОГПУ обрело монопольное право на распределение спецпереселенцев по сферам занятости и ввело этот процесс в нормативные, договорные рамки. Именно ОГПУ с ведома партийно-государственного руководства заключало генеральные договоры с крупнейшими хозяйственными органами страны на использование ими труда спецпереселенцев.

С этого же момента формируются две взаимосвязанные модели организации и профилирования хозяйственной деятельности спецпоселений. Первая из них представляет собой схему организации, заимствованную из опыта «коллективизации», – создание так называемых неуставных артелей (сельскохозяйственных и кустарно-промысловых). От колхозов они отличались тем, что не имели формально избранных органов и руководителей (правление и председателя), а их функции исполняли уполномоченный (комендант) спецпоселка и его помощники. При этой модели органы ОГПУ–НКВД (в лице уполномоченного-коменданта) несли ответственность не только за обеспечение режима поселения, но и за производственную деятельность спецпоселка (спецартели).

Вторая модель организации принудительного труда представляла собой некий гибрид спецпоселения и рабочего поселка, профиль хозяйственной деятельности в котором определялся сферами промышленного производства, строительства, транспорта и других неаграрных отраслей экономики. В этом случае уполномоченный-комендант ОГПУ–НКВД отвечал только за соблюдение режима спецпоселения, а всю ответственность за состояние, обеспечение и результаты производственной деятельности несла хозяйственная организация, эксплуатировавшая труд спецпереселенцев (исключения составляли предприятия, входившие непосредственно в структуру НКВД, и лагеря ГУЛАГа).

В итоге указанного разделения по типам организации и сферам применения труда депортированных сложились и две организационно-экономические подсистемы.

Первая из этих подсистем – аграрно-колониальная – существовала в районах освоения новых территорий Севера и Востока СССР. Фактически она была предназначена для того, чтобы дополнить в качестве аграрной составляющей экономику тех территорий (или прилегающих к ним регионов), где шло интенсивное промышленное и транспортное их освоение. Как правило, это были и те территории, где разворачивались

крупные лагерные комплексы, что позволяло создавать своеобразные организационные симбиозы – «лагерно-спецкомендатурные комплексы». К числу таковых относились, например, территории Западной Сибири (аграрный и промысловый Нарымский край и промышленный Кузбасс), Северный Казахстан (сочетание неуставных артелей с Карагандинским лагерем угольно-металлургического профиля), Беломорско-Балтийский комбинат (ББК) НКВД СССР (после строительства которого силами заключенных-«каналармейцев» («зэка») началось освоение территории, прилегающей к ББК посредством «трудоиспользования» спецпереселенцев).

Вторая подсистема – производственно-промышленная – являлась составной частью «открытых» хозяйственных комплексов, построенных в годы первых «сталинских» пятилеток, где в значительных масштабах требовался массовый физический труд различной квалификации (строительство и последующая эксплуатация Кузнецкого и Магнитогорского металлургических комбинатов, новых угольных шахт, рудников, железных дорог и т.п.). Здесь спецпереселенцам была уготована форсированная «пролетаризация» и роль важного составного источника формировавшихся «постоянных кадров» строительных, промышленных или транспортных рабочих. И этот процесс (с той или иной степенью интенсивности) шел на протяжении всего периода существования системы спецпоселений.

Документальные данные позволяют говорить о том, что в течение всего рассматриваемого периода внутри этой системы формировались также свои территориально-производственные комплексы. Здесь имели место процессы и статики, и динамики. Как уже отмечалось, с начала 1930-х гг. складывалась своего рода производственная специализация различных регионов. Север Западной Сибири, Северный Кавказ, Северный Казахстан, отчасти Северный край и ряд других регионов имели специализацию в традиционных сферах экономики (сельское хозяйство, промыслы, лесозаготовки). Наряду с этим образовывались производственные комплексы, где доминировал промышленный сектор (юг Западной Сибири, Урал, северо-запад Европейской части России и т.д.).

Суммарные данные распределения спецпереселенцев по сферам занятости не подтверждают предварительную гипотезу сталинско-большевистского руководства о том, что с течением времени произойдет своего рода «перекачка» трудового потенциала спецпереселенцев из традиционных отраслей экономики в быстро развивающиеся новые ее секторы (промышленность, строительство, транспорт). Цифры говорят скорее о «маятниковом» эффекте в распределении депортированных по отраслям экономики. Примечательно, что летом-осенью 1931 г., то есть в период осуществления самой массовой депортационной «кулацкой» операции, наиболее приоритетными сферами экономики считались индустриальная и связанные с ней инфраструктуры (строительство и транспорт). На это нацеливалась, в частности, в своей работе и упоминавшаяся выше «комиссия Андреева-Рудзутака», удовлетворявшая практически все заявки крупнейших наркоматов и ведомств индустриального профиля на массовую неквалифицированную рабочую силу спецпереселенцев. Отсюда – абсолютное преобладание доли спецпоселенцев, помещенных в промышленные секторы: осень 1931 г. – 3/4 от их общей численности.

Однако данные «трудоиспользования» спецпереселенцев осенью 1936 г., то есть, через пять лет, указывают на изменившееся соотношение в распределении этого «контингента» по секторам экономики. Доля спецтрудпереселенцев, занятых в индустрии и обслуживающих ее отраслях, составила уже около 2/3 от общей их численности, то есть сократилась, тогда как в аграрно-промысловом секторе доля «спецконтингентов» увеличилась, приближаясь к 1/3. К началу 1940-х гг. в сельском хозяйстве и промыслах работала уже половина треть спецтрудпереселенцев [24].

Иначе говоря, ситуация в сфере использования труда спецпереселенцев оказалась гораздо более сложной, нежели первоначальная гипотеза о нарастании тенденции тотальной «пролетаризации» спецпереселенцев. В нижеследующих таблицах приводятся более подробные сведения о трудовом использовании «спецконтингентов» по наркоматам (табл. 4) и по регионам (табл. 5) – по состоянию на 1 января 1938 г.

Таблица 4

Трудовое использование трудпоселенцев по наркоматам (по состоянию на 1 января 1938 г.) [25]

Наркоматы и другие ведомства	Семей	Человек	Трудо-способных	Трудо-устроены	Нетрудо-устроены
Наркомтяжпром	97 859	362 429	165 861	142 311	23 550
Наркомлес	48 754	170 683	74 403	63 926	10 477
С/хозяйство неуставных артелей	48 158	169 842	90 874	73 654	17 220
Белбалткомбинат	8 823	28 130	15 266	12 483	2 783
Наркомзем	7 479	31 281	15 120	12 784	2 336
НКПС	5 629	18 516	8 485	7 755	730
Наркомпищепром	4 937	21 256	10 894	9 055	1 839

Наркоматы и другие ведомства	Семей	Человек	Трудоспособных	Трудоустроены	Нетрудоустроены
Наркомсовхозов	3 873	15 176	7 768	6 321	1 447
НКВД	3 688	13 336	6 413	4 928	1 485
Наркомлегпром и Наркомместпром	3 579	12 273	6 141	5 166	975
Трудколонии	1 224	3 045	1 224	967	257
Главсевморпуть	781	3 061	1 656	1 549	107
Прочие организации	12 243	30 979	16 510	13 028	3 482
ВСЕГО	247 027	880 007	420 615	353 927	66 688

Таблица 5

Трудовое использование трудоселенцев по регионам (по состоянию на 1 января 1938 г.) [26]

Регионы	Семей	Человек	Трудоспособных	Трудоустроены	Нетрудоустроены
Свердловская обл.	47 344	161 976	66 920	61 936	4 984
Новосибирская обл.	38 664	143 694	67 732	57 766	9 966
Красноярский край	14 847	55 293	28 272	23 408	4 864
Челябинская обл.	13 108	49 991	24 046	18 518	5 528
Архангельская обл.	12 675	35 586	18 956	17 206	1 750
Орджоникидзевский край	11 473	42 493	21 012	18 119	2 893
Дальневосточный край	10 556	43 142	19 560	15 447	4 113
Омская обл.	9 925	40 727	18 580	14 599	3 981
Белбалткомбинат НКВД	8 823	28 130	15 266	12 483	2 783
Иркутская обл.	7 927	27 801	11 638	11 145	493
Ленинградская обл.	6 265	20 007	13 690	11 668	2 022
Коми АССР	5 372	17 798	7 477	6 838	639
Башкирская АССР	3 028	12 176	4 335	4 277	58
Вологодская обл.	2 860	8 406	4 078	3 657	421
Кировская обл.	2 213	6 876	2 826	2 697	219
Карельская АССР	1 575	5 445	3 335	3 145	190
Якутская АССР	1 224	3 979	2 493	2 003	490
Куйбышевская обл.	885	3 187	1 704	1 249	455
Читинская обл.	874	3 422	1 911	1 389	522
Алтайский край	701	2 125	1 272	1 095	177
Оренбургская обл.	583	2 243	1 226	1 054	172
Бурят-Монгольская АССР	382	1 593	1 194	600	594
ИТОГО по РСФСР	201 304	716 090	337 523	290 209	47 314
Северный Казахстан	26 760	87 984	44 176	33 047	11 129
Южный Казахстан	8 345	34 194	17 530	12 864	4 666
Узбекская ССР	3 474	13 734	6 759	6 021	738
Таджикская ССР	2 818	9 150	5 449	4 524	925
Киргизская ССР	2 448	11 715	5 937	4 490	1 447
Украинская ССР	1 878	7 140	3 241	2 772	469
ИТОГО по другим союзным республикам	45 723	163 917	83 092	63 718	19 374
ВСЕГО по СССР	247 027	880 007	420 615	353 927	66 680

Таким образом, по данным на 1 января 1938 г., в составе 880 007 трудоселенцев (без 130 742 чел., восстановленных в правах до принятия Конституции СССР 1936 г., которые не имели ограничений в выборе профессий и не включались в учет по трудоустройству в спецпоселении) насчитывалось 420 615 трудоспособных (47,8 %) и 459 392 нетрудоспособных (52,2 %). Из общего числа трудоспособных на работах были заняты 353 927 чел., или 84,1 %. По 14 наркоматам и другим ведомствам этот показатель колебался от 76,8 % (НКВД) до 93,5 % (Главсевморпуть), а по регионам – от 50,3 % в Бурят-Монгольской АССР до 98,7 % в Башкирской АССР [27].

В начале 1938 г. 142 311 трудпоселенцев работали в тяжелой промышленности системы Наркомтяжпрома СССР, в том числе: в Свердловской области – 43 645, в Новосибирской области – 19 600, в Казахской ССР – 16 822, в Челябинской области – 16 079, в Ленинградской области – 11 362, в Дальневосточном крае – 9 240, в Красноярском крае – 7 085, в Иркутской области – 6 377, в Карельской АССР – 3 145, в Якутской АССР – 2 003, в других республиках, краях и областях – 9 693. В лесной промышленности системы Наркомлеса СССР в это же время были заняты 63 926 трудпоселенцев, из них: в Свердловской области – 14 609, в Красноярском крае – 11 974, в Архангельской области – 8 292, в Новосибирской области – 6 034, в Коми АССР – 5 992, в Дальневосточном крае – 4 113, в Омской области – 4 018, в Вологодской области – 2 609, в Иркутской области – 2 111, в других регионах – 4 174 [28].

Десятки тысяч трудпоселенцев оказались на крупнейших промышленных предприятиях страны. Например, в начале 1938 г. работали: на комбинате «Карагандауголь» – 19 115 чел., на Магнитогорском металлургическом комбинате – 8 304, на Уралвагострое – 2 809, на Тагилстрое – 2 240, на Кузнецком металлургическом комбинате – 2 126, на Уралвагонзаводе – 1 727, на Уралмаше – 658 [29]. В отдельных регионах спецпереселенцы стали составлять большинство трудозанятого населения. Так, в общем балансе работающих на всех предприятиях города Кировска Мурманского округа в 1934 г. спецпереселенцы составляли более 60 % [30].

В этом же регионе спецпереселенцы стали даже превосходить по численности коренное население в целом. Так, в 1929 г. население Кольского Севера составляло 27 000 чел. (только постоянные жители), а спецпереселенцев в 1930–1935 гг. поступило сюда свыше 35 000. Это, однако, не означало, что спецпереселенцы стали составлять абсолютное большинство в населении данной территории, поскольку одновременно со спецпереселенческим потоком происходило еще более интенсивное прибытие «добровольных переселенцев» и «вербованных» – за 1930–1935 гг. около 45 000. Таким образом, в 1935 г. в составе населения Кольского Севера на первом месте по численности находились «добровольные переселенцы» и «вербованные», прибывшие в 1930–1935 гг, на втором – спецпереселенцы и лишь на третьем – местное население, жившее здесь до 1929 г. [31].

Принципы оплаты и условия труда спецпереселенцев определялись соответствующими директивами «центра». Уже 5 апреля 1930 г., на первом заседании комиссии СНК СССР по устройству «выселенных кулаков» («комиссия Шмидта») обсуждался вопрос об оплате труда спецпереселенцев и принято решение «установить, что в случаях, когда выселенные кулаки привлекаются в качестве рабочей силы, оплата труда их должна быть одинакова со всеми остальными, занятыми на этих работах рабочими» [32]. Однако 5 мая 1930 г. та же комиссия в постановлении по вопросу об оплате труда «выселенных кулаков» отменяет свое предыдущее решение, заменив его следующим: «...установить, что в случаях, когда выселенные кулаки привлекаются в качестве рабочей силы, оплата их труда должна быть на 20–25 % ниже по сравнению с занятыми на этих работах рабочими» [33]. Эти отчисления из заработной платы спецпереселенцев шли на содержание аппарата управления и охраны спецпоселков.

Весьма своеобразно условия оплаты труда спецпереселенцев определяются в решениях правительства, принятых после передачи вопросов хозяйственного устройства и использования труда спецпереселенцев в ведение ОГПУ. Так, постановлением СНК СССР от 1 июля 1931 г. все хозорганизации, использующие труд спецпереселенцев, обязывались «устанавливать оплату их труда и снабжать их на равных с прочими работающими в этих организациях основаниях». Однако буквально в следующем разделе этого постановления принцип «равенства» получает оригинальную трактовку: органам ОГПУ поручалось «при заключении договоров с хозорганизациями на использование труда спецпереселенцев устанавливать передачу в распоряжение ОГПУ отчислений от всех заработков спецпереселенцев в размере 25 %, а также всех установленных законом начислений на зарплату для использования этих средств на расходы по управлению и культурному обслуживанию спецпереселенцев» [34].

В «Основных положениях» договора органов ОГПУ с хозяйственными организациями о трудовом использовании спецпереселенцев от 22 июня 1931 г. прямо указывалось, что «зарплата выдается спецпереселенцам в размере 75 % их фактического заработка»; «остальные 25 % зарплаты передаются хозорганом в распоряжение ПП (полномочного представительства ОГПУ. – *Авт.*) на покрытие его организационно-административных расходов» [35]. С осени 1931 г. размер отчислений из зарплаты «на расходы, связанные с административным обслуживанием спецпереселенцев», снижается до 15 %, а в феврале 1932 г. – до 5 % [36]. Кроме расходов на «административное обслуживание», из зарплаты спецпереселенцев удерживались также 2 % на «культурное обслуживание» (организацию сети школ, детских домов и ясель) [37].

В документах ОГПУ провозглашалось, что «общие условия труда спецпереселенцев» не только в отношении зарплаты, но и продолжительности рабочего дня и дней отдыха, а также «продовольственного, жилищного и санмедобеспечения» должны быть «одинаковы с условиями аналогичных работ, выполняемых обычной рабочей силой». Хозяйственные организации были обязаны «обеспечить трудоспособное население спецпоселков работой и нормальными трудовыми заработками в течение всего года». Например, в леспромхо-

зах спецпереселенцам, для которых работа по найму является основным источником существования, должна была предоставляться работа в течение не менее 200 дней в году, а тем, кто одновременно будет заниматься сельским хозяйством, – не менее 150 дней [38]. При «отсутствии работ по вине работодателя (вынужденные простои и прогулы) спецпереселенцам должен... выплачиваться средний заработок» [39].

Циркулярами ОГПУ, принятыми летом 1931 г., на рабочих-ударников из спецпереселенцев распространялись «все поощрительные меры за выполнение и перевыполнение норм, установленных для кадровой рабочей силы». В специальном циркуляре ГУЛАГа ОГПУ «О мерах по развертыванию ударничества среди спецпереселенцев» от 7 июля 1932 г. подтверждалось, что «спецпереселенцы-ударники должны пользоваться теми преимуществами в снабжении (продовольствием и промтоварами) и премированием, которые установлены для ударников – кадровых рабочих на данном предприятии». Им должны предоставляться «в первую очередь лучшие квартиры»; «их дети должны приниматься в первую очередь в школы повышенного типа» и получать бесплатные завтраки и т. д. В то же время спецпереселенцы-«ударники» не могли «премироваться поездками на какие-либо заводы, путешествиями, местами в Дома отдыха и курорты» [40].

Условия использования труда подростков-спецпереселенцев определялись общими правилами Наркомтруда СССР, регламентировавшими эти вопросы для несовершеннолетних в целом по стране. Однако повсеместная практика использования на работах (безо всяких правил) несовершеннолетних спецпереселенцев (включая даже 7-летних детей) предопределила принятие 7 августа 1931 г. ГУЛАГом ОГПУ специального решения о порядке использования детского труда в спецпоселках [41].

Всем районным и поселковым комендантам указывалось на недопустимость назначения на работу в промышленности подростков моложе 16 лет. В то же время «в виде исключения при наличии согласия врача и родителей» возраст для работы в промышленности мог быть сокращен, но не ниже 14 лет. Не допускалось привлекать подростков моложе 14 лет к работам по строительству поселков, благоустройству, дорожным работам и т. д. В сельском хозяйстве спецпереселенцев, ведущемся на артельных началах, допускалось («с согласия родителей») использование подростков с 12 лет «для выполнения только легких работ и с соблюдением правила о рабочем времени для несовершеннолетних». Для подростков моложе 16 лет устанавливался 4-часовой, для подростков 16–18 лет – 6-часовой рабочий день.

В вопросах социального страхования спецпереселенцы первоначально ставились в неравное положение с обычными рабочими. В соответствии с постановлением «комиссии Шмидта» от 5 мая 1930 г. об оплате труда выселенных «законы о социальном страховании на них не распространялись» [42]. Однако уже через год в постановлении секретариата ВЦСПС от 27 июня 1931 г. провозглашается «принцип равенства»: на спецпереселенцев, работающих на основании договоров между хозорганами и ОГПУ, распространяется законодательство о труде и социальном страховании (обеспечение пособиями по временной нетрудоспособности, по рождению ребенка, на погребение, пенсиями по инвалидности) [43]. В районах Крайнего Севера на спецпереселенцев распространялось право получать надбавку к зарплате в размере 25 % [44]. Администрация тех предприятий, где работали спецпоселенцы, в обязательном порядке должна была оформлять с ними индивидуальные договоры, с момента заключения которых шел отсчет трудового стажа на данном предприятии [45]. Но это и другие условия на практике не исполнялись.

Во многих случаях сами спецпереселенцы отказывались заключать договоры из-за того, что администрация не соблюдала своих обязательств относительно зарплаты (ее задерживали, выдавали авансами, уравнительно); поселенцы зачастую не использовались на работах, указанных в договоре (их могли перебросить с одного вида работ на другой, использовать на подсобных работах и т. д.). Например, в январе 1937 г. в Кушмановском лесопункте Усть-Куломского леспромхоза (область Коми) из 64 «промкадровиков» договоры заключили лишь 36 чел., а по Троицко-Печерскому району той же области из 695 спецпереселенцев, используемых на работах, – только 46 [46].

Подробному исследованию условий труда и быта в спецпоселках посвящен параграф 4 настоящей главы. Пожалуй, наиболее убедительно может характеризовать их следующий факт. 5 апреля 1934 г. начальник ГУЛАГа М. Д. Берман направил руководству ОГПУ рапорт, в котором предлагал не направлять в спецпоселки «бывших кулаков», отбывших наказание в ИТЛ и «проявивших себя на работе как ударники». Основной мотив: материальные условия жизни в спецпоселках «в большинстве случаев хуже, чем в лагерях». Предложение Бермана было отклонено [47].

С конца 1936 г. началась постепенная передача хозяйственных функций в спец(труд)поселках в ведение краевых, областных и республиканских органов. Правда, касалась она преимущественно сельскохозяйственных северных районов Западной Сибири и Казахстана, а также ведомств, обслуживавших спецпереселенцев (Наркомздрав, Наркомпрос, Наркомат местной промышленности). К концу 1937 г. из системы спецпоселений были переданы этим ведомствам имущество и средства на содержание аппарата в сумме 52 645 000 руб. [48].

К началу Великой Отечественной войны (июнь 1941 г.) в трудпоселках и лагерях НКВД находились 265 682 спецпереселенческие семьи, насчитывавшие 936 547 чел., в том числе 387 070 трудоспособных.

Из них заняты в народном хозяйстве – 367 772 чел., или 95 % [49]. Почти три четверти спецпереселенцев были заняты в промышленности, в основном – на тяжелых и вредных производствах (угольная, горнодобывающая, лесная, химическая промышленность). В сельском хозяйстве (колхозах и совхозах) – около 25 %. Чуть менее 33 000 спецпереселенцев числились за предприятиями и хозяйственными организациями НКВД СССР. Речь идет прежде всего о пяти лагерях: Беломорско-Балтийский комбинат, комбинат «Севникель», Воркутинский, Кольский и Норильский ИТЛ.

Все спецпереселенцы были размещены в 36 регионах СССР. Основными территориями расселения и использования труда «спецконтингентов», как и в прежние годы, были Урал, Сибирь, Казахстан, Дальний Восток, Европейский Север. Здесь, где находились основные топливно-энеогетические, горнодобывающие и металлургические предприятия, а также сельскохозяйственные районы, трудились 93,5 % спецпереселенцев [50]. Использовался их труд и непосредственно на оборонных предприятиях, в частности, наркоматов обороны, вооружения, боеприпасов, авиационной промышленности и на других объектах военного назначения [51]. При этом спецпереселенцы составляли основную «рабочую силу» на многих самых тяжелых и/или низкооплачиваемых работах.

В связи с восстановлением значительной части трудпоселенцев в гражданских правах после принятия Конституции СССР 1936 г. на них распространялось также (и, казалось бы, в полном объеме) трудовое законодательство. Однако на практике этого не произошло. Нередко для спецпереселенцев устанавливались более высокие нормы и более низкая оплата труда, не говоря уже о том, что продолжалось удержание денег на содержание комендатур спецпоселков. В 1941 г. они составляли 47 200 000 руб., в 1941 г. – 47 600 000.

Наряду с этим продолжала оставаться задолженность по зарплате, особенно на лесозаготовках. Так, только по четырем леспромпхозам Вологодской области (Тотемский, Михайловский, Чуриловский и Таргинский) она составляла 300 000 руб. [52]. Зачастую у спецпереселенцев не имелось расчетных книжек, сверхурочные работы оплачивались им как обычные, процветала уравниловка [53]. Льготы, установленные для работников Крайнего Севера, на спецпереселенцев с 1935 г. не распространялись, поскольку, согласно постановлению ЦИК СССР от 25 января 1935 г., «восстановление в гражданских правах высланных кулаков не дает им права выезда из мест поселений», а значит, и указанные льготы к ним не относятся. Толкование абсурдное и юридически совершенно несостоятельное, но исполнялось оно неукоснительно [54].

По-прежнему на тяжелых работах использовались женщины и подростки. В Архангельской, Вологодской и Новосибирской областях женщины работали лесорубами. На лесозаготовки посылали и девушек 17–18 лет, и подростков 14–15 лет. Зачастую не соблюдалась техника безопасности на производстве, что вело к значительному травматизму и гибели спецпереселенцев [55]. Не соблюдалось на практике и законодательство о социальном страховании, назначении пенсий и пособий в отношении спецпереселенцев [56]. Отношение администрации хозяйственных организаций к спецпереселенцам во многих случаях характеризовалось грубостью, оскорблениями и издевательствами, что не отрицалось и руководящими работниками НКВД разных рангов [57].

В то же время законодательство, ужесточавшее режим производственной деятельности в спец(труд)поселениях, осуществлялось в полной мере. На спецпереселенцев распространялись и постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. о мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. о переходе на 8-часовой рабочий день, 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений, и все последующие законоустановления такого рода. Только по Указу от 26 июня 1940 г. были осуждены: в 1940 г. – 2 823 спецпереселенца, в 1941 г. – 4 343 [58].

Административно-репрессивные меры были направлены, по официальным заявлениям, на повышение производительности труда спецпереселенцев, хотя и без того они в большинстве случаев работали более производительно, чем их вольнонаемные коллеги. Так, в Кузнецкой комедатуре (Западно-Сибирский край, «Запсибзолото») в 1932 г. спецпереселенцы-землекопы выполняли нормы выработки на 117 %, а вольнонаемные – на 84 %; штукатуры (соответственно) – на 73 и 68; маляры – 92,9 и 81,5; кузнецы – 133 и 88. В Кузнецком леспромпхозе (система «Кузбассуголь») спецпереселенцы на одного человека заготавливали 2,83 кубометра леса и 2,57 кубометра вывозили, а вольнонаемные (соответственно) – 2,73 и 1,50.

На предприятиях горнорудного управления «Кузнецкстрой» спецпереселенцы заготавливали 3,18 кубометра и вывозили 2,56 кубометра леса, вольнонаемные – 2,82 и 1,62. В Горно-Шорском леспромпхозе (соответственно): 4,00 и 4,20 против 2,80 и 3,30. Как отмечалось в докладной записке начальника группы горных комендатур в Западно-Сибирский крайисполком (1932 г.), администрация «Запсибзолота» практиковала переброску спецпереселенцев из одного на другие прииски, чтобы «показать вольнонаемным пример добросовестной работы». Причем среднемесячный заработок спецпереселенцев составлял по системе «Запсибзолото» от 45 до 62 руб., при прожиточном минимуме в 36–42 руб. на работающего и 22 руб. – на одного члена семьи. Разумеется, при наличии в семье 4–5 человек заработанных денег не хватало даже для того, чтобы выкупить

паек. А поскольку зарплата выдавалась с большой задержкой и к тому же частично (аванс в размере 50–60 процентов), то положение спецпереселенцев еще более усугублялось. [59].

И это при том, что, как отмечалось в докладной записке ГУЛАГа (ноябрь 1940 г.), многие трудпереселенцы (спецпереселенцы) «являются квалифицированными забойщиками, машинистами врубных машин, электровозов, токарями, слесарями, лесорубами, сплавщиками и т.п.». Значительная их часть являлась «стахановцами» и «ударниками». Так, в тресте «Карагандауголь» из 16 717 работавших 785 являлись «мастерами угля», 3 525 – «стахановцами», 4 125 – «ударниками». На Уралвагонзаводе из 1 000 спецпереселенцев 720 были признаны «стахановцами» и «ударниками», выполнявшими нормы до 300 % [60]. В Свердловской области на 35 669 работавших спецпереселенцев «стахановцев» и «ударников» приходилось более 12 000. В Челябинской области из 14 300 спецпереселенцев 11 700 (82,3 %) трудились «по-ударному», выполняя нормы на 125–186 % [61]. В Хабаровском крае производительность труда у спецпереселенцев в лесной промышленности составляла от 100 до 120 % [62].

Средняя заработная плата работавших спецпереселенцев достигала: в тресте «Амурзолото» – 290–300 руб., в Дальне-Восточном лесном транспортном тресте НКПС – 470, на Оловокомбинате треста «Главникельзолото» – 545 руб. [63]. Тем не менее карательно-административный уклон в промышленно-производственной сфере системы спецпоселений сохранялся на всем протяжении ее существования, в особенно жестких формах проявился в военные годы (прежде всего в период формирования и функционирования так называемых «трудополчения», «тудармии», «рабочих колонн») и определял содержательную сторону этой системы – при всех модификациях ее количественных параметров, организационных перестройках и т.п.: менялась лишь форма, сущность оставалась изначальной.

Важнейшим компонентом спецколонизации являлось, как уже отмечалось, «сельскохозяйственное освоение ранее необжитых или малообжитых районов». В целом по стране из 1 526 522 спецпереселенцев сельскохозяйственным трудом в конце 1931 г. были заняты около 22,5 % [64]. Вопросы использования принудительного труда спецпереселенцев в сельском хозяйстве были рассмотрены уже на первом заседании секретной комиссии СНК СССР («комиссия Шмидта») 5 апреля 1930 г. [65].

Для того чтобы спецпереселенцы «прижились в новых местах вселения», комиссия сочла необходимым выделить для них «избыточный сельхозинвентарь на тех же условиях, что и единоличным хозяйствам». Наркомзему СССР поручалось представить свои соображения о «выделении выселенным кулакам семян для посева, в том числе картофеля на тех же условиях, что и сельхозинвентарь». На следующем заседании этой комиссии (11 апреля 1930 г.) были определены условия и принципы выделения средств и материально-технических ресурсов для спецпереселенцев. В частности, было признано необходимым передать 15 000 000 руб., «оставшихся у ОГПУ после переселения, на административно-хозяйственное устройство высланных кулаков».

Сельхозинвентарь должен был отпускаться «в кредит сроком на 2 года». Отпуск семян для посева зерновых и огородных культур предусматривался в следующих объемах: для Сибири – 5 000 ц пшеницы, 4 000 ц овса, 3 000 ц ячменя и на 2 000 га огородных культур; для Урала – 10 000 ц овса, 10 000 ц ячменя и на 2 000 га огородных культур. Причем семенная ссуда выделялась «до реализации нового урожая». Комиссия предлагала также «выделить для спецпереселенческих регионов сельскохозяйственный инвентарь» и средства (900 тыс. руб.) на закупку лошадей, а также на «оплату их амортизации» при получении «во временное пользование» от местных хозяйственных организаций («Северолес» и т.п.) [66].

На первый взгляд постановления «комиссии Шмидта» носили «либеральный» характер. Но действительность очень скоро развеяла иллюзии о «благих намерениях». Так, ссуды, выделенные для «хозяйственного устройства выселенных», были, во-первых, мизерными, а во-вторых, краткосрочными. К тому же решения комиссии не выполнялись, а некоторые из них вообще отменялись (например, об оплате труда спецпереселенцев «наравне с вольнонаемными гражданами»). Не лучше обстояли дела и с материально-хозяйственным обеспечением. Лишь один пример: для спецпереселенцев Северного края, куда были выселены 46 000 семей (230 000 чел.), предлагалось выделить: примерно по одному плугу и одной бороне – на 10 семей, по одной косе и одному серпу – на семью, одни вилы – на две семьи, одну телегу – на 90 семей. Не получили спецпереселенцы в этом крае и «лошадей для сельхозосвоения» [67].

Решения «комиссии Шмидта» имели характер документов, что называется, «для внутреннего пользования», и до конца 1930 г., когда в директивах «центра» была сформулирована в качестве первоочередной проблема создания в спецпоселках собственной продовольственной базы для обеспечения спецпереселенцев дополнительными продуктами питания, местные органы власти вопросами развития сельского хозяйства в спецпоселках практически не занимались. Хотя в постановлении ЦИК и СНК СССР от 3 октября 1930 г. уже указывалось, что на «население спецпоселков, которое занимается сельским хозяйством», возлагаются специальные задания «по посевам», по сдаче «товарных излишков», по «агроминимуму», по «размерам семенных фондов» и т.д. Эти задания устанавливались райисполкомами для каждого поселка в целом и распределялись между отдельными хозяйствами поселка распоряжениями уполномоченного (коменданта). Все расходы

на нужды спецпоселков производились из средств самого их населения. Смета этих расходов утверждалась райисполкомом. Порядок привлечения средств населения устанавливался Наркомфином СССР по согласованию с НКВД союзных республик. Кроме того, спецпереселенцы «должны привлекаться к обложению общегосударственными и местными налогами» – на «особых основаниях» и по «правилам, устанавливаемым Наркомфином СССР» [68].

В «Основных положениях договора органов ОГПУ с хозяйственными организациями о трудовом использовании спецпереселенцев» (22 июня 1931 г.) также указывалось на «хозяйственную целесообразность» и «желательность» при подходящих условиях оказания хозорганами «помощи спецпереселенцам для организации огородничества, садоводства... , могущих обеспечить спецпереселенцев средствами к существованию» [69].

В соответствии с постановлением СНК СССР «Об устройстве спецпереселенцев» (1 июля 1931 г.) на земельные органы возлагалась обязанность «обеспечить в местах по указанию ОГПУ наделение спецпереселенцев пахотно-способными землями в необходимых размерах, а также снабжение их для подготовки и проведения весеннего посева 1932 г. всем необходимым – сельскохозяйственным инвентарем и посевными материалами», а органам ОГПУ – «установить размеры, порядок и сроки возврата ссуд, предоставляемых спецпереселенцам на сельскохозяйственные надобности» [70]. Циркулярное письмо ОГПУ от 21 июля 1931 г. «Об усилении внимания к вопросам хозяйственного устройства и бытового обслуживания спецпереселенцев» еще раз потребовало от хозорганизаций «добиться срочного выделения земфондов семьям и оказания содействия к быстрейшему их освоению» [71].

В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 августа 1931 г. предлагалось выделить спецпереселенцам для «огородов и посевов» в 1931 г. и весной 1932 г. 240 000 га земель, из них: под полевые культуры – 84 000, под огородные культуры – 156 000 га инвентарем и скотом. В тех случаях, когда спецпереселенцы использовались как «рабочая сила» в совхозах, туда передавались скот и инвентарь. Отменялись решения местных органов власти, запрещавшие организацию огородных хозяйств спецпереселенцами, занятыми в промышленности [72].

Наконец, в постановлении «О спецпереселенцах» от 16 августа 1931 г. СНК СССР признал необходимым провести «кооперирование крестьянских хозяйств бывших кулаков в форме организации неуставных сельскохозяйственных артелей». Постановлением определялись размеры земельных угодий, объемы завоза в места расселения спецпереселенцев сельхозинвентаря и семян, передачи скота, размеры ассигнований на развитие продовольственной базы в спецпоселках [73]. Таким образом, основным организационным инструментом реализации «аграрного освоения» были избраны так называемые «неуставные сельхозартели», создававшиеся не по общесоюзному уставу (Примерному уставу сельскохозяйственной артели, утвержденному ЦИК и СНК СССР 2 марта 1930 г.), а на основании специальных директивных документов, до весны 1932 г. издававшихся территориальными органами власти.

6 мая 1932 г. была утверждена общегосударственная Инструкция об организации неуставных сельскохозяйственных артелей из спецпереселенцев [74]. В ней указывалось, что неуставные сельхозартели организуются путем объединения отдельных хозяйств спецпереселенцев «для совместного ведения сельского хозяйства на основе обобществления землепользования, сельхозинвентаря, рабочего скота, сельхозпостроек, связанных с полеводством». Огородное приусадебное хозяйство при этом остается в индивидуальном пользовании. Для осуществления обозначенных целей неуставные артели под наблюдением комендантов ОГПУ и под непосредственным руководством районных земельных органов и хозорганизаций, в ведение которых переданы спецпереселенцы:

- а) образуют единое землепользование, сосредоточивая в своем распоряжении все полеводческие угодья спецпереселенцев – своих членов, и проводят на этих землях внутрихозяйственное землеустройство;
- б) организуют применение труда спецпереселенцев на началах обязательного участия в нем каждого члена артели;
- в) обобществляют средства производства для ведения хозяйства, а также приобретают необходимый инвентарь на средства артелей;
- г) ведут сельхозпроизводство по плану, проводя агро-зоотехнические мероприятия и механизацию процессов производства;
- д) организуют и развивают подсобные предприятия (маслодельные, мельничные и прочие);
- е) проводят сбыт товарной продукции своего хозяйства в установленном порядке госторговле и кооперации по местным заготовительным ценам.

Неуставные сельскохозяйственные артели не пользуются правами юридического лица. Все имущество артели принадлежит на правах собственности или аренды всем членам артели в равных долях, они же несут ответственность по обязательствам артели за кредиты. Неуставные сельхозартели должны организовываться на добровольной основе, причем членом артели может быть каждый. В артели должны быть объединены не менее 15 семей. Оформляется создание артели постановлением общего собрания вступающих в артель,

протокол организационного собрания и коллективное заявление вступающих в артель представляется в комендатуру, которая утверждает и регистрирует артель.

Каждый член артели обязан принимать участие личным трудом в хозяйстве артели, добросовестно выполнять возложенную на него работу и исполнять правила внутреннего распорядка, утвержденного комендатурой. Он имеет право на «вознаграждение за свой труд в артели». Добровольно выбывший или исключенный член артели имеет право на получение внесенного им паевого взноса – за вычетом имевшего место убытка, разверстанного на каждого члена артели. Окончательный расчет производится по окончании хозяйственного года.

Средства артели образуются из:

- членских взносов;
- добровольных вкладов и займов у членов артели;
- внутренних накоплений артели от хозорганизаций;
- ссуд деньгами или натурой, полученных у государства и других организаций;
- стоимости переданного артели имущества (строения, сельхозинвентарь, натурфонды и т.п.).

Членские взносы предусмотрены в виде вступительного взноса, установленного общим собранием, но не менее 5 руб., и паевого взноса, определяемого следующим образом: из общей стоимости обобществленного имущества членов артели от одной четверти до половины ее по постановлению общего собрания зачисляется в неделимый фонд артели; остальную часть имущества составляют паевые взносы каждого члена артели. В неделимый фонд входили: семенной фонд, страховой фонд (10 % от семенного), 5 % от валового сбора урожая для снабжения нетрудоспособных и многосемейных, 10 % для расширения производства артели (этот фонд реализуется по среднерыночным ценам между нуждающимися спецпереселенцами, а вырученные деньги направляются на развитие средств производства), фуражный фонд, фонд по возврату семенной ссуды [75].

Все работы в артели производятся личным трудом ее членов и их семей. Члены артели, занятые в промышленности, на время посевных и уборочных работ освобождаются хозяйственными организациями от работы у них. Основной производственной единицей в артели является бригада (постоянная, сезонная, временная), за которой закрепляется, по возможности, постоянный состав рабочих, участок работы, инвентарь и рабочий скот (лошади). Бригадир назначается уполномоченным. С разрешения коменданта допускается использование в артели наемной рабочей силы (специалисты). Оплата труда членов артели производится соответственно «количеству и качеству затраченного каждым членом артели труда».

Порядок оплаты труда и содержания нетрудоспособных устанавливался следующий:

- а) в течение года продукты и деньги выдаются из средств артели по особым нормам в счет заработка, но не более 50 процентов от количества выработанных трудодней;
- б) в конце хозяйственного года с членами артели производится окончательный расчет по оплате труда и содержанию нетрудоспособных.

При этом вся сельскохозяйственная продукция, подлежащая распределению между членами артели, переводилась в денежное выражение по средним государственным заготовительным ценам. Денежная стоимость одного трудодня определялась путем деления стоимости сельхозпродуктов на количество выработанных артелью трудодней, после чего подсчитывался денежный доход каждого члена артели «по количеству и качеству выработанных им трудодней» [76].

Если после покрытия всех расходов не оказывается остатка дохода для дополнительной оплаты труда членов артели сверх выданных авансов, то дополнительная доплата не производится и расчет считается законченным выдачей авансов. В том случае, если остаток валового дохода окажется недостаточным для покрытия авансов, выданных в оплату труда и на содержание нетрудоспособных, то недостающая сумма списывается с запасного капитала.

Члены артели, временно потерявшие трудоспособность, получают пособие; беременные женщины освобождаются от работ в течение двух месяцев до родов и двух месяцев после родов. Делами артели управляет уполномоченный, выделяемый общим ее собранием и утверждаемый поселковой комендатурой на один год. Общие собрания для решения хозяйственных и других вопросов артели созываются только с разрешения поселковой комендатуры. Постановления общего собрания считаются действительными лишь после утверждения их комендатурой.

В ведение общего собрания артели входят:

- а) избрание уполномоченного и утверждение инструкции ему;
- б) утверждение правил внутреннего распорядка;
- в) прием и исключение членов артели;
- г) утверждение годового производственного плана, сметы доходов и расходов, а также отчетов уполномоченного;
- д) рассмотрение и принятие договоров по контрактации, по трудовому соревнованию;
- е) утверждение планов проведения сельхозкампаний;

- ж) разрешение жалоб на уполномоченных;
- з) распределение доходов артели, не входящих в круг ведения уполномоченных.

В целях привлечения спецпереселенцев – членов артели к активной работе в хозяйстве проводятся (с разрешения комендатуры) производственные соревнования, общее руководство которыми осуществляет уполномоченный. Таково краткое содержание инструкции об организации неуставных сельхозартелей спецпереселенцев от 6 мая 1932 г. К инструкции прилагалась форма протокола об организации неуставной сельхозартели.

Однако эта инструкция, очевидно, показалась политическому руководству страны чересчур «либеральной», поэтому буквально в следующем, 1933 г. ГУЛАГом ОГПУ и Наркомземом СССР принимается новая инструкция о неуставных спецартелях [77]. В ней, в отличие от инструкции 1932 г., непосредственное руководство этими артелями целиком возлагалось на комендатуры ОГПУ, а не на районные земельные органы и хозяйственные организации. Для организации артели теперь требовалось наличие не менее 25 семейств, а не 15, как это обуславливалось ранее. Был установлен возрастной ценз для вступления в артель – «не моложе 16 лет».

Ужесточалась ответственность спецпереселенцев – членов артелей. За порчу инвентаря, построек и другого имущества артели, «за невыход на работу, несвоевременное оставление работы, недоброкачественное выполнение и прочие нарушения трудовой дисциплины» уполномоченный мог налагать взыскания вплоть до «предания суду», которые утверждались комендантом ОГПУ. В инструкции 1932 г. такого пункта не было вообще. Не включили в инструкцию 1933 г. и положение о льготах для беременных женщин, зато в нее был внесен пункт о том, что из сумм, заработанных членами артели на «отхожих промыслах», должны отчисляться «не менее 10 % заработка спецпереселенца в общественные фонды артели».

В этом же русле находилось и содержание распоряжения ГУЛАГа ОГПУ от 10 марта 1934 г. о распределении урожая в неуставных сельхозартелях [78]. В нем говорилось о том, что каждый труд(спец)поселенец должен твердо знать: полученного при распределении урожая количества сельхозпродуктов ему «должно хватить до нового урожая», а спецпоселенцы, «израсходовавшие полученные ими сельхозпродукты ранее этого срока, никакой помощи от государства получать не будут». В государственной помощи отказывалось также «членам неуставных сельхозартелей, невыработавшим в течение г. достаточного для своего прокормления количества трудодней по нерадивости и лодырничеству».

Комендатуры обязаны были следить за тем, чтобы спецпереселенцы «не разбазаривали» полученные ими сельхозпродукты и не обращались за продовольственной помощью. С 1934 г. устанавливался и новый порядок распределения урожая и доходов. Ранее вся произведенная натуральная продукция передавалась в общественный фонд артели, откуда ее члены получали так называемую «производственную норму» – как правило, один раз в два месяца и по уравнительному принципу. Теперь же в общественном фонде хранились лишь неделимые фонды, а весь остаток сельхозпродукции после засыпки семенного, страхового и других фондов распределялся между членами неуставной артели – в соответствии с трудоднями и по тем же принципам, что и в колхозах. При этом спецпереселенцы, у которых оставался от продпайка «остаток в зерне или в муке», получили право реализовывать их на «внутрипоселковых базарах по базарным ценам» [79].

Существенно важно, что в отличие от колхозов, создававшихся на основе обобществления личного имущества колхозников, в неуставных артелях формирование общественного хозяйства происходило иным путем: в так называемый «неделимый фонд» артели передавалось все имущество (инвентарь, скот и прочее), полученное спецпоселками от хозяйственных организаций – вместе с непогашенными долговыми обязательствами по кредитам.

Между тем в определении стоимости передаваемого спецартелям имущества и, следовательно, государственных обязательств по ним, царил полный произвол. Так, в директиве полпредства ОГПУ по Северному краю от 19 мая 1932 г. признавались незаконными действия леспромхозов по завышению стоимости скота при передаче его неуставным артелям. Комендантам предлагалось ликвидировать «все акты передачи и приготовленные к ним описи, включающие преувеличенную оценку» и «все выданные на основании таких актов и описей обязательства спецпереселенцев об уплате хозяйственным организациям указанной преувеличенной стоимости» [80].

Произвол при расчетах неуставных артелей по обязательствам перед хозяйственными организациями продолжался и в последующие годы. Например, в решении бюро Коми обкома ВКП(б) и президиума Коми облисполкома от 18 июля 1935 г. по итогам обследования трудпоселков Усть-Куломского района указывалось на «полную запутанность и вопиющие злоупотребления в системе расчетов бухгалтерий леспромхоза с артелью»: «на артель начислялись по 2–3 раза одни и те же материалы и имущество по ценам, явно преувеличенным, обязательства собирались по 2–3 раза на один и тот же предмет, отбирались обязательства на имущество, не полученное артелями, имущество артелей при инвентаризации присваивалось леспромхозами, а потом это же имущество передавалось артелям под обязательства» [81].

При образовании земельного фонда неуставных артелей им передавались земельные участки государственного земельного фонда, главным образом близлежащие к поселку лесные массивы, требовавшие огром-

ных вложений труда на раскорчевку и расчистку под пашню и сенокосы (до появления в 1935–1936 гг. первых корчевальных машин все работы по раскорчевке и расчистке выполнялись вручную). Значительная часть этих земель была малопригодна или вообще не пригодна для сельскохозяйственного освоения, что явилось одной из главных причин закрытия некоторых спецпоселков в 1933–1934 гг.

Чтобы ускорить процесс обеспечения неуставных артелей земельными и сенокосными угодьями, в ряде регионов территориальными органами власти были приняты решения о передаче спецпоселкам земельных угодий местного населения (или так называемых «земельных обществ»). В некоторых территориях, например, в области Коми, этот процесс принимает массовый характер, что вызывает споры и обострение отношений между спецпереселенцами и местным населением, долгие тяжбы о размерах компенсаций. Спорные ситуации разрешались, как правило, дополнительным отводом земельным обществам угодий за счет запасных земельных фондов, а иногда – выплатой им денежной компенсации. Ситуация стабилизировалась лишь к середине 1930-х гг. [82].

27 декабря 1935 г. НКВД СССР докладывал Политбюро ЦК ВКП(б) об использовании труда «раскулаченных» в 22 регионах средпоселений, в том числе и в сельском хозяйстве [83]. Только по пяти регионам (Казахстан, Северный Кавказ, Красноярский край, Омская и Свердловская области) 170 000 спецпереселенцев освоили вновь свыше 220 000 га земельных угодий. К весне 1935 г. в спецпоселках действовала 1 271 неуставная сельхозартель (445 000 чел.). Посевная площадь этих артелей составляла 368 000 га, причем более 160 000 из них освоено в результате расчистки от кустарников и леса в северных районах СССР: Нарымском Севере, Восточной Сибири, Северном крае и на Урале.

В Северном Казахстане распаханы около 80 000 га целинных земель [84]. В Нарымском округе, наряду с сельхозартелями, имелись 213 неуставных кустарно-промысловых артелей, в которых были заняты 8 723 кустаря, а вместе с семьями – 34 289 чел. Они занимались производством пихтового масла, скипидара, дегтя, смолы, клепки, гончарных изделий и пр. В 1935 г. ими выработано продукции на 6 000 000 руб. Для переработки сельхозпродукции в этом северном округе наличествовали: 43 хлебопекарни, 20 мельниц, семь крупорушек, пять маслозаводов, два льнозавода, крахмально-паточный завод.

Примечательна в этом отношении информация, подготовленная Отделом трудпоселений ГУЛАГа для руководства НКВД, датированная ноябрем 1935 г. и содержащая сведения о 1 323 неуставных артелях страны, а также о доле членов этих артелей ко всему населению спецпоселков. Из нее следовало, что «исключительно сельским хозяйством занимаются в Нарыме Западной Сибири 416 артелей, в Северном Казахстане – 36 артелей, на Северном Кавказе – все 40 артелей, в Восточной Сибири – 6, Омской области – 13», то есть в целом – 511 артелей, или чуть более 1/3 (38,6 %). Остальные две трети «занимаются подсобным сельским хозяйством в промышленных организациях, где главы семейств работают в промышленности, а члены семейств работают в артельном сельском хозяйстве» [85].

Таким образом, из спецпоселков в районах интенсивного промышленного освоения была создана некая гибридная структура – аграрно-индустриальные комплексы весьма примитивного традиционного образца эпохи рубежа конца XIX – начала XX в., где самые трудоспособные члены семьи (мужчины) занимались индустриальным трудом, а из менее трудоспособных (женщины, старики, подростки) формировались микроартели, снабжавшие спецпоселки сельхозпродукцией. Если рационализация здесь и присутствовала, то в своеобразном советско-чекистском варианте: благодаря артельному труду части спецпереселенцев хозяйственные руководители промышленных производств и аппарат комендатур создавали локальные продовольственные базы, экономя на самоснабжении спецпереселенцев. Не случайно хозяйственники систематически добивались освобождения этих артелей от государственных налогов и сборов производимой ими продукции [86]. В начале 1938 г. неуставных артелей насчитывалось 1 058, членами которых состояли 111 398 семей (429 670 чел. всех возрастов).

Таблица 6

Неуставные артели трудпоселенцев (по состоянию на 1 января 1938 года) [87]

Регионы	Число с/х артелей	Семей в них	Едоков в них	Среднее число на 1 с/х артель	
				семей	человек
Новосибирская обл.	354	16 148	68 952	46	195
Свердловская обл.	126	13 319	50 524	106	401
Омская обл.	98	7 327	30 714	75	313
Архангельская обл.	72	8 432	33 728	117	468
Красноярский край	47	3 708	14 249	79	303
Орджоникидзевский кр.	38	11 439	42 284	301	1 113
Коми АССР	37	5 418	17 833	146	482

Регионы	Число с/х артелей	Семей в них	Едоков в них	Среднее число на 1 с/х артель	
				семей	человек
Вологодская обл.	33	2 025	6 309	61	191
Иркутская обл. и Бурят-Монгольская АССР	29	3 541	11 849	122	409
ДВК и Читинская обл.	27	1 400	6 155	52	228
Белбалткомбинат НКВД	23	4 789	16 267	208	707
Челябинская обл.	17	1 403	4 896	83	288
Башкирская АССР	10	2 499	10 470	250	1 047
Сталинградская обл.	10	555	2 618	56	262
Кировская обл.	7	1 134	5 270	162	753
Районы БАМа	7	745	3 690	106	527
Куйбышевская обл.	3	662	2 186	221	729
Карельская АССР	2	367	1 009	184	505
Якутская АССР	2	135	528	68	264
Оренбургская обл.	2	131	562	66	281
Ленинградская обл.	1	25	105	25	105
Ухтпечлаг НКВД	1	13	43	13	43
ИТОГО по РСФСР	946	85 215	330 241	90	349
Северный Казахстан (трудпоселенцы)	44	11 757	40 086	267	911
Северный Казахстан (выселенные в 1936 г. поляки) (709)	37	9 466	42 105	256	1 138
Южный Казахстан	8	1 388	5 868	174	733
Таджикская ССР	20	2 847	9 027	142	451
Узбекская ССР	1	264	661	264	661
Украинская ССР	1	234	620	234	620
Киргизская ССР	1	227	1 062	227	1 062
ИТОГО по другим союзным республикам	112	26 183	99 429	234	888
ВСЕГО по СССР	1 058	111 398	429 670	105	406

Географическое распределение трудпоселенческих сельхозартелей представлено 30 регионами, в том числе на территории РСФСР их находилось 946 (из них более 60 % – в Новосибирской, Свердловской и Омской областях, соответственно – 354, 126 и 98). Средняя численность на одну сельхозартель составляла: семей – 105, человек – 406 [89]. Непосредственно в сельском хозяйстве этих артелей были заняты 73 654 взрослых трудоспособных поселенцев (в Нарымском крае – 27 589, в Ставропольском крае – 18 119, в Казахской ССР – 14 682, в Таджикской ССР – 4 524, в других регионах – 8 740) [90]. К 1 января 1938 г. трудпоселенцами были освоены 3 035 644 га земель, из них: пашня и пахотоспособные земли – 1 128 194; сенокосы – 287 431; выгоны – 590 789; усадебные земли – 44 914; прочие угодья – 984 316 га [91].

При этом на долю РСФСР приходились 1 662 280 га, в том числе: в Новосибирской области – 1 054 000; в Ставропольском крае – 210 352; на территории Беломорско-Балтийского комбината (ББК) НКВД СССР (Карелия) – 118 869; в Свердловской области – 82 115; в Омской области – 52 222; в Красноярском крае – 51 345; в Челябинской области – 24 193; в Дальневосточном крае (ДВК) – 19 757; в Архангельской области – 17 837; в Вологодской области – 7 848; в Сталинградской области – 7 022; в Коми АССР (помимо ИТЛ) – 5 856; по трассе Байкало-Амурской магистрали (БАМ, Восточная Сибирь и Дальний Восток) – 4 449; в Оренбургской области – 2 235; в Башкирской АССР – 1 908; в Куйбышевской области – 1 075; в Якутской АССР – 465; на территории Ухтпечлага НКВД СССР (Коми АССР) – 423; в Ленинградской области – 196; в Карельской АССР (помимо ББК) – 113 га.

В других союзных республиках трудпоселенцами к этому времени были освоены 1 373 364 га земель, из них: в Казахстане (включая земли, освоенные выселенными в 1936 г. поляками) – 1 346 682; в Киргизии – 10 920; в Таджикистане – 8 865; в Узбекистане – 986; в Украине – 5 911 га [92]. В среднем по стране на каждого

спецпереселенца приходилось более 3 гектаров вновь освоенной земли, а на каждую семью – примерно 12 га. Если же учесть, что сельхозосвоением занимались не более половины спецпереселенцев, а остальные были заняты в промышленных отраслях, имея (частично) лишь огороды (менее 0,10 га на семью), то нагрузка на занимавшихся непосредственно сельским хозяйством возрастет более чем в два раза [93].

Ряд трудпоселков был организован в болотистой местности, где без хотя бы примитивной мелиорации не только практически невозможно было наладить сельскохозяйственное производство, но и со всей остротой вставал вопрос просто выживания размещенных там людей. К началу 1938 г. трудпоселенцы осушили 2 988 га болот, причем исключительно на территории РСФСР (Новосибирская область – 1 500 га, ББК – 1 160, трасса БАМа – 102, Ленинградская область – 100, Свердловская область – 76, Красноярский край – 50 га) [94]. Не менее остро стояла проблема выживания и для тех «раскулаченных» крестьян, которые были выселены в безводные, засушливые регионы. Без ирригационного строительства выжить в этих районах было чрезвычайно сложно, не говоря уже об их хозяйственном освоении. Эта проблема касалась прежде всего трудпоселенцев, размещенных в Казахстане и Средней Азии.

К началу 1938 г. трудпоселенцами были орошены 12 857 га земель, из них: в Таджикистане – 6 070; в Казахстане – 3 052 (в том числе 2 606 – «бывшими кулаками», а 466 – выселенными в 1936 г. поляками); в Киргизии – 2 900; в Узбекистане – 575. На долю РСФСР приходилось только 260 га новых земель, введенных в сельскохозяйственный оборот трудпоселенцами в результате ирригации (в Сталинградской области – 120, в Орджоникидзевском крае – 100, в Куйбышевской области – 40) [95].

К 1 января 1938 г. трудпоселенцами были подняты целинные земли общей площадью 243 161 га. Преобладающая часть этих земель приходилась на Казахстан (214 605 га). В Таджикистане этот показатель составлял 7 340 га, в Киргизии – 310, в Узбекистане – 10. На долю РСФСР приходилось 20 896 га поднятых трудпоселенцами целинных земель (в Омской области – 9 193 га, в Красноярском крае – 9 046, в районах БАМа – 1 489, в Челябинской области – 665, в ДВК – 320, в Сталинградской области – 95, в Куйбышевской области – 60, в Оренбургской области – 26, в Ленинградской области – 2) [96].

В комплекс показателей, определявших понятие «освоение малообжитых и необжитых районов», входили и такие, как раскорчевка, расчистка кустарников, строительство дорог, мостов, колодцев и т. д. К началу 1938 г. трудпоселенцами были раскорчеваны 183 416 га земель, из них только 110 га – в Казахстане, а все остальные – в РСФСР (в Новосибирской области – 109 400, в Свердловской области – 21 707, в Омской области – 17 757, в ДВК – 9 279, в Красноярском крае – 8 480, в Вологодской области – 4 495, в Архангельской области – 3 691, в Коми АССР – 3 614, в Иркутской области и Бурят-Монгольской АССР – 2 592, на территории ББК – 1 160, в Челябинской области – 472, в Якутской АССР – 330, в других регионах РСФСР – 329). Площадь расчистки кустарников составляла 58 800 га, причем только на территории РСФСР (Новосибирская область – 29 200, Архангельская область – 10 762, Свердловская область – 4 782, Бурят-Монгольская АССР и Иркутская область – 4 102, Вологодская область – 3 117, Красноярский край – 2 854, Омская область – 2 393, Коми АССР – 1 096, по трассе БАМа – 309, Башкирская АССР – 150, Якутская АССР – 35) [97].

К началу 1938 г. трудпоселенцами были проложены грунтовые дороги общей протяженностью 7 294 км, из них: в РСФСР – 7 121, в Казахстане – 168, в других союзных республиках (Украина и Узбекистан) – 5. По регионам России этот показатель выглядел следующим образом: Новосибирская область – 3 812 км, Свердловская область – 1 139, Архангельская область – 724, Омская область – 593, Красноярский край – 317, Вологодская область – 217, Орджоникидзевский край – 110, другие регионы – 209. Протяженность деревянных мостов, возведенных трудпоселенцами, составляла 21 400 м, из них: в Свердловской области – свыше 11 200, в Новосибирской области – 10 000. В других регионах «кулацкой ссылки» показатели мостостроения были незначительны: трасса БАМа – 148 м, Казахстан – 29, Красноярский край – 10. Количество новых колодцев, построенных трудпоселенцами, составляло 1 578 единиц (Казахстан – 646, Новосибирская область – 475, Свердловская область – 401, Орджоникидзевский край – 36, трасса БАМа – 20) [98].

В 1937 г. трудпоселенцы посеяли: яровых – на площади 377 352 га, озимых – 83 248 га, вспахали под зябь и пары – 308 939 га. В том же году валовой сбор урожая в «кулацкой ссылке» составил (в тоннах): зерно – 294 859,3; хлопок – 14 119,4; масленичные и технические культуры – 4 161,3; рис – 496,0; картофель – 167 800,5; овощи – 38 274,1; кормокорнеплоды – 14 041,0; сено – 402 284,5; силос – 45 241,3; грубые корма – 229 583,3 [99]. Это позволило трудпоселенцам выполнить госпоставки, возратить натуральные ссуды зерном и картофелем, а также произвести натуроплату за работу МТС, причем натуроплата зерном почти в полтора раза превысила госпоставки. Непосредственно на обслуживании неуставных сельхозартелей трудпоселенцев специализировались тогда 24 машинно-тракторные станции (МТС) и 21 машинно-тракторная мастерская (МТМ), имевшие около 1 000 тракторов, 100 комбайнов и 200 автомашин. Тем не менее в трудпоселенческом сельском хозяйстве абсолютно и повсеместно преобладал ручной и конно-ручной труд [100].

Всего государство получило в 1937 г. от спецпереселенцев: зерна – 696 636 ц, картофеля – 81 080, хлопка – 119 151, молока – 32 123, мяса – 18 328,5 ц [101]. После этого у спецпереселенцев осталось более

216 000 т зерна и около 160 000 т картофеля, что удовлетворяло их потребности на 1938 год [102]. В «кулацкой ссылке» развивалось и животноводство. На 1 января 1938 г. в трудпоселках НКВД СССР наличествовало: рабочего скота – 56 326 голов, крупного рогатого скота – 196 338, свиней – 62 303, овец и коз – 224 036, птицы – 194 675, в том числе (соответственно, без птицы): по РСФСР – 41 407, 154 335, 53 673, 181 238; по другим союзным республикам – 14 919, 42 003, 8 630, 42 798; по хозяйствам выселенных в 1936 г. поляков (Казахстан) – 4 330, 13 173, 594, 3 136 [103]. Таким образом, на одну спецпереселенческую семью приходилось в среднем по стране: рабочего скота – 0,23 головы; крупного рогатого скота – 0,80 (в том числе коров – 0,15); овец и коз – 0,90; свиней – 0,25. Эти данные относятся ко всей численности спецпоселенцев, но поскольку скот находился главным образом в коллективном и индивидуальном владении спецпоселенцев, занятых в сельском хозяйстве (примерно треть общей количественного состава принудительно выселенных), то в сельхозартелях данные показатели были значительно выше, чем в промышленных комендатурах [104].

В «кулацкой ссылке» в начале 1938 г. существовала также 141 неуставная кустарно-промысловая артель, объединявшая 8 181 чел. Подавляющее большинство кустпромартелей находилось в Западной Сибири: Новосибирская область – 51 артель (1 136 семей, 4 959 чел.); Омская область – 60 артелей (соответственно 489 и 1 851) [105]. Эти артели (или кустарные цеха при неуставных сельхозартелях), в которых были заняты по преимуществу инвалиды, старики, женщины с детьми и подростки, вырабатывали различной продукции (в руб.): в Новосибирской области – 7 450 000, в Казахстане – 6 766 000, на Беломорско-Балтийском комбинате НКВД СССР – 1 318 000 [106].

Руководители НКВД СССР и Отдела трудовых поселений (ОТП) ГУЛАГа выражали обеспокоенность слишком быстрым, по их мнению, «обогащением» трудпоселенцев. Так, в сентябре 1938 г. в докладной записке ОТП в НКВД СССР констатировалось, в частности, что «...некоторая часть трудпоселенцев пошла по пути хозяйственного кулацкого роста. Например, в Оборском районе Хабаровской области 64 хозяйства трудпоселенцев имеют по 3–5 коров, по 1 лошади, 2–3 свиньи, 2–3 головы молодняка. Имеют оружие, занимаются охотой. В Иркутской области рост количества скота в личном пользовании трудпоселенцев превышает рост обобщественного стада» [107]. А в докладной записке ОТП ГУЛАГа НКВД СССР в ЦК ВКП(б) в феврале 1939 г. отмечалось:

«...Имеются многочисленные факты хозяйственного обрастания трудпоселенцев, спекуляции, невыполнения ими при попустительстве, а в отдельных случаях и содействии сросшихся с трудпоселенцами комендантов, – госпоставок и платежей. 29 сентября 1938 г. № 1818 тов. ЕЖОВЫМ даны указания нач. УНКВД об усилении режима в трудпоселках...» [108]. «Быстрый кулацкий рост» трудпоселенческих хозяйств был признан «грубой политической ошибкой органов НКВД», объяснявшейся, как это в те времена широко практиковалось, «происками врагов народа».

Репрессии 1937–1938 гг. охватили и ряд видных сотрудников ГУЛАГа НКВД, которые объявлялись виновниками и «обогащения» трудпоселенцев, и многих других «негативов» в деятельности ОСП. В цитированной уже докладной записке этого Отдела в ЦК ВКП(б) (февраль 1939 г.) данные обстоятельства пояснялись следующим: «...У руководства работой по кулацкой ссылке долгое время находились враги народа (Коган/109/, Молчанов/110/, Берман, Плинер, Фирин, Закарьян, Вишневецкий/111/ и др.). Вредительство проводилось по следующим направлениям...

Высланные кулаки ставились в привилегированное положение по сравнению с окружающими колхозами. Проводилась политика нового окулачивания трудпоселенцев за счет государства. По представлению врагов народа, орудовавших в НКВД, трудпоселенцы освобождались от госпоставок, налогов и сборов, или пролонгировались и вовсе списывались ссуды уже тогда, когда трудпоселки не только хозяйственно окрепли, но и по своему хозяйственному уровню стояли выше окружающих колхозов...» [112]. Заявления о «быстром обогащении», «привилегированном положении» трудпоселенцев и т. п. требуют критической оценки. В большей своей части эти заявления – не более как стандартная, циничная и безответственная игра словами и терминами, свойственная тому времени. В реальной жизни дела обстояли, как правило, совсем иначе.

Многие трудпоселенческие хозяйства оказались в настоящей долговой кабале у государства, выбраться из которой в обозримом будущем было совершенно невозможно. Для того, чтобы не допустить их разорения и не сорвать тем самым «освоение малообжитых земель», местные органы власти, включая структуры ОГПУ–НКВД–ОСП, на протяжении 1930-х гг. действительно и довольно часто выступали с ходатайствами перед вышестоящими государственными инстанциями о списании с трудпоселенцев ссудной задолженности или ее пролонгации. И в ряде случаев эти ходатайства удовлетворялись. Например, по постановлению СНК СССР от 21 апреля 1937 г. была списана ссудная задолженность с трудпоселенцев Омской области [113].

Конечно, во второй половине 1930-х гг. в материальном положении трудпоселенцев имела место определенная дифференциация. У многих это положение стало вполне сносным (по меркам того времени). На Северном Кавказе (Орджоникидзевский край, ныне Ставрополье) в 1940 г. среди 37 сельхозартелей трудпоселенцев имелись даже так называемые «миллионеры»: «Путь к коммунизму», «Коминтерн», «Стахановец». Причем

наименьший годовой доход среди всех сельхозартелей здесь составил 680 000 руб. [114]. Но гораздо больше было тех, кто продолжал находиться в состоянии отчаянной борьбы за выживание, едва сводя концы с концами. Так, в отчете ОТП ГУЛАГа НКВД СССР за 1937 год отмечается:

«По ОТП Красноярского края основная масса долга числится за неуставными сельхозартелями Чульской и Бирилюсской комендатур. С момента организации в 1933 г., эти артели расходовали полученные ссуды в основном на раскорчевку и расчистку пашен и лугов, на устройство дорог, мостов, колодцев, покупку рабочего и продуктивного скота, приобретение сельхозинвентаря. Безвозвратных кредитов на эти цели артели не получали. Тяжелое финансовое положение артелей осложнялось неурожаем последних лет. В результате артели оказались неплатежеспособными, что подтверждено обследованием, проведенным в 1937 г. специальной комиссией с участием представителей Сельхозбанка. В целях оздоровления хозяйственно-финансового положения неуставных артелей Чульской и Бирилюсской комендатур, Красноярский крайисполком постановлением от 8 января 1938 г. возбудил ходатайство перед СНК СССР о списании нереальной задолженности трудпоселенцев и пролонгации платежей по ссудам» [115].

Кроме того, вследствие низкой урожайности в спецартелях Правительство СССР вынуждено было фактически регулярно выносить решения о наделении их семенным фондом. Например, постановление СТО СССР от 23 января 1932 г. «О семенах для спецпереселенцев Западной Сибири» обязывало отпустить спецпереселенцам северных районов Западной Сибири: пшеницы – 5 259 ц, овса – 17 482, ячменя – 6 063, льна – 4 774, конопля – 754 ц [116].

В 1938 г. в основном завершился процесс трансформации трудпоселенческих артелей в обычные колхозы. Неуставные сельхозартели и кулпромартели были переведены на общий колхозный и промартельный устав – по постановлению СНК СССР от 9 сентября 1938 г. № 986–236сс «О переводе неуставных артелей трудпоселенцев на устав артелей» [117]. Госбанку, Сбербанку и Промбанку СССР было предложено кредитовать артели трудпоселений на общих основаниях с уставными артелями [118]. Последнее обстоятельство имело особо важное значение, поскольку к 1938 г. трудпоселенцы имели задолженность по ранее полученным ссудам за жилые дома, хозяйственные постройки, скот, инвентарь, по затратам на раскорчевку, ирригацию и мелиорацию земель в сумме 68 163 489 руб., из которых в 1937 г. были погашены 10 459 481 [119].

При этом не учитывалось, во-первых, то, что спецпоселенцы отнюдь не по своей воле обживали и осваивали безлюдные районы СССР, а во-вторых, что уже с 1935 г., согласно постановлению СНК СССР, неуставные сельхозартели спецпереселенцев привлекались к обязательным поставкам государству зерна, мяса, молока, шерсти, картофеля, причем – по нормам для «единоличников» из этих регионов [120]. Примечательно, что, несмотря на постановление Правительства, перевод неуставных артелей на обычный устав растянулся на годы. Так, даже к 1 июня 1940 г., то есть спустя почти двухлетие после принятия этого постановления, в Сибири продолжали оставаться «неуставными» семь артелей спецпереселенцев [121].

Средний размер оплаты трудодня в колхозах трудпоселков в 1940 г. составил: зерном – 2,8 кг, деньгами – 2 руб. 75 коп., что превышало средние показатели по колхозам СССР в целом [122]. Вместе с тем имелось немало и экономически крайне слабых спецартелей, особенно в северных трудпоселках. В Коми области, например, в сельхозартели «Сапыч» Сыктывдинского района на протяжении 10 лет ее существования не распределяли зерновых культур по трудодням. Не было у этого колхоза и денежных доходов. Объясняется это не виной спецпереселенцев, а непродуманным расселением депортированных крестьян в зоне неблагоприятного климата, на болотистых почвах, непригодных для земледелия.

Не лучше обстояли дела и в других спецартелях этого района. В трудпоселке Теплогорка в 1940 г. на трудодень приходилось: зерна (ржи) – 150 г, гороха – 50 г, денег – 30 коп.; в трудпоселке «Веж»: зерна – 200 г; картофеля – 1 кг, соломы – 1 кг; в трудпоселке «Соль»: зерна – 300 г, картофеля – 1 кг, соломы – 650 г; в трудпоселке «Емельстан»: зерновых – 300 г [123]. Немногим «богаче» жилось в сельхозартелях трудпоселенцев соседней Вологодской области. В 1940 г. здесь на трудодень выдавалось: зерна – от 1,25 до 2,5 кг (Нюксенский – Тотемский районы); овощей – от 1 до 6 кг (Нюксенский – Тарногский районы); денег – от 1 руб. 05 коп. до 6 руб. 30 коп. (Нюксенский – Вологодский районы) [124].

Необходимо отметить, что несмотря на принятие в 1936 г. новой Конституции СССР, согласно статье 135 которой трудпоселенцы получили избирательные права, а также после перевода в 1938 г. неуставных сельхозартелей на обычный устав, то есть формального уравнивания в правах трудпоселенцев с колхозниками, режим в трудпоселках практически не изменился. Даже доказав свою лояльность (трудом и отношением) к советской власти, трудпоселенцы по-прежнему ущемлялись в своих правах.

В частности, они не могли быть кандидатами для участия на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ), хотя их производственные показатели зачастую были лучше, чем в окрестных колхозах и совхозах. 21 апреля 1941 г. ГУЛАГ НКВД СССР разъяснял по этому поводу, что в соответствии с указанием СНК СССР от 17 июня 1939 г. «выезд трудпоселенцам в Москву для участия в сельхозвыставке не разрешен» [125]. Кроме того, из циркуляра НКВД СССР от 15 февраля 1941 г. следует: несмотря на то, что «трудовое использование

трудпоселенцев – членов сельхоз- и кустпромартелей осуществляется самими артелями в соответствии с уставом», в случаях отпуска артелями трудпоселенцев на отходные работы, «комендатуры обязаны проследить, чтобы на работы за пределы района поселения поселенцев не направляли [126].

К лету 1941 г., то есть к началу Великой Отечественной войны, в сельском хозяйстве районов вселения «раскулаченных» были заняты 316 211 чел. или 33,6 % общего числа спецпереселенцев, в том числе: в сельхозартелях – 261 007 чел., в совхозах – 26 840, в хозяйствах Наркомзема СССР – 28 364. Наибольшее количество сельхозартелей находилось в трудпоселках Новосибирской, Омской, Архангельской, Свердловской областей, Красноярского и Орджоникидзевского краев и Казахской ССР. На их долю приходилось около 80 % всех трудпоселенческих артелей [127].

По сравнению с 1935 г. количество спецпереселенцев, занятых в сельском хозяйстве, уменьшилось почти на 130 000 чел. Объясняется это прежде всего тем, что часть восстановленных в правах спецпереселенцев (молодежь 16–18 лет) покинула трудпоселки, поступив на учебу или на работу в промышленность. Таких только в первой половине 1941 г. было 17 038 чел. [128]. Другие восстановленные в правах продолжали работать и жить в трудпоселках как «вольные граждане», на учет поселения не брались и поэтому в сводки НКВД не входили.

То же самое произошло и с производственной статистикой спецпереселенческих артелей, которая с 1939 г. «растворилась» в отчетах местных органов сельхозуправления. Но колхозы и совхозы в спецпоселках продолжали существовать, пополнились в 1940-е гг. за счет новых депортаций, расширяли земельные площади, наращивали объемы производства, многие из них добивались неплохих по тем временам результатов.

В начале 1952 г. среди спецпоселенцев насчитывалось 5 чел., которые за время пребывания в местах поселений получили звание Героя Социалистического Труда. «За высокий урожай свеклы» этого звания по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1948 г. удостоились:

- карачаевка Н.Х. Курджаева-Кубанова (1928 г. рождения, уроженка аула Хузрук Учкуланского/Карачаевского района Карачаевской – Карачаево-Черкесской автономной области);
- карачаевка П.М. Шидакова (1933 г. рождения, уроженка аула Учкулан того же района);
- турчанка-месхетинка Д.М. Мамедова (1920 г. рождения, уроженка села Париха Ацольнинского района Грузинской ССР).

Они состояли на учете спецпоселения в Джамбулской области (Казахстан). По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1949 г. «за ударную работу по животноводству» звания Героя Социалистического Труда был удостоен немец П.А. Шмидт (1930 г. рождения, уроженец села Милорадовка Лазовского района Павлодарской области Казахской ССР, взят на учет спецпоселения в 1949 г. как «местный немец»). Этого же звания по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 21 августа 1951 г. «за рекордную уборку урожая» был удостоен находившийся на спецпоселении в Кокчетавской области (Казахстан) поляк И.А. Женский (1920 г. рождения, уроженец села Каменка Славутского района Каменец-Подольской/Хмельницкой области, выслен в 1936 г.) [129].

Тем не менее, и это следует особо подчеркнуть, содержащиеся в литературе, а также в документальных источниках ГУЛАГа и НКВД–МВД–МГБ СССР сведения о «трудовых успехах» спецпереселенцев в освоении новых земельных территорий на Западе и Востоке страны (Карелия, Северный Кавказ, Западная Сибирь, Северный Казахстан), о более значительных результатах хозяйственной деятельности многих неуставных артелей в сравнении с колхозами в тех же регионах, требуют к себе критического подхода. Действительно, находясь (по крайней мере, до 1939 г.) в более худших относительно «гражданских» колхозов условиях по техническому оснащению, спецпереселенцы имели в отдельные годы лучшие показатели по производству картофеля, ряда технических культур, продукции животноводства. Хотя при этом трудовой потенциал среднестатистической семьи в спецпоселках в целом имел тенденцию снижения, а экономическое поведение характеризовалось как стратегия выживания [130].

Корректнее сравнивать эти две системы хозяйствования – колхозную и спецартелей – с точки зрения, во-первых, мотивации труда и стратегии экономического поведения крестьян и спецпереселенцев, и, во-вторых, условий экономической деятельности этих систем. Мотивация труда спецпереселенцев (особенно в первой половине 1930-х гг.) была несомненно выше, чем у колхозников: результативный труд давал первым какой-то (пусть зачастую мнимый) шанс на выход из поселения. Для молодежи спецпоселков так называемый «ударный труд» давал шанс получить перспективу, изменить социальный статус и т. п.

Там, где такого рода мотивация отсутствовала, ситуация складывалась совершенно иначе. Так, в рапорте помощника начальника ГУЛАГа ОГПУ И.И. Плинера от 29 июля 1933 г. на имя заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды говорилось:

«Направляемый в трудпоселки ОГПУ т.н. деклассированный элемент из Москвы и Ленинграда преимущественно состоит из злостного рецидива, имеющего многочисленные приводы и судимости. Указанный контингент, как показал опыт пребывания его на пересельных пунктах, а также в местах нового расселения,

не может быть освоен в обычных условиях свободного режима трудпоселенцев, не поддается трудовому воздействию сам и деморализующе действует на весь остальной контингент...» [131].

В ноябре 1940 г. УИТЛиК и ТП ГУЛАГа НКВД СССР составило следующую характеристику спецпоселенцам-«польским беженцам»:

«Большинство из них раньше физическим трудом не занималось. Среди них много бывших торговцев, фабрикантов, содержателей ресторанов, коммивояжеров и лиц неопределенных профессий. В их числе некоторая часть трудовой интеллигенции и ремесленников. Крупных специалистов, научных работников среди них 551 человек. Их освоение... на первых порах проходит болезненно: не умеют работать, боятся работы, не хотят работать, думают, что приехали на время – отсюда «чемоданные» настроения. Часть из них материально обеспечена и не заинтересована в работе. Эти ведут себя вызывающе, готовы нанять за себя человека для работы... (Молотовская область), некоторые используют своих прислуг, которые приехали с ними на правах членов семьи (Марийская АССР)... Специалисты и ремесленники требуют работу по специальности. Разрешить этот вопрос без нарушения принципа расселения в спецпоселках НКВД пока не удается» [132].

Более серьезные различия имелись в условиях экономической деятельности. В отличие от колхозов неуставные артели были интегрированы в систему ГУЛАГа, а это в условиях хронического всеобщего дефицита и жесткой конкуренции за все виды ресурсов давало неоспоримые преимущества репрессивному ведомству в борьбе за их получение. Система спецпоселений, как и колхозная система, создавались практически с нуля и одновременно. На их создание были направлены значительные средства – материальные и финансовые.

Однако если колхозная система была до известной степени «прозрачной», то система спецпоселений являлась, условно говоря, экономической «черной дырой», неподконтрольной общегражданским органам власти. Для поддержания обеих вновь созданных систем требовались в дальнейшем все новые ресурсы, финансовые льготы и послабления: отсрочки по выплатам задолженностей, списание долгов, минимизация налогового бремени и т.д. Естественно, что НКВД это удавалось проделывать успешнее в отношении спецартелей, нежели Наркомзему – в отношении колхозов. Лоббирование чекистами экономических льгот и налоговых послаблений для спецартелей не выглядело аномалией для экономики мобилизационно-затратного типа, каковою и являлась советская система хозяйствования.

Однако во второй половине 1930-х гг. такого рода функции были признаны руководством НКВД самообременительными. В конечном счете, именно поэтому стал возможен перевод с 1938 г. неуставных артелей на устав колхозов и передача их экономической деятельности в ведение Наркомзема. Чекисты оставили себе лишь контроль за соблюдением режима в спецпоселениях, что называется – «умыли руки». Тем самым некоторые экономические различия, ранее действительно существовавшие между колхозами и спецартелями, оказались нивелированными.

Что же касается недостатков либо преимуществ той или иной из этих двух систем хозяйствования, то здесь позволительно воспользоваться сталинской формулой – «обе хуже» (именно так И.В. Сталин ответил однажды на заданный ему вопрос: какой из партийных уклонов хуже – «левый» или «правый»?) [133]. Обе системы оказались исторически тупиковыми, не имевшими перспективы и динамики развития, поскольку и спецпереселенцы и колхозники явились социальными жертвами двух разновидностей сталинско-советской политики «раскрестьянивания» – принудительной и «добровольной», генетически близких друг другу и практически слившихся друг с другом.

«Обеспечение максимальной занятости спецпоселенцев в народном хозяйстве» входило в число первоочередных задач органов МВД и в конце 1940-х гг. При этом еще более ужесточались требования режима по этим вопросам. Так, постановлением Совета Министров СССР от 3 июня 1948 г. № 1841–730с была предусмотрена уголовная ответственность спецпоселенцев «за уклонение от общественно полезного труда в местах поселений». В результате только за 1949 год Особое совещание при МВД СССР подвергло 303 выселенцев лишению свободы («восемь лет ИТЛ») по этому составу обвинений [134].

По данным на январь 1950 г., из 1 483 039 спецпоселенцев, занятых в народном хозяйстве, 700 748 чел. работали в сельском хозяйстве (из них 110 236 – в совхозах), 160 780 – в угольной промышленности, 128 548 – лесбумпрое, 118 046 – золотодобыче, а также на предприятиях и стройках МВД. В местной промышленности были заняты 52 323 спецпоселенца, в металлургии – 34 598, нефтедобыче – 27 915, пищепроме – 22 915, на железнодорожном строительстве МПС – 22 855, на строительстве предприятий тяжелой индустрии – 20 378, в легкой промышленности – 19 568, машиностроении – 17 882, рыбной промышленности – 13 210, промышленности стройматериалов – 11 811, торговых организациях – 8 590, химической промышленности – 6 829, других отраслях – 115 981 чел. Непосредственно на предприятиях в системе МВД в июне 1950 г. работали 210 827 спецпереселенцев, в том числе: в золотоплатиновой промышленности – 80 570, на Дальстрое – 28 462, в слюдяной промышленности – 8 653, на Енисейстрое – 6 203, в ИТЛ и на спецстройках МВД – 44 564, на других предприятиях (ГУШОСДОР, ГУЛЖДС, Главпромстрой, подсобные сельские хозяйства) – 42 375 [136].

**Трудовое использование спецпоселенцев по министерствам
(по состоянию на 1 августа 1950 г.) [135]**

Министерства	Всего, чел.	В том числе:					
		Немцы	С Се- верного Кавказа	Из Крыма	Калмыки	Из Грузии в 1944 г.	Другие
1	2	3	4	5	6	7	8
Сельского хозяйства	520 992	255 064	129 417	10 914	16 506	23 161	85 920
Угольной промышленности	153 369	70 534	9 772	4 677	635	133	67 618
Лесной и бумажной промышленности	135 432	43 464	927	11 547	3 178	–	76 316
Внутренних дел	126 374	31 860	3 141	2 963	1 162	22	87 226
Совхозов	105 623	45 969	16 788	6 193	7 587	2 811	26 275
Местной промышленности	48 718	24 619	9 179	6 033	1 498	287	7 102
Хлопководства	45 727	1 860	3 813	19 160	2	13 360	7 532
Металлургической промышленности	41 578	17 340	10 795	5 017	138	166	8 122
Нефтяной промышленности	27 031	16 094	974	7 246	13	27	2 677
Пищевой промышленности	24 568	5 639	5 567	7 114	1 799	1 521	2 928
Строительства предприятий т/индустрии	22 276	17 254	57	413	4	61	4 487
Путей сообщения	21 759	9 350	8 594	236	323	3	3 253
Легкой промышленности	19 097	5 439	2 940	8 834	180	802	902
Рыбной промышленности	11 289	4 648	193	75	4 210	40	2 123
Заготовок	10 696	4 844	4 279	240	648	22	663
Промстройматериалов	8 996	3 023	904	2 053	159	196	2 661
Здравоохранения	8 868	5 254	748	1 854	166	43	803
Просвещения	8 456	4 946	794	1 625	210	124	757
Торговли	7 947	3 808	2 214	777	297	42	809
Химической промышленности	7 777	3 848	1 127	686	37	34	2 045
Вооружения	7 609	7 399	–	3	46	–	161
Речного флота	7 164	4 732	197	129	392	–	1 714
Гражданского строительства	6 707	3 354	3 034	5	63	–	251
Электростанций	6 155	1 171	1 290	1 942	133	–	1 619
Сельхозмашиностроения	5 062	3 616	370	889	85	–	102
Коммунального хозяйства	4 946	1 695	659	581	267	22	1 722
Мясомолочной промышленности	4 369	2 576	949	103	527	–	214
Госбезопасности	3 549	861	3	902	82	–	1 701
Авиапромышленности	3 196	1 053	–	14	974	–	1 155
Станкостроения	2 769	1 920	60	758	14	–	17
Тяжелого машиностроения	2 627	2 165	181	173	52	33	23
Автомобильной промышленности	2 564	1 023	46	969	16	–	510
Транспортного машиностроения	2 478	2 213	–	256	8	–	1

1	2	3	4	5	6	7	8
Электропромышленности	2 308	1 321	914	1	–	–	72
Топливной промышленности	2 202	1 170	71	396	12	–	553
Лесного хозяйства	1 654	552	1 046	52	–	4	–
Связи	1 551	1 117	148	29	117	1	139
Водного хозяйства	1 191	315	220	123	–	4	529
Геологии	1 028	571	376	23	1	–	57
Машиностроения и приборостроения	974	517	50	398	–	–	9
Высшей школы	702	571	79	1	6	–	45
Промышленности средств связи	572	–	–	270	–	–	302
Трудовых резервов	562	330	101	64	1	–	66
Финансов	544	162	90	199	36	2	55
Строительства предприятий машиностроения	541	536	–	–	–	–	
Автотранспорта	291	101	97	87	–	1	5
Кинематографии	260	24	3	216	–	2	15
Морского флота	228	119	–	–	106	–	3
Судостроительной промышленности	214	10	85	88	2	–	29
Внешней торговли	140	6	125	–	–	–	9
Социального обеспечения	77	5	–	64	–	1	7
Обороны	53	18	–	–	3	–	32
Юстиции	16	2	3	9	–	2	–
Гл. управление промкооперации при Совмине СССР	878	383	–	28	–	–	467
Гл. управление Севморпуть (ГУСМП)	505	340	–	–	–	–	165
Комитет по делам искусств	94	71	–	8	1	–	14
Гл. управление дорожностроительства	57	–	53	4	–	–	–
Центросоюз	942	165	215	36	2	2	522
Гос. и сов. учреждения	36 103	16 337	2 010	4 946	2 251	113	10 446
ИТОГО	1 469 455	633 378	223 785	112 336	43 949	43 042	412 965

По-прежнему органам МВД–МГБ приходилось оказывать давление на местных хозяйственных руководителей с целью пресечь тенденцию дискриминации в оплате труда спецпоселенцев по сравнению с вольнонаемными рабочими и служащими. В конце 1940-х гг. в отношении большинства работающих спецпоселенцев такой дискриминации не было, однако кое-где она, как рецидивное явление, все же имела место. Так, в приказе МВД СССР от 15 сентября 1948 г. «О задачах органов МВД по работе среди спецпоселенцев» отмечалось, в частности: «...До сих пор еще полностью не изжиты факты обсчета спецпоселенцев при исчислении заработной платы. В Якутской АССР лесоруб Шкаденко работал совместно с немцем Эйнер, а при исчислении заработной платы Шкаденко подсчитали 7.000 рублей, а Эйнер – 700 рублей» [137].

По большому же счету, именно этнические немцы лучше других депортированных народов сумели адаптироваться в местах высылки и в экономической системе спецпоселений. Среди них было немало квалифицированных рабочих, инженеров, техников, агрономов, врачей и других специалистов, которых охотно принимали на должности с неплохим заработком и гарантированным продовольственным пайком, достаточным для того, чтобы спасти себя и свои семьи от голодной смерти (у чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, калмыков и других положение в этом отношении было значительно хуже). Немцы также быстрее и лучше других выселенных народов освоили систему ведения сельского хозяйства в новых местах проживания. Здесь

отчетливо прослеживалась закономерность: чем цивилизованнее нация, тем выше степень ее выживания в экстремальной ситуации.

Предприимчивость и трудолюбие немцев довольно быстро превратили их в наиболее цивилизованный слой в хозяйственной жизни тех регионов, куда они были выселены, особенно – Казахстана и Средней Азии. Вполне объяснимо поэтому, что в послевоенный период одной из главных причин, из-за которых немцы не были возвращены к прежним местам жительства, являлись опасения (и как показало время, достаточно обоснованные) центрального руководства СССР и местных властей за негативные последствия такого массового «обратного» переселения для хозяйственной жизни регионов, и прежде всего – в Азиатской части страны [138].

В заключение данного раздела настоящего исследования необходимо отметить следующее. В течение 1930–1940-х и в начале 1950-х гг. водворение огромных массивов людей на спецпоселение служило одним из главных рычагов осуществления государственной политики выравнивания трудовых и демографических ресурсов между западными и восточными регионами СССР. Но хотя в годы Великой Отечественной войны миллионы людей (включая эвакуированных) были перемещены на восток страны, после войны в массе своей они возвратились в западные территории.

Утопичными оказались и расчеты на решение посредством спецпоселений задачи «освоения малообжитых регионов страны». Из числа освобожденных в середине и во второй половине 1950-х гг. спецпоселенцев, получивших разрешение на выезд, лишь незначительная их часть (как правило, в пределах от 10 до 20 %) осталась на постоянное жительство в местах бывшей высылки [139]. То есть демографический эффект от многочисленных депортаций оказался крайне низким уже к началу 1960-х гг.

Что касается немцев, крымских татар, турок-месхетинцев и представителей других «наказанных народов», которые в массе своей вынуждены были оставаться в местах высылки, поскольку им запретили возвращаться на родину, то их «отложенный исход» пришелся на конец 1980-х – 1990-е гг. прошлого века и не завершен до сих пор. Безусловно, спецпереселенцы внесли значительный вклад в развитие производительных сил северных и восточных регионов России, а также Казахстана и Средней Азии. Однако экономический эффект от этого был весьма сомнительным по причине убыточности депортаций.

Расходы государства по переселению и устройству депортированных не покрывались доходами от конфискованного у них имущества. Под углом зрения экономической выгоды (точнее, невыгоды) все эти многочисленные принудительные переселения являлись делом нерентабельным, затратным и служили одним из факторов, сдерживающих рост жизненного уровня всего народа. Впрочем, при проведении принудительных депортаций преследовались в первую очередь политические цели, в подчиненном положении к которым находились экономические, демографические и другие задачи.

Экономический эффект от деятельности системы спецпоселений, можно с уверенностью сказать, был намного ниже того, что водворенные в нее люди могли бы принести своим трудом на родной земле. Несомненно, в конечном счете государство проиграло, вырвав их из прежней среды обитания и заставив своих граждан осваивать окраинные территории не в силу экономической необходимости и целесообразности, а руководствуясь узкими, временными (зачастую просто надуманными) политическими интересами. Многочисленные реальные «минусы» – прежде всего социально-демографические, политические, материальные и моральные потери от депортаций – несоизмеримы с теми скудными и мнимыми экономическими «плюсами», которые государству приносил труд переселенцев.

Наконец, крайне сложно придать операционность терминам, в которых требуется само описание экономики спецпоселений как подсистемы принудительного труда в СССР, как прямого порождения сталинско-советской экономической модели, которая выражается категориями мобилизационная (плановая, централизованная, директивная, этатизированная) экономика, то есть такая система хозяйствования, при которой векторы и динамику ее изменений определяют внеэкономические императивы и факторы – политические, идеологические и т.п. В изучении этой темы пока нет исследовательской традиции. В современной отечественной литературе можно зафиксировать пока лишь первые попытки комплексного рассмотрения экономики ГУЛАГа [140], но применительно к системе спецпоселений таких исследований нет вообще (даже с учетом немалого уже числа статистических и документальных компиляций).

Производственная деятельность спецпоселенцев по-прежнему оценивается в тех же категориях, что и любая экономика: прежде всего в валовых и кумулятивных показателях – натуральных и стоимостных, гектарах, кубометрах, тоннах, рублях, и с этой точки зрения интерпретируются «роль» и «вклад» спецпереселенцев в экономику страны. И такая точка зрения вполне оправдана и необходима. Но она слишком одномерна и однозначна.

Ведь речь в данном случае идет не о каком-то абстрактном труде, а о труде принудительном, при котором способы его организации, использования и контроля носили режимный, репрессивный характер; который не просто использовался, а эксплуатировался, имел затратную природу, внеэкономические основания и мотивацию, применялся для достижения определенного результата, конкретной цели. И самое главное – это

труд, при котором издержки и потери скрупулезно измерялись в стоимостных и натуральных показателях, но не принимались во внимание совершенно или крайне слабо учитывались человеческие издержки, или то, что именуют «человеческим фактором».

Можно сделать вывод, что если по способам организации и управления экономика спецпоселений являла собой модель экстерриториальной (закрытой) и режимной экономики, то по способам экономического существования и поведения самих спецпереселенцев это была экономика выживания. Для любой открытой институциональной экономики рыночного типа подобная модель выглядела бы как аномальная. Однако для сталинско-советской экономики мобилизационного типа она являлась вполне органичным ее сектором.

Бесспорно, в некоторых социально-экономических ситуациях и для определенных политических страт принудительный труд получает известную притягательность. Но несомненно и то, что принудительная экономика, сколь бы ни рационально она была выстроена, внутренне всегда противоречива, уязвима, лишена перспективы развития. И в этом смысле она глубоко маргинальна. Маргинальна не только в том смысле, что она выстроена и базируется на труде маргиналов (заклоченных и ссыльных). Маргинальны и сами экономические основы ее функционирования. Это – ресурсозатратная экономика, ставящая предметы и орудия труда не только вровень с человеком, но выше и дороже его: за гибель лошади или сломанное оборудование спецпереселенец получал срок заключения, а за смертность людей на поселении комендант, как правило, ответственности не нес.

Маргинальной и глубоко деформированной была и мотивация труда спецпереселенцев. Труд являлся для них прежде всего средством выживания, и только затем он мог эволюционировать в средство к существованию, удовлетворению своих потребностей, инструмент повышения социального статуса и т.п. Режим труда для ссыльных носил ограничительный, дискриминационный характер (запрет на свободу передвижения, на выбор рода занятий и т.д.). И в этом труд маргиналов не мог быть позитивно мотивированным: он рассматривался прежде всего как пропуск на выход из спецпоселков. Именно в этом – в негативной мотивации труда – и заключено одно из самых тяжелых и живучих наследий советско-сталинской социально-экономической модели, в том числе неотъемлемой ее части – системы спецпоселений.

Источники и литература

1. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
2. См. параграф 1 главы 1 настоящей работы.
3. Колхозы в 1930 г. С. 200–223.
4. ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп. 1. Д. 457. Л. 40–41.
5. Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 40, со ссылкой на: ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 20. Л. 270.
6. Там же, со ссылкой на: ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 20. Л. 274.
7. Там же.
8. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 гг. С. 81.
9. Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 41–42, со ссылкой на: АП РФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 195. Л. 56–56 об.
10. ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп. 12а. Д. 850. Л. 7–13.
11. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. С. 17.
12. ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп. 1. Д. 469. Л. 236.
13. См. параграф 1 главы 1 настоящей работы.
14. Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 42.
15. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. С. 21–242.
16. Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 52.
17. Там же. С. 43.
18. См.: *Гуцин Н.Я., Ильиных В.А.* Классовая борьба в сибирской деревне: 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987. С. 272; *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 47; *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 39.
19. Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 43, со ссылкой на: ГАНО. Ф.П-3. Оп. 1. Д. 690б. Л. 55.
20. ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп. 1. Д. 486. Л. 120.
21. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 281.
22. Подсчитано по: Валюты стран мира: Справочник. М., 1987. С. 11.
23. Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 43.
24. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 48–50.
25. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 25.
26. Там же. Л. 26.
27. Там же. Л. 25, 26.
28. Там же. Л. 3–5.
29. Там же. Л. 6–7.
30. *Шаиқов В.Я.* Спецпереселенцы на Мурмане: Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове. 1930–1936. Мурманск, 1993. С. 60.
31. *Шаиқов В.Я.* Указ. соч. С. 35; Население Кольского Севера. Мурманск, 1968. С. 22.

32. Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 378.
33. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. С. 32–33.
34. Из истории раскулачивания в Карелии. С. 142–143.
35. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. С. 43–46.
36. Там же. С. 842.
37. НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 74.
38. АОА ОПДФ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 386. Л. 90–91.
39. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. С. 43–46.
40. Покаяние. Т. 4. Ч. 1. С. 80.
41. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. С. 53–57.
42. Покаяние. Т. 4. Ч. 1. С. 81.
43. Архив МВД РК (Республики Коми). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 56. Л. 3.
44. *Шашков В.Д.* К вопросу о выселении раскулаченных семей в Северный край в 1930–1933 гг. // История Отечества. 1996. № 2. С. 152.
45. См., напр.: постановление Наркомлеса СССР от 26 мая 1936 г. (НАРК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 3371. Л. 29).
46. НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2478. Л. 15; КРГА ОПФД. Ф. 1. Оп. 3. Д. 729. Л. 52.
47. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 24. Л. 4.
48. Там же. Д. 47. Л. 19.
49. Там же. Д. 89. Л. 191–192, 194.
50. Там же. Л. 52–53, 217.
51. Там же. Д. 62. Л. 38.
52. Там же. Д. 59. Л. 295.
53. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. С. 225.
54. СЗ СССР. 1935. № 7. Ст. 57.
55. Покаяние. Т. 4. Ч. 1. С. 733.
56. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. С. 47.
57. Там же. С. 76–77.
58. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 59. Л. 256, 263; Д. 89. Л. 61, 71; Д. 74. Л. 44.
59. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. С. 225.
60. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 76. Л. 17–19; Д. 74. Л. 41.
61. Там же. Д. 79. Л. 217–219.
62. Там же. Д. 59. Л. 262.
63. Там же. Д. 60. Л. 170–171.
64. *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание. С. 251.
65. Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 379.
66. Там же.
67. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 153.
68. Неизвестная Россия. С. 257–263.
69. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. С. 43–46.
70. Из истории раскулачивания в Карелии. С. 142–143.
71. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. С. 53–56.
72. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 154.
73. НАРК. Ф. 136. Оп. 1. Д. 366. Л. 9–16, 95–101.
74. Там же. Ф. 938. Оп. 1. Д. 5. Л. 92–97.
75. Покаяние. Т. 4. Ч. 1. С. 89.
76. Там же.
77. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. С. 46–52.
78. Там же. С. 52–54.
79. НАРК. Ф. 937. Оп. 1. Д. 9. Л. 30–31; Д. 4. Л. 62–63.
80. Там же. Д. 2. Л. 64.
81. Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 130. Л. 3–6.
82. Там же. Д. 19. Л. 157, 157об; Ф. 937. Оп. 1. Д. 9. Л. 54; Ф. 3. Оп. 1. Д. 2386. Л. 181–182, 187; КРГА ОПФД. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1496. Л. 23; Д. 971. Л. 70.
83. *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). С. 261.
84. Там же.
85. Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 45, со ссылкой на: ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1275. Л. 51.
86. См., напр.: постановления СНК СССР от 24 февраля 1934 г. № 328/55с; от 5 апреля 1934 г. № 751/130с; от 7 октября 1935 г. № 2292/378с; от 10 июля 1936 г. № 1225/210с (ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп. 15а. Д. 326. Л. 1; Там же. Оп. 1в. Д. 475. Л. 53; Там же. Д. 483. Л. 103; Там же. Д. 487. Л. 84).
87. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 16а.
88. Так называемые «польские спецартели» в Казахстане приравнивались к обычным колхозам: они подчинялись общему уставу, избирали правление, пользовались льготами в налогообложении и т.д. (*Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 178).

89. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 3–5.
90. Там же. Л. 16а.
91. Для сравнения: в период массового освоения «целинных и залежных земель» (1954–1960 годы) в целом по СССР (Казахстан, Сибирь, Урал, Поволжье и другие районы) было распахано около 41,8 миллиона гектаров. (Советский энциклопедический словарь. Изд. 3-е. М., 1985. С. 1461).
92. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 22.
93. Там же. Л. 22.
94. Там же.
95. Там же.
96. Там же.
97. Там же.
98. Там же.
99. Там же. Л. 16а, 17, 19, 24.
100. Там же. Д. 60. Л. 28–29; Д. 74. Л. 44; Д. 77. Л. 68, 87–88, 90, 92.
101. Там же. Д. 48. Л. 17–18.
102. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 176.
103. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 21.
104. Там же.
105. Там же. Л. 16а.
106. Там же. Д. 47. Л. 17.
107. Там же. Д. 48. Л. 12.
108. Там же. Д. 54. Л. 9–10.
109. Коган Лазарь Иосифович (1889–1939) – член Компартии с 1917 г.; в 1930–1932 гг. – начальника ГУЛАГа ОГПУ, одновременно с 1931 г. – начальник строительства Беломорско-Балтийского канала, с 1932 г. – канала Москва–Волга; за руководство этими стройками награжден орденом Ленина (1935 г.) и орденом Красной Звезды (1937 г.); с 1936 г. – заместитель наркома лесной промышленности СССР; расстрелян, реабилитирован посмертно. (Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 1059).
110. Молчанов Георгий Андреевич (1897–1937) – член Компартии с 1917 г.; в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД – с 1920 г.; с 1929 г. – полпред ОГПУ по Ивановской промышленной области; с 1931 г. – начальник Секретно-политического отдела ОГПУ СССР, с 1934 г. – начальник Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР; с 1936 г. – нарком внутренних дел Белорусской ССР; специальное звание – комиссар госбезопасности 2-го ранга (1935 г.); арестован в феврале 1937 г.; расстрелян 9 октября 1937 г.; не реабилитирован. (Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 1061; Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. С. 501).
111. См. примечания 18, 26, 20, 24, 25 к параграфу 1 настоящей главы.
112. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 54. Л. 8–9.
113. Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 3103. Л. 27.
114. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 16а, 17, 19, 24).78.
115. Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 3103. Л. 29.
116. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.
117. Там же. Д. 43. Л. 5.
118. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. С. 40.
119. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 47. Л. 17.
120. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 179.
121. Там же, со ссылкой на: Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
122. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 59. Л. 231–232.
123. Там же. Л. 164; Д. 74. Л. 220.
124. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 185.
125. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. С. 33.
126. Там же. С. 32.
127. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 62. Л. 29.
128. Там же. Д. 89. Л. 58, 211.
129. Там же. Д. 614. Л. 165–166.
130. См. параграф 4 настоящей главы.
131. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 19. Л. 9.
132. Там же. Д. 61. Л. 9.
133. Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 51.
134. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 152.
135. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 390–392.
136. Там же. Д. 436. Л. 40.
137. Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 207. Б/л.
138. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 120.
139. Там же. С. 283.
140. См., напр.: ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2005.

§ 3. Спецпоселение как среда обитания

С первых же дней существования системы спецпоселений перед ее «вдохновителями и организаторами» со всей остротой и неотложностью встали вопросы «хозяйственного устройства спецконтингентов», то есть создания (наряду с производственной) жилищно-бытовой и социально-культурной инфраструктуры этой системы, иными словами – всего того, что определяет среду обитания людей (в данном случае – спецпереселенцев), формирует пространство для их повседневной жизнедеятельности.

Реализация этих задач сразу же натолкнулась на целый ряд серьезных проблем – как объективного, так и субъективного порядка. Во-первых, в малоосвоенных северных районах Европейской России и в Сибири нередко число спецпереселенцев превышало наличие местного населения, что сразу же обострило социальную ситуацию в этих регионах и вызвало скрытое сопротивление «принудительной колонизации».

Во-вторых, заведомая неадаптированность «спецколонистов» – из центра и с юга страны, из Украины и Кавказа – к суровому климату Севера и Сибири, полная их неприспособленность к жизни в этих экстремальных условиях ставили под сомнение саму идею «рентабельности» подневольной «рабочей силы».

В-третьих, применение труда спецпереселенцев происходило путем заключения договоров между карательно-исполнительными структурами (ОГПУ–НКВД) и различными хозяйственными ведомствами и организациями. Но в большинстве своем эти организации существовали кратковременно, лишь на определенный период – для решения конкретной хозяйственной задачи. А ведь именно они, как принимающие работодатели, были формально обязаны возводить и обустроить поселки для депортированных, обеспечивать их продовольствием и хотя бы минимальными социально-бытовыми услугами. Но видя в спецпереселенцах лишь временных работников, да еще и враждебных существующему строю, такого рода организации категорически не желали вкладывать средства в создание благоустроенных спецпоселений. Впрочем, они нередко и сами просто не имели для этого ни финансов, ни ресурсов – сидели на «голодном пайке» централизованно формируемых и распределяемых бюджетов, фондов и т. п.

Наконец, сама организация системы спецпоселений (спецпоселков) в начале 1930-х гг. (да зачастую и в последующее время) носила непродуманный, стихийный, хаотический характер. Эта система имела свои отличительные особенности – как внутренне присущие ей, так и обусловленные внешними обстоятельствами ее возникновения, предназначения и функционирования.

Прежде всего, само существование спецпоселков было явлением временным, связанным с определенной хозяйственной потребностью в «рабочей силе» – именно в конкретный период и в конкретном месте. После завершения строительства определенного промышленного предприятия, вырубке отведенного лесного массива и т. п. – такой поселок ликвидировался, а «спецконтингенты» по распоряжению соответствующих властных инстанций «перевыбрасывались» на другой «объект». При такой системе даже нумерация спецпоселков в одних и тех же регионах менялась настолько калейдоскопически, что восстановить ныне их подлинное местоположение иногда просто невозможно.

Другой особенностью сети спецпоселений была ее полная закрытость для внешнего мира. Режим сверхсекретности окружал всю жизнедеятельность этой системы, а также информацию о положении ее «подопечных». Эта плотная завеса «государственной тайны» оставалась абсолютно непроницаемой на протяжении десятилетий, во многом она остается таковой и в новейшее время.

Из всего многообразия факторов, характеризующих среду обитания, в данном исследовании рассматриваются лишь несколько основных, и прежде всего – жилищное устройство, обеспеченность продовольствием и предметами первой бытовой необходимости. В системе спецпоселений эти (и другие) стороны повседневной жизни людей регулировались как директивами центрального партийно-государственного руководства, так и нормативными документами территориальных советских органов, хозяйственных ведомств и особенно – репрессивно-карательных структур (ОГПУ, НКВД–МВД, МГБ).

Как уже отмечалось (см. параграф 1 настоящей главы), до июля 1931 г. расселением, трудоустройством и другими вопросами, связанными со спецдепортациями, ведали республиканские СНК, краевые и областные исполкомы. Постановлением СНК СССР от 1 июля 1931 г. «Об устройстве спецпереселенцев» административное управление спецпоселениями, их хозяйственное устройство, а также «использование спецконтингентов» были поручены ОГПУ [1]. Специальные (трудовые) поселения ГУЛАГа ОГПУ–НКВД СССР для депортированного «кулачества» организовывались и устраивались согласно постановлениям СНК СССР: от 16 августа 1931 г. № 174с; от 20 апреля 1933 г. № 775/146с; от 21 августа 1933 г. № 1796/393с. Этими постановлениями на ГУЛАГ возлагалась ответственность за «надзор, устройство, хозяйственно-бытовое обслуживание и трудоустройство выселенных «кулаков» [2].

Сразу же после принятия постановления ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. СНК СССР в своем постановлении от 3 февраля 1930 г. поручил, в частности, Наркомфину СССР и СНК РСФСР совместно с ОГПУ «в двухдневный срок разработать и представить смету расходов в связи с выселением и расселением раскулаченных».

Одновременно с этим Наркомторг СССР должен был определить «порядок снабжения выселяемых» [3]. 1 апреля 1930 г. коллегия Наркомзема РСФСР приняла постановление «О местах поселения кулацких хозяйств из районов сплошной коллективизации», согласно которому «из выселяемых хозяйств должны создаваться специальные поселки от 20 до 100 дворов в каждом». Они должны находиться «вне районов сплошной коллективизации», «вдали от пограничной полосы, железных дорог, шоссейных и водных путей». При отводе сельхозугодий предписывалось учитывать, что «земли должны быть худшего качества».

Допускалась («с особого разрешения») организация «неуставных поселковых товариществ», находящихся под административным руководством «особо назначаемого лица» (уполномоченный, впоследствии – комендант). Определение мест нахождения спецпоселков, норм земельных наделов, назначение администрации спецпоселков должно было производиться «в каждом отдельном случае комиссией в составе представителей земельных органов, ОГПУ и административных управлений обл(край)исполкомов» [4]. Данное постановление Наркомзема РСФСР относилось к расселению и устройству «кулаков 3-й категории», то есть расселяемых внутри округов, областей и краев. Что касается «кулаков-выселенцев», отнесенных ко «2-й категории», то порядок их размещения и устройства устанавливался другими директивами, в частности, постановлениями СНК РСФСР от 13 и 18 августа 1930 г. [5]. Для «кулаков 1-й категории» создавались новые концлагеря.

В связи с этим особый интерес представляет записка заместителя Председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды, направленная 12 апреля 1931 г. руководящим сотрудникам ОГПУ, в которой он излагал свой проект превращения концлагерей в спецпоселки для заключенных. В записке Г.Г. Ягода предлагал «...превратить лагеря в колонизационные поселки. Филантропический стимул сокращения срока за хорошее поведение не только никуда не годится, но часто даже вреден... Нам надо быстрее темпом колонизировать Север». Поэтому, считал Г.Г. Ягода, нужно всех заключенных перевести на поселковое поселение, разрешив желающим выписать свои семьи. Создать поселки от 200 до 300 дворов. В свободное от лесозаготовок время (речь шла о районах Северного Урала) «спецпереселенцы» будут заниматься огородничеством, разведением скота, рыболовством, к ним «присоединить ссыльных, которых также включать в поселок».

В тюрьмах и лагерях, признавал Г.Г. Ягода, находятся преимущественно крестьяне («аграрники»), которых «тянет на землю». Так будут осваиваться безлюдные северные районы, богатые лесом, нефтью, углем и другими полезными ископаемыми, в результате чего в будущем «вырастут пролетарские городки горняков» [6]. Предложения Г.Г. Ягоды встретило поддержку в Наркомате юстиции СССР [7] и получило в дальнейшем частичную реализацию [8].

Вопросы «хозяйственного устройства» спецпереселенцев (жилищного строительства, минимального снабжения сельхозинвентарем, семенами, снабжения материалами, рабочим скотом и т.п.) обсуждала специальная комиссия СНК СССР («комиссия Шмидта»). На первом заседании этой комиссии (5 апреля 1930 г.) было, в частности, предложено «местным органам власти районов вселения» отпустить для спецпереселенцев «необходимый для постройки жилищ лес». Другие строительные материалы для жилищного строительства (гвозди, стекло) должны были поставяться «из центра».

На следующем заседании «комиссии Шмидта» (11 апреля 1930 г.) было решено выделить на «хозяйственное устройство выселенных» (в районах Сибири, Северного края и Урала) 5 млн. руб. «в порядке кредита», а на «гужевые переброски расселяемых кулацких семей» – 2 млн. 300 тыс. руб., из расчета по 4 рубля на человека. Кроме того, комиссия СНК СССР предусмотрела расходы на «управление и содержание кулацких поселков». Так, на содержание администрации спецпоселков до конца 1930 хозяйственного года (1 октября) отпускалось до 800 тыс. руб. (по раскладу: один комендант и один сташий милиционер – на 500 семей). Из других пунктов повестки дня, обсуждавшихся на заседании «комиссии Шмидта», обращают внимание вопросы о продовольственном снабжении ссыльных семей, а также о расходах на медицинскую помощь им [9].

10 апреля 1930 г. СНК СССР принял постановление «О мероприятиях по упорядочиванию временного и постоянного расселения высланных кулацких семей», касавшееся Северного, Сибирского краев и Уральской области и обязывавшее краевые и областные исполкомы «срочно закончить внутреннее расселение и трудовое устройство 3-й категории кулаков с предоставлением им хотя бы минимальных, но вполне реальных возможностей прокормиться своим трудом и тем создать у них условия оседлого существования». Однако выделение на это каких-либо средств из «центра» не предусматривалось.

Что касается «высланных кулаков 2-й категории», то принять расходы по их жилищному и бытовому устройству должны были хозяйственные организации, заключившие договоры на «рабочую силу» из числа данного «контингента». Причем отдельным пунктом этого постановления прямо указывалось: «Обязать хозяйственные организации, заключившие договоры на рабочую силу из числа высланных кулаков, принять на себя расходы по жилищному и бытовому устройству не только рабочих, но и их семей» [10].

Постановлением СНК СССР от 1 июля 1931 г. «Об устройстве спецпереселенцев» были ассигнованы в распоряжение ОГПУ на расходы в 1931 г. «по переселению, водворению и освоению кулацких хозяйств» 28 027 400 руб., в том числе: на жилищное строительство – 8 000 000, на приобретение инвента-

ря – 10 064 000, на завоз продовольствия для спецпереселенцев – 2 000 000 руб. При этом основная сумма кредитов подлежала «возврату в доход казны» в течение трех лет, начиная с 1933 г., а кредиты на продовольствие – в течение одного года, начиная с 1 мая 1932 г. [11]. В 1933 г. на организацию и сельскохозяйственное освоение трудпоселков ОГПУ были отпущены 148 000 000 руб., в следующем, 1934 г. – еще 48 500 000 [12].

Таким образом, круг вопросов по рассматриваемой теме, находивших отражение в директивных документах высших органов исполнительной власти, на начальном этапе «кулацкой ссылки» был довольно широк. А вот реальные результаты всех этих административно-бюрократических усилий оказывались более чем скромными. Так, сельскохозяйственный инвентарь, семена и рабочий скот (лошади) выделялись спецпереселенцам уже после окончания весенне-полевого сезона. Размер предоставляемых средств и материалов был явно недостаточным. В 1930 г. на 100 000 выселенных семей (более 520 000 чел.) приходилось всего 4 000–5 000 лошадей, на хозяйственное устройство – менее чем по 10 руб. на человека. Фонд на противоэпидемические мероприятия и медико-санитарное обслуживание спецпереселенцев в 1930 г. составлял 1 500 000 руб., то есть менее чем по 3 руб. на человека [13].

Не лучше обстояли дела и по отдельным регионам. Например, принятыми на заседании бюро Северного крайкома ВКП(б) 23–24 марта 1930 г. «Нормами хозяйственного вооружения и производственного обеспечения высылаемых в край кулацких семей» предусматривалось, что каждая спецпереселенческая семья должна иметь: одну лошадь – на две семьи; две коровы – на пять семей; сбруи, саней и телег – один комплект на две семьи; один плуг – на четыре семьи; одну борону – на 10 семей; две косы, один серп, две мотыги, один заступ, два топора, одну пилу поперечную, разный плотнично-столярный и кузнечно-слесарный инструмент – по 15 руб. на семью и т.д. Кроме того, для семей, расселяемых в районах промыслового рыболовства, зверобоя и охоты, считалось необходимым наличие соответствующего «хозяйственного вооружения» до 200 руб. на семью. Нормативы убогие сами по себе, но реальные показатели выглядели еще более неблагоприятно [14].

Зачастую средства, отпущенные на устройство спецпереселенцев, использовались не по назначению, либо не использовались вообще. Так, из выделенных на 1933 г. 148 000 000 руб. было освоено лишь 82 800 000, то есть чуть больше половины – 56 % [15]. В результате положение депортированных «кулаков» в первые годы ссылки являлось крайне тяжелым. «Спецколонизация» осуществлялась простыми и жесткими методами: людей обычно доставляли (нередко пешком порядком) в некое безлюдное место (иногда просто в открытое поле) и оставляли здесь. В зимнее время у тех, кто не догадался взять с собой хотя бы топоры, пилы и лопаты, шансы на выживание являлись весьма призрачными. Обладатели же этих орудий немедленно принимались рыть землянки, валить лес, рубить дрова, то есть «активно обживались» и часто благодаря этому спасались от гибели.

Именно так возводились первые спецпоселки. Постепенно увеличивалось количество построенных в них домов, но гораздо быстрее росло число могил на прилегающих к ним крестьянских погостах [16]. На 1 декабря 1930 г. в Северном крае из 104 000 выселенных только 65 000 были размещены в бараках, а остальные 39 000 – в шалашах и землянках. К этому времени здесь была построена примерно лишь одна треть потребного объема жилья [17]. О невыносимых условиях жизни в спецссылке знали органы власти всех инстанций, об этом же сообщали и сами спецпереселенцы, в частности, в более чем 2 000 писем из Северного края, перехваченных ОГПУ за период с 15 по 25 мая 1930 г. Из Архангельского округа, например, сообщалось: «Нас размещают как скот в сырые и холодные бараки и, наверное, собираются уморить как собак»; «... как мы здесь будем жить, сверху течет вода, сыплется песок; дети зябнут и умирают целыми десятками».

Из Северо-Двинского округа спецпоселенцы писали: «Мы живем в бараках без пола, без потолка – как будки, в каждом бараке 200–250 человек; жизнь очень и очень трудная, уже хуже этого не может быть, страшно даже вспоминать, можно с ума сойти» [18].

В Западной Сибири 40 % спецпереселенцев жили, как отмечается в сообщении комендантского отдела крайисполкома от 25 февраля 1931 г. «в халупах, землянках, бараках и т.п.». Ощущалась острая нужда в стройматериалах (железо, стекло и проч.). В Нарымском округе только 35 % спецпереселенцев были обеспечены жилплощадью в домах и бараках, остальные – в землянках и других малоприспособленных для проживания помещениях. При этом начальник комендантского отдела Западно-Сибирского крайисполкома И.И. Долгих [19], довольно реалистично оценивая ситуацию, докладывал, что она «не может разрешиться в течение одного-двух лет, а потребует более длительного периода» [20].

В циркулярном письме ОГПУ СССР от 21 июля 1931 г., разосланном полпредствам ОГПУ по Казахстану, Уралу, Северному краю, Западной и Восточной Сибири и другим регионам спецпоселений, указывалось на «крайне тяжелые и неудовлетворительные» жилищные условия спецпереселенцев». В качестве постоянных жилищ используются бараки, в которых живут семьи «при исключительной скученности» (на Урале отмечен случай, когда на площади 100 кв. м жили 400 чел.), многие спецпереселенцы ютились с детьми в шалашах и иных примитивных помещениях без окон и печей [21]. Даже через два года после выселения в Северный

край (1933 г.) 25 000 спецпереселенцев не имели здесь постоянного жилья. А то жилье, которое имелось, было непригодно для эксплуатации.

Так, в Прилузском районе (пять спецпоселков), по сообщению начальника Коми областного отдела ОГПУ, к концу 1933 г. «...помещений для полного размещения спецпереселенцев не хватает, живут скученно, помещения холодные, ремонт и строительство срывается... Выстроенные дома строят без рам, нет стекла... Строительство и ремонт в остальных районах приостанавливается за неимением продфонда, переключения рабсилы на лесозаготовку, отсутствием лесоматериала». 64 % семей проживают в отдельных помещениях, но на одного человека приходится лишь 2,2 кв. м жилплощади [22].

В спецпоселке Вок-Вад Сысольского района (по данным обследования летом 1933 г.) из 396 семей спецпереселенцев (1 712 чел.) в отдельных комнатах проживали 330 семей, а 66 семей – по 2–3 семьи в одной комнате. При этом, как отмечается в акте обследования, «...качество постройки очень низкое... В жилдомах нет зимних переплетов из-за отсутствия стекла, отсутствуют черные полы, стены не обтесаны, не проконопачены, жилдома тоже холодные... Освещение керосиновое, но не хватает ламп и зачастую нет и керосина. Водоснабжение производится из ручейков» [23]. В Усть-Куломском районе, где имелось 10 спецпоселков, только 10 % спецпереселенческих семей жили в отдельных комнатах, остальные – по 2–4 семьи в одном помещении. В Сыктывдинском районе (шесть поселков) лишь 30 % семей проживали в отдельных комнатах.

В целом по Коми области, как отмечалось в ежегодных отчетах о состоянии готовности лесозаготовительных организаций к сезону лесозаготовок (1933 г.), «...по большинству леспромхозов полная неготовность к зимним лесозаготовкам: жилые помещения на производственных участках не отремонтированы, бань и дезкамер нет», «...жилищные условия кошмарные, бараки не освещаются, в щели задувает снег, мокрую одежду и обувь сушить негде, в бараках теснота и грязь», «...в бараках темно, для освещения применяется лучина, печи не исправны и дымят». К середине 1933 г. в Коми области в 37 поселках построены 615 домов и 226 нежилых построек, но этого было недостаточно, и все они нуждались в ремонте. Между тем в справке Коми облотдела ОГПУ от 15 сентября 1933 г. отмечалось, что к началу лесозаготовительного сезона трест «Комилес» должен быть построен 847 объектов (бараки, бани, ларьки, конюшни) и 987 отремонтировать. Однако на 10 сентября 1933 г. построены только 188 объектов (22,1 %) и отремонтированы 429 (43,4 %) [24].

Отнюдь не лучшее положение с жильем для депортированных было и в других регионах спецпоселений. Например, заместитель наркома юстиции Карельской АССР Андреев, обследовавший спецпоселки на «Нивастрое» и Шальских разработках «Карелгранита», в докладной записке наркому юстиции республики Заводову (27 февраля 1932 г.) сообщал, что жилищно-бытовые условия в здешних спецпоселках неблагоприятные: «... Чрезмерная скученность (жилплощади 1,3 кв. м на человека), холодно и сырость в помещениях вследствие того, что в ряде помещений отсутствуют зимние рамы в окнах, крайний недостаток дров, а выстроенный новый дом похож больше на сырой подвал, чем на жилое помещение. Сушилки для одежды так и отсутствуют..., в большинстве помещений поставлены печки-временки, вокруг которых обсушивается одежда и стирание белье, и в результате всех этих причин невероятно тяжелый воздух» [25].

На Урале, в самом крупном регионе «кулацкой ссылки» (в конце 1931 г. здесь были размещены более полумиллиона депортированных), в 1932 г. предполагалось построить для них 36 535 домов, а построен, по данным ОГПУ, лишь 21 131 дом (57,8 %), куда вселились 97 800 семей (406 300 чел.), но 32 300 семей или 134 500 чел. (то есть почти 25 %) по-прежнему ютились в шалашах, землянках и палатках. О качестве же нового жилья можно судить, в частности, по следующему фрагменту одного из документов ОГПУ–ГУЛАГа: «Вновь отстроенные и заселенные дома имеют ряд недоделок и технических отступлений от правил стройки и плана, например: недостаточная световая площадь, неправильная рубка, вместо капитальных стен между квартирами устанавливаются тесовые перегородки, не доведенные до потолка, настилка полов... производится необтесанным накатником; сделанные оконные рамы и двери из сырого материала рассыхаются и образуют щели» [26].

Как явствует из другого документа, в Кизеловском районе, где к сентябрю 1933 г. находились около 28 000 спецпереселенцев, что составляло от 75 до 100 % кадрового состава рабочих (шахта имени Калинина – 94 %, лесозавод – 100, шахта имени Сталина – 85 % и т.д.), жилищные условия были «ужасающими». Спецпереселенцы жили в бараках, разделенных тонкими перегородками. В одной комнате «...помещается по 2, 4 и 5 семей, налицо явная скученность, отсутствие какого-либо санитарного минимума... Как правило, в жилых помещениях идет стирка и сушка одежды (так как специальных сушилок нет), во многих помещениях протекает крыша. Есть случаи и худших квартирных условий – живут в непригодных под жилье помещениях – конюшня ЛПХ, бывший конный двор на шахте имени Сталина, семьи спецпереселенцев живут через тонкую перегородку со скотом» [27]. На 485 спецпоселков Урала имелись всего 414 бань (85 % к потребности), 92 вошебойки-дезкамеры (19 %), 103 медицинских пункта (21 %), 34 детских яслей (7 %), 23 больницы [28].

В северных комендатурах Западно-Сибирского края, где положение с жильем в спецпоселках признавалось более благополучным, пятая часть спецпереселенцев к концу 1932 г. оставалась в землянках. В выстро-

енных бараках и домах наблюдалась большая скученность: на одного человека приходилось от 1,2 до 1,6 кв. м жилья, то есть в 2,5–3,5 раза меньше, чем полагалось по договорам с хозяйственными организациями. В южных промышленных комендатурах этого края («Кузнецкстрой», «Кузбассуголь», Анжеро-Судженск) спецпереселенцы размещались в бараках, землянках (неутепленных), и, как отмечали представители Сиблага ОГПУ и крайздравотдела, «перспектив на перевод их в лучшее помещение в ближайшее время нет» [29].

Наглядно представить состояние жилья в «южных комендатурах» можно на следующих фактах. «Кузнецкстрой» разместил 4 047 семей спецпереселенцев в 160 землянках, то есть в среднем – по 25 семей в одной землянке, а на одного человека приходилось по 2,1 кв. м. Даже на предприятиях «Цветметзолота», считавшихся более благополучными в плане бытового устройства работающих, при норме 3 кв. м приходилось от 1,65 до 2,8 кв. м на человека [30].

Особенно тяжелым оставалось положение спецпереселенцев, занятых в лесной промышленности. Так, в рапорте от 22 ноября 1933 г. инспектор Сиблага ОГПУ С.П. Носенко докладывал, что договоры хозяйственных организаций с органами ОГПУ не выполняются; в леспромхозах спецпереселенцы размещены «в холодных, недостроенных и неблагоустроенных бараках и домах», по 2–3 семьи «в одном помещении человек по 8–18 при полезной площади помещения до 24 кв. м, почему в домах теснота, грязь, вонь, масса паразитов», на человека приходится от 1,3 кв. м. «Несмотря на такую скученность, – продолжает С.П. Носенко, – на то, что дома и бараки на 20–25 % не покрыты, что при домах нет ни сеней, ни надворных построек, что жилища не побелены, комнаты от кухонь не огорожены, что нет вторых рам, а в первых стекла побиты и состоят из кусочков, либо заменены досками, тряпками, железками, что дома не оконпачены и в домах щели, недостаточно света, имеется ряд других недоделок – всякое строительство приостановлено с осени 1932 г., оставив неиспользованными сотни тысяч кредита...» [31]. В приказе полномочного представителя ОГПУ по Западно-Сибирскому краю от 25 мая 1934 г., в частности, указывалось, что в ряде районных комендатур «спецпереселенцы находятся в неудовлетворительных жилищных условиях (не оборудованы землянки и бараки), в то же время комендатуры не использовали специально отпущенных кредитов на жилстроительство...» [32].

Объективности ради следует отметить, что и вольнонаемные рабочие жили (особенно в глухих северных поселках) отнюдь не в лучших условиях, чем спецпереселенцы. Так, в газете «За новый Север» (область Коми) 4 сентября 1936 г. был опубликован доклад местного облисполкома «Об итогах хозяйственного, социально-культурного и советского строительства Автономной области Коми за 1921–36 гг.», в котором, в частности, констатировалось, что жилищно-бытовые условия на лесозаготовках изменились и «вместо черных и грязных избушек с каменными очагами без окон, без пола и нар, теперь выстроены просторные бараки, столовые, красные уголки» [33]. Однако через полгода (6 марта 1937 г.) в той же самой газете была напечатана статья «Забывтая лесостоянка», в которой быт лесозаготовителей изображается в других красках: в Модлаповской лесостоянке 60 рабочих живут в грязном, холодном помещении, спят на голых досках, а хлеб и другие продукты хранят на нарах [34].

В Вятском округе Нижегородского края (ныне Кировская область) первые специальные поселения организованы весной 1930 г. 26 марта 1930 г. было принято постановление оперативной тройки при окружном ВКП(б) «О выселении кулачества из районов сплошной коллективизации» – Вожгальского (ныне Куменского. – Авт.), Зуевского и Фаленского» [35]. Местом поселения «раскулаченных» (как местных, так и иногородних) был определен Синегорский (ныне Нагорский) район. 28 марта 1930 г. Нижегородский крайисполком известил местные власти о том, что намечено совместно с трестом «Волгокаспийлес» переселить в пределы Верхнекамского леспромхоза с первыми весенними пароходами 1 500 «кулацких семейств общим числом ориентировочно 7 500 человек». Размещение планировалось произвести шестью равными частями по 250 хозяйств [36].

Первые партии выселенных «кулаков» прибыли в Синегорский район в конце марта 1930 г. и были размещены на территории Синегорского, Мулинского и Поломского учлеспромхозов – на расстоянии 70–100 км от районного центра (с. Синегорье) и в 20–35 км от ближайшего населенного пункта. Как вспоминают очевидцы, по прибытии на место поселения они обнаружили вокруг лес, низину и временные бараки, поднялся плач женщин, ощущалось напряженное состояние взрослых мужчин, раздавались возгласы: «Даром наши слезы не пройдут, когда-нибудь отольются». У молодых зрело намерение бежать при любом удобном случае [37].

На 14 июня 1930 г. в Синегорском районе Вятского округа находились на спецпоселении 2 499 чел. Для них были организованы четыре поселка, некоторые из них имели отдельные пункты, отстоявшие друг от друга в радиусе до 12 км. Так, центр поселка № 1 находился в Малой Дубровке, а пункты – в участках Сосновое Болото, Большая Дубровка, Зеленое. Между собой поселки отстояли на 30–100 км, связи между собой и с другими населенными пунктами не имели, дорог не существовало [38]. То есть спецпоселки размещались в глухой тайге, вдали от населенных пунктов и друг от друга. И это отнюдь не случайно. Во-первых, таким образом обеспечивалась полная изоляция депортированных от местного населения. Во-вторых, предельно сокращались возможности для побегов из спецпоселков. В-третьих, создавались своего рода «резервации»,

в которых легче было управлять выселенными, контролировать их поведение, понуждать их к самому тяжелому труду и т. д.

В 1932–1934 гг. образованы: в Омутнинском районе – спецпоселки № 5 (Гниловка), № 6 (Черемушка); в Кайском районе – № 7 (Ожмегово), № 8 – «Скачек». При этом в Омутнинский район завезена 561 семья в количестве 2 550 чел. Среди них так называемые «расказаченные», а также (помимо русских и украинцев) башкиры, татары, мари, удмурты, чуваша и другие представители народов Поволжья и Урала [39]. К началу 1940-х гг. число спецпоселков увеличилось до девяти: в Нагорском районе – 3, в Поломском (ныне Белохолуницкий) – 2, в Кайском (ныне Верхнекамский) – 3, в Омутнинском – 1 [40]. В 1941 г. к ним прибавились два спецпоселка в присоединенных из Архангельской к Кировской области Лальском (ныне Лузском) и Опаринском районах [41].

В первой половине 1950-х гг. количество спецпоселков увеличилось более чем вдвое: в 1951 г. их было 20, преимущественно в северной и северо-восточных частях Кировской области (Белохолуницкий, Даровский, Зуевский, Кайский, Лальский, Медянский /ныне Юрьянский/, Мухинский /ныне Зуевский/, Нагорский, Омутнинский, Опаринский, Поломский, Шестаковский /ныне Слободской/ районы), в 1953 г. – 18. В отдельных архивных документах упоминаются также: спецпоселок в Подосиновском районе; спецсовхоз в Котельничском районе; спецкомендатура (№ 19) при Вятском ИТЛ МВД СССР. Они не входили в общие сводки территориального ОСП и, по-видимому, находились на особом положении [42].

Вначале спецпоселки находились в подчинении административного отдела Вятского окрисполкома, с августа 1930 г. – Нижегородского крайисполкома, в 1931 г. были переданы краевому ПП ОГПУ. Непосредственное управление спецпоселком осуществлял поселковый комендант, находившийся в ведении районной комендатуры, которая, в свою очередь, подчинялась территориальному (краевому, окружному, областному) ОСП. Каждый поселок имел свой номер, в первые годы – с отдельной нумерацией по каждому району, а с 1934 г. – с общей по области порядковой нумерацией. Названия поселкам присваивались в основном от названий рек («Черный», «Холуницкий»), позднее – от наименования или вида предприятий (сельхозартелей), в которых использовался труд спецпереселенцев («Гниловский рудник», «Дубровка», «Летский рейд», «Новый путь» и т. п.) [43].

Обустройство спецпоселков в Вятском крае происходило одновременно с их заселением. Дома строились наспех, из сырого и неподогнанного материала, изобиловали щелями, печи не соответствовали объему помещения, в домах было очень холодно [44]. При этом строительство в спецпоселках шло по специально разработанным проектам и нормам: один дом на две семьи или дом-барак на 8 семей, но недостаток жилья вынуждал заселяться куда «плотнее». Кроме жилых домов, в двух спецпоселках Омутнинского района, например, в 1933 г. были запроектированы здания: двух детских яслей, детских садов, школ, клуба на 248 мест, больницы, бани, двух прачечных, магазина, продовольственного склада, комендатуры, двух пожарных депо, почтовой конторы с квартирой для заведующего и т. д. [45].

Но все это «на бумаге», а реальность являла собой совсем иную картину. Так, в Гниловском поселке Омутнинского района в общей сложности для размещения спецпереселенцев необходимо было построить 131 двухквартирный дом. На 1933 г. было запланировано строительство 50 домов, к сентябрю этот план оказался выполненным лишь наполовину: построены 10 домов, но в трех не сложены печи, в окнах отсутствуют стекла, еще 13 срубленных домов стояли без крыш. После соответствующих «руководящих указаний» дело несколько продвинулось: к 5 октября были заложены 69 домов, 26 срублены, 12 «почти закончены», а вот заселены только пять. В этом спецпоселке, куда весной 1933 г. были водворены 294 семьи, к концу августа осталось 260 семейств. Выбыли за четыре с небольшим месяца около 300 чел., из них 170 умерли, остальные (главным образом – молодежь) бежали. Основными причинами побегов названы «невероятные условия жизни»: скученность, вшивость, плохое питание, смертность [46].

Аналогичная ситуация наблюдалась и в других регионах. Так, в первой половине 1930-х гг. на территории области Коми в среднем в одном спецпоселке проживали 120 семей (640 человек) при нормативе «не меньше 20 и не более 100 дворов». Лишь в двух районах средний размер поселка соответствовал установленной норме, в других он составлял от 155 до 396 семей, то есть в 1,5–4 раза превышал ее [47]. В поселках преобладали типовые дома барачного типа («коммунальные дома») четырех видов: 4-, 8-, 12- и 18-квартирные. К лету 1933 г. 25,9 % жилых домов строились как 4-квартирные, 12,8 % – как 8-квартирные, 25,8 процента – как 12-квартирные, 37,1 % – 18-квартирные. Многие дома, построенные как 4-квартирные, в дальнейшем, ввиду нехватки жилья, перестраивались на 8-квартирные. В подавляющем большинстве поселков преобладали 12- и 18-квартирные дома, проекты которых по заключению комиссий, проверявших спецпоселки летом 1933 г., «не пригодны к жилью ввиду большого скопления народа» [48].

Нормы обеспеченности спецпереселенцев жилплощадью на протяжении 1930–1932 гг. неоднократно снижались (с 5 до 3 кв. м) [49]. Бытовые условия жизни, санитарное состояние жилых домов, а также территории спецпоселков оцениваются в большинстве актов как неудовлетворительные: «санитарное состояние в помещениях совершенно плохое, живут, за исключением некоторых, очень грязно, тесно, в помещениях

беспорядок»; «помещения содержатся грязно, в отдельных комнатах по несколько семейств в одной комнате»; «квартиры грязные, не прибраны, прямо до невозможности развелись паразиты (клопы). Борьба со стороны медицины с этими паразитами не ведется, решительных мер не принято»; из-за отсутствия кладовых «бараки производили впечатление огромной кладовой, набитой хламом».

Некоторые комиссии вынуждены были признать невозможность организовать нормальную жизнь в тех условиях, в которых оказались спецпереселенцы: «санитарные условия соблюдать нельзя и, если возможно, то очень трудно». Освещение в бараках было керосиновое, но почти во всех актах обследования отмечалось, что «не хватает ламп и зачастую нет и керосина», «почти ни в одной комнате не имеется ламп», «зимой в бараках спецпереселенцы живут совершенно без огня, а в отдельных бараках жили с лучиной».

Уборные в поселках строились двух типов: отдельные строения и при коммунальных домах. Как правило, в каждом поселке было от 8 до 15 туалетов. Нередко из-за отдаленности туалетов от жилья «в зимнее время люди оправлялись около жилых домов». Почти в каждом поселке имелось от 8 до 16 выгребных ям, но во многих актах обследований поселков отмечалось, что их «не хватает» или они были «временные». Нередко и через два года после создания поселка в нем не было ни туалетов, ни выгребных ям. Почти в каждом поселке была баня. Иногда в актах обследований указывалось: «баня туалетного типа», «баня временная, не плановая, спрос не обеспечивает», помещение под баню «временно приспособлено». Как правило, в поселках были построены жаровые камеры (вошебойки) и прачечные.

Во всех актах обследований отмечалось, что и через 2–3 года после возникновения поселка по его «внешнему благоустройству ничего не проделано», «благоустройство поселка не производили». В некоторых поселках не был убран даже строительный мусор, «на территории поселков пни не выкорчеваны, ... невозможно проехать даже на лошади, стоят пни в рост человека». Первоначально при строительстве домов были намечены улицы, но в дальнейшем, «в связи с развитием приусадебных огородов, намеченные в улицах дороги раскопаны под огороды». Вокруг бараков земли разработаны под индивидуальные огороды. В поселках нет тротуаров, древесных насаждений. Территории вокруг домов и улицы в поселках не убирались.

Основным источником питьевой воды в большинстве спецпоселков служили колодцы, но лишь немногие из них обеспечивали спецпереселенцев водой круглый год в достаточном количестве и хорошего качества. В актах обследования спецпоселков, как правило, отмечалось, что «с питьевой водой дело обстоит совершенно плохо», построенные колодцы не использовались из-за отсутствия воды или невозможности ее употребления, так как она плохого качества. Во многих поселках вода из колодцев использовалась только летом, а зимой воду добывали из снега или доставляли из речки (иногда на расстоянии более километра). Зачастую колодцы вообще отсутствовали, и питьевая вода бралась круглый год из рек, озер и ручьев [50].

Один из способов разрешения жилищной проблемы в спецпоселениях как территориальные, так и центральные власти видели в «форсировании постройки индивидуальных домов за счет спецпереселенцев, выделяя им дефицитные стройматериалы», а также в «развертывании широкой кампании по продаже имеющихся многоквартирных домов по действительной их стоимости с соответствующей скидкой» [51]. Согласно Инструкции Наркомфина СССР и Наркомлеса СССР от 31 марта 1934 г. «О продаже спецпереселенцам жилых домов, выстроенных трестами Наркомлеса», жилые дома в спецпоселках, построенные за счет специальных ассигнований, разрешалось продавать в собственность спецпереселенцам «со скидкой от 20 до 50 процентов с оценки по балансу на 1 января 1934 г. с рассрочкой на 3 года». При восстановлении спецпереселенца в правах и выезде семьи из спецпоселка, «купленный ими дом или квартира» перепродавался «хозорганизации с условием возврата спецпереселенцам суммы, выплаченной им Банку». В случае отказа хозорганизации от покупки дома, спецпереселенец получал право продавать дом «на сторону без ограничения стоимости при продаже».

В июне 1934 г. были определены скидки при продаже жилья различным категориям спецпереселенцев и подтверждено право свободной продажи выкупленных спецпереселенцами домов и квартир в том случае, если хозорганизации отказываются от последних. При продаже жилья в собственность спецпереселенцам скидки предоставлялись в следующих размерах:

а) 50 % – спецпереселенцам, в семьях которых приходится на одного трудоспособного человека от двух и более нетрудоспособных членов семьи, имеющих лучшие производственные характеристики и бережно относящиеся к социалистической собственности;

б) 35 % – спецпереселенцам, в семьях которых приходится не более одного человека нетрудоспособных на одного трудоспособного человека, имеющих лучшие производственные характеристики и бережно относящиеся к социалистической собственности;

в) 20 % – всем прочим категориям спецпереселенцев» [52].

Отнесение спецпереселенца к одной из трех категорий для определения размера скидки со стоимости жилплощади возлагалось на комиссию в составе: коменданта спецпоселка, представителя предприятия и представителя парторганизации предприятия. Выплата средств за проданное жилье должна была производиться спецпереселенцами ежемесячно равными долями. Комендантам спецпоселков предлагалось ни в коем

случае не допускать принудительной продажи жилья. Но для того, чтобы ускорить этот процесс, была введена квартплата за коммунальное жилье [53]. Такого рода меры предпринимались и по линии других (помимо Наркомлеса) хозяйственных ведомств. Но поскольку в то время спецпереселенцы, как правило, не имели необходимых средств для приобретения или постройки собственного жилья, то эта идея не получила широкой практической реализации [54].

Не принесла ощутимых результатов и затея с финансированием строительства индивидуального жилья. Например, в Свердловской области в 1935 г. на индивидуальное строительство спецпереселенцам были отпущены: с 50-процентной скидкой – 30 000 руб., на общих основаниях – 120 000. Но и эти более чем скромные средства не были освоены полностью (лишь на 73,8 %) [55]. То есть жилищная проблема здесь и через пять лет ссылки не была решена.

Добавим, что в 1930–1933 гг. на обустройстве депортированных в «районах постоянного поселения» (строительстве капитального жилья, организации личных подсобных хозяйств и т. д.) крайне негативно сказывалась практика «перебросок» спецпереселенцев вместе с семьями с одного места работы на другое. В ходе таких перебросок люди вынуждены были покидать относительно обжитые уже спецпоселки, зачастую в пути следования и на новом месте жительства претерпевали всяческие лишения, возрастала смертность.

С марта 1934 г. ОГПУ совместно с СНК СССР ввели систему заключения трудовых договоров между хозорганами и «завербованными» спецпереселенцами. Избыточная «спецрабсила», согласно трудовым договорам, передавалась из одной хозяйственной организации в другую, которая испытывала в ней недостаток. «Завербованные» спецпереселенцы становились «отходниками», их семьи оставались жить на прежнем месте, но снабжение этих семей промышленными и продовольственными товарами возлагалась на те хозорганизации, которые получали «рабсилу» в порядке «вербовки» [56].

Практически во всех регионах спецпоселенцы по-прежнему жили в домах или бараках, построенных на средства хозяйственных организаций или ОГПУ. И хотя значительной части «раскулаченных» крестьян удалось к середине 1930-х гг. относительно «обжиться» в местах ссылки (например на севере Западной Сибири в 1935 г. трудпоселенцы имели 16 819 жилых домов и 295 утепленных барачков), тем не менее около 12 % по-прежнему жили в землянках и полуземлянках [57].

Выступая 23 июня 1934 г. на совещании районных комендантов ОСП ПП ОГПУ по Свердловской области, секретарь обкома ВКП(б) И. Д. Кабаков критиковал хозяйственные организации «за варварское отношение к спецссылке», но вместе с тем вину за плохие жилищно-бытовые условия в ней возлагал и на самих спецпереселенцев. «Уверяю вас, – говорил он, – эти же люди, скажи им, что они сегодня свободны, в том селе, откуда их взяли и куда разрешается ехать, бревна им никто не даст, а через год дом будет построен. Никакой Ураллес, Востокстальлес никаких ассигнований давать не будет, а дом он построит... А здесь плохая стена – но перестроили, плохой потолок, но сделали, окна, может быть, не очень велики, но они были вставлены. Стена валится, потолок проваливается, окна бьются и палец о палец не ударяется. Это потому, что человек не полюбил своего места и он считает, что здесь он временно живет...» [58].

Партийный функционер определил (интуитивно или осознанно) одну из главных причин неблагополучия в спецпоселках: отсутствие у депортированных позитивной мотивации для устройства в новых местах обитания, равно как и неверие местных руководителей в стабильность существования спецпоселений, в целесообразность затрат на их оборудование, а тем более – благоустройство.

Следует отметить, что при определении районов расселения депортированных специально выбирались места, из которых в силу природных условий было бы весьма затруднительно совершить побег. Так, в одном из документов ПП ОГПУ по Сибирскому краю от 25 апреля 1930 г. отмечалось: «Изысканы и детально проработаны под расселение необжитые, отдаленные северные районы... при этом в принципе отвода районов расселения для каждого округа наряду с экономическими соображениями (пригодность их к сельскохозяйственному и промышленному использованию) также учтены были и моменты политического характера, в частности в отводе районов учитывались природные условия, гарантирующие невозможность бегства выселенных обратно (болота, реки, отсутствие дорог)» [59].

Сотни спецпоселков были организованы в таких совершенно непригодных для налаживания даже подобия нормальной жизнедеятельности местах, что, несмотря на отчаянные усилия спецпереселенцев, «освоение необжитых земель» заходило в полный тупик. В таких спецпоселках люди частью вымирали, частью разбегались, а другие (если таковые оставались) перебирались в иные «места обязательного поселения». Только в Свердловской области в 1930–1934 гг. прекратили свое существование 60 «бесперспективных» поселков [60].

По данным на 1 июля 1938 г., на учете ОТП ГУЛАГа НКВД СССР состояли 997 329 трудпоселенцев, основная масса которых проживала в 1 741 трудпоселке. Среднее число жителей-трудпоселенцев на один трудпоселок составляло 573 чел., но по регионам этот показатель колебался от 4 553 в Ставропольском крае до 155 в Алтайском крае [61]. Эти средние показатели получены путем деления общего числа трудпереселенцев (включая восстановленных в правах, но сохранявших трудпоселенческий статус) на количество трудпоселков,

но фактически они были несколько ниже, так как некоторая часть трудпоселенцев проживала не в трудпоселках, а в других населенных пунктах.

Так, в Архангельской области до 10 % трудпоселенцев жили в городах Котласе и Архангельске (на так называемом «подселении»). В других регионах удельный вес трудпоселенцев, живших вне трудпоселков, был ниже, чем в Архангельской области, но, тем не менее, и применительно к ним следует иметь в виду определенную корректировку в сторону понижения указанных средних показателей. Кроме того, в этой статистике не учитывались тысячи «свободных» людей, живших в трудпоселках (как бывших трудпоселенцев, снятых со спецучета, так и находившихся там лиц «нетрудпоселенческого» происхождения) [62].

Наряду с этим весьма распространенным было и оставалось на протяжении длительного периода «кулацкой ссылки» 1930-х гг. и в последующем десятилетии «расквартирование» депортированных в существовавших ранее населенных пунктах (уже упоминавшееся «подселение» к местным жителям). В соответствии с производственной ориентацией спецпоселения можно подразделить на несколько видов: промышленные, лесные, сельскохозяйственные и промысловые.

Например, в Магнитогорске (1932 г.) имелись три «промышленных» спецпоселка (40 426 чел.), в Нижнем Тагиле – восемь таких же спецпоселков (13 884 чел.). Эти поселки-резервации размещались, как правило, рядом с крупными городами или промышленными центрами, но застраивались на строго определенных участках, образуя «режимную зону». Другими словами, поселенцы изолировались от вольнонаемных рабочих. Основу таких спецпоселений составляли бараки коридорной системы с кирпичными очагами (печами) и двойными нарами. Лесные поселки создавались для заготовки и сплава древесины – на Европейском Севере, на Урале и в Сибири. Если вначале и там сооружали бараки-временки на 100–150 чел., оборудованные сплошными нарами, то затем перешли к строительству поселений, состоявших из отдельных, относительно небольших зданий. Сельскохозяйственные и промысловые поселения воспроизводили традиционный тип русской деревни [63].

Большинство спецпоселков представляло собой именно компактные сельские населенные пункты. Однако не были редкостью и так называемые «распыленные» поселения. Например, в Мурманской области в конце 1930-х гг. официально считалось, что имеется всего лишь пять трудпоселков, а фактически их было несколько десятков, поскольку каждый «официальный» трудпоселок состоял из нескольких отдельных населенных пунктов, находившихся на значительном удалении друг от друга. Наиболее «распыленный» трудпоселок в Мурманской области состоял из 14 отдельных населенных пунктов, самый дальний из которых находился на расстоянии до 50 км от поселковой комендатуры. Примерно такая же ситуация наблюдалась в Карельской АССР: формально здесь значились два трудпоселка, а фактически их было около 80 (без учета трудпоселков Белбалткомбината НКВД), находившихся не только на значительном удалении друг от друга, но и в разных районах республики. Причем эти населенные пункты были довольно мелкими, с населением от 15 до 200 чел. Лишь в некоторых из них число жителей превышало 200 чел. [64].

В предвоенные (1940–1941) годы жилищная проблема в спецпоселках продолжала оставаться крайне острой. Правда, в обзорах ГУЛАГа НКВД о состоянии спецпоселений в предвоенные годы констатируется, что в Орджоникидзевском крае, Молотовской, Чкаловской, Свердловской, Куйбышевской областях, Бурят-Монгольской АССР, частично – в Хабаровском крае и Челябинской области спецпереселенцы «расселены хорошо», имеют индивидуальные дома, отдельные квартиры и комнаты, предоставленные хозяйственными организациями. Строились индивидуальные дома и в других регионах спецпоселений, в основном – в сельскохозяйственных комендатурах (Казахстан, Нарым, Северный Кавказ, Свердловская область) [65].

Вместе с тем в документах тех лет отмечается, что если в сельскохозяйственных комендатурах обеспеченность «контингентов» жилплощадью увеличилась и составляла от 3 до 5 кв. м (редко меньше) на человека, то в промышленных спецпоселках дела обстояли значительно хуже. Так, в трудпоселениях при трестах «Востоксигуоль» (Иркутская область), «Минусазолото» (Красноярский край), предприятиях «Басьянторфа» (Свердловская область) и в других регионах многие спецпереселенцы продолжали жить в бараках временного типа, построенных еще в 1930–1931 гг. [66]. В тресте «Прокопьевскуголь» (Новосибирская область), как отмечалось в отчете ОИТКиТП областного УНКВД за январь–июнь 1941 г., «положение с жилплощадью прямо угрожающее», трудпоселенцы-шахтеры «живут в полуземлянках, которые с наступлением весны начали разрушаться»; 236 барачных временного типа пришли в негодность; несмотря на заверения хозорганов «ничего буквально не сделано, и шахтеры-трудпоселенцы в количестве 4 725 человек после ударной работы в шахтах не имеют возможности нормального отдыха» [67].

В Николаевской, Кировской областях и частично в Хабаровском крае спецпереселенцы размещены в общих бараках и по 2–3 семьи (13–15 чел.) в одной комнате. Жилье пришло в негодность и не ремонтировалось. На стройке № 15 Наркомнефти СССР спецпереселенцы живут в неутепленных палатках, без печек. Вместо 15–20 чел. в палатку вселяются по 50–60 чел. В Карбинском районе Хабаровского края спецпереселенцы спят на сплошных нарах, дневной свет в бараках отсутствует. В Магнитогорском и Копейском районах Челябинской области и в Алтайском крае многие семьи по-прежнему живут в землянках [68].

В Казахстане основной жилой фонд, построенный еще в 1931 г., также пришел в негодность и не ремонтировался. На одного спецпереселенца здесь приходилось по 1,5 кв. м жилья. Несколько благополучнее было в промышленном секторе (2,5–3,0 кв. м на человека). Кроме того, 6 798 (по другим данным – 7 785) семей имели индивидуальные дома (к тому времени в Казахстане находилось более 45 000 высланных семей и примерно каждая шестая из них имела отдельное жилье) [69]. Однако темпы жилищно-бытового строительства в этом и других регионах спецпоселений тормозились отсутствием средств, нехваткой стройматериалов, отвлечением спецпереселенцев на «более важные объекты» и т. п.

Таким образом, даже за десять лет «кулацкой ссылки» жилищная проблема спецпереселенцев не была решена. Сотни тысяч из них продолжали жить в землянках, полуземлянках, бараках временного типа, но и там не был соблюден установленный договорами с хозяйственными организациями размер жилой площади в 3 кв. м на одного человека. Основное внимание хозяйственных организаций и ведомств было обращено только на использование «рабочей силы».

По прибытии на спецпоселение в 1940-х гг. новых «контингентов» («социально опасные элементы», «наказанные народы» и др.) почти с абсолютной точностью воспроизводилась ситуация 1930–1931 гг. Местная администрация не желала прикладывать больших усилий к обустройству «новых» спецпереселенцев. Предельно просто и откровенно суть такого отношения, свойственного всем категориям хозяйственных руководителей, выразил десятник одного из лесопунктов в Коми АССР С.С. Воронцов, который после заселения польских «осадников» в 1940 г. заявил: «На кой черт создавать условия спецпереселенцам, расходовать средства на один-два г, пускай и так поваляются, больше будут работать» [70].

С одной стороны, руководство регионов было заинтересовано в закреплении новых «спецконтингентов рабсилы», а с другой – местная хозяйственная администрация была озабочена своими конкретными задачами, главная из которых – «выполнение производственных планов и заданий», причем любой ценой и при любых условиях. Отметим, что в документах ОТП ГУЛАГа 1940-х гг. вновь прибывающих в спецссылку называли «спецпереселенцами», «высланными» (поляков – «рабочими 2-й и 3-й категории»), а «бывших кулаков» – «промкадром», «старым промкадром» и даже «бывшими спецпереселенцами» [71].

В большинстве регионов размещение крупных партий депортированных в 1940-х гг. производилось как в уже существующие, так и во вновь организуемые поселки. Вследствие этого в «спецпереселенческой» документации появилось разделение на «старые» и «новые» спецпоселки. В лесных регионах «новые» поселки называли также «кварталами» и «лесоучастками», поскольку они представляли собой просто таежные местности (поближе к планируемым вырубкам), которые еще предстояло обустроить. Спецпереселенцы здесь (и во многих других местах) начинали жить «с нуля», как и «раскулаченные» в начале 1930-х гг.

В «старых» поселках, где уже около десяти лет жили в основном «бывшие кулаки», в начале 1940-х гг. ситуация была гораздо лучше, чем в «новых». Силами «раскулаченных» здесь не только были обихожены земельные угодья, но и возведены (иногда в совершенно непригодных для жизни местах) поселения с минимальным набором хозяйственных построек и зданий социально-бытового и культурного назначения (ларьки, хлебопекарни, столовые, котлопункты, «красные уголки», медпункты, школы, детские сады и ясли, бани, сушилки, прачечные и т. п.) [72].

Здесь местные власти требовали даже соблюдения определенных жилищно-санитарных норм. Так, в Коми АССР инструкция по медико-санитарному обслуживанию спецпоселков от 30 января 1940 г. включала следующие пункты:

1. Территория поселка должна быть спланирована так, чтобы это не привело к заболоченности.
2. Территория должна быть свободна от накопления мусора и загрязнений.
3. Водопользование должно быть из грунтовых вод.
4. Норма жилой площади на человека – 3 квадратных метра.
5. Жилые дома должны иметь утепленные полы и потолки, двойные рамы и утепленные двери, исправные печи.
6. Жилые дома для ссыльных должны иметь кухню и кубовую (комнату), для одиночек – кубовую.
7. При общежитиях необходимо иметь специальные сушилки.
8. Поселение семейных в общих спальнях не допускается.
9. Уборные должны иметь выгребные ямы, летом ямы хлорируются [73].

В Кировской области специальными санитарными правилами для помещений, занимаемых спецпереселенцами, запрещалось: курить, плевать на пол, бросать на пол объедки, мусор, сваливать отбросы пол нижним этажом нар, отправлять естественные надобности в помещении, на дворе и около жилых помещений. Правила предписывали мыть полы горячей водой, нары обтирать через каждые 10 дней тряпками, смоченными в растворе лизола, проветривать жилые помещения два раза в день, открывая на 20–30 минут входные двери, в баню ходить в сроки и места по указанию администрации. Для контроля за соблюдением правил назначались «сануполномоченные», общественные санинспекторы и «санитарные пятерки» из числа спецпереселенцев. Сведения о санитарном состоянии спецпоселков должны были предоставляться ежемесячно [74].

В середине 1940-х гг. «бывшие кулаки» выглядели в материально-бытовом отношении сравнительно благополучно – на общем фоне других «спецконтингентов». В одном из документов ОСП НКВД СССР, подписанном 2 января 1946 г. начальником этого отдела М.В. Кузнецовым, отмечалось: «...Наиболее устроенными в хозяйственно-бытовом отношении являются бывшие кулаки. Значительное количество из них размещено в спецпоселках, имеют собственные дома, надворные постройки, скот, сельхозинвентарь. Семьи их материально обеспечены и особой нужды не имеют» [75].

Впрочем и здесь ситуация обстояла отнюдь не без проблем (даже исходя из условий того времени). В спецпоселках сохранялось множество старых бараков, построенных в самом начале «кулацкой ссылки», которые уже в середине 1930-х гг. разваливались, а в 1940-х гг. пришли в совершенную негодность, но тем не менее в них продолжала жить значительная часть спецпереселенцев. Так, в документах ОТП по Коми АССР отмечалось, что большинство «бараков старой постройки» в поселках леспромхозов «находятся в антисанитарном состоянии», во многих из них «крыши пропускают воду, полы проломлены, а окна разбиты». Однако зачастую такие помещения продолжали считаться «жилыми» и в послевоенное время [76].

В «новых» же спецпоселках люди водворялись во «временно существующие лесные бараки, причем в основном в сезонные – барачного типа помещения». В этих поселках спецпереселенцы жили в дощатых сараях с нарами в 2–3 яруса, зачастую без печей, жилплощадь на человека нередко составляла менее квадратного метра [77]. Особенно тяжелые материально-бытовые условия выпадали на долю вновь депортированных в местах массового вселения, прежде всего – в Казахстане и Средней Азии. Так, в Акмолинской области Казахской ССР к июлю 1946 г. были построены лишь 28 из запланированных 1 000 домов (2,8 %). В Талды-Курганской области возвели только 23 дома из предусмотренных 1 400 (1,6 %). В Джамбулской и Карагандинской областях к строительству жилья для спецпереселенцев не приступали вообще. В Киргизии на начало сентября 1946 г. из 31 тыс. семей спецпереселенцев только 4 973 (16 %) были обеспечены постоянным жильем. Многие спецпереселенческие семьи ютились под навесами во дворах [78].

Центральные органы власти и управления в этой ситуации занимали позицию, которую можно (с определенной натяжкой) назвать «благотельно-благотворительной». Так, из принятых в это время постановлений директивных органов, касавшихся устройства жизни спецпоселенцев, особо выделяются:

- распоряжение СНК СССР от 30 апреля 1944 г. № 9452с «О наделении приусадебных участков спецпереселенцам»;
- постановление СНК СССР от 29 мая 1944 г. № 627–176сс «О выдаче скота и продзерна спецпереселенцам карачаевцам, чеченцам, ингушам и другим в обмен за принятый от них скот и зерно в местах выселения»;
- распоряжение СНК СССР от 20 июня 1944 г. № 13287-рс «Об обучении детей спецпереселенцев на русском языке»;
- постановление ГКО от 25 сентября 1944 г. № 6600 «О расчетах со спецпереселенцами из Крыма за принятые от них в местах прежнего жительства зерно, скот, птицу, шерсть и кожевенное сырье и мерах помощи по их быстрейшему хозяйственно-бытовому устройству» [79].

При этом нужно иметь в виду, что по к 5 сентября 1944 г. на предприятиях угольной, нефтяной, лесной, химической, бумажной промышленности, цветной и черной металлургии, в строительных организациях, а также в производственной сфере НКВД СССР работали 39 800 чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, 35 000 крымских татар, 13 700 калмыков. Большинство депортированных было занято в сельском хозяйстве. Всего на 1 декабря 1945 г. состояли на спецучете 235 778 семей спецпереселенцев – калмыков, с Северного Кавказа, из Крыма и Грузии [80].

Государство выдавало спецпереселенцам ссуды на первоначальное хозяйственное устройство. Так, в пункте 4 постановления ГКО от 11 мая 1944 г. «О крымских татарах» было записано: «...Обязать Сельхозбанк... выдать спецпереселенцам, направляемым в Узбекскую ССР, в местах расселения ссуду на строительство и хозяйственное обзаведение до 5.000 рублей на семью, с рассрочкой до 7 лет» [81].

Существовала довольно сложная и запутанная система расчетов государства со спецпоселенцами за конфискованную у них собственность в момент депортации. Например, в отношении «выселенных из Крыма» эта система, детально изложенная в постановлении ГКО от 25 сентября 1944 г., схематично выглядела следующим образом [82]: В первую очередь учитывались затраты на «питание выселенных в пути следования». В постановлении ГКО от 2 июня 1944 г. о выселении из Крыма 37 тыс. болгар, греков и армян говорилось: «...Обязать Наркомторг СССР... обеспечить питанием в пути эшелонов со спецпереселенцами из Крыма... Выделить Наркомторгу для этой цели продовольствие, согласно приложению № 1» [83].

А в приложении № 1 указывалось конкретное количество продуктов в тоннах для питания в пути 37 000 переселяемых, из расчета суточной нормы на одного человека (в граммах): хлеб – 500, мясо-рыба – 70, крупа – 60, жиры – 10 [84]. К этому прибавили аналогичные расходы на питание в пути следования при выселении крымских татар (по постановлению ГКО от 11 мая 1944 г.), и получилось, как указано в постановлении от 25 сентября 1944 г., 5 730 т зерна. При расчетах за оставленный в Крыму скот, который в живом весе оце-

нивался в 3 389,5 т, вычли 1 146 т как эквивалент 5 730 т зерна. Остальные 2 243,7 т было решено возместить спецпереселенцам из Крыма на 80 % зерном и на 20 % картофелем, из расчета за одну тонну живого веса скота – 10 т картофеля или 5 т зерна [85].

В 1944–1945 гг. в порядке «возмещения за скот, сельхозпродукты и имущество, принятые от спецпереселенцев по месту их прежнего жительства», 153 909 (65,3 %) семей получили: крупного рогатого скота (телок) – 89 378 голов, овец и коз – 265 291. Им выдано для пошива теплой одежды и обуви: шерсти – 463,5 тонны, кож крупных – 5 437 штук, овчин – 83 827 штук. В колхозы, в которых размещались спецпереселенцы, были переданы 31 293 головы рабочего скота и 2 702 головы крупного рогатого скота. Для особо нуждающихся было отпущено безвозмездных денежных пособий на сумму 15 389 400 руб., что, по мнению государства, являлось эквивалентом стоимости «принятых от спецпереселенцев в местах их прежнего жительства верблюдов, пчело-семей и садов». Кроме того, спецпереселенцам «в порядке оказания материальной помощи» было выдано: хлопчатобумажных тканей – 680 тыс. м, шерсти – 141 т, кож крупных – 3 000 штук, овчин – 30 000 штук, хозяйственного мыла – 132 т [86].

Наряду с этим, спецпереселенцам указанных категорий «в порядке возмещения за зерно, конфискованное при выселении», в 1944–1945 гг. было бесплатно распределено (в тоннах): продзерна – 23 674, ячменя – 3 904, муки – 17 029, крупы – 5 901, картофеля – 5 017, овощей – 616, фруктов – 312. Помимо этого, «в порядке продовольственной помощи» спецпереселенцам было продано в 1945 г. за наличный расчет (в тоннах): продзерна – 1 200, муки – 8 765, крупы – 2 631, соли – 832, сахара – 126 [87].

Реально (в расчете на одну семью и одного человека) эта «помощь» спецпереселенцам выглядела весьма скромно. Из-за тяжелого материально-бытового положения и мучительной адаптации в местах высылки они погибали десятками тысяч. Поэтому приведенные выше данные об оказании государством «материальной и денежной помощи» спецпереселенцам можно рассматривать не более как одно из «мероприятий» по противодействию их полному вымиранию. Даже само употребление слова «помощь» здесь не совсем корректно, поскольку в действительности это была далеко не полная компенсация за материальный ущерб, нанесенный при выселении. Проведя эти меры, советское руководство полагало, что полностью рассчиталось со спецпереселенцами за конфискованное у них имущество в период депортации. Сами же спецпереселенцы, как правило, придерживались иного мнения, по-прежнему (и не без оснований) ощущая себя ограбленными государством.

Только в начале 1950-х гг. жилищно-бытовая ситуация в спецссылке начала меняться к лучшему. В спецпоселках строились новые дома, куда селились семьи, одинокие получали комнаты в общежитиях. Дома возводили, исходя из существующих для спецпоселков норм: как правило, на четыре однокомнатные квартиры, причем с почти одинаковыми по площади комнатой и кухней – примерно по 6–8 кв. м. При этом индивидуальные дома строились немногими спецпоселенцами – из-за мизерности выделяемых кредитов [88].

По состоянию на 1 января 1950 г. из 689 360 спецпоселенческих семей 278 636 (40 %) жили в отдельных домах, 625 404 (91 %) имели личные огороды, 363 573 (53 %) содержали домашний скот [89]. Однако скученность, холод, сырость, грязь, антисанитария, отсутствие света, постельных принадлежностей, посуды и т. д. – все эти и другие «издержки быта» в спецпоселках сопровождали систему спецссылки с первых и до последних дней ее существования.

Столь же хронически актуальной оставалась проблема продовольственно-вещевого снабжения спецпереселенцев. Причем совершенно «неожиданно» для властей она со всей остротой встала уже в первые месяцы организации спецпоселков. А ведь эта проблема изначально предопределялась хотя бы тем, что, согласно нормативным установлениям, спецпоселки должны были располагаться в отдалении от местных населенных пунктов (нередко на расстоянии в десятки километров, а это вело (в условиях бездорожья) к оторванности, особенно в период распутицы, от существовавшей инфраструктуры снабжения. Естественно, что при такой ситуации, а она была типичной, снабжение спецпоселков крайне осложнялось просто по «техническим» причинам [90].

Между тем первоначально даже не планировалось выделение специальных централизованных продуктово-товарных фондов для депортированных в новых местах их расселения. Власти рассчитывали, что до трудоустройства в хозяйственных организациях и получения там зарплаты, спецпереселенцы сами решат проблемы продовольственного и промтоварного обеспечения за счет тех запасов продуктов и денежных средств, которые им были оставлены после конфискации имущества.

Как уже отмечалось, в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. и инструкцией ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 г., при конфискации имущества «раскулаченным» оставляли необходимые предметы домашнего обихода, минимум продовольственных запасов и до 500 руб. денег на семью для устройства на новом месте [91]. Переселенцы могли приобретать продукты в специальных кооперативных ларьках, причем решениями директивных органов был установлен отпуск продуктов «кулацким семьям» и административно-ссылным с надбавкой 15 % на «кооперативные» цены. Снабжение промтоварами должно было производиться на общих основаниях. Однако уже к марту 1930 г. запасы продовольствия и денег у спецпереселенцев оказались практически исчерпанными, местные же органы торговли необходимых резервов

не имели, надвигался массовый голод. В начале марта 1930 г. полпред ОГПУ по Северному краю Р.И. Аустрин сообщал в «центр», что вопросы питания спецпереселенцев не решены, что Наркомторг СССР отделяется «саботажным молчанием», никаких продуктов не отпускает и «вопросами снабжения не занимается». Это ставит край перед фактом «голодания высланных семей».

Между тем для поддержания жизни спецпереселенцев установлен «голодный паек» (граммов в день): хлеба – 300, крупы – 30, муки подболточной – 2, сельди – 75, картофеля – 195, лука – 15, сахара – 6, суррогат-чая – 3, соли – 7, капусты – 100, лаврового листа – 0,25. Для детского питания (добавочно): сахара – 6, растительного масла – 7. Эти нормы составляли всего 1 300 калорий [92]. 26 мая 1930 г. СТО СССР принял постановление о снабжении спецпереселенцев, обязывавшее Наркомторг СССР выделить продукты, исходя из того, что «спецпереселенцы, работающие на лесозаготовках, снабжаются по нормам постоянных рабочих». Переселенцам, занятым на освоении северных районов, устанавливалась ежедневная норма питания в 500 граммов хлеба [93]. Однако перебои со снабжением продолжались.

В информационном обзоре ОГПУ от 10 июня 1930 г. о положении в спецпоселениях приводились, в частности, выдержки из писем спецпереселенцев, водворенных в Северный край: «...Хлеб, что мы с собой взяли, у нас забрали и теперь нам ничего не выдают. Голодаем и мучаемся. Умирают ежедневно по 35 душ» (Вологодский округ);

«...Много народу топится в реке Двине. Люди бросаются под поезд от голода» (Архангельский округ) [94].

3 апреля и 26 июня 1930 г. Наркомторг СССР дал указания соответствующим союзным объединениям о выделении товарных фондов для спецпереселенцев (до 1 июня 1931 г.) из расчета (в граммах на человека): хлеб – 300; крупа – 20; рыба – 38; картофель – 170; капуста – 100; сахар – 3; чайный напиток – 1,5; соль – 3,5; масло подсолнечное – около 3 [95]. При этом отпускные цены на продукты устанавливались на 15 % выше существовавших в кооперации. Но и такие низкие нормы при более высокой цене не были обеспечены.

К концу июля 1930 г. реально на местах было получено (в процентах к разрядке): муки – 43, крупы – 52, соли и масла растительного – 11–15, капусты – 0,03. Выполнение планов снабжения спецпереселенцев хозяйственными товарами и одеждой составило (в процентах): готовое платье – 29,4; обувь – 8,9; мыло – 11,4; тазы и ведра – 100; чайники – 7,1; ковши – 71,4; миски – 28,6; умывальники – 21,4; котлы эмалированные – 11,7; лопаты – 65,2; топоры – 117,8. Сельхозинвентаря было завезено (в процентах к запланированному): борон – 97,8; плугов – 97,8; серпов – 30; кос – 98,9; граблей – 0 [96]. К тому же нередко продукты и товары были недоброкачественные. Так, в докладной записке административного управления Уральской области облисполкому и НКВД РСФСР от 10 ноября 1930 г. сообщалось, что в Надеждинском леспромхозе выдавали «гнилую рыбу и мясо с червями» [97].

С введением централизованного обеспечения определяются нормы снабжения спецпереселенцев продуктами питания. Все спецпереселенцы были разделены на три категории: работающие («трудоспособные») получали паек 1-й и 2-й категории, нетрудоспособным и детям назначался паек 3-й категории [98]. При этом спецпереселенцы, работающие на государственных предприятиях, были отнесены к 1-й категории, занятые на строительных работах в спецпоселках – ко 2-й категории. Контрольные цифры для распределения спецпереселенцев по категориям, исходя из которых определялись все планы по снабжению, устанавливались соответствующими территориальными административными и хозяйственными органами. Так, в Северном крае эти цифры были утверждены 18 июля 1930 г. Севкрайсоюзом и краевым переселенческим управлением в следующем виде: трудоспособные мужчины и женщины – 60 %, дети – 38 %, престарелые – 2 %. Число занятых на общегосударственных предприятиях (1-я категория) определялось в 20 %, «на освоении колонизационных фондов» (2-я категория) – 60 % [99].

В соответствии с циркуляром Наркомснаба РСФСР от 2 июля 1930 г. нетрудоспособное население (3-я категория) подлежало снабжению по нормам: печеный хлеб – по 300 г в день (или 6,5 кг муки в месяц); крупа – 20 г в день (для «спецпереселенцев, отправляемых в особо отдаленные районы» – 30 г на едока в день); сахар – 6 г в день (для детей до 12-летнего возраста – 12 г); рыба – 75 г в день. «Ввиду крайней ограниченности ресурсов растительного масла» норма снабжения по этой позиции не назначалась, а за счет выделенных ресурсов растительного масла снабжению подлежали исключительно дети до 12-летнего возраста и не свыше 6 г в день на человека. «В зависимости от наличия ресурсов», спецпереселенцам могло выдаваться мыло «исходя из примерной нормы от 50 граммов в месяц на человека». Для населения, занятого на работах «по освоению колонизационного фонда», то есть на строительстве спецпоселков (2-я категория), Наркомснаб РСФСР определил повышенные нормы снабжения хлебом: 500 граммов в день печеного хлеба, или 10,8 кг муки в месяц. Трудоспособные спецпереселенцы (1-я категория) «с момента привлечения их на те или иные работы, как-то: лесодровозаготовки, рыбная ловля, лесохимическая промышленность, погрузочные работы и проч.» подлежали снабжению «по нормам вольнонаемных рабочих» [100].

Снабжение переселенцев продуктами питания возлагалось на «хозяйственные организации, заключившие договоры на рабочую силу из числа высланных кулаков», которые снабжали продовольствием все кате-

гории спецпереселенцев [101]. В 1930–1940 гг. общее снабжение спецпереселенцев обеспечивалось территориальными продторгами и ОРСами (отделами рабочего снабжения) на предприятиях, во второй половине 1940-х гг. – УРСы (управления рабочего снабжения) [102].

Порядок оплаты спецпереселенцами продовольствия, полученного от хозорганизаций, устанавливался следующий: предприятия «ведут учет отпускаемых во время строительства ими поселков продовольственных продуктов путем выдачи спецпереселенцам специальных талонов», по которым «кооперативная сеть и отпускает продукты». В дальнейшем сумма всей задолженности спецпереселенцев «покрывается путем регулярных удержаний из зарплаты трудоспособных переселенцев на основе заключения с ними групповых договоров по поселкам» [103].

Низкие нормы снабжения спецпереселенцев 2-й категории, постоянные перебои в снабжении хлебом, при практически полном отсутствии других продуктов, стали главной причиной отказов спецпереселенцев от работы на строительстве поселков. Зимой 1930 г. власти, признавая, что «установленные нормы не дают физической возможности» для труда, и для того, чтобы хоть как-то наладить строительные работы, вынуждены были принять «решительные меры»: нормы снабжения хлебом трудоспособных спецпереселенцев увеличили с 500 г в день до 600, а потом и до 800; улучшилось снабжение другими продуктами – стали выдавать рыбу, а в некоторых районах – даже растительное масло [104].

Вместе с тем, документы свидетельствуют, что в спецпоселках в первый год их существования «прод-снабжение было поставлено плохо»; продукты завозились нерегулярно, с большими перебоями, «снабжение переселенцев и по... низкой норме потребсистой производилось не регулярно»; «нормы снабжения нередко не выполнялись», «в поселках продукты не выдавались по нескольку дней» [105].

Крайне низкими были нормы снабжения спецпереселенцев и в Вятском округе (ныне Кировская область). Продовольствия не хватало, то и дело отмечались перебои с хлебом, на почве голода росла заболеваемость и смертность, снижалась производительность труда. В мае 1930 г. Вятский окружной отдел ОГПУ сообщал, что в поселке № 3 молоко выдается по одному стакану на 2–3 дня. Плохо снабжались спецпереселенцы и промтоварами. Многие по прибытии не имели даже второй пары нижнего белья. «Сейчас ряд поселков нуждается в срочной заброске хотя бы нескольких сотен лаптей, холщовых или полубрезентовых рабочих костюмов, фуражек, рукавиц и для ремонта обуви – кожаного лоскута», – говорится в упомянутом сообщении [106]. Плохое снабжение «породило шатание» спецпереселенцев за хлебом, картофелем и другими сельхозпродуктами в прилегающие деревни.

И десятилетие спустя, в феврале 1941 г., прокурор Кировской области Набатов в письме в облисполком отмечал явно неудовлетворительные условия содержания польских «осадников» в спецпоселке Маромица Опаринского района: «По 15–16 человек живут в одной комнате вместе по 2–3 семьи, а средняя площадь по 2 квадратных метра на человека... Столовая за день на 8 человек семьи отпускает одну порцию каши, выдача хлеба спецпереселенцам, работающим на производстве, производится по 650 граммов в день, а их иждивенцам по 300 граммов в день... Дети спецпереселенцев ввиду сильного истощения не могут ходить по комнате, не говоря уже о посещении школы... Имеются случаи заболеваний среди взрослых, подростков и детей туберкулезом желез, куриной слепотой, туберкулезом легких и другими болезнями» [107].

Весной-летом 1931 г., в связи с проведением новой операции по выселению «кулаков» и передачей органам ОГПУ административного управления «кулацкой ссылкой», меняется система организации продовольственного снабжения спецпереселенцев. Решением «комиссии Андреева» от 15 мая 1931 г. «весь фонд снабжения спецпереселенцев Наркомснабом» выделялся «как централизованный» и передавался «в распоряжение Управления спецпереселением при ОГПУ» [108]. В соответствии с директивой ГУЛАГа ОГПУ от 13 июля 1931 г. «Об организации продовольственного снабжения спецпереселенцев» устанавливался новый порядок снабжения в спецссылке. Вводилось «плановое снабжение 3-й категории спецпереселенцев через специальные фонды и нормы, устанавливаемые Союзнаркомснабом» (это касалось примерно 80 процентов списочного состава «спецконтингента») [109].

Менялись порядок и нормы обеспечения продовольствием членов семей спецпереселенцев, работающих в лесопромышленных организациях: если ранее они получали продовольствие по специально для них определенным нормам, то теперь они «приравнивались к снабжению семей рабочих этих предприятий». Рабочие-спецпереселенцы, занятые в других отраслях промышленности, «в отношении норм довольствия» приравнивались «к категории вольнонаемных рабочих предприятий, где они работают». Для членов семей этих спецпереселенцев (2-я категория) нормы отпуска были уменьшены и составляли (граммов в день на человека): муки – 300, крупы – 30, рыбы – 75, сахара – 12. Спецпоселенцы, занятые на сельхозработах, должны были получать (килограммов в месяц на человека): муки – 17,2; крупы – 1,5; рыбы – 2,0; сахара – 0,8; а члены их семей соответственно – 6,0; 0,75; 2,25 и 0,36 [110].

С 1931 г. спецпереселенцы, занятые на жилищном строительстве, приравнивались по снабжению к спецпереселенцам, занятым на лесозаготовках [111]. Однако все эти нормы зачастую не соблюдались, спецпере-

селенцы не получали многих продуктов, в частности масла, а сахар поступал только детям, да и то отнюдь не всегда. Тем не менее ГУЛАГ ОГПУ в директиве от 13 июля 1931 г. предупреждал против «излишнего завоза в одни районы и недоснабжения других районов», поэтому предлагалось «иметь наблюдение не только за правильным расходованием продовольствия, но и правильным составлением... продовольственных планов и заявок с учетом действительного количества» работающих и неработающих членов их семей [112].

В то время как ОГПУ стремилось не допустить «излишнего» завоза и «излишних» запасов, спецпереселенцы и, в особенности, их дети голодали. Так, жители спецпоселка Ампалык Анжеро-Судженской райкомандатуры (Томский округ) жаловались в Западно-Сибирскую краевую рабоче-крестьянскую инспекцию (1933 г.), что Тихеевская лесозаготовительная контора «обеспечивает нас с иждивенцами всего на 40 % против той потребности, которой мы нуждаемся, а поэтому наши дети и остальные члены семьи, неспособные к труду, а получающие иждивенческий паек... добавляют разными травами, которые годны для питания животных, а не для людей... К примеру приведем следующие травы: подорожник, осот, тальниковый лист, лист красной и черной смородины, лист малины, крапиву, лебеду, жалючку, картофельную ботву и много еще разной дряни. И просим вас разъяснить, можно ли всеми указанными продуктами кормить цвет будущего общества – детей, и что такое питание ужасно отражается на здоровье детей и самих рабочих. Дети некоторые уже едва передвигаются на своих ногах и по большей части лежат обессиленные где-нибудь в холодке вместо того, чтобы играть и резвиться» [113]. Сетовали рабочие и на постоянную задержку зарплаты – на 4–5 месяцев и задавались вопросом: «не является ли это политикой Советской власти на наше вымирание» [114]. Проверив изложенные в письме факты, краевая РКИ констатировала: спецпереселенцы в отношении снабжения и питания находятся «в настолько тяжелых условиях», что «ставить вопрос об их закреплении, правильном производственном использовании и трудовом перевоспитании не приходится» [115].

В районах «кулацкой ссылки» среди детей младшего возраста (до 8 лет) ежемесячные показатели смертности достигали 10 % [116]. В связи с этим правительство страны вынуждено было принять решение об организации дополнительного детского питания. Постановлением СНК СССР о санитарном и культурно-бытовом обслуживании спецпереселенцев (21 февраля 1932 г.) признано «необходимым организовать на ближайшие 6 месяцев дополнительное питание наиболее слабых детей младших возрастов (до 8 лет) в первую очередь через сеть общественного питания в детсадах, дошкольных учреждениях, специальных детских столовых и путем выдачи (продовольственного пайка.– *Авт.*) на руки». Организация дополнительного детского питания возлагалась на потребкооперацию и на органы ОГПУ [117].

Однако в первой половине 1932 г. существенных изменений в системе снабжения спецпереселенцев не произошло. Было подтверждено, что «работающие спецпереселенцы в нормах снабжения приравнены к вольнонаемным рабочим соответствующей отрасли промышленности». В начале 1932 г. несколько увеличили нормы снабжения нетрудоспособных (на одного человека, килограммов в месяц): мука – 12,0 (400 г в день); крупа – 1,0 (30–35 г в день); сахар – 0,5; рыба – 2,0; картофель – 6,0; масло – 0,3; табак – 0,2; мыло – 0,4; мануфактура – на 7 руб. в год; кожаная обувь – на 5 руб. в год [118].

Еще летом 1931 г. был поставлен вопрос о создании в спецпоселках собственной продовольственной базы «для обеспечения спецпереселенцев дополнительными продуктами питания». На хозяйственные организации возлагалась обязанность «обеспечить наделение спецпереселенцев пахотно-способными землями и снабжение их сельскохозяйственным инвентарем, скотом и посевными материалами». Особое внимание уделялось развитию «самозаготовок грибов и ягод» [119].

Но уже в 1932–1933 гг. в документах хозорганов системы спецпоселений отмечается, что «свои продовольственные базы не созданы», «самозаготовки сорваны», «не ведется каких-либо заготовок рыбы и дичи из-за отсутствия орудий лова» [120]. В докладной записке председателя правления Комиоблпотребсоюза от 29 марта 1933 г. о состоянии питания спецпереселенцев в спецпоселках Сыктывдинского района (область Коми) сообщалось: «Поселки имеют по 8–10 лошадей и по 5–6 коров. Вид очень изнуренный. Скотные дворы очень плохие, уход также не важный. Корм – лесное сено плохого качества и уборки, резка из соломы, веточный корм и силос, последние лишь выводят из положения гибели скота. С кормами хотя и плохо, но до подножного дотянут. Молока корова с отела дает по 2–3 чайных чашки и то негодного к употреблению. Со своих огородов снято было овощей очень незначительное количество, даже не снято для семян» [121].

В 1932 г. предпринимаются первые шаги по организации общественного питания в спецпоселках. Однако и в конце 1934 г. в документах системы спецпоселений отмечается, что в поселках, где жители «предложили организовать столовую», «общественное питание ОРСом не налажено и никакой помощи оказано не было» [122]. Общественное питание для взрослого населения спецпоселков в первой половине 1930-х гг. существовало только в местах работы спецпереселенцев и охватывало лишь около половины всех трудоустроенных. Главной причиной отказа рабочих от услуг общепита являлись хронические задержки в выдаче зарплаток и невозможностью в связи с этим платить за питание в столовых [123]. В архивных документах первой половины 1930-х гг. отмечается, что «качество работы столовых крайне низкое, обеды однообразные», «в столовых грязь и холод»,

«не хватает посуды» и «рабочие едят из своих котелков, своими ложками», «питание в столовых дорогое (35–40 коп.) из-за больших наценок за обеды» (вместо нормативных 15 коп. они составляли 19–20 коп.) [124].

Завоз продуктов и промтоваров в 1931–1932 гг, как и прежде, осуществлялся с нарушением сроков и большим невыполнением планов. Территориальные органы управления спецпоселениями, регулярно рассматривая эти вопросы, констатировали «срыв планов» или «невыполнение планов завоза продовольствия», в результате чего создавалась «чрезвычайная ситуация в спецпоселках», а иногда «запасы продовольствия имелись на 1–2 дня» [125]. Причем недоснабжение спецпереселенцев продовольствием в 1931–1932 гг. имело место во всех районах массовой ссылки. В информации ОГПУ в ЦК ВКП(б) о ходе работ по хозяйственному и бытовому устройству спецпереселенцев (1932 г.) отмечалось: «... Несмотря на то, что имеются решения ЦК об обеспечении спецпереселенцев наравне с вольными рабочими, на местах все еще наблюдается недоснабжение спецпереселенцев, разбазаривание фондов, отпущенных им». В основном продснабжение обеспечивается «только в части хлеба», что же касается овощей, жиров, рыбы, сахара, то снабжение ими «производилось с перебоями или совсем не производилось».

ОГПУ отмечало особенно тяжелое положение спецпереселенцев, занятых в лесной промышленности, «так как лесная кооперация вследствие своей неповоротливости и халатности не реализует и не забрасывает вовремя отпущенных ей фондов продовольствия». «Обеспеченность спецпереселенцев промтоварами, – подчеркивалось в документе, – до сих пор ничтожное»; «имеют место случаи, когда из-за отсутствия теплой одежды и обуви часть спецпереселенцев не может... выйти на работу. Зимой же положение еще более ухудшится, если организации, коим спецпереселенцы переданы, и кооперация не улучшат снабжение их промтоварами» [126].

Между тем в 1932 г., в связи с начавшимися «продовольственными затруднениями» в стране и «напряженной ситуацией с финансированием спецпоселков» (после сокращения в феврале 1932 г. отчислений из зарплаты спецпереселенцев с 15 до 5 %), неоднократно урезались размеры продовольственных фондов, выделяемых регионам для снабжения спецссылки. Так, заявки на пособия для нетрудоспособных были уменьшены в первом квартале 1932 г. на 50 %, а во втором квартале – еще на 25 %. Распоряжением Наркомлеса СССР ежедневные нормы снабжения нетрудоспособных с 400 г муки в первой половине 1932 г. снижаются: до 300 г – с июля, до 210 г – с ноября 1932 г. С обеспечения продовольственными пайками снимаются все нетрудоспособные (независимо от возраста и наличия инвалидности), которые «в состоянии вести какую-либо работу в спецпоселках» [127].

В феврале 1933 г. нормы снабжения были вновь снижены и составили (в граммах): мука – 170, крупа – 16, рыба (иногда) – 25; с марта 1933 г. норматив по муке понижен до 165 г [128]. Однако и эти нормативы в 1933 г. не были полностью обеспечены продовольственными фондами. В результате во многих спецпоселках норма снабжения нетрудоспособных упала до 100 г муки в день, но иногда и эти мизерные нормы не выдавались неделями [129].

В первой половине 1933 г. для детей спецпереселенцев выделялось дополнительное питание из специального детского фонда. Местные власти принимали решения о первоочередном снабжении детей мясом, сухими овощами, продуктами самозаготовок. Дополнительное питание выдавалось детям в возрасте до 16 лет через детские столовые, школы, детплощадки. Причем на руки продовольствие отпускалось лишь в исключительных случаях – больным детям (по медицинским справкам) и женщинам с грудными младенцами. По рецептам медработников (врачей и фельдшеров) больным детям выделялось дополнительно 135 г муки и молоко [130]. Однако дополнительные детские пайки также поступали с перебоями, отдельные виды продуктов не выдавались месяцами, а с августа 1933 г. эти пайки были отменены [131].

В докладной записке руководства ГУЛАГа в ЦК ВКП(б) и РКИ от 3 июля 1933 г. отмечалось: «... С момента передачи спецпереселенцев Наркомлесу СССР для трудового использования в лесной промышленности, то есть с августа 1931 г., Правительством была установлена норма снабжения иждивенцев – спецпереселенцев на лесе из расчета выдачи в месяц: муки 9 кг, крупы 9 кг, рыбы 1,5 кг, сахару 0,9 кг. С 1 января 1933 г. по распоряжению Союзнаркомснаба нормы снабжения для иждивенцев были снижены до следующих размеров: муки 5 кг, крупы 0,5 кг, рыбы 0,8 кг, сахару 0,4 кг. Вследствие этого положение спецпереселенцев в лесной промышленности, в особенности в Уральской области и Северном крае, резко ухудшилось... Повсеместно в ЛПХах Севкрая и Урала отмечены случаи употребления в пищу разных несъедобных суррогатов, а также поедание кошек, собак и трупов падших животных... На почве голода резко увеличилась заболеваемость и смертность среди спецпереселенцев... Имел место ряд самоубийств, увеличилась преступность... Голодные спецпереселенцы воруют хлеб и скот у окружающего населения, в частности у колхозников... Вследствие недостаточного снабжения резко снизилась производительность труда, нормы выработки упали в отдельных ЛПХах до 25 %. Истощенные спецпереселенцы не в состоянии выработать норму, в соответствии с этим получают меньшее количество продовольствия и становятся совсем нетрудоспособными. Отмечены случаи смерти от голода спецпереселенцев на производстве и тут же после возвращения с работ...» [132].

В этой ситуации весьма неприглядную с этической точки зрения, но вполне заурядную бюрократическую позицию занимали промышленные наркоматы. Они обычно игнорировали просьбы ОГПУ–НКВД материально поддерживать работающих на предприятиях этих наркоматов спецпереселенцев и членов их семей. Видя тщетность таких «призывов», органы ОГПУ–НКВД в ряде случаев вынуждены были из своих фондов выделять спецпереселенцам, переданным в систему промышленных наркоматов, соответствующие материальные и денежные средства, чтобы не допустить их полного вымирания и не сорвать тем самым «мероприятия по освоению необжитых земель». Равнодушие промышленных наркоматов, особенно Наркомлеса, к массовой смертности спецпереселенцев, занятых на их же предприятиях, объяснялось главным образом надеждами и даже уверенностью в нескончаемости поступления новых «спецконтингентов». Лишь к середине 1930-х гг., когда стало ясно, что в перспективе такого массового «пополнения» не предвидится, промышленные наркоматы стали проявлять некоторую заинтересованность в выживании имеющейся в наличии спецпереселенческой «рабсилы».

Не было редкостью, когда различные ведомства использовали не по назначению выделенные для спецпереселенцев продовольственные фонды (то есть фактически обкрадывали находившихся на грани голодной смерти людей). Так, в постановлении Комиссии исполнения при СНК СССР от 17 ноября 1932 г. говорилось: «... Указать Председателю правления Центролессекции т. Козлову на то, что он не организовал контроль за расходованием на местах фондов, выделенных для семей спецпереселенцев, несмотря на неоднократное сигнализирование ОГПУ о безобразных фактах разбазаривания этих фондов». Было одобрено наложение взысканий и привлечение к ответственности органами ОГПУ и КК-РКИ Уральской области, Западносибирского, Восточносибирского и Дальневосточного краев работников системы Наркомлеса, виновных в разбазаривании и расхищении 4 000 т хлебных фондов, предназначенных для снабжения семей спецпереселенцев. Это постановление обязывало Наркомснаб СССР и Центролессекцию ввести с 1 января 1933 г. карточную систему для снабжения семей спецпереселенцев [133].

Следует отметить также, что массовый голод в спецпоселках был обусловлен не только сокращением продовольственных фондов, но и организационными «неувязками» в снабжении. Указанные фонды выделялись из «центра» территориальным органам (республиканским и краевым), там они распределялись непосредственно по районам, минуя областные (окружные) инстанции. И, как правило, выделенные фонды не соответствовали количеству спецпереселенцев в конкретном районе, поскольку краевые (республиканские) органы на момент распределения этих фондов данными о составе «спецконтингента» не располагали. Кроме того, областные (окружные) органы не имели права перераспределения фондов между районами и поэтому ограничивались только «дачей общих указаний по уложению в установленные фонды». Перебои в снабжении спецпереселенцев в первой половине 1930-х гг. были вызваны также несвоевременным поступлением продуктов из районов в спецпоселки, поскольку «5–6 до крайности истощенных из-за отсутствия кормов лошадей», находившихся в этих поселках, «не справлялись с большим объемом работ – подвозкой дров, сена, продовольствия» [134].

В свою очередь, сокращение продовольственных фондов приводило не только к уменьшению продовольственных пайков рабочих-спецпереселенцев, но и к отказу хозорганизаций от предоставления им работы и лишения пайка вообще. Особенно распространенными подобного рода факты были в лесной промышленности: «в связи с жестким лимитированием в хлебе» леспромхозы «снимали» всех спецпереселенцев, «в большинстве находившихся на работах в лесу», и «возвращали» их в спецпоселки. Рабочие-спецпереселенцы переходили на иждивение своих семей, а на пайки детей и нетрудоспособных выжить было невозможно [135].

В то же время коменданты спецпоселков, после получения в январе 1933 г. соответствующих директив «не производить снабжение трудоспособных и полутрудоспособных спецпереселенцев» и «отправлять беглецов из поселков на лесопункты», а «злостных прогульщиков и спекулянтов лишать нормы продовольственного пайка, получения нормированных товаров», снимали полутрудоспособных (женщин с малолетними детьми, стариков, подростков) «с пайка» и отправляли их на работу в лесопункты [136].

Таким образом, проблему нехватки продовольствия в спецпоселках местные администраторы пытались «решить» за счет снижения количества людей, получающих продукты из соответствующих фондов: лесозаготовительные организации «отправляли» спецпоселенцев в комендатуры, а коменданты спецпоселков снимали со снабжения по своим фондам «полутрудоспособных» и отправляли их на лесозаготовки: получался замкнутый «голодный круг». Аналогичная ситуация (с отклонениями в частности) наблюдалась и в других отраслях и регионах системы спецпоселений.

Безработица, прекращение снабжения пайками рабочих-спецпереселенцев при временной нетрудоспособности, по болезни и увечьям, полученным на производстве, лишение рабочего пайка глав семей, вернувшихся «из мест трудоустройства» в спецпоселки к детям, оставшимся сиротами после смерти матерей, – все это (на фоне общего аграрного кризиса в стране) приводило к резкому ухудшению продовольственного положения всей спецсылки [137].

По этому поводу били тревогу прежде всего низовые сотрудники спецпоселений. Так, 17 января 1933 г. комендант спецпоселка Вуктыль (Северный край) рапортом в спецкомендатуру докладывал: «...Довожу до вашего сведения, что в связи с уменьшением нормы снабжения на нетрудоспособных... положение спецпереселенцев с каждым днем обостряется и становится угрожающим. Народ еле двигается. На почве недоедания население начинает пухнуть. Среди детей болезнь «трахома», есть случаи, когда дети совсем ослепли. Все это на почве недоедания. Прошу принять срочные меры, дополнительно выдать пайки» [138].

В апреле 1933 г. врач спецпоселка «Вежа» (Северный край) в докладной записке председателю Коми облисполкома сообщал: «...Положение в поселке самое скверное. Все население, за малым исключением, истощено настолько, что еле бродят 30 процентов приблизительно с голодными отеками... Вследствие недостатка пайка употребляют в пищу – березовую кору, силос, листья и даже коровий помет». В результате этого в спецпоселках только пяти районов Коми области, в которых были размещены 26 922 спецпереселенца, до лета 1933 г. умерли 2 827 (т. е. 10,5 %) [139].

В 1932–1933 гг. в спецпоселках разразился голодомор. Люди питались суррогатами, употребляя в пищу траву, мох, кости животных и т. п., что приводило к вымиранию целых семей. В северных регионах спецпереселенцы делали так называемую «гнилушку»: из гнилого ствола березы изготавливали сыпучую субстанцию, а затем добавляли ее (в пропорции 75–95 %) к натуральной муке, заливали эту смесь водой, запекали и получали некое подобие «хлеба» [140].

Отмечались случаи трупоедства. Так, в акте обследования спецпоселка Тимшер области Коми (июнь 1933 г.) отмечено, что у 12-летнего умершего и погребенного мальчика при вскрытии могилы обнаружена «обрубленная задняя часть тела, ... предполагается, что пошло на мясо» [141]. Обессиленные от голода и болезней люди были не в состоянии (особенно зимой) похоронить своих умерших родственников. Погребением занималась администрация поселков: покойников просто зарывали – несколько (иногда – десяток и более) тел в одну общую яму-«могилу» [142].

Голод был отмечен во всех районах спецпоселений. По архивным данным, в 1932–1933 гг. в общей сложности умерли 241 355 спецпереселенцев (в 1932 г. – 89 754, в 1933 г. – 151 601) [143]. В 1933 г. умерли 51 100 спецпереселенцев на Урале и 26 709 – в Западной Сибири. В спецпоселках области Коми в 1933 г. умерли 3 095 чел. (1 858 муж., 1 242 жен., 119 детей в возрасте до одного года), то есть около 10 % всего «спецнаселения» [144]. Уровень смертности в спецпоселениях в 1933 г. оказался самым высоким за все годы «кулацкой ссылки»: умершие составили 13,4 от общей численности «спецконтингента». Данная цифра сопоставима с соответствующим показателем смертности в местах заключения в СССР в 1933 г. – 15,3 % [145].

Одна из самых трагических страниц истории спецпереселенчества – события, имевшие место в 1933 г. на острове Назино Нарымского округа. В мае 1933 г. сюда были водворены 6 000 спецпереселенцев. Несколько дней на остров не доставляли продовольствия. От голода и полного отчаяния жизнь на острове потеряла последние признаки социальной организации, началось (сначала – изредка, а потом – с устрашающей регулярностью) людоедство. В течение трех недель в районе острова погибли не менее 3 000–3 500 чел. К сентябрю 1933 г. из 6 000 прибывших сюда числилась в живых только одна треть. Случай был настолько вопиющим, что стал предметом разбирательства в Москве [146].

В годы голода резко возросло число побегов из спецпоселений. На Урале в 1933 г. бежали 55 983 чел., в Западной Сибири – 49 718 [147]. В 1932 г. ОГПУ зарегистрировало 207 010 бежавших (37 978 вернулись), в 1933 г. – 215 856 (54 211 вернулись). Таким образом, по массовости бегство в период голода 1932–1933 гг. было выше, чем в первые два года спецпереселения [148].

Ответственность за голодомор в спецпереселениях власти разных уровней пытались возложить на нескольких «злоумышленников» и «виновников». Например, в Северном крае в попытках организации «массового голода» обвинили самих спецпереселенцев [149]. В «общесоюзном масштабе» главными «виновниками» были объявлены хозяйственные и промышленные организации, в которых работали спецпереселенцы [150]. Но это не более чем «козлы отпущения». Не «хозяйственные и промышленные организации» (и уж тем более – не спецпереселенцы) породили голод, охвативший спецпоселения в 1932–1933 гг. Голод был естественным и предсказуемым последствием политики сталинско-советского режима в отношении крестьянства в целом и спецпереселения – в частности. Эта политика продолжалась и в последующие годы – с большей или меньшей степенью жестокости.

Что касается продовольственной ситуации в спецпоселках, то к концу 1933 г. она несколько улучшилась. С декабря 1933 г. были несколько повышены нормы снабжения – до уровня 1932 г., в день на одного спецпереселенца выдавали (в граммах): муки – 300, крупы – 30, рыбы – 26, сахара – 10 [151]. Продукты доставлялись в поселки более регулярно, лучше стала работать система общественного питания. Однако более существенные положительные изменения в этой сфере произошли только в 1935 г. – в связи с отменой карточной системы и введением свободной торговли продуктами и промышленными товарами. Снабжение спецпереселенцев, как и всего населения, с этого времени осуществлялось через свободную продажу продовольствия и потребительских товаров в торговой сети.

С середины 1930-х гг. и до осени 1941 г. сообщений о массовом голоде среди спецпереселенцев в архивных документах не встречается. Но это отнюдь не означает, что серьезные проблемы в продовольственном и вещевом обеспечении спецпоселений перестали существовать. Система обслуживания в спецпоселках действительно расширилась. Так, в 1939 г. в системе продторгов и ОРСов на территории Коми АССР на лесных участках (в том числе и в спецпоселках) имелись 196 торговых точек, 20 столовых, 14 котлопунктов, 73 хлебопекарни [152], а в 1943 г. – 263 столовых, 103 склада, 263 магазина и ларька, 203 хлебопекарни и 142 овощехранилища [153], но в ларьках товаров почти не было, а те, что имелись в наличии, продавались по завышенным ценам. Кроме того, следует иметь в виду, что спецпереселенцы целиком зависели от зарплаты, которую им выдавали. В отличие от заключенных они не получали ежедневную гарантированную пайку, а должны были покупать еду в ларьках или столовых за наличные деньги. А вот тут и возникали проблемы.

Так, в отчетах по обследованию спецпоселков в Коми АССР (1936 г.) на этот счет отмечалось: в Троицко-Печерском районе рабочие-спецпереселенцы («промкадровики») голодали, не имея возможности купить продукты, поскольку зарплата выдавалась только авансами – по 2–4 руб. в неделю, либо «натурой» (в счет зарплаты) – по 200 г хлеба на человека в день; несмотря на то, что «в ларьках имеется мясо, обед для рабочих готовится из одной картошки», так как спецпереселенцы «сами отказываются от мясной пищи, не имея возможности заплатить за обед»; суп из картофеля, «стоящий 48 копеек, рабочими в большинстве берется порциями на 2-х человек» [154].

В спецпоселке Джейт Сыктывдинского района зарплата спецпереселенцам начислялась, но на руки практически не выдавалась. Например, спецпереселенцы братья Мартыновы, имея заработок по 1 000 руб. и более, получить его не могли из-за того, что «леспромхоз стоит на просрочке в банке и денег не отпускает» [155].

В Койгородском механизированном лесопункте Сысольского района (1937 год) общая картина снабжения представляла «очень убогой». На участках в ларьках «нет никаких круп, нет картофеля с осени». Рабочие-спецпереселенцы «много раз ставили перед администрацией вопрос о доставке этих продуктов, но администрация тракторной базы и снабжающая организация Комилеса только пускаются между собой в пререкания, а продукты так и не доставляют... Промтоваров в ларька лесопунктов крайне мало» [156].

Следует отметить, что зачастую и в местных «гражданских» магазинах обстановка была не лучше. Так, в одном из архивных документов начала 1940-х гг. отмечается, что во многих ларьках Усть-Куломского района Коми АССР «сильно отсутствуют керосин, папиросы, пуговицы, иголки, ламповые стекла, стаканы, гвозди и стулья» [157].

В предвоенные годы позитивные подвижки в снабжении спецпереселенцев, если и наблюдались, то весьма незначительные. В частности, в отчете ОИТКиТП УНКВД по Хабаровскому краю от 7 февраля 1941 г. отмечалось, что снабжение спецпоселков в 1940 г. улучшилось «в связи с введением закрытой системы торговли на промышленных предприятиях», но ухудшилось для «спецпереселенцев, не имеющих постоянной работы, а также инвалидов, стариков и многосемейных». Иногда им отказывали даже в хлебе. Имели место случаи, когда в ларьках в течение месяца, кроме хлеба и махорки, ничего не было. Промтоварами спецпереселенцы снабжались через закрытую сеть не более чем на 30–50 % [158].

В документах ОИТКиТП НКВД Коми АССР (1940 г.) констатировалось, что «мука, рис, манная крупа и сахар в большинстве лесоучастков отсутствовали вследствие того, что их нет на складах леспродторгов» [159]. Спецпереселенцы часто жили на грани голода. Из продуктов в спецпоселках нередко выдавали только хлеб. В мае 1940 г. спецпереселенцам Железнодорожного района «выдавали по 300 граммов хлеба в день и больше ничего», в Прилузском районе – от 200 до 800 г [160].

Спецпереселенцы в большинстве своем (особенно вновь переселенные польские «осадники») не имели индивидуальных хозяйств, поэтому находились в крайне тяжелом положении и целиком зависели от того, как работала система снабжения лесозаготовительных организаций. В документах же проверяющие констатировали, что в ларьках уже продавали (очевидно, «поступившую» от депортированных поляков) «мужскую и женскую хромовую обувь, мужские и женские платья» [161]. Но и жизнь местного «вольного» населения была немногим легче. Так, в марте–мае 1940 г. в большинстве колхозов Коми АССР из-за недостатка хлеба люди питались различными суррогатами, подмешивая в муку мякину, солому, жмыхи. По ряду сельсоветов отмечалось истощение части жителей [162].

Несколько лучше обстояло дело с продовольствием в районах «сельхозколониации» – Нарыме, Казахстане, Северном Кавказе, где спецпереселенцы успели обзавестись индивидуальным подсобным хозяйством (огороды, скот, птица) или наладить подсобные промыслы. Здесь сыграло свою роль также и то обстоятельство, что неуставные (а с 1938 г. – «обычные») сельхозартели спецпереселенцев оказались экономически более крепкими, чем окружавшие их местные колхозы. В этом проявились трудолюбие, опыт и навыки «раскулаченных» [163].

В военные годы в снабжении спецпоселков повторилась (причем в самых мрачных вариантах) ситуация первых лет «кулацкой ссылки». Снабжение спецпереселенцев продуктами питания в военное время должно было производиться по официально утвержденным нормам. Так, рабочие лесной промышленности в Коми

АССР, подавляющее большинство которых составляли спецпереселенцы, официально снабжались по «нормам рабочих промышленности и связи» (на человека, килограммов в месяц): мясо-рыба – 1,8; жиры – 0,4; сахар – 0,4; крупа – 1,2 [164]. Примечательно, что в системе ГУЛАГа существовали (помимо прочих) так называемые «норильские нормы» (на человека, килограммов в месяц): крупа – 3,0; мясо-рыба – 7,0; жиры – 1,8; сахар – 1,5, а также 1 кг хлеба в день. По данным нормам, в частности, должны были снабжаться заключенные Воркутлага в 1944 г. [165].

Дети спецпереселенцев должны были получать дополнительное питание, в частности молоко. Но это – формальная сторона дела. В жизни все происходило иначе. В спецпоселках нередко отсутствовали хлеб и картофель, а о молоке и говорить не приходилось. Дети переселенцев питались только черным хлебом и горячей водой, как, например, в спецпоселках Прилузского района Коми АССР в 1944 г. Ответственность за это несли хозяйственные организации, в последнем случае – лесозаготовительные. Спецпереселенцы семьями поступали в распоряжение этих организаций, которые при выделении фондов для снабжения «промкадровиков» не брали в расчет иждивенцев (детей и нетрудоспособных). Ясно, что при наличии в семье лишь одного трудоспособного и без того мизерного по объему продовольствия катастрофически не хватало, люди болели и умирали [166].

Голод доводил людей до безумия: отмечены факты употребления в пищу трупов давно павших животных [167]. Многие занимались попрошайничеством. Неработающие, чаще женщины, ходили по деревням, пытаясь что-то продать из привезенных вещей или обменять их на продукты [168]. Люди шли и на воровство [169]. Положение местного населения мало отличалось от ситуации в спецпоселках. Так, по Коми АССР (в частности в Летском районе) отмечалось множество случаев истощения колхозников, а также «кусочничества» («побирания по домам») [170].

Жалкое зрелище представляла система общественного питания. В 1942 г. в докладной записке о работе Палевицкого леспродторга (Коми АССР) по части предприятий общественного питания говорилось следующее: «В столовой обедают или завтракают только одиночки, а остальные, большинство, берут обеды на дом. Ужины и завтраки готовятся некачественные. Суп простой готовится из пшена, куда ложат и макароны, которые сами делают из пшеничной муки. При варке получается как хлеб, и от супа исходит запах сырого теста. Мясной суп бывает редко. На второе каша пшенная, когда с маслом, когда без масла. В редких случаях бывает рыба, лещ или треска. В апреле месяце давали порции колбасы в сыром виде. Чай в последнее время совершенно нет» [171].

Выходом могло бы стать заведение индивидуальных хозяйств. Но это оказалось практически невозможным. Характерно для объяснения этой ситуации заключение, содержащееся в докладной записке ОИТКиТП МВД Коми АССР о состоянии торговли и общественного питания за 1944 г.: «Кадровый состав рабочих в большинстве своем прибыл в Коми АССР по эвакуации и переселению из других областей. Все они в основном размещены в лесу на лесоучастках и запанях отдаленно от населенных пунктов. В связи с необходимостью частых перемещений рабочих по лесоучасткам и сплавным запаням организация коллективных и индивидуальных огородов, приобретение домашних животных и птиц затруднены, а в районах Крайнего Севера, особенно в местах нахождения лесопунктов, кадровый состав рабочих лишен возможности создать какой-либо запас продуктов». Реально улучшить ситуацию со снабжением могло, по мнению авторов записки, только увеличение продовольственных и промтоварных фондов для спецпереселенцев [172].

Однако, как уже отмечалось, данные фонды постоянно урезались. При этом нередко даже выделенные фонды не поступали полностью в места назначения. Так, за первую половину 1943 г. по фондам леспродторгов Коми АССР для рабочих лесной промышленности поступило (в процентах от полагающегося количества): готовой одежды – 18, трикотажных изделий – 33, обуви кожаной – 21, а другие товары не поступили вообще [173]. В 1943 г. торговые организации Коми АССР недополучили по централизованным фондам товаров на 11 753 000 руб., в том числе продовольственных – на 4 625 000 руб. [174]. Аналогичное положение наблюдалось и в других регионах. Например, в спецпоселке Мереть Сузунского района Новосибирской области с 24 декабря 1941 г. по 14 января 1942 г. продукты совершенно не завозились. Так же обстояла ситуация Красноярском крае, в Архангельской, Омской областях и в других районах спецссылки [175].

Холод, скученность и антисанитария в бараках, отсутствие теплой одежды и обуви, недоедание, и при этом тяжелая работа при любых погодных условиях, – все это приводило к катастрофическим последствиям, и, прежде всего, к высокому уровню смертности спецпереселенцев, который в годы войны по некоторым категориям составлял более 20 % [176].

В послевоенные годы широкое распространение получила практика снятия со снабжения некоторых категорий спецпереселенцев, в частности определяемых как «иждивенцы»: к ним относились дети, инвалиды и все неработающие, в том числе – получившие производственные увечья, больные, беременные и т. п. Имелись случаи, когда со снабжения снимались и кадровые рабочие: в декабре 1946 г. в Локчимском леспромхозе Корткеросского района Коми АССР со снабжения были сняты 100 чел., в том числе 60 «промкадровиков» (пос-

тоянных кадровых рабочих), на том основании, что эти рабочие являлись «сверхплановыми», и леспромхоз в них, как оказалось, «не нуждался» [177].

По постановлению СНК СССР от 25 октября 1945 г. лесная промышленность в северных регионах (в том числе в Коми АССР) была отнесена к предприятиям Экспортлеса и норма снабжения хлебом установлена в 1 кг на человека в день [178]. Но качество питания в спецпоселках не улучшилось. При проверке Койгородского леспромхоза (1946 г.) отмечалось: «...Крупа исключительно местного производства, так как перерабатывают на месте из ячменя и пшеницы, но делают некачественно, почти 59 % примеси. Капуста расходуется в не переработанном виде, то есть свежая, замороженная. Мясо и сахар... отсутствовали» [179].

Во второй половине 1940-х гг. происходит некоторое улучшение организации снабжения спецпоселенцев, в том числе и общественного питания, прежде всего в поселках, созданных в 1930-е гг. Во многих спецпоселках организуется трехразовое питание, доставка горячей пищи на отдаленные производственные участки. Однако работа общепита подвергалась постоянной критике, как не соответствующая многим нормам: средства для развития торговли и общественного питания выделялись минимальные, поэтому в меню столовых нередко были «только каша и суп», «не имелось тарелок, вилок и даже ложек», а в магазинах спецпоселков даже в 1952 г. продолжали торговать «только хлебом, и то с перебоями до полумесяца» [180].

Таким образом, среда обитания спецпереселенцев на протяжении всего периода существования спецссылки представляла собой не сферу нормальной человеческой жизнедеятельности, а некое пространство выживания, своего рода «будни в катастрофе» [181]. Одним из доминантных и постоянно действующих факторов, определявшим состояние этой среды, являлась политика партийно-советских властных органов в области организации и регулирования жилищно-бытового устройства и регулирования снабжения спецпереселенцев предметами и товарами первой необходимости, прежде всего продовольствием, одеждой и обувью. И есть все основания утверждать, что именно просчеты и несогласованность действий различных звеньев партийно-государственного аппарата в центре и на местах в данной сфере служили индикаторами непоследовательности и противоречивости политики в «спецпереселенческом вопросе» в целом.

Хронические дефицит жилья, перебои в продовольственно-вещевом снабжении, а порой и полное отсутствие последнего были причинами не только голода, болезней и высокой смертности, но и прямо влияли на уровень трудоспособности спецпереселенцев, степень их адаптации, масштабы протеста – как активного (сопротивление), так и пассивного (побеги) и т. п. И в этом контексте сталинско-советский режим своей политикой и практикой ее осуществления выступал главным дестабилизирующим фактором ситуации в спецпоселках – на всех стадиях существования спецссылки.

Изначальная же идея верхушки этого режима – превратить систему спецпоселений в некую основанную на подневольном режиме и принудительном труде самодостаточную, самообустроивающуюся и самоснабжающуюся структуру – оказалась фикцией, обернулась чудовищной действительностью, свалкой гигантских материальных и финансовых ресурсов и (что самое ужасное) – необъятным евразийским кладбищем для сотен тысяч безжалостно загубленных ни в чем не повинных людей.

Источники и литература

1. Бердинских В.А. Указ. соч. С. 723.
2. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 30.
3. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 78.
4. Документы свидетельствуют. С. 382–383.
5. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание. С. 243–244.
6. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 3. Л. 23–24.
7. См.: циркуляр Наркомюста СССР от 21 июля 1931 г. – ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–3.
8. См.: директивы ОГПУ СССР от 2 и 21 сентября 1931 г. – ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 3. Л. 120.
9. Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 377–380.
10. Там же. С. 381.
11. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. С. 14, 36–37.
12. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 24. Л. 7–8.
13. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 81.
14. Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927–1937 гг.). Вологда, 1964. С. 316–319.
15. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 24. Л. 7–8.
16. Покаяние. Т. 1. С. 640.
17. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1943. Л. 107–109.
18. Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. С. 243–244.
19. Долгих Иван Иванович (1896–1956) – член Компартии с 1920 г.; член партии «левых» социалистов-революционеров в 1917–1918 гг.; в органах ОГПУ–НКВД–МВД – с 1926 г.; начальник комендантского отдела полпредства ОГПУ по Западной Сибири (с 1934 г. – ОТП УНКВД); заместитель начальника Сиблага ОГПУ–НКВД; в 1938–1939 гг. – заместитель начальника Краслага НКВД; в 1939–1941 гг. – начальник Вятлага НКВД; с 1941 по 1950 г. – начальник Ивдельлага,

Южкузбаслага МВД; специальное звание – полковник; награжден орденом Красного Знамени (1922 г.); уволен в 1950 г. (Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 1056; Архив Вятлага. Коллекция документов. Д. 1228).

20. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 гг. С. 227.
21. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 250.
22. Покаяние. Т. 1. С. 620.
23. Там же. С. 529, 534.
24. Там же. С. 82.
25. Там же. С. 581, 584.
26. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале. С. 106–107.
27. Там же. С. 166.
28. *Славко Т.И.* Кулацкая ссылка на Урале. 1930–1936. М., 1995. С. 95.
29. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. С. 177.
30. Там же. С. 193.
31. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. С. 179.
32. Там же. С. 193.
33. НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 248. Л. 1.
34. Там же. Д. 306. Л. 81.
35. ГАКО. Ф. 877. Оп. 2. Д. 10. Л. 293.
36. Там же. Д. 16. Л. 162.
37. Там же. Д. 10. Л. 409.
38. Там же. Л. 481, 511, 519.
39. *Ожегин П.Т.* Административные высылки и спецпоселения на территории Вятского края // Из истории вятских спецслужб и полиции (вторая половина XIX – первая половина XX вв.): Материалы докладов и документы научно-практической конференции. Киров, 25 мая 1996 г. Киров, 1997. С. 114; ГАКО. Ф. 1583. Оп. 2. Д. 68. Л. 16; Ф. 2333. Оп. 1. Д. 23. Л. 145, 207, 219, 246, 375, 390).
40. ГАКО. Ф. 2943. Оп. 8. Д. 16. Л. 1–28; Д. 19. Л. 4–51.
41. Там же. Л. 36–112.
42. Там же. Л. 36–112; Оп. 13. Д. 517. Л. 27–75; Д. 659. Л. 16–205; Д. 731. Л. 9–177; Д. 768. Л. 26, 58, 67.
43. *Шляева Р.С.* Из истории спецпоселений на территории Кировской области (1930–1955 гг. // Из истории российских спецслужб (По материалам Вятского края). Киров, 2002. С. 63.
44. Там же. С. 65.
45. Там же.
46. Там же. С. 64–65.
47. Спецпоселки в Коми области (по материалам сплошного обследования. Июнь 1933 г.): Сборник документов / Сост. Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. Сыктывкар, 1997. С. 157, 191, 217; НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 970. Л. 36, 91–92.
48. Спецпоселки в Коми области. С. 33, 43, 46, 55, 56, 77, 86, 104, 110, 141, 146, 152, 157; НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 970. Л. 36, 91–92.
49. Покаяние. Т. 4. Ч. 1. С. 67. 50. Спецпоселки в Коми области. С. 35, 56, 60, 65, 78, 84, 88, 93, 96, 104, 110, 128, 141, 146, 152, 161, 165, 177, 186, 193, 194, 199, 206; НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 970. Л. 42–46.
51. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 244; Покаяние. Т. 1. С. 653.
52. Покаяние. Т. 1. С. 646.
53. НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2460. Л. 47–49; Ф. 938. Оп. 1. Д. 13. Л. 28–29; Ф. 937. Оп. 1. Д. 4. Л. 88.
54. Покаяние. Т. 1. С. 646.
55. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.): Сборник документов. Екатеринбург, 1993. С. 201, 213.
56. *Славко Т.И.* Указ. соч. С. 126; ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. С. 150–151.
57. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 30. Л. 18.
58. Раскулаченные спецпереселенцы на Урале. С. 197.
59. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 гг. С. 89–90.
60. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 22. Л. 39–45.
61. Там же. Д. 48. Л. 9–10.
62. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 32.
63. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 21–22.
64. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 56. Л. 63.
65. Там же. Д. 74. Л. 37, 38, 45; Д. 59. Л. 266.
66. Там же. Д. 74. Л. 38.
67. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. С. 102–103.
68. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 59. Л. 266.
69. Там же. Д. 74. Л. 38, 45.
70. КРГА ОПФД. Ф. 1. Оп. 3. Д. 671. Л. 90.
71. Покаяние. Т. 4. Ч. 2. С. 162.
72. НАРК. Ф. 605. Оп. 4. Д. 80. Л. 2.
73. Покаяние. Т. 4. Ч. 2. С. 161–162.
74. *Шляева Р.С.* Указ. соч. С. 65.

75. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 157. Л. 107–108.
76. НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 729. Л. 52.
77. Там же. Д. 720. Л. 95–101.
78. *Боков Х.* Эхо невозвратного прошлого // Москва. 1989. № 1. С. 161.
79. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 207. Б/л.
80. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 900. Л. 217.
81. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 252. Л. 141–142.
82. Там же. Д. 303. Л. 167–171.
83. Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 261. Л. 64–65.
84. Там же. Л. 67.
85. Там же. Д. 303. Л. 167–168.
86. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 157. Л. 108–109.
87. Там же. Л. 109–110.
88. НАРК. Ф. 144. Оп. 1. Д. 3317. Л. 11.
89. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 150.
90. НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 971. Л. 132.
91. См. параграф 1 главы 1 настоящего исследования.
92. Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 353–354.
93. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 83.
94. Там же.
95. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 120, 122.
96. АОГА. Ф. 621. Оп. 2. Д. 27. Л. 119–122.
97. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 1798. Л. 239.
98. НАРК. Ф. 968. Оп. 1. Д. 84. Л. 61.
99. Покаяние. Т. 4. Ч. 1. С. 95.
100. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. С. 241–242.
101. Из истории раскулачивания в Карелии. С. 85.
102. НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 607. Л. 5.
103. АОА ОПДФ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 386. Л. 90–91.
104. НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 807. Л. 38–44; Д. 808. Л. 99–100.
105. Там же. Д. 807. Л. 38–44.
106. ГАКО. Ф.Р-877. Оп. 2. Д. 10. Л. 513, 514.
107. Там же. Ф.Р-2943. Оп. 8. Д. 16. Л. 51.
108. Неизвестная Россия. С. 252.
109. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. С. 49, 50.
110. Там же.
111. Неизвестная Россия. С. 251–257.
112. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 5. Л. 21.
113. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. С. 137.
114. Там же. С. 137–138.
115. Там же. С. 152.
116. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. С. 312.
117. Там же. С. 29–31.
118. Там же.
119. НАРК. Ф. 136. Оп. 1. Д. 366. Л. 9–16, 95–101.
120. АОПДФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 972. Л. 39–41.
121. Там же.
122. НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 26. Л. 140–143.
123. Там же. Оп. 2. Д. 909. Л. 77.
124. Там же. Оп. 3. Д. 26. Л. 131–139.
125. НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2375. Л. 45–46.
126. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. С. 842.
127. НАРК. Ф. 938. Оп. 1. Д. 5. Л. 153–153об.
128. Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2428. Л. 111; АОПДФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 972. Л. 39–41.
129. Покаяние. Т. 4. Ч. 1. С. 100.
130. НАРК. Ф. 937. Оп. 1. Д. 4. Л. 162; НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 970. Л. 133–134; Д. 972. Л. 39–41.
131. НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 970. Л. 42–62, 133–134.
132. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 16. Л. 15.
133. Там же. Д. 9. Л. 47.
134. НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 970. Л. 133–134.
135. Там же. Д. 972. Л. 39–41.
136. НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2428. Л. 115–116; Ф. 937. Оп. 1. Д. 4. Л. 230.
137. Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2428. Л. 111–114; НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 972. Л. 39–41, 133–134; Д. 1507. Л. 207–209.

138. НАРК. Ф. 938. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.
139. Спецпоселки в Коми области. С. 251–253, 259.
140. НАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 130. Л. 36; НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 970. Л. 42–62; Д. 972. Л. 39–41.
141. НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 971. Л. 163–168.
142. НАРК. Ф. 937. Оп. 1. Д. 1. Л. 365.
143. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 206–207.
144. НАРК. Ф. 140. Оп. 5. Д. 5. Л. 17.
145. История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 4: Население ГУЛАГА: численность и условия содержания. М., 2004. С. 55.
146. *Панков С.А.* Сталинский террор в Сибири 1928–41 гг. Новосибирск, 1997. С. 79.
147. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 22–25.
148. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 217.
149. ГААО. Ф. 621. Оп. 3. Д. 198. Л. 187, 189.
150. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 22. Л. 23–24, 39–49; Д. 23. Л. 7–11; ГААО. Ф. 621. Оп. 3. Д. 200. Л. 323–328; АОА ОПДФ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 1446. Л. 44–48.
151. НАРК. Ф. 937. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.
152. НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 607. Л. 5.
153. Там же. Д. 1043. Л. 57.
154. Там же. Оп. 4. Д. 235. Л. 3.
155. НАРК. Ф. 605. Оп. 4. Д. 68. Л. 49.
156. Там же. Д. 355. Л. 22.
157. НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 789. Л. 1.
158. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 59. Л. 267.
159. НАРК. Ф. 605. Оп. 4. Д. 51. Л. 85.
160. НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 729. Л. 22.
161. Там же. Л. 52.
162. НАРК. Ф. 605. Оп. 4. Д. 28. Л. 33.
163. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 262–263.
164. НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1204. Л. 120.
165. Там же. Д. 1187. Л. 74.
166. Там же. Д. 1066. Л. 127.
167. Там же. Оп. 4. Д. 30. Л. 203.
168. Там же. Оп. 3. Д. 1037. Л. 6.
169. НАРК. Ф. 136. Оп. 1. Д. 389. Л. 52.
170. Там же. Оп. 3. Д. 1037. Л. 6.
171. Там же. Ф. 143. Оп. 1. Д. 607. Л. 5.
172. НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1066. Л. 127.
173. Там же. Оп. 2. Д. 972. Л. 37.
174. Там же. Д. 1063. Л. 9.
175. НАРК. Ф. 143. Оп. 1. Д. 59. Л. 34.
176. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 14.
177. НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 4. Д. 30. Л. 224.
178. Там же. Д. 4. Л. 108.
179. Там же. Д. 99. Л. 6.
180. Там же. Оп. 3. Д. 1188. Л. 64; Оп. 5. Д. 135. Л. 18.
181. Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 55.

§ 4. Человек в спецпоселении

В рамках обозначенной темы и с учетом общей (историко-правовой) направленности настоящего исследования далее будут прежде всего рассмотрены вопросы так называемого «правового положения» спецпоселенцев. Следует подчеркнуть, что этот (распространенный даже в новейшей научно-исследовательской литературе) оборот является нечем иным, как заимствованием из карательного новояза 1930-х гг. и не может быть признан адекватным сути рассматриваемого понятия. Поскольку, как уже отмечалось в параграфе 1 главы 1 настоящей работы, общепризнанные институты права в сталинско-советскую эпоху оказались мутированными, низведенными до уровня квазиправовых и служили лишь инструментами в руках карательно-режимных органов, в чьем ведении находились группы «спецконтингента», то корректнее говорить не о «правовом положении», а о «режимном положении», или о «нормативном статусе» тех или иных его категорий, в данном случае – спецпереселенцев (спецпоселенцев).

Можно согласиться с утверждением ряда исследователей [1] о том, что в сталинско-советской карательной политике наблюдались свои «приливы» и «отливы», находившие отражение в наличии «мягких» и «жестких» тенденций (как в нормативном регулировании, так и в обыденной практике), которыми в отношении спецпереселен-

цев руководствовались партийно-государственные и административно-хозяйственные органы всех рангов. Это влекло за собой и некоторые (порой весьма существенные) различия в реальном положении спецпереселенцев.

Так, существовало несколько отличительных особенностей нормативного статуса спецпереселенцев-«раскулаченных». В сравнении с остальными «спецконтингентами», во-первых, «бывших кулаков» активнее восстанавливали в гражданских правах. Во-вторых, когда во второй половине 1940-х гг. происходило общее усиление режима спецпоселений, для «бывших кулаков» были сделаны определенные послабления, а значительная их часть – вообще снята с учета спецпоселения. Тем не менее, возникнув в 1930–1931 гг., статус спецпереселенца (трудпоселенца – спецпоселенца), частично меняя некоторые свои второстепенные параметры, в целом просуществовал до начала 1960-х гг. и в самом общем виде базировался на незыблемом постулате: спецпереселенцы «не являются свободными гражданами СССР, а являются гражданами СССР без права выезда с мест их поселения», наблюдение за которыми возложено на соответствующие карательно-исполнительные органы (ОГПУ–НКВД–МВД–МГБ и т.д.) [2].

Этот нормативный статус, определявшийся через совокупность прав и обязанностей спецпереселенцев в сферах режима, труда и быта, подкреплявшийся различными санкциями за отклонения от установленного порядка, на протяжении всего периода существования системы спецпоселений претерпевал определенную эволюцию, а блок регламентирующих его документов все более расширялся и усложнялся.

До октября 1931 г., как отмечалось выше (см. параграф 1 настоящей главы), единого общегосударственного нормативного документа о спецпоселениях и содержащемся в них «контингенте» не существовало, и этот правовой вакуум заполнялся всякого рода суррогатами – в виде региональных бюрократических опусов («положений», «инструкций» и т.п.) о спецпоселках. Получив весной-летом 1931 г. систему спецпоселений в свое безраздельное ведение, ОГПУ предприняло решительные шаги по созданию полноценного действующего документа, который должен был регламентировать положение спецпереселенцев в комендатурах.

Результатом явилось «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев». Оно было разработано (вместе с прилагавшейся «Инструкцией о формах привлечения спецпереселенцев к охране порядка в поселках и к выполнению общественных и административных функций») Отделом по спецпереселенцам ГУЛАГа и утверждено ОГПУ 25 октября 1931 г. [3].

Документ имел временный характер, поскольку не получил утверждения обычным законодательно-процедурным порядком в соответствующих властных инстанциях (ЦИК и СНК СССР), но это не помешало применять его на практике в течение почти полутора десятилетий (1931–1944 гг.). Вялые попытки изменить основной нормативный документ, определявший жизнедеятельность спецпоселений, предпринятые по инициативе руководства НКВД в конце 1930-х – начале 1940-х гг., не увенчались успехом [4].

«Временное положение» весьма подробно регламентировало внутреннюю жизнь спецпоселков: в нем оговаривались общие положения (раздел 1), обязанности и права спецпереселенцев (разделы 2 и 3), обязанности и права спецкомендатур (разделы 4 и 5, см. параграф 1 настоящей главы), порядок привлечения спецпереселенцев к ответственности за уголовные преступления (раздел 6), осуществление прокурорского надзора (раздел 7), а также регистрация актов гражданского состояния (раздел 8). В разделе об обязанностях спецпереселенцев (7 пунктов) указывалось (пункт 1): «Все трудоспособные поселенцы обязаны заниматься общественно-полезным трудом». Выбор места и характера работы для спецпереселенцев (пункт 2) являлся «правом органов ОГПУ, управляющих спецпереселенцами». Перечень этих работ формулировался следующим образом:

- «1) работа по найму в государственных и кооперативных хозорганах;
- 2) работа в сельском хозяйстве на основах неуставных артелей;
- 3) работа в специально организуемых кустарных предприятиях на основах неуставных артелей;
- 4) работа по предложениям комендатуры по поселковому, дорожному строительству, раскорчевке и мелиорации земель и т.д.».

Перечисленные работы подлежали «оплате как работа по найму». Особо оговаривалось, что «обязанности спецпереселенцев на производстве регулируются существующими на этих производствах правилами и порядками». Освобождение от работы (пункт 3) производилось: «полное» освобождение – «комендатурой ОГПУ в необходимых случаях через врачебные комиссии»; при временной потере трудоспособности – «на общих существующих для кадровых рабочих основаниях». Пунктом 4 раздела 2 «Временного положения» спецпереселенцы и их семьи, прикрепленные к определенным поселкам и домам, лишались права «без разрешения комендатуры ОГПУ менять как место жительства, так и квартиру». Не имели они также права (пункт 5) «отлучаться за пределы поселка», в котором живут, за исключением тех случаев (и с разрешения комендатуры ОГПУ), когда это требуется по работе.

«Положение» обязывало спецпереселенцев (пункт 6) «беречь государственное и общественное имущество, которым они пользуются (дома, сельхозинвентарь и т.п.), содержать его в порядке, поддерживать и ремонтировать своим попечением». Одновременно они обязаны (пункт 7) «беспрекословно и точно соблюдать

установленные комендатурами ОГПУ в поселках порядки и точно проводить в жизнь все постановления и указания как поселковой администрации, так и местных советских органов и Советского правительства». Права спецпереселенцев перечислены в 11 пунктах 3-го раздела.

Пункт 1 предусматривал возможность «через пять лет с момента высылки» восстановления спецпереселенцев «во всех гражданских правах» – при условии точного соблюдения ими «установленных для них правил» и добросовестного отношения «к порученной им работе». Этот пункт был внесен в соответствии с принятым 3 июля 1931 г. постановлением ЦИК СССР «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков» [5] и являлся предметом особой нормативно-директивной манипуляции поведением спецпереселенцев со стороны руководства ОГПУ–НКВД на протяжении 1930-х гг., поскольку (по определению) допускал и право выезда из спецпоселения восстановленных в правах «бывших кулаков». Но по ходатайству НКВД СССР данная практика была скорректирована постановлением ЦИК СССР от 25 января 1935 г., в котором указывалось, что «восстановление в правах не является основанием для выезда» из ссылки [6]. В дальнейшем руководство НКВД предлагало закрепить норму, по которой «раскулаченные» могли бы покинуть места ссылки через пять лет после своего «восстановления в правах». Однако данное намерение осталось неподкрепленным ни законодательно, ни нормативно [7].

Все «занятые на любой работе спецпереселенцы и их семьи» (пункт 2 «Временного положения») «в вопросах оплаты их труда и снабжения продовольствием и товарами» приравнивались к «вольнонаемным рабочим» – за вычетом из заработка «15 % на расходы, связанные с административным обслуживанием». Все работающие по найму должны получать на руки «расчетные книжки, куда записываются их заработки». Спецпереселенцы и их семьи (пункт 5) имели также право и «должны пользоваться всеми общественными формами наилучшей организации труда», повышения его производительности и «улучшения качества продукции (бригадный и артельный методы работы, соревнование, ударничество и т. д.)». Спецпереселенцы и их семьи наделялись правом (пункт 3) на «медицинскую и социальную помощь», которая должна оказываться «бесплатно в местных и специально организованных лечебных учреждениях».

Работающие по найму должны были получать через органы соцстраха пособия «по временной утрате трудоспособности», «пенсии» (пособия) на рождение и погребение – на одинаковых с вольнонаемными рабочими («не членами профсоюзов») основаниях. Для беспризорных детей-сирот, а также стариков-инвалидов, не имеющих родственников, предусматривалась «социальная помощь (помещение в интернаты или патронирование)», оказываемая местными органами здравоохранения, просвещения, соцобеспечения «по принадлежности». В действительности, как признавал ГУЛАГ ОГПУ, «в ряде спецпоселков находится значительное число детей различного возраста – сирот, беспризорных, больных и т. п.», которые «включают полуголодное существование, подвержены всякого рода заболеваниям, которые в большинстве случаев приводят их к гибели» [8].

Спецпереселенцы и члены их семей (пункт 4 «Временного положения») имели право «на прием в местные школы, курсы и т. д. на одинаковых условиях с вольнонаемными». Кроме того, при «отсутствии или недостаточности» в спецпоселках «местных школ для детей» предполагалась организация «дополнительной специальной сети». Этот пункт «Временного положения» также не выполнялся, во-первых, потому, что школы имелись далеко не во всех спецпоселках, а «местные» населенные пункты, в которых школы существовали, находились на значительном удалении от спецпоселений; во-вторых, многие дети спецпереселенцев не могли посещать школу по той простой причине, что у них не было одежды, обуви, элементарных учебных принадлежностей; в-третьих, практически был закрыт доступ «кулацких» детей в учреждения профессионального образования.

В циркуляре ГУЛАГа ОГПУ от 16 ноября 1931 г. откровенно говорилось о том, что в спецпоселках 1931/32 «учебный год фактически сорван. Обеспеченность школами не превышает 10 %, местами падая до 5–6 %» [9]. Количество детей школьного возраста только в спецпоселках Урала, Восточной Сибири и Северного Кавказа в 1931 г. превышало 129 тыс., из них охвачено учебой было не более 3 % [10]. К середине 1930-х гг. такое положение в значительной степени удалось выправить, и большинство детей обучалось в школах. Органы власти придавали этому особое значение, поскольку школьное воспитание и обучение рассматривалось как важный инструмент «отрыва детей от влияния на них реакционных родителей». В сентябре 1938 г. в трудпоселках имелось 1 106 начальных, 370 неполных средних и 136 средних школ, а также 230 школ профтехобразования и 12 техникумов, насчитывалось 8 280 учителей, из которых 1 104 являлись трудпоселенцами. Всеми учебными заведениями трудпоселений были охвачены 217 454 ребенка, сетью дошкольных учреждений – 22 029 малолетних детей, с которыми занимались 2 749 воспитателей. Кроме того, 5 472 ребенка, не имевшие родителей, размещались в поселковых детских домах. В трудпоселках имелось 813 клубов, 1 202 избы-читальни и красных уголка, 440 кинопередвижек, 1 149 библиотек [11].

По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 декабря 1935 г. «О школах в трудпоселках» разрешалось детям трудпоселенцев, окончивших неполную среднюю школу, принимать на общих основаниях как

в техникумы, так и в другие специальные средние учебные заведения, а окончивших среднюю школу – допускать на общих основаниях в высшие учебные заведения [12].

Весной 1936 г. был положительно решен вопрос об освобождении из «кулацкой ссылки» лиц, поступивших в институты, техникумы и т.д. Согласно циркуляру НКВД СССР от 15 апреля 1936 г. и разъяснению ГУЛАГа НКВД СССР от 20 апреля того же года освобождению из трудпоселков подлежала трудпоселенческая молодежь, поступившая в высшие и средние специальные учебные заведения, но только после «извещения от учебного заведения о зачислении заявителя в число учащихся». Для прохождения приемных экзаменов разрешался временный выезд из трудпоселков с выдачей на руки удостоверения на срок выезда. Этот же порядок освобождения и выезда из «мест обязательного поселения» распространялся на молодежь, поступившую в 8–10 классы средних школ, при отсутствии последних в данном трудпоселке [13]. Следует отметить, что поступление на учебу в высшие и средние специальные учебные заведения на практике превратилось в наиболее распространенный легальный способ освобождения из спецссылки. Так, в 1939–1940 гг. на учебу был освобожден 18 451 трудпоселенец [14].

Во «Временном положении» 1931 г. оговаривалось также (пункт 6) право «спецпереселенцев и их семей» создавать («с предварительной санкции комендатуры ОГПУ») в спецпоселках «культурно-просветительные организации» (кружки самообразования, художественной самодеятельности, санитарные), а также и на тех же условиях (пункт 7) проводить собрания «по вопросам культурно-просветительного характера, ... соревнования и ударничества и... общественно-бытового порядка в поселках»; при этом собрания должны проводиться с участием и под руководством «представителя комендатуры ОГПУ», а все решения этих собраний подлежали утверждению комендатурой ОГПУ и только после этого могли считаться «действительными».

Спецпоселенцам и их семьям предоставлялось «неограниченное» право «получения и приобретения газет и всякой литературы, издающейся в СССР» (пункт 8), а также «обмена всякого рода корреспонденций, посылками и денежными переводами» (пункт 9). В действительности все письма спецпереселенцев перлюстрировались органами ОГПУ. Так, только за 10 дней июля 1930 г. в Северном крае «прошли контроль и прочитаны» 16 790 писем спецпереселенцев, из них 8 871 – конфисковано. Примечательно, что из общего количества перлюстрированных писем только 143 (0,9 %) «имели положительное содержание» [15].

Разрешалось спецпереселенцам (пункт 10 «Временного положения») возведение «для себя за свой счет жилых домов и служб, а также приобретение всякого имущества личного обихода, скота и инвентаря». Однако, учитывая материальное положение подавляющего большинства спецпереселенцев в то время (да и в дальнейшем), можно сказать, что это была всего лишь ни на чем не основанная декларация.

Во «Временном положении» (пункт 11 раздела 3) подтверждалось право спецпереселенцев «через комендатуры ОГПУ передавать своим родственникам и знакомым на воспитание и иждивение детей в возрасте до 14-ти лет» (вместо 10-ти лет – по директиве ОГПУ от 21 апреля 1930 г.) [16], а также «нетрудоспособных стариков-старух». Имели право спецпереселенцы (как явствует из пункта 6 раздела 3 «Временного положения») и на обращение с жалобами и заявлениями – в органы ОГПУ и Советской власти. Впрочем, здесь с самого начала и в дальнейшем имелись всякого рода «негласные» ограничения. Так, после 1930 г. практически до минимума был сведен прием жалоб на «неправильную высылку», поскольку в соответствии с директивным указанием ОГПУ такие заявления принимались «только от семей красноармейцев, участников гражданской войны, красных партизан, лиц, заявляющих о их высылке в результате кулацкого засилья» [17]. Причем заявления эти, как правило, проверялись местными органами ОГПУ, то есть теми, кто выселял и против кого эти жалобы были направлены [18].

Весной (не позднее 4 марта) 1939 г. НКВД СССР был разработан новый законопроект о спецпоселениях, учитывавший реалии истекшего периода, – «Положение о правах и обязанностях трудпоселенцев, об административных функциях и правах комендантов в районах расположения трудпоселенцев» [19]. «Положение» включало, в частности, раздел второй, в 15 пунктах которого прописывались права и обязанности трудпоселенцев. Перечень их обязанностей, среди которых сохранялись две основные – «заниматься общественно-полезным трудом» (пункт 7) и не покидать пределы поселка (пункт 2), не претерпел изменений.

Характеристики нормативного статуса трудпоселенцев в новом документе сопровождалась отсылками на различные государственные решения. Так, со ссылкой на статью 135 Конституции СССР 1936 г. устанавливались избирательные права трудпоселенцев (пункт 1), но сразу же далее (пункт 2) указывалось, что, «согласно постановлению ЦИК СССР от 25 января 1935 г., ... права выезда из места поселения трудпоселенцы не имеют». В двух пунктах (пункты 3 и 3а) подтверждались права детей трудпоселенцев на обучение в средних, специальных и высших учебных заведениях и в связи с этим (или поступлением на работу) право на выезд из мест поселения по достижении 16-летнего возраста (также со ссылками на постановления СНК СССР от 15 декабря 1935 г. № 2663 и от 22 октября 1938 г. № 1143–280с). Здесь же (пункт 4) подтверждалось право перехода детей и потерявших трудоспособность инвалидов на иждивение родственников или (пункт 6) на социальное обеспечение государства (детские дома и дома инвалидов).

Специально (пунктом 5) оговаривалось (чего не было во «Временном положении» 1931 г.) право трудпоселенцев, вступавших в брак с «нетрудпоселенцами», на снятие с учета и выезд из поселения (с оговоркой, что каждый отдельный случай рассматривается на уровне руководства УНКВД края или области). Два «разрешительных» пункта в 1939 г. подверглись корректировке. Примечаниями «а» и «б» к пункту 12 «Положения» трудпоселенцам запрещалось (очевидно, в целях противодействия «военизации» молодежи) вступать в добровольное общество ОСОАВИАХИМ, а также сдавать нормы на значки «Ворошиловский стрелок» (ВС) и «Готов к труду и обороне» (ГТО). К пункту о праве приобретения имущества, скота, инвентаря было добавлено примечание о том, что количество скота в индивидуальном пользовании для членов сельхозартелей должно регулироваться уставом артели, а для работников совхозов – постановлением СНК СССР от 30 сентября 1938 г. № 1048 о рабочих совхозов.

Проект «Положения» 1939 г. так и не получил законодательного утверждения, тем не менее он использовался аппаратом ГУЛАГа в «рабочем порядке». Но своеобразным нормативным «путеводителем», который «должен быть изучен» и, соответственно, неуклонно исполняться «всеми районными и поселковыми комендантами» трудпоселков являлся изложенный в указании ОТП ГУЛАГа НКВД СССР от 21 февраля 1941 г. «Перечень постановлений Правительства, приказов и циркуляров НКВД по трудссылке за 1931–1941 годы» [20].

В перечне – 35 документов, определяющих нормативный статус спецпереселенцев (трудпоселенцев). Из них 15 содержат (либо упоминают) ограничения прав поселенцев и/или налагают на них определенные обязанности, в том числе:

- постановление СНК СССР от 1 июля 1931 г. № 130/сс («из зарплаты трудпоселенцев на расходы по управлению и обслуживанию трудпоселенцев 5 процентов удерживаются хозорганизациями и переводятся ими на текущий счет ОИТК НКВД/УНКВД, согласно типовому договору, утвержденному приказом ГУЛАГа НКВД СССР № 29395 от 29 ноября 1940 года»);

- постановление ЦИК СССР от 25 января 1935 г. («трудпоселенцы права выезда с мест поселения не имеют»);

- постановление президиума ВЦСПС от 27 сентября 1937 г. («трудпоселенцы, не имеющие паспортов, закрепленные в определенных местах поселений без права выезда или из заработной платы которых производятся удержания, не могут состоять членами профессиональных союзов»).

- указания ОТП ГУЛАГа НКВД СССР от 19 декабря 1939 г. № 2048679 и от 3 августа 1940 г. № 35/287904 («представление на рассмотрение в ОТП ГУЛАГа НКВД СССР ходатайств трудпоселенцев о снятии их с учета и освобождении из трудпоселков в соответствии с указанием заместителя наркома внутренних дел СССР от 13 июля 1939 г. по мотивам вступления в брак с нетрудпоселенцами может иметь место, как исключение, только при необходимости выезда нетрудпоселенца и невозможности создания условий для совместного их проживания в поселке»);

- разъяснение Всесоюзного Комитета по делам физкультуры от 21 декабря 1939 г. № 01/387/37 («к сдаче норм на значок «ГТО» и «ВГТО» допускается только трудпоселенческая молодежь школьного возраста»);

- приказ НКВД СССР от 27 декабря 1939 г. № 001519 («предусматривается отселение трудпоселенцев из 5-ти километровой зоны от железной дороги»);

- указание начальника Главного управления РККА от 27 февраля 1940 г. № 22/181387 («трудпоселенцы на основании статьи 30 Закона о всеобщей воинской обязанности к призывным участкам не приписываются, на учет не берутся и в РККА и ВМФ не призываются»);

- циркуляр Центрального отдела АГС и ОТП ГУЛАГа НКВД СССР № 84 от 26 марта 1940 г. («при регистрации брака, развода, рождения и смерти свидетельства об этих актах трудпоселенцам на руки не выдаются»);

- приказ НКВД СССР от 11 июня 1940 г. № 00444 («трудпоселенцы, совершившие побег из мест поселения, привлекаются к уголовной ответственности и дела о них через НКВД/УНКВД передаются на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР»);

- указание НКВД СССР от 13 июля 1940 г. № 27/6353 («на всех без исключения трудпоселенцев распространяется Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 июня 1940 года»);

- циркуляр НКВД СССР от 05.08.1940 г. № 27/7038 («запрещается без ведома ГУЛАГа НКВД переброска на работу трудпоселенцев с одной организации в другую»);

- постановление СНК СССР № 1667 от 10 сентября 1940 г. № 1667, приказ НКВД СССР от 18 сентября 1940 г. № 407 («трудпоселенцам, снятым с учета и освобожденным из трудссылки, запрещается проживать в режимных местностях; регистрация актов о перемене имен и фамилий и об усыновлении трудпоселенцев – не производится»);

- указание ОТП УИТКиТП ГУЛАГа НКВД СССР от 28 октября 1940 г. № 35/292302 («запрещается изъятие паспортов у ранее восстановленных трудпоселенцев без санкции ОТП УИТКиТП ГУЛАГа НКВД СССР»).

В перечне документов, регламентирующих права трудпоселенцев, упоминаются 20 нормативных актов и ведомственных директив, в том числе:

- постановление СНК СССР от 1 июля 1931 г. № 130сс («трудпоселенцы, работающие в промышленности на основании договора, заключенного органами НКВД с хозорганизациями в части условий работы

и оплаты труда, приравниваются к остальным рабочим, работающим в данной промышленности»); это постановление упоминается и в числе «ограничительных» документов (см. выше);

– постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 декабря 1935 г. № 2663 «О школах в трудпоселках» («дети трудпоселенцев, окончившие среднюю школу, принимаются на общих основаниях в специальные средне-технические и высшие учебные заведения»);

– постановление секретариата ВЦСПС от 27 июля 1936 г. («на трудпоселенцев, работающих на основании договоров между хозорганами и НКВД, распространяется законодательство о труде, социальном страховании об обеспечении пособием по временной нетрудоспособности, по рождению ребенка, погребении, пенсией по инвалидности»);

– циркуляр НКВД СССР и Прокуратуры СССР от 11 сентября 1936 г. № 83 («подлежат снятию с учета лица, осужденные органами бывшим ОГПУ и судами в трудпоселки на сроки, по отбытии ими срока наказания, если они по социальному положению до осуждения из трудящихся и их семьи не выслались в трудпоселки»);

– директива Центрального отдела АГС и ГУЛАГа НКВД СССР от 3 ноября 1936 г. № 1093143 («на многосемейных трудпоселенцев распространяется действие постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. о государственной помощи многосемейным – на общих основаниях»);

– постановление СНК СССР от 9 сентября 1938 г. № 986–236 и директива НКВД СССР от 15 октября 1938 г. № 111430 («о переводе трудпоселенческих неуставных сельскохозяйственных и кустарно-промысловых артелей на устав с введением правового режима, предусмотренного уставами, и кредитованием артелей на общих основаниях с уставными артелями»);

– циркуляр Главного управления Рабоче-Крестьянской милиции (ГУРКМ) и ГУЛАГа НКВД СССР от 18 сентября 1938 г. № 182 («трудпоселенцам разрешается работать шоферами и управлять автомашинами в пределах района, в котором трудпоселенцу разрешено передвижение»);

– постановление СНК СССР от 22 октября 1938 г. № 1143–280/с, директива НКВД СССР от 8 января 1940 г. № 9 и циркуляр ГУРКМ и ГУЛАГа НКВД от 10 мая 1940 г. № 120 («дети трудпоселенцев при достижении 16-летнего возраста, если они лично ничем не опорочены, освобождаются из трудпоселка без права проживания в режимных местностях»);

– директива НКВД СССР от 8 января 1939 г. № 112 и телеграмма ОТП ГУЛАГа НКВД СССР от 28 февраля 1939 г. № 785656 («на всех трудпоселенцев, работающих в хозяйственных организациях, администрация заводит трудовые книжки на общих основаниях, не делая в них отметок «трудпоселенец»);

– циркуляр НКВД СССР от 3 июня 1939 г. № 2721 («трудпоселенцы, достигшие престарелого возраста, признанные врачебными комиссиями постоянными инвалидами, у которых нет родственников в трудпоселках, при отсутствии мест в инвалидных домах, в исключительных случаях с согласия начальника УНКВД, могут быть освобождены из трудпоселков на иждивение родственников, проживающих не в режимных местностях»);

– циркуляр НКВД СССР от 13 июля 1939 г. № 71467 («освобождение из трудпоселка в порядке исключения может быть произведено по специальному постановлению Отдела трудпоселений ГУЛАГа, утвержденному Заместителем Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР; для рассмотрения вопроса об освобождении трудпоселенца из трудпоселка ОИТК УНКВД представляет в Отдел трудпоселений УИТКиТП ГУЛАГа НКВД СССР: а) личное дело; б) справку о наличии или отсутствии компрометирующих материалов; в) полит-деловую характеристику и заключение УНКВД о возможности освобождения из трудпоселка; дети трудпоселенцев, при достижении ими 16-летнего возраста, освобождаются ОИТКиТП УНКВД на месте в соответствии с постановлением СНК СССР от 22 октября 1938 г. № 1143–280/с»);

– директива Наркомфина СССР и НКВД СССР от 4 августа 1939 г. № 048/с («трудпоселенцы, работающие в промышленности, уплачивают налоги (подходный, культналог) на общих основаниях со всеми рабочими и служащими; сельхозартели трудпоселенцев облагаются подходным денежным налогом на общих основаниях с колхозами; единоличные хозяйства трудпоселенцев облагаются налогами и подлежат самообложению на общих основаниях с единоличными крестьянскими хозяйствами; проведение всей работы по налоговым платежам, прием платежей и разбор жалоб по этим вопросам производится райфинотделами или лицами, уполномоченными на это»);

– директива ГУРКМ НКВД СССР № 188–1939 г. («трудпоселенцы, проживающие в зоне шахтных поселков, прописываются по справкам спецкомендатур трудпоселков (вместо паспорта»);

– постановление ВЦСПС от 5 января 1940 г. № 401 («профорганизации тех предприятий, где работают трудпоселенцы, обязаны производить культурное обслуживание их наравне со всеми работающими в данном предприятии»);

– циркуляр НКВД СССР от 28 января 1940 г. № 27/821 («освобождение трудпоселенцев из трудпоселка может быть произведено и на основании мотивированного постановления прокурора области, края, республики в случаях установления незаконного содержания трудпоселенца в поселке»);

– разъяснение ВЦСПС от 2 февраля 1940 г. № 153/с («перевод трудпоселенцев из одного предприятия – на основании распоряжения НКВД СССР – в другое не прерывает стажа их работы»);
– директива ГУЛАГа НКВД СССР от 4 мая 1940 г. № 704927 («результаты рассмотрения жалоб и заявлений трудпоселенцев должны объявляться им через поселковых комендантов под расписку»).

Кроме того, в перечне содержатся ссылки на постановление СНК СССР от 20 апреля 1933 г. и директиву НКВД СССР от 13 сентября 1939 г. («о контингентах, подлежащих содержанию в трудпоселках»), а также на приказ НКВД СССР от 9 января 1941 г. № 0041 («о порядке розыска и водворения бежавших трудпоселенцев»).

Таким образом, эволюция статуса спецпереселенцев на протяжении 1930 гг. проявлялась в том, что и обязанности, и продекларированные права их весьма жестко регламентировались и обрастали всевозможными директивами, циркулярами, разъяснениями ОГПУ–НКВД до размеров, перечеркивавших законодательные нормы, которые к тому же произвольно корректировались спецорганами.

Одно из самых очевидных подтверждений этого вывода – волюнтаристское отношение к законодательству о восстановлении спецпереселенцев в гражданских правах. Как отмечалось выше, еще в 1931 г. (в постановлениях о спецпереселенцах «комиссии Андреева» от 7 августа, Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 августа и СНК СССР от 16 августа) разрешалось, «учитывая необходимость отрыва молодежи от контрреволюционной части кулачества», восстанавливать в правах молодежь, достигшую 18-летнего возраста, до истечения 5-летнего срока, если она «проявила себя с положительной стороны». Постановления о «досрочном восстановлении в правах» должны были производиться ЦИКами союзных и автономных республик или краевыми и областными исполкомами по представлению ОСП ПП ОГПУ [21]. Однако менее чем через месяц эти решения были отменены: Политбюро ЦК ВКП(б) – 8 сентября, а СНК СССР – 10 сентября 1931 г. [22].

Правда, в 1932 г. все же начали производить («в индивидуальном порядке») досрочное восстановление в правах «части спецпереселенцев», причем не только молодежи. 26 апреля 1932 г. ОГПУ СССР направило в Президиум ЦИК СССР проект постановления ЦИК СССР о «восстановлении в правах части спецпереселенцев» [23]. Через год, 17 марта 1933 г., Президиум ЦИК принял постановление «О порядке восстановления в избирательных правах детей кулаков», в котором говорилось, что «дети высланных кулаков, как находящиеся в ссылке, так и вне ее и достигшие совершеннолетия, восстанавливаются в избирательных правах райисполкомами, если они занимаются общественно-полезным трудом и добросовестно работают» [24].

Поскольку в 1934–1935 гг. истекал 5-летний срок с момента выселения «раскулаченных», то 27 мая 1934 г. ЦИК СССР постановил «восстанавливать в гражданских правах по истечении пяти лет со дня выселения, а поработавших в золотой и платиновой промышленности – по истечении трех лет по представлению соответствующих ПП ОГПУ тех спецпереселенцев, которые проявили себя честной работой, лояльным отношением и поддержкой мероприятий Советской власти». Предоставлялось также краевым и областным исполкомам право «досрочно восстанавливать в гражданских правах наиболее отличившихся спецпереселенцев, в особенности из молодежи – ударников на производстве и активно участвующих в общественной работе» [25].

Согласно этому постановлению, уже к ноябрю 1934 г. по 16-ти регионам спецпоселений были восстановлены в правах 8 505 семей (31 364 чел.), из которых в трудпоселках остались 2 488 семей (7 857 чел.), то есть всего лишь около четверти [26]. Это и понятно: восстановленные в правах спецпереселенцы спешили покинуть «глухие» края с их суровым климатом и бытовой неустроенностью. Однако такое положение не могло не встревожить руководство ГУЛАГа.

С его «подачи» руководство НКВД СССР направило 17 января 1935 г. записку в ЦК ВКП(б), в которой утверждалось, что постановление ЦИК СССР от 27 мая 1934 г. о восстановлении трудпоселенцев в гражданских правах «безусловно предполагало оседание восстановленных в местах поселения». Но поскольку в данном постановлении не было специального пункта об этом, то «отмечаются массовые выезды трудпоселенцев с мест поселения», что «срывает мероприятия по освоению необжитых мест». Вместе с тем, по мнению НКВД, «возвращение восстановленных в те края, откуда они были выселены, – политически нежелательно». Поэтому, как считало руководство НКВД, «целесообразно издание ЦИКом СССР дополнения к постановлению от 27 мая 1934 г., в котором должно быть указано, что восстановление в правах трудпоселенцев не дает им права выезда из мест вселения» [27]. Уже через неделю, 25 января 1935 г., такое постановление было принято – как дополнение постановлений ЦИК СССР от 3 июля 1931 г. и от 27 мая 1934 г. «О порядке восстановления в правах высланных кулаков». В постановлении говорилось, что «восстановление в правах высланных кулаков не дает права выезда из мест поселений» [28].

Последующим постановлением ЦИК СССР (от 17 апреля 1935 г.) действие постановления от 25 января 1935 г. распространялось также «на всех еще находящихся в спецпоселениях кулаков, хотя бы и восстановленных в гражданских правах» до 25 января 1935 г. [29]. Опираясь на эти законодательные акты, руководство НКВД СССР не преминуло еще более ужесточить практику проведения их в жизнь. В циркуляре НКВД СССР от 15 марта 1935 г. [30] республиканским, краевым и областным органам внутренних дел предписывалось руководствоваться следующим:

«а) восстановленные трудпоселенцы пользуются всеми гражданскими правами (в том числе и правом выборов в Советы), за исключением прав выезда;

б) постановление ЦИК (от 25 января 1935 г. – *Авт.*) распространить на всех трудпоселенцев, в том числе и на ранее восстановленных в правах, если они находятся в районах вселения;

в) местом поселения считать территорию, куда были выселены трудпоселенцы и где они проживали до восстановления в правах;

г) постановление ЦИК не распространяется: на лиц, неправильно высланных в трудпоселки; на молодежь, призываемую в Красную Армию; на нетрудоспособных, передаваемых родственникам на содержание; на трудпоселенков, вышедших замуж за вольных граждан в случае переезда мужа в другую местность;

д) в отдельных случаях лучшим ударникам можно разрешать временный выезд на учебу и лечение из районов поселения с разрешения УНКВД в пределах того края, где они поселены;

е) восстановленные в правах трудпоселенцы пользуются правом передвижения только в пределах своего района поселения и правом выбора работы по своему усмотрению;

ж) трудпоселенцев, восстановленных в правах, райкомендатуры ОТП УНКВД должны снять с общего учета трудпоселенцев и завести на них отдельный учет;

з) борьба с самовольным оставлением района поселения восстановленными трудпоселенцами и их розыск возлагается на районные комендатуры ОТП УНКВД, милицию и органы УГБ; самовольно оставившие район поселения восстановленные трудпоселенцы привлекаются к судебной ответственности по статье 82 УК РСФСР» [31].

Местным органам НКВД предписывалось в специальных докладах и оперативных сводках, представляемых в Секретно-политический отдел (СПО) ГУГБ, регулярно освещать «политсостояние восстановленных в правах трудпоселенцев и данные о побегах и задержаниях» [32]. Перечисленное свидетельствует о том, что, во-первых, нормативный статус восстановленных в правах трудпоселенцев после издания постановлений ЦИК СССР от 27 мая 1934 г., 25 января и 17 апреля 1935 г. несомненно не улучшился, наоборот – стал более ограниченным и жестким.

Во-вторых, нарушались общепризнанные принципы цивилизованного права, согласно которым законы, ухудшающие правовое положение человека, ограничивающие права граждан, обратной силы не имеют; в данном же случае такого рода ограничительный закон распространялся и на ранее восстановленных в права трудпоселенцев.

В-третьих, отождествление нарушений восстановленными в правах трудпоселенцами пункта об ограничении их передвижения – с побегами осужденных из-под стражи (с места ссылки) или уклонением от исправительно-трудовых работ (с санкцией от трех лет лишения свободы), то есть с преступлениями, предусмотренными статьей 82 УК РСФСР, еще раз продемонстрировало пренебрежение спецслужб к действовавшим в то время конституционным установлениям, нормам уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Существовало еще одно обстоятельство, ограничивавшее гражданские права «восстановленных» трудпоселенцев. Речь идет о циркуляре ГУРКМ НКВД СССР от 3 февраля 1935 г. («О порядке выдачи паспортов высланным кулакам, восстановленным в правах»), которым предписывалось местным органам милиции «выдачу паспортов производить исключительно по месту расположения трудпоселения». При этом в графе 10 паспорта («на основании каких документов выдан паспорт») обязательно указывалось, что выдан он на основании списка «такой-то комендатуры трудпоселения, такого-то района, номер и дата списка». Люди, имевшие такое «клеймо» в паспорте, не могли «прописаться» (оформить регистрацию) нигде, кроме мест поселения. В случае «обнаружения таких лиц в других местностях», их надлежало «задерживать как бежавших и направлять этапом к месту поселения» [33].

Обращает на себя внимание и стремление руководства ГУЛАГа НКВД СССР распространить действие постановления ЦИК СССР от 25 января 1935 г. не только на «бывших кулаков», но и на другие контингенты ссылных, а именно: на осужденных «к ссылке с указанием срока», на «контрреволюционный элемент», на «городской деклассированный элемент», на «лиц, высланных в связи с паспортизацией», а также на «осужденных на срок от 3 до 5 лет с заменой отбывания срока заключения в трудпоселках». Имеются документальные свидетельства о том, что в начале 1935 г. был разослан циркуляр НКВД СССР, которым предписывалось ко всем перечисленным «спецконтингентам» применять «закон от 25 января 1935 года» и «после окончания срока их из трудпоселков не освобождать» [34]. К моменту принятия постановления от 25 января 1935 г. в трудпоселках проживали 21 408 спецпереселенцев, восстановленных в правах (из 40 498). Остальные 19 000 находились вне трудпоселков, тем не менее их принудительно вселяли обратно, причем у 15 000 изъяли уже выданные ранее паспорта [35].

Еще более ужесточили нормативный статус и ухудшили социальное положение трудпоселенцев Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на се-

мидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и воследовавшие за ним многочисленные подзаконные акты [36]. Так, в рапорте начальника ГУЛАГа НКВД СССР В.Г. Наседкина заместителю наркома внутренних дел СССР С.Н. Круглову (26 марта 1941 г.) предлагалось освобождать из трудпоселков «только детей с 16-летнего возраста на учебу в средние специальные и высшие учебные заведения и передаваемых на иждивение родственникам трудпоселенцев-инвалидов по постановлению УНКВД мест расселения трудпоселенцев», а все «остальные освобождения трудпоселенцев производить только по решению Особого совещания при НКВД СССР по представлению ОТСП ГУЛАГа НКВД СССР». Изложенные в рапорте предложения были одобрены руководством НКВД СССР [37].

На практике это означало, что ранее принятые постановления высших законодательных и центральных исполнительных органов просто не принимались в расчет, в том числе: об освобождении «неправильно высланных»; о трудпоселенцах, служивших в Красной Армии и участвовавших в боях в районе озера Хасан (1938 г.), на реке Халхин-Гол (1939 г.) и с «белофиннами» (1939–1940 гг.); о трудпоселенцах, «вступивших в брак с вольными гражданами, когда последние (муж или жена) вынуждены выехать из трудпоселка»; о возвращении «на родину по постановлению край(обл)исполкомов членов семей трудпоселенцев, главы которых умерли»; об освобождении «из трудпоселков лиц, осужденных судами и бывшими тройками ОГПУ–НКВД на сроки и направленных в трудпоселки, после отбытия ими сроков наказания» [38].

Сплошь и рядом не выполнялось постановление СНК СССР от 22 октября 1938 г. № 1143–280с «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных» [39]. Согласно этому постановлению, дети трудпоселенцев (по достижении ими 16-летнего возраста), независимо от того, выезжают они на учебу либо на работу или остаются в трудпоселке, подлежали снятию с учета трудпоселения с прекращением удержания 5-процентных отчислений, им должны были выдаваться паспорта (или соответствующие справки спецкомендатур, если поселок находился вне «паспортизованной местности»). Между тем в 1940 г. молодежи, подлежащей освобождению по постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 г., насчитывалось в трудпоселках 165 050 чел., а освобождены были в 1939–1940 гг. – только 50 569, то есть менее трети [40].

Как массовые и обыденные явления предстают в документах 1930-х гг. грубые нарушения и даже уголовные преступления, допускавшиеся руководителями хозяйственных органов в отношении организации, охраны и оплаты труда, жилищного обеспечения и продовольственно-вещевого снабжения спецпереселенцев. Уже отмечалось, что из их заработка удерживались сначала 25, затем 15 и далее 5 % – на содержание аппарата спецкомендатур. Эти поборы были отменены лишь с 1 сентября 1944 г. (на основании постановления СНК СССР от 24 августа 1944 г. «Об отмене процентных отчислений с заработков спецпереселенцев, установленных постановлением Совнаркома СССР от 1 июля 1931 г. № 130сс» [41]. Мотивировалось такое «либеральное» решение в отношении «бывших кулаков» тем, что при переселении «репрессированных народов» расходы «по административному управлению» по «нацпереселенцам» были «отнесены за счет государства» и таким образом возник некоторый «дисбаланс» в нормативном статусе различных «контингентов спецссылки» [42].

Медицинская и социальная помощь спецпереселенцам оказывалась не в полном объеме, поскольку они, будучи фактически «лишенцами», не состояли в профсоюзах и, следовательно, не имели соответствующих льгот. Ужасными оставались условия труда спецпереселенцев, особенно в лесной и горнорудной промышленности. Многочисленные комиссии, обследовавшие спецпоселки, отмечали массовые нарушения трудового законодательства (10–12-часовой рабочий день, завышенные нормы выработки), факты грубого отношения администрации к спецпереселенцам, задержки выдачи заработной платы, неправильного оформления расчетных книжек и т. п.

Так, УНКВД по Кировской области 19 мая 1941 г. докладывало в обком ВКП(б) об отсутствии охраны труда и техники безопасности при подземных работах трудпоселенцев в шахтах Гниловских рудников (Омутнинский район): «В некоторых шахтах трудпоселенцы работают в загазованных штреках, по штрекам шахты № 8 крепления рушатся, может произойти обвал с человеческими жертвами. Шурф для спуска рабочих в штольне шахты № 7 заливает водой, по спусковой лестнице рабочих обливает водой, люди спускаются в шахты без света. На эстакадах шахты № 8 и 9 предохранительных ограждений не устроено» [43].

Детей спецпереселенцев, как и детей «лишенцев», до 1936 г. не принимали в техникумы и вузы страны, а после 1936 г. препятствием к их обучению стал запрет на проживание в так называемых «режимных» городах, в которых как раз и находилось большинство средних и высших учебных заведений. Дети в возрасте до 14 лет и инвалиды могли передаваться на иждивение к родственникам, но это было сопряжено с различными процедурными сложностями, в частности из-за тех же ограничений на проживание в ряде местностей. В спецпоселках строились школы, детские сады, и к середине 1930-х гг. в большей своей части «кулацкие» дети в возрасте от 8 до 12 лет посещали учебные заведения, однако в более старшем возрасте (13–16 лет) в школах обучалось не более трети детей спецпереселенцев [44]. В детских садах и яслях регулярно отмечались «примитивность», отсутствие «кроватей, белья, верхней одежды»; в учреждениях медицинского и социального обслуживания

(больницы, медпункты, детские дома, дома инвалидов) – недостаток (или даже полное отсутствие) квалифицированного персонала, медикаментов, инвентаря, скудное продовольственное снабжение [45].

Массивным «частоколом» условий обставлялось право спецпереселенцев на изменение их статуса при вступлении в брак с вольными гражданами. В циркулярном письме ГУЛАГа НКВД СССР, изданном в августе 1931 г. для разъяснения по данному вопросу, говорилось, что подобные изменения производятся «каждый раз путем индивидуального подхода к каждому отдельному случаю (в зависимости от поведения спецпереселенца или спецпереселенки, их отношения к труду, выполнению норм и т.п.)» [46].

В 1930-х гг. трудпоселенцы не призывались на военную службу, не состояли на учете в военкоматах. И хотя коменданты спецпоселков вели списочный учет «раскулаченных» в возрасте от 18 до 45 лет, но согласно постановлению СНК СССР от 4 апреля 1932 г. они не подлежали призыву даже в части так называемого «тылового ополчения», использовавшиеся на «работах оборонно-стратегического значения» [47]. Предпринимались жесткие меры к тому, чтобы спецпереселенцы не могли самостоятельно овладеть военными знаниями и навыками: от запрета на владение охотничьим оружием (разъяснение ГУГБ и ГУЛАГа НКВД от 8 мая 1937 г.), недопущения создания первичных организаций ОСОАВИАХИМа и МОПРа (циркуляр ГУЛАГа от 13 октября 1931 г. № 389/ГУЛ и письмо ГУЛАГа от 15 мая 1932 г.), введения ограничений для сдачи норм на значки «Ворошиловский стрелок» («ВС») и «ГТО» – до запрещения организации пионерских отрядов из детей спецпереселенцев (циркуляр ГУЛАГа от 4 декабря 1932 г.) [48].

Правда, приказом ГУЛАГа от 20 апреля 1936 г. организация пионерских отрядов в спецпоселках была вновь разрешена, а 21 июля 1939 г. вышло разъяснение Всесоюзного комитета по делам физкультуры, согласно которому трудпоселенческая молодежь (только школьного возраста) допускалась к сдаче норм на значки «ГТО» и «БГТО». Однако к сдаче норм на значок «ВС» по-прежнему не допускались даже школьники [49]. На местах дело заходило еще дальше. Так, в школе спецпоселка № 7 Нагорского района Вятского округа в 1932 г. по указанию участкового коменданта ученикам запретили кататься на лыжах, мотивируя это тем, что «ребята, научившись кататься, убегут с поселка». В той же школе были запрещены пионерские песни – под тем предлогом, что «дети кулаков не должны обучаться пионерским песням» [50].

Не обошло трудпоселенцев и общее ужесточение репрессивной политики в стране в период так называемого «большого террора» (1937–1938 гг.). В 1935–1936 гг. различными (судебными и «внесудебными») карательными органами были подвергнуты уголовному наказанию 6 530 трудпоселенцев, в 1937–1938 гг. – 41 215 (увеличение более чем в 6,3 раза), а в 1939–1940 гг. – 5 467 (снижение почти в 1,2 раза). Если взять за 100 % общее число репрессированных в уголовном порядке в 1935–1940 гг. трудпоселенцев, то на 1935–1936 гг. приходится 12,3 %, на 1937–1938 гг. – 77,4 и на 1939–1940 гг. – 10,3 %. Всплеск репрессивной политики в 1937–1938 гг. коснулся (хотя и в разной степени) всех регионов спецпоселения. Так, например, на Северном Кавказе в 1937–1938 гг. по сравнению с 1935–1936 гг. число уголовно-репрессированных трудпоселенцев увеличилось в 1,5 раза, а в Свердловской и Пермской областях, то есть в регионах наибольшей концентрации спецпоселений, – в 18 раз [51].

Известно, что в системе гражданского общества реализация любых прав предполагает наличие механизма предотвращения или исправления допущенных дискриминаций или ущемления в этих правах. В сталинско-советской системе этот принцип оставался не более чем декларацией. Что касается системы спецпоселений, то теоретически спецпереселенцы, как уже отмечалось, имели право на обжалование решений администрации комендатур. Еще «Временным положением» 1931 г. (пункт 6 раздела 4) коменданты обязывались «принимать устные и письменные заявления, жалобы и просьбы от спецпереселенцев, на месте разбирать и разрешать их в пределах своей компетенции в кратчайшие сроки. Вопросы же, выходящие за пределы компетенции комендатур, подлежат немедленной передаче в соответствующие инстанции» [52].

Но в реальности жалобы спецпереселенцев на действия сотрудников спецорганов рассматривались, как правило, их же представителями, только рангом выше, что и предопределяло в большинстве случаев исход разбирательства. Множество заявлений (по поводу «неправильной высылки», об ущемлениях права на учебу и о других неправомерных решениях представителей власти на местах), даже если они доходили до адресатов (первых лиц партии и государства, ОГПУ–НКВД и Прокуратуры СССР и т.п.), то затем возвращались из «центра» для «исполнения» функционерам спецслужб. При этом прокурорский надзор над органами ОГПУ–НКВД был в 1930-х гг. очевидно неэффективен.

Существенным является и то обстоятельство, что в ходе «нормативного регулирования» статуса различных групп и категорий спецпереселенцев внешне однородная их масса оказалась весьма сложно структурированной по неформальным критериям. И регулятором этой дифференциации в интересах власти выступали именно реализуемые на практике процедуры установления объемов прав, обязанностей и ограничений в отношении тех или иных групп спецпереселенцев.

Так, по социально-демографическим основаниям общая «спецпереселенческая» масса делилась на «танделы-противопоставления»: «трудоспособные» – «иждивенцы»; «дети и подростки» – «взрослые и старики»; «главы семей» – «члены семей» (с выделением в особую группу молодежи); «восстановленные в правах» –

«неправовые граждане»; «имеющие право выезда» – «не имеющие права выезда» и т.д. На пересечении этих параметров в спецпоселках формировались два полюса: молодежь (как квазипривилегированная группа) и «неправовые» лица (главы семей, уделом которых становилась бессрочная ссылка). Между ними находилась пестрая в социально-демографическом отношении масса спецпереселенцев (так называемые «ударники труда», иждивенцы, многодетные матери, женщины, вышедшие замуж за «вольных», но проживавшие в силу ряда причин в спецпоселках, и т.д.).

Подобная «иерархия» поддерживалась и культивировалась спецорганами, поскольку позволяла им манипулировать групповым и индивидуальным поведением спецпереселенцев. В этих целях использовались все средства: от вербовки в «агентурно-осведомительную сеть» до различных форм «материального и морального поощрения». Так, в донесении председателя Нагорского райисполкома (Вятский округ) о состоянии района в начале 1932 г. сообщалось о том, что расположенная на окраине этого района группа «интернированных» (свыше 4 000 чел.) раскололась на два противоположных лагеря: первый – молодежь, активно поддерживающая мероприятия советской власти, и второй, «враждебный», «антисоветский» – «старика и люди пожилого возраста», не примирившиеся со своим положением.

Приводились и некоторые конкретные примеры «правильного воспитания подрастающего поколения». В спецпоселке № 3 лучшей ударнице в 1-й группе ученице Семеркиной отец сделал замечание: «Перестань ты болтать о своем Ленине. Вот из-за Ленина-то мы здесь и живем, а то ели бы белые пироги». И получил ответ: «Ну что ты, папа! Советская власть нас выслала сюда за то, что вы эксплуатировали раньше чужой труд, и сюда вас привезли для того, чтобы перевоспитать»... А в детском саду спецпоселка № 1 руководительница так ответила на вопрос детей о причине выселения: «Вашим родителям плохо жилось на родине, и они подали заявление советской власти о переводе в более лучшее место, а советская власть просьбу удовлетворила и прислала сюда на поселок» [53]. Премировали «передовиков производства», «ударников труда», «активистов», «участников самодеятельности» и ... «стукачей». Например, в спецпоселке № 7 (Ожмегово) Кайского района Вятского округа в 1931–1932 гг. один из спецпереселенцев неоднократно получал премии за то, что в течение двух лет «поймал около 30 беглецов» [54].

В общем и целом, применявшийся в 1930-х гг. в отношении спецпереселенцев механизм реализации законодательных и подзаконных актов, по сути, лишал основную массу репрессированных даже тех немногочисленных прав, которые были официально продекларированы. Нормативные документы (директивы, инструкции, циркуляры) ОГПУ–НКВД, изданные для «разъяснения», были направлены в основном на ограничение возможностей спецпереселенцев воспользоваться теми или иными правами. Поэтому есть все основания для характеристики «режимного статуса» спецпереселенцев как дискриминационного, квазиправового. Нормативные акты дезавуировали акты законодательные, делали их практически нереализуемыми.

В связи с принятием в 1936 г. новой Конституции СССР окончательно утратило легитимность «Временное положение» о спецпоселениях 1931 г. Новое «Положение» так и не получило утверждения на законодательном уровне. И в этот «правовой вакуум» в 1940-х гг. были ввергнуты сотни тысяч новых спецпереселенцев, представлявших в основном «репрессированные народы». Те немногочисленные льготы, которыми пользовались «бывшие кулаки», на вновь депортированных не распространялись. Более того, в первые же дни войны права на освобождение из спецпоселения, предусмотренного постановлением СНК СССР от 22 октября 1938 г., были лишены «бывшие кулаки» из числа «титовых национальностей» враждебных СССР стран (немцы, финны, венгры и т.д.), а также прибалты, молдаване и др. В 1944 г. это коснулось спецпереселенцев контингента «бывшие кулаки» – калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар.

Образовавшийся правовой вакуум заполнялся различными директивными актами (ГКО, СНК, НКВД–НКГБ, других министерств и ведомств), которые не только не улучшали положение, но еще более нагнетали ситуацию. Наиболее убедительное подтверждение тому – положение в «трудоармии», где, казалось бы, регламентация была наиболее комплексной, подробной и разносторонней [55]. Однако именно здесь отмечались наиболее тяжелые условия труда и быта, неоправданно жестокий режим, беспредельный произвол администрации и чудовищно высокий уровень смертности «спецконтингентов» [56].

Примечательно, что в этом «беспределе», как в некоем «зазеркалье», имели место самые фантазмагорические явления, вроде применения таких архаических (времен рабовладения и феодализма) норм, как «круговая порука» и «патриархальное право». Так, в августе–сентябре 1941 г. при выселении немцев было установлено: если муж – немец, а жена – русская (украинка, белоруска и т.п.), то выселяются оба супруга; если же, наоборот, муж – русский (украинец, белорус и др.), а жена – немка, то оба супруга не подвергаются выселению [57].

Аналогичная практика соблюдалась и при выселении других народов: «свободная» женщина, вышедшая замуж за спецпереселенца, автоматически становилась (в соответствии с древней рабовладельческой нормой – «за раба идущая работою становится») спецпоселенкой. В то же время «свободный» мужчина, женившийся на спецпереселенке, не только не становился спецпоселенцем, но иногда даже удовлетворялись его настоячивые просьбы снять жену со спецучета [58].

Лишь 8 января 1945 г. постановление СНК СССР № 35 «О правовом положении спецпоселенцев» наконец-то зафиксировало уже отлаженный в течение 15 лет репрессивный механизм депортационной практики [59]. Впервые за многие годы это постановление – и то лишь в самой общей форме, без детализации – на уровне высшего органа государственной исполнительной власти юридически «закрепило» реалии спецпоселений. По сути в условиях своего времени этот лаконичный (всего из пяти пунктов) документ имел силу закона, определявшего нормативный статус более 2 000 000 чел.

За спецпоселенцами сохранялись (пункт 1) «все права граждан СССР», в том числе избирательные, но они были еще более номинальными, чем у остального населения СССР: ведь «участие в выборах» осуществлялось в условиях личной несвободы, под надзором репрессивных органов, в атмосфере неприкрытого давления и страха. Характерно также, что пункт 2 постановления № 35 посвящен самому важному (с точки зрения властей) вопросу: все трудоспособные поселенцы обязаны работать – «в сельском хозяйстве, в промышленных предприятиях, на стройках...». Обращает на себя внимание очередность объектов «трудоиспользования»: она отражает реальное распределение этой категории подневольной «рабсилы».

Две властные инстанции (часть вторая пункта 2 постановления) организуют и курируют трудоустройство спецпоселенцев: местные Советы – «по согласованию с органами НКВД» (впоследствии – МВД–МГБ). Иными словами, реальным владельцем «рабочих спецконтингентов» являются спецорганы, которые и дают (или не дают) «добро» на то или иное использование труда своих «подопечных». При этом, разумеется, на спецпоселенцев в полной мере распространялись все действовавшие в то время драконовские законоположения о «нарушениях трудовой дисциплины», что оговаривается в том же 35-м постановлении особо и недвусмысленно (часть третья пункта 2). На практике это означало, что зыбкое, юридически неясное, полурабское положение человека на спецпоселении легко, в одночасье могло смениться вполне определенным и абсолютно бесправным рабским состоянием заключенного в ГУЛАГе.

Так оно и происходило в действительности: только за период с 1 января 1946 г. по 1 апреля 1947 г. отделами спецпоселений были арестованы 7 907 спецпереселенцев, из них по обвинениям: в «антисоветской агитации» – 1 612, «измене Родине» – 1 104, «участии в антисоветских заговорах, организациях и группах» – 285, «бандитизме» – 45, «саботаже» – 45, «шпионаже» – 21, «терроре и террористических намерениях» – 12, «вредительстве» – 7, «пособничестве бандитам и их укрывательстве» – 6, «диверсионной деятельности» – 4, воинских преступлениях – 17, должностных преступлениях – 20, прочих (уголовных, бытовых и др.) преступлениях – 4 729 [60]. Постановлением Совета Министров СССР от 3 июня 1948 г. № 1841–730с была предусмотрена уголовная ответственность спецпоселенцев «за уклонение от общественно полезного труда в местах поселений», и только в 1949 г. Особое совещание при МВД СССР подвергло наказаниям по этому основанию 303 спецпоселенцев, определив по 8 лет ИТЛ каждому [61].

Таким образом, для спецпоселенцев оставлялось в реальности лишь одно «право»: на подневольный труд – там, куда пошлют, и в том качестве, в каком прикажут. Местные же хозяйственники по-прежнему относились к спецпоселенцам как к дешевой и безотказной «рабочей силе». Их использовали, как правило, на примитивных и тяжелых физических работах: шахты, рудники, лесоповал, сельское хозяйство. Квалифицированные специалисты (инженеры, техники, не говоря уже о «гуманитариях») не могли найти достойного применения своим знаниям и практическим навыкам.

В ряде случаев для обитателей спецссылки, являвшихся учеными, конструкторами, технологами и т.п., были созданы определенные условия для ведения научной, изобретательской и рационализаторской работы. Например, ссыльнопоселенец доктор физико-математических наук Ю.Б. Румер (1901 г. рождения, уроженец города Москвы, еврей, в 1941 г. направленный в ссылку на поселение после отбытия 8-летнего заключения в исправительно-трудовом лагере) занимался научной работой в области теоретической физики и публиковал свои труды в бюллетенях Академии наук СССР [62]. Но такого рода факты были редчайшими исключениями, лишь подтверждавшими незыблемое общее правило: труд спецпоселенцев применялся неразумно и неэффективно. Их просто эксплуатировали на износ, начисляли меньшую, чем вольнонаемным местным жителям, заработную плату, постоянно задерживали ее, причем руководители предприятий нередко еще и обчитывали приписанную им подневольную «рабсилу».

Государственный произвол выражался и в применении ряда изощренных приемов изъятия «в добровольном порядке» у «спецконтингента» заработанных им средств. К ним можно отнести так называемые «государственные займы», «взносы на оборону» и т.п. Так, в докладной записке от 13 мая 1946 г. «О размещении Государственного займа Восстановления и развития народного хозяйства СССР по Ныроблагу МВД» (Молотовская область) отмечалось, что на заем подписались 2 243 вольнонаемных работника, в том числе «значительная прослойка спецпереселенцев, трудпоселенцев и бывших судимых», общая сумма подписки составила 13 000 025 руб., или 148,2 % к месячному фонду заработной платы. Только из «трудообеспеченных немцев» на заем подписались 4 610 из 4 617 чел. «списочного состава», сумма подписки составила 1 140 925 руб., или 122 % к фонду зарплаты [63]. Политотдел Вятского ИТЛ докладывал в 1944 г. Кировскому обкому ВКП(б),

что в июле 1943 г. «трудоармейцы» Вятлага «решили помочь детям, пострадавшим от фашистской оккупации, осиротевшим детям партизан и воинов Красной Армии» и «за сутки собрали для этой цели 18 000 рублей». В марте 1944 г. «по инициативе трудоармейцев комсомольско-молодежной бригады № 40 (бригадир Юнг) коллектив Вятлага собрал на строительство боевых самолетов «Лаврентий Берия» более 500 000 рублей, за что получили благодарность от И.В. Сталина» [64].

Ощутимый удар по и так отнюдь не безбедному материальному положению значительной части спецпоселенцев нанесла денежная реформа, проведенная в декабре 1947 г. В ходе этой реформы те, кто имел на счете в сберкассе не более 3000 руб., получали эту же сумму в новых купюрах. Все остальные, имевшие сбережения свыше 3000 руб. или имевшие в наличии любую сумму, могли обменять их на новые банкноты из расчета один новый рубль за десять старых. Но лишённые возможности класть деньги в сберкассу (за отсутствием таковых в спецпоселках) поселенцы свои трудовые рубли (если они имелись) держали «на руках» («в кубышке»). Логика подсказывала, что следует «оснастить» их сберегательными книжками либо какими-то другими адекватными финансовыми документами. Но и здесь скромные права спецпоселенцев оказались ущемленными. Администрация спецпоселений, оставаясь на позициях черствого формализма, не вникнув в существо вопроса, не предприняла никаких шагов перед правительственными и финансовыми органами о законной защите прав спецпоселенцев, и можно лишь предполагать, какие огромные суммы, исчисляемые миллионами рублей, потеряли на девальвации советского рубля многие десятки тысяч подневольных работяг ГУЛАГа, в том числе – и в системе спецпоселений [65]. Так государство, поставившее людей на грань выживания, не стеснялось отбирать последние гроши у полуголодных и полурядетых бесправных подданных.

Следующая по значимости для властей задача в деятельности спецпоселений – обеспечение изоляции «учетных контингентов». Для спецпоселенцев это означало прежде всего ограничение свободы передвижения – самое, пожалуй, тягостное ограничение в их жизни. Территория спецкомендатуры – единственное отведенное для них «пространство обитания». Ситуация вполне сопоставима с местами заключения: и здесь и там маршрут передвижения ограничивался одним направлением – «жилая зона (спецпоселок) – производственная зона (рабочий объект)». Правда, на поселении отсутствовали внутренняя охрана и конвоирование, но тем не менее контроль за соблюдением правил установленного режимного распорядка и здесь был тотальным и тщательным, гласным и негласным.

Во всем: в повседневной жизни, в работе, в быту – спецпоселенцы подчинены жесткому регламенту, предписанному для них спецорганами. «Царь и бог» здесь – комендант. Главы поселенческих семей или «лица их заменяющие» обязаны были (пункт 4 постановления № 35–1945 г.) «в 3-дневный срок» отчитываться перед спецкомендатурой за действия всех своих домочадцев, докладывать о любом событии личной жизни (о рождении и смертях, приезде и отъезде родственников и т.п.). То есть комендант, помимо всего прочего, осуществлял еще и функцию семейного контроля, в чем ему более или менее усердно помогали «активисты» («старшие» по «десятидворкам», общежитиям и баракам), а также надзиратели. Семья поселенца смята, сжата прессом полицейской власти в некую плоскую бесформенную субстанцию, нередко расколота, лишена самостоятельного жизненного наполнения и полнокровного существования. Комендант (в определенной мере) выполнял также роль органов ЗАГСа (фиксируя рождения и смерти, давая разрешение на оформление брака) и становился на поселении фигурой прямо-таки сакральной. Он для своих поднадзорных – судья и палач в одном лице, закон и произвол – в одной ипостаси.

Уродливость отношений, выстраиваемых в прихотливой зависимости от личных качеств одного человека, была вопиющей. В определенном смысле, даже заключенному в лагере жилось в этом плане относительно легче: в спецпоселении от «беспредела» со стороны его «хозяина» защиты не существовало. Например, наказание, которое имел право применять к поселенцам непосредственно комендант, вроде бы и невелико – до пяти суток ареста и до 100 руб. штрафа (часть вторая пункта 5 постановления № 35–1945 года). Но тот же самый комендант мог (и обязан был) передавать «дела» (в случае серьезных, с его личной точки зрения, нарушений режима или общественного порядка) в районный отдел милиции. А там действовали по шаблону: за самое безобидное правонарушение могли привлечь спецпоселенца к уголовной ответственности по «верхнему пределу», не говоря уже об «антисоветских высказываниях и действиях» – здесь с широким замахом и на полную катушку применялась беспощадная и всеохватывающая 58-я статья Уголовного кодекса (УК) РСФСР и аналогичные статьи УК других союзных республик.

Существенным дополнением к нормативному статусу депортированных являлась общепринятая в советском обществе в 1930–1940 гг. социальная маркировка спецпереселенцев как «врагов»: «бывших кулаков», «изменников родины», «фашистов», «бандитов» и т.п. Конечно, отношение к высланным бывало разным, в том числе и среди администрации спецпоселений. Кто-то понимал, сочувствовал и даже помогал в каких-то сложных житейских ситуациях [66]. Но преобладающая часть местного населения и администрации относилась к спецпоселенцам как к «классовым врагам». Тоталитарная система формировала настоящую подсистему страха: никто не хотел оказаться заподозренным в лояльном отношении к «врагам народа», а в такой атмос-

фере всеобщей недоброжелательности тот же самый страх побуждал доносить о малейших подозрениях в отношении этих «врагов».

Руководители предприятий, использовавших труд спецпоселенцев, часто не стеснялись публично демонстрировать свою неприязнь к ним. Например, заместитель директора Мутихинского леспромхоза треста «Молотовбумлес» (Молотовская, ныне Пермская область) на собрании рабочих 2 декабря 1948 г. в ответ на просьбы «выселенцев» улучшить бытовые условия и снабжение заявил: «Пусть подохнут 10–15 человек, мы от этого не пострадаем» [67]. Понятно, что такого типа руководители вряд ли считали целесообразным прилагать усилия для обустройства спецпереселенцев.

Таким образом, официальное лишение спецпереселенцев свободы передвижения вызывало (как неизбежное следствие) ряд полуофициальных и неофициальных ограничений прав этой категории «спецконтингента». Некоторые различия нормативного статуса разных категорий спецпоселенцев являлись не столь существенными по сравнению с чертами, их сближающими. Зависимость спецпоселенцев от государства и его представителей на местах подчеркивалась негласной маркировкой «отчужденности» их («кулаков», «фашистов», «сектантов» и т.п.) от «трудового народа», что превращало этих людей в объект дискриминации и издевательств со стороны части населения и местных чиновников.

Очень тяжелым (особенно в первое время после депортации) было моральное состояние спецпоселенцев. В последующие годы беспросветная жизнь, отсутствие надежд на будущее усугублялись так называемым «Указом о вечной ссылке» (1948 г.). Как правило, поляки, прибалты, «западные» украинцы, уроженцы Кавказа и Крыма держались достаточно замкнуто и отчужденно от местного населения, устанавливая с ним лишь необходимые или вынужденные контакты. Можно согласиться с исследователем этой темы В. Брулем: поляки, немцы, литовцы, латыши, эстонцы считали местное население «малообразованным, малокультурным» и не желали вступать с ним в контакт [68]. Вместе с тем в большей мере это справедливо для Сибири и Русского Севера, для сельской местности, где сами условия жизни консервировали этническую разобщенность, обостряли чувства ностальгии, отчужденности, изоляции от родной культуры и т.п. На Урале же, в других промышленных регионах и в лагерях ГУЛАГа национальные различия стирались быстрее и взаимодействие этносов (на личностном уровне) было более тесным.

Друг с другом разные этнические группы общались тоже не очень активно, замыкаясь в своем национальном кругу. Но элементы солидарности и взаимоподдержки в среде депортированных, конечно, были. Хотя не обходилось и без спонтанных националистических проявлений. Так, многие прибалты и поляки считали именно русских виновниками своей высылки. Острые конфликтные ситуации нередко возникали между поляками и украинцами. Имели место и антисемитские высказывания и настроения [69]. В межличностном общении высланные «по национальным мотивам» пользовались в основном родным для них языком – в быту, в семьях, на работе. Но в силу жизненных условий и производственной необходимости они вынужденно усваивали (одни – лучше, другие – хуже) и русский язык. На «особом положении» в этой ситуации оказались российские немцы. Они могли общаться на родном языке только между собой и только в быту. И это вполне объяснимо: ведь немецкий язык (в понимании чиновников да и в массовом сознании советских людей) на многие годы – во время войны и после нее – являлся и оставался «языком фашистов». Такое мощное политическое и моральное давление приводило к вытеснению родной речи из обихода российских немцев. Результат печален: при переписи населения СССР в 1959 г. лишь 75 % (в РСФСР – 69 %) из них назвали немецкий в качестве своего родного языка (в 1939 г. таковых насчитывалось 88,4 %, в 1979 г. – 57,0%, причем в бывших регионах спецссылки этот показатель не достигал и половины) [70].

Налиествовала и еще одна (уже из области психологии) сфера воздействия на спецпоселенцев – постоянные бытовая неустроенность, скученность, «переброски» (в другой поселок или в другую комендатуру) – дабы не заводились земляческие или дружеские связи, не возникало чувство привязанности, сопричастности к новому дому, к новой земле. Отчужденность от всего: от работы (преимущественно – тяжелой и ненавистной), от жилища (временного и неудобного), от окружающих людей (каждый из которых мог оказаться агентом или «стукачом», поэтому доверять никому не стоило) – создавала ощущение постоянного психологического дискомфорта, формировала повышенный уровень тревожности, разрушала человека изнутри.

Закономерно, что и показатели смертности спецпоселенцев были аномально высокими, особенно в первые пять лет после высылки. В это время учетные сведения о летальности среди них значительно превосходили статистические данные о рождаемости. Лишь в начале 1950-х гг. усредненные показатели рождаемости у «ссылных народов» начали превышать уровень смертности, и, таким образом, прекратились процессы их депопуляции. В Сибири, например, в 1940–1941 гг. смертность польских «осадников» составила 7,7 % от общего их числа, а среди ссыльнопоселенцев из Прибалтики в 1945–1950 годах зарегистрировано умерших в 5 раз больше, чем родившихся [71]. Главные причины массовой гибели депортированных – дистрофия, заболевания органов дыхания (воспаление легких) и туберкулез. То есть многие поселенцы умирали в непривычно суровом для них

климате (холодные жилища), от непосильного труда (тяжкая и длительная работа на морозе), из-за простуды (отсутствие теплой одежды), голодной смертью (хронический недостаток питания).

Конечно, в постановление СНК СССР № 35–1945 г. не вошло очень многое из того, что широко применялось спецорганами в отношении спецпоселенцев, стало неотъемлемой частью системы «чекистской работы» в «спецрезервах». Это «рамочное» постановление правительства детализировалось затем целым рядом ведомственных директивных актов НКВД–МВД–МГБ, в частности – инструкцией «О порядке наложения административных взысканий», объявленной приказом НКВД СССР от 14 сентября 1945 г. № 376 [72]. Наиболее значим первый пункт этой инструкции, разъясняющий комендантам процедуру наложения взысканий на спецпоселенцев. Здесь перечисляются проступки, за которые следует привлекать спецпоселенцев к административной ответственности, а именно:

- нарушение режима;
- нарушение общественного порядка;
- неявка для обязательной ежемесячной регистрации в комендатуру;
- несообщение об изменениях в семье (в трехдневный срок) и прочее.

Подчеркнуто, что более 100 руб. штрафа и пяти суток ареста коменданты накладывать не вправе. Предписано, что наказание можно применять в срок не более месяца со времени совершения проступка. При этом комендант должен взять у нарушителя письменное объяснение и вручить ему (нарушителю) постановление о наказании. Штраф должен быть оплачен поселенцем в срок до 10 дней после наложения взыскания.

По вступившей в силу в июне 1949 г. «Инструкции для спецкомендатур МВД по работе среди выселенцев-спецпереселенцев», находившиеся на спецпоселении немцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, калмыки, крымские татары, греки, болгары и армяне, турки, курды и хемшилы, а также выселенные в 1949 г. из Прибалтики (эстонцы, латыши и литовцы) получали статус «выселенцев» [73]. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. эти «выселенцы» переводились на спецпоселение «навечно без права возврата их к прежним местам жительства». За самовольный выезд (побег) из «места обязательного поселения» им определялась мера наказания в 20 лет каторжных работ [74]. Другие категории высланных («оуновцы», «власовцы» и прочие) обозначались по терминологии тех лет как «спецпоселенцы». Установление о вечной ссылке на них не распространялось, и в случае побега они привлекались к уголовной ответственности по части второй статьи 82 Уголовного кодекса РСФСР [75].

С выселенцев были взяты расписки следующего содержания:

«Расписка.

Мне, выселенцу ... проживающему в ... объявлен Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 ноября 1948 г. о том, что я выселен на спецпоселение навечно без права возврата к месту прежнего жительства и за самовольный выезд (побег) с места обязательного поселения буду осужден на 20 лет каторжных работ» [76]. Далее следовали подписи «выселенца» и сотрудника органов МВД, «отобравшего» расписку. А коменданты спецкомендатур МВД получили разъяснение, что «выселенцы» (мужчины и женщины), вступившие в брак с «невывселенцами», с учета спецпоселений не снимаются [77].

Таким образом, и среди депортированных в 1940-е гг. существовала своеобразная иерархия, но в данном случае, в отличие от ситуации 1930-х гг., она складывалась не спонтанно, а явилась продуктом своеобразного «социального планирования» со стороны властей и спецслужб. Статусная дифференциация наблюдалась даже внутри отдельных региональных или национальных общностей, например, прибалтов. Высланные в июне 1941 г. жители Литвы, Латвии и Эстонии первоначально были отнесены (в большинстве своем) к категории «ссылнопоселенцев», то есть – «выселенных на 20 лет с поражением в гражданских правах». В 1952 г. их перевели на положение «спецпоселенцев» (с сохранением статуса граждан СССР, с правом участия в выборах), хотя в реальности это не внесло в их жизнь никаких существенных изменений. Другие категории депортированных прибалтов официально квалифицировались в учетных документах НКВД–МВД–МГБ как «выселенные»: «из Литвы – в 1945–1948 годах»; «из Прибалтики – в 1949 году»; «кулаки из Литвы – в 1951 году».

Все эти категории высланных подразделялись на три группы – по срокам действия репрессии:

- 1) выселенные на определенный срок (депортация 1941 г.);
- 2) выселенные без указания срока (депортации 1945–1948 гг.);
- 3) выселенные навечно (депортации 1949–1952 гг.).

Основное различие здесь заключалось в том, что поселенцы первой и второй категорий получали за побег 5 лет исправительно-трудовых лагерей, а третьей категории – 20 лет каторжных работ. И такого рода «нюансы» имелись во многих других случаях. Например, среди общей категории «немцы» особо выделялись: «поволжские немцы» («выселенные»), «местные немцы», «мобилизованные», «репатриированные» [78].

От клейма «спецпоселенец» не спасали ни ученые степени, ни почетные звания, ни самые высокие награды. Так, права жить на своей родине в Крыму был лишен дважды Герой Советского Союза крымский татарин Ахмет-Хан Султан [79]. На спецпоселении находились два человека, которые в период пребывания

на спецучете стали лауреатами Сталинской премии: доцент Казанской государственной консерватории немец А.С. Леман (1915 г. рождения, уроженец города Вольска Саратовской области, состоял на учете спецпоселения в МГБ Татарской АССР) и главный художник Челябинского драматического театра немец Д.Д. Лидер (1917 г. рождения, уроженец села Викторфельд Миллеровского района Ростовской области). Обоим в марте 1952 г. была присуждена Сталинская премия 3-й степени: первому – за музыкальное произведение, второму – за оформление спектакля «Любовь Яровая» [80].

Доцент Томского электромеханического института инженеров транспорта доктор технических наук В.А. Шваб (1908 г. рождения, уроженец Саратова, немец, член ВКП(б), имел к 1952 г. 28 печатных трудов), вынужден был регулярно отмечаться как спецпоселенец (подконингент «выселенные» немецкого контингента). Этой же уничижительной процедуре вынужден был подвергаться доцент Свердловского горного института кандидат технических наук И.И. Вибе (1902 г. рождения, уроженец села Либенау Больше-Токмакского района Запорожской области, немец, член ВКП(б) с 1925 г., в журнале «Дизелестроение» вышло несколько его научных статей) [81].

В Вятском ИТЛ (Кировская область) прошли через «трудоармию» и находились на спецпоселении при лагере: А.А. Кисснер (1913 г. рождения, уроженец Саратовской области, кандидат технических наук, заведующий кафедрой Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта), Э.И. Кальмбах (1919 г. рождения, уроженец города Ростова-на-Дону, врач-хирург, кандидат медицинских наук), Д.И. Гольман, 1899 г. рождения, уроженец города Камышина, литератор, член Союза писателей СССР с 1940 года), А.А. Келлер (1911 г. рождения, уроженец села Дмитриевка Аткарского района Саратовской области, тренер футбольной команды кировского «Динамо», впоследствии – заслуженный тренер СССР) [82]. «Трудоармейскую» и «спецпоселенческую» судьбу разделили с ними многие другие ученые, литераторы, музыканты, специалисты самых разных отраслей – из среды депортированных народов.

В марте 1949 г. в спецпоселениях было проведено обследование уровня грамотности и образования «учетных контингентов». Выяснилось, что уровень этот значительно ниже, чем в среднем по стране (впрочем, за основу брались результаты переписи населения СССР 1939 г., а они, как известно, были существенно «подкорректированы» и «подлакированы» – по указанию политического руководства) [83]. Тем не менее, согласно данным обследования в 1949 г., среди взрослых спецпоселенцев значилось лишь 0,6 % людей с высшим образованием, 4,3 % имели среднее, 71,0 % – низшее образование, а 24,1 % – неграмотны. Причем последних среди поселенцев-кавказцев больше половины, а среди немцев, например, – только 11,1 %. Значительно выше среднего уровня показатели образованности у прибалтов [84].

Можно предположить, что в дальнейшем эта статистика не улучшилась. Основания для такого вывода дает множество фактов. Система образования в спецпоселениях находилась в 1940-х гг. по-прежнему в тяжелом состоянии. Значительное число детей все еще не имело возможностей посещать школу. Например, в феврале 1946 г. в Киргизии в семьях спецпоселенцев насчитывалось 21 174 ребенка школьного возраста, но из них не учились 16 149, то есть 76,3 % – более трех четвертей [85]. В декабре 1952 г. в Молотовской (Пермской) области учились 10 862 ребенка из семей спецпоселенцев, еще 516 детей (4,5 %), подлежащих обучению, не учились «по причинам материальных условий и болезни». При этом 7 802 ребенка (71,8 %) учились в начальной школе, 2 932 (27,0) – в средней и только 128 (1,2) – в высшей. Окончить вузы смогли: в 1950/1951 учебном году – только семь детей спецпоселенцев, в 1951/1952-м – 15 [86].

В целом картина удручающая. Но лишь с точки зрения, так сказать, сугубо статистической. А для спецорганов (и особенно для администрации местных спецкомендатур) в этом было определенное «рациональное зерно»: малограмотными людьми проще управлять, от них меньше запросов, претензий, а самое главное – письменных жалоб и обращений в различные «инстанции».

По социальному происхождению и положению подавляющее большинство спецпоселенцев – крестьяне, сельские жители: хлеборобы и огородники, виноградари и скотоводы во многих поколениях. Ясно поэтому, что заставлять калмыков работать в слюдяных рудниках, крымских татар – валить лес, турок-месхетинцев – добывать уголь и т.д. – это абсурдная, бессмысленная трата сил этих и многих других народов [87].

В марте 1949 г. среди 1 489 549 взрослых спецпоселенцев (без детей до 16 лет) было учтено: рабочих – 722 361, колхозников – 432 711, «единоличников» – 851, служащих – 62 240, учащихся – 16 799, неработающих – 19 493, домохозяек – 78 329, престарелых и иждивенцев – 63 441, инвалидов – 41 053, пенсионеров – 3 092, прочих – 49 179. Следует подчеркнуть, что в числе «рабочих» значительная доля приходится на работников совхозов, занятых, по сути, крестьянским, сельским трудом. К тому же среди поселенцев находилось немало стариков, не способных уже ни к какому труду, а также инвалидов, которых можно было использовать лишь на «легких» работах. Разумеется, среди разных национальных и социальных категорий депортированных соотношение по показателям «трудопригодности» и «трудоиспользования» было весьма не равнозначным [88].

Несомненный интерес представляют также данные о половозрастном составе спецпоселенцев. В нижеследующей таблице представлено соотношение мужчин, женщин и детей среди различных категорий «спецпоселения», в том числе – среди депортированных народов.

Численность и состав спецпоселенцев (по состоянию на 15 июля 1949 г.) [89]

Контингенты	Всего	В том числе		
		Мужчины	Женщины	Дети
Немцы	1 093 490	286 311	435 413	371 766
С Северного Кавказа	463 633	114 139	148 916	200 578
Из Крыма	192 953	55 594	75 346	62 013
Калмыки	77 663	22 380	29 577	25 706
Из Грузии в 1944 г.	81 575	19 421	25 107	37 047
Из Прибалтики в 1949 г.	91 204	24 022	40 877	26 305
Из Молдавии в 1949 г.	34 763	9 233	13 702	11 828
С Черноморского побережья	57 246	18 319	18 892	20 035
Всего выселенцев-спецпоселенцев («выселенные навечно»)	2 092 527	549 419	787 830	755 278
«Оуновцы»	95 552	22 569	48 583	24 400
«Власовцы»	131 394	131 130	264	–
Из Литвы в 1945–1948 гг.	46 456	13 453	19 698	13 305
По Указу ПВС СССР от 2 июня 1948 г.	22 498	11 744	10 754	–
«Фольксдойчи»	3 232	515	1 879	818
Немецкие пособники	2 277	524	1 162	591
«Истинно православные Христиане»	1 028	168	618	242
Бывшие кулаки	124 585	34 317	41 694	48 574
Поляки	32 488	8 580	12 473	11 435
Всего спецпоселенцев («выселенные на сроки»)	459 510	223 000	137 145	99 365
ИТОГО:	2 552 037	772 419	924 975	854 643

В приведенной табл. 8 отчетливо просматриваются группы народов, «высланных навечно», и категории поселенцев, депортированных на определенные сроки. Очевидно также, что в подавляющем большинстве категорий и по всем «контингентам» в целом преобладающую часть (36,2 %) составляют женщины. Чуть меньше (33,5 %) находится на поселениях детей, а менее всего (30,3 %) – мужчин. При этом полностью отсутствуют дети среди «власовцев» и высланных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. (так называемых «тунеядцев»). Средняя семья поселенцев состояла из трех человек: муж с женой и ребенок. Но – в силу специфики положения различных «наказанных» народов и социальных категорий выселенных – такие семьи были характерны отнюдь не для всех «спецрезерваций». Немало пребывало в них и людей одиноких, вдов, сирот, а также многодетных и «многолюдных» семей – численностью более 3 чел. [90].

Главной труженицей в спецпоселениях во время войны и после нее повсеместно стала женщина, низведенная до уровня «дешевой рабочей силы». Природное предназначение женщины – продолжение рода, создание семьи – под натиском машины государства и под прессом его репрессивных органов отошло на дальний план. Нечеловеческие условия труда и быта приводили к утрате женственности, тяжелым физиологическим расстройствам, раннему бесплодию, а нередко – и к гибели. «Женская» тема, в том числе проблемы патогенного влияния каторжных условий лагерей и спецпоселений на женский организм, почти совершенно не разработаны в научном «гулаговедении», хотя в мемуарной литературе уже накоплено немало свидетельств на этот счет.

Так, в воспоминаниях Е.А. Керсновской, высланной в июне 1941 г. из Бессарабии и прошедшей все адювы круги спецпоселений и ГУЛАГа, зафиксировано, в частности: «...У меня не было бюстгальтера на смену, и вначале меня это беспокоило: как быть, когда он порвется? Но вот пришло время, и я, выбросив порвавшийся бюстгальтер, с удивлением заметила..., что эта деталь туалета мне не нужна. Должна заметить как курьезный факт самозащиты организма, что у меня прекратилась менструация. В последний раз она была в тот день, когда нас выслали – 13 июня (1941 г. – *Авт.*): через месяц – лишь сильно болела голова и только. Продолжалась эта пауза ... 4 года...» [91].

Дегradирует нравственность, обесцениваются и разрушаются традиционные семейные устои. Значительно увеличивается число разводов, вторых и третьих браков. Этому способствовало, в частности, и рез-

кое уменьшение численности мужчин – следствие выморочных предшествующих лет. Все эти процессы происходили и на «воле», но в условиях личной несвободы они приобретали еще более уродливый и пагубный характер.

И если говорить о «человеческой цене» сталинско-советской системы спецпоселений, то одна из основных составляющих здесь – демографические потери, обусловленные патологической деформацией семьи. Наиболее яркий показатель этого – изменение средних размеров семей в спецпоселениях. Так, в 1930–1931 гг. данный показатель для высланной крестьянской семьи составлял 4,7 чел. К началу 1940 г. он уменьшился до 3,8 чел. [92]. Средняя численность немецких семей, составлявшая в момент выселения, в 1941 г., в АССР немцев Поволжья 4,6 человека, по данным на конец 1948 г. уменьшилась до 3,5 чел. При этом доля мужского немецкого населения составила лишь 38,8 процента, а доля лиц старше 16 лет среди немцев СССР – 65,3 % [93]. Уменьшение семьи в размерах на одного человека и более всего за 5–6 лет – это свидетельство и следствие масштабной демографической катастрофы в проекции на «контингенты» спецсылки.

В силу сложившейся в спецпоселениях ситуации женщины зачастую вынуждены были заменять мужчин и выполнять ролевую функцию главы семьи. Присутствие женщины (жены-матери, заменившей мужа-отца) в данной роли также свидетельствовало об экстремальности ситуации на спецпоселении, являлось признаком того, что вся семья находилась в условиях борьбы за существование (пищетахсиса). Это, в свою очередь, означало, что трудовой потенциал всего спецпоселенческого социума не возрастал, а деградировал, что ставило его в пограничную ситуацию, а тип поведения (в том числе экономического) спецпоселенческой семьи являл собой «поведение выживания».

Практически все взрослые спецпоселенцы считали свое пребывание в неволе незаконным, несправедливым, ошибочным. Наиболее эмоциональными (по внешним проявлениям своего недовольства и протеста) были украинцы. «Западники» (эстонцы, латыши, литовцы) считали свою жизнь до 1940 г. идеальной, мечтали к ней вернуться и твердо верили в возрождение независимости своих стран. Именно среди «западников» (включая поляков) спецорганы и предпочитали «вскрывать» разного рода национально-культурные «землячества», «братства», «клубы» как «подпольные контрреволюционные организации», фабрикуя и раздувая «политические» дела [94].

По мнению исследования М.И. Игнатовой [95], анализ архивных документов позволяет говорить о следующих формах (проявлениях) протеста спецпереселенцев:

- а) деятельность организаций, определяемых как «антисоветские» или «контрреволюционные»;
- б) стихийные собрания протеста;
- в) жалобы и письма в различные инстанции, в том числе письма в адрес зарубежных гуманитарных организаций;
- г) побег с мест поселений;
- д) отказ от работы;
- е) высказывания спецпереселенцев, направленные как против мероприятий органов власти на местах, так и против советского режима в целом.

Что касается пункта «а» приведенного перечня, то навряд ли корректным было бы полагать, будто спецпереселенцы сознательно создавали организации для проведения именно «антисоветской» деятельности. Скорее всего, дела о «контрреволюционных организациях» были сфабрикованы спецслужбами для того, чтобы «примерно наказать» отдельных «вольнодумных» и «непокорных» спецпоселенцев в назидание другим. Вместе с тем, даже предполагая, что многие из этих «дел» были сфабрикованы, нельзя категорически отрицать возможность существования неких более или менее организованных групп спецпереселенцев, которые предпринимали (или намеревались предпринять) какие-то действия для выражения недовольства своим положением, протеста против решений или действий властей и т. п.

Примечательно, что с начального периода спецсылки (1930–1931 гг.) постепенно шла на убыль и позднее, если не пресеклась полностью, то во всяком случае была предельно минимизирована готовность наиболее непримиримой части спецпереселенцев к вооруженной борьбе за изменение своего положения, тогда как в начале 1930-х гг. в местах спецпоселений имели место попытки организации партизанских отрядов и даже «повстанческого войска».

Самое крупное восстание за всю историю существования спецпоселенческой системы произошло в конце июля 1931 г. в зоне Парбигской комендатуры в Нарымском крае. В нем участвовали до 1 500 спецпереселенцев. Восстание было жестоко подавлено силами ОГПУ, милиции и вооруженного «партийно-комсомольского актива». Потери восставших только убитыми составили 105 чел. Организаторы восстания были осуждены, а часть активных участников (несколько сотен человек, включая членов семей) отправлена на поселение в зону отдаленной штрафной Александрово-Ваховской комендатуры [96].

К концу 1930-х – началу 1940-х гг. ситуация резко изменилась. Показателен следующий факт. В конце 1930-х гг. десятки трудпоселков были дислоцированы в непосредственной близости от государственной гра-

ницы СССР. По данным на 1 января 1938 г., расположенными в пограничной зоне (на расстоянии менее 100 км от границы) считались 129 трудпоселков с 55 969 трудпоселенцами, из них: в Мурманской области – соответственно 8 и 16 513; в Ленинградской области – 2 и 3 494; в Таджикской ССР – 17 и 9 434; в Казахской ССР – 12 и 5 241; в Дальневосточном крае – 43 и 12 988; в Украинской ССР – 44 и 7 106; в Красноярском крае – 3 и 750. Причем в понятие «граница» входило и побережье морей. Так, все указанные выше трудпоселки, находившиеся в Украинской ССР (территория нынешней Херсонской области), были отнесены к «пограничным» на том основании, что они располагались на расстоянии менее 100 км от Черного моря [97].

Некоторые трудпоселенцы убегали за границу. Но это были лишь единичные случаи. Что же касается основной спецпоселенческой массы, проживавшей в непосредственной близости от границы, то чекисты и пограничники никогда не усматривали в ее поведении каких-либо признаков, которые можно было бы истолковать как намерение уйти в сопредельные страны (Финляндию, Афганистан, Китай).

И такое поведение трудпоселенцев невозможно объяснить только боязнью задержания при попытке перехода границы и последующего сурового наказания. Оно проистекало также из традиционно крестьянского, патерналистского психологического стереотипа, согласно которому другие страны рассматривались как чужой, «басурманский» мир. «Свое» же государство, которое хотя их и ограбило, и выселило из родных селений, но по-прежнему считалось «родным», отчизной – в широком плане.

Трудпереселенцы ощущали себя составной частью той этносоциальной общности, которая называлась тогда советским народом, хотя судьба и забросила их на обочину этой общности. Но только на обочину, а не вне ее. И несмотря на серьезные претензии к «родному» государству, эти люди не могли преодолеть в себе психологический барьер, перейти в «басурманский» мир, в чуждую этносоциальную среду. К тому же они понимали, что за кордоном земли им не дадут, что их там скорее всего ожидает участь безземельных чужаков и изгоев, а они были и оставались в большинстве своем крестьянами, нацеленными на ведение своего хозяйства, на сельский труд, на веками отлаженный образ жизни [98].

Вместе с тем, из имеющихся в отчетах органов МВД–МГБ «сводок настроений» спецпоселенцев можно увидеть, что отношение основной их массы к советской системе в целом, к своей жизни в «спецрезервациях», к репрессиям отличалось неприкрытой критичностью, а нередко – откровенной враждебностью. В такого рода отчетах имелись разделы: «Оуновцы», «Эстонцы», «Немцы» и т. д.

Наиболее «терпимыми» и смиренными (скорее всего – в силу преобладавших среди них конфессиональных традиций) были немцы, хотя в большинстве своем они также критично относились к реалиям жизни. Внешне достаточно «толерантными» (опять-таки прежде всего вследствие национальных особенностей, воспитания и вероисповедания) выглядели калмыки и «высланные из Крыма». Наряду с этим, у многих узников спецпоселений нередким было ощущение полной безысходности, сломленности, краха собственной судьбы. У представителей южных народов (из Кавказа, Крыма, Украины) в условиях Севера, при постоянной нехватке тепла и солнечного света, при скудном питании и неполноценном отдыхе зачастую развивались депрессии.

Разговоры, отслеживаемые чекистами и их агентурой среди спецпоселенцев, на самом деле были вполне обычными для советской страны в те годы. В них немало здравого смысла, но явственно присутствует и озлобленность за свои злосчастья. А корень зла многие видели лично в И.В. Сталине. Так, немка-спецпоселенка Доротей Ш. 26 октября 1952 г. говорила своему мужу: «Вот при Ленине жизнь была другая, он стоял за рабочих. А этот (нецензурное слово. – *Авт.*) грузин стоит только за евреев. Хоть бы его быстрее сменили. Ведь раньше при царе держали на престоле только до 60 лет, а ему уже 73 г. Вот ум у него и детский. Они живут, а рабочий класс голодает!»

Представления спецпоселенцев о современной им жизни в Советском Союзе и о прошлых событиях были вполне адекватными реальности. Иван Ю. (русский, «бывший кулак») 10 октября 1952 г. остро критиковал колхозы: «В колхозах живут плохо, – говорил он, – сидят голодные. Сколько ни поживут, а все равно колхозы распустят. Ведь только пишут, что всего полно, а на самом деле ничего нет. Раньше без колхозов жили в 5 раз лучше». При невысоком общеобразовательном уровне основной массы спецпоселенцев (большинство имело за плечами не более начальной сельской школы) многие видели источник своих мучений в том конкретном предприятии, на котором они работали. Немка Эмма К. говорила 18 июля 1952 г.: «Держат нас здесь хуже заключенных. Хоть бы начался большой пожар, как был в 1938 г. (в Вятлаге. – *Авт.*). Сгорел бы весь лес и вместе с лесом этот проклятый завод (Кайский целлюлозный. – *Авт.*), из-за которого нас здесь держат». Некоторые немцы не видели будущего для своего народа при проводимой по отношению к нему целенаправленной политике притеснений. 30 сентября 1952 г. Карл М. рассуждал: «Давят нас, мучают. Видно, совсем хотят всех немцев под корень уничтожить».

Очень часто среди спецпоселенцев встречаются высказывания такого типа: «Надоел этот спецпоселок хуже тюрьмы. Лучше не жить, чем так жить» (октябрь 1951 г.). «Оуновцы», судя по всему, сохраняли какие-то свои каналы связи с родиной (Западной Украиной). Некоторые из них одобрительно относились к той партизанской войне, что вели их земляки против советской власти: «Хлопцы в лесу хороший схрон сделали. Оружия

у них много. Они еще себя покажут» (ноябрь 1951 г.). Другие питали надежды на США и Англию: «У Англии в армии есть особые части из украинцев. Вот будет война – все равно они победят. Тогда мы домой поедem» (1951 г.). Женщины-украинки, потерявшие мужей, были часто более бесстрашными и откровенными в своих речах: «А что мне не говорить? У меня мужа убили. Меня с маленькими детьми сюда выслали. Вот война будет – вернусь, со всеми рассчитаюсь» (1951 г.).

Открыто против советской пропаганды – политзанятий, собраний и т. п. – никто не выступал. Но возвращаясь с такого рода мероприятий, люди могли дать волю своим искренним чувствам. Например, эстонка С., вернувшись с собрания, посвященного борьбе за мир, не скрывала своего негодования: «Везде одна болтовня. В Советском Союзе кто больше всех наврет в уг. властям, тот самый лучший человек. Собираем подписи за мир, а сами живем хуже всех» (1951 г.).

Эстонцы хорошо помнили свою довоенную жизнь на родине и мечтали о восстановлении ее независимости. Эстонец Л.: «Большевики разрушили Эстонию. Советский Союз – тюрьма. Говорят о дружбе народов, а вон сколько народов выслали». Некоторые делились извлеченной «между строк» информацией. Эстонка Х.: «В Эстонии теперь плохо. Одних арестовывают, других выселяют, все чего-то боятся. За хлебом большие очереди». Озлобленность, обида на столь неудачно сложившуюся жизнь была характерна для поселенцев всех национальностей. Крымский болгарин Р.: «Нигде правды нет. Немцы нас гоняли-гоняли. Сейчас уже 7 лет (советские. – *Авт.*) гоняют хуже собак» [99].

В 1934 г. был издан специальный циркуляр ГУЛАГа НКВД СССР об «ускорении разбора жалоб и заявлений спецпереселенцев». Жалобы в большом количестве поступали в соответствующие отделы труд(спец) поселений. Но рассмотрение этих жалоб производилось крайне медленно [100].

Что же касается «связей спецпереселенцев с заграницей», то в архивах Республики Коми, например, обнаружены следующие архивные данные: В начале 1930-х гг. в поселке Ветью Усть-Вымского района спецпереселенцы Гинненберг и Симон, а также К.И. Арнольд через католического священника Шваба отправили в Германию два коллективных письма (их подписали 42 человека) с просьбой оказать помощь голодающим. В итоге за 1933–1934 гг. жители поселка Ветью получили от 30 до 40 посылок, каждая по 20 кг. В Прилузском районе восемь спецпереселенцев из двух поселков были связаны с организациями Германии, Латвии, Финляндии, Эстонии, Швеции, Швейцарии и США и получали от них деньги и посылки, в частности «спецпереселенец Антони получил 95 марок, 10 долларов, 280 франков».

В письмах, отправленных за границу, содержались «провокационные сведения о существовании голода, принудительного труда и издевательствах над спецпереселенцами» в СССР [101]. В спецпоселке Ындын Усть-Куломского района 10 спецпереселенцев во главе с И.И. Фолинвейдером посылали письма в заграничные «антисоветские» организации, типа «Помощь голодающим СССР», религиозным организациям, а также отдельным священникам. По данным органов НКВД, к 1935 г. все немцы в данном поселке имели «связь с заграничными организациями», и все они «получали деньги из заграницы», а «за зданную инвалюту в июне 1934 г. 42 семьи получили 3.600 килограммов муки» [102].

В январе-марте 1935 г. органами НКВД области Коми был раскрыт ряд «кулацких группировок», в основном состоящих из «спецпереселенцев немецкой национальности», посылавших письма за границу. В спецпоселке Вок-Вад Сысольского района высланные «кулаки-немцы Цих, Вальц и Пфлаубер» через знакомых баптистов за границей связались с организациями «Братья в нужде» и «Гитлеровская армия». В течение двух лет спецпереселенцы вели переписку и «получали материальную помощь, в основном продуктами питания». При обыске «было изъято 70 адресов организаций Германии, Польши, Швейцарии, Эстонии, Латвии и Америки» [103].

Комментируя эти данные, следует прежде всего отметить, что скорее всего упомянутые в них «дела» (так же, как и «дела о контрреволюционных организациях»), с большой степенью вероятности являются фальсифицированным продуктом спецорганов. Спецпереселенцы действительно могли посылать письма в адрес заграничных гуманитарных организаций, но абсолютно нереально, чтобы в адрес спецпереселенцев бесконтрольно поступали (да еще «в большом количестве») посылки, а тем более – валютные переводы. Надзирающие органы достаточно четко следили за корреспонденцией, которая поступала в спецпоселки и уходила из них. Вполне возможно, например, что иностранная валюта, обнаруженная у спецпереселенцев, сохранилась еще со времени их заселения. Поэтому к форме пассивного протеста в данном случае относятся именно письма спецпереселенцев, направленные в адрес международных организаций за границей, которые содержали сведения, противоречащие официальной позиции властей, а не создание «антисоветских организаций», целью которых была бы связь с соответствующими зарубежными политическими структурами.

Мощная и слепая в своей жестокости система морального подавления, априорное, огульное отношение к спецпоселенцам как к существам второго сорта – все это разрушало в людях индивидуальность, лишало независимости, топтало человеческое достоинство и сказывалось на их жизни в долгие последующие десятилетия. Можно согласиться с исследователем В. Брулем: «Люди, пережившие депортации, спецпереселения и принудительную работу, в большинстве своем стали физическими и душевными инвалидами. Они оконча-

тельно потеряли веру в добро и справедливость, законность и право. Если до депортации народы проживали компактно, то после переселения они оказались разбросанными на огромных сибирских просторах. Существование в чужом цивилизационном, этническом и конфессиональном окружении оказало серьезное негативное влияние на образ жизни депортированных, их образовательный и культурный уровень, привело к утрате родного языка значительной частью депортированных, поставило под сомнение сам факт сохранения отдельных этносов» [104].

К этому остается добавить, что к концу 1940 гг. в системе спецпоселений в результате реализации сталинско-советским режимом широкого диапазона мер – от репрессивных до патерналистских – на смену экстремальной пришла нормативная повседневность. Претерпели очевидные изменения и поведенческие ориентиры основной массы спецпоселенцев. «Оседание» в местах вынужденного расселения становилось для них безнадежно привычным. В свою очередь, это была реакция на общую ситуацию вне системы спецпоселений, где «повседневный сталинизм» (Ш. Фитцпатрик) [105] стал повсеместным и мало чем отличался от морального климата и обыденности спецсылки.

Источники и литература

1. См., напр.: *Игнатова Н.М.* Правовое положение спецпереселенцев – «бывших раскулаченных» в середине 1930-х – 1950-е гг. // Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 2001. Т. 4. Ч. 2. С. 224–237; *Данилов В.П., Красильников С.А.* Предисловие // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг.: Документы и материалы. Новосибирск: 1996. С. 3–4; *Красильников С.А.* Спецпереселенцы: правовое положение в бесправном обществе // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. М., 1998. С. 90.

2. НАРК. Ф. 605. Оп. 4. Д. 68. Л. 97.
3. ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 3. Л. 132–141.
4. См.: Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 1040.
5. СЗ СССР. 1931. № 44. Ст. 298.
6. Архив МВД РК. Ф. 31. Оп. 2. Д. 27. Л. 7. Копия.
7. Покаяние. Т. 4. Ч. 1. С. 354–355, 666.
8. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 135.
9. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.
10. Там же. Д. 1945. Л. 74.
11. Там же. Д. 48. Л. 12–13.
12. Там же. Д. 25. Л. 19.
13. Там же. Д. 33. Л. 10.
14. Там же. Д. 89. Л. 216.

Подробнее о состоянии медико-санитарного обслуживания, социального обеспечения, образования и культурно-просветительных учреждений в спецпоселениях см.: *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 263–289; Покаяние. Т. 4. Ч. 1. С. 102–123; Т. 4. Ч. 2. С. 167–223; Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 885–1014; *Шилева Р.С.* Указ. соч. С. 66–68.

15. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 136, со ссылкой на: ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 204. Л. 376.
16. Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 458, со ссылкой на: ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 2. Л. 203.
17. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.
18. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 136, со ссылкой на: ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 204. Л. 49.
19. ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 53. Л. 2–6.
20. Покаяние. Т. 4. Ч. 1. С. 677–680.
21. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 137.
22. Там же, со ссылкой на: Бывший Архив Политбюро ЦК КПСС.
23. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
24. СЗ СССР. 1933. № 21. Ст. 117.
25. СЗ СССР. 1934. № 33. Ст. 257.
26. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 138.
27. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 29. Л. 10.
28. СЗ СССР. 1935. № 7. Ст. 57.
29. ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 25. Л. 9.
30. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 139–140, со ссылкой на: ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 351. Л. 76–79.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же. С. 141, со ссылкой на: ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 351. Л. 27.
34. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 30. Л. 4–5.
35. Там же. Д. 62. Л. 15–16.
36. Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 20.
37. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 29. Л. 29–30.
38. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. С. 148.
39. ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп. 1в. Д. 501. Л. 70.
40. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–2.

41. Там же. Ф. 5446. Оп. 46а. Д. 4395. Л. 7.
42. Там же. Л. 2.
43. ГАКО. Ф.Р-2943. Оп. 8. Д. 31. Л. 25.
44. См.: *Шиляева Р.С.* Указ. соч. С. 66.
45. Там же. С. 67–68.
46. ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 5. Л. 43.
47. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 9. Л. 17–18.
48. Там же. Д. 39. Л. 4; Д. 11. Л. 39; Д. 48. Л. 16; Д. 33. Л. 10.
49. Там же. Д. 56. Л. 2.
50. *Шиляева Р.С.* Указ. соч. С. 67.
51. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 210, 212, 213.
52. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. С. 72.
53. *Шиляева Р.С.* Указ. соч. С. 67.
54. Там же.
55. См. указания ГУЛАГа НКВД СССР: от 12 января 1942 г. «О порядке содержания, структуре, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев» // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 328. Л. 43–44; от 7 марта 1942 г. «О порядке производства расходов по организации отрядов немцев, мобилизованных в рабочие колонны» // Там же. Д. 45. Л. 258–259; от 18 мая 1942 г. «О медицинской помощи в ИТЛ НКВД немцам, мобилизованным в рабочие колонны» // Д. 2762. Л. 57); *Тряхов В.Н.* Указ. соч. С. 141–144, 147–148, 150–151.
56. См.: *Вольтер Г.А.* Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее. М., 1998.
57. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 1. Л. 415–420.
58. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 169–170.
59. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 206; Оп. 12. Д. 207. Б/л.
60. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 367. Л. 38.
61. Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 152.
62. Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 597. Л. 44.
63. *Суслов А.Б.* Правовой статус спецпоселенцев на Урале в 30-х – начале 50-х гг. XX в. Рукопись. Архив И.В. Бердинских. С. 10.
64. *Чудиновских Е.Н.* Указ. соч.
65. *Рацевич С.В.* Глазами журналиста и актера (Из виденного и пережитого). Том второй, часть первая: 58 статья. Нарва, 2005. С. 244.
66. См., напр., воспоминания бывших спецпоселенцев: *Вольтер Г.А.* Указ. соч. С. 343; *Миллер Е.* Ветер в лицо // Волга. 1990. № 7. С. 159; Покаяние. Т. 4. Ч. 2. С. 257.
67. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 471. Л. 154.
68. *Бруль В.* Указ. соч. С. 111.
69. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 82.
70. Немцы России. С. 685, 687, 688.
71. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 82.
72. Там же. С. 123–124.
73. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы (по документам НКВД–МВД СССР). С. 9.
74. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 207. Б/л.
75. Там же.
76. Там же.
77. Там же.
78. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 68.
79. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 188.
80. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 614. Л. 165–166.
81. Там же. Д. 725. Л. 104.
82. *Ожегин П.Т.* Административные высылки и спецпоселения. С. 119; Энциклопедия Земли Вятской. Откуда мы родом. Киров, 1999. Т. 9: Культура. Искусство. С. 548–549; Немцы России. Т. 1. С. 600; Архив Вятского УЛИУ. Коллекция документов; *Веремьев В.И.* Личный архив.
83. *Земсков В.Н.* Об учете спецконтингента НКВД во Всесоюзных переписях населения. С. 74–75.
84. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 83.
85. *Бугай Н.Ф.* «Согласно Вашему указанию...» // Кабардино-Балкарская правда. 1990. 19 июля.
86. *Суслов А.Б.* Указ. соч. С. 7.
87. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 84.
88. Там же. С. 86.
89. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы (по документам НКВД–МВД СССР). С. 12.
90. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 85.
91. *Керсновская Е.А.* Наскальная живопись // Знамя. 1990. №№ 3–5. – № 4. С. 101.
92. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 205, 214, 216.
93. Немцы России. Т. 1. С. 686.
94. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 105.

95. *Игнатова Н.М.* Формы протеста спецпереселенцев // Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 2001. Т. 4. Ч. 2. С. 255–265.
96. См.: *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 58; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. С. 299; *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика советской власти в деревне. 1928–1933. М., 2000. С. 221; Исторический архив. 1994. № 3. С. 128–138.
97. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 10.
98. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 71.
99. *Бердинских В.А.* Указ. соч. С. 106–107.
100. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. С. 111.
101. НАРК. Хран. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 133. Л. 16.
102. Там же. Д. 134. Л. 29.
103. Там же. Д. 133. Л. 16.
104. *Бруль В.* Указ. соч. С. 115.
105. Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 60.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существовавшая на протяжении почти трех десятилетий советская система спецпоселений – явление уникальное в мировой истории и пенитенциарной практике. В последнее время исследователи, занимающиеся этой темой, находят немало аналогов и примеров того, что ныне принято обозначать как «депортации», «насиленные переселения» или «принудительные миграции». В этом ряду называются:

- Ветхозаветное «египетское рабство» евреев;
- водворение в резервации коренного населения Северной Америки;
- «переселение за океан» негров-рабов из Африки;
- миллионные депортации «остарбайтеров» в нацистскую Германию;
- изоляцию на время войны этнических японцев («нисэев») в США;
- кампанию «Лицом к деревне» в маоистском Китае;
- тотальную высылку («деурбанизацию») городского населения в полпотовской Кампучии и пр.

Имелась практика «принудительных переселений» и в Российской Империи: со времен Петра I (поголовное «выселение под надзор» сторонников Мазепы со всеми их родственниками) до русско-японской и первой мировой войн, когда с территории Украины, Белоруссии и Прибалтики были депортированы в центральные, северные и восточные регионы страны сотни тысяч немцев, австрийцев, венгров, евреев, поляков, турок и др. [1].

В общиесторическом контексте использование депортаций как репрессивных методов воздействия к гражданским лицам есть специфическая черта тоталитаризма в целом (при отдельных и кратковременных рецидивах в административной практике некоторых стабильно-демократических государств). Но именно «тоталитарные режимы чувствуют себя в своей тарелке только в условиях кризиса и катаклизмов», и «чем кризис глубже, тем сильнее тоталитарная инверсия бытия» [2].

История первых лет «диктатуры пролетариата» показала, что практика применения массовой политической ссылки отнюдь не чужда и большевикам, о чем свидетельствовали, в частности, проведенные в 1919–1922 гг. депортации части казаков, творческой интеллигенции и т.п.: выселение людей с конфискацией их собственности органически вписывалось в реализацию квазимарксистской теории «классовой борьбы» (в ее примитивно-утопическом большевистском понимании).

Сложившийся в СССР в конце 1920-х гг. тоталитарный режим существенно «обогастил» исторический опыт принудительных переселений, породив целую систему «мест обязательного поселения», получившую впоследствии официальное наименование «системы спецсылки (спецпоселений)». В 1930-х – начале 1950-х гг. осуществление массовых депортаций стало в СССР обычным явлением, приобрело отлаженную технологичность и невиданную прежде масштабность, использовалось сталинско-советским руководством страны как один из важных компонентов решения многих задач политического, экономического и социального характера. При этом депортации оправдывались (на уровне официальной пропаганды) «интересами Советского государства и трудового народа». Так, экспроприация и выселение части крестьян в первой половине 1930-х гг. «мотивировалось» стремлением «освободить трудовое крестьянство от эксплуататоров-кулаков».

Во второй половине 1930-х гг. – начале 1950-х гг. в официальных партийно-государственных документах причины выселения некоторых народов объяснялись стремлением «ослабить этническую напряженность» в том или ином регионе страны, «стабилизировать политическую обстановку», «наказать за пособничество фашистам и выступления против Советской власти», «ликвидировать бандитизм».

Однако есть все основания полагать, что в число главных, подлинных причин «этнических депортаций» входили:

- акт мести за предательство отдельных лиц из числа «наказанных народов» во время германской оккупации (калмыки, «северокавказцы» и др.);
- «профилактика возможного предательства», а по существу – «превентивная мера наказания» за принадлежность к национальности, с зарубежными представителями которой ведется или может вестись война (немцы, финны, венгры и т.п.);

– ослабление «социальной базы буржуазно-националистического подполья» (Прибалтика, западные регионы Украины и Белоруссии, Правобережная Молдавия).

Определяющей особенностью сталинско-советских депортаций с точки зрения юриспруденции являются (наряду с репрессивным содержанием и политической мотивированностью) их административный (внесудебный) характер и «списочная» форма, то есть направленность не на конкретное лицо, не на отдельного индивида или гражданина, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную и отвечающую заданным сверху параметрам и критериям (социальным, национальным и др.). Решения о депортациях принимались, как правило, на самом верху партийно-государственной элиты – по инициативе органов ОГПУ–НКВД–НКГБ и ряда других ведомств. При этом ни конституционное право (Конституция СССР, конституции союзных и автономных республик), ни уголовное, уголовно-процессуальное, гражданское и административное законодательство не принимались во внимание, и даже такие суррогаты советского «судопроизводства», как «тройки» или «Особые совещания», не были задействованы (другое дело, что частыми были такие их «судебные» решения, которые предусматривали «ссылку в отдаленные местности СССР» после отбытия срока в том или ином учреждении ГУЛАГа и под надзором органов спецпереселения, ответственных и за «просто» ссыльных). Это ставило принудительные депортации и всю систему спецпоселений вне компетенции и правового поля советского судопроизводства, «социалистической законности» и резко отличало (в негативную сторону) систему спецпоселений даже от системы исправительно-трудовых лагерей и колоний.

Советский Союз в 1930–1940 гг. являл собой тип страны с традиционно высокой мобильностью населения. Однако в основе этой мобильности находился не простой и свободный выбор гражданами своего местожительства, обусловленный их индивидуальными предпочтениями и особенностями рынков труда и жилья. Это был совершенно иной тип мобильности, носившей плановый, массовый и директивно-принудительный характер, кульминацией которой и являлись депортации населения, ставшие одной из главных составных частей системы сталинско-советских политических репрессий. Если говорить о чисто прагматических задачах, то это была «спецколонизация», то есть целенаправленная государственная политика освоения необжитых или малообжитых районов страны, выравнивания трудовых и демографических ресурсов между западными и восточными регионами СССР посредством насильственных переселений.

Всего за период 1930–1950-х гг. через все формы спецпоселения прошли, по усредненным оценкам, не менее 6 000 000 чел. В 1930-е гг. подавляющее большинство людей, находившихся на спецпоселении, составляли «раскулаченные» крестьяне, потому и спецпоселенческая система зачастую называлась тогда (и нередко называется ныне) «кулацкой ссылкой». Она поглотила примерно 2 500 000 чел., в число которых, помимо «раскулаченных», входили направленные на спецпоселение «сомнительный элемент» из погранзон, «городской деклассированный элемент» и др.

В период 1940-х гг. массовым депортациям с водворением в спецпоселения подверглись около 3 500 000 чел., среди которых ведущее место по численности занимали «наказанные народы». За время существования системы спецпоселений при транспортировке в места высылки и находясь в них умерли не менее 1 200 000 чел., или около 20 % «списочного состава», что уже само по себе можно квалифицировать как одну из крупнейших гуманитарных катастроф в новейшей отечественной истории.

В первые годы жизни на спецпоселении смертность, как правило, многократно превышала рождаемость, и только через 5–6 лет (а иногда и позже) достигалось положительное сальдо между рождаемостью и смертностью: в «кулацкой ссылке» это произошло лишь в 1935 г., у находившихся на спецпоселении этнических немцев – в 1948 г., у депортированных в 1943–1944 гг. народов – в 1949 г. и т.д. В целом же можно констатировать, что все категории депортированных в экстремальной для себя ситуации продемонстрировали высокие адаптационные способности.

Тотальной этнической чистке (с лишением их родины, то есть устоявшейся и привычной среды обитания) подверглись 17 народов: немцы, финны, ингерманландцы, калмыки, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, крымские татары, турки-месхетинцы, хемшилы, курды, иранцы, ассирийцы и корейцы. Характер частичной этнической чистки приняла депортация части населения из западных регионов СССР. В данном случае национальный признак не был обозначен, и речь шла о выселении (независимо от национальности) всякого рода «антисоветских» и «социально опасных элементов», включая «раскулаченных» крестьян. Однако на практике в подавляющем большинстве депортации были подвергнуты лица вполне определенных национальностей: поляки, литовцы, латыши, эстонцы, молдаване, а также украинцы и белорусы из западных областей Украины и Белоруссии. Среди направленных на спецпоселение беженцев из оккупированных германскими войсками Польши преобладали евреи. В результате абсолютное большинство депортированных в период с середины 1930-х до начала 1950-х гг. составляли люди, являвшиеся фактически жертвами тотальных или частичных этнических чисток.

Кроме них, депортации подверглись отдельные категории «нетрадиционных» конфессий («истинно православные христиане», «иеговисты»), а также члены семей «фольксдойчей», «немецких пособников» и др.

Во всей этой массе людей, подвергшихся насильственным переселениям, особое место занимали «власовцы», для которых спецпоселение было, скорее, не наказанием, а местом спасения от более суровой кары. Депортации целых народов отнюдь не способствовали «упрочению интернационального единства советского народа». Переселения, приведшие к огромным человеческим, моральным, политическим потерям, противоречили самым элементарным права человека, ими был погран суверенитет национальных административно-территориальных автономных образований, нарушены права народов на их свободное развитие.

После 1956 г. в отношении части «наказанных» народов было формально восстановлено некое подобие справедливости, однако многие проблемы остались и остаются поныне жгучими и животрепещущими. Этими проблемами во многом объясняются драматические события по периметру и внутри постсоветского пространства (вооруженное противостояние на Северном Кавказе, русофобия в «зоне пакта» и восточноевропейских странах), массовый выезд этнических немцев, евреев и т. д. Наряду с направлением на спецпоселение, периодически имело место и освобождение оттуда. Однако в 1930–1940-х гг. потоки направляемых в спецсылку были значительно объемнее встречных, поэтому численность спецпоселенцев неуклонно возрастала.

В начале 1950-х гг. число направленных на спецпоселение примерно равнялось количеству освобожденных оттуда. Но и последующий период, когда происходило массовое освобождение «спецконтингентов», отнюдь не отрицал предшествовавших, а был их логическим продолжением. Уже на этом этапе стала очевидной утопичность всякого рода проектов относительно того, что бывшие спецпоселенцы «основательно обживутся» в местах высылки. Из числа освобожденных, получивших разрешение на выезд из спецпоселков, лишь незначительная часть (как правило, в пределах 10–20 %) оставалась жить в местах бывшей высылки. Таким образом, демографический эффект от многочисленных депортаций на поверку оказался крайне низким. Что касается немцев, крымских татар, турок-месхетинцев и представителей некоторых других национальностей, которые в массе своей остались в бывших «местах обязательного поселения», то они вынуждены были так поступать, поскольку им запрещалось возвращаться на свою родину вплоть до середины 1970-х гг.

Одним из самых существенных является вопрос об экономической цене политики спецпоселений. Безусловно, спецпоселенцы внесли определенный вклад в развитие производительных сил северных и восточных регионов СССР. Но ни один из известных архивных или нарративных источников не подтверждает встречающиеся и участвовавшие в последнее время оценки о «превосходстве подневольного, но хорошо организованного труда» – над трудом свободным. Документы свидетельствуют, что экономический эффект системы спецпоселений был весьма сомнительным по причине убыточности депортаций. Расходы государства по переселению и устройству депортируемых не покрывались доходами от конфискованного у них имущества.

Под углом зрения экономической выгоды (а точнее, невыгоды) все многочисленные насильственные переселения являлись делом нерентабельным, затратным и служили одним из факторов, сдерживавших рост жизненного уровня всего советского социума. Если на труде депортированных и базировалась чья-то экономическая выгода, то никак не государства, а самого карательного ведомства (НКВД–МВД), которое в самом деле стремительно выдвинулось уже в 1930-х гг. в число крупнейших в стране субъектов хозяйствования. Для государства же в макроэкономическом плане депортации были убыточными, поскольку выбивали из жизни или из деятельного цикла миллионы обустроенных трудовых семей, приводили к запустению земель и селений, к утрате трудовых навыков и традиций, к спаду сельскохозяйственного и промышленного производства, а также к затратам на переезд, обустройство на новых местах и т. д.

Потери сотен тысяч граждан во время голода и связанные с депортациями иные нарушения демографического развития создали для государства серьезнейшие дополнительные трудности в годы Великой Отечественной войны, в том числе в мобилизационном аспекте. Пространственная же обширность СССР, со своей стороны, лишь усугубляла всю эту нерациональность и усиливала неэффективность принудительного труда депортированных людей. Основательно и системно объем этих потерь не выявлен и не изучен до сих пор. Имеются лишь косвенные данные на этот счет. Так, соотношение национального богатства к созданному национальному продукту составляло для России, а затем – для СССР: в 1913 г. – 9,50; в 1929 г. – 7,24; в 1939 г. – 2,94; в 1950 г. – 3,42. Этот же макропоказатель (объективно характеризующий уровень экономического потенциала и во многом – степень эффективности хозяйствования) был соответственно: для США – 7,62; 9,98; 9,20; 7,15; для Англии – 8,62; 9,81; 9,87; 8,30; для Франции (в 1929–1939–1950 гг.) – 10,74; 7,01; 6,43.

Эти цифры говорят о следующем. Во-первых, в 1913 г. уровень России был (в относительном выражении) близок к соответствующим экономическим параметрам развитых промышленных стран Запада (а в ряде случаев – и превышал аналогичные зарубежные показатели). Во-вторых, в годы «сталинских пятилеток» это соотношение резко изменилось – за счет катастрофического снижения эффективности отечественной экономики. В-третьих, и в 1939, и в 1950 гг. этот показатель в СССР стал в три раза ниже, чем в других странах. В-четвертых, если низкий советский показатель 1950 г. может быть объяснен (в значительной, но далеко не полной степени) послевоенной разрухой, то удручающе низкий уровень мирного 1939 г. обусловлен прежде всего развязанной сталинизмом войной против собственного народа, тотальным насаждением подневольного,

принудительного труда, внеэкономическими методами его организации [3]. Вопиющим примером тому и являлась существовавшая на протяжении десятилетий система спецпоселений.

Лишь в 1989 г. впервые на государственном уровне эта система была признана «тяжелейшим преступлением, противоречащим основам международного права» [4]. В принятой 14 ноября 1989 г. Верховным Советом СССР Декларации «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав», в частности, говорилось: «Память с особой горечью возвращает нас в трагические годы сталинских репрессий. Беззаконие и произвол не обошли ни одну республику, ни один народ. Допущенные в прошлом массовые аресты, лагерное мученичество, обездоленные женщины, старики и дети в переселенческих зонах продолжают вызывать к нашей совести, оскорбляют нравственное чувство. Об этом забывать нельзя» [5].

Источники и литература

1. См., напр.: *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. С. 280; *Емельянов Ю.* Указ. соч. С. 53–55; Немцы России: Энциклопедия. Т. 1. С. 696–697; *Осипов С.* Указ. соч. С. 10; *Полян П.М.* Указ. соч. С. 23–45; *Тряхов В.Н.* Указ. соч. С. 141–144.
2. *Исупов В.А.* Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 181.
3. *Лисичкин Г.* Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке? // Новый мир. 1988. № 11. С. 174, со ссылкой на: *Голдсмит Р.* Сопоставление национальных балансов (1688–1978 гг.). Чикаго, 1985. С. 36.
4. Известия. 1989. 25 ноября.
5. Там же.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА руководства Северного крайисполкома в СНК СССР и РСФСР «По вопросу о размещении и устройстве кулацких переселенцев в Северном крае» (Не ранее середины апреля 1930 г.) СЕКРЕТНО

На Северный край Правительством возложена огромная хозяйственно-политическая задача по размещению административно-высланных кулаков. Количество выслаемых в край к 15 апреля составляет 45 тыс. семейств, а к осени текущего года предполагается довести до 75 тыс. семейств, или 375 тыс. человек населения, что составит 17 % всего сельского населения края, а по абсолютному значению превосходит населенность взятых порознь Архангельского округа, Няндомского и Автономной области Коми (зырян). Подготовиться своевременно к планомерному разрешению этой огромной задачи не было возможности. Строго продуманного плана мероприятий для разрешения этой проблемы в такой срок и в таких размерах, а также необходимых материальных предпосылок – людей, средств, материалов – в распоряжении Крайисполкома не могло быть, и возникающие вопросы приходилось решать на ходу.

В виду особого состава переселенцев (кулаки) и невозможности формировать из них постоянные кадры рабочих – в основу расселения положены следующие принципы:

1. Расселение должно иметь характер с. х. колонизации преимущественно необжитых, слабо населенных районов и в частности площадей, освобождаемых из-под леса при условии пригодности почвы для сельского хозяйства. Освоение новых и слабо развитых с. х. промысловых районов должно иметь в южной части края животноводческий и льноводческий уклоны, а в северной – животноводческий и огородничество, в приморской полосе и озерных районах – обеспечение рабсилой иодных, а также развитие рыбных, зверобойных и пушных промыслов.

2. Переселенцы будут использованы на лесозаготовках, сплаве, по лесоустройству, лесохимии, дорожных работах и т. д., что даст добавочный заработок и облегчит освоение земель.

3. При расселении должно учитываться состояние путей сообщения, поскольку в условиях Сев. края транспортом в значительной мере обуславливается возможность переброски и элементарного обслуживания переселенцев продовольствием, стройматериалами и проч.

4. Расселение производить в специальных поселках. Средний размер поселка определить примерно 120 семей, или 600 человек. Такой размер поселка обуславливается ограниченностью удобных земель и задачами административного управления.

В соответствии с указанными основными положениями разбивка переселенцев по округам намечена в таких количествах:

Округ	К расселению		В том числе работоспособных
	семей	челов.	
Архангельский	23,6	118,0	47,2
Вологодский	15,2	76,0	30,4
Сев.-Двинский	12	60,0	24,0
Няндомский	9,0	45,0	18,0
Ненецкий	0,2	1,0	0,4
А.О. Коми	15	75,0	30,0
ИТОГО	75,0	375,0	150

Более подробная характеристика расселения приведена в прилагаемых материалах, а пятна расселения видны на прилагаемой карте (не публикуется. – *Авт.*).

Следует оговориться, что окончательное уточнение мест расселения возлагается на места на округа и РИКи. Краевые организации ограничивают свою задачу указанием районов и бассейнов отдельных рек, остальное уточнение должно быть сделано на местах.

Первый этап по приему переселенцев и первоначальному их устройству в местах временного размещения проведен органами ОГПУ и в дальнейшем будет осуществляться ими же.

Ближайшими практическими мероприятиями и задачами являются:

1. Отправка переселенцев к местам поселения.
2. Подготовка колонизационного фонда.
3. Строительство.
4. Организация сельского хоз-ва, хозяйственное вооружение.
5. Организация питания и снабжение промтоварами.
6. Культурно-социальное и бытовое обслуживание.
7. Административное устройство и управление.

НАД ВСЕМИ ЭТИМИ ЭТАПАМИ ОТ ПЕРВОГО И ДО ПОСЛЕДНЕГО ДОВЛЕЮТ ТРАНСПОРТНЫЕ ВОПРОСЫ, САМЫЕ ВАЖНЫЕ И САМЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ В СЕВЕРНЫХ УСЛОВИЯХ.

ТРАНСПОРТ

Одним из наиболее трудных вопросов устройства переселенцев, бесспорно, явится транспорт; транспортные затруднения дадут себя знать решительно на всех этапах работы, начиная от жел. дороги и кончая конечным пунктом назначения.

Из общей массы переселенцев в прижелезнодорожной полосе размещаются 77,5 тыс. чел. Зимой пешим порядком направляются 21,7 тыс. чел., остальная масса 270,8 т. чел. должна быть развезена водными путями: от 204,7 т. чел. речными и 66,1 т. чел. морскими.

Продовольственные грузы, строительные материалы, предметы хозяйственного вооружения исчисляются нами в 0,5 тн. на 1 человека, не включая сюда ручного багажа, в размере 0,1 тонн на человека.

Положение с тоннажем и без перевозки переселенцев было угрожающим, для обеспечения потребностей сплава, экспортной древесины и перевозок по краю не хватало 4 020 индикат. сил.

Ныне, с этой дополнительной нагрузкой, положение становится катастрофическим. Выход возможен лишь путем привода паровых судов из других речных бассейнов.

Исходя из указанных выше норм перевозки потребность в дополнительном тоннаже, согласно расчетов Речного Пароходства, определяется:

По Северо-Двинскому бассейну необходимо дополнительно ввести в работу 17 товаро-пассажирских пароходов, средней мощностью по 250 индик. сил, 20 буксирных пароходов по 170 индик. сил, 26 крытых барж с грузоподъемностью 300 тонн каждая. Потребность Онежского бассейна, Мезени покрывается существующими тоннажами; что касается Печеры, то необходимо дополнительно два товаро-пассажирских парохода по 160 индик. сил.

Потребность в судах в указанных выше количествах может быть покрыта лишь за счет завоза из других бассейнов СССР; крытые баржи могут быть построены здесь, при условии отпуска средств Госпароходству по смете НКПС из расчета строительной стоимости 25 р. тонна, а всего $25 \times 300 \times 33 = 247,5$ тыс. рубл.

Морскими путями развозится 13 220 сем. поселенцев. По Онежской и Печерской линиям потребность с огромным напряжением может быть покрыта наличными тоннажами; что касается Печерского направления, то для проведения операций по переброске переселенцев потребуется или снять 6 судов с дальнего плавания или ввести в строй дополнительно около 16 судов каботажного плавания. Значительно облегчить морские перевозки мог бы форсированный ремонт снятого с мели бывш. французского судна «Саида».

Не меньшие, если не большие, трудности представит доставка переселенцев с транзитных пунктов ж.д. станций и речных пристаней до конечных пунктов назначения. Пунктами расселения в преобладающем большинстве являются совершенно неосвоенные, необжитые лесные массивы, проникновение в которые возможно или рекой или по лесным проселочным тропам, пешком с багажом, не превышающим 16–20 кг на взрослого человека. Движение на подводах, если бы таковые и были, очень затруднительно. Помимо отсутствия проезжих дорог, здесь препятствием являются многочисленные болота, расположенные по путям следования. Использование рек весной также встретит ряд больших затруднений, т.к. весной по всем речкам Севера начнется молевой сплав заготовленного леса, вследствие чего движение в лодках или на плотках, даже бичевой, будет невозможно; не позволят массы плывущего леса.

В этих случаях не исключена возможность задержки переселенцев в устьях рек или даже оставления их до зимы, до санного пути.

Строительство грунтовых дорог должно быть ограничено устройством запроектированных в порядке подготовки колфонда 5 960 килом. дорог-временок при минимальной затрате 500 р. на 1 килом.

Перевозка по рекам потребует применения в большом количестве лодок; часть последних может быть мобилизована у населения, часть должна быть пополнена новыми.

Суммируя наши потребности со стороны государства, мы в отношении транспорта имеем в виду:

а) подкрепление имеющегося тоннажа речного флота путем переброски судов с других бассейнов в количестве, указанном выше;

б) в разрешении использовать для морских перевозок судов дальнего плавания;

в) ассигнование средств на баржестроение Сев. Речн. Пароходства – 247,5 тыс. руб.;

г) ассигнование средств для оплаты перевозки людей и багажа, а также для приобретения в потребных случаях лодок 2 500,0 т.р.

О ПОДГОТОВКЕ ЗЕМФОНДОВ

Произвести сколько-нибудь значительную подготовку колонизационных фондов к началу переселения было немислимо.

Даже самые колонизационные районы края выбраны не всегда на основе достаточных исследовательских данных. Определенные сведения имеются о районах заселения лишь в отношении фондов на территории Вологодского округа, Кулойского и Прижелезнодорожного районов Архангельского округа.

При совершенно необычайных сроках и темпах расселения говорить о нормальной подготовке колфонда, конечно, нельзя и придется ограничиваться минимумом, облегчающим условия расселения. По упрощенному плану Переселенческого Отдела КрайЗУ намечены такие работы:

1. Обследование земфондов – общее и детальное и съемка.

2. Гидротехнические работы – обследования, изыскания, осушка.

3. Дорожные работы – рекогносцировочные обследования, изыскания, постройка дорог-временок для проезда к местам поселения, достройка существующих.

4. Раскорчевка под огороды и строения 1/10 га на семью и под сенокосы 1/5 га на семейство.

В южных районах колонизации, помимо указанного, производится подчистка кустарников под сенокосы из расчета 0,4 (га) на семейство и корчевка под пашню из расчета 0,6 га на семейство.

Указанная разница в корчевальных работах обусловлена тем, что Архангельский район не имеет естественных луговых угодий, кои были бы не использованы старожильческим населением. Здесь сенокосы могут быть получены, главным образом, путем раскорчевки лесных площадей, причем, как правило, травы на лесных расчистках появляются лишь на 2-й и 3-й год после раскорчевки. Поэтому здесь корчевка должна иметь характер работы особо тяжелой и рассчитывать провести ее в значительных размерах на первый год не приходится, а целесообразнее отнести на 2-й год водворения, когда освободятся рабочие руки от постройки жилых строений и дорог.

В южных округах колонизации по естественным условиям образование сенокосов и пашни требует меньших усилий и поэтому целесообразно в первый же год приготовить возможный максимум культурных угодий. Кроме того и самый характер колонизации обязывает здесь в скорейшей организации таких площадей, как базы для успешной приживаемости, в то время как в Арх. округе основной статьей бюджета переселенцев как в первые, так и в последующие годы будут доходы от лесных работ и от промыслов (рыбная ловля, охота), а сельское хозяйство всегда будет лишь второстепенной статьей.

Работы по подготовке колфонда, конечно, должны производиться силами поселенцев, общее и техническое руководство осуществляется переселенческим управлением, по сметам которого отпускаются потребные ресурсы. Общая сумма расходов на административный и оперативный аппараты, инструменты, походное снаряжение и проч. составляют 680 тыс. руб., а, считая рабочую силу, общая стоимость подготовки земфонда выразится цифрой 25 320 тыс. руб., или 338 руб. на семейство. Следует отметить, что фактически рабочая сила денег получать не будет, отрабатывая свой продовольственный и пром. паек.

При самом осторожном расчете потребный для работ оперативный и административный аппарат считается в 156 чел., остро стоит вопрос об откомандировании нужных работников из друг. районов СССР, или из числа оканчивающих ВУЗы и техникумы.

Современное положение в деле переселения следует признать совершенно неудовлетворительным; вопросы, касающиеся поселенцев, разбросаны по разным ведомствам, необходимая координация не всегда имеет место, составление строго продуманного во всех частях плана затруднено.

В обычных условиях при переселенческих организациях для хозяйственного обслуживания переселенцев, помимо оперативного аппарата по подготовке земфонда, создаются специальные аппараты водворения. Такой же аппарат, широко разветвленный, следует создать в Северном крае.

Этот аппарат должен иметь местную агентуру в транзитных пунктах при ж.д. станциях и пристанях и, кроме того, особую инспекцию.

СТРОИТЕЛЬСТВО

Для размещения переселенцев в местах поселения имеется в виду построить жилые дома – бараки, помещения для культурно-просветительных учреждений, помещения для комендатуры, хозяйственные службы.

Типовой проект дома рассчитывает помещение на 8 семейств в одном доме, жилплощадь 4 кв. метра на 1 чел., на каждую семью 1 комната. В каждом доме две отдельных кухни. Из служебных построек намечено: баня, сарай, склады, помещение для пожарного обоза и скотный двор. Для определения расходов на строительство имелись в виду следующие предпосылки: из всех потребных стройматериалов в стоимость дома вводились лишь завозные; стройматериалы местного происхождения – лесные материалы, кирпич, мох (вместо пакли), известь, переплеты – оконные, смола, пакля, войлок исключались, равным образом не бралась в расчет потребная рабсила.

Из привозных стройматериалов учитывалось в минимальных размерах стекло, гвозди, печные приборы, железо, олифа, мел, проволока, плиты, скобы, котлы кухонные.

Оборудование одного дома потребует завозных строительных материалов:

1. Стекла оконного 50 кв. метров стоим. 55 руб.
2. Гвоздей разных 150 кгр. →- 56 →-
3. Печных приборов 6 комплектов →- 30 →-
4. Дверных приборов 12 комп. →- 24 →-
5. Железа кровельн. 4 кгр. →- 1 руб. 20 коп.
6. Олифы 20 кгр. →- 17 руб.
7. Мелу 21 кгр. →- 1 руб. 15 коп.
8. Проволока 1,5 кгр. →- 1 руб. 05 коп.
9. →- печн. 6,5 кгр. →- 3 руб. 25 коп.
10. Плит чугуных 2 шт. →- 10 руб.
11. Железа полосового 10 шт. →- 1 руб. 80 коп.
12. Скоб строительн. 50 кгр. →- 15 руб.
13. Котлы чугуин. 2 шт. →- 20 руб.

ВСЕГО: 235 руб. 70 коп.

Считая, что в поселке в среднем будет расселено 120 семейств, для которых потребуется 8-ми квартирных 15 домов, для администрации, учителя, культурника с канцелярией, школой и комнатой для медпункта – 1 дом, помещение амбарного типа для столярно-слесарной мастерской и склада продуктов 1 и 1 баня, считая два последних помещения за 1 дом, в смысле расхода на них завозных материалов, получим 17 домов и один скотный двор на 30 голов, приравнивая его к стоимости дома, для которых потребует(ся) 18 x 235 р. 70 коп. = 4 242 руб. 70 коп. на один поселок, а на одну семью 4 242,70: 120 = 35 р. 35 коп.

Исходя из необходимости расселения 75.000 семейств, потребуется израсходовать завозных стройматериалов 75 000 x 35 р. 35 к. = 2 651,0 т.р.

Доставка этих материалов на место, считая среднее расстояние 250 килом., обойдется в 25 % суммы стоимости материалов, или 660 тыс. руб., таким образом, общая сумма денежных затрат составит (без учета расходов на местные материалы и рабсилу) 3 310 т.р.

Для возведения жилых и хозяйственных построек потребуется не менее 60 % всех трудоспособных, т.е. на 18 строений поселка потребуется 150 взрослых рабочих на весь летний строительный сезон.

Указанная цифра целиком может быть отнесена лишь на Архангельский округ, где строевой лес имеется в достаточном количестве на местах поселений и где завозка его обеспечивается наличной тягловой силой поселка, т.е. 15 лошаадьми. Здесь строительство может быть выполнено целиком в первый же год.

Что касается большинства мест поселений южных округов, то здесь положение в отношении построек несколько иное. Строевой лес на местах поселений имеется не везде в достаточном количестве, подвозка бревен должна производиться на значительном расстоянии, и поэтому наличная тягловая сила поселка не сможет справиться с вывозкой бревен полностью. В этих округах большей частью придется ограничиться постройкой хозяйственных строений и половины жилых домов, вследствие чего количество рабочих рук, могущих быть использованными на корчевке, значительно больше, чем в Архангельском округе. На основании этого и площадь корчевки здесь мыслится выше, чем в последнем.

Остальное количество строений в южных округах может быть возведено зимой 1930/31 года.

Для того чтобы обеспечить нормальное развертывание строительства, назначенные для него контингенты поселенцев должны быть направлены с инструментами пешком или первыми пароходами. Независимо от хода строительства следует как бесспорную выдвигать категорическую необходимость вывоза переселенцев из городов. Следует учитывать возможность временного размещения их в деревнях, в районе транзитного пункта или в лесных избушках.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Сельское хозяйство поселенцев может быть товарным по подавляющему большинству продуктов за пределами текущего пятилетия. К концу же текущего пятилетия в Няндомском, Вологодском, Северо-Двинском и в южной части Области Коми сельское хозяйство должно обеспечить годовую потребность в продовольствии.

При годовой потребности на едока ржи 2 центр. для удовлетворения поселка в 600 едоков надо получить 1.200 центр. ржи. При урожае ржи кроме семян 10 центр. с га надо 120 га озимого клина. Включая этот клин в 4-польный севооборот, получаем 480 га пашни, в том числе: 25 % озимой ржи, 25 % яровых (овес, горох, ячмень и др.), 25 % сеяного сена, 25 % пара (впоследствии часть занятого).

Для обеспечения пашни удобрением надо 480 голов скота (разного, в переводе на крупный). Объемистого корма потребуется 25 центр. х 480 = 12 000 центр. С пашни имеем клеверного сена 120 х 35 = 4 200 центр. и яровой соломы 120 х 15 = 1 800 центр., а всего 6 000 центр. Недостаёт 6 000, для покрытия которых нужно 480 га луга, считая урожайность сена 12 центр. с 1 га.

Для полного обеспечения 600 едоков овощами и картофелем нужно 10 га приусадебного огорода, считая урожай с 1 га разных овощей в среднем 150 центр. и определяя годовую потребность одного едока в 2 центнера.

Имея в виду добавление к навозу разных удобрений, получаемых в хозяйстве, можно считать, что удобрение огорода не требует увеличения стада сверх указанного выше. Принимая площадь под усадьбою 10 га, получаем общую площадь землеотвода 980 га, что составит на едока 1,6 га, на работника 4,2, на семью 8,4 га.

Расходы по организации сельского хозяйства и промыслов на текущий год (сюда входит плотничный и столярный инструмент) исчисляются в таких величинах:

	Наименование	На 1 семью		На 75.000 семей	
		колич.	стоим.	колич.	Стоим.
СКОТ					
1.	Лошадей	0,12	31	9 375	2 344 000
2.	Коров	0,1	15	7 500	1 125 000
СБРУЯ					
3.	Хомут, шлея и уздечки	0,12	5,25	9 375	469 000
4.	Сани	0,12	3	9 375	234 000
5.	Телеги	0,12	5	9 375	375 000
ОРУДИЯ ПРОИЗВОД. И ИНСТРУМ.					
6.	Плугов	0,12	2	9 375	150 000
7.	Борон	0,12	2,50	9 375	234 000
8.	Кос	1	2,50	75 000	187 000
9.	Серпов	1	2	75 000	150 000
10.	Мотыг	2	2	150 000	150 000
11.	Заступов	1	1	75 000	75 000
12.	Топоров	2	3,50	150 000	262 000
13.	Пил поперечных	1	4	75 000	300 000
14.	Пил продольных	0,1	2	7 500	150 000
15.	Вилы, грабли, молотки, напильники	0,5	5	—	187 000
16.	Столярн. инструм.	0,25	2,50	—	187 000
17.	Кузнечно-слесарн.	0,25	5	—	96 000
ПРОМЫСЛ. ПРИНАДЛ.					
18.	Рыболовные	0,25	2,50	—	187 000
					6 859 000

Перевозка обойдется 12 % суммы 823 т.р., а всего 7 682 000 рублей, или на 1 семейство 100 рублей.

В текущем году для Архангельского округа необходимы работы по освоению 10 га огорода и 25 га луга из-под леса. В южных округах – 10 га огорода, 25 га луга из-под леса, 50 га подчистки луга от кустарников и 75 га пашни.

Для указанных работ потребуется из 28.300 человекоднев, которыми исчисляется рабочая сила поселка в летний период, по Архангельскому округу –

10 х 160 = 1600

25 х 240 = 6000

Итого 7600 чел. дн.

по южным округам: 10 х 160 = 1600

25 х 120 = 3000

50 х 40 = 2000

75 x 120 = 9000

Итого: 15600 чел. дн.

Остальная рабочая сила будет занята постройкой строений и дорог.

В виду недостатка тягловой силы и др. необходимых условий, посев озимых в текущем году осуществить не удастся, однако в зимний период 1930–31 г. количество лошадей на поселок в южных округах необходимо увеличить до нормы 0,5 на семейство, чтобы весной 1931 года можно было раскорчеванную площадь распашать под пашню и вико-овсяную смесь.

Обеспечение на зиму закупленного скота должно быть достигнуто сбором сена на весенней расчистке и по лесным полянам. Выгон вообще в расчет не принимается, предполагая выпас скота в окружающих лесах.

Организация сельского хозяйства по этой примерной схеме возможна, конечно, лишь при соответствующих топографических и почвенных условиях, определяемых посредством обследования.

К сельско-хозяйственным занятиям будут примыкать охоты и рыболовство. На первых порах оба названные занятия не могут (иметь) промыслового значения с товарными излишками.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

В этой области ограничиваться организацией начального образования и элементарной медпомощью. Считая в составе переселенцев 8–9 % детей школьного возраста, общий их контингент определится цифрой 30–34 тыс. человек, что потребовало бы в нормальных условиях 8 000–9 000 школьных комплектов. Снижая число комплектов до 5 000 и исчисляя стоимость первоначального оборудования в 40 руб. на 1 комплект, общая сумма потребных средств необходима до 200 т.р. (Самое строительство школ предусмотрено в разделе «Строительство»).

По линии медицинского обслуживания предусматривается открытие 1 амбулатории или фельдшерского пункта для первого года хотя бы в ¼ всех поселков, т.е. 175 пунктов, в остальных селениях дать Аптечки. Первоначальное оборудование пункта и снабжение медикаментами в 300 руб. на 1 пункт, все расходы по этому виду помощи определяются в 300 р. x 175 = 52,5 т.р.; стоимость аптек 100 x 510 = 51 тыс. р. Стационарная помощь мыслится путем организации больниц из расчета 0,4 койки на 1 тыс. населения, что потребует открытия 150 коек, постройки 15 больничек.

Стоимость строительства и оборудования 150 коек составит, примерно, до 80 тыс. рублей.

Таким образом, общая сумма вложений в оборудование строительства составит до 400 тыс. рублей.

При нормальном обслуживании годовые расходы по содержанию перечисленных учреждений составят:

Ученика 1-й ст. – 30 руб.; 32 тыс. = 960,0 т.р.

Фельд. пункта – 3.000; 175,0 = 525,0 т.р.

Больн. койки – 700; 150 = 105 тысяч

ИТОГО 1590,0 т.р.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПИТАНИЯ И СНАБЖЕНИЯ ПРОМТОВАРАМИ

В настоящее время семьи высланных получают такой паек:

Хлеб печеный 300,0; Сахара 6 гр.

Крупы 30,0; Напиток 3

Муки подболт. 2,0; Соли 25,0

Сельдей или мяса 75,0; Муку 15,0

Картофель 195,0; Перцу 0,5

Капуста 100 гр.; Лавр. лист 0,2 гр.

Добавочно детям сахару 6 гр., растительного масла 7 гр. Калорийность перечисленных продуктов – 1300,0.

Стоимость по средне-краевым ценам – 16,38 коп.

Находящиеся на работах получают 2027 калорий.

Если же в данных условиях при наличии некоторой возможности подкармливаться захваченными с собой продуктами, частью пополнять их рынок, то при водворении на местах, при затруднительности сообщений с рынком с началом строительных и прочих работ указанного пайка будет недостаточно. Имеется в виду калорийность его удвоить и довести до 2.600 кал., стоимость его определится в 31 к. без доставки на места.

Снабжение нормированными продуктами мыслится проводить через кооперацию. В виду того, что вся рабочая сила до 1-го ноября 1930 г. будет занята работами по хозяйственному освоению мест поселения и домоустройству, снабжение необходимо производить бесплатно, с учетом объема выполняемых работ. В дальнейшем по мере обеспечения заработком отдельных контингентов таковые переводят на плановое снабжение.

По транспортным и территориальным условиям края для обеспечения бесперебойного питания должен быть 9-ти месячный запас продовольствия, что делает необходимым ввоз продуктов в общей сумме на 31,4 мил. руб.

Учитывая исключительно трудные условия перевозки и издержки торгового аппарата, накладные расходы составляют 30 % от суммы стоимости, или 9,4 мил. руб., общая сумма затрат на организацию продовольствия составит 40,8 мил. руб., или 544 р. на 1 семью.

Помимо продовольствия необходимо организовать снабжение промтоварами, абсолютно необходимыми в хозяйстве: ведра, тазы, чайники, котелки, керосин, спички, мыло, хлопчато-бумажные ткани (последние хотя бы для детей). Завоз последних по стоимости ориентировочно исчисляется в 10 % от стоимости продуктов питания, что составит сумму в 4 мил. руб., а всего с продовольствием вся сумма составит до 45 м.р., до 600 руб. на семью, 120 руб. на человека.

На проведение операций по снабжению, включая сюда все накладные и транспортные расходы, необходимо получить соответствующие фонды за счет государства.

При речных пристанях и ж.д. станциях, в местах разгрузки товаров кооперация будет вынуждена построить склады.

На строительство таких складов-баз необходим долгосрочный кредит кооперации до 500 тыс. руб. (строительство лавочных помещений и ларьков в поселках особо не предусматривается).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО И УПРАВЛЕНИЕ

Все поселения в административно-судебном отношении входят в состав округов и районов по территориальному своему расположению.

Сельсоветы не образуются. Каждым поселком управляет комендант, назначаемый органами ОГПУ, и при коменданте находится 1 милиционер. В помощь ему для административных функций из числа поселенцев назначается один исполнитель (некто вроде сельских исполнителей). Ведение хозяйственных дел и расчетов между поселенцами и госорганами – леспромхозы, кредитные учреждения и кооперация – осуществляются лицами из числа поселенцев по назначению вышестоящим органом по переселенческому управлению.

При Крайисполкоме для общего руководства организуется специальная тройка под председательством Председателя Крайисполкома, представителей ОГПУ и КрайЗУ.

Общий итог материальных затрат, связанных с устройством переселенцев, в 1930 г. составляет такие величины:

Мероприятия	Вся сумма, тыс. руб.
Содержание аппарата по подготовке колонизационного фонда	530
Стройматериалы	3 310
Скот, семена, сбрауя, инструменты, орудия	7 682
Транспорт (кроме новых судов)	2 750
Социально-культурные мероприятия	2 000
Питание и промтовары	45 500
Содержание коменданта и милиционера	2 500
Поселенческое управление	150
ИТОГО	64 422

Из названной суммы в 45.000 т.р. (так в документе. – *Авт.*) по мере перехода части поселенцев после 1-го октября на оплачиваемые работы и платного отпуска им продуктов и промтоваров часть затраченных государством средств будет возмещаться.

Для успешности операций следует разработать календарный план отдельных этапов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КРАЙИСПОЛКОМА

Комиссаров

СЕКРЕТАРЬ КРАЙИСПОЛКОМА

Третьяков

(ГАРФ. Ф.Р-393. Оп. 43а. Д. 1796. Л. 2–18).

* * *

Приложение 2

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

наркома торговли РСФСР Н.Б. Эйсмонта

в комиссию В.Н. Толмачева «О снабжении продовольствием высланных кулаков»

7 июня 1930 г.

С. СЕКРЕТНО

С нарочным

В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННУЮ КОМИССИЮ

тов. ТОЛМАЧЕВА

(по делам переселяемых в Северные окраины кулаков).

Копия: Центросоюз.

Наркомторг РСФСР считает необходимым информировать Вас, что вопрос о снабжении выселенных в Северный Край, Урал и Сибирь кулаков продовольствием попал в тупик.

К настоящему моменту на нужды снабжения высланных отпущены следующие контингенты продовольствия:

	Сев. край	Урал	Сибирь	ВСЕГО
Мука	8 608,0	5 320,0	3 464,0	17 392,0
Крупа	810,0	771,0	204,0	1 785,0
Сахар	300,0	231,0	62,0	593,0
Масло раст.	184,0	132,0	34,9	350,9
Рыба	3 686,0	2 890,0	763,0	7 339,0
Чайн. напиток.	165,0	116,0	31,0	312,0

Эти количества хотя и обеспечивают высланных на периоды от 2-х до 6-ти месяцев (по отдельным районам), но в настоящее время во всей остроте стоит вопрос об отпуске товаров на нужды заброски их в особо отдаленные районы, куда, согласно указаний ОГПУ, направляются высланные для водворения их на постоянное жительство.

Необходимо в период весенней навигации (большая вода) для этой нужды выделить следующие контингенты продовольствия:

	Сев. край	Урал	Сибирь	ВСЕГО
Мука	8 766,4	7 459,8	6 787,0	23 043,2
Крупа	947,5	541,8	504,0	1 993,3
Сахар	225,5	152,6	216,8	594,9
Масло раст.	115,5	—	—	115,5
Рыба	2381,4	2031,8	1890,0	6 303,2
Чайн. напиток.	45,0	60,0	80,0	185,0
Мыло	100,0	100,0	60,0	260,0
Овес	2160,0	3600,0	2400,0	8 160,0

с расчетом завести продовольствие до открытия новой весенней навигации 1931 г. (июнь м-ц).

С учетом этой потребности, а также исходя из возможности частичного покрытия ее за счет ранее отпущенных ресурсов, требуется немедленный отпуск следующих количеств продовольствия:

	Сев. край	Урал	Сибирь	ВСЕГО
Мука	8 550,1	5 648,4	6 787,5	20 986,0
Крупа	798,7	60,0	503,2	1 361,9
Сахар	217,6	104,5	252,8	874,9
Масло раст.	100,0	—	—	100,0
Рыба	3 531,0	2 104,0	2 160,0	7 795,0
Чайн. напиток.	45,0	134,0	169,0	348,0
Мыло	139,8	121,6	83,2	344,6
Овес	2 160,0	3 600,0	2 400,0	8 160,0

Наркомторг РСФСР, не располагая какими-либо ресурсами для обеспечения указанной потребности, вошел в Союзнаркомторг с просьбой отпустить продовольствие для снабжения высланных кулаков из общесоюзных ресурсов.

От Союзнаркомторга последовал категорический отказ выделить указанный контингент продовольствия.

Наркомторг просит Комиссию довести об изложенном до сведения Правительства и просить дать указание Союзнаркомторгу о немедленном выделении необходимого для снабжения высланных кулаков контингента продовольствия как для текущего снабжения, так и для заброски в особо отдаленные районы в весеннюю навигацию, согласно плана, разработанного Наркомторгом РСФСР.

Наркомторг РСФСР просит иметь в виду, что дальнейшее промедление с разрешением этого вопроса недопустимо и может поставить краевые организации в совершенно безвыходное положение в деле организации снабжения высланных, что чревато нежелательными последствиями.

О последующем просьба сообщить немедленно.

НАРКОМТОРГ РСФСР
(Там же. Л. 246–246об.).

Эйсмонт

* * *

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

заместителя наркома торговли РСФСР Чухрицы комиссии В.Н. Толмачева
и краевым торговым отделам о нормах и порядке снабжения спецпереселенцев продовольствием

2 июля 1930 г.
СЕКРЕТНО

Сообщаем для сведения, что 24/У1-с.г. Наркомторгом СССР даны категорические указания союзным объединениям о выделении для спецпереселенцев нижеследующих контингентов продовольствия (в тоннах):

	Сев. край	Урал	Сибирь	ВСЕГО
Мука	17 403	13 553	9 743	40 699
Крупа	1 647	1 363	989	4 026
Сахар	567,7	437,8	313,9	1 319,4
Масло раст.	273,6	166,4	113,6	553,6
Рыба	5 144	3965	2 844	11 953
Мыло	100	100	60	260
Овес	2 160	3 600	2 400	8 160

с возложением обязательств закончить отгрузку указанных контингентов к 5-му июля с/г.

В указанные контингенты входят все количества продуктов, которые союзными объединениями были выделены в период март-июнь 1930 г. (...) наряды выдаются лишь в размерах разницы между приведенными выше контингентами и фактической отгрузкой, произведенной в указанный период.

Наркомторг РСФСР просит краевые представительства иметь наблюдение за ходом поступления разнарядок от краевых организаций, а равно и за ходом отгрузок союзными объединениями.

Для сведения сообщаем, что за счет указанных контингентов подлежат обеспечению спец. поселенцы, направляемые в особо отдаленные районы, доступные лишь в навигационный период – до 1-го июня 1931 г. (до поступления товаров по новой навигации), а равно в указанных контингентах предусмотрена потребность до 1-го сентября 1930 г. (...) спец. переселенцев, расселяемых в более близких от нормальных путей сообщения пунктах.

Остальные контингенты продовольствия для спец. переселенцев в близких районах будут выделены дополнительно.

В связи с окончательным разрешением вопроса о нормах снабжения спец. переселенцев приводим размер этих норм:

1. Хлеб.

Хлебом спец. переселенцы подлежат снабжению по нормам: 300 грамм печеного хлеба в день или 6,5 клгр. муки в месяц.

Взрослое население, занятое работами по освоению колонизационного фонда, на время этих работ подлежат снабжению хлебом из расчета 500 грамм в день печеного хлеба, или 10,8 клгр. муки в месяц.

2. Крупа.

Снабжение крупой должно производиться по 20 (грамм) в день.

Для спец. переселенцев, отправляемых в особо отдаленные районы, норма завоза крупы определена в 30 грамм в день, причем фактическая выдача крупы из расчета 30 грамм в день может иметь место лишь в тех случаях, когда в приварке отсутствуют такие продукты, как капуста, картофель и т. д.

3. Сахар.

Сахаром спец. переселенцы подлежат снабжению 6 грамм в день, причем для детей до 12-ти летнего возраста норма сахара повышается до 12 грамм.

4. Растительное масло.

Ввиду крайней ограниченности ресурсов растительного масла, норма снабжения маслом не назначается. (За счет) выделенных ресурсов растительного масла подлежат снабжению исключительно дети до 12-летнего возраста по нормам не свыше 6 гр(амм) в день на человека.

5. Рыба.

Рыбой спец. переселенцы должны снабжаться по (неразборчиво. – Авт.) в день.

6. Мыло.

Мыло спец. переселенцам должно выдаваться в зависимости от наличия ресурсов, исходя из примерной нормы от 50 гр(амм) в месяц на человека.

Спец. переселенцы, с момента привлечения их на те или другие работы, как-то: лесо-древозаготовки, рыбная ловля, лесо-химическая промышленность, погрузочные работы и проч., подлежат снабжению по тем нормам, которые установлены для рабочих, занятых на аналогичных работах, причем снабжение спец. пере-

селенцев, причем снабжение спец. переселенцев в этих случаях производится за счет тех фондов, которые выделены на проведение указанных работ в обычном порядке.

Для лошадей, закупленных специально для спец. переселенцев, выделить контингенты овса. За счет этих контингентов лошади должны снабжаться лишь в период работ в самом хозяйстве спец. переселенцев. С момента же перехода лошадей на работы государственных и кооперативных предприятий, лошади подлежат снабжению овсом за счет контингентов, выделенных этим гос. кооп. организациям, по полной норме.

Ввиду происшедших изменений в контингентах спец. переселенцев, остающихся на поселение в пределах Вашей области (края), Наркомторг РСФСР предлагает Вам к 25 июля с.г. представить точную отчетность о количестве товаров, израсходованных на спецпереселенцев до (неразборчиво.— *Авт.*) июля с.г. и построить помещенный план расхода продовольствия, исходя из уточненных контингентов спец. переселенцев до 1/У11—30 г.

Получение и принятие к исполнению подтвердите.

ЗАМ. НАРКОМТОРГ РСФСР
(Там же. Л. 243—243об.).

Чухрита

* * *

Приложение 4

СОВ. СЕКРЕТНО

СПРАВКА № 4

Организационные формы и правовое положение (спецпереселенцев).

1. Специальные переселенцы в правовом отношении приравниваются к осужденным в ссылке, т.е. до момента разрешения им свободного проживания на всей территории СССР и снятия с них всяких ограничений они являются лишенными всех гражданских прав.

2. Организационно они отличаются от срочно ссыльных тем, что им не предоставляется право устройства и приискания работы по собственному усмотрению. Выбор места жительства, характер общежития (величина поселков, тип и характер жилья, мест общего пользования и т.п.), характер и формы работы, правила распорядка и т.п. определяются соответствующей организацией.

3. Переселенцы, на все время лишения их гражданских прав, лишаются права на всякую собственность, кроме предметов узко личного потребления. Этот момент должен быть подробно разработан и регламентирован так, чтобы была создана стопроцентная гарантия против предприимчивых элементов, способных в любых мало-мальских благоприятных условиях вырасти в новых хозяев-собственников.

4. Все остальное имущество, предназначенное для хозяйственно-бытового освоения переселенцев (всякое строительство, оборудование мест общего пользования, орудия труда и производства), является собственностью государства.

5. Максимально все элементы, из которых складывается быт переселенцев, должны быть обобществлены:

- а) питание по установленным прод. нормам из общего котла через общественные столовые;
- б) общественные бани и прачечные;
- в) медпункты и больницы;
- г) школы (обязательное обучение детей и обязательная ликвидация неграмотности и малограмотности взрослых);
- д) клубы;
- е) детские дома, с ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ отдачей туда на воспитание всех детей (кроме грудных) до достижения ими работоспособного возраста. Указанное положение оставит в личном быту очень немногое, что может способствовать существованию и развитию собственнических тенденций.

6. Предполагаемое максимальное обобществление элементов быта осуществляется за счет ценностей, создаваемых переселенцами. Каждый поселок имеет свой бюджет, являющийся составной частью Союзного бюджета всех таких поселков. Соответствующим органом бюджет в целом и по отдельным поселкам регулируется. Бюджет поселка в основном складывается из следующих элементов:

- а) бытовое обслуживание (столовые, прачечные, библиотеки-читальни, ясли, детские дома, школы, больницы и т.п.);
- б) содержание домов для престарелых и полных инвалидов;
- в) капиталовложения (строительство, электрофикация, механизация и т.п.);
- г) оборотные средства;
- д) запасной капитал.

7. Поселки (отдельные и группы) возглавляются администрацией, назначаемой соответствующим органом. Администрация поселков НАЗНАЧАЕТ исполнительные и наблюдательные органы поселений из самих же поселенцев (структура, права и обязанности государственной администрации и исполнительных органов переселенцев должны быть определены особым положением и инструкциями).

8. Все здоровое население поселков работает **ОБЯЗАТЕЛЬНО. ТРУД ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ.**

9. Подыскание работ, их характер, объем, сроки выполнения и размеры оплаты являются правом и обязанностью государственной администрации.

10. Создаваемые переселенцами ценности поступают в единую кассу организации, управляющей всей системой специальных поселений.

11. Если после покрытия всех общественных нужд поселений будут оставаться свободные средства, они в соответствующем процентном отчислении ПОРОВНУ распределяются среди работающих, **НЕЗАВИСИМО ОТ ХАРАКТЕРА РАБОТ.** Эти отчисления могут расходоваться поселенцами ПО ИХ ЛИЧНОМУ УСМОТРЕНИЮ НА ИХ ЛИЧНЫЕ НУЖДЫ.

12. Спец. поселенцы за проступки против установленных правил внутреннего распорядка в поселках привлекаются к ответственности в дисциплинарном порядке администрацией таковых, действующей на основании особых о ней положений. Совершившие уголовные преступления ответственны перед общегражданским судом. За преступления политические, побеги, симуляцию, отказ от работы, призывы к неповиновению и т.п. – виновные привлекаются к ответственности по линии ОГПУ.

(Нач. ГУЛАГа)

Л. Коган

«4» февраля 1931 г.

(Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 2 / Отв. ред. Н.Н. Покровский, В.П. Данилов, С.А. Красильников, Л. Виола. М.: РОССПЭН, 2006. С. 600–606, со ссылкой на: ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 20. Л. 210–212).

* * *

Приложение 5

«РАСЧЕТ ЧИСЛЕННОСТИ И ШТАТА ПОСЕЛКОВЫХ И УЧАСТКОВЫХ КОМЕНДАТУР»

Приложение к приказу ОГПУ № 330/198

20 июня 1931 г.
СЕКРЕТНО

Места поселения	Комендатуры						
	Участковых комендатур и Комендантов	Инспекторов Участковых Комендатур	Поселковых Комендатур	Комендантов поселков	Помощников Комендантов поселков	Милиционеров	Всего штатных единиц
Урал	18	36	274	137	274	274	739
Казакстан	–	–	190	95	190	190	475
Западная Сибирь	–	–	116	58	116	116	290
Севкрай	15	30	74	37	74	74	230
Вост.– Сиб. Край	–	–	58	29	58	58	145
ДВК	–	–	20	10	20	20	50
ЛВО	–	–	18	9	18	18	45
Якутия	–	–	8	4	8	8	20
Нижегородский Край	–	–	4	2	4	4	10
(ВСЕГО)	33	66	762	381	762	762	2 004

ПРИМЕЧАНИЕ: На 4 000 чел. создается 2 комендатуры со штатом:

Комендант – 1,

Пом. Коменданта – 2,

Милиционеров – 2.

ВСЕГО: 5 един.

НАЧ. АДМИНОРГУПРа ОГПУ

НАЧ. ГЛ. УПР. ЛАГ. ОГПУ

НАЧ. ОРГОТДЕЛА ОГПУ

(Политбюро и крестьянство. Кн. 2. С. 514–515, со ссылкой на: ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 5. Л. 69).

И. Воронцов

Л. Коган

Островский

* * *

СОВ. СЕКРЕТНО

СПРАВКА

о состоянии трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР.

1. Дислокация и контингент.

На 1-е октября 1938 года имеется 1798 трудпоселков, где расселено 989464 человека трудпоселенцев. Трудпоселенцы дислоцированы в следующих краях и областях:

1. Новосибирская обл. 195703 чел.
2. Алтайский край 2767 -»-
3. Северо-Казахстанская обл. 8931 -»-
4. Карагандинская обл. 91676 -»-
5. Южно-Казахстанские р-ны 32218 -»-
6. Свердловская обл. 170454 -»-
7. Челябинская обл. 56120 -»-
8. Омская обл. 44481 -»-
9. Коми АССР 20120 -»-
10. Архангельская обл. 36600 -»-
11. Вологодская обл. 9509 -»-
12. Красноярский край 58307 -»-
13. Бурят-Монгольская АССР 1988 -»-
14. Иркутская обл. 31743 -»-
15. Читинская обл. 22823 -»-
16. Д.В.К. 27671 -»-
17. Орджоникидзевский край 45636 -»-
18. Ленинградская обл. 3641 -»-
19. Мурманская обл. 24174 -»-
20. Карельская АССР 959 -»-
21. Башкирская АССР 12625 -»-
22. УССР 7260 -»-
23. Узбекская ССР 14297 -»-
24. Кировская обл. 7.702 -»-
25. Куйбышевская обл. 3244 -»-
26. Оренбургская обл. 2236 -»-
27. Якутская АССР 3894 -»-
28. Киргизская ССР 13343 -»-
29. Белбалткомбинат НКВД 28018 -»-
30. Таджикская ССР 9024 -»- 989164 человека

Основную массу трудпоселенцев составляют кулаки, выселенные из районов сплошной коллективизации в 1930–1931 гг.

В этот период расселено в:

- а) Северный край 58.271 кулацких семейств
- б) На Урале (Свердл., Челяб., Пермск. обл.) 128.233 -»- -»-
- в) Западной Сибири 69.950 -»- -»-
- г) Восточной Сибири 26.555 -»- -»-
- д) Якутии 1.463 -»- -»-
- е) ДВК 9.697 -»- -»-
- ж) Северо-Кавказский край (Орджоникидзевский) 14.622 -»- -»-
- з) Казахскую ССР 50.929 -»- -»-
- и) Средне-Волжский край 2.500 -»- -»-
- к) УССР 3.444 -»- -»-
- л) Средней Азии 1.128 -»- -»-
- м) Нижне-Волжский край 1.497 -»- -»-
- н) Башкирскую АССР 6.000 -»- -»-
- о) Ленинградскую область 6.884 -»- -»-

Всего 381.173 семейства или 1.803.392 человека

В дальнейшем выселение в трудпоселки проводилось:

В 1933 г. по пост. СНК СССР от 20/1У 1933 г. № 775/146:

- а) выселяемые из районов сплошной коллективизации – кулаки.
- б) выселяемые за срыв и саботаж хлебозаготовительных и др. кампаний.
- в) городской элемент, отказывающийся в связи с паспортизацией выезжать из Москвы и Ленинграда;
- г) бежавшие из деревень кулаки, снимаемые с промышленного производства;
- д) выселяемые в порядке очистки государственных границ (Запада и Украины);
- е) осужденные органами ОГПУ и судами на срок от 3 ДО 5 ЛЕТ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО, кроме особо-социально-опасных из них.

В 1935 г. проводилась операция по очищению погранполосы.

В 1936 г.– из УССР польские и немецкие хозяйства в количестве 15.000, или 45.000 человек в Карагандинскую и Северо-Казахстанскую области Казахской ССР (пост. СНК СССР от 28/1У-1936 г.).

В 1937 г.– из Азербайджана курды (контрреволюционный и бандитский элемент) в Казахскую и Киргизскую ССР (пост. СНК СССР № 2123–420 от 17/Х11–1936).

Вся работа по учету, труд-использованию, хозяйственному устройству и осуществлению режима среди трудпоселенцев постановлением СНК СССР от 20 апреля 1933 г. за № 775/146с возложена на ГУЛАГ НКВД.

Руководящими материалами в этом деле являются (в хронологическом порядке) постановления ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г., постановление СНК СССР № 130 от 1/У11–31 г., (приказ ОГПУ № 531/289 от 18/1Х-31 г.), постановление ЦИК СССР от 3/У11–31 г., постанов. СНК СССР от 20/1У-33 г. № 775/146с, постановление ЦИК СССР от 25/1–35 г., циркуляр НКВД (и) Прокуратуры Союза № 83 от 11/1Х-36 г., постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 15/Х11–35 г. за № 2663, циркуляр НКВД и Прокурора Союза № 94 от 15/Х-36 г., КОНСТИТУЦИЯ СССР, постановление ЦИК СССР от 16/Х-37 г., постановление СНК СССР 9/1Х-38 г. № 986–236с, постановление СНК СССР от 22/Х-38 г. за № 1143–280с (приказ НКВД № 0207), Циркуляр НКВД № 10 от 27/1–1939 г., Циркуляр НКВД № 12 от 28/1–1939 г. (...)

ТРУДИСПОЛЬЗОВАНИЕ

На 1/Х-38 г. трудпоселенцы заняты в следующих отраслях народного хозяйства:

Наименование Наркоматов	Всего трудпоселенцев		Трудоспособных	Занято на работах	% исполз. трудоспособ.	Не исполз. на работах из трудоспособ.
	(семей)	(чел.)				
НАРКОМ-ТЯЖПРОМ	96 109	354 428	164 402	140 524	85,5	23 878
НАРКОЛЕС	45 587	159 686	69 516	60 448	87,0	9 068
НАРКОМ-МЕСТПРОМ и НАРКОМЛЕГПРОМ	1 501	5 278	2 532	2 240	88,5	292
НАРКОМЗЕМ	6 986	29 393	14 788	13 381	90,5	1 407
НКПС	5 401	17 558	7 855	7 286	92,7	569
НАРКОМ-ПИЩПРОМ	5 057	22 054	11 432	9 623	84,2	1 809
В ГЛАВ. СЕВ. МОР. ПУТИ	788	2 919	1 534	1 427	93,0	107
В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ	45 777	165 016	81 367	70 397	86,5	10 970
В НАРКОМ-СОВХОЗАХ	3 066	12 302	6 846	6 135	89,6	711
НА ОБСЛУЖ. ТРУДПОСЕЛ.	2 730	9 924	5 603	4 838	86,3	765
В РАЗН. МЕЛК. ОРГАНИЗ.	14 923	46 172	25 385	22 152	87,3	3 233
В БЕЛБАЛТ-КОМБИНАТЕ НКВД	8 755	28 018	15 855	12 328	77,8	3 527

В ТРУДКОЛОНИЯХ НКВД	866	2 564	1 048	759	72,4	283
В ДЕТДОМАХ и ИНДОМАХ	2 064	4 054	415	377	90,8	38
ВСЕГО	239 610	859 366	408 578	351 915	86,1	56 657

Как видно из таблицы, трудоиспользуются они еще далеко не полностью. Из общего числа трудоспособных 408.578 чел. не используются на работах 56 657 человек. Трудоиспользование производится на основе договоров, заключенных УНКВД с хозорганами. Трудоселенцы в оплате труда и др. условиях работы приравнены ко всем рабочим и служащим, за исключением: в профсоюз не принимаются и из их зарплаты удерживается 5 % на содержание комендатур.

РЕЖИМ

За время с 1932 по 1937 год включительно из трудоселков бежало 632.860 человек. Возвращено из бегов за этот же период – 215 445.

Обследование Архангельской области в 1938 г. показало, что разбежалось трудоселенцев значительно больше, чем осталось в трудоселках.

Состоит на учете 38 700 чел.

А числится в бегах – 51 000 чел.

Коменданты трудоселков Архангельской области объявляли розыск бежавших только в том случае, когда им случайно удавалось узнать, где проживает бежавший.

Циркуляр НКВД и Прокуратуры Союза за № 94 от 15 Октября 1936 г. при его практическом применении значительно суживает круг лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за побег из трудоселков.

В ДВК, Иркутской области, Киргизской АССР, Мурманской обл. и других областях вскрыто контрреволюционное подполье в трудоселках.

Основываясь на постановлении СНК СССР от 22/Х-38 г. за № 1143–280с, ряд прокуроров (Челябинская обл., Коми АССР) отказываются давать санкции на задержание бежавших из ссылки трудоселенцев.

По данному вопросу поставлен в известность Прокурор Союза т. ВЫШИНСКИЙ.

Имеются многочисленные факты хозяйственного обрастания трудоселенцев, спекуляции, невыполнения ими при попустительстве, а в отдельных случаях и содействии сросшихся с трудоселенцами комендантов, госпоставок и платежей.

29 сентября 1938 г. № 1818 тов. ЕЖОВЫМ даны указания Нач. УНКВД об усилении режима в трудоселках (справка № 1818...).

ФАКТЫ ВРАЖЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РУКОВОДСТВЕ ТРУДОСЕЛКАМИ

У руководства работой по кулацкой ссылке долгое время находились враги народа (Коган, Молчанов, Берман, Плинер, Фирин, Закарьян, Вишневицкий и др.).

Вредительство проводилось по следующим направлениям:

а) Кулаки и белогвардейцы, выселяемые с западной границы, расселялись на границе Дальневосточной (13 000 чел.).

Враги народа Дерibas и Мартинелли ставили ставку на организацию там повстанческих отрядов. В период событий на озере Хасан наблюдалась активизация к-р элементов в этих поселках.

Всего на расстоянии 100 километров от границы дислоцировано 129 трудоселков с количеством трудоселенцев в них 55 969 человек.

Из этого числа 8 547 чел. расселены в непосредственной близости от границы (от 4-х до 25 клм).

б) В трудоселки направлялись лица, осужденные к лишению свободы за контрреволюционные преступления, хотя в постановлении СНК от 20/У-33 г. направление в трудоселки особо-опасного контингента осужденных от 3 до 5 лет воспрещено, причем учета этих лиц не было.

На 1 марта 1938 г. осужденных за контрреволюционные преступления в трудоселках оставалось 2 846 чел. (...)

в) Высланные кулаки ставились в привилегированное положение по сравнению с окружающими колхозами. Проводилась политика нового окулачивания трудоселенцев за счет государства.

По представлению врагов народа, орудовавших в НКВД, трудоселенцы освобождались от госпоставок, налогов и сборов или пролонгировались и вовсе списывались ссуды уже тогда, когда трудоселки не только хозяйственно окрепли, но и по своему хозяйственному уровню стояли выше окружающих колхозов. (...)

г) Ликвидация спецпоселков. В Куйбышевской области в начале 1937 г. быв. вражеским руководством Облсполкома (Полбицин) ликвидированы спецпоселки внутреннего расселения в 24 районах, а трудоселенцы распущены и большая часть из них разъехалась неизвестно куда.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДПОСЕЛЕНЦЕВ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

В соответствии с Конституцией СССР трудпоселенцы пользуются избирательными правами.

В настоящий момент в соответствии с постановлением СНК СССР от 9/IX-38 г. проводится работа по переводу неуставных трудпоселенческих сельхоз. и кулспром. артелей на устав.

Эта работа проводится Партийными и Советскими организациями при содействии наших органов. Имеются сигналы, что в ряде мест в председатели и в члены правлений сельхоз-артелей проникают люди с антисоветскими проявлениями, а кандидатуры партийных организаций заблокировались (Орджоникидзевский край).

Дети трудпоселенцев, если они лично ничем не опорочены, при достижении 16 лет отпускаются на учебу и на работу в другие районы и края и в этих случаях получают паспорта на общих основаниях (за исключением режимных местностей) – пост. СНК СССР от 22/X-1938 г.

В РККА трудпоселенцы не принимаются и на учете в Военкоматах не состоят.

В связи с получением трудпоселенцами избирательных прав, переводы неуставных трудпоселенческих сельхозартелей на устав с правовым режимом (), предусмотренным уставом сельхозартели и постановлением от 22/X-38 г. о беспрепятственном выезде детей трудпоселенцев на учебу и на работу, возникает ряд вопросов, требующих разрешения:

1) Основной вопрос – порядок дальнейшего трудоустройства. Необходимо решение Правительства, подтверждающее право НКВД использовать трудпоселенцев по своему усмотрению или же решение о том, что трудпоселенцы в административных границах района расселения имеют право самостоятельного выбора места работы. В последнем случае их учет и наблюдение за ними будет очень затруднено.

2) Необходимо разъяснение, как применять постановление от 22/X-38 г. к достигшим 16-летнего возраста к моменту издания постановления и позже или же ко всем детям трудпоселенцев, которые в момент высылки были моложе 16 лет.

3) Необходимо разъяснение, как быть, если по режимным соображениям надо ликвидировать трудпоселки, так как это упирается в вопрос ликвидации сельхозартелей, что не предусмотрено уставом с/х артели.

4) Подтвердить право НКВД по режимным соображениям перебрасывать трудпоселенцев из одного трудпоселка в другой. (...) (Теперь необходимо согласие трудпоселковой с/х артели о приеме его в члены артели (там), где он не может быть использован на производстве).

5) Пользуясь ослаблением режима, многие трудпоселенцы разъехались из трудпоселков, проникли на заводы оборонного значения, электростанции и другие предприятия в Краевых, Областных центрах и различных городах.

Снятие их оттуда и водворение в трудпоселок встречает затруднения в связи с тем, что они работают на этих предприятиях ряд лет, приобрели квалификацию, многие сумели получить паспорта, вступили в брак с другими рабочими и служащими и обзавелись в ряде случаев своими домами и хозяйством.

6) Многочисленны случаи вступления в брак трудпоселенцев (на трудпоселках) с другими гражданами, которые, уезжая к себе на родину или на другую работу, требуют освобождения своих жен.

Существует практика освобождения их по согласованию с УГБ из трудпоселка, если на них нет компрометирующих данных и нет оснований полагать, что брак является фиктивным с целью побега из трудпоселка. Необходимо эту практику оформить в законодательном порядке. ...В настоящий момент разработано новое положение о правах и обязанностях трудпоселенцев, правах Отделов трудовых поселений и правах комендатур, которые находятся на согласовании в Прокуратуре Союза. (...)

НАЧАЛЬНИК ОТП ГУЛАГ НКВД СССР (ТИШКОВ)

«19» февраля 1939 г.

(ГАРФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 54. Л. 4–10).

* * *

Приложение 7

ПОЛОЖЕНИЕ

о порядке содержания, структуре, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев

(ГУЛАГ НКВД СССР, 12 января 1942 года)

1. Общее положение

Все мобилизованные немцы призывных возрастов направляются для работы при лагерях НКВД СССР и организуются в рабочие колонны при ИТЛ НКВД СССР.

11. Организация

1. Мобилизованные немцы формируются в отряды от 1.500 до 2.000 человек, организуемые по производственному принципу применительно к лагерному пункту и дислокации.

2. Во главе отряда назначается начальник из чекистов-лагерников.

Для ведения политико-воспитательной работы в каждом отряде назначается политрук.

Все отряды должны иметь аппарат учета, снабжения, охраны, КВО, САНО и т.д. применительно к лагерным подразделениям такой же численности.

3. Отряд делится на колонны (построенные по производственному принципу) с численностью от 350 до 500 человек.

Во главе колонны назначается чекист-лагерник, знакомый с производством, на котором используется колонна.

4. Колонна делится на бригады от 35 до 100 человек, в зависимости от производственной потребности.

Во главе бригады назначается бригадир – мастер-специалист (могут назначаться из числа немцев).

5. Отряды и колонны формируются в составе смешанных возрастов от 17 до 60 лет.

6. Специалисты инженеры, техники, врачи могут использоваться в отрядах по специальности.

III. Внутренний порядок

1. Мобилизованные немцы размещаются казарменно в бараках по колониям. Каждая колонна размещается в одном или двух смежных бараках.

2. Вокруг бараков (двора) устанавливается ограждение – зона, которая охраняется военизированной охраной ГУЛАГа. Выход из зоны с момента утренней и до вечерней поверки разрешается по пропускам или в строю. Внутри зоны и бараков хождение свободное.

3. Утром после подъема и вечером перед сном проводится проверка наличия людей по спискам колонн. В случае отсутствия кого-либо из состава колонны немедленно объявляется розыск и производится расследование оперативно-чекистским органом лагеря.

4. На работу колонны идут строем под командой начальника колонны или другого командира. Колонны в пути на работу, на работе и при возвращении в зону не охраняются.

5. Размещение рабочих отрядов из немцев и их работа должны происходить изолированно от заключенных, содержащихся в лагере.

IV. Дисциплина

В отряде, колонне, бригаде устанавливается строгий воинский порядок.

1. За нарушение внутреннего порядка, неисполнение поручений или распоряжений начальствующего состава отряда, колонны и бригадиров, за невыполнение производственных норм и за порчу инструмента или лагерного имущества на мобилизованных немцев могут налагаться следующие дисциплинарные взыскания:

а) личный выговор;

б) выговор перед строем;

в) денежный штраф;

г) назначение на самые тяжелые работы;

д) арест в дисциплинарном порядке до 20 суток;

е) строгий арест до 10 суток – стоимость содержания во время ареста удерживается из заработка подвергнутого наказанию;

ж) предание суду.

Порядок содержания арестованного при аресте

Арестованный содержится в одиночной камере и ни на какие работы не выводится. Должен спать на голых нарах. Горячую пищу получает через день. В дни неполучения горячей пищи арестованному выдаются хлеб, чай, вода. Прогулки устанавливаются один раз, продолжительностью 30 минут, под наблюдением вооруженного выводного.

2. За неявку на призывные пункты для отправки, а также за нарушение дисциплины и отказ от работы, за дезертирство из рабочей колонны привлекать находящихся в рабочих колоннах мобилизованных немцев к уголовной ответственности с рассмотрением дел на Особом Советании, предупреждая, что к наиболее злостным будет применяться высшая мера наказания.

3. За четкое выполнение положения о внутреннем порядке и хорошую производственную работу – выполнение и перевыполнение норм – для состава отряда вводятся следующие поощрения:

а) благодарность;

б) улучшенное питание;

в) лучшее размещение в бараках и снабжение постельным бельем;

г) премирование одеждой;

д) выдача на руки и предоставление права посылки семье заработка сверх полной себестоимости содержания в лагере;

е) премиально-поощрительная система в расплате за выполнение нормы.

V. Условия содержания и работы

1. Внутренний распорядок в отряде – часы работы, время пищи, отдых и т.д. – устанавливается приказом начальника лагеря.

2. Каждый из состава отряда и бригады обязан отработать полную себестоимость его содержания в лагере и выполнять установленные производственные нормы.

(...)

5. Питание производится по лагерной норме и организуется с расчетом выдачи не менее двух раз в день горячей пищи. За счет экономии устанавливается выдача лучшим производственникам дополнительного питания.

(...)

VI. Политико-воспитательная работа

Культурно-воспитательная работа проводится в свободное от работы время путем организации чтений газет, бесед, лекций, киносеансов, библиотечной работы и т.д. ...

Начальник ГУЛАГа НКВД СССР В.Г. Наседкин

(ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 328. Л. 43–44).

* * *

Приложение 8

(О порядке производства расходов по организации отрядов немцев, мобилизованных в рабочие колонны)

1. Расчеты за работу немцев, мобилизованных в рабочие колонны, производится по нормам и расценкам, действующим в сметном районе Вашего лагеря для вольнонаемных рабочих аналогичного производства. На всех видах работ применяется принцип сдельной оплаты, с применением процентных надбавок, установленных постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 ноября 1938 г. по лесозаготовкам и в соответствии с другими постановлениями партии и правительства по всем прочим видам производства...

(...)

3. Зарплата исчисляется по фактической выработке и учитывается на лицевых счетах, открываемых каждому работающему немцу.

4. Стоимость содержания немцев, мобилизованных в рабочие колонны, питания и коммунально-бытовых услуг по установленным нормам и ставкам удерживается из зарплаты. Стоимость питания исчисляется по оптово-розничным ценам, а не ценам, заложенным в лагсмете. Остальная сумма заработка остается на лицевом счете каждого из них и может выдаваться ему на руки по указанию начальника отряда или колонны в зависимости от поведения и производственной дисциплины, для посылки денег членам семьи и покупки продуктов питания в ларьковой сети лагеря.

5. С начисления к выдаче заработной платы производится на общих основаниях удержание подоходного налога, культсбора и военного налога, по соответствующим ставкам зарплаты немцев.

6. Взносы социального страхования по зарплате немцев не начисляются, поскольку последние считаются мобилизованными в рабочие колонны.

7. При временной нетрудоспособности работающих немцев, мобилизованных в рабочие колонны, содержание последних в этот период производится за счет спецфонда пособий лагеря, образуемого в размере 4 % от суммы начисленной зарплаты немцам, относимых на себестоимость.

8. Содержание жилищно-бытовых зданий, занимаемых немцами, мобилизованными в рабочие колонны, осуществляется по принципу самокупаемости.

Исходя из этого, коммунально-бытовые услуги немцам, мобилизованным в рабочие колонны, оплачиваются по ставкам, соответствующим себестоимости эксплуатации жилищно-бытового хозяйства отряда и колонны, но не выше ставок местности Вашего района...».

(ГУЛАГ НКВД СССР, 7 марта 1942 г.)

(Там же. Д. 45. Л. 258–259).

* * *

Приложение 9

(ПОЛОЖЕНИЕ о медицинской помощи в ИТЛ НКВД немцам, мобилизованным в рабочие колонны)

...Амбулаторная и стационарная помощь немцам, мобилизованным в рабочие колонны, производится за счет особой сметы финансового плана лагеря, учитываемой по разделу «расходы на здравоохранение немцев, мобилизованных в рабочие колонны».

Амбулаторная помощь организуется в спецпомещении (барак, палатка), расположенном на территории размещения немцев, мобилизованных в рабочие колонны.

В лагерях, имеющих участковые (районные) больницы, стационарная помощь немцам, мобилизованным в рабочие колонны, осуществляется на базе этих больниц. В лагерях, где основной контингент рабочей силы составляют немцы, мобилизованные в рабочие колонны, стационарная сеть развертывается по типу районных общелагерных больниц в среднем из расчета 2 % коек к имеющемуся списочному составу.

Амбулаторная помощь

Амбулаторная помощь проводится в амбулатории 2 раза в сутки – утренний прием для лиц, работающих в ночную смену, и вечерний прием для работающих днем.

В амбулатории должны ежедневно функционировать терапевтический кабинет, зубоветеринарный и процедурный.

Консультация врачей-специалистов проводится в определенные дни и часы по указанию санитарного отдела лагеря в амбулаториях.

Амбулаторная помощь оказывается бесплатно, медикаментами обеспечивается за наличный расчет из местных аптек лагеря.

Экстренная и неотложная помощь вне часов приема амбулаторией оказывается скорой помощью лагеря.

(ГУЛАГ НКВД СССР, 18 мая 1942 г.).

(Там же. Д. 2762. Л. 57).

* * *

Приложение 10

Начальникам

ИТЛ, УИТЛК (ОИТК), НКВД (УНКВД)

Настоящим устанавливается нижеследующий порядок погребения заключенных.

1. Наряду с захоронением каждого трупа в отдельности разрешить погребение в общих могилах по нескольку трупов вместе.

Примечание: новый порядок захоронения категорически исключает практику накопления трупов для их погребения.

2. Допустить захоронение трупов без гробов и без белья.

3. Захоронение производить только на лагерных кладбищах или на общих кладбищах в специально отведенных или огороженных местах.

4. Глубина могилы должна быть не менее 1,5 м. Ширина и длина могилы определяется количеством погребяемых.

5. На каждого погребяемого составляется акт. В акте указываются установочные данные, дата погребения, наименование кладбища и номер могилы.

6. Акт подписывается представителем администрации и рабочими, производившими погребение.

Примечание: акт о погребении скрепляется печатью лагерного подразделения; в одном экземпляре акт приобщается к личному делу каждого умершего.

7. Все случаи смерти заносятся в специальную книгу в хронологическом порядке с указанием полных установочных данных умершего, причин и времени смерти, наименования кладбища и № могилы.

В соответствии с приказом НКВД СССР № 00674–1939 г. извещение о смерти заключенного посылается в ОАГС НКВД-УНКВД не позднее чем через три дня после захоронения...»

Начальник ГУЛАГа НКВД СССР В.Г. Наседкин

___ января 1943 г.

(Там же. Д. 2784. Л. 18).

(Более позднее дополнение):

... Захоронение трупов заключенных без гробов считаю возможным допустить в более широких размерах. В некоторых лагерях ввести это как правило (Казахстан, Узбекистан, прифронтовые строительства и пр.).

Ограничения пункта «2» снять, т.е. хоронить без гробов на всех общегражданских кладбищах, отведенных городскими и поселковыми Советами, выделяя на их территории для заключенных отдельные участки.

Дно ямы предварительно засыпается хлорной известью...

(Там же. Д. 2762. Л. 190).

* * *

ДИРЕКТИВА № 42/234008

По вопросу о допустимости снятия зубных протезов с умерших заключенных разъясняем:

1. Золотые зубные протезы с умерших заключенных подлежат снятию.
2. Снятие золотых зубных протезов производится в присутствии комиссии в составе представителей: санитарной службы, лагерной администрации и финотдела.
3. По снятии золотого зубного протеза комиссия составляет акт в 2-х экземплярах, в котором точно указывается число снятых единиц и вес.
4. Акт подписывается всеми членами комиссии. Один экземпляр акта остается в делах СО лагеря, а второй вместе со снятыми золотыми зубными протезами передается в финотдел лагеря (ОИТК).

Принятое золото сдается в соответствующее ближайшее отделение госбанка, и квитанция о сдаче золота госбанку приобщается к первоначальному акту.

Зам. начальника ГУЛАГа НКВД СССР

Майор ГБ Завгородний

Зам. начальника ЦПФО НКВД СССР Борисов

3 января 1942 г.

(Там же. Л. 191).

* * *

**ДАнные О РАССЕЛЕНИИ ПО КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ-ЭСТОНЦЕВ**

на 1.VII.45 г.
для НКГБ

№№ п/п	Наименование районов	Колич. семей	Человек	Из них			Примечание
				Мужчин	Женщин	Детей до 16 лет	
1.	Поломский (Белохолуницкий. – Авт.)	11	45	3	31	11	
2.	Нагорский	55	144	28	92	24	
3.	Арбажский	1	2	1	1	–	
4.	Белохолуницкий	43	89	7	49	33	
5.	Верхошижемский	17	41	6	18	17	
6.	Даровский	38	43	7	36	–	
7.	Кырчанский (Нолинский/ Немский. – Авт.)	17	30	2	19	9	
8.	Кировский (Кирово-Чепецкий. – Авт.)	21	30	4	26	–	
9.	Котельничский	72	141	15	95	31	
10.	Кильмезский	23	46	6	27	13	
11.	Немский	24	40	3	24	13	
12.	Оричевский	70	101	24	77	–	
13.	Лебяжский	54	116	14	78	24	
14.	Молотовский (Нолинский. – Авт.)	54	74	11	63	–	
15.	Малмыжский	144	250	35	162	53	
16.	Слободской	84	157	19	87	51	
17.	Советский	42	66	12	41	13	
18.	Уржумский	89	98	22	74	2	
19.	Шурминский (Уржумский. – Авт.)	30	42	12	25	5	
	(Всего:)	889	1.555	231	1.025	299	

(Архив УФСБ по Кировской области. Гр.1. Оп. 1. № оп.159. Л. 46).

* * *

СЕКРЕТНО.

ПРИКАЗ
Начальника Управления Вятского Исправ. Труд. лагеря НКВД

от 16 июня 1945 г. пос. Лесной

№ 019с

СОДЕРЖАНИЕ: О состоянии работы в комсомольско-молодежных бригадах (из числа «трудмобилизованных» немцев.– Авт.) 12 ЛЗО и 3 ОЛП.

Комсомольско-молодежные бригады 12 ЛЗО и 3 ОЛП, созданные по инициативе комсомольских организаций в 1943–1944 г. в выполнении производственного плана занимали авангардную роль среди бригад подразделений лагеря, значительно перевыполняя месячные планы. Только за 5 месяцев 1945 г. комсомольско-молодежные бригады дали в фонд Главного Командования Красной Армии по заготовке 19.156 фестметров древесины, по вывозке 13.093 фестметра и по погрузке и мехвывозке 8.920 фестметров.

Однако в марте-апреле и мае месяцах производительность труда в комсомольско-молодежных бригадах по сравнению с январем и февралем месяцами снизилась, что явилось результатом ослабления внимания руководства подразделений к работе и быту комсомольско-молодежных бригад. Так например проверкой состояния работы комсомольско-молодежных бригад проводимых по моему указанию установлено:

По 12 ЛЗО /начальник т. Галузин/.

1. Бригады работают на расстоянии 6–6,5 клм., перевозка их до места работы неорганизована в силу чего затрачивается энергия и время на ходьбу, что отражается на производительности труда комсомольско-молодежных бригад.

2. Техническая учеба по повышению квалификации, а также передаче опыта передовых членов бригад не организована.

3. Большинство членов бригад /40, 19, 7, 14, 17/ за не имением летнего обмундирования работают в зимнем обмундировании, (в ватных брюках и шапках), работают в рваной обуви и непригодных портянках, большая часть имеющейся в носке обуви непригодна к ремонту.

4. Постельное белье: простыни, подушечные наволочки, матрацы, верхние, а у некоторых совершенно не имеется простыней.

По 3 ОЛП /начальник т. Авдонин/.

1. Из 6-ти комсомольско-молодежных бригад не выполняет производственного плана молодежная бригада № 4 /бригадир т. Вирц/. Кроме того в ряде других бригад /4, 9, 7/ имеются отдельные члены, не выполняющие норм выработки.

2. Лесоповальные бригады не обеспечены качественным инструментом, /лучковые пилы, топоры/, расточка лучковых пил на производстве организована плохо.

3. Члены комсомольско-молодежных женских бригад: 1, 4, 7, 9, 11 и 13 не обеспечены летним обмундированием и работают в ватных брюках. Из-за отсутствия рукавиц и портянок увеличивается число освобожденных по причинам опухания рук и потертости ног.

4. В бараках много клопов, требуется проведение дегазации их серой.

5. На производстве из-за отсутствия бочек не имеется кипяченой воды.

6. На подкомандировке «Юрты», где живут члены молодежных бригад нет радио, не обеспечены настольными играми и литературой.

В целях улучшения условий работы комсомольско-молодежных бригад,

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Начальнику 12 ЛЗО т. ГАЛУЗИНУ в целях сокращения больших переходов бригад работающих на лесоповале и дорожных работах организовать временное размещение в 4-х стандартных домиках в 210 квартале.

2. Начальнику ООС т. РЫЛОВУ изыскать возможности и обеспечить к 27 июня с.г. летним обмундированием все комсомольско-молодежные бригады.

3. Начальнику отделения труда и нормирования т. КРЖЕВИЦКОЙ организовать техническую учебу в комсомольско-молодежных бригадах – с 20/VI с.г.

4. Начальнику ПРО т. ПЕТРОВУ ежемесячно обобщать опыт работы комсомольско-молодежных бригад и лучшие методы работы передать всем работающим.

5. Начальнику ПРО т. ПЕТРОВУ, Начальнику 12 ЛЗО т. ГАЛУЗИНУ и Нач. 3 ОЛП т. АВДОНИНУ обеспечить качественным инструментом молодежные бригады 3 ОЛП: 1, 4, 7, 9.

6. Нач. КБО т. ГАВРИЛОВУ провести дегазирование серой бараки 12 ЛЗО и п/командировки «Юрты» 3 ОЛП, в которых живут молодежные бригады.

7. Начальнику 3 ОЛП т. АВДОНИНУ организовать доставку кипяченой воды на производство и обеспечить ведрами для воды каждую бригаду.

8. Начальнику АХО т. УСАНИНУ к 1 июля обеспечить радио-проводку на п/командировку «Юрты» и отпустить необходимое количество репродукторов.

9. Моему заместителю по производству подполковнику т. РАТМАНИКОВУ взять под контроль выполнение данного приказа.

Начальник Управления
полковник /КУХТИКОВ/

(Архив Учреждения К-231/Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д. 30. Л.б/н).

* * *

Приложение 14

ПРИКАЗ

Начальника Управления Вятского Исправительно Трудового Лагеря НКВД СССР

от «12» октября 1945 г. Пос. Лесной

№ 658

СОДЕРЖАНИЕ: О проведении производственно-массовой работы среди военнопленных.

В целях усиления производственно-массовой работы среди работающих в ВЯТЛАГЕ военнопленных, направленной на поднятие производительности труда и качественное выполнение и перевыполнение дневных норм выработки

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. На 12 ЛЗО (Има), 9 ОЛП, 5 ОЛП (ОКС, Лесозавод, ЦММ) и 3 ОЛП с 15 октября с/г за счет недокомплекта аппарата по лагподразделениям ввести по единой штатной должности организаторов производственно-массовой работы среди военнопленных, которых подчинить Культурно-Воспитательному Отделу Управления с непосредственной увязкой на подразделениях с КВЧ.

2. В качестве организаторов производственно-массовой работы среди военнопленных с 15 октября с.г. утвердить (немцев-«трудармейцев». – *Авт.*):

по 3 ОЛП – тов. РАЙС с месячным окладом 550 руб.

по 9 ОЛП – тов. РОТТЕРМЕЛЬ -»- 500 руб.

по 12 ЛЗО – тов. ТАМКЭ -»- 600 руб.

по 5 ОЛП – тов. МИЛЛЕР П.Я. -»- 600 руб.

(ОКС, Л/зав., ЦММ)

3. Поручить Начальнику КВО Лейтенанту КОНДРАШЕВУ, совместно с Политотделом в 3-х дневный срок созвать совещание организаторов производственно-массовой работы среди военнопленных, на котором детально разъяснить роль и задачи их по развертыванию производственно-массовой работы. На совещание пригласить представителей лагеря 101, секретарей партийных организаций и начальников КВЧ тех лагподразделений, где устанавливаются должности организаторов производственно-массовой работы среди военнопленных.

4. Начальнику КВО тов. КОНДРАШОВУ в течение двух месяцев детально изучить деятельность организаторов производственно-массовой работы среди военнопленных и доложить мне не позже 15/ХП-с/г.

5. Организаторы производственно-массовой работы всю работу должны строить по мобилизации военнопленных на поднятие производительности труда, выполнение и перевыполнение производственного плана, увязывая эту работу с руководством лагеря № 101 и его подразделениями.

(Дописано от руки: – *Авт.*)

6. Должности организаторов произв[одственно]-массов[ой] работы ввести за счет сокращения адм[инистративно]-тех[нического] аппарата лагеря.

Начальник Управления

ВЯТЛАГА НКВД Полковник:- /КУХТИКОВ/

(Запись на обороте, от руки: – *Авт.*)

Согласно приказа НКВД СССР № 0069915/VI-43 г. мы обязаны сократить аппарат. Распоряжением НКВД о введении новых ставок и приказом НКВД № 337 мы обязаны даже вакантные должности не заполнять. Исходя из изложенного давать дополнительный штат нельзя, можно сократить имеющийся адм. Упр. аппарат лагеря на количество и стоимость этих единиц и тогда учредить этот аппарат за счет производства. Вводить эти должности нельзя т.к. они не относятся к АТП ИТР. Кроме этого распоряжения указанные выше относятся и к производственному аппарату.

11/Х-45 Подпись (неразборчиво)
(Там же. Д. 32. Л. 101, 101об.).

* * *

Приложение 15

СОВ. СЕКРЕТНО.

ПРИКАЗ
Начальника Управления Вятск. Исправит. Трудов. Лагерь НКВД СССР

«12» ноября 1945 г. Пос. Лесной

№ 008сс

СОДЕРЖАНИЕ: Об усилении режимных мероприятий в связи с использованием контингента военнопленных.

Имеют место случаи, когда военнопленные, используемые на производстве на лагподразделениях, общаются с трудмобилизованными, устанавливая с ними преступные связи. Происходит обмен вещевым довольствия, ценностей, продуктов питания. Так мобилизованные 12 ЛЗО Шнейдер, Ристо, Виrolайнен, Адлер и Цейтлер выменяли у военнопленных шинели, белье, ботинки и другие вещи. Десятники взводов военнопленных мобилизованные 12 ЛЗО Циглер и Леонгардт, используя свое служебное положение приобрели у военнопленных своих взводов часы.

С целью прекращения общения мобилизованных с военнопленными и улучшения трудоустройства последних

ПРИКАЗЫВАЮ:

1/ Всех десятников взводов военнопленных, мобилизованных немцев от работы с военнопленными отстранить. В случае производственной необходимости десятников взводов назначать их только после тщательной проверки и обязательно из числа членов ВКП/б/ или ВЛКСМ.

2/ Начальникам лагерных подразделений, где на производстве используются военнопленные, организовать их транспортировку и расстановку по объектам работы с таким расчетом, чтобы они не могли общаться с контингентом трудмобилизованных.

Начальник Управления
Вятлага НКВД – полковник
/КУХТИКОВ/
(Там же. Д. 99. Л. 22).

* * *

Приложение 16

СЕКРЕТНО.

ОСП НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ

12/915 НКВД СССР

28/111–45 г.(?) Полковнику Госбезопасности –

тов. КУЗНЕЦОВУ.

г. Москва

В 1943 г. на основании распоряжения НКВД СССР от 13 апреля за № 52/в-761(?) спецпереселенцы нашей области в количестве 240 человек, были мобилизованы и направлены в Кировскую область на строительство Вятлага. В настоящее время работают там 140 чел., остальные частью умерли, а частью возвращены на поселки по болезни.

В том же г. на основании телеграммы Начальника ГУЛАГа НКВД СССР от 17 сентября за № 42/575 нами мобилизовано и направлено в Архангельскую область еще 98 чел. спецпереселенцев на работы в Лесоком-

бинат ст. Усть-Шоноша Северо-Печерской ж. дороги. Последние зачислены там в постоянные кадры рабочих и на основании распоряжения Зам. Наркома Вн. Дел Союза ССР тов. ЧЕРНЫШЕВА от 5 июня 1944 г. за № 1/10401 сняты с нашего учета и переданы на учет и обслуживание в ОСП Архангельской области. Спецпереселенцам как работающим в Вятлаге так и в лесокомбинате ст. Усть-Шоноша было разъяснено, что они мобилизуются до окончания военных действий.

В настоящее время от этих спецпереселенцев поступают заявления с ходатайством о возвращении их на поселки на соединение со своими семьями. В своих заявлениях спецпереселенцы жалуются на плохие материально-бытовые условия, что они в Вятлаге содержатся в общих бараках вместе с заключенными, не снабжаются обмундированием и до настоящего времени носят свою зимнюю одежду. Семьи спецпереселенцев, главы которых переданы на учет в ОСП Архангельской области выехать в Архангельскую область категорически отказываются, так как на поселках в Вологодской области имеют свое индивидуальное хозяйство /дом, скот и огороды/. Ввиду того, что мы находимся в затруднении в части ответов на заявления спецпереселенцев просим Ваших указаний.

НАЧАЛЬНИК ОСП УНКВД
(по Вологодской области)
МАЙОР /БРЕДНИКОВ/
СТ. О/УПОЛНОМ. ОСП УНКВД
ЛЕЙТЕНАНТ /БАКРЫЛОВ/
(Архив УВД Вологодской области. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 110–110об).

* * *

Приложение 17

Начальнику Вологодского отдела спец-переселения,
от спец-переселенца города Вологды,
Штундер Леонид Афанасьевича.

Заявление.

10-го мая 1943 г. мы были мобилизованы в Кировскую обл. на строительные работы Вятлага НКВД, где и до настоящего времени находимся. При мобилизации нам было объявлено, о том, что мы мобилизуемся до окончания войны, в чем от нас была взята подписка в которой было упомянуто «мобилизуются до окончания войны». Война кончилась. Мы же 3-й год живем в лагере. Выполняем все возможные работы. Причем находимся в лагерных условиях, т.е. работаем вместе с заключенными. Живем также в одном бараке с заключенными. А поэтому просим Вашего ответа, когда мы вернемся к своим семьям на свое место жительства? Так как мы отработали более 2-х лет, обносились в одежде и обуви, которой получаем в недостаточном количестве.

Место нашего нахождения Кировская обл. Вятлаг НКВД 3-й ОЛП. Подкомандировка «Юрты»

Штундер Л.А.
15 июля 1945 г.
(Там же. Л. 111).

* * *

Приложение 18

ХАРАКТЕРИСТИКА

ФЕЛЬДЕ Борис Генрихович (немец-спецпоселенец.– *Авт.*), член ВЛКСМ с 1937 г. Прибыл в Вятлаг в феврале 1942 г. Работал в лесоповальной бригаде 12 ЛЗО. С июня месяца 1942 г. был назначен бригадиром комсомольско-молодежной бригады ОКСа на 12 ЛЗО. Высокая производительность труда и перевыполнение плана работы дало возможность бригаде держать первенство в социалистическом соревновании. С 1944 г. февраля м-ца, был переведен на работу в службу пути ОЖДТ. Работая ремонтным рабочим и нормировщиком околотка тов. ФЕЛЬДЕ показал себя дисциплинированным работником, хорошим организатором, честно и добросовестно исполняющим свои обязанности. В 1945 г. при организации комсомольской организации на железной дороге он был избран членом комитета ВЛКСМ, где руководил культурно-массовым сектором. С октября 1945 г. был избран секретарем Комитета ВЛКСМ Железной Дороги и назначен старшим инспектором КВЧ. Работая инспектором КВЧ и секретарем Комсомольской организации тов. ФЕЛЬДЕ показал себя, как хороший организатор молодых железнодорожников в борьбе за ускорение оборота вагонов и перевыполнение плана погрузки. Транспортный цех Вятлага за четыре месяца 1945 г. держал первенство во Всесоюзном социалистическом соревновании транспортных цехов предприятий МВД и переходящее Красное Знамя ГКО, а также вышел победителем за Апрель месяц 1946 г, в чем не малую роль сыграли передовые комсомольско-

молодежные бригады Железной Дороги. Забота, проявленная о людях, требовательность к себе и подчиненным дали возможность тов. ФЕЛЬДЕ иметь заслуженный авторитет среди работников транспортного цеха.

Характеристика дана для представления в Отдел Кадров.

НАЧАЛЬНИК ОЖДТ ВЯТЛАГа МВД= /КОЛОМОЙЦЕВ/
СЕКРЕТАРЬ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ= /КИССНЕР/
/ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МЕСТНОГО КОМИТЕТА /ЛИХАЧЕВ/
20/У11-46 г.

(Надпись в левом верхнем углу:)

– Не возражаю

24/У11 (Подпись, неразборчиво).

(Надпись в правом верхнем углу:)

– Нет л/д

с/к (Подпись, неразборчиво).

(Архив Вятского ИТЛ/Учреждения К-231 НКВД-МВД СССР. Коллекция документов).

* * *

Приложение 19

Заместителю начальника Управление
Вятлага МВД. Майеру госбезопасности
тов. Шубину
От спец-переселенец Фриц Фридрих
Фридрих 1910 год рождения находящийся
на 17 ОЛП

Заявление.

Прошу, Ваше разрешению, мне отпустить домой к семью, которые находятся в Большой-Улуйского района, Красноярского края, село Александровка. Семная положение не вашно. Отец 1886 год рождения мать 1990 (1890? – Авт.) год рождения. Сам не здоровь и работаю на общую работу, а специальность у меня зоотехник. Прошу мне просьба не откаяться!

9/IX 47 г.(?)

Фриц

(Надписи, от руки:)

- 11 отд.

Где раб.

кем?

– На общих раб

17 л/п

– Отправлен на

сенокос

(Там же).

* * *

Приложение 20

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СПРАВКА

о численности и движении агентурно-осведомительной сети по линии борьбы с бандитизмом МВД Латвийской ССР

За январь 1947 г.

Оставалось на 1.1.47 г. .... – 3.597

Прибыло в отчетном месяце..... – 216

Из них:

Вновь завербовано..... – 197

Принято из других органов..... – 19

Выбыло в отчетном месяце..... – 32

Из них:

Исключено..... – 17

В том числе:

Двурешников..... – 1
 Неработоспособных..... – 16
 Передано в другие органы..... – 5
 Выбыло по разным причинам..... – 10
 В том числе:
 Убито..... – 1
 Осталось на 1.2.47 г..... – 3.781
 Конспиративных квартир..... – 4
 Всего..... – 3.781
 Из них:
 Резидентов..... – 32
 Агентов..... – 257
 Осведомителей..... – 3.492
 ЗАМ. НАЧ. ОТДЕЛЕНИЯ ГУББ МВД СССР
 МАЙОР /СОБОЛЕВ/
 15 марта 1947 г.(?)
 (Ежегодник Музея оккупаций Латвии: 2002. Рига, 2003. С. 326).

* * *

Приложение 21

СОВ. СЕКРЕТНО

СОВЕТ МИНИСТРОВ ЛАТВИЙСКОЙ ССР
Постановление № 282сс

г. Рига «17» марта 1949 года

О ВЫСЕЛЕНИИ ИЗ ПРЕДЕЛОВ ЛАТВИЙСКОЙ ССР
КУЛАЦКИХ СЕМЕЙ

В соответствии с Постановлением Совета Министров Союза ССР № 390–138сс от 29 января 1949 г, Совет Министров Латвийской ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Выселить из пределов Латвийской ССР в отдаленные местности Советского Союза на спецпоселение 10 000 кулацких семей.
2. Утвердить представленные уездными исполнительными комитетами (Советов) депутатов трудящихся списки кулацких семей, подлежащих выселению.
3. Выселение кулацких семей поручить провести МГБ Латвийской ССР.

Председатель
 Совета Министров Латвийской ССР В.ЛАЦИС
 Управляющий Делами
 Совета Министров Латвийской ССР И.БАСТИН
 (Латвийский музей оккупаций: Путеводитель. Рига, 2002. С. 105).

* * *

Приложение 22

(СПИСОК
НА ВЫСЕЛЕНИЕ КУЛАЦКИХ СЕМЕЙ)
(Извлечение)

Алшвангская волость (Айзпутский уезд,
Латвия,
1949 год)

ГРУППА 62.

Начальник группы лейтенант(?) Тарасов И.И.(?)
 Солдат войск МГБ – 2 Кузнецов А.А. Степанов
 Бойцов истр. батальона – 3(?)
 1. Путиньш А. 2. Малдерс Язеп 3.–
 4. Янсонс Лудвиг Язеп.

Подлежат выселению:

1-я семья:

1. ИНТЕНБЕРГС Маргжета Екабовна, 1912 г.р. – гл. семьи.
  2. ИНТЕНБЕРГС Ансис Янович, 1905(?) г.р. – муж.
  3. ИНТЕНБЕРГС Альберт Ансович, 1937 г.р. – сын.
  4. ИНТЕНБЕРГС Аустра Ансовна, 1938 г.р. – дочь.
  5. ИНТЕНБЕРГС Иева Петровна, 1868 г.р. – мать.
  6. ИНТЕНБЕРГС Илзе Яновна, 1890 г.р. – сестра.
  7. ИНТЕНБЕРГС Анна Яновна, 1899 г.р. – сестра.
- Проживают на хут. «Дини» Алшвангской волости.

2-я семья:

1. ЛАЦИС Мария Бренцевна, 1899 г.р. – гл. семьи.
  2. ЛАЦИС Марта Адамовна, 1927 г.р. – дочь.
- Проживают на хут. «Ивниеки» Алшвангской волости.

3-я семья:

1. ДРИГУЛИС Мария Язеповна, 1912 г.р. – гл. семьи.
  2. ДРИГУЛИС Антон Янович, 1909 г.р. – муж.
  3. ДРИГУЛИС Гунар Антонович, 1940 г.р. – сын.
  4. ДРИГУЛИС Антония Антоновна, 1940 г.р. – дочь.
  5. ДРИГУЛИС Анна Яновна, 1901 г.р. – сестра мужа.
- Проживают на хут. «Другули» Алшвангской волости.

4-я семья:

1. КУЛЬБЕРГС Янис Матчевич, 1907 г.р. – гл. семьи.
  2. КУЛЬБЕРГС Магрета Яновна, 1904 г.р. – жена.
  3. КУЛЬБЕРГС Лена Микелевна, 1880 г.р. – мать.
  4. КУЛЬБЕРГС Людвиг Янович, 1935 г.р. – сын.
  5. КУЛЬБЕРГС Ирина Яновна, 1938 г.р. – дочь.
- Проживают на хут. «Кульпы» Алшвангской волости.

(...)

(Там же).

* * *

Приложение 23

РАСПИСКА

«10» апреля 1949 г.

колхоз «им. Литвинова» Ульяновского р-на
(указать место, где отобрана расписка)

Мне выселенцу(ке) БЕЛТЕ

Эмилия Адольфовна, 1897 г.

(указать фамилию, имя, отчество, год рождения)

объявлено, что я Верховным органом СССР выселен(а) в отдаленные районы Советского Союза навечно, без права возвращения к прежнему месту жительства. Мне так же объявлено, что я не имею права выезжать, менять местожительство и работы, хотя и временно, без разрешения местных органов МВД. Я знаю, что в случае нарушения данной расписки я буду привлечен(а) к уголовной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 ноября 1948 г. на 20 лет каторжных работ. Указ от 26/XI-48 г. мне объявлен.

Подпись выселенца Э. Белта

Подписку отобрал зам.нач. Ульяновского РО МВД

л-т (Подпись, неразборчиво)

(должность, воинское звание, подпись)

(Там же).

* * *

Приложение 24

Экз. № 1.

ПОДЛЕЖИТ ОБЯЗАТЕЛЬНОМУ СТРОГО СЕКРЕТНО

ВОЗВРАТУ ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ

В СЕКРЕТАРИАТ МВД СССР. Подлежит возврату... в срок

**ПРИКАЗ
МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
за 1950 год(?).**

СОДЕРЖАНИЕ:

№ 00158: О приеме, перевозке, расселении и трудоустройстве
выселяемых из Псковской области.

№ 00158 «1» марта 1950 г.г. Москва

(Извлечение)

На основании Постановления Совета Министров Союза ССР от 29 декабря 1949 г. № 5881–2201сс в мае 1950 г. МГБ СССР из Пыталовского, Печорского и Качановского районов Псковской области будет производиться выселение кулаков с семьями, семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, а также семей репрессированных пособников бандитов, всего 425 семей, составляющих 1.563 человека. Высылаемые должны быть расселены в Красноярском крае в местах специального поселения навечно; на них распространен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного поселения лиц, высланных в отдаленные районы СССР в период Отечественной войны». Выселяемым разрешено брать с собой лично им принадлежащие ценности, домашние вещи (одежду, посуду, мелкий сельскохозяйственный, ремесленный ... инвентарь) ... всего 1.500 кг...

(...)

Министр внутренних дел СССР
генерал-полковник (С.КРУГЛОВ)

(Ежегодник Латвийского музея оккупаций: 2002.– Рига, 2003. С. 334).

* * *

Приложение 25

«УТВЕРЖДАЮ» «СОГЛАСЕН»
НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ МГБ ПРОКУРОР КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
по Кировской области Государственный Советник Юстиции
Полковник: 3 класса
/СЫСОЕВ/ /ПОНОМАРЕВ/
«13» ноября 1951 г. «15» ноября 1951 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

/О взятии на учет спецпоселения/

1951 г., ноября «12» дня, гор. Киров.

Я, ст. оперуполномоченный 9 отдела УМГБ по Кировской области лейтенант СОЗИНОВ, рассмотрев материалы в отношении немцев ГЛЕЗЕР Леопольда Васильевича и ГЛЕЗЕР-ВИНШУ Марию Андреевну –
НАШЕЛ:

ГЛЕЗЕР Леопольд Васильевич, 1901 г. рождения, уроженец с. Ровное Ровенского района, Саратовской области, по национальности немец, гражданин СССР, проживая в г. Энгельс /быв. АССР немцев Поволжья/ в 1941 году, как лицо немецкой национальности, на основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП/б/ № 2060–935с от 12/IX-41 г. вместе с женой ГЛЕЗЕР-ВИНШУ Марией Андреевной, 1902 г. рождения, по национальности немкой, и дочерью ГЛЕЗЕР Нелли, 1928 г. рождения, были выселены в гор. Минусинск, Красноярского края.

В январе 1942 г. ГЛЕЗЕР Л.В. был мобилизован на трудовые работы, и направлен в Вятлаг МВД, Кировской области.

В июне месяце 1946 г. из Туруханского района, Красноярского края прибыла в Вятлаг его жена ГЛЕЗЕР-ВИНШУ М.А. с дочерью на соединение с ГЛЕЗЕР Л.В.

30 января (ноября.– Авт.) 1946 г. ГЛЕЗЕР Л.В. из Вятлага МВД на основании приказа МВД СССР № 0205(?) 11/У11–46 г. был демобилизован с правом выезда в гор. Абакан, Красноярского края. По прибытию в указанный адрес был обязан явиться в спецкомендатуру МВД и встать на учет спецпоселения. ГЛЕЗЕР Л.В. вместе с семьей в гор. Абакан не поехал, а выехал в гор. Котельнич, Кировской области. Он поступил работать актером в Котельнический гортеатр, а жена актрисой. На учет спецпоселения не встали.

В 1950 г. ГЛЕЗЕР Л.В. и жена его ГЛЕЗЕР-ВИНШУ М.А. переехали в гор. Уржум, Кировской области и устроились на работу в Уржумский колхозный театр, где и работают в настоящее время.

Дочь их, ГЛЕЗЕР (в замужестве ЦАЛОВА. – *Авт.*) Нелли Леопольдовна, 1928 г. рождения, с 1949 г. состоит на учете спецпоселения, проживает в гор. Кирс, Омутнинского р-на, Кировской области, работает учителем в средней школе.

Учитывая, что ГЛЕЗЕР Леопольд Васильевич и его жена ГЛЕЗЕР-ВИНШУ Мария Андреевна на основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП/б/ № 2060–935с от 12/IX-41 г. как лица немецкой национальности были высланы из г. Энгельс, состояли на учете спецпоселения и руководствуясь директивой 9 Управления МГБ СССР № 9/5–3778(?) от 10 мая 1951 г. –

ПОЛАГАЛ-БЫ:

ГЛЕЗЕР Леопольда Васильевича, 1901 г. рождения и его жену ГЛЕЗЕР-ВИНШУ Марию Андреевну, 1902 г. рождения взять на учет спецпоселения и водворить в одну из спецкомендатур УМГБ (по) Кировской обл.

Настоящее заключение вместе с материалами проверки направить на рассмотрение Особого совещания при МГБ СССР, для вынесения решения о взятии ГЛЕЗЕР Л.В. и ГЛЕЗЕР-ВИНШУ М.А. на учет спецпоселения.

СТ. ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ 9 ОТДЕЛА

УМГБ Кировской обл. Лейтенант:

/СОЗИНОВ/

«СОГЛАСЕН»: ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА 9 ОТДЕЛА УМГБ

по Кировской области Майор:

/ВИНОКУРОВ/

Верно: Ст. о/уполном. 9 отд. УМГБ КО

лейтенант /Созинов/

(ГАКО. Коллекция документов).

* * *

Приложение 26

СВЕДЕНИЯ

**о составе спецпоселений в Кировской области
(1930–1956 годы).**

1930 год.

В извещении Нижегородского крайисполкома от 28 марта 1930 г. сообщается, что намечено совместно с «Волгокаспийлес» переселение в пределы Верхне-Камского лесспромхоза с первыми весенними пароходами 1930 г. 1 500 «кулацких семейств» общим числом ориентировочно 7 500 человек. Размещение произвести шестью равными партиями по 250 хозяйств ориентировочно в следующие пункты:

Учлеспромхоз – Рудник № 1 – река Волосница, устье притока реки

Созим;

Рудник № 2 – река Нырмыч, устье притока реки

Сейзы;

Кайский № 3 – река Кужва, в начале сплавного пути

реки Чус;

Лойнский № 4 – то же, выше устья реки Глубокой;

Гидаевский № 5 – река Порыш, устье реки Нооба;

Гидаевский № 6(?) – река Порыш, верховье реки Има.

Разгрузка переселяемых в местах высадки: на устье реки Волосницы – по поселкам № 1 и 2, село Кайгородское – поселки № 3, 5 и 6 и село Лойнское – поселок № 4.

(ГАКО. Ф. 877 (Вятский окрисполком). Оп. 2. Д. 16. Л. 162).

Из докладной записки Вятского окружного отдела ОГПУ от 6 апреля 1930 г. следует, что первые партии «выселенных кулаков» прибыли в Синегорский район в конце марта 1930 г. и были расселены:

– в 38-м квартале Синегорского учлеспромхоза (в 100 километрах от райцентра и 25 километрах от ближайшего населенного пункта – 256 семей, 1.208 человек;

– в 20-м квартале Мулинского учлеспромхоза (в 70 километрах от райцентра и 35 километрах от ближайшего населенного пункта) – 415 человек;

– в 24-м квартале Поломского учлеспромхоза (в 85 километрах от райцентра и 20 километрах от ближайшего населенного пункта) – 561 человек.

(Там же. Д. 10. Л. 409).

В докладной записке Вятского окружного отдела ОГПУ* от 12 апреля 1930 г. говорится о том, что в связи с постановлением «оперативной тройки» при Нижегородском(?) окружкома ВКП(б) от 26 марта 1930 г. «О вы-

селении кулачества из районов сплошной коллективизации» (Вожгальского, Зуевского, Фаленского) в начале апреля 1930 г. подвергнуты выселению 67 семей (285 человек), место поселения установлено в пределах 99-го квартала Поломского учлеспромхоза Синегорского района. 10 «кулаков» из прибывших ранее партий «иногороднего кулачества» отправлены в пределы 38-го квартала Синегорского учлеспромхоза.

(Там же. Л. 293).

23 мая и 14 июля 1930 г. Вятский окружной отдел ОГПУ докладывал, что во всех пунктах поселения находятся 2 499 человек «выселенного кулачества».

Местом поселения «выселенного кулачества» (как иногороднего, так и местного) является Синегорский район округа, в котором организованы 4 поселка.

В поселке № 1 (квартал № 38) – 1 200 человек. Поселок расположен на притоке реки Кобра – реке Мытец, разбит на несколько пунктов, расположенных друг от друга в радиусе до 12 километров. Центр находится в Малой Дубровке, остальные – в участках Сосновое Болото, Большая Дубровка и Зеленое.

В поселке № 2 (квартал № 20) – 350 человек. Поселок расположен на берегу реки Соз.

В поселке № 3 (квартал № 24) – 567 человек.

В поселке № 4 (квартал № 99) – 282 человека.

Все пункты находятся друг от друга на расстоянии от 30 до 110 километров.

Поселки находятся в административном подчинении окрадротдела.

(Там же. Л. 481, 511, 519).

Командант Холуницкого особо-административного поселка (ОАП) № 2 сообщал в первой половине августа 1930 года(?) в Нижегородский крайадмтдел, что с момента организации ОАП № 2 (квартал № 99) из «кулацкого эксплуататорского населения» бывших «районов сплошной коллективизации» – Фаленского, Зуевского и Вожгальского – в поселок прибыли 292 человека, из них 23 совершили побег, и на 1 августа 1930 г. состоят на учете 269 человек. Он информировал также, что, по имеющимся у него сведениям, из ОАП № 1 в квартале № 23 (номера поселков и кварталов приводятся по оригиналу документа. – *Сост.*) из числа 580 человек (поселенцев) совершили побег до 50 процентов.

(Там же. Д. 16. Л. 567–570).

В архивном фонде Лальского райисполкома содержатся сведения о спецпоселке «Новый путь» Лузского лагеря ОГПУ (в 1930 г. находился на территории Архангельской области. – *Сост.*).

В письме Северо-Двинской колонизационной партии в Лальский райисполком от 8 августа 1930 г. говорится о том, что в Лальском районе в границах рек Лахты, Береговой (Березовой?) Падун, Черемушки «в ближайшее время будут заброшены 250 семей спецпереселенцев для водворения». Позднее уточнили, что «Лехту заселять не предложено».

(Там же. Ф. 3058 (фонд Лальского райисполкома). Оп. 1. Д. 27. Л. 15, 17, 29).

В архивном фонде Вятского окрадротдела имеются сведения о дислокации ОАП (отдельных административных поселков. – Авт.) на август 1930 года:

- поселок № 1 «Черный» Синегорского района (квартал № 23) на реке Чернушке;
- поселок № 2 «Холуницкий» Синегорского района (квартал № 99) на реке Черная Холуница;
- поселок № 3 «Мало-Дубровский» Синегорского района (квартал № 38) на реке Мытец;
- поселок № 4 «Кобрский» Синегорского района (квартал № 20) на реке Соз.

(Там же. Ф. 1259 (Вятского окрадротдела). Оп. 1. Д. 46. Л. 57).

Упоминается также «административный поселок Сосновский» (Синегорский район, учлеспромхоз Сосновка, барак № 21?). Сообщается, что в связи с ликвидацией окротдела дела на «особо-административные поселки» переданы в Нижегородское крайадмуправление в августе 1930 г.

(Там же. Д. 50. Л. 73, 74; Д. 46. Л. 58).

1931–1932 годы.

В плане сельхозустройства спецпереселенцев Лальского района (в 1931–1932 годах – территория Архангельской области. – *Сост.*) на 1932 год отмечается, что население спецпоселка № 1 составляет 1 420 человек. Уполномоченный полномочного представительства (ПП) ОГПУ по Лальскому району писал, что «заклученные в организованные при станции Луза лагеря начали прибывать с 14 мая 1931 года».

(Там же. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 24. Л. 80, 139; Д. 32. Л. 8; Д. 34. Л. 10, 11).

В документах по Лальскому району за 1931 год имеются сведения о том, что переселенцы размещены на станции Суловка (один пункт) и на станции Лунданка (4 пункта в радиусе 3-х километров). Все трудоспособные переселенцы оставлены в Лузе на работах в летних лагерях (справка от 2 октября 1931 года), а дети, старики и другие – на станции Суловка и Лунданка в теплых бараках. В Лузском лагере ОГПУ размещены «административные» и переселенцы. На станции Суловка – около 500 человек, на станции Лунданка – около 700 человек, в Лузе – около 500 человек («бараки в 3-х верстах от Лузы»).

(Там же. Д. 25. Л. 30–121).

В архивном фонде Нагорского райисполкома в политико-экономических характеристиках на 27 мая 1931 года(?), 7 февраля и 1 октября 1932 г. указывается, что в районе имеются 4 спецпоселка («поселки интернированных кулаков») с общим числом 4.000 человек. В постановлении президиума райисполкома от 13 июля 1931 г. при обосновании необходимости ремонта дорог в районе, указывается, что «Синегорский тракт» «по лесу имеет свои особенности», в частности, потому, что через этот тракт сообщаются два ОАП – №№ 3 и 4.

(Там же. Ф. 1014 (фонд Нагорского райисполкома). Оп. 2. Д. 27. Л. 33об; Д. 2. Л. 12, 63).

1933–1934 годы.

В архивном фонде Омутнинского райисполкома в объяснительной записке к проекту строительства двух спецпоселков в Омутнинском районе для завода треста «Омутносталь» (ноябрь 1933 года) говорится о том, что поселок № 1 намечен к строительству рядом с Гниловским железным рудником, который снабжает рудой Черно-Холуницкий завод, в 9 километрах от Черно-Холуницкого завода – южнее завода, на реке Гниловке. Спецпоселок № 2 намечено построить на реке Чернушке, в 30 километрах юго-восточнее Песковского завода. Поселок будет располагаться на расстоянии 12 километров северо-восточнее Рябовского рудника, в 16 километрах – от Осинового рудника и в 4 километрах – от Лупейского рудника.

Для строительства спецпоселка Гниловского рудника просили отвести кварталы №№ 95, 96, 97 лесной дачи Климовского леспромхоза, а для спецпоселка при Рябовском руднике – кварталы №№ 444–448 (целиком) и кварталы №№ 428–432 (половину) лесной дачи Песковского леспромхоза.

(Там же. Ф. 1583 (фонд Омутнинского райисполкома). Оп. 2. Д. 68. Л. 37, 52).

Кировский крайоно 5 июля 1933 г. сообщал в крайфинуправление, что в апреле 1933 г. в Омутнинский район в порядке принудительного переселения на постоянное жительство завезена 561 семья. Большинство из них – «единоличники, отказавшиеся от посева», остальные – «кулацкие хозяйства». По национальности – башкиры, татары, русские, марийцы, удмурты, чуваша, украинцы и др. Общее количество – 2.550 человек.

(Там же. Л. 16).

В документах по Лальскому району за 1933 год говорится о спецпоселке «Новый путь». Он расположен на берегу реки Лузы, в 3-х километрах от станции Луза. Проживало в нем: в мае 1933 г. – 1 035 человек, к 1 сентября – 1 067, в декабре – 746 человек.

(Там же. Ф. 3058. Оп. 1. Д. 49. Л. 7–156).

В документах Кировского крайоно имеются сведения (1933–1934 годы) о спецпоселках в Кайском(?), Нагорском и Омутнинском районах.

1933 год:

Нагорский район – спецпоселки №№ 1, 2, 3, 4;

Кайский район – спецпоселки №№ 1, 2.

С января по апрель 1933 г. в спецпоселки №№ 1 и 4 Нагорского района прибыли 900 человек – молдаване.

Вновь созданы 2 спецпоселка в Омутнинском районе:

в спецпоселке № 1–296 семей, 1.431 житель (башкиры, казаки);

в спецпоселке № 2–164 семьи, 816 жителей.

Март 1934 года:

Нагорский район – спецпоселки №№ 1, 2, 3, 4;

Омутнинский район – спецпоселки №№ 5, 6;

Кайский район – спецпоселки №№ 7, 8.

Апрель 1934 года:

Омутнинский район – спецпоселки №№ 5 – Гниловский рудник, № 6 – «Черемушка»;

Кайский район – спецпоселки «Ожмегово», «Скачек».

УНКВД по Горьковскому краю в сентябре 1934 г. известил Горьковский крайоно о том, что «в ближайшее время будет произведена ликвидация трудпоселка № 6 Омутнинского района с перечислением всей рабочей силы трудпоселенцев в трудпоселок № 10 «Фосфориты». Имеется также смета на детплощадку трудпоселка № 10 Кайского района, составленная комендантом трудпоселка № 9 (номера поселков приводятся по оригиналам документов. – Сост.).

(Там же. Ф. 2333 (фонд Кировского крайоно). Оп. 1. Д. 23. Л. 13(?), 145, 207, 219, 246, 375, 390).

1940 год.

В архивном фонде Кировской прокуратуры, в делах по надзору за соблюдением соцзаконности в трудпоселках и спецпоселках за 1940 год имеются сведения о том, что на территории Кировской области были размещены ТРУДПОСЕЛКИ:

№№ 1 и 2 – в Поломском районе;

№№ 3 и 4 – в Нагорском районе;

№ 5 – в Омутнинском районе;

№№ 6 и 7 – в Кайском районе.

В поселке № 1 содержится 290 семей, 1 061 человек. Заняты на работах в лесной промышленности – 228 человек, при сельхозартели трудпоселка – 187 человек. Часть поселенцев работают на лесоразработках в отдалении от трудпоселка, например, на Чернохолуницком участке – в 55 километрах от поселка, в зоне трудпоселка № 2 – на расстоянии 30 километров, на участках Высоково и Рудно – 40 километров, и 10 человек работают в городе Кирове. Снято с учета молодежи – 117 человек.

В поселке № 2–170 семей с контингентом 677 человек. Рабочая сила используется Лабазнинским лесоучастком Климовского леспромхоза треста «Кирлес».

Поселок № 3 находится в 80 километрах от райцентра, на трудпоселении содержатся 254 семьи – 884 человека. Трудоспособные заняты на Мытцецовском и Синегорском лесопунктах Нагорского леспромхоза, сплаваучастке рейдовой конторы, в сельхозартели при самом поселке, в учреждениях поселка. Снято с учета молодежи – 132 человека.

В поселке № 5 содержатся 302 семьи с контингентом 1 075 человек. Поселенцы работают в Гниловских рудниках Чернохолуницкого завода треста «Росчермет», в сельхозартели трудпоселка. В шахтах, на добыче руды используются исключительно трудпоселенцы.

Поселок № 7 – на территории Ожмегово, тут же расположены лесоучастки Кайского леспромхоза.

В документах за 1940 год содержатся также сведения о СПЕЦПОСЕЛКАХ:

Спецпоселок «Скачек» находится в 47 километрах от центра Кайского района села Лойно, от ближайшей железнодорожной линии – трудпоселка Рудники – в 71 километре и от ближайшего населенного пункта – села Кай – 12 километров. В спецпоселке в основном содержатся переселенцы – польские «осадники», ранее проживавшие в Ставропольской (Станиславской, ныне Ивано-Франковской? – *Авт.*) области, а также направленные из других областей Западной Украины и Западной Белоруссии. По национальному составу – поляки, 2–3 семьи – украинцы. Всего населения – 111 семей, 519 человек. Спецпоселенцы работают в Кайском леспромхозе треста «Кирлес» на основании договора между ГУЛАГом и Наркомлесом СССР от 20 февраля 1940 г.

Спецпоселок № 2 «Дубровка» (Нагорский район) находится в 83 километрах от центра района и в 5 километрах от трудпоселка № 3. В спецпоселке в основном содержатся переселенцы – польские «осадники», ранее проживавшие в Западной Украине и в Западной Белоруссии, по национальному составу: поляки (48 семей), украинцы (2 семьи), белорусы (5 семей), всего взрослых – 196 человек.

(Там же. Ф. 2943 (фонд областной прокуратуры). Оп. 8. Д. 16. Л. 1–28; Д. 19. Л. 4–51).

1941 год.

По документам Кировской областной прокуратуры за 1941 год проходят ТРУДПОСЕЛКИ:

№ 1 и 2 – Поломского района;

№ 3 – Нагорского района;

№ 5 – Омутнинского района (Гниловский рудник Чернохолуницкого завода) – в 7 километрах от завода, 287 семей, 978 человек;

село Пушья – Кайского района.

(Там же. Л. 73; Д. 31. Л. 1–25).

По документам Кировской областной прокуратуры, на территории Кировской области в 1941 г. находились СПЕЦПОСЕЛКИ:

№ 1 – «Скачек» – в 47 километрах от центра Кайского района (село Лойно) в 12 километрах от села Кай.

№ 2 – «Дубровка» («Малая Дубровка») – в 80 километрах от села Нагорское (центр района) и в 5 километрах от трудпоселка № 3.

№ 3 – «Маромица» – в 30 (19? – *Авт.*) километрах к северо-востоку от станции Опарино (центр района), рядом с железнодорожной веткой (на 14-м километре). Ближайший железнодорожный пункт – разъезд Латышский Горьковской железной дороги. Всего в поселке – 97 семей спецпереселенцев (в том числе: поляков – 70, украинцев – 27), общим количеством – около 500 человек. Спецпереселенцы работают при лесопункте Маромица Опаринского леспромхоза треста «Лузтранслес» по договору, заключенному с ОИТК Архангельской области.

«Новый быт» – Лальского района Христофоровского мехлесопункта треста «Лузтранслес». В поселке проживают 136 семей (550 человек), преимущественно – поляки.

Упоминается также поселок № 4 «Каменка» Подосиновского района.

(Там же. Д. 16. Л. 36–112).

1942 год.

В документах архивного фонда Кировского облоно имеются сведения о том, что спецпоселок № 2 «Малая Дубровка» начал существование с июня (июля? – *Авт.*) 1940 г, а также о том, что в начале 1942 года(?) детский

сад в поселке «Малая Дубровка» и «польский детдом» в Опаринском районе были приняты «в советскую систему».

(Там же. Ф. 2342 (фонд Кировского облоно). Оп. 2. Д. 31. Л. 23; Д. 51. Л. 12–14).

1951 год.

В архивном фонде Кировской областной прокуратуры в делах по надзору за спецпоселками (1951–1955 годы) имеются следующие сведения.

СПИСОК

спецпоселков в Кировской области

(на 9 ноября 1951 года)

1. Белохолуницкий район 1. поселок Климковка дом инвалидов
  2. Зуевский район 2. поселок Косино
  3. Кайский район 3. Ожмегово сельхозартель
  4. Рудник
  5. Вятлаг
  4. Лальский район 6. Новый путь сельхозартель
  5. Опаринский район 7. поселок Маромица уч. ЛТХ
  6. Даровский район 8. поселок Бичево
  7. Мухинский район 9. поселок Племсовхоз
1 уч. № 15
  10. 2 уч. № 17
  8. Медянский район 11. Мурыгино дом инвалидов
  9. Шестаковский район 12. Летский Рейд уч. сплавконтора
  13. поселок Сухоборка уч. ЛПХ
  10. Омутнинский район 14. поселок Гниловка № 5 сельхозартель
  11. Поломский район 15. № 1
  16. № 2 сельхозартель
  12. Нагорский район 17. № 1 колхоз
«Новый путь» сельхозартель
  18. «Строитель» сельхозартель
  19. Красная речка уч. ЛПХ
- Всего спецпоселков – 19.

(Там же. Ф. 2943. Оп. 13. Д. 517. Л. 47).

Дополнительные данные за 1951 год (по документам Кировской областной прокуратуры).

В Кайском районе находятся спецпоселки (спецкомендатуры) №№ 6, 17 (7*) и 19, некоторые расположены за рекой Камой.

Лальский район.

Все спецпереселенцы проживают в поселке Лузского лесозавода и в поселке «Новый путь». Для трудового устройства переданы в Министерство путей сообщения (Лузский лесозавод) и в Министерство сельского хозяйства (колхоз имени 15 лет Октября).

Спецкомендатура № 8.

Опаринский район.

Спецкомендатура № 16 РО МГБ.

На территории Мухинского района имеются 2 спецпоселка племсвинсовхозе «Мухинский».

1. Спецпоселок № 15 – в 8 километрах от села Мухино. Всего – 856 человек, из них: немцев – 794 (демобилизированных* – 731), эстонцев – 62, болгар – 45, «оуновцев» – 8, «власовцев» – 6, чеченцев – 3, литовцев – 1. Значатся «выселенцами» – 62 человека, спецпоселенцами – 732(?).

2. Спецпоселок № 17 – в 18 километрах от села Мухино, на участке № 2 племсвинсовхоза «Мухинский». Всего – 390 человек, из них: немцев – 276, болгар – 3, эстонцев – 74, «оуновцев» – 5, «власовцев» – 4. Значатся «выселенцами» – 74 человека, спецпоселенцами – 316.

Спецпоселок № 5 Омутнинского района находится на расстоянии 57 километров от города Омутнинска – по узкоколейной железной дороге. На учете находятся 422 человека, из них: немцев – 408, «высланных из Крыма» – 3, «оуновцев» – 7, «власовцев» – 4. Работают в лесном и горном отделах Чернохолуницкого завода. «Выселенцы» – 411 человек, спецпоселенцы – 11.

Шестаковский район – спецкомендатура № 12.

Нагорский район – спецпоселки №№ 3 и 4, в 75 и 100 километрах от райцентра.

(Там же. Л. 27–75).

1952 год.

Дополнительные данные (по документам Кировской областной прокуратуры за 1952 год).

Белохолуницкий район.

Спецкомендатура № 18.

Имеется Осиновский дом для инвалидов-спецпоселенцев. Спецпоселок расположен в 40 километрах от райцентра, в 86 километрах от железнодорожной станции города Слободского(?). На учете – 177 человек, из них: «оуновцев» – 125, немцев – 29, «из Крыма» – 5, «власовцев» – 1, эстонцев – 2, литовцев – 2, ссыльно-поселенцев – 2, прочих – 4.

Зуевский район.

Спецпоселок № 10.

Расположен в поселке Косино, при Косинской бумажной фабрике, в 9 километрах от райцентра, города Зуевки, и в 500 метрах от железнодорожного разъезда Коса. На учете – 469 человек, из них: немцев – 292, «власовцев» – 2, калмыков – 1.

В Кайском районе – спецпоселки (спецкомендатуры*) № 6 (Рудники), № 7 (Ожмегово), № 19 (Вятлаг МВД).

Спецпоселок № 6 расположен в 20 километрах от райцентра и в 2,5 километрах от станции Верхне-Камская Пермской железной дороги. На учете спецпоселенцев: немцев – 454(?), «оуновцев» – 114, «крымский контингент» – 6 (болгар – 4, татар – 2). Административно-ссыльных – 8, из них: эстонцев – 3, латышей – 4, немцев – 1.

Всех спецпоселенцы проживают в 5 населенных пунктах: Верхнекамские фосфоритные рудники (330 человек), Завод № 4 (225 человек), Новый поселок ВКФР (10 человек), Совхоз № 3 Вятлага (5 человек), село Волосница, участок Вятлага № 4 (12 человек).

Лальский район.

Спецпоселок № 8 – город Луза.

Все спецпоселенцы – немцы, высланные из Украины на основании директивы НКВД СССР от 11 октября 1945 г, оставлены на спецпоселении «проживать навечно» на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. Используются: часть – на Лузском лесозаводе, 35 хозяйств являются членами колхоза имени 15 лет Октября (колхоз состоит из спецпоселенцев).

Опаринский район.

Спецпоселок № 16, расположен в поселке Маромица, в 18 километрах от станции Опарино и в 14 километрах от разъезда Латышский Печерской железной дороги, на линии ведомственной железнодорожной ветки. На учете – 251 человек, в том числе: немцев – 173, украинцев-«оуновцев» – 78.

Шестаковский район.

Спецпоселок № 11 – «Летский Рейд».

Расположен в 3 километрах от райцентра, в 28 километрах от станции железной дороги города Слободского. Основан на территории областного участка Летского рейда Верхневятской сплавной конторы. На учете состоят 325 человек, из них: немцев – 315, «оуновцев» – 10. Проживают в трех поселках: Летский Рейд, Рычажное и Центральный поселок. Работают на Летском рейде и в Шестаковском леспромпхозе.

Омутнинский район.

Спецпоселок № 5 – «Гниловка».

Организован в 1945 году, находится в 50 километрах от станции Стальная, в 50 километрах от райцентра и в 2 километрах от узкоколейной железнодорожной станции Гниловка. Организован на базе Чернохолуницкого металлургического завода Минчермета СССР. Спецпоселенцы являются постоянными кадровыми рабочими завода (358 человек), а члены семей, не занятые в промышленном производстве, являются членами сельхозартели «Новая заря» (21 человек), которая состоит исключительно из спецпоселенцев. Всего на учете – 682 человека, из них: немцев – 666, (10) крымских татар – 3, «оуновцев» – 9, «власовцев» – 4. Проживают на трех участках: на центральном участке поселка Гниловский, на участке Старая Половинка, на участке Захваткинский. На бланке Гниловской начальной школы указан ее адрес: «п/о Гниловка, трудпоселок № 5, Чернохолуницкого поселкового Совета Омутнинского района».

Поломский район.

Спецпоселок № 1.

Расположен в 70 километрах от райцентра и в 45 километрах от ближайшей железнодорожной станции Кирс Пермской железной дороги. Проживают 673 человека, из них: «оуновцев» – 214, болгар – 10, немцев – 446, эстонцев – 2, «власовцев» – 1. Работают: в колхозе имени Чкалова – 317 человек (состоят членами колхоза), на Зимовском лесопункте, на Зимовском сплавушке, в учреждениях поселка. На бланке сельхозартели имени Чкалова указан адрес: «Черниговский поселок, Поломского района», семилетняя школа в поселке тоже называется Черниговской.

Спецпоселок № 2.

Расположен в 75 километрах от райцентра, в 116 километрах от железнодорожной станции Слободской и в 30 километрах от узкоколейной железнодорожной станции поселка Черная Холуница. Всего проживают 597 человек, из них: «оуновцев» – 26, «из Крыма» – 31, немцев – 500, эстонцев – 38, «власовцев» – 2. Используются на работах: состоят членами колхоза имени КИМ – 248 человек, в Боровском лесопункте Поломского леспромхоза – 61, в Боровском стройучастке Поломского ЛПХ – 40, в Боровском сплавучастке Поломского рейда – 10, в школе ФЗО Боровского лесопункта – 2.

Нагорский район.

Спецпоселок № 4.

Расположен в 80 километрах от райцентра, в 168 километрах от железнодорожной станции Слободской. Основан на базе сельхозартели, в сельхозартели «Строитель» состоят членами 304 спецпереселенца, остальные (большинство) – там же вольнонаемными, так как отказались вступить в члены колхоза. Используются: в колхозе «Строитель» – 141 человек, в Краснореченском лесопункте – 22, в хозяйственных организациях – 38.

Спецпоселок № 9 (спецкомендатура Нагорского РО МГБ № 9).

Расположен в 183 километрах от железнодорожной станции Слободской, в 90 километрах от паромной пристани Мулино. Спецпоселок основан на базе Краснореченского лесопункта. Всего находятся 474 человека, в том числе: «оуновцев» – 326, немцев – 46, эстонцев – 23. Работают: в Краснореченском лесопункте – 270 человек, в Краснореченском сплавучастке – 50, в разных хозяйственных организациях – 30.

Кроме того, упоминается спецпоселок «Каменка» Подосиновского района (в характеристике спецпоселенца говорится, что он «был на спецпоселении в спецпоселке Каменка в 1946 году).

(Там же. Д. 659. Л. 16–205).

1953–1954 годы.

В списке спецпоселков в Кировской области на 1 января 1953 г. значатся 18 спецпоселков.

№ 1 Колхоз имени Чкалова Поломский район, Троицкий сельсовет

№ 2 колхоз имени КИМ, Дубровка Поломский район, Троицкий сельсовет

№ 3 Колхоз «Новый путь» Нагорский район, Синегорский сельсовет

№ 4 Колхоз «Строитель» Нагорский район, Ильмовский сельсовет

№ 5 Колхоз «Новая заря» Омутнинский район

№ 6 Поселок Рудничный Кайский район, поселок Рудничный

№ 7 Колхоз Ожмегово Кайский район, Лойнский сельсовет

№ 8 Колхоз «Новый путь» Лальский район, город Луза

№ 9 Лесопункт Красная Речка Нагорский район, Ильмовский сельсовет

№ 10 Бумажная фабрика Зуевский район, Косинская бумажная поселка Косино фабрика

№ 11 Поселок Летский Рейд Шестаковский район, Шестаковский сельсовет

№ 12 Поселок Сухоборка -»«-

№ 13 Поселок Мурыгино Медянский район, поселок Мурыгино

(ликвидирован

с 1 июля 1953 года)

№ 14 Поселок Бечева Даровский район

№ 15 Поселок Племсовхоза Мухинский район, поселок Племсовхоза

№ 16 Поселок Маромица Опаринский район, Маромицкий сельсовет

№ 17 Поселок Осинковский Белохолуницкий район, Климовский сельсовет

№ 18 Поселок Лесной Кайский район, поселок Лесной

(Там же. Д. 731. Л. 5).

Дополнительные сведения:

Поломский район.

На территории спецпоселка № 1 в 1953 г. организован сельский Совет Лесной, основное население которого состоит из спецпоселенцев поселков № 1 и № 2.

Спецпоселок № 2 организован в 1930 г. на базе Поломского леспромхоза* и колхоза «КИМ». Спецпоселенцы, проживающие в настоящее время в поселке, водворены в 1948 году. Работающие в леспромхозе проживают в поселке Боровка.

Спецпоселок «Дубровка» организован 9 июля 1953 г. на базе Дубровского ЛПХ. Спецпереселенцы переведены из поселка Мурыгино (спецкомендатура № 13). Находится на территории Поломского района, в 20 километрах от райцентра и паромной пристани Полом, от железнодорожной станции Слободской – в 160 ки-

лометрах. Население – 213 человек, из них взрослых 148, в том числе: немцев – 2, украинцев-«оуновцев» – 1, ингушей – 1, болгар из Крыма – 144. Трудоспособные работают в Дубровском ЛПХ, в Дубровском стройучастке.

Нагорский район.

Спецпоселок № 3 расположен в 75 километрах от райцентра – села Нагорское. Проживают 762 человека, из них: немцев – 292, «оуновцев» – 470, эстонцев – 20, «власовец» – 1. Спецпоселок № 9 расположен на территории Нагорского района в 95 километрах от райцентра. Всего в поселке размещены 546 человек, в их числе: «оуновцев» – 453, немцев – 70, эстонцев – 23. На лесоучастке работают 345 спецпоселенцев.

Кайский район.

Спецкомендатура № 6 РО МВД(?) обслуживает спецпоселок Кайского района, расположенный в рабочих поселках Фосфоритный рудник и Завод № 4. Проживают: немцы – 1 026, украинцы-«оуновцы» – 152, литовцы – 6, «власовцы» – 2. Работают на фосфоритном руднике и заводе № 4.

Спецпоселок Ожмегово обслуживается спецкомендатурой № 7 Кайского РО МВД(?). На спецпоселении проживают 424 человека, в том числе: немцев – 347, «оуновцев» – 73, «власовцев» – 4. Состоят членами сельхозартели «День урожая» и работают в колхозе 85 человек вместе с семьями. В 1953 г. колхоз слился с колхозом «День урожая», состоящим из местного населения, с центром в поселке Ожмегово. Остальные работают «кадровыми» в Ожмеговском лесоучастке (49 человек) и в Ожмеговском сплавуучастке (69). В 1953 г. прибыли по вербовке бывшие заключенные, освобожденные по амнистии.

Лальский район.

В спецпоселке № 8 города Луза Лальского района все спецпоселенцы для трудоустройства и использования переданы на работу в Лузский лесозавод и Лузскую лесоперевалочную базу треста «Комилузтранслес», а также в колхоз имени 15 лет Октября (на 1954 год).

Медянский район.

Спецпоселок спецкомендатуры № 13 РО МГБ расположен в райцентре – поселке Мурыгино, в 7 километрах от станции Гирсово Горьковской железной дороги и в 25 километрах от областного центра, на берегу реки Вятки, рядом с пристанью Медянка. В спецпоселке проживают болгары из Крыма, выселенные 27 июня 1944 г. из села Кишлав Старо-Крымского района Крымской области, всего – 102 семьи, 361(?) человек. Работают: на фабрике «Красный курсант» – 162 человека, в райорганизациях поселка Мурыгино – 7, на строительстве стадиона в городе Кирове – 12, в Сухоборском леспромхозе – 18. В 1953 г. спецпоселок переведен в Поломский район.

Даровский район.

Спецпоселок № 14 (Бечева) находится на территории Даровского района, в 30 километрах от райцентра, в 90 километрах от железнодорожной станции и паровой станции Котельнич. Организован на базе лесозаготовительной конторы «Нефтлес». Спецпереселенцы работают на лесоучастке в системе «Нефтлеса». Всего спецпереселенцев 145 (147?) человек, в том числе: немцев – 143*, «из Крыма» – 1, «власовцев» – 1. Ссылных – 52 человека, из них: эстонцев – 42, евреев – 10.

Опаринский район.

Спецпоселок № 16.

Все спецпоселенцы проживают по месту работы – в поселках Маромица и Верлюг.

Котельничский и Оричевский районы.

Кроме того, в характеристиках спецпоселенцев (1954 год) встречаются такие строки:

«Работает как спецпоселенка в Котельничском районе, совхоз Боровский (выслана из Эстонии);

«Находился на спецпоселении в селе Оричи, Оричевского района».

(Там же. Л. 9–177; Д. 768. Л. 26, 58, 67).

В документах Поломского райисполкома имеется справка о состоянии школ в спецпоселках № 1 (поселок Черниговский) и № 2 (поселок Лабазнинский) Поломского района на 1954 год. (15)

(Там же. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 20. Л. 9*).

1955 год.

В документах Кировской областной прокуратуры за 1955 год упоминаются:

Спецпоселок № 5 Омутнинского района.

Проживают 467 человек взрослого населения, из них: немцев – 451, «оуновцев» – 13, «власовцев» – 2, «из крымских татар» – 1.

Спецкомендатура № 6 Кайского РО МВД, обслуживающая спецпоселки Рудничный и Завод № 4.

В спецпоселке проживают 546 человек, в том числе: немцы, «выселенные по решению правительства», – 256, немцы «репатриированные» – 177, болгары – 2, татары – 1, «оуновцы» – 105, «ссылные из Прибалтики» – 5. Почтовый адрес Завода № 1 – п/о Волосница.

Поселок Ожмегово – Кайского района.

Спецсовхоз Боровской – Котельничского района.

Проживают ссыльные из Эстонии – с 1941 года(?).

(Там же. Ф. 2943. Оп. 13. Д. 838. Л. 7–29).

В архивном фонде Поломского райисполкома имеются заключения о передаче земель колхозов имени Чкалова и имени КИМ для подсобного хозяйства Поломскому леспромхозу (даты не указаны, не позднее 1 февраля 1955 года). В заключениях содержатся сведения о том, что в период «коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса» на территории Поломского района в 1930 г. были организованы спецпоселки № 1 и № 2 из спецпереселенцев-«кулаков» на неосвоенных лесных массивах – соответственно в 80 и 70 километрах от райцентра, села Полом. В дальнейшем на этих землях при их освоении спецпоселки были переведены на «коллективное хозяйство» с принятием устава сельхозартели – колхозы имени Чкалова и имени КИМ: первый – на 2-х участках площадью 3 715 и 25 гектаров, население (на 1955 год) – 195 человек; второй – на 7-ми участках площадью 951 гектар, население (на 1955 год) – 168 человек.

«Старый» контингент с истечением срока выбыл с территории колхозов, в настоящее время (1955 год) проживают в основном немцы, украинцы, болгары и другие, которые прибыли в 1947 году. С истечением срока они тоже выбывают: из колхоза имени Чкалова за 1954 год выбыли 73 человека, из колхоза имени КИМ за последние 3 г. – 102 человека.

Лесоучастки Поломского ЛПХ расположены:

Зиминский – на территории колхоза имени Чкалова, в 40 километрах от райцентра;

Барановский – в 20 километрах от колхоза имени Чкалова и в 80 километрах от райцентра;

Боровский – в 3-х километрах от колхоза имени КИМ и в 80 километрах от райцентра;

Лабазнинский – в 7 километрах от земель колхоза имени КИМ и в 14 километрах от населенного пункта.

То есть земли колхоза имени КИМ располагаются между двумя лесопунктами, которые соединяются дорогой.

Сведений о решении вопроса о передаче земель колхозов подсобному хозяйству Поломского ЛПХ в документах Поломского райисполкома не обнаружено.

(Личный архив Бердинских И.В.).

* * *

Приложение 27

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ЭЙСНЕРА Ивана (Иоганна) Александровича

(бывший спецпереселенец, содержался в 1942–1946 годах в Вятском ИТЛ НК-ВД-МВД СССР как «трудмобилизованный» и «спецпоселенец»).

(...)

(1941 год)

...Когда началась война с фашистами, у нас в Немреспублике (АССР немцев Поволжья. – *Авт.*) внешне ничего не изменилось. Как и прежде выходили немецкие газеты, по-немецки вещало республиканское радио. Те же люди занимали ответственные посты в столице и кантонных центрах. С фронта начали приходить трехдневные письма красноармейцев, а также первые известия о погибших и пропавших без вести.

Еще усердней, чем раньше, работали колхозники на полях, где вырос на редкость хороший урожай. Четыре г. подряд, начиная с 1937-го, в Поволжье были урожайными. С гектара собирали по 12–15 центнеров зерна, что могло считаться рекордом для того времени. Работы было много, и в поле выходили все, кто мог хоть чем-то помочь при уборке. Было радостно видеть, как трактора тянут прицепные комбайны, и от них одна за другой отъезжают автомашины и фуры, нагруженные зерном.

В родном селе (Ней-Варенбург Зельманского кантона АССР немцев Поволжья, ныне село Новопривольное Ровенского района Саратовской области. – *Авт.*), куда мы, уставшие и запыленные, возвращались переночевать, пахло свежеспеченным хлебом, по утрам слышалось мычание коров, хрюканье свиней, возня кур, гусей и уток. Все говорило о том, что в немецкие дворы вернулся достаток. Местные жители уже прикидывали, сколько полученного зерна, которое начали выдавать на трудодни, можно будет продать, чтобы купить детям новую одежду и обувь. Ведь так непросто было изжить бедность, которая одолевала каждую семью после коллективизации, голода и беспросветного безденежья!

Радость была бы еще полнее, если бы не вести с фронта. Для нас, немцев, они были тревожными вдвойне. Каждая новость о сданных городах – теперь уже на территории СССР в границах до 1939 г. – все сильнее окутывала нас пеленой неизвестности. Сообщение о том, что немцев не берут добровольцами на фронт, а резервистов мобилизационных возрастов не призывают в армию, даже тот факт, что вокруг нас ничего не менялось, – все это не успокаивало, а, напротив, тревожило еще больше. Складывалось такое ощущение, которое бывает перед бурей: кожей чувствовали мы приближение большой беды...

(...)

...Буквально через день после обнародования Указа (Указа Президиума Верховного Совета СССР. – *Авт.*) от 28 августа 1941 г. (о выселении немцев из районов Поволжья. – *Авт.*) меня и других парней из нашего села

заставили запрячь шесть пароконных подвод, и под руководством военного мы направились в ... дальнейшее немецкое село. Оно было окружено вооруженными красноармейцами, которые никого не впускали и не выпускали. Из села доносились возбужденные голоса, было видно, как суетятся и спуют от дома к дому люди. На околице скопились сотни подвод. По происходящему я заключил, что село уже попало под выселение. Его жители не успели собраться в дорогу, и их выгоняли силой.

Всем заправляли военные, они же распределяли подводы по домам. Я со своей подводой попал к молодой семье – муж, жена, бабушка и ребенок. Начали грузить вещи, а военный стоит над душой, поторапливает: «Давай скорее! И не берите так много, все равно на станции оставите!»

Не успели погрузиться, как раздалась команда: «Кончай погрузку! Выходите на улицу!»

Бабушка попросила военного подождать минут десять: хлеб в печке доходит, не смогли вовремя испечь в дорогу. Но начальник не разрешил, приказал трогаться. Тогда бабушка вынула из печи три обжигающие, еще бледные буханки и старательно закрыла заслонку.

А хозяин тем временем поставил на подоконник граммофон, завел до отказа пружину, и по округе полилась популярная в то время песня «Самара-городок». Так под музыку, со слезами на глазах и двинулись в путь. У каждого двора – женские рыдания – безапелляционные команды людей в униформе. Вместе с матерями залились слезами дети, вокруг телег мечутся собаки. Поехали, а издали все еще слышатся загухающие слова песни:

«...Беспокойная я-а-а,
Успокой ты меня-а-а!»

Вскоре и нам пришлось пережить мучительные часы расставания с родным селом и домом. Но те полу-сырые булки хлеба, граммофонная музыка, слова прощальной песни и сегодня, как наяву, стоят передо мной...

Это боль нашей немецкой памяти...

(...)

(1942 год)

...На следующий день после прибытия (в феврале 1942 г. – *Авт.*) в Мурис (9-й лесозаготовительный отряд /ЛЗО/ Вятлага. – *Авт.*) нас (немцев-«трудармейцев». – *Авт.*) после короткого инструктажа отправили на лесоповал. Большинство из нас, поволжских немцев, такого моря деревьев никогда не видело и навыков работы в лесу не имело. Тем страшнее был для нас этот неведомый каторжный труд.

Полуголодные, плохо одетые, мы несколько километров брели гуськом по глубокому снегу и добирались до места уже обессиленными. А впереди был целый день работы.

Сначала приходилось очищать снег вокруг дерева, чтобы было видно, какой высоты оставлен пенек. Да и для себя место освободить нужно. Пилить дерево надо умеючи, чтобы оно в намеченное место упало, никого из соседнего звена не убило, волчком на комле не завертелось и самих вальщиков не задело. Бригада ведь должна была работать на небольшом пятачке, который конвоиры лыжной очерчивали. По ошибке выйдешь за нее – получишь пулю за «попытку к бегству».

Сваленное дерево утопает в снегу, и его надо откопать на всю длину. После этого начинается обрубка сучьев и разжигается костер, у которого можно согреться и немного отдохнуть.

Работы много, а толку чуть. Даже с хорошего дерева (толщина 30–40 сантиметров, ровный ствол, мало веток) больше кубометра делового леса не возьмешь. А чтобы полный паек, 750 граммов хлеба, получить, нужно выдать на каждого лесоруба по 6 кубов. Для этого все 11 часов в поте лица ишачить надо. Но где сил набраться, если еда с каждым днем становится все хуже?

Первый выходной дали только через полтора месяца. И то – для того, чтобы мы починили привезенную с собой одежду и обувь. Почти год в своем проходили, окончательно оборвались, а казенное выдать нам не спешили. Мерзлы – страшно сказать как! Видимо, сверху ждали, когда мы все перемрем.

Кроме того, в этот день надо было наши полуземлянки от снега откопать. Их сугробами почти до крыши занесло. И это называлось – выходной!

В бараке те, кто помоложе, располагались на верхних нарах, а пожилые – внизу. В свободное время мы говорили о фронте, вспоминали о Поволжье, о семьях. Все рассуждения обычно сводились к еде:

– Эх, мужики, дали бы мне сегодня то, чем мы дома собак кормили! Я бы ей свою баланду отдал, только не знаю, стала бы она ее есть или нет...

А те, что постарше:

– Нас весной по домам распустят. Все мужчины на фронте, кто хлеб сеять и убирать будет? На одних женщинах далеко не уедешь...

Когда наступало время еды, мы усаживались по своим местам, как цыгане на базаре: ноги согнуты, локти на коленях, руки подпирают голову. И все взоры устремлены к входной двери. Сначала раздают хлеб, который тут же съедается. Потом выпивается баланда и пальцами начисто вытираются глиняные чашки, из которых мы «ели».

И опять продолжаются разговоры о еде. Но уже лежа...

К концу 1942 г. мы окончательно обессилели. Норму никто выполнить не мог. А после того, как хлебный паек урезали до 600 граммов, и до леса едва добирались. Все превратились в скелеты, многие умерли от голода.

Умер и мой дядя Филипп (Эйснер Филипп Генрихович. – *Авт.*). Его, как дистрофика, поместили в стационар, из которого чаще уходили на тот свет, чем возвращались к работе. Он все ждал, что его «сактируют» и отпустят к шестерым детям, выселенным в Казахстан. Мы с отцом часто навещали больного, но помочь ничем не могли.

Помню, в последний вечер сидели на его койке. Он тоже сел, и я увидел, что от него остались только кости, обтянутые тонкой кожей, через которую было видно, как пульсирует кровь по синим венам. Говорил очень тихо, почти шепотом. Отец успокаивал брата, просил набраться терпения. Мы простились, пообещав прийти через день.

– Знаю, вы очень устаете и рады отдохнуть после работы. Я не обижусь, – еле слышным голосом сказал дядя. Когда мы пришли снова, нам сказали:

– Его вчера утром вывезли...

Значит, он угас уже ночью после нашего посещения, и его вместе с другими умершими отправили за «зону», на общий могильник.

Я еще держался кое-как, но ноги передвигал с трудом. По пути на работу мы метров сто шли по проезжей дороге, прежде чем повернуть в сторону леса. Несколько раз мне везло: на дороге попадался лошадиный навоз. Я собирал его в сумочку, которая всегда была при мне. Думал, у костра подсушу, провею, а зерна овса поджарю. Но не мог выдержать, продувал его на ходу и съедал зерна сырыми. Очень вкусно было!

Иногда у лагерной помойки мне удавалось найти кое-какие кости. Я обжигал их дочерна в топке сушилки, а затем обгрызал. И так повторял до тех пор, пока не съедал кости до конца. Вряд ли в них были питательные вещества, но в желудок что-то попадало, и не так сильно мучил голод.

Я выжил, но в Вятлаге остались дядя Филипп и мой 45-летний отец. Из нас троих погибло двое – таково было соотношение между жизнью и смертью в 1942 году...

(...)

... Не помню, где мы брали местную газету, но читать ее обычно просили меня. Иногда я из баловства, безо всякого умысла картавил при чтении, как Ленин в довоенных фильмах или как это бывает у евреев. Однажды Володя Брем и Карл Лоос говорят мне:

– Больше так газету не читай! Понял?

– Почему?

– Если не хочешь отправиться вслед за Конради, то лучше остерегись!

Я их понял. Догадался.

Был в нашей бригаде немец из «горячих» – Иосиф Конради. Вечерами после работы мы вспоминали о нашей родине на Волге. Конради доказывал, что и там было много неправды: надои одних доярок приписывали другим, чтобы те попали на Сельхозвыставку в Москву, во время уборки (урожая. – *Авт.*) давали неправильные сводки, стремясь выйти в передовики, и т. д.

Через некоторое время пришел в барак военный и спрашивает:

– Кто Конради? Собирайся с вещами!

– А что случилось?

– Потом узнаешь. Собирайся!

Больше мы Иосифа не видели. Потом из приказа узнали, что он получил 10 лет лагерей за «клевету на советский строй».

Это был мой первый случай спасения от тюрьмы по политическому обвинению. Но последовал и второй.

Мне сообщили, что в 4-м лагпункте (поселок Полевой-2, в 5-ти километрах к югу от поселка Лесного. – *Авт.*), куда собирали больных и «доходяг», умер мой отец (Александр Генрихович Эйснер. – *Авт.*). Начальник (1-го? – *Авт.*) лагпункта дал мне письменное разрешение на посещение могилы и получение оставшихся от отца личных вещей. С тем я и добрался до места. Начальник 4-го лагпункта распорядился выдать вещи, но ходить на могилу запретил.

Со склада мне вынесли отцовские кальсоны и немецкий двусторонний бушлат. Увидев разрезанные штаны, я понял, что отца похоронили голым. Даже кальсон у советской власти он не заработал.

У проходной лагеря я спросил у дежурного вахтера, как попасть на кладбище? Он послал меня матюком: «Уматывай отсюда на ..., а то и тебе будет кладбище!»

Потом-то я узнал, что никаких могил при наших лагпунктах не было, всех немцев зарывали в общие ямы и обязательно голыми.

Зимой я носил тот бушлат с капюшоном. Он был легким, теплым и удобным при работе. Но говорили, что в нем я похож на фашиста, и однажды Володя Брем сказал мне по секрету, что из-за бушлата у меня могут быть неприятности. Той же ночью я скрутил его и всунул между бревен в груженный вагон с лесом.

Стало быть, «стукач» еще находился в бригаде. Спустя некоторое время из Управления дороги поступил вызов на Отта Андрея – для работы водителем железнодорожной дрезины. После его отъезда Карл Лоос сказал, что он-то и был «стукачом», который посадил Конради на 10 лет, а мне дважды пытался «пришить политику»...

(...)

(1943 год)

...В Вятлаге, летом 1943 г, мне, как говорится, дико повезло. В числе двадцати еще передвигавшихся на собственных ногах молодых людей меня направили работать путейцем на железнодорожную ветку. 900 граммов хлеба, «третий котел» и свобода от конвойного сопровождения, которая открывала доступ к съедобным лесным сокровищам, быстро вернули нам прежние силы. Участок старшего мастера Терещука (Станислав Терещук, спецпереселенец из Западной Украины. – *Авт.*) стал одним из лучших на железной дороге Вятлага.

Все было бы хорошо, не случись неожиданное происшествие. Как-то осенью наша бригада расставляла щиты, предохраняющие дорогу от снежных заносов. Летом эти легкие деревянные приспособления складываются в штабеля, запрещенные к разборке и использованию. Но вблизи жилья люди растаскивают щиты, чтобы загораживать свои участки от потравы.

Так было и у барачков вольнонаемного и обслуживающего персонала лагпункта № 1 (поселок Рудничный. – *Авт.*), неподалеку от которого бригада расставляла щиты в этот день. Я и два других путейца направились к огородам. Нас встретили женщины с детьми с просьбой оставить щиты, пока огороды не убраны. Мы объяснили им, что по всей железной дороге идет плановая подготовка к зиме и что мы получили распоряжение, которое обязаны выполнять. Женщины ушли, а мы со щитами отправились к железнодорожному кювету.

Когда мы явились во второй раз, к нам подошел инвалид с костылем в сопровождении нескольких мальчишек. Он начал обзывать нас последними словами: и «фрицы» мы, и фашисты, и изверги; мало он таких перебил на фронте, всех надо уничтожить и т.п. Двое моих товарищей не стали выслушивать оскорбления и ушли с пустыми руками. Но я взял очередной щит, а затем еще несколько раз возвращался за новыми. Фронтвик ругался все пуще, а поодаль стояли женщины и наблюдали за происходящим.

Наконец, инвалид отправился к лагерному оперуполномоченному НКВД с жалобой на меня, заявив, что я его не только ослушался, но и ударил по голове. Тем же вечером «опер» вызвал меня, спросил, что и как, и давай кричать:

– Врешь, паразит! Ты ударил фронтовика так, что он упал. Скажи правду, иначе посажу! Твои немцы на фронте человека инвалидом сделали, а ты над ним здесь измываться вздумал?!

Потом, помолчав, добавил:

– Ладно, иди. Завтра после работы придешь ко мне. Я тебя за этого фронтовика все равно посажу, так и знай!

Когда на следующий день я пришел к «оперу», в коридоре стояла женщина с мальчиком. Я поздоровался, постучал в дверь. А душа в пятки ушла – понял, что эта женщина из барачных жильцов.

– Ага, пришел, «герой»? Сейчас я тебе фашистские руки укорочу, фриц недорезанный!

Зовет в кабинет женщину, говорит:

– Расскажите при этом паразите, как он ударил фронтовика-инвалида.

Испугался я: все пропало! Подтвердит – 10 лет обеспечены. Но женщина честно передала все, как было.

«Оперу» это явно не понравилось:

– Инвалид обманывать не станет! Вы почему защищаете немца, а не нашего человека?

Она еще раз, подтверже, повторила сказанное.

«Опер» выпроводил женщину и принялся за мальчишку:

– Ну, малыш, скажи мне правду, ведь этот дядька ударил нашего фронтовика?

Парнишка потупился и отрицательно покачал головой.

«Опер» вскочил, подошел к мальчонке вплотную, сердито прошипел:

– Что ты сказал?

– Не ударил он его...

– Ты что же меня обманываешь?! Ваш инвалид мне ясно сказал, что этот немец ударил его по голове.

Говори, как было!

Я смотрел на мальчика, а сам дрожал, будто от малярии. А ну, испугается парнишка, скажет неправду – не миновать тюрьмы!

Но мальчик покачал головой и повторил:

– Нет, не ударил...

Оперуполномоченный вытолкал мальчишку за дверь, опять обзвал меня последними словами и сказал:

– Иди и знай – еще раз попадешься, я тебе все припомню. Не отвертись, фриц поганый!

Это был третий случай, когда я мог получить 10 лет...

(...)

...Врачом 12-го лагпункта Вятлага была Нина Наумовна Таций – жена начальника этого лагпункта, бывшая политзаключенная. Именно к ней, а не к доктору из «своих» стремились попасть «доходяги» из «трудоармейцев», чтобы получить освобождение от работы. Все ведь знали, что врачи не имеют на это права, даже если налицо последняя степень дистрофии, цинга, пеллагра и другие болезни голодающих. Особенно жалостлива она была к юным дистрофикам, многим из которых не исполнилось и 18-ти лет.

За либерализм в отношении «спецконтингента» ей частенько доставалось от мужа, капитана Тация, поскольку освобождениями от работы, переводом в ОПП («оздоровительно-профилактический пункт».— *Авт.*) и (больничный.— *Авт.*) стационар она срывала график поставки «рабсилы» подрядному лесозаготовительному предприятию. А это, в свою очередь, уменьшало поступления в кассу НКВД...

(...)

...В 1943 г. моего поволжского земляка Ивана Энгеля «сактировали» и отправили из Вятлага к месту нахождения семьи. Ему удалось пережить полуторамесячный путь из Вятлага в Хакасию Красноярского края.

На станции Копьево – в 8-ми километрах от села Ново-Марьясово, куда выселили его семью, – И. Энгеля сняли с поезда и занесли в зал ожидания. Вызвали жену, которая увезла его к себе.

Стали приходить женщины, чьи мужья и сыновья находились в лагерях Кировской области, чтобы спросить о них. Увидев полупокройника, они уходили со слезами на глазах, представив своих близких такими же немощными и несчастными.

Председатель колхоза разрешил жене Ивана три дня оставаться дома, а затем вновь отправил на работу. Но мужа надо было кормить с ложечки, как ребенка, – понемногу и почаще. Она попросила об этом старушкусоседку. Та его накормила и ушла. А голодный Иван поднялся, добрался до шкафа с продуктами и съел все, что там имелось. Когда хозяйка пришла в обед с работы, он был уже мертв.

Такие случаи были тогда нередкими. Но и выжившие «актированные» протянули недолго. Большинство из них умерло 5–7 лет спустя – после того, как они оказались в «трудармии».

...Из моего родного села Ней-Варенбург были выселены в Ширинский район Хакасии, а затем отправлены в «рабочие колонны» 24 мужчины. Назад вернулись 13 «мобилизованных», погибли 11. Почти половина!...

(...)

(1946 год)

...В конце лета 1946 г. после многократных обращений в Москву, меня отпустили из «трудармии». Вместе с женой, бывшей «трудмобилизованной» стрелочницей, ребенком и заплечным мешком, где уместилось все имущество, нажитое за 5 лет «трудармейской» каторги в Вятлаге, прибыли в Ширинский район Хакасии, куда мою семью выслали в 1941 году.

Нищета была ужасающей. Хлеба не видели годами, хотя работали в колхозе втроем, включая моего 13-летнего брата. Ели картофельные лепешки с лебедой и запивали их молоком. Жили в землянке, сооруженной из дерна. Такими же пластами была уложена крыша, поэтому текло сквозь нее даже после того, как переставал лить дождь.

Решил податься в райцентр, на станцию Шира. Хотел вместе с женой вернуться к железнодорожному делу. Не приняли – не та национальность. Пошел грузчиком в «Золотопродснаб», поближе к продуктам питания. Через три г. купил небольшую землянку. Постепенно, одного за другим, перетянул к себе близких. Стали жить и работать вместе. Из колхоза отпустили только потому, что за спецпоселенцами надзирал калмык, боевой офицер, вернувшийся с фронта к высланным родителям.

О продолжении учебы в педучилище, один курс которого (я) окончил до депортации, не могло быть и речи. Все усилия уходило на то, чтобы пробиться через нужду и голод, которые продолжались до 1950-х годов. Особенно после того, как в 1948 г. умерла от «трудармейских» болезней мать и (я) остался старшим в семье. Но мы выжили и постепенно начали вставать на ноги. Вскоре я стал работать бухгалтером в своей снабженческой организации. После снятия со спецучета с семьей перебрался в Дагестан. А три десятилетия спустя, в 1992 году, переселился в Германию...

(...)

(Германия)

...В России много леса, но мало бумаги, в Германии лесов меньше, а бумаг – море...

(...)

...Находясь на территории бывшей ГДР, я встречал многих африканцев, вьетнамцев и других «цветных», но не знал, что в старых землях Германии их еще больше. Самое обидное, что местные немцы и нас причисляют к таким же иностранцам. Основные средства информации вообще молчат о переселенцах (из бывшего СССР.— *Авт.*), будто их вовсе нет в Германии. А если и говорят, то валят всех в одну кучу, считая нас нахлебниками...

(...)

...Одна из самых острых проблем – найти контакты и наладить хорошие отношения с местными немцами на работе и по месту проживания. А здесь по старой известной немецкой пословице: «Как в лес крикнешь, так оттуда и аукнется»...

(...)

...Немало среди наших переселенцев и таких, которые не могут или не хотят переломить себя, «опуститься» до понимания реалий, в которых они очутились. В СССР нас приучили получать минимум необходимых благ «сверху». Здесь каждый должен заботиться о себе сам...

(...)

...Прародина меня до последних лет не особо привлекала. Всегда тянуло на историческую родину – на Волгу. Перед отъездом (за рубеж. – *Авт.*) я с 12-летним внуком поехал с ней попрощаться. Лучше бы я этого не делал! В родном селе Ней-Варенбург из трех улиц осталась одна. С трудом нашел место, где стоял наш дом. Вместо кладбища, где лежат два моих деда, бабушка, трое маленьких братишек, – ровное пространство. Хоть снова плачь! Набрал я земли в мешочек – это было все, что осталось от нашей родины.

Так где же моя родина – в Поволжье, которое отобрали и разорили? В Красноярском крае, куда нас сослали в 1941-м? В Кировской области, где гноили за колючей проволокой? Или на Северном Кавказе, откуда пришлось уехать в Германию? ...

(По изданию: Вольтер Г.А. Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее. М., 1998. С. 37–38, 50–51, 104–106, 109–110, 126–127, 149–151, 159, 343, 396, 400, 404–405, 411–412).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1) Опубликованные источники

- Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы) / Сост. О.Л. Милова. Ч. 1: Документальные источники Центрального Государственного Архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1992. 353 с.
- Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы) / Сост. О.Л. Милова. Ч. 2: Депортация немцев (Сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.). М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1995. 247 с.
- Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. М.: Политиздат, 1989. 526 с.
- Из истории раскулачивания в Карелии. 1930–1931 гг.: Документы и материалы / Науч. ред. Н.А. Ивницкий, В.Г. Макуров. Петрозаводск, 1991. 295 с.
- История российских немцев в документах / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М.: МИГУП, 1993. Т. 1 (1762–1992 гг.). 447 с.
- История российских немцев в документах / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1994. Т. 2: Общественно-политическое движение за восстановление национальной государственности (1965–1992 гг.).
- История Советской Конституции (в документах). 1917–1956. М., 1957.
- История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. М.: РОССПЕН, 2004. Т. 4: Население ГУЛАГА: численность и условия содержания.
- История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. / Сост. В.А. Козлов, С.В. Мироненко (отв. ред.). М.: РОССПЕН, 2005. Т. 7: Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах Государственного архива Российской Федерации.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 5.
- Льготы и компенсации для жертв политических репрессий: Документы. Комментарии. Разъяснения // Библиотечка «Российской газеты». М.: Российская газета, 1997. Вып. 4. 191 с.
- Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 1 / Сост. Г.В. Невский. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998.
- Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 4. Ч. 1 / Сост. Г.Ф. Доброноженко и Л.С. Шабалова. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2001. 1168 с.
- Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 4. Ч. 2 / Сост. Н.М. Игнатов. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2001. 608 с.
- Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 6 / Сост. Г.Ф. Доброноженко и Л.С. Шабалова. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2004. 1184 с.
- Политика оккупационных властей в Латвии: 1939–1991: Сборник документов. Рига, 1999.
- Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 2 / Отв. ред. Н.Н. Покровский, В.П. Данилов, С.А. Красильников, Л. Виола. М.: РОССПЭН, 2006. 1120 с.
- Права человека: Сборник универсальных и региональных международных документов. М.: Изд-во МГУ, 1990. 205 с.
- Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.): Сборник документов / Сост. Т.И. Славко, А.Э. Бедель. Екатеринбург: Наука, 1993. 221 с.
- Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. М.: Капъ, 1994. 259 с.
- Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / Сост. Е.А. Зайцев. М.: Республика, 1993. 223 с.
- Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. / Отв. ред. В.П. Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск: Наука, 1992. 286 с.
- Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 года / Сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко и др. Новосибирск: Экор, 1993. 341 с.
- Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938. Новосибирск, 1994.
- Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945: Документы и материалы / Отв. ред. В.П. Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск: Экор, 1996. 302 с.
- Спецпереселенцы – жертвы «сплошной коллективизации». Из документов «особой папки» Политбюро ЦК ВКП(б), 1930–1932 гг. / Сост. Г.М. Адибеков // Исторический архив. 1994. № 4. С. 145–180.
- Спецпоселки в Коми области (По материалам сплошного обследования. Июнь 1933 г.): Сборник документов / Сост. Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. Сыктывкар, 1997.
- Ссылка калмыков: как это было: Сборник документов и материалов. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1993. Т. 1, кн.1. 264 с.

Так это было: Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы: Документы. Воспоминания. Фольклор. Публицистика. Проза. Поэзия. Драматургия. В 3-х т. / Сост. и ред. С.У. Алиева. М.: Инсан, 1993. Т. 1: Корейцы. Курды. Немцы. Карачаевцы. И прочие советские народы. 336 с.

Так это было: Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы: Документы. Воспоминания. Фольклор. Публицистика. Проза. Поэзия. Драматургия. В 3-х т. / Сост. и ред. С.У. Алиева. М.: Инсан, 1993. Т. 2: Карачаевцы. Калмыки. Ингуши. Чеченцы. Балкарцы. И прочие советские народы. 335 с.

Так это было: Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы: Документы. Воспоминания. Фольклор. Публицистика. Проза. Поэзия. Драматургия. В 3-х т. / Сост. и ред. С.У. Алиева. М.: Инсан, 1993. Т. 3: Балкарцы. Крымские татары. Греки. Месхетинские турки. И прочие советские народы. 351 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание, 1927–1939. Документы и материалы в 5 т. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы др. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Отв. ред. Н. Ивницкий и др. М.: РОССПЭН, 1999. 927 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание, 1927–1939. Документы и материалы в 5 т. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы др. Т. 3: Конец 1930–1933 / Отв. ред. И. Зеленин и др. М.: РОССПЭН, 2001. 1008 с.

Тяжесть обложения в СССР. Социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924/25, 1925/26 и 1926/27 гг. Доклад Комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения населения Союза. М.: 1929.

Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны, 1930-е годы: Сб. докум. / Сост. М.И. Хлусов. М.: Наука, 1998. 172 с.

2) Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Фонд 5446 – Управление Делами СНК (Совета Министров) СССР

Фонд 9401 – Секретариат НКВД–МВД СССР

Фонд 9408 – Отдел проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР

Фонд 9414 – Главное управление исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ) НКВД–МВД СССР

Фонд 9478 – Главное управление по борьбе с бандитизмом НКВД–МВД СССР

Фонд 9479 – 4-й Спецотдел Министерства внутренних дел СССР

Фонд 9492 – Министерство юстиции СССР

Фонд 9526 – Управление Уполномоченного СНК (Совета Министров) СССР по делам репатриации

Фонд 7523 – Верховный Совет СССР

Фонд 8131 – Прокуратура СССР

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Фонд 644 – Государственный Комитет Оборона СССР

Государственный архив Кировской области (ГАКО)

Фонд 877 – Вятский окружной исполнительный комитет

Фонд 1014 – Нагорский районный исполнительный комитет

Фонд 1259 – Вятский окружной административный отдел

Фонд 1307 – Поломский районный исполнительный комитет

Фонд 1583 – Омутнинский районный исполнительный комитет

Фонд 2333 – Кировский краевой отдел народного образования

Фонд 2342 – Кировский областной отдел народного образования

Фонд 2943 – Кировская областная прокуратура

Фонд 3058 – Лальский районный исполнительный комитет

Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО)

Фонд 5991 – Политотдел Вятского ИТЛ (Учреждения К-231) НКВД–МВД СССР

Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (НАРК). Фондохранилище № 1

Фонд 144 – Государственный лесопромышленный комплекс «Комилес»

Фонд 605 – Совет Министров Коми АССР

Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (НАРК). Фондохранилище № 2

Фонд 1 – Коми республиканский комитет Коммунистической партии РСФСР

Архив Министерства внутренних дел Республики Коми (МВД РК)

Фонд 31 – Отдел трудпоселений

Архив Управления внутренних дел Вологодской области

Фонд 24 – Отдел труд-спецпоселений

Ведомственный архив Вятского ИТЛ НКВД–МВД СССР / Учреждения К-231 МВД СССР / Вятского УЛИУ Минюста Российской Федерации.

Коллекция документов.

Литература

- Азаматов К.Г., Темиржанов М.О., Темукуев Б.Б., Тетуев А.И., Чеченов И.М.. Черекская трагедия. Нальчик: Эльбрус, 1994. 201 с.
- Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990.
- Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М.: Весть, 1992. 352 с.
- Амальрик А.А. Нежеланное путешествие в Сибирь. Нью-Йорк, 1970. 294 с.
- Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне. 1941–1945. М., 1987.
- Белая книга: О депортациях корейского населения в России в 30–40-е годы. М., 1992. Кн. 1. 204 с.
- Белковец Л.П. Спецпоселение немцев в Западной Сибири (1941–1955 гг.) // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ / Ред.-сост. И.Л. Щербакова. М.: Звенья, 1999. С. 158–179.
- Бердинских В.А. История одного лагеря (Вятлаг). М.: Арграф, 2001. 463 с.
- Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 768 с.
- Бердинских И.В. Депортации народов СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2006. № 15. С. 139–142.
- Бердинских И.В. Депортация латышей 1941 г. // Гуманитарные ценности общества: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции 24–25 ноября 2005 г. Киров, 2005. С. 157–160.
- Бердинских И.В. Законодательная база и политическая ссылка в Советском Союзе 1930–1940-х гг. // Вестник Академии российских энциклопедий. Челябинск. 2005. № 2(16). С. 27–30.
- Бердинских И.А. Нормативные основы политической ссылки в СССР (30–50-е гг. XX в.) // Проблемы истории российских спецслужб. Киров, 2004. С. 74–79.
- Бердинских И.В. Особенности депортации советского населения в 1941–1945 гг. (на примере Кировской области РФ) // Российская провинция в эпоху тоталитаризма (1930–1940-х годов). Материалы немецко-российского проекта. Франкфурт-на-Одере – Киров, 2005. С. 56–68. (На русском и немецком языках).
- Бердинских И.В. Проблемы депортаций в эпоху сталинской диктатуры // Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции. Материалы XIX Международной научной конференции в Санкт-Петербурге 15–16 мая 2006 г. СПб., 2006. Ч. 2. С. 33–37.
- Бердинских И.В. Спецпоселенцы в начале Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 153–155.
- Боков Х. Эхо невозвратного прошлого // Москва. 1989. № 1. С. 160–167.
- Бройдо Я.Б., Прохоров В.Ю. Турки-месхетинцы // Народы России. Энциклопедия / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. С. 342–343.
- Бруль В.И. Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М.: Звенья, 1999. С. 95–117.
- Бубличенко В.Н. Детские закрытые учреждения НКВД–МВД СССР на Европейском Севере России (1935–1956 гг.): Дис. ... канд. истор. наук. Сыктывкар, 2007. 217 с.
- Бугай Н.Ф. Власть сатаны: О депортациях народов из Прибалтики в 1940–1950 годы // Молодая гвардия. 1993. № 4. С. 40–48.
- Бугай Н.Ф. Выселение советских корейцев с Дальнего Востока // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 141–148.
- Бугай Н.Ф. 20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. 1992. № 4. С. 37–49.
- Бугай Н.Ф. Депортация. Берия докладывает Сталину // Коммунист. 1991. № 3.
- Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма. М., 2002.
- Бугай Н.Ф. Депортация народов с Украины. 30–50-е годы // Украинский исторический журнал (Киев). 1990. № 10, 11. С. 32–45.
- Бугай Н.Ф. Депортация населения в 1920–1930-е годы // Население России в XX веке. М., 2000. Т. 1.
- Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. М.: Дружба народов, 1992. 286 с.
- Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: АИРО-XX, 1995. 320 с.
- Бугай Н.Ф. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сборник документов (1940-е годы). М.: Готика, 1998. 350 с.
- Бугай Н.Ф. О депортациях иранцев из Азербайджана в Казахстан // Восток. 1994. № 6. С. 146–154.
- Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1991. 88 с.
- Бугай Н.Ф. О переселении и депортациях еврейского населения в СССР // Отечественная история. 1993. № 2. С. 175–185.
- Бугай Н.Ф. Российские корейцы и политика «солнечного тепла». М., 2002.
- Бугай Н.Ф. «Согласно Вашему указанию...» // Кабардино-Балкарская правда. 1990. 19 июля.
- Бугай Н.Ф. Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации (1944–1994). М.: РОСС, 1994. 162 с.
- Бугай Н.Ф., Броев Т.М., Броев Р.М. Советские курды: время перемен (20–60-е годы). М.: Капъ, 1993. 192 с.
- Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М.: ИНСАН, 1998. 368 с.
- Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н. «Обязать НКВД СССР... выселить греков» (О депортации греков в 1930–1960 годы). М.: ИНСАН, 1999. 167 с.
- Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга Памяти жертв политических репрессий. М., 1997. Вып. 1.
- Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга Памяти жертв политических репрессий. М., 2003. Вып. 7.

- Валюты стран мира: Справочник / Под ред. С.М. Борисова и др. М.: Финансы и статистика, 1987. 383 с.
- Виола Л. ОГПУ, раскулачивание и спецпереселенцы // Крестьяноведение. М., 1999. Вып. 3.
- Витковский А., Ямпольский В. Вчера это было секретом: Документы о литовских событиях 40–50-х гг. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10.
- Власть и общество в СССР: политика репрессий. М., 1999.
- Вольтер Г.А. Зона полного покоя. Российские немцы в годы войны и после нее: Свидетельства очевидцев. М.: Варяг, 1998. 416 с.
- Вормсбехер Г. Немцы в СССР // Знамя. 1988. № 11. С. 193–203.
- Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги / Сост. Н.А. Араловец, В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев. М., 1991.
- Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Сост. Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская, А.А. Исупов, И.Н. Киселев. М., 1992.
- Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Сост. В.Б. Жиромская. СПб., 1999.
- Вылцан М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 26–44.
- Вылцан М.А. Репрессии против крестьян. 30-е годы // Власть и общество в СССР: политика репрессий. М., 1999.
- Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение. М., 1997.
- Гакаев Д. Очерки политической истории Чечни. В 2-х ч. М.: Чеченский культурный центр, 1997. 474 с.
- Гвоздкова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 516 с.
- Геворкян Н. Встречные планы по уничтожению собственного народа // Московские новости. 1992. № 25. С. 18–19.
- Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Кн. 1. Социализм в одной стране // История России 1917–1995: В 4-х тт. Т. 1. М.: МИК-Агар, 1996. 500 с.
- Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М.: Готика, 1996. 270 с.
- Гонов А.М. Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов (20–90-е годы XX века). Нальчик, 1998. 106 с.
- ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917–1960 гг.: Справочник / Сост. А.И. Кокурин и Н.В. Петров. М.: Материк, 2000. 888 с.
- ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Франкфурт-на-Майне – М.: Международное общество прав человека, 1999. 457 с.
- ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Под. ред. Л.И. Бородкина, П. Грегори, О.В. Хлевнюка. М.: РОССПЭН, 2005. 320 с.
- Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. М., 1998.
- Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае-июне 1941 г. // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. Вып. 1. С. 137–175.
- Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. Вып. 1. С. 114–136.
- Гущин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне: 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987.
- Данилов В.П., Красильников С.А. Предисловие // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг.: Документы и материалы. Новосибирск, 1996.
- Дизендорф В.Ф. Десять лет в «Возрождении». М.: Общественная академия наук российских немцев, 2000. XVII+634 с.
- Дизендорф В.Ф. Прощальный взлет. Судьбы российских немцев и наше национальное движение. М., 1997. Кн. 1.
- Доброноженко Г.Ф., Шабалова Л.С. О работе комиссии ЦК ВКП(б) по проверке списков раскулаченных хозяйств, высланных в Северный край (апрель–май 1930 г.) // Проблемы репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956 гг.). Сыктывкар, 1993. С. 90–93.
- Дугин А.Н. Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. М.: Наука, 1999. 103 с.
- Дугин А.Н. Спецпоселения // Полиция и милиция в России. М., 1993.
- Емельянов Ю. Лжепророки. Охота на внутреннего врага // Пульс-Информ. 1991. № 5.
- Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «Секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М., 1996.
- Земсков В.Н. Демография заключенных, спецпоселенцев и ссыльных. 30-е – 50-е гг. // Мир России. Т. VIII. Социология. Этнология. 1999. № 4.
- Земсков В.Н. Депортации населения. Спецпоселенцы и ссыльные. Заключенные // Население России в XX веке. М., 2001. Т. 2.
- Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: статистико-географический аспект // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.
- Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 1930-е годы: численность, расселение, состав // Население России в XX веке. М., 2000. Т. 1.
- Земсков В.Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных. 1954–1960 // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 5–26.
- Земсков В.Н. Об учете спецконтингента НКВД во Всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 74–75.
- Земсков В.Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940–1950-е годы // Отечественные архивы. 1993. № 1. С. 20–42.
- Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2003. 306 с.

- Земсков В.Н. Спецпоселенцы из Крыма. 1944–1956 // Крымский Музей. Симферополь, 1995.
- Земсков В.Н. Спецпоселенцы. (1930–1959 гг.) // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: Сб. научных трудов. М., 1994. С. 145–194.
- Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» в послевоенное время // Социологические исследования. 1992. № 8.
- Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» в 1940–1954 гг. // Население России в XX веке. М., 2001. Т. 2.
- Земсков В.Н. Численность и состав спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1953 г. // Аргументы и факты. 1989. № 39.
- Земсков В.Н. Численность и состав ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных по состоянию на 1 января 1953 г. // Аргументы и факты. 1989. № 40.
- Ибрагимбейли Х.М. Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование. 1989. № 4. С. 58–63.
- Иванов В.А. Операция «Бывшие люди» в Ленинграде (февраль–март 1935 г.) // Новый часовой. Русский военно-политический журнал (Санкт-Петербург). 1998. № 6/7. С. 118–130.
- Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М.: Московский общественный научный фонд, 1997. 228 с.
- Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М., 1972.
- Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М.: Магистр, 1996. 287 с.
- Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне. 1928–1933. М., 2000.
- Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М.: Собрание, 2004. 296 с.
- Игнатова Н.М. Государственная политика спецпереселения: общие направления и Коми региональные особенности // Политические репрессии в России. XX век: Материалы региональной научной конференции. Сыктывкар, 2001. С. 63–64.
- Игнатова Н.М. Правовое положение спецпереселенцев – «бывших раскулаченных» в середине 1930-х – 1950-е гг. // Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 4. Ч. 2 / Сост. Н.М. Игнатова. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2001. С. 224–237.
- Игнатова Н.М. Формы протеста спецпереселенцев // Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 4. Ч. 2 / Сост. Н.М. Игнатова. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2001. С. 255–265.
- Из истории вятских спецслужб и полиции (вторая половина XIX – первая половина XX вв.): Материалы докладов и документы научно-практической конференции, Киров, 25 мая 1996 г. Киров: Триада, 1997. 175 с.
- Из истории партийных и советских организаций Сибири. Новосибирск, 1962.
- Из истории российских спецслужб (По материалам Вятского края). Киров, 2002. 92 с.
- История советского крестьянства. М., 1986. Т. 1.
- История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937 гг.
- История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963.
- Исупов В.А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 181.
- Керсновская Е.А. Наскальная живопись: «...Беззакония наши свидетельствуют против нас». М.: Квадрат, 1991. 382 с.
- Ким С. Исповедь сорен-сарам-советского человека // Дружба народов. 1989. № 4. С. 168–195.
- Кириллов В.М. История репрессий в Нижнетагильском районе Урала. 1920–1950-е годы. Нижний Тагил, 1997. Т. 2.
- Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. 1990. № 8, 9.
- Кокурин А.И. Спецпоселенцы в СССР в 1944 году, или Год большого переселения // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 98–111.
- Колхозы в 1930 г. М.–Л., 1931.
- Копылова О.Н. В поисках Спецкартотеки ГАУ НКВД СССР // Отечественные архивы. 2000. № 1. С. 31–37.
- Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. М.: Высшая школа, 1986. 399 с.
- Корнеев В.Е., Копылова О.Н. Архивы на службе тоталитарного государства (1918 – начало 1940-х гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 13–24.
- Коцонис А.Н. Депортация греков Северного Кавказа в 30–50-е годы // Понтийские греки. Краснодар, 1997. С. 83–88.
- Красильников С.А. Спецпереселенцы: правовое положение в бесправном обществе // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. М., 1998.
- Кригер В. Патриоты или предатели? Политические и уголовные процессы против российских немцев в 1942–1946 годах // Родина. 2002. № 10. С. 93–98.
- Кузнецов А.А. Депортация народов СССР в 1943–1944 годах // Политические репрессии в истории России. Пермь, 2000. С. 76–81.
- Латвийский мартиролог Вятлага (1938–1956) / Сост. Х. Стродс, В. Веремьев. Рига, 2006. 519 с.
- Лубянка: ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1960. Справочник / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 1997. 352 с.
- Лисичкин Г. Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке? // Новый мир. 1988. № 11.
- Максудов С. Потери населения СССР. М., 1989.
- Макшеев В.Н. (сост.) Нарымская хроника. М.: Русский путь, 1997. Т. 3. 256 с. (Сер.: Исследования новейшей русской истории).
- Маламуд Г. Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942–1948 гг. // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М.: Звенья, 1999. С. 128–145.
- Медведев Р. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 ноября.

- Миграционная ситуация в странах СНГ. М., 1999.
- Миллер Е. Ветер в лицо // Волга. 1990. № 7. С. 153–162.
- Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар: СыктГУ, 1997. 190 с.
- Морозов Н.А. Истребительно-трудовые годы // Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т. 1 / Сост. Г.В. Невский. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998. С. 15–237.
- Народы России: проблемы депортации и реабилитации. Майкоп, 1997.
- Народы России. Энциклопедия / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. 479 с.
- Население Кольского Севера. Мурманск, 1968.
- Население России в XX веке. М., 2000. Т. 1.
- Население России в XX веке. М., 2001. Т. 2.
- Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. Сб. науч. трудов. М., 1994.
- Неизвестная Россия. XX век. М.: Историческое наследие, 1992. Т. 1. 352 с.
- Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк: Хроника, 1978. 170 с.
- Нелипович С.Г. Репрессии против подданных «центральных держав» // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 32–42.
- Немцы России: Энциклопедия / Редколлегия: В. Карев (пред. коллегии) и др. М.: ЭРН, 1999. Т. 1: А-И. 832 с.
- Ожегин П.Т. Административные высылки и спецпоселения на территории Вятского края // Из истории вятских спецслужб и полиции (вторая половина XIX – первая половина XX вв.): Материалы докладов и документы научно-практической конференции, Киров, 25 мая 1996 г. Киров, 1997. С. 110–120.
- Ожегин П.Т. Культура и искусство Вятлага // Энциклопедия Земли Вятской. Откуда мы родом. Киров, 1999. Т. 9: Культура. Искусство. С. 533–550.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов в 8 т. / Редколлегия: Патрушев Н.П. (председатель) и др. М.: Русь, 1995. Т. 1: Накануне. Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 года).
- Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк / Авторский коллектив: Некрасов В.Ф. (руководитель) и др. М.: Объединенная редакция МВД России, 1996. 463 с.
- Осипов С. Американский ГУЛАГ // Аргументы и факты. 2001. № 43.
- Папков С.А. Сталинский террор в Сибири 1928–1941 гг. Новосибирск, 1997. С. 79.
- Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 26–44.
- Пассат В.И. Суровая правда истории: депортации с территории Молдавской ССР. 40–50-е гг. Кишинев, 1998.
- Пассат В.И. Трудные страницы истории Молдовы: 1940–1950. М.: Терра, 1994. 800 с.
- Пашков А., Дударец Г. Депортации на Сахалине // Карта (Рязань). 1994. № 5. С. 14–17.
- Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941: Справочник. М.: Звенья, 1999. 503 с.
- Политические репрессии в истории России. Пермь, 2000.
- Полиция и милиция в России: Страницы истории / Коллектив авторов: Борисов А.В. и др. М.: Наука, 1993. 318 с.
- Полян П.М. География принудительных миграций в СССР // Известия РАН. Серия география. 1999. № 6.
- Полян П.М. Насильственные миграции в бывшем СССР // Миграционная ситуация в странах СНГ. М., 1999.
- Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с.
- Понтийские греки. Краснодар, 1997.
- Попов В.П. Государственный террор в Советской России. 1923–1953: источники и их интерпретация // Отечественные архивы. 1992. № 2.
- Проблемы репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956 гг.). Сыктывкар, 1993.
- Проблемы истории российских спецслужб: Сб. статей. Киров, 2004. 142 с. 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. 560 с.
- Рацевич С.В. Глазами журналиста и актера (Из виденного и пережитого). В 2-х т. Нарва, 2005.
- Репрессии в Архангельске, 1937–1938: Документы и материалы / Сост. В.А. Митин. Архангельск: Изд-во Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 1999. 271 с.
- Репрессии против поляков и польских граждан. Вып. 1 / Сост. А.Э. Гурьянов. М.: Звенья, 1997. 240 с.
- Репрессии против советских немцев. Наказанный народ / Ред.-сост. Щербакова И.Л. М.: Звенья, 1999. 288 с.
- Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры. Материалы Международной конференции 28–29 мая 1999 г. Симферополь, 2001. 300 с.
- Риекстиньш Я. Депортация 14 июня 1941 г. в Латвии // Увезенные: 14 июня 1941 г. Книга Памяти. Рига, 2001. С. 725–744.
- Рогачев М.Б. Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1940–1944 гг.: Дис. ... канд. истор. наук. Сыктывкар, 2005. 204 с.
- Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. В 2-х т. М.: Просвет, 1991.
- Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. М.–Л., 1931.
- Сидоренко В.П. «Для выселения чеченцев и ингушей направить части НКВД». Документы о проведении спецоперации по депортации народов Чечено-Ингушской АССР. 1943–1944 // Исторический архив. 2000. № 3. С. 66–89.
- Сидоров В.А. Мероприятия по трудовому перевоспитанию бывших кулаков // Вопросы истории. 1964. № 11.
- Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник / Сост. М.Б. Смирнов. М.: Звенья, 1998. 559 с.
- Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930–1936. М.: Мосгорархив, 1995. 174 с.

- Словарь сокращений русского языка / Под. ред. Д.И. Алексеева. М.: Русский язык, 1984. 487 с.
- Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1985. 1600 с.
- Соколов А.К. «Ежовщина» // Власть и общество в СССР: политика репрессий. М., 1999.
- Солженицын А.И. Арихипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: опыт художественного исследования. В 3-х т. и 7 ч. М: Новый мир, 1990.
- Ссылка крестьян на Урал в 1930-е годы / Сост. И.Е. Плотников // Отечественная история. 1995. № 1.
- Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1951.
- Стродс Х.П. Депортация населения Прибалтийских стран // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 130–136.
- Суслов А.Б. Правовой статус спецпоселенцев на Урале в 30-х – начале 50-х гг. XX в. (Рукопись) // Архив И.В. Бердинских. Тезисы докладов и сообщений VI конференции Ассоциации «История и компьютер» (Звенигород, 26–29 марта 1998 г.) // Инф. бюлл. № 23. Март 1998 г. М., 1998.
- Тряхов В.Н. ГУЛАГ и война: жестокая правда документов. Пермь: Пушка, 2005. 400 с.
- Убушаев В. Калмыки: Выселение и возвращение, 1943–1957 гг. Элиста: Санан, 1991. 92 с.
- Увезенные: 14 июня 1941 г. Книга Памяти. Рига, 2001. 807 с.
- Федоров Н. Двигатель «перековки». Начальник Дмитлага С.Г. Фирин // Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга Памяти жертв политических репрессий. М., 2003. Вып. 7. С. 45–52.
- Филиппов С.Г. Деятельность органов ВКП(б) в западных областях Украины и Белоруссии в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. Вып. 1. С. 44–76.
- Финаров А.П. К вопросу о ликвидации кулачества как класса и о судьбе бывших кулаков в СССР // История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963.
- Хребтович-Бутенева О.А. Перелом (1939–1942). Париж: ИМКА-Пресс, 1984. 229 с.
- Цаплин В.В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175–181.
- Чебриков В.М. О выселении в 40–50 годах некоторых категорий граждан из западных районов СССР // Источник. 1996. № 1.
- Чебыкина Т. Депортация немецкого населения из европейской части СССР в Западную Сибирь (1941–1945 гг.) // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М.: Звенья, 1999. С. 118–127.
- Червонная С.М. Возвращение и интеграция крымских татар в Крыму: 1990-е годы // Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение. М., 1997. С. 145–182.
- Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. 2-е изд., испр., пер. с фр. М.: Изд-во «Три века истории», 2001. 780 с.
- Чудиновских Е.Н. «Мы люди, преданные Советскому Союзу» // Кировская правда. 1997. 14 февраля.
- Шабает Д.В. Правда о выселении балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1994. 288 с.
- Шашков В.Д. К вопросу о выселении раскулаченных семей в Северный край в 1930–1933 гг. // История Отечества. 1996. № 2.
- Шашков В.Я. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев. 1930–1954. Мурманск, 1996.
- Шашков В.Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск, 2000.
- Шашков В.Я. Спецпереселенцы на Мурмане: Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове. 1930–1936. Мурманск, 1993.
- Шендерюк М.Г. Кто они – первые переселенцы в самую западную? // Тезисы докладов и сообщений VI конференции Ассоциации «История и компьютер» (Звенигород, 26–29 марта 1998 г.) // Инф. бюлл. № 23. Март 1998 г. М., 1998. С. 142–144.
- Шилева Р.С. Из истории спецпоселений на территории Кировской области (1930–1955 гг.) // Из истории российских спецслужб (По материалам Вятского края). Киров, 2002. С. 62–70.
- Шуклецов В.Т. Из истории экспроприации и трудового перевоспитания кулачества в Сибирском крае // Из истории партийных и советских организаций Сибири. Новосибирск, 1962.
- Энциклопедия Земли Вятской. Откуда мы родом. Киров: Вятка, 1999. Т. 9: Культура. Искусство. 639 с.
- Conquest R. Soviet deportations of nationalities. L.– N.Y., 1960. 204 p.
- Dahlmann D. «Operation erfolgreich durchgeführt»: Die Deportationen der Wolgadeutschen 1941 // Flucht und Vertreibung: zwischen Aufrechnung und Verdrängung. Wien: Picus-Verlag, 1994. S. 201–226.
- Dahlman D., Hirschfeld G. Lager, Zwangsarbeit, Vertreibung und Deportation: Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945. Essen: Klartextverlag, 1999. 600 S.
- Eisfeld A. Die Russlanddeutschen. München, 1992.
- Eisfeld A., Herdt V. Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1996. 555 S.
- Gelb M. The Westerns Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations // Nationalities Papers. 1996. Vol. 24. № 2. P. 237–267.
- Gilbert M. Atlas of Russian History. Doprset Press, 1985. 148 p.
- Holquist P. «Conduct merciless mass terror»: decosackization on the Don, 1919 // Cahirs du Monde russe. 1997. Vol.28. No. 1–2. P. 127–162.
- Jakobson M. Origin of Gulag: The Soviet Prison Camp System. 1917–1934. Lousville: University Press of Kentucky, 1993.
- Martin T. The Origin of Soviet Ethnic Cleansing // The Journal of Modern History. December, 1998, Vol.70. № 4. P. 812–861.

Merl S. Das System der Zwangsarbeit und die Opferzahl im Stalinismus // Geschichte im Wissenschaft und Unterricht. 1995. Jg.46. Heft 5/6. S. 277–301.

Naimark N.M. Ethnic Cleansing in the Twentieth Century Europe / The Donald W. Treagold Papers in Russian, East European and Central Asian Studies. – The Henry M. Jackson Scholl of International Studies. The University of Washington. October 1998. No. 19. 54 p.

Pohl J.O. The Stalinist Penal System: A. Statistical History of Soviet Repression and Terror. 1930–1953. Jefferson, North Carolina and London: McFarland&Company, Inc., Pubishes, 1997. 165 p.

These Names Accuse. Nominal List of Latvians Deported to Russia in 1940–1941. Stockholm, 1982. 678 p.

Wheatcroft S. The Skale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings. 1930–1945 // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. № 8.

Перечень сокращений

- а/в – административно высланный
авт. – автор, автора, авторы; автономный (-ая)
Автодор – Всесоюзное общество содействия автомобильному и дорожному транспорту
адм. – административный
АДМО, адмотдел – административный отдел
АДМИНОРГУПР – административно-организационное управление
АКОРТ – Акционерное общество розничной торговли
АН – Академия наук
АО – автономная область; акционерное общество
АОО – административно-организационный отдел
АОУ – административно-организационное управление
АП РФ – Архив Президента Российской Федерации (бывший Архив Политбюро ЦК КПСС)
а/с, а/советский – антисоветский
АСА – антисоветская агитация
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
АССР НП – АССР немцев Поволжья
АСЭ – антисоветский элемент
АХО (адмхозотдел) – административно-хозяйственный отдел
АХУ (адмхозуправление) – административно-хозяйственное управление
АХЧ – административно-хозяйственная часть
АЧК – Азово-Черноморский край
б., быв., бывш. – бывший
б.б., б.белый – бывший белый (офицер)
БАМ – Байкало-Амурская магистраль
Батрачком – батрацкий комитет
ББК, ББКомбинат, Белбалткомбинат – Беломорско-Балтийский комбинат НКВД СССР
БВО – Белорусский военный округ
б/л – без нумерации листов (при описании архивных источников)
б/п – беспартийный
ВГГУ – Вятский государственный гуманитарный университет
ВД – ...внутренних дел
Верхсуд (ВС) – Верховный суд
ВК – военная коллегия
ВКЛ, Волгокаспийлес – Объединение лесной и деревообрабатывающей промышленности Камского и Нижне-Волжского районов
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВКСХШ – Высшая колхозная сельскохозяйственная школа
ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи
ВМН – высшая мера наказания
в/н – вольнонаемный, вольнонаемные
ВО – военный округ
ВОСО – служба военных сообщений
Востоксталь – Государственное Всесоюзное объединение металлургической, железорудной и марганцевой промышленности восточной части СССР
Востокуголь – Управление нового шахтного строительства Государственного объединения каменноугольной промышленности восточной части СССР
Востсиблес, Востсиблеспром – Восточно-Сибирское государственное объединение лесной промышленности и лесного хозяйства
ВОХР – военизированная охрана
ВПК – Всесоюзный переселенческий комитет при СНК СССР
ВПО – военизированная пожарная охрана

врид – временно исполняющий дела
 врио – временно исполняющий обязанности
 ВС – Верховный Совет
 в/с – внутренней службы (при обозначении специального звания)
 в/с – военнослужащий
 Всекобанк – Всесоюзный кооперативный банк
 Всеколес, Всеколеспромсоюз – Всероссийский кооперативный лесной союз
 Всекоопинсоюз – Всероссийский союз кооперативных объединений инвалидов
 Всекоопромрыбаксоюз – Всероссийский кооперативно-промысловый союз рыбаков
 Всекоохотсоюз – Всероссийский союз промыслово-охотничьих кооперативов
 Всекопромсовет – Всесоюзный совет республиканских центров промысловой кооперации
 Всехимпром – Всесоюзное объединение химической промышленности
 ВСК, Вост.Сибкр., Востсибкрай – Восточно-Сибирский край
 ВСНХ – Высший Совет Народного Хозяйства
 ВСПК, Всекопромсоюз – Всероссийский союз промысловой кооперации
 ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
 ВЦСПС – Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов
 в/ч – воинская (войсковая) часть
 ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности
 Вятлаг – Вятский ИТЛ НКВД–МВД СССР
 ГААО – Государственный архив Архангельской области
 ГААО. Отдел ДСПИ – Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории
 ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
 ГАРФ, ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации (бывший ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства)
 ГАСПИ (РГАСПИ) – Государственный архив социально-политической истории (бывший РЦХИДНИ – Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории; ранее ЦПА ИМЭЛ – Центральный партийный архив Института Маркса-Энгельса-Ленина)
 ГБ, г.б., г/б – государственная безопасность, государственной безопасности (при обозначении специального звания)
 ГДР – Германская Демократическая Республика
 ГК, горком – городской комитет
 ГКК – Гражданская Кассационная Коллегия (Верховного суда)
 ГКО, ГОКО – Государственный Комитет Оборона СССР
 Главгазпром – Главное управление газовой промышленности
 Главзолото – Главный комитет золото-платиновой и серебряной промышленности
 Главлес – Главное управление лесной промышленности
 ГОК – горно-обогатительный комбинат
 гол. – голова (домашний скот)
 ГОРОНО – городской отдел народного образования
 Горьккрай, Горькрай – Горьковский (до 1934 г. – Нижегородский) край
 Госбанк – Государственный банк СССР
 Госплан – Государственная плановая комиссия (Государственный плановый комитет) при СНК (Совете Министров) СССР
 Госстрах – Главное правление государственного страхования
 ГП – Генеральная прокуратура СССР
 ГПУ – Главное политическое управление
 ГРЭС – государственная районная электростанция
 ГСФ – Государственный семенной фонд
 ГТСК и ГК, Гострудсберкассы и ГК – Государственные трудовые сберегательные кассы и государственный кредит
 ГТУ – Главное тюремное управление
 ГУ – Главное управление
 ГУАС – Главное управление аэродромного строительства НКВД СССР
 губ. – губерния, губернский
 ГУВС – Главное управление военного строительства
 ГУГБ – Главное управление государственной безопасности
 ГУ Дорстрой – Главное управление дорожного строительства
 гужсила – гужевая сила
 ГУИТК – Главное управление исправительно-трудовых колоний
 ГУИТЛ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей
 ГУИТЛК – Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
 ГУИТУ – Главное управление исправительно-трудовых учреждений
 ГУЛАГ – Главное управление лагерей (исправительно-трудовых лагерей и колоний) ОГПУ–НКВД–МВД СССР

ГУЛГМП – Главное управление лагерей горно-металлургической промышленности
 ГУЛГТС – Главное управление лагерей гидротехнического строительства
 ГУ Лесоспирт – Главное управление лесоспиртовой промышленности
 ГУЛЖДС – Главное управление лагерей железнодорожного строительства
 ГУЛиК – Главное управление лагерей и колоний
 ГУЛЛП – Главное управление лагерей лесной промышленности
 ГУЛПС (Главпромстрой) – Главное управление лагерей промышленного строительства
 ГУМЗ, ГУМЗак – Главное управление мест заключения
 ГУОБР – Главное управление оборонительных работ
 ГУПР – Главное управление принудительных работ
 ГУ Промкооперации – Главное управление промышленной кооперации
 ГУПВИ – Главное управление по делам военнопленных и интернированных (до 1945 г. – УПВИ)
 ГУПО – Главное управление пограничной охраны
 ГУРКМ – Главное управление рабоче-крестьянской милиции
 ГУРК НАРК – Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми»
 ГУСДС (Дальстрой) – Главное управление строительства по Дальнему Северу
 ГУСМП, Главсевморпуть, ГУ Севморпуть – Главное управление Северного морского пути
 ГУ Снаблес – Главное управление снабжения лесной промышленности
 ГУ Трудрезервов – Главное управление трудовых резервов
 ГУШОСДОР – Главное управление шоссейного и дорожного строительства
 ГЭС – гидроэлектростанция
 Д., д. – дело, единица хранения (при описании архивных источников); деревня; десятина
 Дальлаг – Дальне-Восточное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
 Дальстрой – Государственный трест по промышленному и дорожному строительству в районе Верхней Колымы
 (1931 год), Главное управление строительства Дальнего Севера (1938 год)
 ДВК, Д.В. Край – Дальне-Восточный край
 д/дом, детдом – детский дом
 дезкамера – дезинфекционная камера
 дезо-средства – дезинфицирующие средства
 ДОК – деревообделочный (деревообрабатывающий) комбинат
 домзак – дом заключения
 дп – дополнительное питание
 ДТО – дорожно-транспортный отдел
 ЕПО – единое потребительское общество
 ЕСХН – единый сельскохозяйственный налог
 ЖДО (ОЖДТ) – железнодорожный отдел (отдел железнодорожного транспорта)
 Заготзерно – Всесоюзное объединение по заготовке зерновых, бобовых, крупяных, масличных и фуражных культур
 ЗАГС (ОЗАГС) – отдел записи актов гражданского состояния
 запфонды – запасные фонды
 земорган – земельный орган
 земфонд – земельный фонд
 Зернотрест – Государственное объединение зерновых советских хозяйств Наркомзема СССР
 з/к, зк., зк.к. – заключенный, заключенные
 ЗО – земельный отдел
 ЗРК – закрытый рабочий кооператив
 ЗСК, ЗСКрай, Зап.Сибкр., Запсибкрай – Западно-Сибирский край
 ЗСФСР – Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика
 ЗУ (зу) – земельное управление
 избач – руководитель избы-читальни
 ИМЗ – инспекция мест заключения
 ИНФАГО – информационно-агентурный отдел
 ИНФО (Информотдел) – информационный отдел
 Инфстатчасть – информационно-статистическая часть
 ИПО – Ивановская промышленная область
 ИПХ – «Истинно православные христиане»
 ИТД, исправдом – исправительно-трудовой дом
 ИТК – исправительно-трудовая колония
 ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
 ИТЛиК (ИТЛК) – исправительно-трудовые лагеря и колонии
 ИТП – инженерно-технический персонал
 ИТР – исправительно-трудовые работы (также: инженерно-технические работники)
 ИТУ – исправительно-трудовое учреждение
 ИЦ – информационный центр

КА – Красная Армия
 кав. – кавалерийский
 Казлаг – Казахское управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
 КБО – коммунально-бытовой отдел
 КБЧ – коммунально-бытовая часть
 КВО – культурно-воспитательный отдел (отделение)
 КВЧ – культурно-воспитательная часть
 КГБ – Комитет государственной безопасности
 КЗОТ – Кодекс законов о труде
 КИО – контрольно-инспекторский отдел
 КК – контрольная комиссия
 КМК – Кузнецкий металлургический комбинат
 колдоговор – коллективный договор
 колфонд – колонизационный фонд
 Колхозбанк, Союзколхозбанк – Всесоюзный сельскохозяйственный кредитно-колхозный банк
 Колхозцентр – Всесоюзный союз сельскохозяйственных коллективов
 ком. – коммунистический; коммунальный
 комбед – комитет бедноты
 Комзаг – Комитет по заготовкам при СНК СССР
 Комилес – Государственный трест Наркомата лесной промышленности Коми области (АО, АССР)
 Комсеверпуть – Комитет Северного морского пути при СНК СССР
 комсод – комиссия содействия
 КП(б) – Коммунистическая партия (большевиков)
 КПЗ – камера предварительного заключения
 КПК – Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б)
 КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
 к-р, к. – р., к. р. – контрреволюционный
 КРА – контрреволюционная агитация
 крайисполком (КИК, крайИК) – краевой исполнительный комитет
 крайком (КК) – краевой комитет
 КРГ – контрреволюционная группа
 КРД – контрреволюционная деятельность
 КРО – контрразведывательный отдел
 КРС, крупскот – крупный рогатый скот
 КРТД – контрреволюционная троцкистская деятельность
 КРЭ – контрреволюционный элемент
 КСК – Комиссия советского контроля при СНК СССР
 КСМ – Коммунистический союз молодежи
 Кузбассуголь – Союзный трест каменноугольной промышленности Кузнецкого и Минусинского бассейнов
 Кузнецкстрой – Государственное управление по постройке Кузнецкого металлургического завода
 КУЛ – Камо-Уральский лесной трест
 культбыт. (условия) – культурно-бытовые (условия)
 культкадры – кадры культурного просвещения населения
 культобслуживание – культурное обслуживание
 Культпроп – Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б)
 культпросветработник – работник системы культурного просвещения
 кустпромартель – кустарно-промысловая артель
 Кустпромсоюз – союз кустарно-промысловой кооперации
 Л. – Ленинград; лист (при описании архивных источников)
 лагпункт – лагерный пункт
 лекпом – лекарский помощник
 лескооп, лескооперация – лесная кооперация
 лесотрест – лесной трест
 леспродторг – отдел торговли лесопромышленного предприятия (объединения, треста)
 лесрабкооп – лесной рабочий кооператив
 лечучреждение – лечебное учреждение
 ЛВО – Ленинградский военный округ
 л/з, л/заготовки, лесзаг, лесозаготовки, лесоповал – лесные заготовки
 ЛЗО – лесозаготовительный отряд
 ликбез – ликвидация безграмотности
 ЛО, л/о, л/отделение, лаготделение – лагерное отделение
 ЛП, л/п, л/пункт – лесной пункт; лагерный пункт
 ЛПХ, леспромхоз – лесопромышленное хозяйство

л.с. – лошадиная сила
л-т – лейтенант
ЛТО – линейный транспортный отдел
ЛТХ, лестранхоз – лесопромышленное хозяйство транспортного предприятия
л/участок – лесной участок
Льноконоплеводтрест – Всесоюзный государственный трест льняных и конопляных советских хозяйств
ЛЭП – линия электропередач
м. – местечко
М. – Москва
Магнитострой – Управление строительством Магнитогорского металлургического завода
МВД – Министерство внутренних дел
МВО – Московский военный округ
МГБ (НКГБ) – Министерство (Наркомат) государственной безопасности
МГК – Межрайонная государственная комиссия по определению урожайности
МГУ – Московский государственный университет
МКК – Международный Красный Крест
м/н – мобилизованные немцы
МО – Московская область (Московский округ)
МОПР – Международная организация помощи борцам революции
МПЛ, мехлесопункт – механизированный лесопромышленный пункт
МСМ – Министерство среднего машиностроения
МТМ – машинно-тракторная мастерская
МТС – машинно-тракторная станция
МТФ – молочно-товарная ферма
м/часть – медицинская часть
нарком – народный комиссар
наркомат – народный комиссариат
Наркомавиапром (НКАП) – Народный комиссариат авиационной промышленности
Наркомавтопром – Народный комиссариат автомобильной промышленности
Наркомавтотранспорт – Народный комиссариат автомобильного транспорта
Наркомбоеприпасов (НКБ) – Народный комиссариат промышленности боеприпасов
Наркомбумпром – Народный комиссариат бумажной промышленности
Наркомвнешторг – Народный комиссариат внешней торговли
Наркомвнудел (НКВД) – Народный комиссариат внутренних дел
Наркомвод – Народный комиссариат водного транспорта
Наркомводхоз – Народный комиссариат водного хозяйства
Наркомвоенмор, Наркомвоенморфлот – Народный комиссариат по военным и морским делам
Наркомвооружения (НКВ) – Народный комиссариат вооружения
Наркомгражданстрой – Народный комиссариат гражданского строительства
Наркомзаг (Наркомзаготовок) – Народный комиссариат заготовок
Наркомздрав (НКЗдрав) – Народный комиссариат здравоохранения
Наркомзем (НКЗ, НКЗем) – Народный комиссариат земледелия
Наркомкожпром – Народный комиссариат кожевенной промышленности
Наркомкомхоз – Народный комиссариат коммунального хозяйства
Наркомлегпром (НКЛегпром, НКЛП) – Народный комиссариат легкой промышленности
Наркомлес (НКлес, НКЛеспром, НКЛП) – Народный комиссариат лесной промышленности
Наркоммашстрой – Народный комиссариат машиностроения
Наркомместпром – Народный комиссариат местной промышленности
Наркомминометвооружения (НКМВ) – Народный комиссариат минометного вооружения
Наркомморфлот – Народный комиссариат морского флота
Наркоммясморпром – Народный комиссариат мясной и молочной промышленности
Наркомнефть – Народный комиссариат нефтяной промышленности
Наркомпищепром (НКППром, НКПП) – Народный комиссариат пищевой промышленности
Наркомпочтель (НКПочтель, НКПиТ) – Народный комиссариат почт и телеграфов
Наркомпрос (НКПрос) – Народный комиссариат просвещения
Наркомрезинпром – Народный комиссариат резиновой промышленности
Наркомречфлот – Народный комиссариат речного флота
Наркомрыбпром – Народный комиссариат рыбной промышленности
Наркомсвязь (НКСвязь, НКС) – Народный комиссариат связи
Наркомснаб (НКСнаб, Союзнаркомснаб) – Народный комиссариат снабжения
Наркомсобес (НКСобес, НКСО) – Народный комиссариат социального обеспечения
Наркомсовхозов (НКСовхозов) – Народный комиссариат зерновых и животноводческих совхозов
Наркомсредмашстрой – Народный комиссариат среднего машиностроения

Наркомстанкостроения – Народный комиссариат станкостроения
 Наркомстрой – Народный комиссариат строительства
 Наркомстройматериалов – Народный комиссариат промышленности строительных материалов
 Наркомсудостроения – Народный комиссариат судостроительной промышленности
 Наркомтанкопром – Народный комиссариат танковой промышленности
 Наркомтекстильпром – Народный комиссариат текстильной промышленности
 Наркомтопливпром (Наркомтоп) – Народный комиссариат топливной промышленности
 Наркомторг (НКТорг, НКТ, Союзнаркомторг) – Народный комиссариат торговли
 Наркомтруд (НКТруд, НКТ) – Народный комиссариат труда
 Наркомтяжпром (НКТяжпром, НКТПром, НКТП) – Народный комиссариат тяжелой промышленности
 Наркомуголь (НКУ, НКУП) – Народный комиссариат угольной промышленности
 Наркомфин (НКФин, НКФ) – Народный комиссариат финансов
 Наркомхимпром – Народный комиссариат химической промышленности
 Наркомцветмет (НКЦМ) – Народный комиссариат цветной металлургии
 Наркомчермет – Народный комиссариат черной металлургии
 Наркомэлектропром – Народный комиссариат электропромышленности
 Наркомэлектростанций (Наркомэлектро) – Народный комиссариат электростанций и электропромышленности
 Наркомюст (НКЮст, НКЮ) – Народный комиссариат юстиции
 н/артель – неуставная артель
 начсостав – начальствующий состав
 НВК – Нижне-Волжский край
 н/з – народный заседатель; неприкосновенный запас
 Нижкрай – Нижегородский край
 НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
 НКИД – Народный комиссариат иностранных дел
 НКО (Наркомобороны) – Народный комиссариат обороны
 НКПС (Наркомпуть) – Народный комиссариат путей сообщения
 нп. – населенный пункт
 НТС – Народно-Трудовой Союз
 НЭП, нэп – новая экономическая политика
 ОАГС – Отдел (записей актов гражданского состояния)
 ОАО – областной административный отдел
 обком – областной комитет
 обкомпарт – областной комитет ВКП(б)
 облздравотдел – отдел здравоохранения областного исполнительного комитета
 облкустпромхоз – областной союз промысловой кооперации
 облпрокуратура – областная прокуратура
 облсоюз – областной союз
 облснаб – областной отдел снабжения
 ОБЛОНО, ОБОНО, ОНО, облнаробраз – областной отдел народного образования
 ОВИР – отдел виз и регистраций
 ОВПО – отдел военизированной пожарной охраны
 ОГПУ, ГПУ – Объединенное главное политическое управление при СНК СССР
 ОГУ – областное государственное учреждение
 ОДД – Общество «Друг детей»
 ОДН – Общество «Долой неграмотность»
 ОЖКЗ – острые желудочно-кишечные заболевания
 ОЗУ, Облзу – земельное управление областного исполнительного комитета
 ОИК, облисполком – областной исполнительный комитет
 ОИО – организационно-инспекторский отдел
 ОИС – отдел интендантского снабжения
 ОИТК – отдел (отделение) исправительно-трудовых колоний
 ОИТЛК – отдел исправительно-трудовых лагерей и колоний
 ОК – отдел кадров; оздоровительный комплекс
 ОК, обком, областком – областной комитет
 ОКК – контрольная комиссия обкома (окружкома) ВКП(б)
 ОКР – отдел контрразведки
 окр. – окружной; округ
 ОкраО – окружной административный отдел
 окрисполком – окружной исполнительный комитет
 ОКРО – окружной отдел
 окружком, окрком – окружной комитет
 ОКС – отдел капитального строительства

ОЛП – отдельный лагерный пункт
 ОЛТП – отдел лагерей и трудовых поселений
 ОМЗ – отдел мест заключения
 ОМЗ ТП – отдел мест заключения и трудовых поселений
 ОНОТ (отдел НОТ) – отдел научной организации труда
 ОО, оперод – оперативный отдел
 ОО, ОСО – особый отдел
 ООП – отдельный оздоровительный пункт
 ООС – отдел общего снабжения; оперативно-осведомительная служба
 ОП – оздоровительный пункт
 Оперчасть – оперативная часть
 ОПП – оздоровительно-профилактический пункт
 ОПР – отдел принудительных работ
 ОПУ – оздоровительно-профилактическое учреждение
 орготдел – организационный отдел
 ОРПО – отдел руководящих партийных органов
 ОРС – отдел рабочего снабжения
 ОСНАЗ – особого назначения
 ОСО – Особое совещание при народном комиссаре (министре) внутренних дел (НКВД-НКГБ-МВД-МГБ) СССР
 ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству СССР
 Отдел ДСПИ – отдел документов социально-политической истории (в архивах)
 ОТиЗ – отдел организации труда и заработной платы
 ОТК – отдел трудовых колоний
 ОТП (ОСП) – отдел трудовых (специальных) поселений
 ОТП МЗ – отдел трудовых поселений и мест заключения
 ОТС – отдел технического снабжения
 ОТСП – отдел трудовых и специальных поселений
 о/у, о/уп, о/уполномоченный – оперативный уполномоченный («кум»)

ОУН – Организация украинских националистов
 ОУРЗ – отдел учета (укомплектования) и распределения осужденных
 ОЧО – оперативно-чеккистский отдел
 ПБ – Политбюро
 ПВС – Президиум Верховного Совета
 ПГКО – постановление ГКО
 ПК – подготовительная комиссия
 п/к – подкомандировка (лагерного пункта)
 п/комендант – поселковый комендант
 ПО – потребительское общество; политический отдел; промышленный отдел; плановый отдел
 п/о – почтовое отделение (код)
 полпред – полномочный представитель
 потребсоюз – потребительский союз
 п.п., п/п – подлинник подписал
 п/п – политико-просветительная (работа)
 п/полк., п/п, п/полковник – подполковник
 ПП ОГПУ – полномочное представительство ОГПУ
 Приморзолото – Государственный всесоюзный Приморский золотопромышленный трест
 ПРО – производственный отдел
 промкооперация – промышленная кооперация
 промстройматериалы – промышленно-строительные материалы
 ПУ – приисковое управление
 ПФЛ – проверочно-фильтрационный лагерь
 ПФП – проверочно-фильтрационный пункт
 ПЭС – производственно-экономический сектор
 РАН – Российская академия наук
 РАП – районный административный пункт
 РАУ – работники административных учреждений
 РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
 РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории (бывший ЦХСД – Центр хранения современной документации)
 РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
 РГАЭ – Российский государственный архив экономики (бывший ЦГАНХ – Центральный государственный архив народного хозяйства СССР)
 РГВА – Российский государственный военный архив (бывший ЦХИДК – Центр хранения историко-документальных коллекций, ранее ЦГОА – Центральный государственный особый архив)

РИК, райисполком – районный исполнительный комитет
 РК, райком – районный комитет
 РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
 РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция
 РКК – районная контрольная комиссия
 РО – районный отдел (районное отделение)
 РОА – Русская Освободительная Армия
 РОВС – Российский общевоинской союз
 РОКК – Российское общество Красного Креста
 РОНО, райОНО – отдел народного образования районного исполнительного комитета
 РПУ – районное переселенческое управление
 РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
 РФ – Российская Федерация
 ряд. – рядовой
 Сазлаг – Средне-Азиатский исправительно-трудовой лагерь
 санмедобеспечение – санитарно-медицинское обеспечение
 САНО – санитарный отдел
 СВБ (ОВБ) – Союз (общество) воинствующих безбожников
 СВГ – Ставка Верховного Главнокомандующего (Главкомандования)
 СВК – Средне-Волжский край
 СГУ – Сыктывкарский государственный университет
 Сельмашстрой – завод сельскохозяйственного машиностроения
 селпо, с/по – сельское потребительское общество
 Сельхозбанк – Всесоюзный сельскохозяйственный банк СССР
 семсуда – семенная суда
 семфонд – семенной фонд
 СЗ – Собрание законов (законодательства)
 Сибкрай – Сибирский край
 Сиблаг – Сибирское управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
 Сибулон – Сибирское управление лагерей особого назначения
 СК, Севкрай – Северный край
 с/к – ссыльный кулак
 СКК, Сев.Кав.край – Северо-Кавказский край
 СККОВ – сельский комитет крестьянской общественной взаимопомощи
 сл. – слобода
 СЛОН – Соловецкие лагеря особого назначения
 СМ (Совмин) – Совет Министров
 СМЕРШ (ГУКР/СМЕРШ) – Главное управление военной контрразведки (от «Смерть шпионам!»)
 СНК (Совнарком) – Совет Народных Комиссаров
 СО – следственный отдел (отделение)
 собес – социальное обеспечение; отдел социального обеспечения
 Совнархоз – Совет Народного Хозяйства
 Совторгфлот – акционерное общество «Советский торговый флот»
 СОЗ, ТОЗ, ТСОЗ – товарищество по совместной обработке земли
 СОУ – следственно-оперативное (секретно-оперативное) управление
 Соцзембанк – Банк финансирования социалистического земледелия
 СОЧ – секретно-оперативная часть
 СОЭ – социально опасный элемент
 Союзрыба – Всесоюзное объединение рыбной промышленности
 Союзхлеб – Всесоюзное государственное акционерное общество хлебопроизводителей
 с/п, с/пер., сп/пер., с/переселенец – спецпереселенец
 с/п, с/пос., сп/пос., с/поселенец – спецпоселенец
 с/п, с/поселок – специальный поселок
 СПб. – Санкт-Петербург
 Спецорганы – специальные (силовые, карательные, правоохранительные, правоприменительные, уголовно-исполнительные и т. п.) органы государственного управления
 Спецотдел – отдел специального учета
 Спецучреждения – специальные учреждения
 Спецкомендант – комендант спецкомендатуры (спецпоселка) ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ
 Спецкомендатура – специальная комендатура
 Спецпоселение – специальное поселение
 Спецссылка, сп/ссылка – специальная ссылка (спецпоселение)
 Спец(труд)поселок – специальный (трудовой) поселок

СПО – секретно-политический отдел
СПРУ – Сибирское районное переселенческое управление
СПС – совет профессиональных союзов
Средазбюро – Средне-Азиатское бюро ЦК ВКП(б)
сс, с.с. – совершенно секретно
ССР – советская социалистическая республика
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
стан/совет – станичный совет
СТЗ – Сталинградский тракторный завод
СТО – Совет Труда и Оборона
СУ – Собрание узаконений (законов) и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР
СЧЭ – социально чуждый элемент
США, САСШ – Соединенные (Северо-Американские) Штаты Америки
т/а – «трудоармия», «трудоармеец»
т/день – трудодень
ТЗО – торгово-заготовительный (торгово-закупочный) отдел
т/индустрия – тяжелая индустрия
ТЛО – транспортное линейное отделение
т/м, т/моб., т/мобилизованный – «трудмобилизованный»
ТО – транспортный отдел
Торготдел – торговый отдел
ТП – трудовое поселение
т/п, т/переселенец – трудпереселенец
т/п, т/поселенец – трудпоселенец
т/поселок – трудпоселок (поселок трудпоселенцев)
ТШП – товары широкого потребления
ТЭЦ – теплоэлектроцентраль
УГБ – управление государственной безопасности
УД – управление делами
УИТК – управление исправительно-трудовых колоний
УИТЛ – управление исправительно-трудовых лагерей
УИТЛК – управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
УИТЛК и ТП – управление исправительно-трудовых лагерей, колоний и трудовых поселений
УИТУ – управление исправительно-трудовых учреждений
УК – Уголовный кодекс
УКК – Уголовная кассационная коллегия
Указ ПРФ – Указ Президента Российской Федерации
УЛАГ – Управление лагерями ОГПУ (до 1930 года)
УЛИТУ – управление лесных исправительно-трудовых учреждений
УЛИУ – управление лесных исправительных учреждений
УЛЛП – Управление лагерей лесной промышленности
УЛСПЧМ – Управление лагерями по строительству предприятий черной металлургии
УМВД (УВД) – территориальное (в краях и областях) Управление Министерства внутренних дел
УНКВД – территориальное (в краях и областях) Управление НКВД
УНКГБ (УМГБ) – территориальное (в краях и областях) Управление НКГБ (МГБ)
УНХУ – Управление народно-хозяйственного учета
УОиР – Управление охраны и режима
У/ОИТК – Управление (отдел) исправительно-трудовых колоний
У/ОИТЛК – Управление (отдел) исправительно-трудовых лагерей и колоний
УПА – Украинская повстанческая армия
УПВС – Указ Президиума Верховного Совета
УПК – Уголовно-процессуальный кодекс
уполн. – уполномоченный
уполнаркомлес – уполномоченный Наркомата лесной промышленности
УР, Угро – уголовный розыск
УРС – управление рабочего снабжения
УРЧ – учетно-регистрационная (распределительная) часть
УСО – учетно-статистический отдел
УТП – Управление топливной промышленности НКВД СССР
УФСБ – Управление Федеральной службы безопасности
уч. комендатура – участковая комендатура
ф., Ф. – фонд (при описании архивных источников)
ФЗО – фабрично-заводское обучение

ФЗУ – фабрично-заводское училище
 ФИНО, фино – финансовый отдел
 финорган – финансовый орган
 ФО – финансовый отдел
 ФРГ – Федеративная Республика Германия
 ФСБ – Федеральная служба безопасности
 ф/часть – финансовая часть
 Хлебоцентр – Всесоюзный союз сельскохозяйственной кооперации по переработке, производству и сбыту зерновых
 и масличных культур
 хут. – хутор
 ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны РФ (Подольск)
 ЦАОДМ – Центральный архив общественных движений
 ЦАРМ – центральные авторемонтные мастерские
 ЦА ФСБ РФ – Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
 ЦБК – целлюлозно-бумажный комбинат
 Цветметзолото, ЦМЗ – Государственный трест по переработке цветных металлов
 Цекобанк – Всесоюзный банк финансирования коммунального и жилищного строительства
 Центросоюз – Центральный союз потребительских обществ СССР
 ЦГАКФ – Центральный государственный архив кинофотодокументов РФ
 ЦИК, ЦИКС – Центральный Исполнительный Комитет СССР
 Цит. – цитата, цитируется (при указании источников)
 ЦИТО – Центральный исправительно-трудовой отдел
 ЦК – Центральный комитет
 ЦКК – Центральная контрольная комиссия
 ЦКО – Центральный карательный отдел
 ЦО – Центральный отдел
 ЦПРМ – центральные паровозоремонтные мастерские
 ЦПЧ – цензурская и почтово-посылочная часть
 ЦПФО, ЦФПО – Центральный планово-финансовый (финансово-плановый) отдел
 ЦРК – Центральный рабочий кооператив
 ЦРМ, ЦРММ – центральные ремонтные (ремонтно-механические) мастерские
 ЦУДОТРАНС – Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта
 ЦХДМО – Центр хранения документов молодежных организаций (бывший Архив ЦК ВЛКСМ)
 ЦЧО – Центрально-Черноземная область
 ЦЭС – центральная электростанция
 ЧИС – часть интендантского снабжения
 ЧОН – часть особого назначения
 ЧОС – часть общего снабжения
 ЧП – чрезвычайное происшествие
 ЧСИР – член (члены) семьи (семей) изменника (изменников) Родине (родине)
 ЧТЗ – Челябинский тракторный завод
 ШКМ – школа колхозной молодежи
 Штрафкомендатура – штрафная комендатура (спецпоселение, спецпоселок)
 ШИЗО (штрафизолятор) – штрафной изолятор
 ЭКО – экономический отдел
 ЭКОСО – Экономическое совещание
 Южураллес – Южно-Уральское государственное объединение лесной промышленности и лесного хозяйства

Оглавление

Предисловие	3
Введение	5
Глава 1. Политико-правовые основы возникновения и развития советской системы спецпоселений в 1930–1940-е годы.....	16
§ 1. Возникновение массовой политической ссылки в Советском Союзе: «кулацкая ссылка».	16
§ 2. 1941–1944 годы: период этнических депортаций	44
§ 3. 1945–1950-е годы: стабилизация системы спецпоселений и предпосылки ее распада	71
Глава 2. Особенности инфраструктуры системы спецпоселений	91
§ 1. Особенности структуры управления и надзора в спецпоселениях.....	91
§ 2. Экономика системы спецпоселений.	108
§ 3. Спецпоселение как среда обитания.	135
§ 4. Человек в спецпоселении.....	158
Заключение	181
Приложения	185
Список использованных источников и литературы.....	226
Перечень сокращений.....	233

ISBN 978-5-906394-27-9

Научное издание

В.А. Бердинских, И.В. Бердинских, В.И. Веремьев

**СИСТЕМА СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ 1930–1950-х ГОДОВ**

Печатается по решению
Коми регионального отделения
Российского исторического общества

Технический редактор – Н.К. Забоева
Оригинал-макет – О.Н. Низовцев

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 1/8. Подписано в печать 15.12.2015.
Уч.-изд. л. 27,5. Усл. печ. л. 31,5. Тираж 300 экз. Заказ № 77.

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.